Тем, что эта книга дошла до Вас, мы обязаны в первую очередь библиотекарям, которые долгие годы бережно хранили её. Сотрудники Google оцифровали её в рамках проекта, цель которого – сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Эта книга находится в общественном достоянии. В общих чертах, юридически, книга передаётся в общественное достояние, когда истекает срок действия имущественных авторских прав на неё, а также если правообладатель сам передал её в общественное достояние или не заявил на неё авторских прав. Такие книги – это ключ к прошлому, к сокровищам нашей истории и культуры, и к знаниям, которые зачастую нигде больше не найдёшь.

В этой цифровой копии мы оставили без изменений все рукописные пометки, которые были в оригинальном издании. Пускай они будут напоминанием о всех тех руках, через которые прошла эта книга – автора, издателя, библиотекаря и предыдущих читателей – чтобы наконец попасть в Ваши.

Правила пользования
Мы гордимся нашим сотрудничеством с библиотеками, в рамках которого мы оцифровываем книги в общественном достоянии и делаем их доступными для всех. Эти книги принадлежат всему человечеству, а мы – лишь их хранители. Тем не менее, оцифровка книг и поддержка этого проекта стоят немало, и поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые меры, чтобы предотвратить коммерческое использование этих книг. Одна из них – это технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас:

- **Не использовать файлы в коммерческих целях.** Мы разработали программу Поиска по книгам Google для всех пользователей, поэтому, пожалуйста, используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- **Не отправлять автоматические запросы.** Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого рода. Если Вам требуется доступ к большим объёмам текстов для исследований в области машинного перевода, оптического распознавания текста, или в других похожих целях, свяжитесь с нами. Для этих целей мы настоятельно рекомендуем использовать исключительно материалы в общественном достоянии.
- **Не удалять логотипы и другие атрибуты Google из файлов.** Изображения в каждом файле помечены логотипами Google для того, чтобы рассказать читателям о нашем проекте и помочь им найти дополнительные материалы. Не удаляйте их.
- **Соблюдать законы Вашей и других стран.** В конечном итоге, именно Вы несёте полную ответственность за Ваши действия – поэтому, пожалуйста, убедитесь, что Вы не нарушаете соответствующие законы Вашей или других стран. Имейте в виду, что даже если книга более не находится под защитой авторских прав в США, то это ещё совсем не значит, что её можно распространять в других странах. К сожалению, законодательство в сфере интеллектуальной собственности очень разнообразно, и не существует универсального способа определить, как разрешено использовать книгу в конкретной стране. Не рассчитывайте на то, что если книга появилась в поиске по книгам Google, то её можно использовать где и как угодно. Наказание за нарушение авторских прав может оказаться очень серьёзным.

О программе
Наша миссия – организовать информацию во всём мире и сделать её доступной и полезной для всех. Поиск по книгам Google помогает пользователям найти книги со всего света, а авторам и издателям – новых читателей. Чтобы произвести поиск по этой книге в полнотекстовом режиме, откройте страницу `http://books.google.com`.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

05
М-82

МОСКВИТЯНИНЪ.

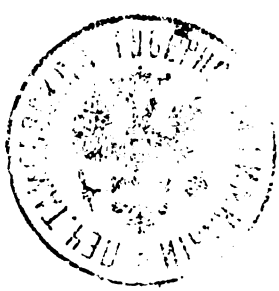
ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. ПОГОДИНЫМЪ.

1455

ЧАСТЬ V.

#9,10



МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.
1843.

Digitized by Google

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Августа 18 дня 1843 года.
Цензоръ *В. Флеровъ.*

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1843.

ЧАСТЬ V.

N 9.

AP
M9143
1843
9-10

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

МОНАХИНЯ,

Историческая сцена.

Въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Тихій лѣтній вечеръ; въ кельѣ у открытаго окна сидятъ двѣ монахини, одна молодая, другая пожилыхъ лѣтъ. Молодая занимается рукодѣльемъ; старшая смотритъ пристально на Москву, видиѣющуюся вдали.

МОЛОДАЯ.

Ну, слава Богу, мать! я скоро кончу....
И воздухи блестящіе мои
Назавтра, въ день Успенія Пречистой,
На алтарѣ святомъ увижу я!

(Молчаніе).

Digitized by Google

Честная мать!... Да ты меня не слышишь....
Ты думою привычной занята....
Ты смотришь вновь на свой любимый городъ....
О! удостой хотя единымъ взглядомъ
Мой давній, долгій трудъ! со мною вмѣстѣ
Порадуйся счастливому концу....

(Встаетъ и подноситъ ей свою работу).

СТАРШАЯ *(разсѣянно).*

Да, хорошо!... прекрасно!... въ самомъ дѣлѣ
Ты лучшая межъ всѣхъ насъ мастерица.

МОЛОДАЯ.

Подумай, мать, какъ чудно за обѣдней
Надъ золотымъ сосудомъ заблестятъ
Шитье и канитель!... И всё-же ты,
Ты мнѣ дала парчу, и бить, и блестки....
Моя лишь только здѣсь одна работа,
И Божій храмъ не я, а ты украсишь
Симъ приношеніемъ! Мнѣ, сиротѣ,
Щедротами твоими проживавшей,
Мнѣ-бъ не на-что добыть такой запасъ....

(Помолчавъ).

Счастлива ты, что золота такъ много
Есть у тебя.... что власть оно даетъ....

СТАРШАЯ *(живо перебивая).*

Счастлива я?... властна?... О Провидѣнье!...
Ты вѣдаешь о томъ!!!.. *(Опять впадаетъ въ задумчивость).*

МОЛОДАЯ.

Ты сердишься?... Прости! хотя не знаю,
Зачѣмъ мои слова тебѣ противны.

(Цѣлуетъ у нее руку).

Прошу тебя, разсѣй тоску свою,
Приди въ себя!... Мнѣ больно, страшно видѣть,
Когда ты такъ грустишь....

СТАРШАЯ.

Нѣтъ, дочь моя,
Я не скорблю.... я думаю!... подъ старость
И думы на печаль подъ часъ похожи!

Digitized by Google

МОЛОДАЯ.

Ну, если такъ, то посмотри съ вниманьемъ....

(Снова подаетъ свою работу).

Скажи, какъ нравится тебѣ узоръ каймы?...
А крестъ каковъ?...

СТАРШАЯ.

Гдѣ крестъ? его не вижу....

МОЛОДАЯ.

Не видишь?... Да, я вѣрю! взоръ твой тусклъ,
И очи сквозь туманъ горючихъ слезъ
Не могутъ различить.... А ты не хочешь
Признаться, что грустишь ты, что страдаешь?

СТАРШАЯ.

Дитя, дитя!... не спрашивай напрасно....
Зачѣмъ тебѣ признаніе мое?...
Безпечна ты, спокойна! больше года
Желанья и мечты невинной жизни
Ты тщательной работѣ посвящала,
И вотъ, оконченъ трудъ, и ты блаженна
Надеждою на праздникъ, на обѣдню....
И много дней отрадно проведешь
Въ невинномъ торжествѣ; а тамъ, опять
Придумаешь другое рукодѣлье,
И такъ пройдетъ твой безмятежный вѣкъ.

МОЛОДАЯ.

Да, кромѣ тѣхъ работъ, да службы въ храмѣ,
Да пѣнія въ торжественные дни,
Чего любить, о чемъ мечтать мнѣ въ мірѣ?...
Ты знаешь, ничего внѣ здѣшнихъ стѣнъ
Не вѣдаю, не помню я на свѣтѣ:
Ты знаешь, лѣтъ семи изъ бѣдной хаты
Сюда попала я, лишившись кровныхъ,
И призрена по милости твоей.
Заботъ и нуждъ терпѣла много я
До той поры, и участь крылошанки
Мнѣ послѣ нихъ казалась свѣтлымъ раемъ.
И вотъ взросла, постриглась, и живу

Digitized by Google

Въ обители пріютной, и конечно
Почію здѣсь, безъ мысли, безъ желаній,
Безъ сожалѣнія объ этомъ мірѣ,
Мной неизвѣданномъ и чуждомъ мнѣ.
Я счастлива, ты права, мать честная,
И если я порою опечалюсь,
То не о мнѣ самой печаль моя,
Но о тебѣ, тоскою удрученной,
Страдающей истомой непонятной!
О! если-бъ я могла цѣною жизни
Купить тебѣ спокойство! если-бъ мнѣ,
Неопытной, Богъ силу далъ и средство,
Какъ научить тебя забыть былое!

СТАРШАЯ, *(горько и восторженно, бьетъ себя въ грудь).*

Забыть?... Забыть!!.. А сколько тысячь лѣтъ
Прошло съ тѣхъ поръ, что Ангеловъ виновныхъ
Господь изгналъ изъ неба своего,
И все они о небѣ не забыли!...
Забыть?... Забыть!... Ужь я пережила
И жизни цвѣтъ и даже жизнь свою,...
И съ именемъ своимъ саму себя,...
Ужели пережить еще и душу?...
Я не хочу забыть!...

МОЛОДАЯ.

Хоть никогда
Не сознавалась ты, но я постигла,
Что не сама ты избрала свой жребій,
Что не влекло сюда тебя признанье,...
Что ты неволей здѣсь. То правда?

СТАРШАЯ, *(со вздохомъ).*

Правда!

МОЛОДАЯ.

Ты здѣсь давно; отъ старицъ я слыхала,
Что ты сюда красавицей пришла
Во цвѣтѣ лѣтъ; хоть это здѣсь скрываютъ,
Но по всему, по общему почтенью,

Digitized by Google

По виду твоему, и по осанкѣ,
По свѣтлому уму, по чуднымъ знаньямъ,
Всѣмъ явно намъ, что знатнаго ты рода,
И рождена для почестей.... То правда?

СТАРШАЯ.

Все правда, да! Не только что въ Россіи,
По всей землѣ извѣстенъ этотъ родъ
И славенъ онъ!...

МОЛОДАЯ.

Но гдѣ-жъ твоя родня?...

Зачѣмъ тебя никто не навѣститъ?...
Ужъ живы ли они?...

СТАРШАЯ.

О! живы! здравы!

Но имъ не до меня!...

МОЛОДАЯ.

Не ссора-ль съ ними

Тебя къ намъ привела? Вѣдь ты сама
Не пишешь къ нимъ, не ищешь сообщенья
Съ далекими?

СТАРШАЯ, *(горько).*

Писать? Но ты вѣдь знаешь,

Что мнѣ запрещено хранить пергаментъ,
Что перья и чернила для меня
Заговоренный кладъ.

МОЛОДАЯ.

Но по чему?...

СТАРШАЯ.

То воля тѣхъ родныхъ, о комъ узнать
Ты хочешь!... то уставъ меня гнетущій!...
Боятся истины!..... Въ своемъ блаженствѣ
Боятся сильные, что слезы слабой,
Дойдя къ друзьямъ разсѣяннымъ, немногимъ,

Digitized by Google

Усердіе пробудятъ въ ихъ сердцахъ....
Что свѣтъ о мнѣ узнаетъ и воспомнитъ,
Что можетъ быть и пожалѣетъ кто
Объ участи моей....

(Осматривается вокругъ себя, потомъ продолжаетъ тихо).

Послушай, только
Клянись Евангеліемъ, что словъ моихъ
Ты тотчасъ и на вѣкъ, дитя, забудешь
Неосторожный звукъ! Послушай, я
Однажды здѣсь, въ затворнической кельѣ,
Хотѣла пищу дать тревожнымъ думамъ,
Убить часовъ однообразныхъ скуку:
Мнѣ удалось обнять былое мыслью
И лѣтопись составить о себѣ
Правдивую.... и въ исповѣди вѣрной,
Безъ лести и безъ лжи, какъ предъ Богомъ,
Всю душу высказать, все горе жизни,
И худо и добро.... Трудилась я
И день и ночь, и мыслею и волей,
Чтобъ завѣщать оправданную память
Отчизнѣ и потомству.... чтобъ унять
Хулу молвы, проклятья современныхъ....
Ужъ трудъ мой приходилъ къ концу. И вотъ
Мои враги провѣдали, пришли,
И пламя предо мной, въ моихъ глазахъ,
Пожрало сей единственный залогъ
Всего минувшаго, всей жизни смутной!...
Не знаю какъ въ тотъ день я не лишилась
Разсудка!... Какъ мой крикъ, мой плачь безумный
Не разорвалъ трепещущей груди!...
Съ тѣхъ поръ присмотръ за мной сталъ вдвое строже,
Тѣснѣе мой затворъ.... Съ тѣхъ поръ я знаю,
Что *здѣсь* и за могилой *для* меня
Равно все кончено!... Въ удушной кельѣ
Умру страдалицей.... безгласный прахъ
Безгласною плитой покроютъ, бросивъ
Его въ углу смиреннаго кладбища,
Вдали отца, и братьевъ, и родныхъ!

Digitized by Google

И межъ сестеръ убогихъ и безвѣстныхъ
Безвѣстнѣй всѣхъ останется Сусанна!...

(Она плачетъ. Молчаніе. Потомъ рыдая восклицаетъ).

Увы! на то-ль Софія рождена?...

МОЛОДАЯ.

Софія?... Ты была Софіей прежде?...
Впервые отъ тебя я это имя
Внимаю....

СТАРШАЯ, *(торжественно взявъ ее за руку).*

Хочешь знать, кто та Софія?...
Спроси Петра, дрожавшаго предъ ней!
Спроси, спроси дивящуюся Европу!...

МОЛОДАЯ, *(въ удивленьи).*

Европа?... Петръ?... Всѣ имена такія,
Что чужды мнѣ?... И мнѣ-ли знать о нихъ?...

СТАРШАЯ.

Ты права, дочь моя!... Ушамъ твоимъ
Они звучатъ безъ смысла, безъ намека,
Какъ странное названье старой сказки....
Но я могу ихъ сдѣлать чудной былью!

(Подумавъ).

Такъ видно Богъ велѣлъ, чтобъ я сегодня,
Молчавши столько лѣтъ, тая такъ долго
Истому смертную, проговорилась,
И предъ тобой, невинною голубкой,
Орлицы раненой открыла язвы,
Освободила вопль!... То Божья воля,
Такъ вѣрю я.... И ты вполнѣ достойна
Хранить въ младой душѣ твоей столь чистой
Признанія и тайны *грузъ* священный.
Приближься..... дай свою мнѣ руку!... Такъ!...
Колѣна преклони, не предо мной,
Предъ Господомъ! Клянись въ моихъ рукахъ,
Что будешь ты молчать предъ цѣлымъ міромъ,
Предъ матерью Игуменьей, предъ роемъ

Digitized by Google

Сестеръ и предъ самимъ духовникомъ,
Покуда я жива; потомъ клянись,
Клянись опять, что ты, въ лѣтахъ преклонныхъ,
Припомнишь все, что нынѣ отъ меня
Услышишь ты, и соберешься съ силой,
И передашь иному поколѣнью!...
Клянись, я чувствую, отъ сей надежды
Полегчило на сердцѣ многобольномъ!
Ты памяти моей отнынѣ стражъ;
Ты защитишь ее отъ вражьей злобы,
Ты вызовешь поруганной Софіи
Загробный гласъ, и людямъ сообщишь
И я могу спокойно умереть!

Я родилась въ порфирѣ.... на ступеняхъ
Россійскаго престола.... я росла
Подъ сѣнію его великолѣпной,
Царя-отца любимѣйшая дочь.

Красѣ моей дивяся, говорили,
Что жениха достойнаго не сыщутъ
Ни за моремъ, ни дома для меня;
Что царскихъ теремовъ алмазъ безцѣнный
Нельзя отдать подъ небеса чужія.
И люба мнѣ была та лесть родная
Служителей старинныхъ: мнѣ она
Любовію всепреданной казалась!
Два брата, слабые, больные, только
Во мнѣ одной опору находили;
Мой разумъ и способности мои
Прельщали всѣхъ, и много разныхъ знаній
Пріобрѣла я, бывъ еще ребенкомъ.
Все улыбалось мнѣ, вокругъ меня....
Но вдругъ заря моя затмилась грустно
Предъ новою, блистательной звѣздой:
Младая мачиха и сынъ ея
Отбили у меня любовь отца,
И власть, и первенство; вокругъ меня
Умолкли вдругъ исканья царедворцевъ,

Digitized by Google

Ихъ подкупная лесть. — Въ короткій срокъ
Родитель мой и братъ, его преемникъ,
Скончались: на престолъ мои враги
Избрали мачихи счастливой сына,
Хотя онъ былъ въ то время только отрокъ,
И братъ мой обойденъ одноутробный,
И предана семья моя забвенью,
Безсилію, стыду!... Такой судьбы,
Такихъ обидъ мой гордый духъ не вынесъ.
За кровь свою, за свой державный родъ
Отмстила я, унизила пришлицу,
И брата возвела на Царство силой,
Вооруживъ приверженцовъ его.
Но умъ его, недугомъ помраченный,
Не могъ нести державія обузу:
Я облегчить, я поддержать умѣла
Безтрепетной душой всю тяжесть бремя;
Я царственную власть пріяла въ руки,
Я правила Россіей произвольно,
Вела ее таинственной дорогой
На славу, на могущество, на счастье.
Объ Англійской Елизаветѣ мудрой,
О хитростной Иринѣ Византійской,
Объ Ольгѣ Кіевской, я съ дѣтства знала,
И ихъ примѣръ мнѣ душу соблазнялъ....
Хотѣлось мнѣ свершить великій подвигъ,
И міру показать въ младые годы
Всѣ доблести великаго Царя,
Всѣ прелести блистательной Царевны....
Прекрасный сонъ!!... Онъ длился семь годовъ,
Но миновалъ.... междоусобной бранью
Я вознеслась, междоусобной бранью
Упала!... Юный Петръ, мой полубратъ,
Взмужавши, на меня возсталъ грозою,
Торжествовалъ.... Онъ сталъ Царемъ единымъ,
А я сюда въ безмолвный монастырь
Заточена..... и страстную мірянку
Неволею искусу обрекли,
И Господу насильно посвятили....

(Изнеможенная, забывается раздумьемъ. Молчаніе).

Digitized by Google

Молодая.

Нѣтъ словъ, чтобъ высказать все удивленье,
Весь ужасъ мой!.... Нѣтъ слёзъ довольно,
Чтобъ горькую судьбу твою оплакать!....
Царевна.... и страдалица Софія....
Я вся дрожу.... разсудокъ мой затмился....

(Становится предъ нею на колѣняхъ).

Но дай исполнить долгъ мнѣ опоздалый,
Прими, прими отъ сердца приношенье
Сочувствія къ твоей высокой скорби,
Почтенія отъ преданной рабы!!

Старшая, *(поднимаетъ ее).*

Нѣтъ, полно!... Что ты дѣлаешь, дитя?
Я не Царевна здѣсь, я здѣсь Сусанна,
Монахиня,... то самое, что ты....
Возстань!... Такая честь не подобаетъ
Мнѣ грѣшницѣ.... Уже-ли ты забыла,
Что кровь черезъ меня лилась, что я
Крамольная виновница мятежа.
Здѣсь, за грѣхи людьми осуждена....

(Тихо и со страхомъ).

И тоже тамъ, быть можетъ, гнѣвомъ Божьимъ!...

Молодая.

Что́ нужды мнѣ до кары земнородныхъ?
До ихъ суда?... Ты мнѣ, тобой хранимой,
Вторая мать и госпожа моя;
Мой долгъ питать къ тебѣ любовь святую
И преданность!...

(Цѣлуетъ ей руки и ноги).

Я нынѣ знаю
Въ тебѣ кровь царскую, и покланяюсь,
Какъ слѣдуетъ.

Старшая.

О чистая невинность!
Невѣденье стезей мірскихъ строптивыхъ!
Она, незнавшая меня въ порфирѣ

Digitized by Google

И не дѣлившая со мной дни счастья,
Мнѣ честь и долгъ усердно отдаетъ,
Тогда какъ все, что̀ чрезъ меня возникло,
Что̀ милостью моей цвѣло, блистало,
То все явило мнѣ неблагодарность,
Забывчивость.... презрѣнье!!..

Молодая.

Быть не можетъ!
Кто, дерзкіе, посмѣютъ презирать
Бывалую владычицу свою?...

Старшая *(съ усмѣшкою)*.

На свѣтѣ, при Дворѣ, тому кто гибнетъ,
Презрѣніе и горе суждено!
То участь падшаго!! она, кончено,
Поруганной Софіи не минуетъ!...

(Молчаніе).

Не то-бъ мы видѣли, когда-бъ побѣда
Не измѣнила мнѣ, когда-бы я
Успѣла помыслы высокіе исполнить,
Намѣренья благія довершить,
И доказать моей святой Руси
Любовь мою!... Всевидящій, Ты зришь
Въ моей душѣ, Ты знаешь, для чего
Могущества и воли я желала,
И какъ къ добру всегда стремилась я!!...
Одинъ, одинъ Ты могъ понять Софію,
Одинъ Ты ей судья!!... Когда за брата
Вступалась я, когда друзей своихъ
Я почестьми и властью надѣляла,
Когда противъ враговъ боролась я
Такъ сильно, такъ упорно, всякимъ средствомъ,
И даже кровію, не для себя,
Для родины торжествовать хотѣлось!
Я видѣла всю слабость, всѣ ошибки
Соперницы, сообщниковъ ея;
Я видѣла, какимъ стремленьемъ ложнымъ
Они должны Россію повести....
О! если-бъ я была теперь всевластна,

Digitized by Google

Нашъ православный край не былъ-бы брошенъ
Въ объятія невѣрныхъ чужестранцевъ!
Какъ съ ската горъ бѣгущіе снѣга
Въ слѣпомъ и необузданномъ стремленьи,
Мы-бъ не текли во слѣдъ другимъ народамъ,
Мы, юные, за дряхлыми, стараясь
Ихъ старческій недугъ себѣ привить!
Мы гордые своею свѣжей силой,
Неопытнымъ, пол-дикимъ удальствомъ,
Мы-бъ не были опутаны и сжаты
Законами, намъ тѣсными! У насъ
Пеленки отняли до время, дали
На мѣсто латъ и шапки богатырской
Кафтанъ, который намъ не по-плечу!
И съ бородой пропалъ нашъ духъ народный,
Нѣмечиной прикинулася Русь!!!...
Мой край родной, ты крѣпкій, мощный дубъ,
Твои корни лежатъ въ снѣгу глубокомъ,
А маковку вѣтвистую твою
Въ теплицу заточивъ, хотятъ на ней
Собрать и цвѣтъ и плодъ маслины южной!...
Вы плачете, старинные Бояре,
Отца сѣдые спутники и слуги?...
О! здѣсь, въ своемъ плѣну, въ своемъ изгнаньи,
Въ безвременномъ гробу, вамъ скорбно вторитъ
Забытая Царевна!... И когда
Меня винитъ Россія, проклинаетъ,
Я за нее и плачу и молюсь!...

(Въ изнеможеніи опускаетъ голову на скрещенныя руки. Долгое молчаніе).

МОЛОДАЯ.

Предъ скорбію великою нѣмѣю....
Чѣмъ утѣшать и какъ тебя утѣшить?...
Но береги теперь свое здоровье,
Смотри, ты вся дрожишь,... то холодна,
То въ жаръ тебя вдругъ броситъ,... и рыданья
Грозятъ разбить грудь слабую твою.

Digitized by Google

СТАРШАЯ, *(съ усмѣшкой).*

Не бойся, мнѣ къ слезамъ не привыкать,
И не умру отъ гнѣва иль страданья!...
Чего не перенесть, не пережить
Назначено прогнѣваннымъ мнѣ небомъ?
Сподвижники, заступники, родные,
Все скошено, все сгибло вкругъ меня,
Могилами мой мрачный путь засѣянъ;
И если оглянусь я за собой,
И вопрошать хочу воспоминанья,
Лишь кости мнѣ и прахъ отвѣтъ дадутъ!
А я живу!!... я чувствую! я мыслю!...
На кару мнѣ, на пытку эта жизнь.
Но не ропщу: мнѣ, видно, такъ дано
Свершить въ слезахъ кровавыхъ покаянье,
И вытерпѣть часть Божьяго суда....
Надъ мной Его да будетъ вѣчно воля!

МОЛОДАЯ.

О! есть-ли грѣхъ, который-бы предъ Небомъ
Не выкупилъ твой долгій, тяжкій крестъ?

СТАРШАЯ.

Постой, ты слышала лишь быль Царевны,...
А участь женщины была ужаснѣй,
Мучительнѣй.... Но разсказать ее
Я не могу.... она давно зарыта
Въ чужомъ гробу!... И кровію чужою
Устамъ моимъ навѣкъ наложена
Молчанія печать!

(Слышенъ благовѣстъ).

Пора къ вечернѣ,
Пойдемъ!... Возьми-же воздухи свои!
Вотъ видишь, я тебѣ припоминаю
Что̀ дѣлать, — стало быть, ужъ я спокойна;
Не бойся за меня!

(Обѣ идутъ; она крестится на порогѣ кельи).

Когда-жъ, о Боже,
Къ вечернѣ дней моихъ я зовъ услышу?...

Село-Анна. Октябрь, 1842.

Гр. Растопчина.

Digitized by Google

II.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Вчера листы изорваннаго тома
Попались мнѣ — на нихъ взглянула я:
Забытое шепнуло вдругъ знакомо,
И вспомнилась мнѣ вся весна моя.

То были вы родныя небылицы,
Моимъ мечтамъ ласкающій отвѣтъ,
То были тѣ завѣтныя страницы,
Гдѣ дѣтскихъ слезъ я помню давній слѣдъ.

И мнѣ блеснулъ сквозь лѣтъ прожитыхъ тѣни
Ребяческій великолѣпный міръ,
Блеснули дни глубокихъ убѣжденій
И первый мой не здѣшній мой кумиръ.

Такъ стало быть и въ жизни безтревожной
Должны пройдти мы тотъ же грустный путь.
Всѣ бросимъ мы, увы, какъ даръ ничтожный,
Что мы какъ кладъ въ свою влагаемъ грудь.

И я свои покинула химеры,
Иду впередъ, гляжу спокойно вдаль;
Но жаль мнѣ той неистощимой вѣры,
Но мнѣ порой младыхъ восторговъ жаль.

Кто оживитъ въ душѣ былыя грёзы,
Кто снамъ моимъ отдастъ ихъ прелесть вновь?
Кто воскреситъ въ нихъ ликъ Маркиза Позы,
Кто къ призраку мнѣ возвратитъ любовь?

К. Павлова.

Іюль. 1843.

Digitized by Google

III.

МОРЕ.

Струится и плещетъ, свѣтло, какъ хрусталь,
Лазурное море; огнистая даль
Сверкаетъ багрянцемъ — и вѣтеръ шумитъ
Попутный: легко твой корабль побѣжитъ;
Но, кормчій, пускался весело въ путь,
Смотри ты: надежна ли мѣдная грудь,
Крѣпки-ль паруса корабля твоего,
Здоровы-ль дубовыя ребра его?
Вѣдь море лукаво у насъ: неравно
Смутится и вдругъ обуетъ оно,
И страшною силой, съ далекаго дна,
Угрюмая, встанетъ его глубина,
Расходится, будетъ кипѣть, бушевать
Сердито, свирѣпо — и дастъ себя знать!

Языковъ.

12455

IV.

ВѢКЪ УМА.

Позорный вѣкъ невѣрія и злобы,
И себялюбія, довольнаго собой,
Себѣ создалъ ты мудрованій гробы
И позабылъ о Скиніи святой!
И въ рядъ одинъ съ молніеноснымъ словомъ
Пророковъ Божіихъ, очищенныхъ огнемъ,
Поставилъ ты въ лжемудрствованьѣ новомъ
Прельщенныхъ демономъ, съ увѣнчаннымъ челомъ,
Провидцевъ ветхаго язычества нечистыхъ;

Digitized by Google

Храмъ Еговы и капища боговъ,
Въ сказаньяхъ мудрецовъ твоихъ рѣчистыхъ,
Ты въ рядъ одинъ поставилъ для вѣковъ!
Святые гимны чистыхъ пѣснопѣній
Ты шумныхъ оргій съ кликами сравнилъ,
И на ковчегъ священныхъ Откровеній
Безумной Пиѳіи треножникъ уронилъ.
Ногами ты попралъ Божественныхъ преданій
Святыню чистую въ презорливомъ умѣ —
И обнаженъ отъ сладкихъ упованій,
Лежишь ты мертвъ, безвѣрія во тмѣ:
Отъ пятъ и до главы ты струпъ неисцѣлимый,
И чашу Господа — спасительный законъ,
Отвергнулъ ты, мудрецъ столѣтья мнимый —
И бѣдствій пламеннымъ мечомъ ты пораженъ!
Безумецъ-вѣкъ, передъ тобой раскрыты
Скрыжали тайныя — и лишь черты письменъ,
Плющемъ прошедшаго лишь саркофагъ увитый,
Ты видишь въ сихъ сказаніяхъ временъ,
А въ карахъ Божіихъ — явленья лишь природы
Бездушныя читаешь въ слѣпотѣ:
Твой умъ, какъ рабъ, не вѣдавшій свободы,
Лишь своеволья жертвуетъ мечтѣ!...
О вѣкъ, Аравіи безплодная равнина,
Египта сладкихъ мясъ лишь алчная чета,
Когда тебя пріиметъ Палестина
Въ свои объятія, подъ знаменемъ Креста?

М. Лихонинъ.

Digitized by Google

ПРОЗА.

ВАЛЬЯНСЪ.

I.

На берегу въ Бретани, между городомъ Сенъ-Бріекомъ (Saint-Brieuc) и деревнею Биньикъ (Bignic), возвышается старинное зданіе, извѣстное съ давнихъ поръ въ той сторонѣ подъ именемъ за́мка, вѣроятно по зубчатой, темной башнѣ, которая заслоняетъ собою все строеніе. До революціи въ Коатъ-д'Орѣ жили тамошніе помѣщики; но съ того времени, какъ этотъ за́мокъ сдѣлался собственностію народа, совы овладѣли имъ и спокойно выводили въ немъ своихъ птенцовъ. Наконецъ въ 1815 году семейство Леговыхъ купило этотъ за́мокъ и въ немъ поселилось. Кругомъ за́мка все печально и пусто; съ одной стороны разливается безбрежный Океанъ, съ другой на необозримое пространство тянутся пустыри, поросшіе верескомъ; и вотъ посреди этихъ двухъ морей, какъ мысъ, стоитъ печально и уединенно за́мокъ съ своею башнею, подобною фаросу.

Въ Февралѣ 1836 года, вечеромъ, трое братьевъ Леговыхъ сидѣли въ комнатѣ, служившей имъ обыкновенно вмѣсто гостиной. Это была обширная зала, представлявшая странную смѣсь роскоши, щегольства и грубой простоты. Тогда какъ на полу разостланъ былъ богатый коверъ, на потолкѣ виднѣлись бревна, почернѣлыя отъ времени и дыма. Стѣны были вымазаны известкой, но окны между тѣмъ задернуты были двойными занавѣсками изъ бѣлой шелковой матеріи и красной камки. Нѣсколько соломенныхъ

Digitized by Google

стульевъ смиренно стояли по обѣ стороны великолѣпнаго кресла, обитаго бархатомъ. Карабины, сабли, кинжалы, топоры абордажные, охотничьи ружья въ кожаныхъ чехлахъ нанизаны были на зеркалѣ камина. Фортепіано изъ чернаго дерева стояло посреди комнаты, и все это убранство скрашивали собою три брата Леговы.

Самый красивый изъ нихъ былъ очень безобразенъ съ перваго взгляда; только всмотрѣвшись въ кроткую, умную, задумчивую и даже мечтательную физіономію меньшаго изъ трехъ братьевъ, по имени Іосифа, можно было находить его довольно пріятнымъ. Въ длинномъ темномъ редингготѣ, застегнутомъ до подбородка, съ волосами бѣлокурыми и гладкими, разобранными на лбу и небрежно падавшими по плечамъ, онъ походилъ на одного изъ тѣхъ отшельниковъ, которые, при благочестивыхъ своихъ размышленіяхъ, возвышались до поэтическаго восторга. Двое другихъ братьевъ, говоря чистосердечно, похожи были на двухъ недоученыхъ медвѣдей. Одинъ изъ нихъ, по имени Христофоръ, подъ плащемъ изъ козьихъ кожъ, носилъ платье моряка временъ имперіи; у него были ноги короткія, брюхо большое, всклокоченная борода, густыя брови, волосы черные и огромная голова; онъ могъ-бы убить Іосифа однимъ щелчкомъ и кулакомъ съ одного раза свалить быка. Жанъ, старшій изъ братьевъ, былъ около пятидесяти лѣтъ, длинный и худощавый мужчина; возлѣ Христофора онъ точь-въ-точь походилъ на Донъ Кихота возлѣ Санхо-Пансы; рыжіе усы его торчали подобно иглямъ дикобраза; самая важная часть его одежды была сѣрый редингготъ, который онъ носилъ на подобіе Наполеона. У всѣхъ трехъ братьевъ на ногахъ были деревянные башмаки, безъ жалости топтавшіе коверъ въ тысячу сантимовъ. Сидя у очага, всѣ они, казалось, были въ сильномъ безпокойствѣ, которое выражали каждый по своему. Жанъ и Христофоръ бѣсились и сыпали проклятія; Іосифъ молился въ полголоса, смотря на клубы голубоватаго пламени, вившагося надъ горящимъ вязомъ. Вре-

Digitized by Google

мя отъ времени, то Христофоръ, то Жанъ попеременно вставали, открывали занавѣски у окна, и, пробывши нѣсколько минутъ въ положеніи наблюдателей, возвращались на свои мѣста съ пасмурнымъ видомъ. Іосифъ не рѣдко взглядывалъ на часы съ кукушкой, которой однообразные звуки смѣшивались съ пѣніемъ сверчка и съ завываніемъ вѣтра. За сумерками тотчасъ слѣдовала мрачная ночь. Пламя въ очагѣ разливало тусклый свѣтъ по комнатѣ, на дворѣ бушевала буря. Часы пробили семь; Христофоръ и Жанъ вскочили съ стульевъ, и стали ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Живое безпокойство изображалось на ихъ лицѣ. Сидя неподвижно на мѣстѣ, Іосифъ началъ творить молитву усерднѣй прежняго. Дождь стучалъ въ стекла; Океанъ съ ревомъ разбивался о береговые утесы.

— Дурное время! сказалъ Жанъ.

— Ужасная погода! примолвилъ Христофоръ. Девятнадцать лѣтъ назадъ, въ такую же погоду и около этого же времени престарѣлый отецъ нашъ и нашъ младшій братъ погибли въ волнахъ.

— Богу угодно было взять ихъ къ себѣ! пробормоталъ крестясь Іосифъ.

— И въ этотъ самый день, даже въ этотъ часъ, семнадцать лѣтъ назадъ, какъ умеръ Жеромъ! вскричалъ Жанъ покачивая головою.

— Да, правда, сказалъ Христофоръ съ чувствомъ благоговѣнія.

— Боже мой! воскликнулъ Іосифъ съ умиленіемъ; ужели новое тяжкое испытаніе готовишь Ты намъ въ этотъ ужасный день?—Въ эту минуту дверь въ комнату отворилась, и на порогѣ явился слуга. Вода лила съ его волосъ и платья.

— Что новаго? спросили вдругъ три брата.

— Ни чего нѣтъ новаго, отвѣчалъ слуга съ смущеннымъ видомъ. Мы изъѣздили весь берегъ отъ Биньика до Гериссьера, и тутъ совсѣмъ потеряли слѣды барышни. Сегодня утромъ ее видѣли въ Биньикѣ. Должно быть, между

Digitized by Google

двухъ деревень она гдѣ нибудь проѣхала на твердую землю. Приливъ былъ небольшой и она, вѣроятно, вздумала пробраться по подводнымъ камнямъ.

— Въ такомъ случаѣ мы всѣ погибли! вскричалъ Христофоръ въ отчаяніи.

— Надобно полагать, что она, застигнутая бурею, укрылась въ какой нибудь хижинѣ въ окрестности.

— Нѣтъ, сказалъ Жанъ; она не изъ тѣхъ, которыя убѣгаютъ отъ опасности. Если она жива, то вѣрно на конѣ скачетъ къ намъ домой.

Въ эту минуту подулъ такой сильный вѣтеръ, что двери и окна задрожали и черепицы посыпались съ крыши.

— Спаси ее Господи! вскричалъ Іосифъ, падая на колѣни.

Слуга удалился, и сильный споръ завязался между братьями, Жаномъ и Христофоромъ. Обвиняли другъ друга за странное воспитаніе, которое дали Жаннѣ; но, рѣшивши наконецъ, что не они были виной странностей своенравной дѣвушки, всѣ упреки свои обратили на Іосифа. И вотъ тутъ-то можно было видѣть въ лицахъ басню о волкѣ и ягненкѣ, пришедшихъ пить къ одному ручью, только на этотъ разъ, вмѣсто одного волка, ихъ было два.

— Видишь ли, несчастный! вскричалъ Жанъ, бросая на Іосифа грозный взглядъ; вотъ слѣдствіе прекраснаго воспитанія, которое ты далъ этому ребенку; вотъ плодъ твоего подлаго потворства и твоей слѣпой нѣжности!

— Но, братъ Жанъ, отвѣчалъ робко Іосифъ....

— Молчи! сказалъ Христофоръ, толкая его въ спину; ты надѣлалъ все это зло!

— Но, братъ Христофоръ, возразилъ смиренно Іосифъ....

— Отвѣчай! вскричалъ Жанъ; гдѣ еще, кромѣ нашего семейства, видано, чтобы дѣвушка шестнадцати лѣтъ, не сказавшись никому, уѣхала поутру, рыскала по полямъ и возвращалась домой къ ночи?

Digitized by Google

— Дай-то Богъ, чтобъ она воротилась! сказалъ Іосифъ. Но не ты ли, Жанъ, не сказавши мнѣ ни слова, подарилъ Жаннѣ коня, на которомъ она сего-дня въ первый разъ рѣшилась проѣхать?

— Ахъ! я и забылъ сказать, вскричалъ Жанъ, ударивши себя по лбу, что это скотина молодая, горячая, пугливая и еще необъѣзженная! А ты зналъ и не напомнилъ мнѣ объ этомъ. Ты, злодѣй, будешь виною всему, если съ этимъ ребенкомъ случится несчастіе.

— Ты отвѣчаешь головою! прибавилъ Христофоръ, тряся его за руку.

— Я радъ отдать жизнь мою за нее, сказалъ Іосифъ; но, братъ Христофоръ, ты забываешь, что самъ же подарилъ Жаннѣ амазонское платье, въ которомъ она нынѣче поѣхала; не ты ли далъ ей и Англійское сѣдло?

— Ахъ! ты бездѣльникъ! вскричалъ Христофоръ; да кто, какъ не ты, виною тѣхъ недостатковъ, которые обезображиваютъ въ ней всѣ добрыя качества? Ты поощрялъ ее во всѣхъ причудахъ; тебѣ, твоимъ рабскимъ заботамъ и твоей угодливости мы обязаны тѣмъ, что она теперь такъ своенравна, причудлива, самовольна.

— Неуважительна къ намъ, сказалъ Жанъ.

— Дѣлаетъ, что ей вздумается, прибавилъ Христофоръ.

— Безъ жалости издѣвается надъ нашею нѣжностію и нашимъ спокойствіемъ.

— Да ты чортъ!

— Чудовище! сказалъ рѣшительно Жанъ, опуская руки въ карманы.

— Ты видишь, разбойникъ, вскричалъ Христофоръ, что если случится съ ней несчастіе, то всему виною ты одинъ!

Іосифъ выдерживалъ огонь этой двойной батареи съ величайшимъ терпѣніемъ.

— Братцы, отвѣчалъ онъ робко, я не стану разбирать, до какой степени виновны и вы въ слабостяхъ, въ которыхъ меня упрекаете. Позвольте однакожъ затѣтить, что

Digitized by Google

если когда нибудь въ этихъ стѣнахъ слышится голосъ человѣка, который смѣетъ уговаривать, учить, даже журить предметъ нашей любви, то это вѣрно мой голосъ. Если бы слушались меня и давали мнѣ свободу дѣйствовать, какъ я хочу, то Жанна не была бы тѣмъ, чѣмъ она теперь: мы не дрожали бы за жизнь ея. Вспомните, братцы, что я всегда былъ противъ того, чтобы позволять ей занятія, несвойственныя ея полу. Вы сердились на меня за то, что я внушалъ ей другія правила! Мнѣ бы хотѣлось видѣть у нашего очага дѣвушку добрую и скромную, хозяйку дома, привязанную къ своей семьѣ и тихимъ домашнимъ радостямъ. Если не исполнилось мое желаніе, то, знаетъ Богъ, это не моя вина. Не вы ли воспитали ее, какъ молодую воительницу? А я, раскрывалъ ли я въ ней что другое, кромѣ любви къ искусствамъ, кромѣ теплаго чувства вѣры?

— Да, если бы сдѣлать по твоему, ханжа, вскричалъ Жанъ, пожимая плечами, то намъ бы пришлось видѣть у своего очага причудницу, богомолку, которая съ утра до вечера оглушала бы насъ своими проповѣдями.

— А лучше ли по вашему, братъ, чтобъ мы безпрестанно страшились за существо, которое для насъ дороже всего на свѣтѣ? возразилъ Іосифъ.

— Разумѣется, это хорошо, сказалъ Христофоръ съ глупою важностію. Впрочемъ, это перемѣнится; полно же этому ребенку предписывать намъ законы и водить насъ за носъ; ни слова объ этомъ больше. Съ нынѣшняго дня она не услышитъ отъ меня ласковаго слова.

— И я слуга покорный, сказалъ Жанъ. Пѣтъ, голубушка, изволь-ка она съ этихъ поръ вести себя немножко не такъ, какъ вела прежде.

— Слышите! закричалъ Іосифъ, вскочивши вдругъ въ испугѣ.

На морѣ все сильнѣе бушевала буря. Волны съ ужаснымъ ревомъ врывались въ излучины и разсѣлины береговыхъ утесовъ. Слышны были глухіе раскаты грома и при сія-

Digitized by Google

ніи молній видно было море во всемъ своемъ грозномъ величіи, готовое, кажется, сдвинуть горы съ своихъ основаній и затопить весь материкъ. Три брата Леговыхъ оставались неподвижны отъ ужаса. Часы пробили восемь.

— Что тутъ терять по пустому время? сказалъ Іосифъ. Велите зажечь свѣточи и отправимся всѣ, мы и служители, обыскать берегъ и его окрестности.

Они уже собрались было въ путь, но въ эту минуту ворота задрожали подъ сильными ударами молота, и почти въ тоже время мостовая на дворѣ зазвучала подъ копытами лошади; по всему дому загремѣлъ привѣтный лай собакъ.

— Буди благословенно святое имя Господне! воскликнулъ Іосифъ въ избыткѣ радости.

Жанъ и Христофоръ затаили восторгъ своего сердца и приготовились встрѣтить молодую дѣвушку, какъ она заслуживала. Іосифъ испугался, взглянувши на братьевъ, на лицѣ которыхъ написана была строгость.

— Братцы, сказалъ онъ, послѣдній разъ будемъ къ ней снисходительны. Она ребенокъ и мы совсѣмъ не приучили ее къ жестокости. У ней сердце чувствительное и нѣжное: опасно пугать ее.

— Посмотри, сказалъ Христофоръ Жану, эта собака уже готова лизать у ней ноги.

Іосифъ только было хотѣлъ пуститься въ доказательства, какъ вдругъ двѣ лягавыя собаки вбѣжали въ залу, начали прыгать по стульямъ, по столамъ, кататься по ковру, потомъ выбѣжали вонъ и снова вбѣжали, прыгая и визжа впереди своей молодой госпожи, которая слѣдомъ за ними шла въ комнату.

Она вошла съ улыбкою на устахъ и съ хлыстикомъ въ рукѣ.

Это была высокая и красивая дѣвушка, съ гордымъ взоромъ и гибкимъ станомъ; топкая и прозрачная кожа ея обличала нѣжность тѣлосложенія; но смуглый цвѣтъ доказывалъ, что эта нѣжность не походила на изнѣженность

Digitized by Google

этихъ цвѣтовъ гостиныхъ, которые съ осторожностію надобно отдавать лобзаніямъ солнца и ласкамъ вѣтерковъ. Взглянувши на нее, нельзя было не сказать, что это было одно изъ тѣхъ дикихъ и многолѣтнихъ растеній, которыя любятъ открытый воздухъ и распускаются при вѣяніи вѣтра. Съ живостію она соединяла прелесть, и то, что было мужскаго въ ея пріемахъ, скрашивалось молодостью, которая сіяла на ея лицѣ. Зоркій глазъ, быть можетъ, прочиталъ бы во взорахъ ея безпокойство мечты, первое волненіе безотчетнаго чувства; но розовыя уста еще обличали въ ней ребенка своенравнаго и упрямаго. Черные волосы ея всклокочены были дождемъ и влажными кольцами вились по ея ланитамъ. На головѣ у нея было что-то въ родѣ бархатной фуражки; самая строгая амазонка не нашла бы, что опорочить въ ея гибкихъ и изящныхъ формахъ.

Она прежде всего подошла къ Жану и обняла его, говоря: «добрый вечеръ, дядя Жанъ.» Потомъ обняла Христофора и наконецъ Іосифа, приговаривая тоже самое. Послѣ всего она остановилась у камина и начала подставлять одна за другою свои маленькія ножки къ пламени.

— Что это значитъ, дяди? спросила Жанна; говорятъ, вы безпокоились о племянницѣ? Въ Бишикѣ я слышала объ этомъ.

— Да, этотъ трусъ Іосифъ всегда заберетъ себѣ въ голову какія нибудь глупыя идеи, сказалъ Жанъ. Онъ вообразилъ себѣ, будто опасно быть на берегу въ такую бурю и надобно было бояться за твою жизнь.

— Что за буря? вскричала дѣвушка. Время прелестное, Іосифъ!

— И я говорилъ ему тоже самое, возразилъ Христоферъ; но ты его знаешь, смѣлъ какъ кроликъ и отважевъ какъ курица: чуть подуетъ вѣтеръ, и онъ уже думаетъ, что наступаетъ преставленіе свѣта. Онъ же боялся и за лошадь, на которой ты ѣздила сего-дня первый разъ.

— Да, онъ робокъ, какъ овца, сказала Жанна.

Digitized by Google

— И я ему говорилъ это, вскричалъ Жанъ. Онъ ягненокъ! Съ того времени, какъ оселъ сбросилъ его съ себя и заставилъ глотать песокъ, Іосифъ питаетъ непримиримую ненависть къ лошадямъ.

— Правда, сказалъ Іосифъ. Ты, Жанна, надѣлала намъ столько хлопотъ, что и вообразить нельзя. Если ты любишь насъ, милая Жанна, то вѣрно съ этихъ поръ станешь дорожить нашимъ спокойствіемъ.

— Провалъ тебя возьми! закричалъ Христоферъ шутливымъ тономъ; что ты это вздумалъ, Іосифъ, — проповѣди говорить этому ребенку что ли?... Ахъ! крошка моя, Жанна! какъ на тебѣ все въ безпорядкѣ! — И онъ оправлялъ сборки амазонскаго платья, опустившіяся отъ дождя.

— Руки у тебя окоченѣли, сказалъ Жанъ; съ ногъ у тебя валитъ паръ. Ты чуть стоишь, Жанна, прибавилъ онъ съ ужасомъ; ты вся поблѣднѣла, дрожишь, ноги твои подламываются. Вотъ слѣдствіе твоихъ неумѣстныхъ поученій! примолвилъ онъ обращаясь къ Іосифу.

Христоферъ принесъ послѣднее кресло, какое только было въ комнатѣ, а Жанъ усадилъ на немъ молодую дѣвушку; потомъ они ушли и Жанну оставили одну съ Іосифомъ.

— Успокойся, мой добрый Іосифъ, сказала Жанна, подавая ему руку; это ничего, пройдетъ; усталость отъ ѣзды, не больше. Правда, эта лошадь бѣжала какъ стрѣла! Да и на берегу бушуетъ такъ пріятно.

— Какая ты жестокая, Жанна! говорилъ Іосифъ упрекающимъ тономъ; ты не жалѣешь себя и насъ. Посмотри, въ какомъ разстроенномъ видѣ ты къ намъ явилась! Ты вѣдь знаешь, какъ дорого для меня твое счастіе, милая Жанна!

Говоря это, онъ съ нѣжностію цѣловалъ пальцы у своей племянницы.

— Чегожъ ты отъ меня хочешь, Іосифъ? вскричала дѣвушка съ видомъ нетерпѣнія. Съ нѣкотораго времени я сама не знаю, что во мнѣ происходитъ. Скажи, растолкуй

Digitized by Google

мнѣ, какой демонъ меня тревожитъ и не дастъ мнѣ покоя? Откуда во мнѣ весь этотъ жаръ, который меня пожираетъ, эта неугомонность, заставляющая меня скакать по полямъ до изнуренія и самой накупаться на опасности? Вотъ сего-дня, напримѣръ, я была глупа до чрезвычайности. Какъ я еще не сломила себѣ шеи двадцать разъ? Безъ сомнѣнія, ты молился обо мнѣ и Богъ у слышалъ твои молитвы. Этого мало: бываютъ минуты, когда мнѣ вдругъ грустно станетъ и сама не знаю отъ чего. Повѣришь ли? я часто плачу и не могу объяснить причины слезъ моихъ. Да, мнѣ самой думается, что я начинаю скучать. Не ворчи же на меня, Іосифъ. Ты мнѣ ничего не можешь сказать, чего бы я не говорила тысячу разъ сама себѣ. Вы меня любите, всѣ вы трое такъ добры, что одна забота у васъ угодить мнѣ. Съ утра вы спорите между собой о моемъ первомъ взглядѣ и вечеромъ о моей послѣдней улыбкѣ. Вы предупреждаете мои своенравныя затѣи, подстерегаете мои прихоти, чтобы ихъ удовлетворить. Скажу еще больше и къ своему стыду, вы такъ меня любите, что мнѣ даже на мысль не приходитъ оплакивать мать мою, которой я не знала. И послѣ всего этого я скучаю, Іосифъ; я неблагодарна, знаю это, чувствую; но все-таки скучаю, это выше силъ моихъ.

— Жанна, Жанна, какъ вы перемѣнились, Жанна! со вздохомъ вскричалъ Іосифъ. Куда дѣвалось то счастливое время, когда ты цѣлые дни просиживала за ученіемъ? Возвратятся ли эти блаженные часы, когда за чтеніемъ любимой книги ты забывала все?

— Будь онѣ прокляты, всѣ эти любимыя книги! вскричала молодая дѣвушка съ негодованіемъ; за чѣмъ ты допустилъ имъ зайти подъ эту кровлю? Это онѣ меня научили, что міръ не оканчивается нашимъ горизонтомъ, что солнце не за тѣмъ сотворено, чтобы освѣщать одинъ Биньикъ, и что есть люди и земли за этимъ моремъ и за этими полями, которыя окружаютъ насъ со всѣхъ сторонъ.

— Молчи, дитя мое, сказалъ Іосифъ; берегись играть

Digitized by Google

нѣжностью Христофора и Жана, пощади эти два превосходныя сердца, довольна будь и тѣмъ, что мое смутила.

— Христоферъ и Жанъ не поймутъ меня; я сама себя не понимаю. И если смущаю твое сердце, то потому, что одно твое сердце могу допрашивать. Въ волненіи мыслей и чувствованій, бунтующихъ въ душѣ моей, къ кому я обращусь, какъ не къ тебѣ, мой вожатый и наставникъ, сдѣлавшій изъ меня все, чѣмъ я теперь? Я думала, что ты знаешь все и можешь мнѣ объяснить состояніе моей души. Что это со мною дѣлается, Іосифъ? Вотъ я всякое утро встаю съ какою-то надеждою. И сама не знаю, на что надѣюсь; но чувствую, что новая, небывалая жизнь течетъ въ моихъ жилахъ. Со всякимъ новымъ днемъ мнѣ кажется, будто меня зоветъ къ себѣ что-то безвѣстное. Я чего-то жду, часы проходятъ въ этомъ ожиданіи, и наконецъ вечеромъ я грущу, я плачу, я сержусь на то, что исчезающій день прошелъ подобно прежнему, не принесши мнѣ ничего новаго. У меня есть все; вы даже не оставляете мнѣ времени желать. Воля моя для васъ законъ. Подъ солнцемъ не было ребенка избалованнѣе меня. Я часто спрашиваю у себя, ужъ не отдала ли вамъ свой жезлъ та волшебница, о которой ты мнѣ разсказывалъ, когда я была еще дитятею? Объясни, Іосифъ, откуда во мнѣ это безотчетное ожиданіе блага, котораго я не знаю, это стремленіе безъ цѣли, эта таинственная надежда, всякій день обманутая и съ каждымъ днемъ возобновляющаяся?

Вмѣстѣ съ этими словами, молодая дѣвушка вперила на Іосифа взоръ безпокойный и любопытный; но Іосифъ не отвѣчалъ. Онъ безмолвно сидѣлъ у камина, уставивши глаза на горящее уголье.

Христоферъ и Жанъ вошли въ комнату оба вмѣстѣ. Жанъ съ важностію шелъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ стояли нѣсколько стакановъ и бутылка испанскаго вина. Христоферъ несъ въ той и другой рукѣ по туфлѣ изъ чернаго бархата, подложенной лебяжьимъ пу-

Digitized by Google

хомъ. Іосифъ взялъ подносъ у брата, и тогда какъ Жанна медленно и по каплѣ пила благовонный напитокъ, Христофоръ и Жанъ, стоя предъ нею на колѣняхъ, снимали съ нея полусапожки и пособляли ей опустить ноги въ бѣлый, шелковистый пухъ. Кончивши эту работу, они остались на томъ же мѣстѣ, съ глазами устремленными на своего идола, похожіе на двухъ собаченокъ, которыя, присѣвши на заднія ноги, умильно смотрятъ на своего хозяина, въ ожиданіи, покамѣстъ онъ удостоитъ ихъ своего взгляда.

По всему видно было, что молодая дѣвушка съ давняго времени привыкла къ этимъ почестямъ. Обогрѣвши руки и ноги у камина, она ушла въ свои комнаты и переодѣвшись воротилась снова въ кашемировой блузѣ, опоясанной шелковою тесьмою.

Въ ея отсутствіе три брата успѣли приготовить для нея на очагѣ ужинъ. Она безъ церемоніи сѣла за столъ и начала кушать съ большимъ аппетитомъ, между тѣмъ три дяди глядѣли ей въ глаза, а двѣ собаки прыгали вокругъ нея, подхватывая падавшія со стола крохи. По временамъ, она то дарила своимъ ласковымъ словомъ дядей, то кидала собакамъ кости.

— Чтожъ вы не курите? спросила она у Жана и Христофора.

— У меня нѣтъ табаку, сказалъ Жанъ.

— Я разбилъ свою трубку, сказалъ Христофоръ.

Молодая дѣвушка вынула изъ кармана нѣсколько щепотей табаку, завернутыхъ въ сѣрую бумагу, и подала Жану, потомъ глиняную трубку, которую отдала Христофору.

— Вотъ не говорите жъ, что объ васъ не думаютъ, сказала она улыбаясь. Подъѣзжая къ Бишику, я вспомнила, что дядюшка Христофоръ разбилъ свою трубку, а дядя Жанъ скоро докуритъ свой табакъ. Я остановилась передъ дверьми лавки. Внутри пировали свадьбу; лавочница сего-дня выдала замужъ дочь свою за сына рыбака

Digitized by Google

Томаса. Меня узнали; невѣжливо было бы не поздравить новобрачныхъ; я слезла съ лошади. Новобрачные оба молоды и прелестны; сидя рядомъ, рука въ руку, они не говорили ни слова, но были, повидимому, такъ счастливы, такъ счастливы, что у меня, сама не знаю отъ чего, забилось сердце пуще обыкновеннаго.

При этихъ словахъ, братья Леговы украдкою переглянулися между собою.

— Я терпѣть не могу всѣхъ новобрачныхъ, сказалъ Христофоръ наморщивая брови.

— Отъ чегожъ вы ихъ не любите? спросила Жанна съ любопытствомъ.

— Отъ чего.... отъ чего.... лепеталъ Христофоръ съ смущеннымъ видомъ.

— Это очень просто, подхватилъ Жанъ выпуская облако дыма; отъ того что бракъ есть безнравственное установленіе.

— Безнравственное! вскричала Жанна; бракъ безнравственное установленіе! Іосифъ не тому меня училъ. Однакожъ отецъ мой былъ женатъ, сказала Жанна.

— Онъ не лучше сдѣлалъ, отвѣчалъ Христофоръ.

— А! такъ я лишняя у васъ въ домѣ! воскликнула Жанна, и тотъ же часъ вышла изъ-за стола съ слезами на глазахъ.

При этомъ восклицаніи молодой дѣвушки, всѣ три брата Леговы бросаются къ ней, хватаютъ у ней руки и осыпаютъ ихъ поцѣлуями, клянутся, что она для нихъ лучшее украшеніе дома и высочайшій даръ неба. Христофоръ до того былъ взбѣшенъ на самаго себя, что рвалъ на себѣ волосы и называлъ себя злодѣемъ, недостойнымъ ни малѣйшей жалости. Жанна была принуждена утѣшать его; она обняла безутѣшнаго съ трогательною нѣжностію.

— Какъ ты не поняла шутки? сказалъ Іосифъ; дяди хотѣли только доказать тебѣ, что ты еще молода, чтобы думать объ этомъ.

— Молода! вскричала Жанна; вѣдь Ивона, дочь лавоч-

Digitized by Google

пицы, выпедшая сего-дня замужъ, не старше шестнадцати лѣтъ, а мнѣ весною минетъ семнадцать.

— Однакожъ благовоспитанныя дѣвушки выходятъ замужъ не прежде тридцати лѣтъ, примолвилъ Жанъ.

— А я благовоспитанная что ли? спросила безпощадная упрямица.

— Твоей матери, сказалъ Іосифъ, было тридцать два года, когда она вышла замужъ за Жерома.

Разговоръ былъ перерванъ сильнымъ ударомъ грома, отъ котораго задрожали стекла въ замкѣ.

— Кто-то въ такую ужасную погоду ѣдетъ по морю! сказала Жанна.

Въ эту минуту вошелъ слуга и объявилъ, что за четверть часа онъ слышалъ пушечные выстрѣлы, вѣроятно, съ какого нибудь погибающаго корабля.

Жанна и три дяди ея притаили дыханіе; но слышны были только раскаты грома и шумъ волнъ, походившій на глухіе выстрѣлы. Христофоръ велѣлъ засвѣтить фонарь на башнѣ.

Жанна была въ какомъ-то необыкновенномъ волненіи; дяди съ безпокойствомъ набюдали за нею. Буря ли на нее подѣйствовала, или она предчувствовала близкую перемѣну въ судьбѣ своей,—только во всѣхъ ея движеніяхъ замѣтна была какая-то тревога души. Она подошла къ фортепьяно, пробѣжала пальцами по клавишамъ, потомъ вдругъ встала и подошла къ окну. Упершись лбомъ въ стекло, она нѣсколько минутъ глядѣла на молніи, раздиравшія покровъ ночи; снова воротилась къ фортепьяно, что-то начала было пѣть, вдругъ перестала и погрузилась въ задумчивость, подпершн рукою голову.

Стоя возлѣ камина, три брата смотрѣли на нее не сводя глазъ.

— Худо дѣло! съ таинственностію сказалъ Жанъ на ухо Христофору.

— Она еще дитя, отвѣчалъ Христофоръ; авось успѣемъ ее разсѣять.

Digitized by Google

Они всѣ трое подошли къ Жаннѣ и стали вокругъ нея, между тѣмъ какъ мечтательница повидимому ихъ не примѣчала.

— Ты все грустишь, Жанна? сказалъ Іосифъ, тихо кладя ей на плечо руку. Она вздрогнула.

— Грущу! я грущу? вскричала она, поднимая голову. Отъ чего мнѣ грустить? Нѣтъ, я не печальна, Іосифъ.

— А знаешь ли, Жанна, сказалъ Христофоръ, что мы давно не ходили на рыбную ловлю?

— Рыбная ловля мнѣ прискучила, отвѣчала дѣвушка.

— Ну! что рыбная ловля? подхватилъ Жанъ; лучше на охоту. Когда мы поѣдемъ съ тобой травить зайцевъ по полямъ нашимъ и по нивамъ?

— Охота мнѣ надоѣла, сказала Жанна.

— Нынче утромъ, послѣ твоего отъѣзда, мы получили связку книгъ и романсовъ, сказалъ Іосифъ.

— Охота, рыбная ловля, книги и романсы, все это мнѣ опротивѣло, прибавила Жанна.

Три брата съ безпокойствомъ взглянули другъ на друга.

— Чтожъ тебѣ надобно? сказалъ Христофоръ; мы все готовы для тебя сдѣлать; всякое желаніе твое исполнено, всякая прихоть твоя удовлетворена, всякая мечта твоя нами угадана.

— Ты, быть можетъ, недовольна нарядами, которые недавно привезены изъ Парижа? спросилъ Жанъ.

— Не нравится ли тебѣ гарностаевая муфта? прибавилъ Христофоръ.

— Объ закладъ готовъ биться, вскричалъ Жанъ потирая руки, что ей хочется новой кашемирской шали?

— Или арабской лошади? сказалъ Христофоръ.

— Или двуствольнаго ружья? спросилъ Жанъ.

— Брилліантовой нитки на шею?

— Пары пистолетовъ?

На каждый изъ этихъ вопросовъ Жанна трясла головою съ видомъ презрительнымъ и гнѣвнымъ.

— Но что тебѣ надобно? чего ты хочешь? вскричалъ

Digitized by Google

Христоферъ съ петерпѣніемъ. Что бы ни было, я достану тебѣ, хотя бы нужно было для этого сѣсть на бригъ *Вальянсъ* и одному мнѣ воевать съ цѣлымъ свѣтомъ! Говори, требуй, приказывай, хочешь ли, чтобы я положилъ къ ногамъ твоимъ всѣ сокровища Индіи?

Молодая дѣвушка молчала по прежнему; но вдругъ она вскочила, блѣдная, съ сверкающими глазами.

— Слышите! слышите! закричала она. Она побѣжала, открыла окно къ морю и всѣ четверо стояли у окна недвижимо, вперивши взоры въ бездну.

Спустя нѣсколько минутъ, блѣдное сіяніе озарило гребень волнъ и почти въ тоже время раздался выстрѣлъ изъ пушки.

II.

Теперешніе владѣтели Коатъ-д'Ора, Леговы, прежде были не больше какъ бѣдные рыбаки, съ трудомъ достававшіе себѣ пропитаніе. Въ 1806 году это семейство состояло изъ отца, жены его и четверыхъ сыновей, геркулесовскаго роста, здоровыхъ и всегда голодныхъ; одинъ только меньшій сынъ пошелъ по матери: былъ слабаго сложенія и оттого служилъ предметомъ насмѣшекъ для своихъ троихъ братьевъ. Впрочемъ всѣ три брата любили его безъ памяти, и хотя сами смѣялись надъ его слабостію, но другимъ никакъ не давали его въ обиду, такъ что ребятишки въ деревнѣ и пальцемъ не смѣли бывало тронуть маленькаго Легова, котораго всегда охраняли три буяна, готовые доказать всякому силу своихъ рукъ. Въ первые дни 1806 года, старшій поступилъ въ военную службу. Въ Ноябрѣ того же года дано было повелѣніе блокировать берега Англіи, подписанное Наполеономъ въ Берлинѣ. При этомъ извѣстіи глава семейства Леговыхъ вскружился. Онъ былъ храбръ, предпріимчивъ, друженъ съ моремъ; два оставшіеся у него сына — послѣдняго онъ

Digitized by Google

считалъ за ничто—имѣли рыцарскій жаръ, свойственный ихъ лѣтамъ. При содѣйствіи Сенъ-Бріекскаго капера онъ получилъ дипломъ на званіе корсара, вооружилъ бригъ Вальянсъ и пустился сражаться на Океанѣ въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей и нѣсколькихъ охотниковъ, которыхъ набралъ въ Биньикѣ и въ окрестностяхъ. Ремесло было хорошее; Леговы отправляли его по совѣсти, или, иначе говоря, безъ всякой совѣсти.

И теперь еще помнятъ въ той сторонѣ о несчастномъ Датскомъ бригѣ, который эти сумасшедшіе захватили и объявили военноплѣннымъ подъ тѣмъ предлогомъ, что тутъ находилось около дюжины тарелокъ изъ Англійскаго фарфора. Но тогда смотрѣли на это сквозь пальцы.

Благодаря разборчивости мѣръ, Леговы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могли расплатиться съ каперомъ Сенъ-Бріекскимъ и разбойничать на свой счетъ. А въ это время между тѣмъ маленькій Леговъ, котораго звали Іосифомъ, все росъ да росъ и выросъ почти съ свою мать, набожную женщину, съ умомъ простымъ и добрымъ сердцемъ, старавшуюся воспитать его въ любви къ Богу и въ исполненіи обрядовъ церкви. Съ другой стороны и священникъ Биньикскій любилъ Іосифа за кроткій нравъ, покорное сердце, и, замѣтивши въ немъ склонность къ уединенной жизни, уговаривалъ его пойти въ духовное званіе. И вотъ маленькій Леговъ сдѣлался фениксомъ своей страны; не только умѣлъ читать и писать, но зналъ еще первыя правила ариѳметики и немного по латынѣ, занимался литературой и богословіемъ. Онъ пѣвалъ на крылосѣ, и въ Биньикѣ носились слухи, что прекрасныя проповѣди, которыя священникъ говорилъ по воскресеньямъ, чуть ли ему не извѣстнѣе были, чѣмъ всякому другому. Мать втайнѣ желала видѣть его монахомъ, и даже проговорилась объ этомъ мужу; но старикъ Леговъ, имѣвшій нѣсколько вольтеріянскихъ правилъ, наотрѣзъ объявилъ, что не хочетъ видѣть скуфейника въ своей семьѣ, и добрая женщина

Digitized by Google

должна была отказаться отъ самаго лучшаго изъ своихъ желаній.

Между тѣмъ брикъ Вальянсъ часто приходилъ въ пристань и всегда съ добычею. Въ 1812 году старику Леговy случилось по чему-то остаться на нѣсколько времени дома, и когда онъ снова выѣхалъ въ море, то жена его была беременна, и, спустя немного, родила пятаго сына, который при крещеніи названъ былъ Губертомъ. Бѣдная женщина не оправилась послѣ этого усилія. Не долго влачивши горестную жизнь, она скончалась на рукахъ Іосифа, который одинъ находился у ея постели въ минуты ея смерти.

Въ отсутствіе отца и братьевъ, Іосифъ смотрѣлъ за домомъ и заботился о новорожденномъ со всею нѣжностію.

Наконецъ, въ 1815 году, отецъ Леговъ и двое сыновей его, Христофоръ и Жеромъ, рѣшились мирно наслаждаться плодами своихъ завоеваній. Они привели въ извѣстность свое имѣніе, купили Коатъ-д'Оръ, старый замокъ на берегу, въ четверти льё отъ Бипыка, и переселились туда съ Іосифомъ, малолѣтнымъ Губертомъ и пятидесятью тысячами годоваго доходу. О Жаннѣ, старшемъ братѣ, не было никакихъ извѣстій послѣ похода въ Россію, и думали, что онъ погибъ въ этомъ великомъ бѣдствіи. Но Леговыхъ утѣшало то, что ихъ меньшій братъ начиналъ ходить. Не прошло однакожъ двухъ лѣтъ послѣ того, какъ Леговы успокоились отъ своихъ трудовъ, страшный ударъ поразилъ это семейство. Старому корсару угодно было по временамъ выѣзжать въ море вмѣстѣ съ младшимъ сыномъ. Однажды, какъ ихъ лодка вышла въ открытое море, поднялась сильная буря, и съ того времени ничего не было слышно ни объ отцѣ, ни о сынѣ: волны поглотили обоихъ.

Можно судить объ отчаяніи троихъ братьевъ; особенно Іосифъ былъ неутѣшенъ, потому что воспитавши самъ меньшаго брата, онъ смотрѣлъ на него, какъ на свое дитя. Но Небо вскорѣ послало имъ новое утѣшеніе; однажды ве-

Digitized by Google

черомъ, когда они всѣ трое сидѣли у воротъ своего жилища и печально разговаривали о недавней своей потерѣ, къ нимъ подошелъ какой-то бѣднякъ, въ рубищѣ, почти босой, опираясь на суковатую палку. Густая борода до половины закрывала лице его; не смотря на молодость, онъ по видимому сгорбленъ былъ подъ тяжестію лѣтъ. Три брата приняли было его за нищаго, и Іосифъ уже готовъ былъ подать ему милостыню. Но онъ, посмотрѣвши на нихъ умильно, наконецъ сказалъ растроганнымъ голосомъ: — Вы меня не узнаете, братцы? — При этихъ словахъ шесть большихъ рукъ протянулись обнять странника. Это былъ Жанъ, возвратившійся изъ глубины Россіи, гдѣ его держали въ плѣну. Братья разсказали ему, что произошло въ его отсутствіе: такимъ образомъ они поплакали вмѣстѣ, потужили и стали жить да поживать.

И вотъ четверо братьевъ соединились вмѣстѣ подъ одною крышею, богатые, счастливые, одолженные своимъ счастіемъ одной только Англіи, подъ тѣмъ же небомъ, которое видѣло ихъ при рожденіи бѣдныхъ подъ соломенною крышею, они теперь были въ старомъ помѣщичьемъ замкѣ, сами господа на томъ берегу, вдоль котораго закидывали когда-то свои сѣти и собирали водоросли. Однакожъ скука не замедлила ихъ посѣтить, и ихъ семейный бытъ сдѣлался не столь завиднымъ, какъ воображали многіе.

Похожіе на три сука, насильно отломленные отъ ствола, Христофоръ, Жеромъ и Іосифъ никакъ не могли опомниться послѣ несчастія, которое однимъ ударомъ отняло у нихъ пень и отпрыскъ семьи. Это мрачное жилище, которое не увеселяли больше ни свѣжая старость отца, ни шаловливое дѣтство меньшаго брата, сдѣлалось унылымъ и грустнымъ какъ могила.

Потерявши маленькаго Губерта, жилище потеряло единственную прелесть, которая его украшала. Всѣ три брата любили это дитя; но Іосифъ особенно къ нему былъ

Digitized by Google

привязанъ. Губертъ былъ ихъ игрушкою, ихъ развлеченіемъ и въ тоже время ихъ надеждою. Совсѣмъ не расположенные къ женитьбѣ, преданные холостой жизни по разсудку, столько же какъ и по вкусу, они всѣ трое возлагали на эту бѣлокурую головку будущность своего поколѣнія. Сколько прекрасныхъ плановъ они составляли вокругъ его колыбели! сколько пріятныхъ мечтаній ласкали ихъ вечеромъ при свѣтѣ камина, когда младенецъ ползалъ у ногъ стараго корсара, или когда онъ тихо спалъ на рукахъ добраго Іосифа! Съ какимъ нетерпѣніемъ они ждали его юности, чтобы дать ему отличное воспитаніе! Единственный наслѣдникъ послѣ своихъ братьевъ, какую богатую и блестящую партію онъ могъ составить себѣ со временемъ! И всѣ прекрасные планы и всѣ пріятныя мечты разсѣяны однимъ порывомъ вѣтра! Только тотъ можетъ понять горесть Леговыхъ, кто самъ плакалъ надъ опустѣлою колыбелью, схоронивши съ единственнымъ любимцемъ сердца всѣ свои надежды и радости, или кто съ грустною думой сиживалъ возлѣ гнѣзда охолодѣлаго и безмолвнаго, въ которомъ не задолго слышны были веселыя чириканья.

Неожиданное прибытіе Жана на время принесло отраду въ это мрачное жилище скорби. Радость и изумленіе Жана, который оставилъ хижину и вошелъ въ замокъ, счастіе трехъ братьевъ, нашедшихъ старшаго, котораго считали мертвымъ, взаимные разсказы о всякой всячинѣ, братская откровенность, все сначала приводило въ восторгъ, разливало очарованіе. Христофоръ и Жеромъ разсказывали о своихъ подвигахъ и о той страшной войнѣ, которую вели съ Англійскою торговлею; Жанъ описывалъ свои походы и плѣнъ. Одинъ Іосифъ слушалъ ихъ, не говоря ни слова, потому что ему нѣчего было разсказывать. Нѣсколько мѣсяцевъ сряду все шло хорошо. Жеромъ и Христофоръ были откровенные моряки, Жанъ былъ откровенный солдатъ; всѣ трое имѣли одинаковые вкусы, склонности и политическія мнѣнія. Но выросшіе въ тру-

Digitized by Google

дахъ и битвахъ, привыкшіе къ опасностямъ, еще молодые и полные жизни, они вскорѣ почувствовали непріятное положеніе, въ которое поставили ихъ покой и праздность. Это были люди честные и храбрые, но грубые, неспособные дѣятельность тѣла вознаградить дѣятельностію ума; медленно проходили для нихъ дни, еще медленнѣе тянулись вечера. Разъ удовлетворивши свое любопытство, они не знали, чѣмъ сократить продолжительность часовъ. Бѣдная деревушка Биньикъ не доставляла имъ никакого развлеченія; Сенъ-Бріекъ ихъ не привлекалъ.

Не одаренные отъ природы воображеніемъ, они столько же затруднялись употребленіемъ своего богатства, какъ и времени. Они сохранили умѣренность привычекъ и простоту своего прежняго состоянія. Ихъ обѣды не были роскошнѣе, чѣмъ прежде; бѣлье и серебро вовсе неизвѣстны были при ихъ столѣ. Нарядъ ихъ вполнѣ отвѣчалъ роскоши столоваго прибора: они рѣже носили фраки, чѣмъ камзолы, чаще деревянные башмаки, чѣмъ сапоги. Что касается до замка, это была гадкая лачуга. Издавна оставленный безъ призора, онъ все пустѣлъ понемногу, стѣны его отсырѣли, потолки обломились, обои съѣдены крысами. Изъ каминовъ выпибало дымъ, окны не закрывались, двери отходили. Леговы, поселившись въ замкѣ, рѣшились не перемѣнять ничего въ этомъ прелестномъ жилищѣ; едва они осмѣлились заклеить масленою бумагой рамы, въ которыхъ не доставало многихъ стеколъ, нѣсколько изломанныхъ столовъ и стульевъ коегдѣ виднѣлись въ обширныхъ залахъ холодныхъ и безъ половъ. Іосифъ, имѣвшій въ высокой степени чувство порядка и гармоніи, котораго существенно не доставало его братьямъ, хотѣлъ было поставить домъ на лучшую ногу; но его попросили поберечь совѣты для себя, и онъ безъ ропота покорился необходимости. Нельзя сказать, чтобы эти чудаки были скупы; совсѣмъ не то: но рожденные въ бѣдности, они никакъ не умѣли свыкнуться съ богатствомъ. Хуже всего въ ихъ образѣ жизни было то, что,

Digitized by Google

желая отмстить себѣ за время, когда всю прислугу ихъ составляли собственныя руки, они нагнали къ себѣ съ дюжину слугъ, которые знали только одно, чтобы ихъ обкрадывать. Это была съ ихъ стороны единственная дань тому тщеславію и гордости, которыя неизбѣжны въ самыхъ отличныхъ людяхъ, выбившихся изъ ничтожества. И для нихъ это былъ единственный способъ увѣриться самимъ въ перемѣнѣ своего состоянія, потому что, собственно говоря, они не замѣчали ничего новаго вокругъ себя, кромѣ толкотни этой челяди и того грабежа, который они производили въ домѣ.

Праздность повергла ихъ въ скуку, а скука привела на дорогу всевдневныхъ развлеченій. Они пустились пить, курить, играть въ карты; ихъ жилище превратилось въ трактиръ, въ сборное мѣсто всѣхъ негодяевъ въ околоткѣ. Христофоръ и Жеромъ зазывали къ себѣ старыхъ моряковъ, своихъ прежнихъ товарищей; Жанъ собиралъ всѣхъ старыхъ ворчуновъ, которыхъ могъ отыскать на десять льё въ окрестности; всякій день въ Коать-д'Орѣ войско сухопутное и войско морское дружились за стаканомъ вина. И пусть бы они еще дружились!

Всегдашняя спутница праздности — ссора поселилась и между братьями. Жанъ, не смотря на то, что воротился изъ походовъ на своей природной парѣ, скоро принялъ тонъ завоевателя; болтунъ, хвастунишка, вообразившій, что онъ по языку и пріемамъ принадлежитъ къ высшему обществу, онъ спустя недолго сдѣлался въ тягость своимъ братьямъ. Если послушать его бывало, то самъ Императоръ жилъ почти на дружеской ногѣ съ нимъ и даже совѣтовался въ важныхъ случаяхъ. Къ довершенію безстыдства, онъ совсѣмъ не уважалъ ремесла, которое ихъ обогатило, и давалъ понять своимъ братьямъ, что они были небольше какъ пираты и воры.

Жеромъ и Христофоръ сначала роптали на то, что старшій братъ во зло употреблялъ ихъ родственное расположеніе и потомъ не на шутку разсердились, видя, что

Digitized by Google

онъ разыгрываетъ роль барина въ томъ за́мкѣ, въ который вошелъ нагой и босой. Наконецъ война вспыхнула. Жанъ говорилъ корсарамъ, что они были басурманы, стоившіе двадцать разъ висѣлицы или галеръ; Христофоръ и Жеромъ намекали солдату, что онъ былъ нищій и кормился бы подаяніемъ, если бы братья не дали ему куска хлѣба. Но эти взаимныя вѣжливости они всегда мимоходомъ ввертывали за спорами, стараясь рѣшить, которая изъ двухъ армій важнѣе, сухопутная или морская. Судя потому, съ какимъ ожесточеніемъ они спорили, можно было бы подумать, что тутъ дѣло шло о томъ, кому принадлежитъ честь спасителей Франціи. Христофоръ и Жеромъ приписывали себѣ всѣ подвиги Французскаго флота и упрекали Жана во всѣхъ бѣдствіяхъ, которыя причинили паденіе имперіи; Жанъ въ свою очередь принималъ на свой счетъ всѣ побѣды Императора, и обвинялъ своихъ братьевъ во всѣхъ неудачахъ, которыя Франція испытала на морѣ. Не трудно представить себѣ, съ какимъ тонкимъ приличіемъ вели эту перебранку люди, владѣвшіе языкомъ такъ же ловко, какъ нѣкогда вертѣли карабиномъ или абордажнымъ топоромъ. Особенно въ присутствіи старыхъ корсаровъ, пріятелей Христофора и Жерома, и ветерановъ великой арміи, собранныхъ со всѣхъ концевъ Жаномъ, эти споры, поджигаемые горячими напитками и трубкой, доходили до ссоръ, подлинно гомерическихъ.

И при всемъ томъ эти шумныя засѣданія всегда начинались самымъ искреннимъ братствомъ: полными стаканами пили тосты за славу Императора, за паденіе Англіи, обнимались; но довольно было одного слова, чтобы нарушить это трогательное согласіе. Это слово подобно искрѣ, брошенной въ порохъ, воспламеняло страсти, и не рѣдко между пирующими поднимались бури, заглушавшія ревъ океана. Моряки упрекали солдатъ за битву при Ватерлоо, солдаты ругали моряковъ за сраженіе Абукирское. Всѣ вмѣстѣ кричали, били стаканы, кидали другъ

Digitized by Google

въ друга пустыми бутылками, и это продолжалось до тѣхъ поръ, покамѣстъ побѣдители и побѣжденные опрокидывались подъ столъ, мертвецки пьяные.

Іосифъ жилъ въ этомъ жилищѣ, словно лань въ берлогѣ волковъ. Онъ присутствовалъ при этихъ оргіяхъ для того только, чтобы мирить ссорившихся. Ему иногда удавалось обуздать ихъ вспыльчивость; но чаще онъ самъ бывалъ жертвою своего миролюбиваго характера, счастливый и тѣмъ, что его насильно заставляли выпивать стаканъ рому, или прогоняли спать, толкая въ шею.

При всемъ томъ жизнь Іосифа по большей части протекала въ тишинѣ и уединеніи. На верху башни онъ отдѣлалъ себѣ комнату, изъ которой ничего не видно и не слышно было, кромѣ волнъ. Тутъ напрасно стали бы искать роскоши, но поэтическій вкусъ видѣнъ былъ во всемъ. На стѣнахъ прибиты были ящики за стеклами съ бабочками и жуками, полки съ книгами, минералами, сухими растеніями и раковинами. Надъ чистою и скромною постелью висѣло распятіе изъ слоновой кости. Въ головахъ стояла віолончель въ деревянномъ футлярѣ и посереди комнаты былъ столъ съ фарфоровой посудой; мебель была изъ орѣховаго дерева, отлично полированная; на полу разостлана была индѣйская рогожа; сквозь потолокъ изъ зеркальнаго стекла, который не рѣдко задѣвали крыльями чайки, видѣнъ былъ сводъ небесный, то голубой, то покрытый тучами. Въ этомъ-то убѣжищѣ Іосифъ проводилъ дни въ ученіи, чтеніи, занимаясь искусствами и благочестивыми размышленіями. Онъ любилъ поэтовъ и даже самъ на отечественномъ языкѣ сочинялъ стихи, которые повѣрялъ только морскимъ волнамъ. Онъ съ чувствомъ игралъ на віолончели и со вкусомъ рисовалъ цвѣты. Никакое желаніе не возмущало чистоты его мыслей; всѣ его мечты стремились къ небу. Всякое воскресенье онъ ходилъ къ обѣднѣ и вечернѣ въ Бинькъ. Его столько же обожали въ деревнѣ и окрестностяхъ, сколько не любили его братьевъ по зависти къ ихъ богатству, которое, по словамъ нѣко-

Digitized by Google

торыхъ, дѣлало больше чести ихъ мужеству, нежели честности. Іосифъ самъ не безъ угрызенія совѣсти пользовался выгодами этого богатства, такъ что совѣтовался даже съ священникомъ Биньика о томъ, не лучше ли ему вмѣсто того, чтобъ участвовать въ имѣніи, оставшемся послѣ отца, жить своими трудами; но престарѣлый пастырь убѣдилъ его освящать свое наслѣдство добрыми дѣлами и возвращать бѣднымъ то, что отецъ его отнялъ у богатыхъ. Впрочемъ Іосифъ не нуждался въ этихъ наставленіяхъ добраго пастыря, и несчастные его благословляли. На мѣстѣ хижины, въ которой былъ рожденъ, онъ выстроилъ часовню; и заказалъ въ ближнемъ монастырѣ на вѣчныя времена двѣнадцать обѣденъ въ годъ за упокой души своего отца, завелъ въ Биньикѣ первоначальную школу и больницу на десять постелей. Само собою разумѣется, что такая благочестивая жизнь возбуждала противъ него безпрестанныя насмѣшки братьевъ, особенно Жана, который въ качествѣ капрала великой арміи предоставлялъ себѣ право не вѣрить ничему на свѣтѣ. Его нечестивыя правила увлекли Христофора и Жерома, и они всѣ трое наперерывъ старались досаждать Іосифу, и то мѣшали ему идти къ обѣднѣ, то пѣли при немъ соблазнительныя пѣсни, когда онъ молился, то обманомъ заставляли его ѣсть въ постный день мясо. Они мстили такимъ образомъ за его превосходство, которое глубоко лежало у нихъ на сердцѣ, хотя они боялись сознаться въ томъ даже себѣ самимъ. Они его любили и никому не позволили бъ дотронуться до его волоса; имъ только хотѣлось, чтобы онъ скучалъ, и бѣда, если они заставали его за книгою. Тогда Жанъ называлъ его ханжею, а два другихъ брата педантомъ и школьникомъ. Разъ въ его отсутствіе они пришли было въ его комнату съ тою цѣлію, чтобы побросать въ огонь всѣ книги; но увидѣвши надъ изголовьемъ Іосифа фланелевую кофту матери, эти варвары съ трепетомъ удалились, не исполнивши своего намѣренія. Іосифъ съ ангельскимъ терпѣніемъ переносилъ всѣ оскор-

Digitized by Google

бленія братьевъ. Горестнѣе всего ему было то, что онъ не смѣлъ пригласить въ замокъ стараго священника Биньика, котораго любилъ и уважалъ: онъ боялся подвергнуть почтеннаго старца грубымъ насмѣшкамъ страшнаго капрала.

Между тѣмъ безпорядокъ все усиливался. Жанъ, Христофоръ и Жеромъ потеряли наконецъ всю скромность, и Коатъ-д'Оръ превратился въ настоящій кабакъ. Для всякаго приходящаго стояли тамъ на столѣ водка и закуска; попойка продолжалась каждый день съ утра до вечера. Большая часть расходовъ шла на вины и крѣпкіе напитки; тутъ же играли и въ большую игру. Слуги подражали своимъ господамъ, и Іосифъ не на шутку задумалъ было уйти изъ этого ада и жить въ сосѣдней деревнѣ; но зная, сколько презрѣнія отъ всѣхъ честныхъ людей навлечетъ своимъ поступкомъ братьямъ, онъ напередъ хотѣлъ испытать послѣднее средство къ обращенію несчастныхъ на путь истинный. Давно уже онъ съ Биньикскимъ священникомъ придумалъ мѣры къ ихъ исправленію, только выжидалъ все случая, когда бы приступить къ своему намѣренію.

Онъ боялся встрѣтить отпоръ и между тѣмъ не находилъ другаго лекарства противъ такой ужасной болѣзни; наконецъ благопріятный часъ насталъ. Это было въ осенній вечеръ. Всѣ четверо сидѣли передъ свѣтлымъ и игривымъ пламенемъ камина; Іосифъ, по обыкновенію, молчаливый и задумчивый, трое другихъ братьевъ блѣдные и немного пристыженные вчерашнею попойкою: ихъ перенесли пьяныхъ на постель; и когда Іосифъ устремилъ на нихъ свой кроткій и свѣтлый взоръ, краска выступила у нихъ на лицѣ. Іосифъ, наблюдавшій за ними, подумалъ, что это былъ единственный случай сдѣлать ему свое предложеніе. Въ ту минуту, какъ Христофоръ, Жеромъ и Жанъ вытряхивали золу изъ трубокъ и готовились лечь спать, 15 Октября 1818 года, въ девятомъ часу вечера, Іосифъ, попросивши Бога подкрѣпить его въ та-

Digitized by Google

комъ трудномъ дѣлѣ, такъ началъ говорить братьямъ, стараясь придать своему голосу какъ можно больше твердости:

— Братцы, сказалъ онъ, мы ведемъ жизнь жалкую въ глазахъ Бога и людей. Что сказала бы наша матушка, если бы была въ живыхъ? и теперь она съ горестію взираетъ съ небесной высоты на дѣтей своихъ!

При этомъ приступѣ они смутились и не могли произнести ни слова, потому что и среди своихъ заблужденій они сохранили къ памяти матери глубокое чувство любви и уваженія. Жанъ хотѣлъ было что-то отвѣчать, но Христофоръ предупредилъ его и сказалъ скороговоркой:

— Жанъ, уважь свою мать; она была лучше насъ съ тобой.

— Братцы, продолжалъ Іосифъ съ бо́льшею увѣренностію, намъ бы слѣдовало дѣлать честь ея памяти своими поступками. Но что мы теперь? что она сказала бы, если бы Богъ возвратилъ намъ ее? узнала ль бы она дѣтей своихъ, которыхъ воспитывала въ страхѣ Божіемъ? Жеромъ, ты ли это? сказалабъ она тѣмъ пріятнымъ голосомъ, котораго гармонія и теперь еще отзывается въ нашихъ сердцахъ; ты ли это, мой любимый сынъ Христофоръ? ты ли это Жанъ, плодъ моей первой любви? Вы ли это всѣ четверо сыновей моихъ, обѣщавшіе нѣкогда быть мнѣ гордостію и утѣшеніемъ въ старости?

Жанъ кусалъ свои рыжіе усы, Жеромъ и Христофоръ отворотились, чтобы утереть рукавомъ своихъ халатовъ слезы на глазахъ. Вѣроятнѣе всего, что желудокъ ихъ, слишкомъ обремененный со вчерашняго дня, располагалъ ихъ къ умиленію и раскаянію.

— Да, правда, сказалъ Христофоръ, мы живемъ какъ негодяи. Этотъ нищій Жанъ втянулъ насъ въ привычки своей лагерной жизни.

— Стой! Откуда ты взялъ это? вскричалъ Жанъ; въ арміи меня и Императора ставили въ примѣръ трезвости.

Digitized by Google

Вы съ Жеромомъ научили меня всѣмъ своимъ корабельнымъ безпутствамъ.

— И вотъ до чего мы дожили! вскричалъ Іосифъ, прерывая ихъ. Обвиняемъ другъ друга въ собственныхъ порокахъ и безпорядкахъ. Было время, когда мы жили вмѣстѣ безъ ссоръ и распрей, простые и довольные. Тогда мы были бѣдны, но въ трудахъ проводили дни и всякой вечеръ мирно засыпали покойные въ своей совѣсти.

Ободренный молчаніемъ братьевъ, Іосифъ сдѣлалъ живое и вѣрное изображеніе того, что происходило внутри Коатъ-д'Ора со времени кончины главы семейства; онъ измѣрилъ бездну, въ которой погрязли его братья; раскрылъ ожидавшую ихъ будущность, если они останутся въ своихъ заблужденіяхъ; предсказывалъ имъ позоръ и разрушеніе ихъ семьи. Христофоръ и Жеромъ слушали его съ смиреннымъ видомъ; самъ Жанъ не скрывалъ своего смущенія; всѣ трое съ ужасомъ видѣли, до какой степени униженія они дошли. Понявши наконецъ, что трехъ этихъ человѣкъ держалъ въ рукѣ своей, какъ три песчинки, Іосифъ пошелъ уже вѣрнѣе къ своей настоящей цѣли.

— Братцы, продолжалъ онъ, мы еще не такъ глубоко пали, чтобы не было никакихъ средствъ намъ встать. Впрочемъ, нѣтъ бездны, изъ которой бы рука Спасителя не могла извлечь несчастныхъ, взывающихъ къ Нему о помощи.

— Чтожъ намъ прикажешь дѣлать? сказалъ печально Христофоръ. Мы не учены подобно тебѣ; насъ убиваетъ скука.

— И я неученый человѣкъ, братцы, и я не разъ поддавался искушеніямъ зла, которое васъ терзаетъ. Я все обдумалъ: насъ убиваетъ недостатокъ существенной обязанности, которая привязывала бы къ бытію, эгоизмъ, уединеніе; однимъ словомъ, мы не составляемъ семьи. Семья есть тоже, что дерево вѣковѣчное, котораго стволъ кормитъ сучья, а сучья въ свою очередь сообщаютъ жизнь

Digitized by Google

отпрыскамъ. Мы не больше какъ вѣтви, отдѣленныя отъ стебля, безъ корней въ прошедшемъ, безъ отпрысковъ въ будущемъ. Мы не держимся ни зачто, ничто не держится за насъ. Мы живемъ только для себя и сами собою. Скажите, братцы, неужели вы въ часы скуки никогда не мечтали о болѣе тихой жизни? Неужели среди самыхъ удовольствій вы никогда не дышали радостями болѣе чистыми, счастіемъ болѣе совершеннымъ? Вспомните, Христофоръ и Жеромъ, то время, когда нашъ младшій братъ доставлялъ намъ лучшую радость въ жизни; какое очарованіе онъ разливалъ вокругъ себя и сколько прелести поселялъ въ нашемъ домѣ. Какъ намъ пріятно было, когда вечеромъ онъ засыпалъ у насъ на колѣнахъ. Какъ мы спорили объ его ласкахъ и другъ передъ другомъ спѣшили поцаловать его бѣлокурую головку! Съ какимъ бы удовольствіемъ Жанъ сажалъ его къ себѣ на плечо, и позволялъ ему держать себя за длинные усы!

— Къ чему пробуждать эти воспоминанія? сказалъ Христофоръ. Губертъ умеръ; море взяло его у насъ и намъ не возвратитъ.

— Богъ силенъ возвратить его намъ, братцы! вскричалъ Іосифъ съ увлеченіемъ. Сколько разъ я видалъ во снѣ, какъ женщина, это милое созданіе, сидѣла у нашего очага! Тотъ между насъ, кто ее выбралъ, называлъ ее прекраснымъ именемъ супруги; трое другихъ, почтительные и нѣжные, называли ее сладкимъ именемъ сестры; всякій разъ, какъ я видѣлъ ее въ нашемъ домѣ, съ нею вмѣстѣ поселялось у насъ счастіе. Въ ней было все, что требуется для управленія хозяйствомъ, и распорядительность благоразумія, и обязательность доброты, и убѣжденіе разума, и очарованіе прелести. Одно ея присутствіе скрасило наше жилище. По ея голосу, страсти утихли, она снова призвала изгнанный порядокъ и поселила между нами согласіе. Прелестная мечта! Спустя не долго, бѣкокурыя дѣти толпились возлѣ камина, и наша мать на

Digitized by Google

небѣ благословляла ту, которая принесла намъ это благополучіе.

Іосифъ объяснилъ спасительное вліяніе, которое будетъ имѣть присутствіе супруги въ Коатъ-д'Орѣ, истощилъ весь даръ убѣжденія, полученный имъ отъ природы, чтобы доказать своимъ братьямъ, какъ необходимо было одному изъ нихъ жениться, Жану, Христофору, или Жерому; — самъ онъ и въ мысляхъ никогда не имѣлъ другой женщины, кромѣ своей матери. Сколько по набожности своей и молодости, столько по робкому и слабому характеру, онъ никогда и не думалъ состязаться съ братьями на томъ поприщѣ, которое имъ указывалъ.

Слова Іосифа раскрыли передъ его братьями цѣлый рядъ идей, которыхъ они и не подозрѣвали. Они отъ природы такъ мало были склонны къ женидьбѣ, что объ ней и не мечтали. По ихъ изумленію можно было заключить, что до сихъ поръ они ничего не знали о существованіи бога Гимена. Отъ изумленія они перешли къ размышленію. Доказательства, приведенныя Іосифомъ въ защиту своего предложенія, ни мало не тронули этихъ трехъ человѣкъ; но ихъ увлекла перспектива выгодъ вещественныхъ и положительныхъ. Говоря чистосердечно, они начинали скучать своею жизнію; винили въ ней другъ друга и рады были бы ее оставить. Такимъ образомъ рѣчь младшаго брата пробудила въ нихъ больше сочувствія, нежели сколько слѣдовало бы ожидать отъ нихъ. Христофоръ и Жеромъ думали, что присутствіе женщины въ домѣ внушитъ почтеніе Жану; Жанъ съ своей стороны думалъ, что женщина обуздаетъ безпорядки Жерома и Христофора. Іосифъ, ожидавшій сильнаго сопротивленія, былъ удивленъ въ свою очередь, видя, съ какою благосклонностію принято было его предложеніе.

Капралъ первый перервалъ молчаніе:

— Іосифъ правъ, сказалъ онъ; и подлинно, если бы одинъ изъ насъ женился, то все пошло бы иначе; наши

Digitized by Google

слуги перемѣнили Коатъ-д'Оръ въ вертепъ разбойниковъ: насъ обкрадываютъ какъ въ лѣсу.

— Не забудьте, прибавилъ Жеромъ, что когда мы сдѣлаемся стары и больны, то по крайней мѣрѣ будетъ кому объ насъ заботиться и готовить намъ овсяный отваръ.

— И не мило ли будетъ видѣть, вскричалъ Христофоръ, что женщина бѣгаетъ какъ мышь въ домѣ? А тутъ пойдутъ и ребятишки; крикъ, смѣхъ, плачъ; и Іосифъ сказалъ правду: это насъ будетъ нѣсколько развлекать.

— Прибавьте, сказалъ Жанъ, что если не будетъ у насъ наслѣдника, то имѣніе наше со временемъ должно будетъ поступить въ казну.

— Совершенная правда! вскричали вдругъ Христофоръ и Жеромъ съ изступленіемъ.

— Рѣшено, возразилъ Жанъ, этотъ малютка Іосифъ подалъ намъ превосходную мысль. Женщина въ домѣ всегда не лишняя; она бѣгаетъ, суетится, за всѣмъ присматриваетъ.

— Чиститъ и починиваетъ бѣлье, прибавилъ Христофоръ.

— И даетъ наслѣдниковъ, прибавилъ Жеромъ, потирая руки.

— Вотъ хорошо сказано! вскричалъ капралъ.

— Разумѣется такъ, отвѣчали двое моряковъ.

Жанъ всталъ съ важнымъ видомъ, и, обращаясь къ Іосифу, который втайнѣ торжествовалъ и одного только боялся, чтобы его братья всѣ трое не женились разомъ, сказалъ ему:

— Кончено! ты долженъ жениться въ продолженіи мѣсяца.

— И я даю свое согласіе, сказалъ Христофоръ.

— И я благословляю, прибавилъ Жеромъ.

При этихъ словахъ бѣдный Іосифъ поблѣднѣлъ какъ смерть. Онъ хотѣлъ было возражать, но уже зашло за полночь; трое братьевъ встали, прекратили засѣданіе и

Digitized by Google

разошлись по своимъ комнатамъ, оставя Іосифа въ жертву несчастію, которое онъ самъ привлекъ на свою голову.

Съ этого дня три Легова не давали ему ни на минуту отсрочки. Тщетно онъ представлялъ имъ свой вкусъ, свои привычки, свой робкій характеръ, свое слабое здоровье, Христофоръ, Жеромъ и Жанъ были неумолимы. Видя, что приказанія и угрозы не дѣйствуютъ, братья напали на Іосифа со стороны добрыхъ чувствованій; увѣряли, что отъ него зависитъ ихъ счастіе, что онъ дастъ отвѣтъ передъ Богомъ и людьми; льстили такъ же его самолюбію, стараясь доказать, что одинъ онъ въ семьѣ, по своему воспитанію и образу жизни, достоинъ былъ честнаго супружества. Желая кончить чѣмъ нибудь это дѣло, Іосифъ совѣтовался съ Биньюкскимъ священникомъ, и этотъ во имя Бога повелѣлъ ему пожертвовать собою для своихъ домашнихъ. Съ тѣхъ поръ Іосифъ больше не колебался, и, для спасенія братьевъ, рѣшился броситься въ бездну супружества, которую самъ неосторожно разверзъ подъ своими ногами.

Въ это время въ окрестностяхъ Биньика, въ уединенной мызѣ, жила одна, безъ родственниковъ и друзей, Максима Розанкоетъ. Это была набожная и строгая дѣвушка лѣтъ тридцати двухъ; у нея было небольшое имѣньице, и даже въ старые годы она была не дурна собою. Въ Бретани не рѣдкость видѣть дѣвицъ, даже изъ хорошихъ фамилій, удаляющихся на мызу доживать свой вѣкъ въ дѣвкахъ, не желая выдти замужъ за неровню. Такъ какъ Максима Розанкоетъ всякое воскресенье ходила къ обѣднѣ, то Іосифу удалось ее примѣтить; а такъ какъ она была единственная женщина, которую Іосифъ примѣтилъ во всю свою жизнь, и сверхъ того Максима Розанкоетъ въ цѣломъ околоткѣ слыла за набожную и благотворительную дѣвушку, то естественно мысли нашего героя склонились на нее, когда коснулся вопросъ о выборѣ супруги. Въ Коатъ-д'Орѣ положено было предоставить жертвѣ полную свободу выбирать орудіе своей казни. Едва Іосифъ

Digitized by Google

произнесъ имя Розанкоетъ, какъ всѣ четверо пошли ее сватать.

Первый началъ говорить Жанъ; но видя, что онъ спутался въ словахъ, Жеромъ подхватилъ его рѣчь и просто разсказалъ, въ чемъ было дѣло, тогда какъ Іосифъ, раскраснѣвшись какъ маковъ цвѣтъ, съ потупленными глазами, хотѣлъ бы провалиться сквозь землю. Жеромъ объяснился какъ откровенный морякъ на счетъ его характера.

Розанкоетъ набожность свою простирала до самоотверженія. Она слыхала о Леговыхъ вообще и въ особенности объ Іосифѣ. Странность предложенія ее не смутила; тутъ же вмѣшался и Биньикскій священникъ, который, знавши мысли Іосифа на этотъ счетъ, за нѣсколько дней прежде, имѣлъ долгую бесѣду съ самою набожною и кроткою изъ своихъ овечекъ. Коротко, Максима Розанкоетъ, выслушавши Жерома, протянула къ Іосифу руку и согласилась промѣнять мызу на Коатъ-д'Оръ. Назначили день для заключенія договора; и Іосифъ, уходя, осмѣлился поцаловать кончикъ пальцевъ у своей невѣсты.

Дорогою, когда Жанъ расточалъ Іосифу ободренія:

— Какъ ты ее находишь? сказалъ Жеромъ Христофору.

— А ты какъ? спросилъ Христофоръ у Жерома.

— Не молода, чортъ побери!

— Не красива, тысячу громовъ!

— Размачтованный старый фрегатъ, сказалъ одинъ.

— Старый бригъ, сѣвшій на мель у береговъ вѣчности! сказалъ другой.

— Ну, прекрасный выборъ сдѣлалъ!

— Чортъ бы его взялъ! вскричалъ Христофоръ. Я бьюсь объ закладъ, что эта глупая болтунья насъ заставитъ сидѣть дома какъ осужденныхъ.

Наконецъ они достигли до Коатъ-д'Ора. Не медля занялись приготовленіемъ всего, чтобы принять достойно царицу дома. Велѣли выбѣлить известкой стѣны, вставить стекла и перебрать полы. Лучшій портной и лучшій брил-

Digitized by Google

ліянтщикъ изъ Сенъ-Бріека были призваны. Заказали подвѣнечное платье; Іосифъ выбралъ прекрасное жемчужное ожерелье для своей будущей супруги. Онъ старался принять веселый видъ; но чѣмъ ближе подходилъ роковый часъ, тѣмъ болѣе онъ дѣлался задумчивымъ и мрачнымъ. Книги, віолончель свою оставилъ совсѣмъ въ забросѣ, и только бродилъ по берегу съ поникшимъ лбомъ и слезами на глазахъ. Но вотъ наступилъ и день заключенія свадебнаго договора. Съ утра Жанъ, Христофоръ и Жеромъ были на ногахъ, одѣтые по праздничному, въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ. Всѣ трое имѣли видъ насмѣшливый. Когда наступило время пойти на мызу къ Розанкоетъ, кликнули Іосифа, но отвѣта не было. Его стали искать и не нашли нигдѣ. Сказывать ли?—Въ рѣшительную минуту мужество ему измѣнило. Онъ ушелъ по утру, оставивши въ комнатѣ трогательное письмо, въ которомъ объявлялъ своимъ братьямъ, что никакъ не можетъ принести себя въ жертву. Просилъ у нихъ прощенія и обѣщалъ никогда не появляться имъ на глаза. Прочитавши это письмо, солдатъ и двое моряковъ сначала молча переглянулись между собою, потомъ разразились въ порывахъ бѣшенства. Случай, говоря правду, былъ затруднительный. Съ той и другой стороны дано было слово; съ мѣсяцъ ни о чемъ больше не говорили въ околоткѣ, какъ объ этой свадьбѣ. Дѣло шло о томъ, чтобы спасти честь Леговыхъ и доброе имѣніе Розанкоетъ. Но какъ поступить было въ этомъ случаѣ? Никто не могъ приложить ума.

— Одно только средство я знаю, вскричалъ Жанъ, ударивши себя по лбу.

— А какое? спросили вдругъ два брата.

— То, чтобы одинъ изъ васъ женился на Розанкостѣ. И признаться, бѣды я тутъ никакой не вижу; между нами будь сказано, эта дѣвушка лакомый кусочекъ.

— За чѣмъ же дѣло стало, если она тебѣ такъ нравится? сказалъ Христофоръ.

Digitized by Google

— А почемужъ бы и не Жерому взять ее? отвѣчалъ Жанъ.

— Почему и не Христофору? возразилъ Жеромъ.

— Почему и не Жану? вскричалъ Христоферъ.

У всякаго были свои отговорки. Жанъ ссылался на ревматизмъ, полученный имъ въ Россіи, Жеромъ и Христоферъ на раны. Такъ съ часъ времени перекидывали они другъ другу бѣдную дѣвушку, словно шаръ или воланъ, сопровождая это занятіе ругательствами противъ Іосифа и призывая на его голову всѣ проклятія ада. Между тѣмъ время бѣжало: Розанкоетъ ждала.

— Ну такъ пусть же рѣшитъ жеребей! вскричалъ Жанъ.

Сказано, сдѣлано. Каждый написалъ свое имя на бумажкѣ, бумажки свернули между пальцами, скатали на ладоняхъ и вкинули въ фуражку Христофора. Потомъ, положивши накрестъ правыя руки на роковой урнѣ, три брата съ клятвою обѣщались безъ ропота покориться приговору судьбы. Жеромъ опустилъ два пальца въ фуражку, которую Жанъ держалъ полузакрытою, и вытащивши билетъ, развернулъ его съ трепетомъ. Холодный потъ выступилъ на его лицѣ; Жанъ и Христоферъ были въ не меньшемъ безпокойствѣ; но вдругъ услышавши, что Жеромъ испустилъ ревъ раненаго тигра, они начали смѣяться, пѣть и плясать, какъ два Каннибала вокругъ жертвы, которую означилъ жеребей. Жеромъ надѣялся еще, что Розанкоетъ не согласится на этотъ обмѣнъ. Но случилось иначе. Цѣломудренная дѣвушка была столько же ревностна къ своей доброй славѣ, какъ Леговы къ своей чести, и предпочла лучше принять руку Жерома, нежели отдать себя на посмѣшище злымъ людямъ. Подписали контрактъ, сдѣлано повѣщеніе въ церкви, и спустя нѣсколько времени Жеромъ Леговъ и Максима Розанкоетъ помѣнялись кольцами у налоя. Не было одного Іосифа при совершеніи обряда. Бѣглецъ не являлся.

На другой день, въ седьмомъ часу утра, молодой су-

Digitized by Google

пругъ прогуливался одинъ на берегу съ видомъ мрачнымъ и угрюмымъ. Онъ думалъ, что если бы Іосифъ попался ему въ руки, то онъ оторвалъ бы у него оба уха. Но только черезъ два мѣсяца Іосифъ осмѣлился появиться въ Коатъ-д'Орѣ. Въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ, бродя въ изгнаніи по окрестнымъ деревнямъ, Іосифъ высохъ какъ тѣнь. Видя его блѣднымъ, худымъ и чахлымъ, Жеромъ рѣшился его пощадить; но въ присутствіи жены своей объявилъ, что никогда не можетъ простить его.

Однакожъ это супружество не имѣло тѣхъ благихъ послѣдствій, какихъ ожидали. Супруга Жерома была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя въ состояніи украсить собой семейный бытъ. Ей не доставало прелести и пріятности. Она не осуществляла ни поэтическихъ мечтаній Іосифа, ни ожиданій трехъ другихъ братьевъ, и преобразовавши домъ, не сдѣлала его пріятнѣе. Жанъ говорилъ, что только и перемѣны было, что одной совой больше стало въ жилищѣ. Суровая, строгая, сухая и даже брюзгливая, какъ почти всѣ женщины, проведшія молодость въ уединеніи и дѣвствѣ, она управляла хозяйствомъ съ жестокостію, которой первою жертвою былъ ея супругъ. Она выгнала трубку и держала у себя ключи отъ погреба. Слѣдствіемъ было то, что Жанъ, Христофоръ и Жеромъ мало по мало стали уходить изъ Коатъ-д'Ора, чтобы въ Биньикѣ пить и курить на волѣ. Сначала они наблюдали за собой и старались возвращаться домой въ порядкѣ; но скоро забылись, и разъ вечеромъ случилось то, что Жеромъ явился къ своей женѣ въ нетрезвомъ видѣ. Г-жа Леговъ горько жаловалась и говорила, что ей не это обѣщали, когда она соглашалась оставить свое убѣжище и поселиться въ Коатъ-д'Орѣ. Жанъ и Христофоръ однакожъ не послушались; но Жеромъ, тронутый убѣжденіями жены столько же, какъ и упреками собственной совѣсти, рѣшительно посвятилъ себя исполненію семейныхъ добродѣтелей. Отсталъ отъ табаку и водки, и началъ ходить съ женою въ церковь. Съ этою перемѣной черезъ нѣсколько

Digitized by Google

мѣсяцевъ онъ впалъ въ глубокую меланхолію, которая обратилась въ сухотку. Онъ потерялъ аппетитъ, и въ нѣсколько времени пожелтѣлъ и исхудалъ какъ копченая селедка. Онъ по цѣлымъ днямъ просиживалъ въ углу, облокотившись на руку, такъ что отъ него не добьешься бывало ни одного слова. Только присутствіе Іосифа могло вывести его изъ безчувственнаго положенія. Жеромъ до того ненавидѣлъ Іосифа, что не могъ видѣть его безъ ужаснаго гнѣва. Іосифъ сталъ наконецъ отъ Жерома бѣгать.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда въ Коатъ-д'Орѣ узнали, что офицеръ Англійскаго флота обидно отзывался о богатствѣ Леговыхъ въ Сенъ-Бріекѣ. Христофоръ побѣжалъ въ городъ, разбранилъ Англійскаго офицера и вызвалъ его на дуель. Услышавши про это, Жеромъ очнулся: отвращеніе къ жизни внушило ему отчаянное намѣреніе. Не говоря ни кому ни слова, онъ предупредилъ Христофора двадцатью четырмя часами, и при двухъ свидѣтеляхъ влѣпилъ пулю въ бокъ Англичанина, который заплатилъ вѣжливостью за вѣжливость, и они упали въ одно время, смертельно ранивши другъ друга. Умирающій Жеромъ принесенъ былъ въ Коатъ-д'Оръ на носилкахъ. «Я женился за Іосифа и далъ себя убить за Христофора.» Жена и братья плакали надъ нимъ. Помолчавши нѣсколько, онъ протянулъ правую руку къ Христофору и сказалъ: «Благодарю тебя»; потомъ протянулъ лѣвую руку къ Іосифу и сказалъ: «Прощаю тебѣ», и тутъ же умеръ. Г-жу Леговъ увѣрили, что мужъ ея, забывшись въ послѣднія минуты, правую руку свою принялъ за лѣвую.—Супруга Жерома отправилась почти въ слѣдъ за своимъ мужемъ. Она умерла, родивши дочь, которую поручила попеченіямъ Іосифа и двухъ его братьевъ. Только въ послѣдніе часы можно было видѣть, сколько чувства таила въ себѣ эта женщина. Есть сердца, которыя пробуждаются только въ торжественную минуту, подобно какъ иные сосуды только разбившись разливаютъ благовонія, затаенныя въ ихъ

Digitized by Google

нѣдрѣ. Она покрыла дочь свою слезами и поцалуями; умоляла трехъ братьевъ не оставить это маленькое существо. Рѣчь ея была важна и торжественна. Душа, улетая изъ здѣшняго міра, бросила свѣтлое отраженіе на этой блѣдной фигурѣ, въ послѣдній разъ согрѣвши тѣло жизнію. Когда Г-жа Леговъ испустила послѣдній вздохъ, Іосифъ взялъ младенца на руки и представилъ Христофору и Жану, которые оба дали клятву пещись о малюткѣ съ любовію родителей. Спустя нѣсколько дней сиротка дочь была крещена въ Биньикѣ. Жанъ, какъ крестный отецъ, въ честь своего патрона, просилъ назвать ее Жанною; Христофоръ между тѣмъ хотѣлъ, чтобы она носила имя брика, на которомъ Леговы составили себѣ счастіе, и такимъ образомъ малютка записана была въ книгѣ подъ двумя именами — Жанны и Вальянсъ.

Съ этого времени странное и трогательное зрѣлище можно было видѣть въ Коатъ-д'Орѣ. Чего не могли сдѣлать ни просьбы Іосифа, ни женидьба Жерома, ни присутствіе важной супруги въ домѣ, то какъ будто чародѣйствомъ сдѣлала бѣленькая и пухленькая дѣвочка. Грубыя страсти Христофора и Жана, впервыя померкшія на краю двухъ могилъ, которыя разверзлись передъ ихъ взорами, постепенно погасли у колыбели. Эти два человѣка, прежде столь равнодушные ко всѣмъ семейнымъ ощущеніямъ, дошли до крайняго ребячества въ своей любви; соперничали съ Іосифомъ въ родительской нѣжности, и трогательно было видѣть, какъ всѣ трое, наклонившись надъ колыбелью, прислушивались къ дыханію младенца, подстерегали всякій крикъ его, восхищались всякою улыбкой. Малютка росла, а съ нею росло и расположеніе трехъ братьевъ. Это было прекрасное дитя, живое, рѣзвое, полное жизни и здоровья, достойно носившее имя, которое далъ ему Христофоръ. Въ малюткѣ съ твердостію мужчины соединялись всѣ прелести прекраснаго пола; едва вышла она изъ колыбели, какъ уже имѣла милый инстинктъ кокетства, свойственный женщинѣ. И откуда она получила этотъ инстинктъ?

Digitized by Google

Но вы, спрашивающіе объ этомъ, скажите мнѣ, отъ чего бѣлая и душистая лилія выникаетъ изъ черной и грязной луковицы, и отъ чего бабочка выходитъ изъ своей куколки блестящая золотомъ и лазурью? Малютка Жанна выростала на свободѣ, предоставленная дѣйствію собственныхъ силъ и непостоянству воздушныхъ перемѣнъ. Прибрежное солнце и морской вѣтеръ осмуглили бѣлизну ея кожи, ея станъ выпрямился, ея члены округлились, она сдѣлалась стройная и крѣпкая, какъ стебель пальмы. Христоферъ и Жанъ занимали ее тѣлесными упражненіями, Іосифъ взялъ на себя трудъ образовать ея сердце и умъ. Первые два убаюкивали ее военными разсказами, третій развивалъ въ ней вкусъ къ ученію и искусствамъ. — Христоферъ сдружалъ ее съ моремъ; Жанъ училъ ее ѣздить верхомъ и владѣть оружіемъ; Іосифъ старался раскрыть въ ней умъ. Онъ умѣрялъ въ ней страсть къ приключеніямъ и мужскія склонности, поддерживаемыя Жаномъ и Христоферомъ. Къ счастію еще, что Жанна отъ природы была одарена чувствомъ изящнаго, которое помогало Іосифу преодолѣвать вліяніе пошлаго быта, ее окружавшаго. Не взявши ничего у дяди моряка и у дяди солдата, она еще украсила ихъ отраженіемъ своихъ прелестей. Въ сообществѣ съ этимъ милымъ существомъ, нравы ихъ смягчились, манеры облагородились и языкъ очистился. Сначала она замѣняла для нихъ дорогую игрушку, но незамѣтно вмѣстѣ съ нѣжностію увеличивалось и чувство уваженія. Страннѣе всего было то, что нѣжность пробудила въ нихъ это чувство избытка, котораго имъ не доставало до сихъ поръ. Сами они по прежнему сохранили простоту привычекъ; но для племянницы имѣли все тщеславіе, всѣ прихоти роскоши, все понятіе довольства. Для Жанны еще въ колыбели они готовили самыя дорогія пеленки; въ послѣдствіи, чтобы убрать ея комнату, они истощались въ глупыхъ затѣяхъ и сумазбродныхъ расходахъ. Парижъ слалъ отличную мебель и самыя богатыя ткани; не было ничего ни слишкомъ роскошнаго, ни слишкомъ разори-

Digitized by Google

тельнаго, чтобы убрать клѣтку столь милой птички. Остальное въ такой же мѣрѣ; они дождемъ лили на нее алмазы, драгоцѣнности; бархатъ, шелкъ, кружева тюками приходили въ Коатъ-д'Оръ. Не всегда при этихъ тратахъ господствовали вкусъ и разборчивость; но Іосифъ брался прилаживать несообразности. Къ томужъ и Жанна предпочитала всѣмъ нарядамъ платье Индіанки, прыгала по камнямъ подводнымъ, рѣзвилась по луговинамъ и плела себѣ на голову изъ цвѣтовъ вѣнки.

Въ пятнадцать лѣтъ Жанна была гордостію Коатъ-д'Ора. Она отъ природы получила умъ и доброту, отъ Іосифа непорочную скромность благочестивой и милой дѣвушки, отъ Христофора и Жана безстрашіе Амазонки. Съ Іосифомъ она занималась литературою и искусствами; съ Жаномъ ѣздила верхомъ, стрѣляла изъ пистолета, гонялась по степямъ за зайцами; съ Христофоромъ ловила рыбу вдоль берега и ѣздила по морю на яликѣ, легкомъ какъ вѣтеръ. Но всегда Іосифу она отдавала преимущество. Онъ съ такою же любовію и заботливостію раскрывалъ ея природный умъ, съ какою двое другихъ братьевъ старались образовать ея природную красоту. Онъ научилъ ее музыкѣ и рисованію, сколько зналъ самъ; они вмѣстѣ читали поэтовъ, и въ ясные дни изучали на поляхъ исторію насѣкомыхъ и цвѣтовъ. Въ зимніе вечера Жанна садилась за фортепьяно, Іосифъ бралъ віолончель, и они вмѣстѣ разыгрывали небольшія піесы, тогда какъ Христофоръ и Жанъ, сидя въ сторонѣ, слушали ихъ съ восхищеніемъ. Жанна играла безъ выраженія, пѣла безъ искусства и методы; но голосъ имѣла чистый, вкусъ неиспорченный, чувство неподдѣльное: ее слушали, какъ слушаютъ травниковъ, не спрашивая, хорошо ли они поютъ или худо; чувствовали себя очарованными, не зная, какъ и отъ чего. Во всей ея особѣ разлита была неизъяснимая прелесть, которой покорялись Христофоръ и Жанъ, какъ влюбленные въ свою цѣпь невольники; одинъ Іосифъ повидимому не потерялъ разсудка въ своей привязанности.

Digitized by Google

Жанна была, въ самомъ обширномъ значеніи слова, то, что обыкновенно называютъ избалованнымъ ребенкомъ: своенравная, самовольная, непостоянная какъ струя, она имѣла всѣ прихоти пятнадцатилѣтней причудницы. Іосифъ журилъ ее иногда, но въ глубинѣ сердца ее обожалъ. Эта нѣжная и поэтическая душа нашла наконецъ въ молодой племянницѣ женщину по своему образу мыслей; вяхирь не былъ больше одинъ въ гнѣздѣ; олень нашелъ свою подругу.

Но если судить о расположеніи моряка и солдата, то оно было просто безумное обожаніе. Сами матери не нашли бы словъ къ выраженію подобнаго изступленія. Младенца они любили; но когда эти два человѣка, неимѣвшіе доселѣ никакого понятія о красотѣ и прелести, увидѣли подъ своею крышею юное и прекрасное твореніе, прелестное, живое, дружное съ ихъ жизнію, нѣжное, ласковое, увивающееся вокругъ нихъ и благодарное за все ихъ вниманіе къ себѣ, то они совсѣмъ растерялись, и любовь ихъ, подкрѣпляемая гордостію, не знала никакихъ предѣловъ. Они племянницу любили особенно за то, что руками ея извлечены изъ бездны постыдныхъ страстей. Имъ пріятно было видѣть таинственную связь между этимъ ребенкомъ и старымъ брикомъ, котораго имя носила Жанна. Одинъ принесъ имъ счастіе, другая создала ихъ честь. Имъ думалось, что Вальянсъ, нося имя брика, облагораживала и очищала источникъ ихъ богатствъ. Эта любовь со временемъ приняла всѣ наружные признаки страсти, и три брата соперничали между собою въ угожденіяхъ своему идолу. Ревнуя Іосифа, Жанъ и Христофоръ ревновали въ тоже время другъ друга. — Старая ненависть между знаменемъ и флагомъ пробудилась снова; но молодая дѣвушка имѣла чудесное искусство отдать каждому свое и держать балансъ самолюбій въ совершенномъ равновѣсіи; она Христофора называла дядею-адмираломъ, а Жана дядею-полковникомъ. Между ними по крайней мѣрѣ не существовало открытой ссоры. Каждый изъ нихъ

Digitized by Google

былъ готовъ предупредить малѣйшіе капризы Жанны; изподтишка выпытывали у нея и употребляли тысячи хитростей, чтобы побѣдить другъ друга въ щедрости. Вотъ что случилось напримѣръ въ пятнадцатый день рожденія Жанны.

За нѣсколько мѣсяцевъ прежде, Христофоръ и Жанъ совѣтовались между собою, чѣмъ бы подарить племянницу по случаю этого торжественнаго дня.

— Признаюсь, сказалъ Жанъ, на этотъ разъ мнѣ бы ничего не хотѣлось дарить Жаннѣ. Меня разорилъ послѣдній ея праздникъ. Да ей ничего и не нужно; я поберегу себя для будущаго года.

— И я хочу слѣдовать твоему примѣру, вскричалъ Христофоръ. У Вальянсы столько драгоцѣнностей и лоскутковъ, что ими можно бы нарядить всѣхъ женщинъ въ Сенъ-Брiекѣ. Отъ послѣднихъ подарковъ ей мой кошелекъ высохъ. На нынѣшній годъ я также, какъ и ты, хочу пріостановиться тратами.

— И умно сдѣлаешь, прибавилъ Жанъ.

— Да ужъ мы довольно дѣлали глупостей, примолвилъ Христофоръ.

— Рѣшено! вскричалъ Жанъ; ребенку мы ничего не дадимъ для пятнадцатаго года.

— Согласенъ, сказалъ Христофоръ.

Наконецъ великій день насталъ, и Жанна, ожидавшая великолѣпныхъ подарковъ, съ изумленіемъ увидѣла, что дяди поздравили ее съ пустыми руками. Одинъ Іосифъ принесъ ей букетъ цвѣтовъ, распустившихся при первомъ дыханіи весны. Между тѣмъ Христофоръ и Жанъ что-то посмѣивались. Но вотъ около полудня, роспуски, запряженные въ одну лошадь, съ огромнымъ ящикомъ остановились передъ воротами Коатъ-д'Ора. Ящикъ приносятъ въ залу, расколачиваютъ доски, и тогда какъ молодая дѣвушка съ безпокойствомъ суетится, желая знать, какое чудовище выйдетъ изъ боковъ сосноваго исполина, Христофоръ и Жанъ потираютъ руки, и украдкой съ насмѣшливымъ видомъ по-

Digitized by Google

сматриваютъ другъ на друга. Наконецъ доски отлетѣли, выкидали и сѣно, одна клѣнка скрываетъ еще таинственное сокровище. Жанна блѣдная, неподвижная; нетерпѣніе и любопытство волнуютъ ея молодое сердце. Христофоръ и Жанъ наблюдаютъ ее съ удовольствіемъ. Вскорѣ холстъ лопастъ подъ ножницами, послѣднее покрывало падаетъ, молодая дѣвушка всплескиваетъ руками, Христофоръ и Жанъ торжествуютъ.

Это была рояль изъ чернаго дерева, отличной работы. У Жанны до сихъ поръ только и было, что дрянное фортепьяно, купленное въ Сенъ-Бріекѣ съ публичнаго торгу; увидѣвши передъ собою прелестную и богатую рояль, она съ восхищеніемъ спросила, кого изъ дядей должна благодарить за столь пріятную нечаянность.

При этомъ вопросѣ, каждый изъ нихъ принялъ видъ скромнаго побѣдителя.

— Это бездѣлица, говорилъ Жанъ.

— Это ничего, сказалъ Христофоръ.

— Не слѣдуетъ и говорить объ этомъ, прибавилъ первый.

— Это не стоитъ благодарности, прибавилъ второй.

— Кто жъ изъ васъ виною? вскричала Жанна улыбаясь; пусть бы я обняла того.

— Такъ какъ ты хочешь.... сказалъ Христофоръ.

— Такъ какъ ты требуешь.... сказалъ Жанъ.

— Ну такъ я, вскричали они оба вдругъ, простирая руки къ Вальянсъ.

При этомъ двойномъ крикѣ Христофоръ и Жанъ быстро повернулись другъ къ другу.

— Кажется, ты братъ шутишь, сказалъ Христофоръ.

— Тебѣ, кажется, угодно шутить, братъ Христофоръ, возразилъ Жанъ.

— Я не шучу, сказалъ Христофоръ.

— А я и не думалъ шутить, сказалъ Жанъ.

Дѣло шло совсѣмъ не на шутку. Глаза Христофора горѣли какъ уголь; щетинистые рыжіе усы солдата наду-

Digitized by Google

лись, какъ будто готовы были влѣпиться въ лице раздраженнаго моряка.

— Дядя полковникъ и дядя адмиралъ объяснитесь! сказала молодая дѣвушка, которая, такъ же какъ Іосифъ, ни чего не понимала въ этой сценѣ.

— Увѣряю всѣхъ, вскричалъ Христофоръ, что я, Христофоръ Леговъ, лейтенантъ брика Вальянсъ, дарю моей племянницѣ вотъ это фортепьяно.

— И я утверждаю, вскричалъ Жанъ, что я, Жанъ Леговъ, капралъ великой арміи, это самое фортепьяно дарю моей племянницѣ.

— Какъ! вскричалъ Христофоръ сжимая кулакъ, фортепьяно, которое стоитъ тысячу талеровъ.....

— Тысячу талеровъ заплатилъ и я, возразилъ Жанъ съ увѣренностію.

— Да оно ко мнѣ прислано, сказалъ Христофоръ.

— Къ тебѣ? а это что? вскричалъ Жанъ, и вынувши письмо изъ кармана, развернулъ и подсунулъ подъ носъ моряку, тогда какъ этотъ, развернувши какую-то бумагу, подставилъ ее подъ носъ солдата.

По счастію, пришли новые роспуски и остановились передъ воротами; покамѣстъ въ залѣ спорили, служители внесли другой ящикъ, совершенно похожій на первый. Тутъ все объяснилось. Христофоръ и Жанъ встрѣтились мыслями: въ одинъ день и часъ, двое фортепьянъ на имя Жанны пріѣхали въ Сенъ-Бріекъ изъ двухъ различныхъ конторъ.

— Ахъ ты измѣнникъ! сказалъ Христофоръ, подходя къ Жану? А не ты ли говорилъ, что не станешь дарить Жанну? Не ты ли хотѣлъ поберечь себя для слѣдующаго года?

— И ты, хитрый плутъ, возразилъ Жанъ, ты увѣрялъ, что твой кошелекъ опустѣлъ.

— Чему посмѣешься, тому и поработаешь.

— Какъ кликнется, такъ и аукнется.

Что было дѣлать съ двумя фортепьянами? Одно было

Digitized by Google

изъ чернаго дерева, другое изъ фіолетоваго, оба равно богатыя и красивыя. Христоферъ хвалился своимъ, а Жанъ своимъ; сама Жанна долго колебалась, не зная, на что рѣшиться. Если бы дѣло шло о жизни и смерти двухъ братьевъ, то ихъ страданія были бы не живѣе и не мучительнѣе. Чтобы угодить обоимъ, и дядѣ адмиралу и дядѣ полковнику, молодая дѣвушка рѣшила, чтобы въ ея комнату отнесли фортепьяно изъ фіолетоваго дерева, а въ гостиной оставили рояль изъ чернаго дерева.

Такъ проходило время въ Коатъ-д'Орѣ. Надобно прибавить, что любовь трехъ братьевъ къ Жаннѣ, даже въ сердцѣ Іосифа, обратилась въ простодушный эгоизмъ. Никогда имъ не приходило на мысль, чтобы племянница ихъ могла имѣть другую цѣль въ жизни, кромѣ ихъ удовольствія. Они отъ души вѣрили, что этотъ прелестный цвѣтокъ распустился для того только, чтобы разливать благовонія въ ихъ домѣ. Жанна, съ своей стороны, казалось, увѣрена была, что подъ небомъ не было существъ милѣе ея дядей, ни жизни пріятнѣе той, которую проводили въ Коатъ-д'Орѣ. Биньикъ былъ для нея средоточіемъ міра; ея мечты не простирались далѣе того разстоянія, которое въ половину дня могла пробѣжать ея лошадь. Она еще не вперяла въ горизонтъ пылкаго и любопытнаго взора; еще не слыхала въ своей молодой груди того безотчетнаго ропота, который поднимается на зарѣ жизни, подобно таинственному шелесту, пробѣгающему въ листьяхъ на разсвѣтѣ. Безпрерывная дѣятельность спасала ее отъ той пустой мечтательности, которая мучитъ праздную юность. Ея воображеніе спало, только неблагоразуміе Жана и Христофора его пробудило.

Сколько молодая дѣвушка ни старалась скрыть предпочтеніе, которое ея сердце отдавало Іосифу, и сколько сами они ни увѣрены были въ своемъ превосходствѣ, но все-таки подозрѣвали, что Іосифа Жанна имъ предпочитала. — Слыханное ли дѣло? говорили они между собою, отъ Іосифа только и подарковъ она видѣла что

Digitized by Google

цвѣты, а мы для нея разорились! Онъ часто ей дѣлаетъ выговоры, а мы благоговѣемъ предъ ея недостатками! Этотъ мальчишка всю жизнь свою просидѣлъ за печкой, и какъ былъ трусомъ, такъ и умретъ трусомъ; а мы такъ умремъ героями!—Онъ ученый, прибавлялъ Христофоръ, покачивая головою, Жаннѣ навязалъ вкусъ къ чтенію, малютка любитъ книги, а Іосифъ ей доставляетъ. — Ну такъ чтожъ? сказалъ однажды солдатъ, и мы дадимъ Жаннѣ книги, да еще поопрятнѣе и почище, нежели старыя книжонки Іосифа. И подлинно, на другой день написали въ Парижъ, и, черезъ шесть недѣль, возвратившись изъ прогулки, Жанна нашла въ своей комнатѣ библіотеку изъ томовъ, великолѣпно переплетенныхъ. Къ несчастію, это былъ ящикъ Пандоры, погубившій покой Жанны.

По видимому, ничего не было приличнѣе этой коллекціи книгъ; но такъ какъ тутъ больше всего было современныхъ французскихъ поэтовъ и романистовъ, чѣмъ какихъ нибудь другихъ писателей, то Жанъ и Христофоръ вмѣстѣ съ этими книгами дали племянницѣ пріятную отраву. Самъ Іосифъ не могъ противиться искушенію, и они съ племянницею вдвоемъ съ жадностію черпали ядъ въ этихъ источникахъ. Тишина ихъ свѣтлыхъ душъ возмутилась. Какъ ни давно минули для Іосифа годы юности, но сердце у него было еще молодо; невинность и чистота сохранили въ дѣвственной почкѣ цвѣтъ его жизни. — Эти два сердца находились еще на равной степени безсознательнаго бытія; новыя книги открыли другой міръ Жаннѣ и Іосифу.

Читая эти страстныя поэмы вмѣстѣ, днемъ на уединенномъ берегу океана и вечеромъ при свѣтѣ лампы, Іосифъ приходилъ въ смущеніе; Жанна дѣлалась вдругъ безпокойна, мечтательна, попеременно переходила отъ безумной веселости къ мрачной меланхоліи, неумѣя отдать себѣ отчета ни въ своей радости, ни въ своей печали. Часто она спрашивала себя въ раздумьѣ, неужели міръ оканчивается видимымъ горизонтомъ, и вся жизнь ея должна ли протечь

Digitized by Google

въ скучномъ однообразіи подъ закоптелою крышею Коатъ-д'Ора? Напрасно дяди удвоивали свою нѣжность и заботливость, стараясь развлечь ее: они только досаждали ей своимъ неотвязчивымъ вниманіемъ. Іосифъ давно угадывалъ эти бурные, безсочетные порывы пробуждающагося сердца; онъ видѣлъ и молчалъ.

Наконецъ и Жанъ съ Христофоромъ, надоумленные больше своимъ эгоизмомъ, нежели тонкостію проницанія, смутно постигли причину зла, которое томило ихъ племянницу. Іосифъ схватилъ одну поэтическую сторону душевныхъ волненій Жанны, грубые и совсѣмъ неидеальные въ своихъ понятіяхъ Христоферъ и Жанъ видѣли тутъ одну физическую сторону.

Эти корыстолюбивыя души поняли наконецъ, что сокровище, зарытое ими въ своемъ домѣ, могло достаться другому; что птенецъ, посаженный ими въ клѣтку, выросъ, оперился, и, при первомъ крикѣ пролетной птицы, пробьется пожалуй сквозь рѣшетку золоченой тюрьмы и улетитъ въ высоту поднебесную; или простѣе говоря языкомъ двухъ дядей, они открыли, что малоткѣ было шестьнадцать лѣтъ, и пора уже подумать объ ея замужствѣ.

Но они не таились, что выдать замужъ Жанну для нихъ тоже значитъ, что ее потерять, и отдавали полную справедливость другъ другу. Жанъ говорилъ, что супругъ, избранный Жанною, никогда бы не рѣшился жить вмѣстѣ съ такимъ грубымъ существомъ, какъ морской разбойникъ; Христофоръ тоже самое думалъ о капралѣ. А вмѣстѣ они соглашались, что Коатъ-д'Оръ меньше всего былъ мѣстомъ удовольствій, и что двѣ горлицы скоро бы соскучили ворковать въ такомъ гнѣздѣ. Но они выходили изъ себя при одной мысли, что Жанна могла быть въ объятіяхъ человѣка, который въ присутствіи ихъ осмѣлился бы называть ее своею женою.

Digitized by Google

Въ такомъ положеніи были дѣла въ Коатъ-д'Орѣ, когда, въ бурный вечеръ, пушечный выстрѣлъ раздался среди волнъ разъяреннаго моря.

III.

Три брата, забравши всѣхъ слугъ, поспѣшили къ морю. Тутъ они нашли рыбаковъ изъ Биньика, прибѣжавшихъ, подобно имъ, на сигнальные выстрѣлы. Христофоръ велѣлъ кое-гдѣ разложить большіе огни. На кораблѣ замѣтили готовность подать помощь погибающимъ, и съ тѣхъ поръ безпрестанно стрѣляли изъ пушки, чрезъ каждыя три минуты. Корабль былъ не далеко отъ берега, такъ что, не смотря на шумъ бури, слышны были крики матросовъ и свистокъ начальника; но море было такъ грозно, что нельзя было спустить лодки, и ночь была столь мрачна и туманна, что на волнахъ отличали только свѣтъ, предшествовавшій выстрѣлу. Полагали одно изъ двухъ, либо что корабль гибнулъ подъ парусами отъ бури, или онъ сѣлъ на одну изъ песчаныхъ мѣлей, которыхъ такъ много у этихъ береговъ. Наконецъ стало свѣтать, и вскорѣ примѣтили сѣвшій на мѣли фрегатъ, котораго флагъ показывалъ, что онъ принадлежалъ Англіи. Среди волнующагося моря онъ попеременно то выказывался весь взорамъ глядѣвшихъ съ берега, то снова прятался подъ пѣнистыми буграми. На палубѣ не видно было никого; пушка не гремѣла больше, и по множеству труповъ, выброшенныхъ волнами на берегъ, можно было судить, что весь экипажъ погибъ; но вотъ Христофоръ, съ помощію зрительной трубы, открылъ, что оставались на кораблѣ еще живые.

— Ну, дѣти! вскричалъ онъ, обращаясь къ рыбакамъ, тамъ, кажется, не все пропало. Правда, это Англичане; но одинъ только трусъ откажется подать помощь и утопающей собакѣ, когда можетъ спасти ее.

Вмѣстѣ съ этими словами, онъ съ помощію Жана и Іо-

Digitized by Google

сифа стащилъ съ берега одну шлюпку, и уже готовъ былъ спустить на волны.

— Дѣти! вскричалъ Христофоръ, схватывая по веслу въ каждую руку, нужно только шесть рукъ, чтобы достичь до корабля, и привезти сюда тѣхъ, которые остались тамъ въ живыхъ.

— Прекрасно, отлично, мой храбрый дядя Христофоръ! вскричала Жанна, обнимая его съ восхищеніемъ.

Стоявши цѣлую ночь у открытаго окна, молодая дѣвушка на зарѣ прибѣжала на утесъ.

Она стояла, съ обнаженною головою и съ волосами развѣвающимися отъ вѣтра, возлѣ дядей, завернувшись въ салопъ. Между тѣмъ никто не отвѣчалъ на призывъ Христофора.

Море поутихло не много, но все еще волновалось; ни одинъ рыбакъ не трогался съ мѣста.

— Чтожъ вы, нищіе? закричалъ Христофоръ съ гнѣвомъ; вы не шевельнетесь и стоите, опустивши руки въ карманы, когда столько несчастныхъ васъ призываютъ! Какъ? васъ тутъ двадцать человѣкъ, и трехъ не найдется съ мужествомъ и твердою волею?

Рыбаки посмотрѣли другъ на друга съ смущеннымъ видомъ.

— О! за чѣмъ вы такъ долго остаетесь на открытомъ воздухѣ? сказала Жанна съ презрѣніемъ. Холодно, вы простудитесь! Воротитесь въ Биньикъ и пошлите сюда вашихъ женъ: онѣ возьмутъ весла, а вы сядете за прялки. Покамѣстъ насъ все-таки четверо, дядинька! прибавила безстрашная дѣвушка, намѣреваясь вскочить въ шлюпку. Отъ меня и Іосифа не льзя надѣяться большой помощи; но Іосифъ будетъ молиться за успѣхъ предпріятія, а я во время плаванія буду забавлять васъ пѣснями.

Видя у этой молодой дѣвушки столько рѣшимости, рыбаки застыдились своего малодушія, и всѣ двадцать человѣкъ вызвались ѣхать съ Христофоромъ. Но Христофоръ выбралъ троихъ самыхъ сильныхъ, вооружилъ ихъ крѣп-

Digitized by Google

кими веслами, потомъ, обнявши свою племянницу и пожавши руку братьямъ, бросился въ шлюпку вмѣстѣ съ тремя другими товарищами. Лодку спустили на воду; огромная волна подхватила ее и съ ревомъ умчала отъ берега.

Глаза, устремивши къ небу и руки скрестивши на груди, Іосифъ возсылалъ теплыя молитвы къ Богу. Молча стояли на утесахъ берега молодая дѣвушка, Жанъ и рыбаки, жаднымъ взоромъ слѣдовали за движеніями шлюпки, которая по временамъ то являлась на вершинѣ волны, то опять исчезала въ безднѣ. Казалось, Океанъ, раздраженный такою дерзостію, удвоивалъ свое бѣшенство. Страхъ и недоумѣніе выражались на всѣхъ лицахъ; одна только Жанна не совсѣмъ теряла надежду. Тщетно волны разбивались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея съ ужаснымъ ревомъ; восторженная геройзмомъ Христофора, она была покойна, чуть не весела, и, съ упованіемъ на Бога, какъ будто владычествовала надъ бурею. Но была одна минута, когда крикъ ужаса невольно вырвался разомъ изъ груди всѣхъ зрителей: огромный валъ, какъ обрушающееся зданіе, налетѣлъ было на шлюпку, и, опрокинувшись на нее, готовъ былъ, такъ сказать, схоронить ее подъ своимъ мусоромъ. Прошло десять минутъ этого смертельнаго ожиданія. Наконецъ на берегу раздался крикъ радости: лодка очутилась на выстрѣлъ ружья отъ корабля. Положивши на плечо дяди зрительную трубку, Жанна приложила глазъ свой къ маленькому стекльшку.

— Жанна, что видишь? спрашивалъ у нея дядя солдатъ.

Помолчавши немного, она сказала:

— Я вижу корабль въ самомъ жалкомъ положеніи: мачты всѣ до одной сломлены; волны бросаютъ его то въ ту, то въ другую сторону, и какъ будто хотятъ утащить его на дно. На палубѣ ни души.... Однакожъ—стойте! Да, я вижу человѣка, только одного человѣка, который стоитъ позади бортовъ. Прочіе погибли всѣ,—бѣдные люди!—Онъ

Digitized by Google

дѣлаетъ знаки — безъ сомнѣнія Христофору. — Кричитъ ему воротиться. — Видъ у него безстрашный. — На немъ синій фракъ и съ боку шпага.

— Это офицеръ, сказалъ Жанъ.

— Шлюпка, вотъ шлюпка! вскричала она. Боже мой! она разобьется о корабль.... Но пѣтъ, отпрянувшая волна ослабила ударъ. — Офицеру бросили веревку. — Отъ чего онъ не вдругъ за нее хватается? чего онъ ждетъ? чтобъ время было пропущено!—Онъ говоритъ Христофору, Христофоръ отвѣчаетъ ему. Присталоль тутъ разговаварить? Христофоръ сердится, это видно по его жестамъ; онъ сыплетъ всѣ проклятія ада, объ этомъ я готова биться объ закладъ.... Браво, дядя Христофоръ! Онъ бросается на палубу фрегата, хватаетъ офицера поперекъ, поднимаетъ его какъ перо и кидаетъ въ шлюпку,—самъ туда же сходитъ. Дай имъ Богъ возвратиться благополучно!

Быстро пролетѣли они обратный путь. Гонимая волнами и вѣтромъ, какъ изъ лука стрѣла, лодка въ нѣсколько минутъ очутилась у берега. Едва Христофоръ успѣлъ поставить ногу на землю, какъ Жанна кинулась ему на шею, и ну душить его въ своихъ объятіяхъ.

— Я горжусь вами, дядюшка, сказала она Христофору съ чувствомъ той пылкой нѣжности, въ которой Жанъ и Іосифъ могли бы ему позавидовать.

— Это ничего не значитъ, отвѣчалъ Христофоръ, думая, что онъ сдѣлалъ самое обыкновенное дѣло. Мы слишкомъ поздно пріѣхали, и успѣли спасти только одного человѣка, да и то съ большимъ усиліемъ. Этотъ сумасшедшій рѣшился было погибнуть вмѣстѣ съ своимъ фрегатомъ, и скорѣе другаго можно бы отправить на тотъ свѣтъ, чѣмъ намъ довелось спасти его. Дѣти, прибавилъ онъ, обращаясь къ рыбакамъ, своимъ товарищамъ, пойдемте съ нами въ замокъ, тамъ васъ угостятъ. — Потомъ, обратясь къ Англійскому офицеру, хотѣлъ было пригласить его, но слова замерли на его устахъ.

Чужестранецъ съ мрачнымъ видомъ пересматривалъ тру-

Digitized by Google

пы, которые море выбросило на берегъ. Онъ медленно переходилъ отъ одного трупа къ другому, называя ихъ по имени. Онъ уже обошелъ многихъ, и вдругъ остановился возлѣ одного, котораго жизнь, вѣроятно, ему была дороже всѣхъ;—сталъ на колѣни возлѣ него съ мрачнымъ отчаяніемъ, и долго ему говорилъ какъ живому.

Всѣ свидѣтели этой сцены были глубоко тронуты.

— Несчастный! сказала Жанна, онъ плачетъ о братѣ или другѣ.

— Да, сказалъ Христоферъ, понимавшій немного по Англійски, онъ называетъ его братомъ, другомъ, своимъ любезнымъ и несчастнымъ Албертомъ. Пойдемъ, Милордъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ офицеру; и выплакавши всѣ свои слезы, вы не возвратите къ жизни этихъ храбрыхъ людей. Я раздѣляю съ вами ваше несчастіе, но не забудьте, Милордъ, что вы исполнили свой долгъ. Я признаю васъ за человѣка съ честію, за храбраго и настоящаго моряка, и въ случаѣ нужды, готовъ объявить это предъ Совѣтомъ Британскаго Адмиралтейства. Вы, Милордъ, имѣете дьявольское мужество! Сплошь и рядомъ бываютъ кораблекрушенія, садятся на мель, теряютъ корабли, — это можетъ случиться съ первымъ Адмираломъ Франціи или Англіи; но это не порокъ. Океанъ сильнѣе всѣхъ, и часто бросаетъ васъ на вѣчную постель, тогда какъ меньше всего объ этомъ думали. Я увѣряю васъ, что вы человѣкъ съ сердцемъ, и если бы мы двадцать пять лѣтъ назадъ встрѣтились на морѣ на выстрѣлъ изъ ружья, вы на своемъ фрегатѣ, а я на брикѣ Вальянсъ, то, клянусь вамъ, мы поздоровались бы особеннымъ образомъ.

Христоферъ много еще говорилъ въ такомъ родѣ, чтобы заставить Англійскаго офицера идти въ Коатъ-д'Оръ; но чужестранецъ по видимому не слыхалъ ничего, что ему ни говорили. Руки скрестивши на груди, онъ стоялъ неподвижно, вперивши взоры на свой фрегатъ, въ который по прежнему ударяли волны съ бѣшенствомъ. Онъ долго оставался въ этомъ печальномъ положеніи, но наконецъ

Digitized by Google

корабль затрещалъ, разсѣлся и, спустя нѣсколько секундъ, волны свободно покатились по тому мѣсту, которое онъ занималъ. Офицеръ билъ себя въ грудь съ отчаянія, и нѣмыя слезы струились по его ланитамъ.

Въ порывѣ жалости, Жанна и Іосифъ схватали его подъ руки. Онъ опустилъ заплаканныя глаза свои на молодую дѣвушку, молча и машинально подалъ ей руку, и далъ себя вести какъ ребенка.

Жанъ и Христофоръ шли впереди, Жанна слѣдовала за ними, держась за руку Англичанина. Іосифъ остался на берегу, чтобы распорядиться на счетъ труповъ. Дорогою шли молча. Наконецъ пришли въ Коатъ-д'Оръ.

— Государь мой, сказалъ Христофоръ, обращаясь къ чужестранцу, вы во Франціи и на берегахъ Бретани, въ замкѣ трехъ братьевъ Леговыхъ. Вотъ Жанъ, я Христофоръ, третій братъ убирастъ вашихъ мертвецовъ; а это наша любимая племянница. Я не сталъ бы васъ спасать, если бы мы не хотѣли оказать вамъ все должное гостепріимство. Считайте же этотъ домъ своимъ и будьте увѣрены, что мы съ своей стороны употребимъ все, чтобы облегчить ваше несчастіе.

— Вы нашъ гость, прибавилъ Жанъ.

— Мы ваши друзья, сказала Жанна.

— Благородныя сердца! вскричалъ чужестранецъ растроганнымъ голосомъ.

Потомъ протянулъ руку къ Христофору и сказалъ:

— Мое имя Георгъ. Сегодня поутру я былъ еще Капитанъ фрегата, въ Англійской службѣ. Вы спасли меня противъ моей воли; я хотѣлъ, я долженъ былъ погибнуть вмѣстѣ съ кораблемъ. Между тѣмъ я васъ благодарю.

— Погодите благодарить меня, сэръ Георгъ, отвѣдайте сначала нашихъ старыхъ французскихъ винъ, возразилъ Христофоръ, приглашая сѣсть его за накрытый столъ. Повѣрьте, что самая горестная жизнь имѣетъ свои пріятности.

Сэръ Георгъ былъ истощенъ какъ голодомъ, такъ и усталостію. Не смотря на то, онъ не хотѣлъ вдругъ сѣсть

Digitized by Google

за столъ, а прежде попросилъ позволенія удалиться въ отведенную для него комнату, которая наскоро убрана была Жанною. Пришедши туда, онъ счистилъ грязь съ своего мундира, и, сколько могъ, привелъ въ порядокъ свой туалетъ. Въ первыя минуты безпокойства и тревоги, Жанна не позаботилась разсмотрѣть, красивъ ли былъ гость, котораго къ ней послала буря, или дуренъ, старъ или молодъ; она видѣла одну горесть, занята была однимъ бѣдствіемъ этаго человѣка. Врочемъ тогда и судить было нельзя о наружности сэръ Георга. Онъ былъ весь въ грязи, шляпа у него надвинута была на голову, мокрые волоса закрывали до половины лице, руки были изцарапаны. Когда онъ немного прирядился, Жанна и ея дяди невольно поражены были его молодостію и прекрасною наружностію. Это былъ высокій и стройный молодой человѣкъ съ небольшимъ двадцати пяти лѣтъ. По свѣтлой лазури глазъ можно было судить о бѣлизнѣ его тѣла. По всему видно было, что его губы, поспѣлыя отъ усталости, были свѣжи и розовы, и поверхъ ихъ гордо возвышались два русые и тонкіе уса; его бѣлокурые и шелковистые волосы небрежно закинуты были назадъ, и на открытомъ челѣ, не смотря на мрачную скорбь, видна была печать ума. Гибкій и тонкій станъ его граціозно облегалъ мундиръ. Явившись въ залу, онъ подошелъ къ Жаннѣ и важно подалъ ей бѣлую руку, чтобы вести ее къ столу.

— Бьюсь объ закладъ, вскричалъ Христофоръ, усаживая гостя возлѣ себя насупротивъ племянницы, — бьюсь объ закладъ, что вы смѣялись въ душѣ своей, слыша отъ меня о нашей предполагаемой встрѣчѣ на моемъ брикѣ и вашемъ фрегатѣ за двадцать пять лѣтъ назадъ: да вы чуть ли еще тогда и родились на свѣтъ. Капитанъ фрегата въ ваши лѣта! О! вы не даромъ провели время. И вы хотѣли умереть, молодой человѣкъ! Не повѣрите, какъ было бы жаль васъ; послужите еще не много, такъ въ тридцать лѣтъ вы будете Адмиралъ.

Digitized by Google

Сэръ Георгъ улыбнулся на это замѣчаніе; потомъ со всею подробностію разсказалъ обстоятельства своего несчастія. Обязанный защищать выгоды Англійской торговли на берегахъ Франціи, онъ наканунѣ былъ застигнутъ порывомъ урагана, который, сломивши мачты, бросилъ корабль его на прибрежныя мѣли, усѣянныя подводными камнями. Онъ стрѣлялъ изъ пушки всю ночь. Къ утру, не задолго до разсвѣта, видя, что судно всякую минуту готово разсѣсться, спустили въ море лодку; весь немногочисленный экипажъ пересѣлъ въ нее, и самъ онъ готовился сойти, какъ лодка увлечена была волнами. Вскорѣ раздался на волнахъ крикъ отчаянія и потомъ наступило мертвое безмолвіе; сэръ Георгъ понялъ, что лодка опрокинулась, и моряки и друзья его потонули.

— Да, вскричалъ онъ, я хотѣлъ умереть, и въ эту самую минуту, — вы извините меня за неблагодарность, — я сожалѣю, что вы меня спасли. Я хотѣлъ умереть, потому что погибли всѣ мои товарищи, и особенно потому, что я не увижу больше моего милаго Алберта; я хотѣлъ, чтобы море, поглотившее его, было мнѣ могилою и мой корабль мнѣ гробомъ. Это было первое судно подъ моимъ начальствомъ, прибавилъ онъ, краснѣя отъ благороднаго стыда. Я любилъ мой фрегатъ какъ любятъ первую любовницу; онъ былъ для меня тоже, что молодая и прекрасная супруга. Мнѣ отрадно было погибнуть вмѣстѣ съ нимъ.

— Этотъ языкъ мнѣ нравится, сказалъ Жанъ, и вы славный молодой человѣкъ! прибавилъ онъ, протягивая къ нему чрезъ столъ руку. Но что касается до вашего правительства, о! это другое дѣло! послѣ поговоримъ объ этомъ.

— Выпьемъ, Капитанъ! вскричалъ Христофоръ, наливая ему и себѣ по стакану. Съ фрегатами тоже бываетъ, что съ любовницами и супругами: потерявши одну, найдутъ десять.

— Албертъ былъ вашъ братъ? спросила молодая дѣвушка.

Digitized by Google

— Онъ былъ мой другъ. Съ дѣтства у насъ были одни вкусы, одне желанія и одне мечты. Мы вмѣстѣ учились, вмѣстѣ занимались. Зная нашу дружбу, насъ не посмѣли разлучить. Сколько сладкихъ мечтаній мы сообщали другъ другу на палубѣ нашего корабля, въ свѣтлыя ночи, при сіяніи небесныхъ звѣздъ! Сколько надеждъ дѣлили вмѣстѣ при гармоническомъ шумѣ этихъ вѣролюмныхъ волнъ, которыя такъ рано успѣли насъ разлучить! Одна воля, одна душа была въ насъ обоихъ, и между тѣмъ его уже нѣтъ на свѣтѣ, а я живу!

Произнесши эти слова, онъ облокотился на столъ и, подпершн руками голову, погрузился въ печальныя размышленія.

— Бѣдные молодые люди! вскричала Жанна съ простосердечнымъ умиленіемъ.

— Эти Англичане славные люди! сказалъ Жанъ, выпивая стаканъ Бордосскаго.

— Есть вездѣ честные люди, сказалъ Христофоръ. Э! не убивайтесь такъ, Капитанъ, прибавилъ онъ, ударивши по плечу сэръ Георга. Вы молоды, еще много фрегатовъ и много друзей потеряете. Морякъ долженъ быть готовъ на все. Я самъ испыталъ превратности судьбы. Одинъ непріятель у насъ съ вами: Океанъ лишилъ васъ друга; у насъ онъ взялъ нашего престарѣлаго отца и младшаго брата. Долейте стаканъ, и чокнемся въ память тѣхъ, которыхъ мы любили.

Сэръ Георгъ привсталъ, и держа передъ собою стаканъ, налитый Христофоромъ, сказалъ:

— Въ память отца и брата моего избавителя. Да низойдутъ на этотъ гостепріимный домъ всѣ небесныя благословенія!

Жанъ, Христофоръ и молодая дѣвушка также привстали.

— Памяти сэръ Альберта, бывшаго другомъ нашему гостю! сказалъ Христофоръ. Да низойдутъ въ сердце сэръ Георга всѣ земныя радости!

Digitized by Google

— За ваше здоровье, прекрасная Миссъ! прибавилъ офицеръ, обращаясь къ Жаннѣ. Вы, — употребимъ выраженіе древняго Англійскаго поэта, — вы среди этихъ плачевныхъ воспоминаній тоже, что цвѣтущій миртъ среди грустной зелени кипарисовъ.

Послѣ этого всѣ усѣлись по мѣстамъ и бесѣда пошла своимъ обыкновеннымъ порядкомъ. Сэръ Георгъ объяснялся на языкѣ своихъ хозяевъ съ замѣчательною легкостію, а странное произношеніе его придавало какую-то особенную прелесть каждому слову. Молодая дѣвушка наблюдала его съ изумленіемъ, причину котораго вообразить не трудно. Жанна воспитана была въ ненависти къ Англіи. Христофоръ и Жанъ натвердили своей племянницѣ съ дѣтства, что Англія есть небольше какъ вѣроломный Альбіонъ, отечество Гудзонъ Лова (Lowe), желѣзная клѣтка, въ которой уморенъ медленнымъ огнемъ Императоръ Наполеонъ, островъ людоѣдовъ и гнѣздо змѣй посреди волнъ. Она знала также, что отецъ ея былъ убитъ Англійскимъ офицеромъ. И въ добавокъ она простодушно вѣрила, что всѣ моряки божились, пили, курили табакъ, имѣли большія руки, толстое брюхо, длинную бороду, однимъ словомъ похожи были на отставнаго Лейтенанта Брика Вальянсъ. По этому легко представить себѣ, какимъ колдовствомъ обворожена была Жанна при появленіи сэръ Георга въ Коатъ-д'Орѣ. Все въ немъ приводило ее въ изумленіе: и красота выраженій, и утонченныя манеры, и нѣжныя черты лица, и бѣлизна кожи, и лазурь глазъ, и даже аристократическая бѣлизна рукъ; все она замѣчала, все разсматривала съ простодушнымъ любопытствомъ ребенка, какъ будто этотъ человѣкъ былъ брошенъ къ нимъ изъ другаго міра.

Обѣдъ кончился, и сэръ Георгъ тотчасъ отправился дать отчетъ Англійскому консулу въ Сенъ-Бріекѣ. Христофоръ и Жанъ пошли вмѣстѣ съ нимъ и подтвердили его показаніе. Рѣшено было, чтобы сэръ Георгъ на первомъ кораблѣ отъѣхалъ въ Англію, а до тѣхъ поръ Кон-

Digitized by Google

сулъ предлагалъ ему жить у себя; но не желая оскорбить Леговыхъ, уговаривавшихъ его возвратиться съ нимъ, сэръ Георгъ попросилъ позволенія остановиться въ Коатъ-д'Орѣ, подъ тѣмъ предлогомъ, что намѣренъ былъ позаботиться о спасеніи груза на потонувшемъ кораблѣ.

Того же дня вечеромъ трогательный обрядъ происходилъ въ Бинькѣ. На закатѣ солнца трое Леговыхъ, Жанна и ихъ служители сопровождали сэръ Георга на деревенское кладбище. Идя вдоль берега, офицеръ примѣтилъ лоскутья своего флага, выкинутые моремъ; поднялъ ихъ, съ горестію поцѣловалъ и съ благоговѣніемъ положилъ къ себѣ на грудь. Благодаря попеченіямъ Іосифа, всѣ трупы, разметанные по песку, были снесены въ общую яму, вырытую въ углу кладбища, недалеко отъ Океана. Священникъ отслужилъ надъ ними панихиду, не безпокоясь о томъ, Католики ли они были или Протестанты. Потомъ, благословивши ихъ въ послѣднемъ убѣжищѣ, бросилъ на нихъ первую горсть земли. Когда зарыли могилу, сэръ Георгъ собственными руками водрузилъ на ней деревянный крестъ, и этотъ крестъ присѣнилъ остатками Англійскаго флага. Сказавши своимъ почившимъ братьямъ послѣднее прости, онъ тихими шагами удалился, и вмѣстѣ съ семействомъ Леговыхъ отправился по дорогѣ къ замку.

Ужинъ былъ непродолжителенъ и скученъ, настоящая тризна по умершихъ. Всѣ присутствующіе были утомлены грустными впечатлѣніями. Цѣлыя сутки сряду проведены были въ трудахъ и безпокойствѣ, и особенно сэръ Георгъ, переставши возноситься повелительнымъ чувствомъ обязанностей, которыя только что исполнилъ, едва держался на ногахъ.

Одна Жанна не чувствовала усталости; волненіе и любопытство, прелесть новости, обворожительность незнакомца, все прогоняло сонъ отъ глазъ ея. Удалившись въ свою комнату, она долго стояла у окна и разсматривала величественную картину, раскрывавшуюся предъ ея взорами.

Digitized by Google

Буря утихла; луна всходила, полная и свѣтлая, на лазури неба. Океанъ отхлынулъ отъ береговъ, и таинственно привлекаемый луною, все еще поднималъ свое взволнованное лоно, какъ будто желая прильнуть къ губамъ своей блѣдной любовницы. Не спалъ такъ же и Іосифъ, мучимый безпокойствомъ, котораго причину самъ не могъ объяснить себѣ. И онъ, подобно Жаннѣ, былъ пораженъ отличными качествами сэръ Георга; не одинъ разъ, въ продолженіи вечера, онъ подмѣчалъ взоры племянницы, устремленные на молодаго чужестранца, и страдалъ самъ не зная почему.

Жанна не смыкала глазъ до полуночи. Заснувши наконецъ, она видѣла во снѣ въ неуловимыхъ и смѣшанныхъ чертахъ пріятные образы, оставшіеся въ ея воображеніи послѣ чтенія книгъ.

IV.

На другой день Жанна встала вмѣстѣ съ зарею. Она открыла окно; воздухъ былъ пріятный и небо чистое. Въ замкѣ всѣ еще спали кромѣ слугъ. Намѣреваясь сократить время до завтрака, молодая дѣвушка надѣла амазонское платье, велѣла осѣдлать коня и поѣхала въ сопровожденіи Ивона, которому Іосифъ накрѣпко приказалъ не пускать барышню одну верхомъ послѣ безразсудства, сдѣланнаго ею въ послѣдній разъ. Она пробиралась вдоль берега живая и беззаботная. Никогда она не чувствовала себя столь покойною и веселою; а отъ чего это? Она не знала сама и не безпокоилась знать объ этомъ. Въ небольшомъ разстояніи отъ Каотъ-д'Ора она издали примѣтила сэръ Георга, который, стоя неподвижно, въ задумчивости глядѣлъ на море, гладкое въ эту минуту, подобно зеркалу. Какъ объяснить предчувствіе этихъ молодыхъ сердецъ? Никто изъ служителей не видалъ, какъ выѣхалъ чужестранецъ. Не пороча дѣятельности молодаго человѣка, можно было предполагать, что послѣ такой уста-

Digitized by Google

лости, сэръ Георгъ еще спалъ; между тѣмъ Жанна, выѣзжая, по какому-то предчувствію была увѣрена его встрѣтить. Услышавши топотъ коня, сэръ Георгъ оборотилъ голову и увидѣлъ ѣдущую къ нему молодую дѣвушку, прекрасную, гордую и граціозную. Поровнявшись съ офицеромъ, лошадь, несная Жанну, подъ легкимъ давленіемъ шпоры, взвилась на дыбы и простояла въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ поводья были затянуты. Обмѣнявшись вѣжливостями, приличными такой встрѣчѣ, Жанна сказала Англичанину: «Для васъ, вѣрно, знакомѣе палуба, чѣмъ сѣдло; но если вамъ не противно будетъ прогуляться со мною, то я вамъ предложила бы взять лошадь у Ивона; мы доѣдемъ до Бишика и оттуда возвратимся въ за́мокъ.»

Ивонъ слезъ съ коня, капитанъ фрегата съ ловкостію вскочилъ на сѣдло, и почти въ ту же минуту двое всадниковъ своротили въ сторону на узкую тропинку, извивающуюся по берегу кривою лентою. Жанна тотчасъ примѣтила, что сэръ Георгъ былъ очень ловкій кавалеръ, а въ изяществѣ могъ даже поучить дядю Жана. Сначала нѣсколько минутъ скакали молча, потомъ, осадивши своихъ коней, они по немногу вступили въ разговоръ. Жанна простодушно разсказала, что́ знала о Коатъ-д'Орѣ и о своемъ странномъ воспитаніи. сэръ Георгъ былъ осторженъ ея и совсѣмъ не касался своей жизни. Жанна знакома была съ Британскою литтературою; сэръ Георгъ немного зналъ Французскихъ поэтовъ: они обмѣнивались мыслями и чувствованіями. Любопытно было бы вычислить, сколько молодыхъ людей сблизили между собою писатели. Сердца встрѣчаются въ удивленіи къ высокимъ дарованіямъ писателя, и то, что молодые люди не смѣли бы сказать другъ другу, то воспѣваетъ за нихъ поэтъ.

Поднявшись на берегъ, они, чтобы дать перевести духъ конямъ, остановились на полянѣ, съ которой открывался обширный видъ кругомъ: съ одной стороны видѣлось море́, съ другой поля, устланныя верескомъ; тамъ раз-

Digitized by Google

сѣкала небесную лазурь колокольня Бишьика, а тамъ громадная башня Коатъ-д'Ора. Любуясь этими видами, молодая дѣвушка трепала рукою жилистую шею своего бѣгуна; сэръ Георгъ опустилъ поводья своего коня и обводилъ взоромъ своимъ окрестность, изумленный и задумчивый. Жанна съ участіемъ спросила у него, отъ чего онъ такъ задумался.

— Я не умѣю вамъ объяснить, отвѣчалъ онъ, собирая въ руки опущенныя поводья; но скажите сами, неужели вы никогда не испытывали того, что я чувствую въ этотъ часъ? Неужели никогда не мечтали о томъ, что ваша жизнь протекала когда-то на другой землѣ и подъ другими небесами? Неужели ничто не пробуждаетъ въ васъ темныхъ воспоминаній о таинственномъ отечествѣ? Видя мое изумленіе и задумчивость, вы спрашиваете, что во мнѣ происходитъ? То, что должно будетъ произойти въ васъ, когда очутитесь на небѣ. Мнѣ какъ будто знакомы эти мѣста, хотя я ихъ вижу въ первый разъ; мнѣ что-то сдается, будто моя душа прежде соединенія съ тѣломъ, въ которомъ теперь живетъ, блуждала когда-то по этимъ пустыннымъ берегамъ и по этимъ одинокимъ полямъ.... Не дышалъ ли я ужъ въ самомъ дѣлѣ благовоніемъ этой дикой окрестности? прибавилъ онъ, медленно вдыхая запахъ вереска и дроковъ, смѣшанный съ испареніями моря. Такъ, странная вещь! всякій разъ, какъ вдали на горизонтѣ мнѣ видѣлся неизвѣстный берегъ, я чувствовалъ, что мое сердце трепетало и глаза мои омочались слезами; всякій разъ, ступая ногою на чуждую землю, я упадалъ на колѣни и цѣловалъ ее съ умиленіемъ, называя своею матерью.

— Эту таинственную землю мы должны искать тамъ вверху, сэръ Георгъ, сказала съ важностью молодая дѣвушка, припоминая уроки Іосифа.

— Вы говорите правду, прибавилъ сэръ Георгъ съ грустію; у несчастныхъ и изгнанниковъ нѣтъ на землѣ отечества.

Жанна поняла, что была печальная тайна въ судьбѣ ея

Digitized by Google

гостя. Она не смѣла его спрашивать; но ихъ взоры встрѣтились, и когда они возвратились въ Коатъ-д'Оръ, невидимая связь существовала уже между этими двумя душами.

Присутствіе сэръ Георга дало новую жизнь въ замкѣ. Обѣды сдѣлались одушевленнѣе; длинные вечера сокращались пріятною бесѣдою. Сэръ Георгъ много путешествовалъ, много видѣлъ и много наблюдалъ. Подъ личиною видимаго равнодушія онъ скрывалъ сердце пламенное, умъ живой и иногда забавный. Говоря языкомъ Христофора, это былъ Французъ, зашитый въ кожу Англичанина. У него сквозь самый восторгъ проглядывала осторожность и къ веселости примѣшивалась задумчивость. Онъ ни когда не говорилъ о себѣ, рѣдко выставлялъ себя на первомъ планѣ, увлекательно разсказывалъ о своихъ путешествіяхъ по отдаленнымъ странамъ. Не смотря на свою молодость, онъ объѣздилъ всѣ моря и материки; льды Норвегіи; берега Босфора и Нила были ему также знакомы, какъ Жанѣ крутые берега океана отъ Коатъ-д'Ора до Биньика. Онъ посѣщалъ классическія развалины древняго Египта и дремучіе лѣса юной Америки. Говорилъ какъ поэтъ о томъ, что видѣлъ и чувствовалъ, и ко всѣмъ разсказамъ примѣшивалъ имя Альберта. Жанна слушала его, не переводя дыханія.

Дошло дѣло до старинной ссоры между Франціей и Англіей. Христофоръ и Жанъ больше всего старались наводить своего гостя на этотъ предметъ. Сэръ Георгъ благородно поддерживалъ честь Британскаго Флага, но по всему видно было, что его сердце расположено было въ пользу Франціи. Онъ сочувствовалъ ея славѣ, ея несчастіямъ, и, къ неудовольствію Христофора и Жана, они почти всегда находили въ немъ больше поборника и участника, нежели противника. Его возвышенность мыслей при этихъ спорахъ и его увлекательное краснорѣчіе тѣмъ болѣе воспламеняли воображеніе Жанны, что Жанъ и Христофоръ приучили ее видѣть въ мужчинахъ совсѣмъ противное.

Digitized by Google

Іосифъ рѣдко вмѣшивался въ эти разговоры; руки положивши на колѣна и ноги протянувши въ каминъ, печальный и погруженный въ размышленія пуще прежняго, онъ съ тайнымъ чувствомъ грусти и ревности попеременно наблюдалъ то сэръ Георга, то Жанну, которая ничего не видѣла и не слышала вокругъ себя, кромѣ молодаго офицера. Оба они были молоды и прекрасны, и бѣдный Іосифъ, смотря на нихъ, невольно чувствовалъ въ сердцѣ зависть. Онъ страдалъ, и какъ было ему не страдать? Съ тѣхъ поръ, какъ чужестранецъ переступилъ черезъ порогъ Коатъ-д'Ора, неблагодарная едва находила для своего дяди нѣсколько ласковыхъ словъ и благосклонныхъ улыбокъ. И онъ постигъ наконецъ тайну недуга, который съ нѣкотораго времени мучилъ его наяву и во снѣ. Разстроенный и убитый, всякій вечеръ распростертый передъ иконою, онъ призывалъ небо на помощь. Но что касается до двухъ другихъ Леговыхъ, то они ничего не примѣчали и даже не подозрѣвали; гость ихъ забавлялъ разсказами, племянница была весела, а объ остальномъ они не безпокоились.

Надо было имѣть всю неопытность въ любви этихъ двухъ человѣкъ, чтобы не видѣть не только то, что происходило въ ихъ глазахъ, но и что должно было случиться со времени появленія сэръ Георга въ Коатъ-д'Орѣ. И какъ было не влюбиться этимъ двумъ сердцамъ! Жанна давно уже была готова для любви. Она входила въ тотъ возрастъ, когда свѣтлый рой нашихъ мечтаній собирается вокругъ перваго улья, и первое существо, посланное къ намъ случаемъ или Провидѣніемъ, мы привѣтствуемъ какъ вѣстника радости. Прелестные годы! Часы быстро пролетѣвшіе! Юность подобна цвѣтущему дереву при дорогѣ; на перваго путника, расположившагося отдохнуть подъ его вѣтвями, оно роняетъ свою благовонную пыль и облетающіе лепестки свои.

Еще, къ счастію Жанны, сама судьба ей благопріятствовала, и на ея мечты откликнулась такою дѣйствитель-

Digitized by Google

юстіно, выше которой не парило воображеніе. Самая обстановка далеко превышала требованія поэта. Мрачная ночь, разъяренное море, громъ пушечныхъ выстрѣловъ среди завываній бури, фрегатъ, сѣвшій на мель въ виду берега, весь экипажъ, поглощенный волнами и только капитанъ исторгнутый изъ бездны вопреки его желанію: во всемъ этомъ было столько эффекта, что и не совсѣмъ романическое сердце почувствовало бы расположеніе къ герою такой драмы. И къ бо́льшему очарованію, герой этотъ былъ молодъ, безстрашенъ и предпріимчивъ, важенъ и остороженъ, задумчивъ и нѣженъ. Мало этого, въ жизни его крывшаяся печальная тайна облекала его поэтическою таинственностію и довершала сходство его съ тѣми блѣдными фигурами, которыя всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ являлись въ сновидѣніяхъ. Жанна не могла не любить его. Но могъ ли и онъ не раздѣлять этой любви? не покориться обольщенію такихъ прелестей и красоты? Они любили себя взаимно, какъ два благородныя сердца, соединившіяся неразрывно, неотразимо, не понимая сами того, что въ нихъ происходило.

Двадцать разъ Іосифъ, наблюдавшій съ безпокойствомъ за возрастающею страстію двухъ молодыхъ людей, безъ собственнаго ихъ сознанія, покушался спросить у племянницы; но всякій разъ останавливалъ его страхъ освѣтить это сердце, извлекши изъ него искру прикосновеніемъ. Онъ еще надѣялся на скорый отъѣздъ сэръ Георга. Но проходили дни и недѣли, а объ отъѣздѣ не было ни слова. Леговы изъ приличія объ этомъ не говорили, упоенная Жанна не думала, а сэръ Георгъ повидимому забылъ, что ему надо было ѣхать. Іосифъ считалъ дни и часы; не разъ ходилъ тихомолкомъ въ Сенъ-Брієкъ навѣдаться, нѣтъ ли тамъ судна, готоваго отплыть въ Англію. Не одна ревность его мучила: онъ страшился въ будущемъ за Жанну. Сколько разъ онъ старался возбудить опасеніе въ братьяхъ; но по какому-то ослѣпленію, Жанъ и Христофоръ, столь ревнивые на счетъ своей племянницы, вдругъ полу-

Digitized by Google

чили самое простодушное довѣріе къ такому человѣку, котораго больше всего слѣдовало бы опасаться.

Жанна и сэръ Георгъ видѣлись между собою съ полною свободою. Христоферъ и Жанъ не находили тутъ ничего худаго; они радовались, что могли доказать Англійскому офицеру, какъ разумѣютъ гостепріимство на берегахъ Франціи; и, не забудьте еще, они гордились племянницей какъ драгоцѣнностью, выставляя ее на показъ чужестранцу. Одинъ Іосифъ понималъ всю величину опасности и стерегъ молодыхъ людей, какъ скупецъ стережетъ свои сундуки; но онъ только понапрасну тратилъ время и трудъ. Молодая дѣвушка всегда находила какой нибудь остроумный предлогъ, чтобы отъ него отдѣлаться. Бывало, онъ пойдетъ съ ними гулять на берегъ, и чуть пахнетъ вѣтеръ, — Жанна тревожится, что забыла свою шаль; или солнце броситъ раскаленные лучи свои на землю,—Жанна безпокоится, что не взяла зонтика. И добрый Іосифъ опрометью бѣжалъ въ Коатъ-д'Оръ за шалью или за зонтикомъ. Но возвратившись на прежнее мѣсто, напрасно искалъ онъ глазами Жанну и сэръ Георга. Два вяхиря улетѣли, и вечеромъ, пришедши домой, Жанна его же винила въ томъ, что онъ ихъ не нашелъ; предвѣщала себѣ ревматизмы и головокруженія отъ его небрежности. Христоферъ и Жанъ принимали ея сторону, и бѣдный Іосифъ безъ вины долженъ былъ сносить отъ всѣхъ упреки. Особенно безпокоили его утреннія прогулки племянницы. Жанна выѣзжала при восходѣ солнца съ однимъ Ивономъ. Сэръ Георгъ всегда ожидалъ ихъ въ эту пору на берегу, и слуга отдавалъ ему свою лошадь, которую получалъ снова, когда наступало время возвратиться въ замокъ. Іосифъ, подозрѣвавшій эту продѣлку, вызвался однажды утромъ проводить племянницу вмѣсто Ивона; Жанна съ удовольствіемъ согласилась на предложеніе, и заставила своего дядю проскакать до завтрака восемь миль. Пріѣхавши въ Коатъ-д'Оръ, Іосифъ до того былъ измученъ,

Digitized by Google

что слегъ въ постель, и съ тѣхъ поръ потерялъ всю охоту ѣздить съ племянницей.

Такъ-то своенравная Жанна безжалостно издѣвалась надъ душею, нѣжно ей преданною. Но такова исторія всѣхъ молодыхъ сердецъ: чуть они почувствуютъ любовь, и все остальное считаютъ уже за ничто. Друзья, родители, семейство, самыя священныя связи, все забывается при первомъ пробужденіи любви. Любовь есть первая глава большой книги неблагодарностей.

Впрочемъ какую нужду имѣли эти двое молодыхъ людей въ хитростяхъ? Боялись ли они, чтобы Іосифъ не подслушалъ ихъ рѣчей? Но рѣчи ихъ были такъ невинны, что они могли вести ихъ не краснѣя передъ цѣлымъ свѣтомъ. Они еще не признались сами себѣ въ своей любви. Прогуливались по берегу, разговаривая о знакомыхъ предметахъ забавныхъ, чаще серьезныхъ, со всею довѣрчивостію неопытной юности; чаще всего они ходили на могилу, гдѣ схоронены были товарищи Георга; Жанна съ удовольствіемъ слушала разсказы его объ Албертѣ, котораго онъ столько любилъ, и сама готова была его оплакивать. Когда солнце согрѣвало тонкій и золотистый песокъ берега, они удалялись въ какую нибудь уединенную бухту, и тутъ, сидя другъ возлѣ друга, при шумѣ волнъ, умиравшихъ у ихъ ногъ, читали книгу, которую брали съ собою, или разговаривали о чемъ нибудь. Такимъ-то образомъ проходили для нихъ дни, и Жанна была бы счастлива безъ смущенія и даже безъ угрызеній, если бы по временамъ мрачная грусть сэръ Георга не наполняла сердце ея какимъ-то безотчетнымъ страхомъ. Не разъ она старалась приподнять покрывало, лежавшее на судьбѣ молодаго человѣка, и всегда оставалась въ невѣдѣніи объ его жизни, которую она хотѣла узнать, только для того, чтобы утѣшить ея горести.

Однажды, они сидѣли на пескѣ въ одномъ изъ небольшихъ рукавовъ, вырытыхъ волнами въ боку береговыхъ утесовъ. Дѣло шло къ веснѣ; Апрѣль только что насту-

Digitized by Google

пилъ. На скатахъ горъ пестрѣли цвѣты, распустившіеся подъ теплыми лобзаніями солнца. Въ воздухѣ порхали и пѣли жаворонки. Все настроивало душу къ тихимъ ощущеніямъ. Молодая дѣвушка нечувствительно погрузилась въ задумчивость. Георгъ былъ молчаливъ и грустенъ. Они хотѣли было читать, но книга выпала узъ рукъ, никто изъ нихъ не позаботился поднять ее. Они такъ близко сидѣли другъ возлѣ друга, что волосы малютки, развѣваемые вѣтромъ, задѣвали за лице молодаго человѣка. Они молчали; волны въ серебристыхъ брызгахъ разбивались у ихъ ногъ; Океанъ убаюкивалъ ихъ своею вѣчною гармоніей; солнце обливало золотомъ и сіяніемъ. Что должно было случиться, то случилось. Души ихъ наконецъ слились. Жанна положила свою голову на плечо Георга; руки ихъ встрѣтились, и долго они сидѣли въ такомъ положеніи молчаливые, неподвижные, утонувшіе въ чувствѣ своего блаженства.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ на берегу Іосифъ наблюдалъ за ними съ адскими муками ревности. Оба они были такъ молоды и прекрасны, солнце, казалось, глядѣло на нихъ съ любовію, вѣтеръ съ гордостью расточалъ имъ свои ласки; поля, море и вся природа раздѣляли ихъ счастіе. При этой картинѣ сердце стѣснилось въ груди Іосифа. Онъ закрылъ лице руками и заплакалъ.

Между тѣмъ солнце начало сходить къ горизонту. Жанна и сэръ Георгъ встали и пошли по дорогѣ въ Коатъ-д'Оръ. Они не говорили ни слова, робко встрѣчались взорами; но понимали другъ друга. Медленно они возвращались назадъ, внимая нѣмому языку ихъ душъ. Оба сіяли новою жизнію; но вдругъ почему-то сердце сэръ Георга сжалось, и на лбу у него проглянули морщины.

Іосифъ впереди ихъ прибѣжалъ въ замокъ такой блѣдный и растроенный, что Христофоръ и Жанъ, только что кончившіе партію въ шахматы, вскочили оба испуганные страшною перемѣною на его лицѣ. Они догадались, что дѣло шло о Жаннѣ.

Digitized by Google

— Что такое? Что случилось съ Вальянсъ?

Таковъ былъ первый крикъ двухъ братьевъ. Іосифъ упалъ на стулъ и закрылъ руками голову.

— Говори, несчастный! вскричалъ Христофоръ, тряся его за руку.

— Что случилось? повторилъ Жанъ съ безпокойствомъ.

— Что случилось, братцы! сказалъ наконецъ Іосифъ дрожащимъ голосомъ; вы спрашиваете у меня, что случилось! Какъ, и вы не знаете?

— Но глупъ ты что ли? вскричалъ Жанъ, топнувши ногою; если бы мы знали, то не стали бы у тебя спрашивать.

— Ну, такъ знайте же, сказалъ Іосифъ, дѣлая усиліе надъ самимъ собою: Жанна, наша племянница, наше дитя любимое, радость этого жилища, гордость Коатъ-д'Ора, наша любовь, жизнь наша; наконецъ....

— Умерла! вскричали вдругъ два брата.

— Умерла для насъ, если мы не остережемся, сказалъ Іосифъ съ отчаяніемъ.

— Но говори, несчастный, говори! вскричалъ Христофоръ просительнымъ и вмѣстѣ сердитымъ тономъ.

— Такъ знайте же, возразилъ Іосифъ, этотъ чужестранецъ, котораго мы приняли подъ свою кровлю, этотъ офицеръ, этотъ Англичанинъ сэръ Георгъ.... Будь проклятъ день, когда этотъ человѣкъ переступилъ черезъ порогъ нашего дома!

Жанъ и Христофоръ были какъ на горячихъ угольяхъ.

Ну, дальше что? вскричали они; Жанна и сэръ Георгъ....

— Любятъ другъ друга!

Аэролитъ, проломивши кровлю Коатъ-д'Ора и упавши у ногъ двухъ братьевъ, не поразилъ бы ихъ такъ сильно изумленіемъ и испугомъ. Они совсѣмъ растерялись, и безмолвно, неподвижно, какъ будто оглушенные громомъ, стояли на мѣстѣ.

Digitized by Google

— Этого быть не можетъ, сказалъ наконецъ Христофоръ; Вальянсъ-Леговъ не станетъ любить Англичанина.

— Жанна не забудется до такой степени, прибавилъ Жанъ; она знаетъ, чѣмъ обязана своему имени, странѣ своей, памяти своего отца, праху Наполеона.

— Жаннѣ шестнадцать лѣтъ, она любитъ, она забыла все! вскричалъ Іосифъ.

И онъ разсказалъ то, что видѣлъ, и что замѣтилъ со времени поселенія сэръ Георга въ Коатъ-д'Орѣ. Онъ не только увѣрилъ, что двое молодыхъ людей любили другъ друга, но и доказалъ ясно, что они не могли не любить другъ друга, и что во всемъ этомъ странно было только ослѣпленіе и безпечность двухъ дядей. Впрочемъ Іосифъ ничего не могъ сказать опаснаго, но увлеченный чувствомъ ревности, онъ до того былъ взволнованъ при своемъ разсказѣ, что два брата его естественно должны были предположить при этомъ большое несчастіе, о которомъ и онъ самъ не думалъ.

— Будь ты проклятъ! вскричалъ Жанъ; видѣвши все это, отъ чего же ты не сказалъ прежде?

— Я самъ не былъ увѣренъ, смиренно отвѣчалъ Іосифъ. Я все ждалъ, когда уѣдетъ гость, и боялся безполезно возмутить покой вашъ и Жанны.

Морякъ и солдатъ расхаживали большими шагами по комнатѣ, подобно двумъ волкамъ въ клѣткѣ. Чтобы понять неистовство и злобу этихъ двухъ братьевъ, слѣдуетъ только вообразить себѣ, какую безумную любовь они питали къ своей племянницѣ. Пусть представятъ себѣ двухъ тигровъ, у которыхъ похитили дѣтей.

— Ну, вскричалъ наконецъ Христофоръ, хватая пару пистолетовъ со стѣны, отмстимъ же разомъ смерть отца и честь дочери!... Если я буду убитъ, Жанъ, ты заступишь мое мѣсто. А если падетъ Жанъ, то будешь ли ты имѣть сердце, хоть разъ въ жизни, трусъ? спросилъ онъ съ жаромъ у Іосифа.

— Если ты не имѣешь мужества драться, прибавилъ

Digitized by Google

Жанъ, то поклянись, что примешъ на себя роль злодѣя, и его зарѣжешь, когда мы будемъ убиты.

— Убей его какъ собаку, сказалъ Христофоръ.

— Вѣдь онъ Англичанинъ, вскричалъ Жанъ; люди благословлять будутъ тебя, да и Богъ проститъ.

— Вотъ этого-то я и боялся, вскричалъ Іосифъ съ ужасомъ. Братцы! зло не такъ велико, какъ вы воображаете, и принимать его въ такомъ смыслѣ, значило бы его увеличивать. Благодаря Бога, честь Жанны не страдаетъ; дѣло идетъ только о счастіи и спокойствіи нашей племянницы. Вы порочите нашу малютку и нашего гостя. Они только повиновались, быть можетъ, безотчетно очарованію юности; Жанна такъ же невинна, какъ и прекрасна; сэръ Георгъ....

— Жалкій бѣднякъ! вскричалъ Христофоръ; я считаю его подлецомъ, и скажу это ему въ глаза!

При этихъ словахъ дверь отворилась, и вошелъ сэръ Георгъ съ важностію. Видъ его былъ такой равнодушный, кроткій и серьезный, что при взглядѣ на него три брата на минуту остались безмолвны. Наконецъ Христофоръ положилъ на столъ пистолеты, которые держалъ въ рукѣ, и прямо пошелъ къ чужестранцу.

— Я повторяю, сударь, что вы подлецъ! сказалъ онъ положа ему руку на плечо.

Снявши вѣжливо тяжелую руку Христофора съ своего плеча, онъ сказалъ съ обычнымъ хладнокровіемъ:

— Я не думаю, чтобы ко мнѣ относились эти слова.

— Къ вамъ, сэръ Георгъ, къ вамъ однимъ. Послушайте, сударь, прибавилъ Христофоръ, не давая ему времени отвѣчать; спасая вамъ жизнь съ опасностію собственной жизни, я исполнилъ только свой долгъ, я не хвастаюсь этимъ. Но исполнивши свой долгъ, я расчитался съ вами, и ничѣмъ вамъ не долженъ. Ничто меня не обязывало предложить вамъ этотъ домъ. Подвергаясь опасности умереть, вы были для меня человѣкъ; но живой и спасенный, вы не больше какъ Англичанинъ. Наша нація всегда

Digitized by Google

ненавидѣла вашу націю. Мы сами ненавидимъ васъ какъ народъ, какъ правительство, какъ частныя лица. Имя Англичанина непріятно звучитъ въ нашихъ ушахъ. Англичанинъ убилъ нашего брата Жерома. Между тѣмъ, тронутые вашимъ несчастіемъ, мы приняли васъ къ себѣ какъ брата. Вы дѣлили съ нами хлѣбъ-соль, спали подъ нашею крышею; однимъ словомъ, вы сдѣлались нашимъ гостемъ. Скажите, нарушилиль мы въ чемъ либо законы гостепріимства? Что здѣсь вы встрѣчали, кромѣ друзей и радушныхъ лицъ?

— Я никогда не забуду вашего великодушнаго гостепріимства, сказалъ сэръ Георгъ.

— Такъ знайте же, что у насъ память не хуже вашей, и что мы всегда будемъ вспоминать о томъ, какъ вы поблагодарили за гостепріимство, которое, могу сказать, было искренно и чистосердечно.

— Что вы хотите сказать? спросилъ сэръ Георгъ съ гордостію.

— А то, сударь, вскричалъ Христофоръ громовымъ голосомъ, что вы безчестно измѣнили нашему довѣрію. Я хочу сказать, что мы имѣли одно сокровище, которое для насъ было дороже собственной нашей жизни, и вы низко у насъ его похитили. Я хочу сказать, что вы недостойно употребили во зло свою молодость и нашу безпечность, чтобы обольстить беззащитное сердце. Я хочу сказать наконецъ, что въ награду за наше угощеніе вы принесли подъ эту кровлю разстройство, позоръ и отчаяніе.

— Это поступокъ вѣроломнаго измѣнника, прибавилъ Жанъ. Мы всѣ трое готовы отмстить за это.

Неподвижный, сидя въ своемъ углу, Іосифъ не произносилъ ни слова. Онъ далъ время взорваться подкопу, подъ который положилъ зажженный трутъ.

— Я понимаю васъ, господа, сказалъ наконецъ сэръ Георгъ съ достоинствомъ. Правда, прибавилъ онъ, возвышая голосъ и обращаясь къ тремъ братьямъ, я люблю вашу племянницу. Да, если низостью и вѣроломствомъ

Digitized by Google

считается то, чтобы видѣть столько прелести и очарованія, столько невинности и красоты, и быть влюбленнымъ, то вы не обманываетесь, — я вѣроломный измѣнникъ. Но я свидѣтельствуюсь небомъ, — и вы можете повѣрить человѣку, который никогда не лгалъ, — я не иначе какъ съ почтеніемъ дотрогивался до этого юнаго сердца, которое, по вашимъ словамъ, я хотѣлъ возмутить и обольстить. Въ присутствіи этой благородной малютки, я всегда велъ себя какъ степенный и уважительный братъ. Я люблю ее, но никогда мои уста не измѣнили передъ нею тайны моей души.

— Тѣмъ хуже для васъ, если вы ее любите, грубо возразилъ Христофоръ, увѣренный, что сэръ Георгъ намѣренъ просить руки ея. Послушайте, сударь, прибавилъ онъ, смягчивши свой голосъ, я откровенно буду говорить съ вами. Наша племянница, видите вы, это наша жизнь; разлучить насъ съ нею значило бы тоже, что у всѣхъ троихъ насъ вырвать внутренность. Вы молоды, свѣтъ великъ и женщинъ много; вы найдете двадцать вмѣсто одной и только затруднитесь въ выборѣ. А мы уже состарѣлись; эта малютка составляетъ всю нашу радость. Мы любимъ ее выше всякаго выраженія. Спросите у Жана и Іосифа, и они вамъ скажутъ тоже, что я, то есть, покамѣстъ будетъ живъ одинъ изъ насъ, Жанна не выйдетъ за мужъ.

— Но ктожъ вамъ сказалъ?... вскричалъ сэръ Георгъ.

— Все, что вы ни прибавите, будетъ безполезно, сказалъ Жанъ прерывая его. Мы рѣшили, чтобы Жанна никогда не выходила за мужъ, и вы понимаете, сударь, прибавилъ онъ опираясь на стулъ.

— Мы не хотимъ, прибавилъ Христофоръ, ворошить кости нашего брата, который будетъ взирать на насъ съ проклятіемъ.

— Не хотимъ ворошить и кости нашего Императора, который будетъ обвинять насъ, что мы смѣшали кровь Французскую съ кровью Гудзонъ Лова, примолвилъ Жанъ.

Digitized by Google

— Сэръ Георгъ, сказалъ въ свою очередь Іосифъ съ кротостію, пусть ваше сердце попытается насъ понять. Жанна — наше обожаемое дитя; она есть воздухъ, которымъ мы дышимъ, и солнце, которое насъ грѣетъ. Подумайте, что мы были потеряны и наше семейство чуть было не угасло въ позорѣ, когда Богъ для извлеченія насъ изъ бездны послалъ намъ эту малютку! Какъ бы вы ни были достойны владѣть подобнымъ сокровищемъ, никогда мы не согласимся....

— Еще разъ, господа, вскричалъ сэръ Георгъ съ нетерпѣніемъ; къ чему всѣ эти разговоры? Я не прошу у васъ руки Миссъ Жанны; и лучше знаю, нежели кто нибудь, почему мнѣ нельзя искать этого счастія. Нѣтъ, ни на минуту я не убаюкивалъ себя столь сладкою надеждою. За нѣсколько часовъ я еще не зналъ тайны моего сердца. Я узналъ ее наконецъ, и вижу, что долгъ и честь требуютъ отъ меня разстаться съ вами; я пришелъ съ вами проститься.

При этихъ словахъ Христофоръ и Жанъ стояли какъ остолбенѣлые: у Іосифа отлегло на душѣ, и онъ вздохнулъ свободнѣе. Всѣ трое были тронуты праводушіемъ сэръ Георга; но все-таки не сочли нужнымъ удерживать своего гостя, думая, не безъ основанія, что самый смирный волкъ не проживетъ въ ладу съ овцами. При всей увѣренности, что сэръ Георгъ поступилъ въ этомъ случаѣ какъ честный человѣкъ, они однакожъ питали къ нему живое чувство злобы и ревности.

— Я вѣрю вашему слову, сударь, сказалъ довольно сухо Христофоръ, и прошу извиненія въ томъ, что сказалъ вамъ немного грубо въ порывѣ гнѣва, который почиталъ тогда законнымъ. Если бы я зналъ другое удовлетвореніе, болѣе пріятное для васъ, то не замедлилъ бы вамъ его предложить.

— Мнѣ не нужно удовлетворенія, отвѣчалъ сэръ Георгъ съ благородствомъ; слова, которыя вы обращали къ подлецу, ко мнѣ не относились.

Digitized by Google

— Мы признаемъ сэръ Георга за человѣка честнаго, сказалъ Іосифъ.

— Безъ сомнѣнія, безъ сомнѣнія, прибавилъ Жанъ, и такъ какъ сэръ Георгъ рѣшительно ночуетъ эту ночь въ Сенъ-Брієкѣ, то я сей часъ прикажу осѣдлать для него лошадь; Ивонъ его проводитъ.

— Такъ какъ тутъ дѣло идетъ о вашемъ спокойствіи больше нежели о нашемъ, сказалъ Христофоръ, то мнѣ кажется, сударь, намъ не кстати удерживать васъ у себя долѣе. Ваша честность для насъ вѣрною порукою въ томъ, что вы не будете искать свиданія съ нашей племянницей.

— Даю вамъ честное слово, отвѣчалъ сэръ Георгъ съ выраженіемъ героическаго самопожертвованія.

Двѣ лошади были осѣдланы и грызли удила на дворѣ замка. Готовясь удалиться, сэръ Георгъ, обводилъ печальнымъ взоромъ ту комнату, которую оставлялъ навсегда, и потомъ сказалъ торжественнымъ голосомъ:

— Простите, друзья мои! простите, прямодушіе, честь и доброта, которыя я нашелъ у этого камина! Прости прелесть и красота, которой благовоніе я уношу въ моемъ сердцѣ! Если мои желанія дойдутъ до неба, то вы, друзья мои, много еще дней проведете безъ скуки и горестей, и состарѣетесь въ душевной радости. Ну, господа, прибавилъ онъ, протягивая руку; моя рука достойна того, чтобы пожать ваши руки.

Въ эту торжественную минуту три Леговы почувствовали къ молодому человѣку живое и искреннее расположеніе; самый Іосифъ, не смотря на всѣ горести, испытанныя имъ во время пребыванія сэръ Георга въ Коатъ-д'Орѣ, не могъ не отдать справедливости прекраснымъ его качествамъ.

При прощаньѣ съ нимъ рѣсницы Христофора омочились слезами. Жанъ нѣсколько разъ принимался обнимать молодаго человѣка. Наконецъ, когда дошла очередь до Іосифа, они крѣпко сжали другъ друга въ своихъ объятіяхъ, и

Digitized by Google

оба залились слезами. Оба они терпѣли одно несчастіе; казалось сердца ихъ сродились одинаковою горестію.

— Вы имѣете благородное сердце! воскликнулъ Іосифъ рыдая.

— Тысяча громовъ! сказалъ Христофоръ, утирая глаза свои; за чѣмъ такой славный малый завелъ любовныя интриги съ этою малюткой?

— Къ чорту эта любовь! съ сердцемъ закричалъ Жанъ.

— Прости! въ послѣдній разъ прости! вскричалъ сэръ Георгъ раздирающимъ голосомъ, вырываясь изъ объятій Іосифа.

Онъ опрометью кинулся на дворъ, сѣлъ на лошадь, и, въ сопровожденіи Ивона, пустился вскачъ до самаго Сенъ-Бріека.

Но что въ это время дѣлала молодая дѣвушка? Радость какъ и горесть любитъ уединеніе. Жанна, воротясь въ Коатъ-д'Оръ, заперлась въ своей комнатѣ, и тогда какъ сэръ Георгъ удалялся навсегда отъ этихъ мѣстъ, она съ упоеніемъ мечтала о счастіи въ будущемъ, не смотря на то, что оно у нея ускользало. Въ ея возрастѣ любовь не видитъ препятствій. Впрочемъ она уже привыкла видѣть въ дядяхъ невольниковъ, и никакъ не могла предполагать, чтобы они воспротивились непремѣнному желанію ея сердца. Она даже не пришла къ ужину, не смотря на то, что надѣялась найти тамъ сэръ Георга. Такова-то истинная любовь, что уединеніе для нея пріятнѣе даже, чѣмъ присутствіе любимаго предмета. Жанна въ первый разъ въ жизни посмотрѣлась въ зеркало. и нашла себя прекрасною. Она попеременно то бросалась на постель обливаясь слезами, то съ восхищеніемъ подбѣгала къ окну, чтобы съ благодарностію любоваться моремъ, не столь обширнымъ и глубокимъ, какъ блаженство ея сердца,—этимъ моремъ, котораго самыя ужасы она благословляла; потому что Жанна съ удовольствіемъ вспоминала бурную ночь, проведенную ею безъ сна, на этомъ самомъ мѣстѣ, когда гремѣла пушка среди завываній бури.—«Онъ печаленъ, сказа-

Digitized by Google

ла она, и я его утѣшу; онъ безъ сомнѣнія бѣденъ, и я сдѣлаю его богатымъ; онъ любитъ Францію, и я дамъ ему, вмѣсто Англіи, другое отечество. Всѣмъ онъ будетъ одолженъ мнѣ одной. Мы будемъ жить въ Коатъ-д'Орѣ, украсимъ его нашею любовію. Дяди станутъ старѣться возлѣ насъ; счастіе наше ихъ будетъ молодить, и ласки нашихъ малютокъ усладятъ конецъ дней.» — Погруженная въ эти пріятныя мечты, она всплескивала руками, и отъ удовольствія то плакала, то смѣялась.

Ивонъ засталъ ее среди этихъ мечтаній; вошелъ безъ шума, подалъ ей письмо украдкой, какъ будто Жанна была не одна, и потомъ удалился на цыпочкахъ, съ таинственнымъ видомъ, не говоря ни слова.

Смертный дрожь пробѣжалъ по жиламъ молодой дѣвушки. Она поблѣднѣла, съ ужасомъ смотрѣла нѣсколько минутъ на письмо, не осмѣливаясь развернуть его. Наконецъ она сломила печать, дрожащими руками развернула бумагу, лежавшую въ конвертѣ и однимъ взглядомъ прочитала нѣсколько строкъ, начертанныхъ наскоро.

«Я долженъ былъ удалиться не видавшись съ вами; но я не хочу уѣхать, не сказавши вамъ вѣчное прости. Молю небо, чтобы на меня одного обрушились всѣ горести, и муки моего сердца послужилибъ на радость вамъ: будьте счастливы! Я опять возьму бремя моей жизни; но теперь есть звѣзда, которая будетъ блистать для меня въ самыя мрачныя ночи моей земной жизни. Приходите иногда сидѣть на дернъ, который покрываетъ прахъ моего друга Альберта; припоминайте себѣ, что онъ долго былъ на землѣ для меня все. Когда весна украситъ лугъ цвѣтами, сорвите сколько нибудь цвѣтовъ на его могилѣ, и побросайте въ море; часто я буду искать ихъ взорами, и на минуту перенесусь къ вамъ мыслію, воображая видѣть ихъ въ пѣнистой струѣ, оставляемой за кормою бѣгомъ корабля! Вы молоды и вѣрно меня забудете: я хотѣлъ бы вамъ оставить залогъ, который непрестанно напоминалъ бы обо мнѣ вашему сердцу; но волны ничего мнѣ не оста-

Digitized by Google

вили, ничего, кромѣ моего маленькаго талисмана. Носите его, миссъ Жанна, на память обо мнѣ; я часто покрывалъ его поцѣлуями и слезами, и вопрошалъ о тайнѣ моей печальной жизни.... Такъ какъ я не ожидаю здѣсь больше ничего, примите его; это мое единственное наслѣдство. Мнѣ пріятно думать, снимая его съ моего сердца, что вы повѣсите его на своемъ.»

Георгъ.

При этомъ письмѣ приложенъ былъ маленькій серебряный образокъ, повѣшенный на цѣпочкѣ изъ волосъ.

Воспитанная на всей свободѣ, откровенная и независимая, Жанна не знала ни обмана, ни притворства, ни преданности и терпѣнія: по невинности своей она даже не имѣла понятія и этой осторожности, которую приличія полагаютъ страсти и дѣйствовала по первому впечатлѣнію своевольно, необузданно, безъ размышленія и ограниченія. Она изъ своей комнаты однимъ прыжокъ сдѣлала въ залу

Трое Леговыхъ еще всѣ тутъ находились. Сидя возлѣ камина, они совѣтовались, какимъ бы образомъ объявить Жаннѣ объ отъѣздѣ сэръ Георга. Они не скрывали другъ отъ друга, что имъ много еще оставалось сдѣлать, и трудно будетъ убѣдить племянницу. Особенно Іосифъ, понимавшій это сердце, съ ужасомъ предвидѣлъ всю бурю отчаянія. Они всѣ трое страшились за будущность, зная по опыту, сколько труда сохранить такое сокровище, какъ молодая дѣвушка.

— Я надѣюсь, сказалъ Жанъ, что мы наконецъ вылечились отъ недуга гостепріимства! Нѣтъ, теперь милости просимъ подальше отъ Коатъ-д'Ора. Хоть разстучись въ дверь, не отворю. И что за радость видѣть въ домѣ какого нибудь бродягу, который потягиваетъ ваше Бордосское вино и въ благодарность за угощеніе обольщаетъ сердце вашей племянницы?

— Всѣхъ бы ихъ перетопить какъ крысъ! прибавилъ

Digitized by Google

Христофоръ. — Будь я повѣшенъ, если брошу имъ оторванный конецъ бечевки!

— Да, сказалъ Жанъ, ты славно сберегъ грузъ! Есть чѣмъ похвастаться!

— Братцы, возразилъ Іосифъ, не должно сожалѣть о добрѣ, которое сдѣлали. Богъ намъ воздастъ рано или поздно, въ этой жизни, или въ будущей.

— Спасибо! сказалъ Жанъ; а въ ожиданіи этого, помоги-ка намъ вотъ тутъ, прибавилъ онъ, видя, что двери въ залу настежъ растворились, и вбѣжала Жанна, блѣдная какъ мраморъ, съ растрепанными волосами и сверкающими взорами.

— Сэръ Георгъ, гдѣ сэръ Георгъ? спросила она задыхающимся голосомъ.

— Крошка моя, отвѣчалъ Христофоръ ласково, сэръ Георгъ получилъ приказаніе тотчасъ отправиться въ Сенъ-Бріекъ; корабль отправляется въ Англію, и ожидалъ только его, чтобы сняться съ якоря. Нашъ гость очень сожалѣлъ, что не могъ проститься съ тобою; но ты знаешь, время не терпитъ....

— Уѣхалъ! вскричала Жанна съ жаромъ и отрывисто. Этого быть не можетъ; сэръ Георгъ не долженъ уѣхать.

— Милое дитя, сказалъ Іосифъ, сэръ Георгу надо еще исполнить важныя обязанности; онъ долженъ отдать отчетъ предъ Совѣтомъ Адмиралтейства своей страны. Тутъ идетъ дѣло больше нежели о его жизни, дѣло идетъ о его чести.

— Я вамъ говорю, что этого быть не можетъ! вскричала Жанна съ твердостію. Есть причины, почему сэръ Георгъ не поѣдетъ. Въ Сенъ-Бріекѣ нѣтъ корабля, готоваго отплыть въ Англію: вѣтеръ противный; я знаю, вы меня обманываете.

— Посмотрите, сказалъ Жанъ въ свою очередь съ лукавымъ видомъ, вотъ ребячество! Развѣ перемѣнилось что вокругъ тебя? Не тѣже ли мы твои старые дяди?

Digitized by Google

— Да! отвѣчала она, переходя вдругъ отъ изступленія къ нѣжности; да, вы все тѣже мои старые дяди, мои добрые и старинные друзья, не такъ ли? Да, я все таже, ваша Жанна, и, обнимая поочередно то того, то другаго, приговаривала тономъ просительнымъ: дядюшка адмиралъ, вы назвали меня по имени своего брика; дядинька полковникъ, вы мой крестный отецъ, я ношу ваше имя; вы первый убаюкивали меня на своей благородной груди, научили меня любить оружіе Франціи и славу Императора; и ты, мой добрый Іосифъ, я твоя воспитанница, твоя племянница, сестра и подруга.

— Ахъ! сирена! Ахъ! змѣя! бормоталъ Христофоръ, тщетно стараясь преодолѣть свое волненіе.

— Такъ какъ вы меня любите, возразила она, то не захотите, чтобы я умерла; умретъ она, ваша Жанна!

— Умретъ! вскричали всѣ трое, обступивши племянницу.

— Дядиньки, сказала Жанна съ благородною гордостью, я люблю сэръ Георга и онъ меня любитъ. Я уже назвала его своимъ супругомъ въ моемъ сердцѣ; и если его потеряю, то ваша племянница вдова, и ей ничего не остается, какъ только умереть.

— Какая глупость! сказалъ Жанъ; пустой морской офицеришка, у котораго ни гроша нѣтъ въ карманѣ!

— Я его люблю и я богата, отвѣчала молодая дѣвушка.

— Неповоротливый малой, который не знаетъ даже основаній своего ремесла, сказалъ Христофоръ. Адмиральтейство Британское хорошо бы сдѣлало, когда бы велѣло высѣчь его розгами на площади въ Лондонѣ.

— Что нужды, если я его люблю? отвѣчала Жанна съ гордостію.

— Молодой человѣкъ, котораго ни предковъ, ни семейства мы не знаемъ, примолвилъ Іосифъ.

— Я его люблю и хочу быть его женою! возразила упрямица.

— Но посуди сама, вѣдь онъ Англичанинъ! вскричалъ

Digitized by Google

Христофоръ; а Англичанинъ убилъ твоего отца и сдѣлалъ тебя сиротою еще въ колыбели!

— Подумай, сказалъ Іосифъ, что сэръ Георгъ вѣрно исповѣдуетъ Протестантскую вѣру!

— Для меня все равно, отвѣчала Жанна. Я его люблю и хочу имѣть своимъ мужемъ.

Такъ-то спорили между собой, съ одной стороны эгоизмъ любви, съ другой эгоизмъ привязанности семейной. Съ той и другой стороны начали просьбами и слезами, и кончили бранью и гнѣвомъ. Жанъ, Христофоръ и даже самъ Іосифъ, увѣрены были въ своей душѣ, что любовь Жанны была не больше какъ ребячество; но даже и постигши всю важность этой любви, они никогда не согласились бы отдать племянницу сэръ Георгу. Столько-то они были убѣждены, что, вышедши замужъ, племянница для нихъ потеряна. Вотще она ихъ упрашивала, они были неумолимы. Тщетно они старались навязать ей свое чувствованіе, она была непреклонна.

— Милое и жестокое дитя! вскричалъ Іосифъ, хотѣвшій сдѣлать послѣднее усиліе; ты ли еще несчастлива? и чтожъ тебя принуждаетъ перемѣнить юную свободу на заботы супружества? Ты едва начала жизнь, и вотъ уже хочешь связать себя вѣчными узами! Чего не достаетъ къ твоему счастію?

— Сэръ Георга! отвѣчала Жанна съ неумолимымъ хладнокровіемъ.

Бѣдный Іосифъ не имѣлъ духу продолжать рѣчь, которой приступъ имѣлъ столь блестящій успѣхъ.

— Ты неблагодарная! вскричалъ Жанъ съ огорченіемъ.

— Да! подхватилъ Христофоръ, есть ли сердце неблагодарнѣе твоего? Забудь то, что были для тебя твои дяди; а иначе собственная твоя совѣсть станетъ проклинать тебя.

— Я понимаю васъ, сказала Жанна, заливаясь слезами. Вы никогда меня не любили. Нѣтъ! никогда вы не любили меня, варвары! Теперь-то я разгадала тайну ва-

Digitized by Google

нихъ самолюбивыхъ нѣжностей. Я сначала была для васъ не больше какъ игрушка, которая васъ забавляла и развлекала. Потомъ вы наряжали меня по гордости, а не по любви. Одно тщеславіе заставляло васъ расточать мнѣ ласки и подарки. Юность мою вы украшали только для того, чтобы одушевить свой домъ и забавить себя надосугѣ. И въ этотъ часъ не любовь ваша страшится потерять меня, а вашъ эгоизмъ возмущается при одной мысли, что я не буду больше услаждать ваши праздные дни. А между тѣмъ обвиняете меня въ жестокости и неблагодарности. Если бы я могла раскрыть предъ вами это сердце, то вы увидѣли бы, безжалостливые, что я съ радостью вплстала васъ во всѣ свои мечты о счастіи. И послѣ этого же я неблагодарная! вскричала она съ отчаяніемъ. Виновата ли я, что въ вашемъ Коатъ-д'Орѣ можно умереть отъ печали и скуки? Виновата ли я, что міръ не заключается въ васъ трехъ? Къ чему мнѣ всѣ ваши алмазы и драгоцѣнности, если моя молодость будетъ протекать среди морскихъ чаекъ? Подумайте, что ваша кровь течетъ въ моихъ жилахъ. Вы назвали меня Вальянсъ, и рано или поздно я докажу вамъ, что была достойна этого имени!

— Но ты заблуждаешься, несчастная! вскричалъ Христофоръ. Ты ничего не видишь и не понимаешь. Тайна, которою покрыта для насъ судьба сэръ Георга, его задумчивость и нежеланіе разсказать намъ объ обстоятельствахъ своей жизни, ужели ничего тебѣ не говоритъ все это? Неужели ты никогда не подумала, что сэръ Георгъ быть можетъ женатъ.

Какъ громомъ поразило Жанну это замѣчаніе. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, испустила стонъ смертельной муки, и безъ чувствъ упала на руки Іосифу.

— Ахъ! вскричалъ Іосифъ, лекарство хуже чѣмъ болѣзнь; бѣдную Жанну убили! да ты же и солгалъ, Христофоръ; а Богъ не позволяетъ лжи ни въ какомъ случаѣ.

*

Digitized by Google

— Ложь! а какъ это знать? сказалъ Христофоръ; можетъ быть и правда.

— Конечно, прибавилъ Жанъ, эти Англичане ко всему способны.

Жанну перенесли въ ея комнату. За обморокомъ слѣдовала горячка. Сдѣлался бредъ, и надо было опасаться за ея жизнь.

Одинъ Іосифъ ходилъ за больною, потому что она не могла видѣть при себѣ двухъ другихъ дядей. Христофоръ и Жанъ были въ отчаяніи. Больная звала сэръ Георга, потомъ вдругъ испускала пронзительный крикъ, и прятала голову подъ одѣяло, боясь увидѣть грозный призракъ, всегда помѣщавшійся между ею и ея женихомъ. Напрасно Іосифъ кричалъ, что ее обманули и сэръ Георгъ свободенъ: несчастная слышала только крики своего собственнаго сердца. Іосифъ плакалъ; охотно бы отдалъ жизнь свою, чтобы только видѣть въ живыхъ эту милую страдалицу. Не разъ онъ умолялъ братьевъ призвать снова сэръ Георга; но Христофоръ и Жанъ отвѣчали: одинъ что надо посмотрѣть, другой что надо подождать. Упорная и страшная борьба происходила внутри ихъ между эгоизмомъ и нѣжностію. И вѣрно, нѣжность одержала бы побѣду; но опасность продолжалась нѣсколько дней, она прошла, и эгоизмъ восторжествовалъ.

Бредъ прошелъ, горячка ослабѣла. Жанна, по видимому, была спокойна; но смотря на ея блѣдное и печальное лицо, легко было угадать, что она умерла для всѣхъ надеждъ и радостей. Христофоръ и Жанъ только во время сна племянницы приходили въ ея комнату, потому что она никакъ не хотѣла ихъ принять; разсматривали ее съ умиленіемъ и удалялись плача, какъ настоящія дѣти.

— Ну, сказалъ однажды Жанъ Христофору, у меня сердце надрывается смотря на это. Не послать ли ужъ намъ за этимъ сумасшедшимъ Георгомъ? Я его не люблю; но видишь самъ, онъ ли будетъ это, или другой кто, только рано или поздно, а все же кончится на этомъ.

Digitized by Google

— Я не зналъ, отвѣчалъ Христофоръ, этой манiи, которую имѣютъ дѣвушки къ замужству!

— Чегожъ ты хочешь, мой бѣдный Христофоръ! возразилъ Жанъ вздыхая; это такъ водится.

— Надо посмотрѣть, сказалъ Христофоръ; да чуть ли уже не уѣхалъ сэръ Георгъ?

— А почему знать? сказалъ Жанъ.

— Я знаю, что онъ уѣхалъ, примолвилъ Христофоръ съ увѣренностiю.

— Въ такомъ случаѣ, прибавилъ Жанъ съ тайнымъ удовольствiемъ, мы исполнимъ свой долгъ и не будемъ имѣть причины упрекать себя.

Непредвидѣнный случай вдругъ измѣнилъ весь ходъ дѣла. Сидя цѣлыя ночи напролетъ возлѣ постели больной, Iосифъ замѣтилъ, что Жанна часто подносила къ своимъ губамъ образокъ, висѣвшiй у нея на шеѣ, и не подозрѣвая тутъ ничего, съ удовольствiемъ видѣлъ, что среди своихъ горестей племянница искала утѣшенiя въ религiи. Между тѣмъ въ одну ночь онъ случайно нашелъ письмо сэръ Георга, которое Жанна въ безпокойствѣ забыла спрятать. Iосифъ прочиталъ письмо, и послѣднiя строки его смутили. Онъ всталъ, побѣжалъ къ постели Жанны; малютка спала тихо и покойно. Iосифъ, наклонившись, разсмотрѣлъ вокругъ ея шеи волосяную цѣпочку и на ней образокъ,—подарокъ Георга. Дрожащею рукою онъ снялъ цѣпочку, подошелъ къ лампѣ, и наступившiй день засталъ его на томъ же мѣстѣ, блѣднаго, недвижимаго, съ глазами, устремленными на цѣпочку и образокъ. Наконецъ утренiй холодъ вывелъ его изъ глубокаго оцѣпененiя, въ которомъ онъ былъ погруженъ. Онъ поднесъ руку къ лицу, и протеръ себѣ глаза, желая увѣриться, точно ли это не былъ сонъ.

— Боже мой! вскричалъ онъ, падая на колѣни, непостижимы Твои судьбы! Ты одною рукою поражаешь, а другою милуешь! Не допусти этому молодому человѣку оставить нашихъ береговъ!

Digitized by Google

При этихъ словахъ, онъ бросился вонъ изъ комнаты, велѣлъ осѣдлать коня, и не сказавши ничего двумъ братьямъ, поѣхалъ въ Сенъ-Бріекъ.

Подъѣзжая къ городу, онъ остановился поговорить съ работниками, которые шли на пристань къ своимъ трудамъ. Іосифъ спросилъ у нихъ, не отправился ли какой нибудь корабль къ берегамъ Англіи.

— Кажись, Капитанъ Веверлея не снимался въ эту ночь съ якоря, сказалъ одинъ.

— Вѣстимо что такъ, сказалъ другой: вѣтеръ былъ противный.

— Къ полуночи вѣтеръ поворотилъ, прибавилъ третій, и я самъ видѣлъ, какъ при восходѣ солнца отправлялось судно на всѣхъ парусахъ отъ берега.

— Стало быть это былъ Веверлей.

— А можетъ и Вашингтонъ, который ѣдетъ въ Америку.

Такъ они спорили между собою; а между тѣмъ Іосифъ давно уже несся впередъ, и наконецъ остановился возлѣ дома Англійскаго Консула.

Узнавши, что Веверлей еще былъ въ починкѣ, и не прежде нѣсколькихъ дней снимется съ якоря, Іосифъ велѣлъ себя проводить въ комнату сэръ Георга. При его входѣ, Георгъ сидѣлъ облокотившись на столъ. На стукъ отворившейся двери онъ оборотился, и узналъ Іосифа. Первый вопросъ его былъ: что миссъ Жанна? Но Іосифъ, вмѣсто всякаго отвѣта, остановился передъ нимъ, и разсматривалъ его съ живымъ участіемъ. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана цѣпочку и образокъ, и, показывая ихъ сэръ Георгу, сказалъ ему смущеннымъ голосомъ:

— Отъ васъ ли, сударь, моя племянница получила этотъ образокъ и эту цѣпочку изъ волосъ?

— Отъ меня, отвѣчалъ важно офицеръ.

— Не объясните ли вы мнѣ, отъ кого вы получили эти вещи? Не припишите это моей нескромности. Тутъ дѣло идетъ о нашей общей чести. Гдѣ вы ихъ нашли?

Digitized by Google

Съ какого времени владѣете ими, прежде нежели подарили Жаннѣ?

— Давно я самъ обращаю эти вопросы къ судьбѣ, отвѣчалъ Георгъ съ смущеніемъ. Но что могу я вамъ сказать? судьба не отвѣчала мнѣ. Одно могу я вамъ сказать, что этотъ образокъ всегда былъ на моей груди, до той минуты, когда я послалъ его къ миссъ Жаннѣ, какъ залогъ моей нѣжности.

— И вы говорите, что этотъ талисманъ всегда покоился на вашей груди? И вы не знаете, чья рука повѣсила его на вашей шеѣ? Стало быть, вы никогда не знали вашего семейства?

— Вы должны были бы, сухо отвѣчалъ сэръ Георгъ, угадать это по моему молчанію всякой разъ, когда вы спрашивали меня объ этомъ въ Коатъ-д'Орѣ. Еще больше, вы должны были бы понять это по моей скорой рѣшимости, оставить тѣ мѣста, гдѣ я оставилъ мою душу.

— Говорите, сударь, говорите! вскричалъ Іосифъ, другъ васъ объ этомъ проситъ. Допросите свою память, разскажите, что знаете о своей жизни.

— По истинѣ, сударь, возразилъ сэръ Георгъ, столько же изумленный, сколько и растроганный, я не знаю, долженъ ли я....

— Должны ли вы? вскричалъ Іосифъ; должны ли вы? Эта цѣпочка сплетена изъ волосъ моей матери, этотъ образокъ я привязалъ его, въ день смерти ея, къ шеѣ моего младшаго брата. Вотъ и число, которое я вырѣзалъ ножемъ.

При этихъ словахъ Георгъ поблѣднѣлъ, и оба они нѣсколько минутъ смотрѣли другъ на друга въ молчаніи.

— Такъ вотъ разгадка тайны, которая покрывала судьбу мою! воскликнулъ сэръ Георгъ въ сильномъ волненіи. Сколько разъ мнѣ чудилось подъ кровлею Коатъ-д'Ора, будто я слышу отдаленное эхо моихъ юныхъ годовъ! Сколько разъ мнѣ думалось, будто я узнаю эти уединенныя мѣста и вижу слѣды моихъ дѣтскихъ ногъ на пескѣ этихъ береговъ!

Digitized by Google

И подумавши нѣсколько минутъ, онъ прибавилъ:

— Я ничего не знаю о своемъ дѣтствѣ. Повидимому, море было первою моею колыбелью. И вотъ что слышалъ я отъ тѣхъ, которые меня воспитали: Въ Февралѣ 1817 года меня съ опрокинутой лодки взяли на Голландскій бригъ, который самъ скоро потонулъ въ виду береговъ Англіи. Спасенный во второй разъ Англичанами, я былъ усыновленъ старымъ и добрымъ мичманомъ, который воспитывалъ меня вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Албертомъ. Старикъ умеръ; я былъ еще молодъ. Послѣ того я видѣлъ столько различныхъ странъ, говорилъ на столькихъ различныхъ языкахъ, что все это перемѣшалось въ моей памяти, и я не припомню, на какомъ языкѣ я лепеталъ въ дѣтствѣ. Между тѣмъ, говоря по-французски, я всегда чувствовалъ волненіе въ сердцѣ, при звукахъ моего собственнаго голоса мнѣ всегда думалось, что это былъ языкъ моей матери.

Іосифъ, сѣвшій было на кресло, быстро вскочилъ, развернулъ рубашку на груди Георга и узналъ рубецъ послѣ раны, которую онъ самъ когда-то перевязывалъ на груди Губерта, бросился къ нему на шею, и, прижимая его къ своему сердцу, воскликалъ:

— Это ты, послѣдній сынъ моей матери! ты, братъ нашъ Губертъ!

V.

Въ тотъ же день, спустя нѣсколько часовъ, послѣ сцены, происходившей утромъ въ Сенъ-Брискѣ, Жанна пробудилась отъ долгой дремоты. Открывши глаза, она увидѣла сидящихъ возлѣ своей постели Жана, Іосифа, Христофора и Георга, котораго трое другихъ называли братомъ. Радость и довольство сіяли на ихъ лицахъ. —«Прелестная мечта! не улетай,» бормотала она, и тихо сомкнувши вѣки, впала въ полусонъ, который для души есть что-то въ родѣ сумрака, ни ночь, ни день. Наконецъ, побуж-

Digitized by Google

даемая сладкимъ чувствомъ дѣйствительности, она открыла глаза, и, узнавши на этотъ разъ, что это была не мечта, бросилась въ объятія Іосифа, и потомъ вырвалась только для того, чтобы сжать въ своихъ объятіяхъ дядю адмирала и дядю полковника. Георгу ни одного слова, ни одного жеста, но прочимъ троимъ ласки самыя дикія. Между тѣмъ глухое безпокойство все еще роптало въ глубинѣ ея счастія. Вдругъ ея лице отуманилось: Жанна обратилась къ Христофору и дрожащимъ голосомъ спросила:

— А вы мнѣ говорили, дядюшка, что онъ не свободенъ.

— Я тебѣ говорилъ правду, возразилъ Христоферъ съ легкою усмѣшкою.

— Вы мнѣ говорили, что онъ женатъ?

— Да, вскричалъ Христоферъ, и вотъ его жена, прибавилъ онъ, покрывая поцѣлуями голову прекрасной малютки.

Четыре брата рѣшили между собою, чтобы племянница только въ день свадьбы своей узнала всю истину.

Какъ будто само Небо сжалилось надъ нѣжностію и эгоизмомъ Леговыхъ, связавши событія такимъ образомъ, что Жанна могла выдти замужъ, не перемѣняя ни крови, ни имени, ни семьи. При всемъ томъ Христоферъ и Жанъ не съ живымъ энтузіазмомъ покорились опредѣленіямъ Промысла. Жанъ особенно, никогда не видавшій Губерта, мало радовался его счастію.

— А что? сказалъ онъ однажды вечеромъ Христофору, отведя его въ сторону; ты увѣренъ ли, что это Губертъ? По мнѣ, тутъ что-то черезъ чуръ много баснословнаго.

— Это вѣрно, отвѣчалъ Христоферъ, тряся головою; я узналъ на его лѣвой рукѣ изображеніе брика Вальянсъ, которое самъ выклеймилъ порохомъ на рукѣ нашего младшаго брата.

— Признайся однакожъ, что не всякій такъ счастливъ, какъ онъ. Мы для него воспитали жену. Да, нѣчего ска-

Digitized by Google

зать, и отецъ нашъ безъ меня тутъ былъ довольно забавенъ.

— Чегожъ тебѣ хочется? Не самъ ли ты говорилъ, что рано или поздно этому надо было случиться. Лучше же Губертъ, чѣмъ кто другой. Она не выйдетъ изъ нашего семейства. Жанна будетъ носить наше имя, и продолжитъ поколѣніе Леговыхъ.

— Это правда, отвѣчалъ Жанъ; но и малой не въ накладѣ. Племянница, жена, милліонъ приданаго, пріятное семейство, славное имя въ знаменитостяхъ арміи и флота, и все это за погибшій фрегатъ! Кораблекрушенія ему помогли. Тяжеленько ему было жить на свѣтѣ. Но, тысяча громовъ! прибавилъ онъ шутливымъ тономъ, нужно же было этому ханжѣ Іосифу привязать образокъ къ шеѣ этого мальчишки Губерта!

— Ну, полно Жанъ! сказалъ Христофоръ; а самъ ты, возвратившись къ намъ безъ башмаковъ, не сердился же за то, что вмѣсто хижины нашелъ замокъ.

— Положимъ, что и такъ, отвѣчалъ Жанъ; но я не женился на своей племянницѣ.

— Еще бы этого не доставало, возразилъ Христофоръ.

Не забудемъ однако же, что послѣ перваго движенія ревности и эгоизма, они благодарили судьбу, пославшую для Жанны такого супруга, который одинъ могъ удовлетворить всѣмъ ихъ требованіямъ.

Счастіе и любовь лучше всякихъ лекарствъ. Къ концу недѣли, Жанна совсѣмъ оправилась. Рѣшено было, чтобы все семейство проводило Георга, потому что онъ все еще былъ подданный Англіи. Они сѣли на корабль Веверлей, и съ удовольствіемъ совершили это путешествіе, исключая Христофора и Жана, которые были какъ на иглахъ, ступая на землю вѣроломнаго Альбіона. Они увѣряли, что Лондонъ былъ ужасный городъ, гораздо хуже Бишьика и особенно Сенъ-Бріека. Жанъ, воображавшій, что св. Елена была тюрьма въ Лондонѣ, просилъ посѣтить тюрьму, въ которой скончался Императоръ. Въ нѣсколько дней

Digitized by Google

Георгъ кончилъ дѣло съ Совѣтомъ Британскаго Адмиралтейства. Жанъ и Христофоръ свидѣтельствовали въ его пользу. Жанъ нашелъ предлогъ вступиться за великую тѣнь Наполеона, и выразился такъ обидно для Англіи, что его вѣжливо выпроводили за дверь. Молодой человѣкъ взялъ отставку, и они скоро достигли береговъ Франціи.

Въ день свадьбы Жанна узнала, что вышла замужъ за дядю, и можно судить объ ея радости, когда она увидѣла, что будетъ носить тоже имя, которое Іосифъ, Христофоръ и Жанъ ее научили любить.

Прошло восемь лѣтъ послѣ свадьбы этихъ молодыхъ людей. Они по прежнему любятъ другъ друга. Жанна все такъ же прекрасна. Сдѣлавшись матерью, она больше, нежели когда нибудь, составляетъ гордость и радость Коатъ-д'Ора. Двое малютокъ играютъ у ногъ ея, и старые дяди, посматривая на нее съ умиленіемъ, часто ей твердятъ:

— Ты наша дочь, ты открыла намъ путь къ чести и семейному счастію.

съ Франц. Н. Лв-кій.

Digitized by Google

СЛАВЯНСКАЯ ИСТОРІЯ.

НИКОЛАЙ КОПЕРНИКЪ.

(Голосъ за правду).

Ни чѣмъ не можетъ столько гордиться нація, какъ великими людьми, которые вышли изъ среды ея, и потому-то въ цѣломъ мірѣ, можетъ быть, не найдется народа, которому судьба отказала бы въ этой почетной гордости. Потомство, всегда безпристрастное и благородное, не внимаетъ современнымъ похваламъ или осужденіямъ, и возлагаетъ вѣнецъ славы на однихъ только избранныхъ. Великіе люди необходимо становятся самымъ драгоцѣннымъ достояніемъ націи, — неоцѣнимымъ клейнодомъ, завѣщаннымъ имъ потомству. Мы видимъ, что цѣлыя націи готовы оспоривать одна у другой славу — называться родиною генія, если только имѣютъ малѣйшій къ тому поводъ, и стоитъ только вспомнить споры о родинѣ Колумба, чтобъ убѣдиться, до какой степени могутъ они дойти. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное соперничество заслуживаетъ одобренія, но нельзя же и не осудить, если оно доходитъ до безразсудства, — если идетъ на перекоръ историческимъ фактамъ и разумному убѣжденію. Въ такомъ случаѣ претензіи эти становятся смѣшными, и конечно уже должны оскорблять то великое имя, которое ихъ возбудило.

Мы говоримъ это по случаю спора, который съ нѣкотораго времени ведется между Нѣмцами и западными нашими соплеменниками—Поляками. Баварцамъ вздумалось сдѣлать Коперника Швабомъ, и вотъ — по поводу трехсотлѣтняго юбилея знаменитаго астронома, они провозгласили его

Digitized by Google

сыномъ Германіи и помѣстили въ свою Валгаллу. Такое насиліе, котораго никогда нельзя было ожидать отъ ученыхъ Нѣмцевъ, пробудило Польскихъ ученыхъ, и многіе изъ нихъ отозвались за правду. Въ Варшавѣ вышла по этому предмету брошюра, подъ названіемъ: «Коперникъ въ Валгаллѣ». Авторъ, заслуженный Профессоръ бывшаго Варшавскаго Университета, Адріанъ Кршыжановскій, излагаетъ въ ней біографію Коперника, основанную на историческихъ фактахъ, и съ благороднымъ одушевленіемъ обличаетъ Нѣмцевъ въ безразсудномъ присвоеніи ими того, что принадлежитъ неотъемлемо великому Славянскому племени. Другой Варшавскій ученый, бывшій Профессоръ публичныхъ школъ, Игнатій Лойола Рихтеръ, помѣстилъ въ «Курьерѣ Варшавскомъ» краткую біографію знаменитаго своего соотечественника, не касаясь, впрочемъ, вышеприведеннаго нами спора. Въ этой біографіи мы нашли весьма любопытныя свѣденія, относящіяся къ знаменитому предсмертному произведенію Коперника: «de revolutionibus». Надѣемся доставить полное удовольствіе ученымъ читателямъ «Москвитянина», сообщивъ содержаніе брошюры Г. Кршыжановскаго и статьи Г. Рихтера.

Статья Г. Кршыжановскаго (Kopernik Walhalla's Genoss) начинается историческими изысканіями о переселеніи предковъ Коперника изъ Богеміи въ Польшу.

Въ 1257 году, Болеславъ V, Король Польскій, даровалъ городу Кракову Магдебургское право, по которому городскіе обыватели, мѣщане, составляли особенное сословіе, — среднее между дворянствомъ и чернью. Въ 1365 году, Казимиръ III подтвердилъ Магдебургское право, и учредилъ въ Краковѣ особый аппелляціонный судъ. Такимъ образомъ Польскіе города освобождены были навсегда отъ необходимости аппеллировать въ Магдебургъ.

Съ 1300 года и по 1305 годъ Польскимъ Королемъ былъ Богемскій Король Вацлавъ, и съ того времени до самаго 1335 года всѣ Короли Богемскіе носили титулъ

Digitized by Google

Королей Польскихъ. Силезія, тогдашняя Польская провинція, досталась Богеміи.

Въ 1394 году Владиславъ Ягелло, Король Польскій, Великій Князь Литовскій, выслалъ въ Краковъ Богемскихъ священниковъ для отправленія Богослуженія на Чешскомъ языкѣ. Въ числѣ ихъ былъ и знаменитый реформаторъ Іеронимъ Прагскій, мудрыми совѣтами котораго воспользовался Король при учрежденіи, въ 1400 году, главной Краковской школы для народнаго образованія.

Въ слѣдствіе этихъ обстоятельствъ, съ 1257 года Краковъ наполнялся прибывавшими изъ Богеміи Чехами, и въ числѣ ихъ, въ концѣ XIV вѣка, переселились туда и предки знаменитаго Астронома Коперника. Въ городскихъ актахъ, «Acta Consularia Cracoviensia», которые велись съ 1392 года, въ числѣ лицъ, принятыхъ въ городское сословіе въ 1396 году, записанъ дѣдъ Астронома, родомъ Богемецъ. Въ актахъ означенъ онъ словами Nicolaus Koppirnig, съ присовокупленіемъ поручительства въ происхожденіи его — Богемца Домбравы, давно уже поселившагося въ Краковѣ.

Богемское слово «koprnik» произносится коперникъ или копырникъ, и по этому-то въ городскихъ Краковскихъ актахъ фамилія предковъ астронома написана различно, въ одномъ мѣстѣ Koppirnig, въ другомъ Korpirnik, Kopernik.

На Богемскомъ языкѣ слово «kopernik» означаетъ растеніе, которое по Польски называется koprownik или жербжица, по Нѣмецки Baerwürz, у Линнея seseli. Корни Богемскаго слова koprnik суть: koprnet, trpnut, strpnut, по Польски—pokornieć, cierpnąć, scierpnąć. Отсюда Богемскіе—koprnim или terpnim, Польское—pocornieję, cierpnę, далѣе Богемское koprny, по Польски pokorny, покорный, наконецъ Богемское koprnik, Польское pokornik, покорникъ. Отсюда видно, что Богемское слово kopernik значитъ тоже самое, что значило бы по Польски, или по

Digitized by Google

Русски слово «покорникъ», если бы оно могло быть усвоено въ этихъ двухъ языкахъ, какъ оно усвоено въ Хорватскомъ или Кроацкомъ и въ Вендскомъ—Славянскихъ наръчіяхъ. Останавливаясь на этомъ корнесловіи, не можемъ не замѣтить, сколько приличнымъ могло быть подобное имя для перваго астронома въ мірѣ. Въ Коперникѣ мы удивляемся не столько глубокимъ его познаніямъ и безпредѣльной мысли, сколько его религіозной *покорѣ*, которая дала ему средства и силы вознестись мыслію къ Великому Міросоздателю и постигнуть недостижимую до того времени тайну міровращенія.

Съ водвореніемъ Коперниковъ Богемскій языкъ ввелся въ Польшѣ. Во времена Ягелловъ въ Краковѣ печатались Богемскія книги; — извѣстно также и то, что въ этой тогдашней столицѣ Польской и въ городѣ Освѣцимѣ писались на Богемскомъ языкѣ различныя привиллегіи. Изабелла, дочь Короля Сигизмунда, супруга Венгерскаго Короля Януса Запольскаго, писала по Богемски Кардиналу Гоцію. Извѣстный лѣтописецъ и писатель того времени Лука Гурницкій, придворный Сигизмунда Августа, пишетъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій, что въ то время смѣсь разговорнаго языка Польскаго съ Богемскимъ была узаконена модою и хорошимъ тономъ. Это не должно показаться удивительнымъ, особенно если вспомнимъ, какъ въ нынѣшній вѣкъ мѣшаютъ во всѣ Славянскіе языки Французскій, ничѣмъ съ ними не сходный; Богемскій языкъ, какъ наръчіе Польское, конечно уже имѣлъ на это гораздо бо́льшее право.

Въ Магистратской городовой книгѣ города Торна (Торуня), подъ названіемъ: «Liber judiciorum veteris civitatis Thorunensis» упоминается, подъ рубрикою 1400 года, о какомъ-то Коперникѣ и женѣ его Августинѣ. Легко можетъ быть, что этимъ Коперникомъ былъ никто иной, какъ тотъ же дѣдъ астронома, о которомъ значилось въ 1396 году въ актахъ Краковскихъ. Въ той же Торнской книгѣ, подъ рубрикою 1422 года, упоминается о Петрѣ

Digitized by Google

Коперникѣ изъ Франкенштейна и о женѣ его Маргаритѣ изъ Торна. Этотъ Коперникъ былъ также Богемецъ, потому что Силезской городокъ Франкенштейнъ въ 1312 году принадлежалъ Богеміи. Богемскій Король Янъ, въ 1312 году, купилъ у Болеслава Пяста, Князя Мюнстебергскаго, или, какъ тогда называли, Князя на Замбицѣ (Xięcia na Zambięcu) замокъ Клоцко (Glatz), и потомъ у сына его Николая замокъ Франкенштейнъ. Такимъ образомъ, при сношеніяхъ Коперниковъ съ Краковомъ и Торномъ, сынъ поселившагося въ Краковѣ въ 1396 году, отецъ астронома, — родившійся около 1420 года, переселился въ 1462 году въ Торнъ. Здѣсь, въ 1464, онъ женился на сестрѣ Вармійскаго Епископа Вейсселькрода, Варварѣ, и взялъ въ приданое за нею до нынѣ существующій въ Торнѣ, на улицѣ св. Анны, домъ, въ которомъ родился астрономъ. Онъ умеръ въ 1483 году, въ званіи *райца* или лавника (*), которое принято имъ было въ 1465 году. Въ актахъ и хроникѣ города Торна, *Жернецкаго*, онъ названъ Краковскимъ гражданиномъ.

Лука Вейсселькродъ, Торнскій гражданинъ, котораго Вендо-Славянская фамилія помѣщена Несѣцкимъ въ его гербовникѣ, между фамиліями Польскаго дворянства, былъ женатъ на Катеринѣ *Модлибогъ*. Годфридъ Центлеръ въ сочиненіи своемъ «Geerthe und gelehrte Thorner», 1763 года, говоритъ, что у Вейсселькрода было трое дѣтей, изъ которыхъ Лука былъ въ послѣдствіи Епископомъ Вармійскимъ, а Варвара вышла замужъ за Краковскаго гражданина Николая Коперника, и имѣла отъ него четырехъ сыновей: *Николая*, астронома, родившагося въ Торнѣ, 19 Февраля 1473 года, *Георгія* (**), *Николая* Хирурга, и *Андрея* Каноника Вармійскаго. Центнеръ доказываетъ, что фамилія Модлибоговъ есть дворянская Польская, и слѣдственно въ жилахъ знаменитаго Астронома не было

(*) Совѣтника Магистрата, radcy.

(**) У него было восемь дочерей и сынъ Мартинъ, умершій въ 1601 году, четырнадцати лѣтъ отъ роду.

Digitized by Google

ни капли Нѣмецкой крови. Во время рожденія его Казимиръ IV и сынъ его Владиславъ, Ягеллоны, владѣли Польшею и Богеміею.

Городъ Торунь, увѣковѣченный рожденіемъ Коперника, былъ первымъ изъ Польскихъ городовъ, отложившихся отъ владѣній Нѣмецкаго ордена и поступившихъ подъ прежнюю державу Королей Польскихъ. Онъ расположенъ на правомъ берегу Вислы, въ давней Польской провинціи Мазовіи, или въ давнемъ Воеводствѣ Мазовѣцкомъ, которое съ 1466 года именовалось Хелмнинскимъ. Діэцезія или церковный округъ, къ которому былъ причисленъ Торунь, начала называться Хелмнинскою съ 1222 года, т. е. со времени водворенія въ Хелмскомъ Округѣ Нѣмецкихъ рыцарей, Княземъ Мазовѣцкимъ Конрадомъ Пястомъ; до 1222 года она называлась Плоцкою. Резиденція Хелмнинскихъ Епископовъ была въ Либавѣ, а каѳедральный Соборъ въ Хелмнѣ. Янъ Леонъ изъ Варміи, въ своей «Historia Prussiæ» 1726 года, утверждаетъ, что земля Хелмнинская издревле была частію Мазовіи, но не Пруссіи. Италіанскіе писатели, говоря о Торунѣ, какъ о мѣстѣ рожденія Коперника, называютъ его Мазовѣцкимъ городомъ, cita di Mazovia. Извѣстно также изъ одной старой рукописи студентовъ Венгерской бурсы, бывшей при Краковской Академіи, что Коперника называли всѣ Мазуромъ, но не Прусакомъ. Въ Торунскомъ трактатѣ 1466 года весьма несправедливо названы Прусскими, возвращенныя отъ рыцарей, земли Хелмнинская и Поморская, изъ которыхъ тогда же образованы были три Воеводства: Хелмнинское, Поморское и Мальборгское, вмѣстѣ съ Епископствомъ Варміискимъ, входившимъ въ составъ послѣдняго.

Духъ жителей Торуня, не взирая на Нѣмецкій языкъ, на которомъ говорили и писали наравнѣ съ Польскимъ въ Краковѣ и Торунѣ въ XIII вѣкѣ, вовсе не былъ Нѣмецкимъ, такъ точно, какъ и названіе самаго города, которому уже въ послѣдствіи Нѣмцы усвоили названіе Торна. Надобно сказать откровенно, что даже въ то время

Digitized by Google

Нѣмцы не отвѣчали Полякамъ довѣрчивостью и справедливостью. У жителей при-Балтійскихъ была поговорка, въ которой придаваемы были эпитеты городамъ: Торунію — древнѣйшаго, Гданьску (Данцигу) — богатѣйшаго, и Эльбингу — крѣпчайшаго. Основываясь на этомъ, Мартинъ Бёмъ (Böhm), Профессоръ Евангелической Гимназіи въ Торунѣ, въ сочиненіи своемъ, подъ заглавіемъ: «Civitatis patriæ insignia 1706», доказываетъ, что названіе города происходитъ отъ Тора (Thor)—Марса Готѳской Мивологіи, которому приписываютъ основаніе Торуня и Гданьска. Нынѣ химики воскресили это забытое слово, назвавши имъ открытый ими металлъ торій (Thorinium, какъ называютъ его нѣкоторые), а землю, содержащую его—ториною. Прусскій лѣтописецъ Дусбургъ (Dusburg) пишетъ, что Князь Мазовѣцкій Конрадъ Пястъ, въ 1231 году, приказалъ выстроить для вызванныхъ имъ въ Хелминскую землю Нѣмецкихъ рыцарей, на противъ Торуня, укрѣпленный замокъ, въ которомъ они могли отражать нападенія, обращаемыхъ ими огнемъ и мечемъ въ Христіанство, Пруссовъ.

На этихъ усиліяхъ—перерождать въ Нѣмецкую землю Славянскія наслѣдія, Нѣмцы не ограничились: имъ, во что бы ни стало, per fas et nefas, хотѣлось сдѣлать Нѣмцемъ Коперника. Не льзя и не согласиться въ томъ, что много отнимаютъ достоинства у прекраснаго «Conversations-Лексикона» тѣ страницы, на которыхъ Поляка Коперника производятъ отъ т.... Швабовъ! Въ этомъ случаѣ автора статьи можно сравнить съ однимъ изъ его соотечественниковъ, который, въ свое время, столь же нелѣпо доказывалъ, что Коперникъ былъ ученикомъ Іогана Миллера Регіо-Монтана, (т. е. Кенигсбергца) изъ Франконіи, или съ Игнатіемъ Ходынѣцкимъ, который, въ выданномъ имъ во Львовѣ, въ 1833 году, «Словарѣ ученыхъ Поляковъ», посылалъ знаменитаго Коперника слушать астрономическія лекціи въ Крулевецъ (Кёнигсбергъ). Астрономъ Регіо-Монтанъ умиралъ въ Римѣ въ 1476 году, когда Коперни-

Digitized by Google

ку не минуло и трехъ лѣтъ со дня его рожденія, а Крулевецкая Гимназія основана была Прусскимъ Герцогомъ Альбрехтомъ въ 1543 году, т. е., въ то время, когда Коперникъ умиралъ на стяжанныхъ имъ лаврахъ Европейской славы. Изъ сочиненія подъ названіемъ «Erleutertes Preussen, (Königsberg 1724 — 1728, Том. IV, стр. 167)» видно, что до 1541 года существовала въ Крулевцѣ одна бѣдная Приходская Школа; въ этомъ же году Альбрехтъ заложилъ Гимназію, а въ 1544 году утверждена была Сигизмундомъ I, Королемъ Польскимъ, какъ въ ленной и подвластной ему землѣ Великаго Герцога Прусскаго, Академія, ad profligandam impietatem ac barbariem, какъ сказано въ предисловіи устава этой главной Кёнигсбергской Школы. Въ другомъ сочиненіи (Entwurf der preussichen Literatur-geschichte von Georg Christoph Pisański, Königsberg, 1791) сказано, что высшая школа прежде всѣхъ основана была въ Эльбингѣ около 1300 года, въ Торунѣ около 1350, въ Хелмнѣ въ 1405, въ Гданьскѣ 1416, а въ Крулевцѣ по «Erleutertes Preussen» въ 1541 году, т. е., за два года до смерти Коперника. Ясно, что Коперникъ никакимъ образомъ не могъ ходить въ Кёнигсбергскую школу, а ходилъ въ Торунскую, откуда уже и поступилъ въ Краковскую Академію.

Изъ метрическихъ книгъ Краковской Академіи видно, что еще съ 1400 года жители Торуня и Гданьска посылали въ нее дѣтей своихъ. Извѣстно также и то, что въ книги вписывались одни только имена учениковъ Польскихъ; къ именамъ же иноземныхъ слушателей присоединялись и ихъ фамиліи. Въ первое столѣтіе своего существованія, въ Краковскую Академію стекались ученики, кромѣ Польши и Литвы, изъ Венгріи, Моравіи, Богеміи, Баваріи, Саксоніи, Бранденбурга, Силезіи, Кенигсбергской Пруссіи и изъ Швеціи. Въ 1491, во второмъ полустолѣтіи, во время ректорства Матвѣя изъ Кабылина, имя Коперника внесено уже въ списки словами: «Nicolaus Nicolai

Digitized by Google

de Thorunia, Николай, Николаевъ сынъ, Коперникъ.» Въ 1493 году кончилъ онъ академическій курсъ.

Изъ другой академической книги, начинающейся съ 1406 года и продолжающейся до XVII столѣтія, мы узнаемъ, что Коперникъ, по выходѣ изъ Академіи, не получилъ высшей академической степени. Отъѣздъ профессора астрономіи Войцѣха Брудзевскаго изъ Кракова въ Вильно, гдѣ, спустя два года и умеръ этотъ достойный Коперника учитель, — равно какъ и вдохновленныя уже учителемъ въ умѣ ученика идеи о міровращеніи, преслѣдуемыя, какъ ересь, религіознымъ фанатизмомъ того времени, побудили Коперника не домогаться въ Краковѣ академической степени.

До-нынѣ существуетъ писанный въ Краковѣ въ 1493 году, и напечатанный въ Медіоланѣ въ 1495 году Курсъ Астрономіи, который слушалъ отъ Войцѣха Брудзевскаго Коперникъ. Названіе писаннаго слѣдующее: «Commentariolum supra theoricas novas Seorgii Purbachin studio generali Cracoviensi per magistrum Albertum de Brudzewo diligenter corrogatum». Другой, отпечатанный въ Медіоланѣ въ осьмушку на 160 страницахъ, носитъ названіе: «Commentaria utilissima in theoricis Planetarum». На обверткѣ заглавнаго листа находится обращеніе издателя Іогана Оттона Германа «de valle vracense» къ Амвросію Розато, герцогскому лекарю и совѣтнику, въ которомъ онъ рекомендуетъ книгу своего профессора Италіанскому юношеству, и слѣдственно даетъ ей предпочтеніе предъ всѣми современными Италіанскими сочиненіями того рода. Въ концѣ текста повторено тоже названіе рукописи 1493 года, о которой сказали мы выше, съ особеннымъ прибавкомъ, pro introductione juniorum. Время выхода въ свѣтъ этого послѣдняго сочиненія совпадаетъ съ временемъ кончины Войцѣха Брудзевскаго въ Вильнѣ. Почти одинаковая участь постигла, спустя 48 лѣтъ, и геніальнаго ученика его. Безсмертное твореніе Коперника вышло въ Нюрембергѣ не задолго до кончины Астронома, въ Фрауенбургѣ.

Digitized by Google

Нѣтъ сомнѣнія, что превосходный курсъ Брудзевскаго, который привлекалъ на его лекціи заграничныхъ ученыхъ, (о чемъ и говоритъ въ собственноручныхъ своихъ запискахъ Янъ Бросціусъ, Профессоръ Астрономіи въ Краковской Академіи въ началѣ XVII вѣка), породилъ и въ Коперникѣ мысль объ обращеніи земли около солнца вмѣстѣ съ прочими планетами. Эту же мысль старался возбудить Кардиналъ Суза въ Вѣнскомъ Астрономѣ Пурбахѣ и въ послѣдствіи въ учителѣ Регіо-Монтанѣ; но желанія его не увѣнчались успѣхомъ. Съ этою-то мыслію великій Астрономъ рѣшился въ 1495 году посѣтить знаменитѣйшіе Италіанскіе Университеты, которые славились каѳедрами Греческаго языка, Исторіи и Медицины, хотя и уступали Краковской Академіи въ Астрономіи. Астрономъ Пурбахъ умеръ въ Вѣнѣ, во время сборовъ въ Италію, гдѣ онъ также хотѣлъ выучиться по-Гречески. Въ тоже почти время умеръ въ Римѣ и ученикъ его Регіо-Монтанъ, пріѣхавшій туда съ такимъ же намѣреніемъ. Оба они хотѣли изучить Астрономію древнихъ Грековъ по самымъ вѣрнымъ источникамъ.—Другая цѣль была у Коперника. Зная по-Гречески, онъ спѣшилъ въ Италію единственно для усовершенствованія себя въ языкѣ и философіи Грековъ, откуда онъ долженъ былъ почерпнуть новые доводы для своихъ предначертаній. Падуа, куда прибылъ Коперникъ, принадлежала съ 1406 года Республикѣ Венеціанской и славилась своимъ Университетомъ, который наполненъ былъ слушателями изъ всѣхъ странъ тогдашняго образованнаго міра. Коперникъ записался въ Отдѣленіи Поляковъ (Университетъ раздѣлялся и по націямъ), по медицинскому факультету. Зная въ совершенствѣ Астрономію, онъ не имѣлъ надобности слушать ее вторично, тѣмъ болѣе, что Падуанскіе Профессоры Астрономіи далеко уступали Профессорамъ Краковскимъ. Въ Исторіи Падуанскаго Университета: «Historia Gymnasii Patarini Venetiis, 1726 in folio», во 2 томѣ, на 195 страницѣ, Авторъ ея, Николай Commenus Papadopoli, го-

Digitized by Google

воритъ о Коперникѣ, что онъ съ успѣхомъ занимался Перипатетическою Философіею, и что въ имянной книгѣ Поляковъ (patetex Polonorum albis) учителями его показаны Николай Passero и Николай Vernia Teatyna. Послѣдній, какъ сказано въ актахъ Медицинскаго Факультета, въ 1499 году увѣнчалъ Коперника почетными лавровыми вѣнками за особенные успѣхи по этимъ двумъ предметамъ.

Изъ Падуи Коперникъ отправился въ Болонью, принадлежавшую въ то время Венеціи. Туда привлекла его слава тамошняго Астронома Доминика Марія Наварра (*). Надобно сказать, что въ послѣдствіи славою своею Наварра обязана была много фальшивымъ и преувеличеннымъ извѣстіямъ Французскихъ ученыхъ. Монтукла въ своей «Исторіи Математики» (**) поставляетъ ему въ заслуги: — «d'avoir été le maître de Copernic et l'avoir engagé par son exemple et ses conseils à se livrer à l'Astronomie», тогда какъ эти заслуги прямо относятся къ Войцѣху Брудзевскому, который можетъ смѣло почитаться образователемъ по части Астрономіи и всего Италіанскаго юношества. Достойный его товарищъ Доминикъ Марій Наварра помогъ ему и въ этомъ, и по его-то рекомендаціи Коперникъ получилъ каѳедру Астрономіи въ Римскомъ Университетѣ, которую занималъ самъ Наварра.

Караффа въ своей Исторіи говоритъ, что Римскій Университетъ обязанъ былъ своимъ совершенствомъ Папамъ Евгенію IV, Николаю V и Александру VI. Послѣдній изъ нихъ занималъ папскій престолъ съ 1492 до 1503 года, и при немъ-то получилъ Коперникъ каѳедру Астрономіи (***). Тоже подтверждаютъ ученикъ Коперника и издатель его твореній Іоахимъ Ретикъ и Тирабоски въ своей Исторіи Италіанской литературы (Storia della literatura Italiana).

(*) Онъ родился въ Феррарѣ, въ 1464 году, а умеръ въ 1514, въ Болоньи, во вторый годъ присоединенія этого города къ папскимъ владѣніямъ.

(**) «Histoire des Mathematiques». Tom I, pag. 549.

(***) Въ 1499 году.

Digitized by Google

Смуты и безпорядки, ознаменовавшіе конецъ правленія Папы Александра VI, побудили Коперника оставить Римъ и возвратиться въ отечество.

По пріѣздѣ въ Краковъ, въ 1502 году, Коперникъ посвятилъ себя духовному званію, и тутъ же былъ посвященъ. Въ это время (между 1502 и 1509 годами), какъ оказывается изъ Астрономическихъ трудовъ его, написалъ онъ, увѣковѣчившее его имя, твореніе «de revolutionibus orbium coelestium». Въ Краковѣ онъ засталъ еще въ живыхъ друга своихъ родителей провинціала Доминиканскаго братства Якова Зарембу изъ Быдгошча, который, во время пребыванія ихъ въ Краковѣ, въ 1469 году, съ цѣлымъ семействомъ принялъ въ число лицъ, имѣвшихъ право на мірское вспоможеніе. Сохранился до сего времени пергаменный оригиналъ, подтверждавшій этотъ духовный союзъ фамиліи Коперниковой съ Доминиканскимъ орденомъ Польскихъ провинцій, Provinciæ Polonicæ. Краковскій Епископъ Янъ Конарскій доставилъ Зарембѣ съ 1502 года мѣсто суфрагана Краковской діэцезіи; — а въ 1403 Папа Пій III утвердилъ его Епископомъ Лаодикійскимъ. Полагаютъ не безъ основанія, что Коперникъ рукоположенъ былъ въ санъ духовный Конарскимъ и Зарембою. Кромѣ Зарембы Коперникъ нашелъ въ Краковѣ и другихъ короткихъ своихъ знакомыхъ, — Мартина Белзу, добродѣтельнаго и весьма достаточнаго Краковскаго гражданина, который, какъ видно изъ городскихъ актовъ, жилъ въ большой пріязни съ отцемъ его, и семейство Кромеровъ, которыхъ фамилія видна въ городскитъ актахъ съ 1593 года. Одинъ изъ потомковъ этихъ Кромеровъ, знаменитый Епископъ Вармійскій Мартинъ Кромеръ, почтилъ память Коперника достойною его надгробною эпитафіею. И донынѣ еще существуютъ въ Польшѣ фамиліи Белзовъ и Кромеровъ. Вообще Краковъ былъ дорогъ для Коперника по воспоминаніямъ. Тутъ, какъ на родномъ полѣ, могъ онъ посѣять зерно своихъ великихъ предначертаній, заранѣе увѣренный, что оно не падетъ на камень, — что не рас-

Digitized by Google

клюютъ его хищныя птицы фанатизма и суевѣрія. — Въ Краковѣ предполагалъ онъ поселиться навсегда, въ званіи профессора той самой Академіи, гдѣ провелъ лучшія 13 лѣтъ своей жизни; но намѣреніе его не осуществилось: въ 1510 г. дядя его Лука Вейссельродъ вызвалъ его въ Фрауенбургъ на мѣсто каноника.

Современными Копернику Епископами Вармійскими были, кромѣ Вейссельрода, Фабіанъ Лузіанисъ, Маврикій Ферберъ, Янъ Дантишекъ и Тидеманъ Гизе. По смерти Епископа Лузіаниса, въ 1523 году, капитулъ избралъ Коперника въ администраторы діэцезіи. Во все продолженіе своего управленія Коперникъ обнаруживалъ неудовольствіе противъ Нѣмецкаго Ордена. По миновaніи срока Коперникъ сдалъ свою должность Ферберу. «По смерти Фербера,»—(пишетъ Яноцкій съ найденныхъ имъ въ Варшавскомъ капитулѣ подлинныхъ актовъ, — въ сочиненіи своемъ: «Von raren Polnischen Büchern», въ 3 час. на стр. 83),—«Король Сигизмундъ I предоставилъ выбору капитула четырехъ кандидатовъ — прелатовъ для занятія епископскаго кресла, — Дантишка, Гизе и Коперника. Не взирая на то, что, особенно рекомендованный Королемъ, Дантишекъ получилъ Вармійское Епископство, а Гизе—Хелмнинское, оба достойные прелата сохранили къ Копернику прежнюю пріязнь и совѣтовались съ нимъ въ важныхъ случаяхъ, особенно Гизе, который не прерывалъ истинно дружескихъ своихъ отношеній во все время управленія своего Епископствомъ. По совѣту Коперника, онъ выдавалъ въ свѣтъ свои религіозныя сочиненія, и самъ Коперникъ, слѣдуя взаимнымъ совѣтамъ друга, безсмертное свое произведеніе «de revolutionibus», которое слишкомъ 30 лѣтъ приготовлялось имъ къ напечатанію.»

Въ нынѣшнемъ 1843 году минуло 300 лѣтъ съ того времени, когда твореніе Коперника, написанное въ Краковѣ около 1510 года, и исправленное въ Фрауенбургѣ, вышло въ свѣтъ въ Нюрнбергѣ. Печаталось оно подъ надзоромъ Іоахима Регика. Въ томъ же 1543 году оставилъ

Digitized by Google

Коперникъ свѣтъ, объявляя людямъ дивную гармонію его строенія и вращенія, разгаданную за сорокъ лѣтъ до кончины. Двѣ знаменитыя фамиліи, поставленныя Коперникомъ на заглавномъ листѣ своего творенія, одна—Кардинала Николая Шёмберга, который напутствовалъ выходъ его въ свѣтъ, другая Папы Павла III, которому было посвящено,—должны были защитить его и автора отъ нападеній фанатиковъ. Въ этомъ Коперникъ не ошибся. Къ счастію, миновало уже то время, когда Галилей томился въ темницѣ, за тѣ же самыя истины, которыя всенародно объявлялъ Коперникъ.—Осуществились опасенія его чрезъ 300 лѣтъ,—но только инымъ образомъ, въ другомъ видѣ,—и, если миновало время пытокъ и заключеній, то ему наслѣдовало время игрищъ безумныхъ. Назадъ тому нѣсколько лѣтъ парадировали Нѣмцы великаго нашего соотечественника и называли его «Copernicus ein Deutscher, нынче, парадируютъ они его подъ новымъ титуломъ: «Kopernik Walhalla's Genoss».

Мы видѣли выше, что въ имени Коперника нѣтъ ни одного звука Нѣмецкаго,—что въ жилахъ этого великаго мужа не было ни одной капли Нѣмецкой крови, что даже нога его не ступала на Нѣмецкой землѣ,—что онъ выросъ и образовалъ себя подъ надзоромъ Польскихъ учителей,—что въ Падуѣ записался между соотечественниками,—что, возвратившись въ Польшу, думалъ поселиться и умереть на землѣ Кракова, гдѣ погребенъ прахъ его дѣда,—гдѣ жилъ отецъ его, и самъ онъ постигнулъ и описалъ великую тайну міровращенія. Тутъ духовно сочетался онъ съ великими, міровыми именами Галилея, Кеплера и Ньютона, по слѣдамъ которыхъ шелъ и которыхъ оставилъ далеко за собою;—тогда міръ призналъ его праотцемъ Астрономіи—дивной науки, которая бросаетъ человѣка въ неизмѣримую, бездонную пропасть міроустройства, откуда созерцаетъ онъ недостижимое уму Всемогущество и мудрость Творца міровъ; и куда не достигнуть ему безъ высокаго религіознаго вѣрованія—сего свѣта истиннаго,

Digitized by Google

безъ неограниченнаго духовнаго благоговѣнія, которое олицетворилъ и въ лицѣ и въ имени своемъ соотечественникъ нашъ, великій Николай Коперникъ.

Напрасно Лудвигъ Вахлеръ отъ имени всей Нѣмецкой націи говорилъ въ прекрасномъ своемъ произведеніи «Handbuch der Geschichete der Literatur» (*), что «von den andern Nationen ist die Polnische mit vollem Rechte stolz auf ihren Nicolaus Copernicus aus Thorn, Schuler des Albert Brudzewski in Cracau», напрасно повторялъ тѣже самыя слова и въ послѣднемъ изданіи своего сочиненія;—напрасно знаменитый Астрономъ нашего времени Доминикъ Франциск Араго, говоря о соотечественникѣ своемъ Лапласѣ, присовокупилъ слѣдующія достопамятныя слова о нашемъ Коперникѣ: «Il s'eteignit en tenant, dans ses mains «defaillantes, le premier exemplaire de l'ouvrage, qui devait «repandre sur la Pologne une gloire si éclatante et si pure».—Для Нѣмцевъ—это были гласы въ пустынѣ. Хотѣлось имъ непремѣнно завербовать въ свою фалангу Поляка Коперника,—и вотъ они даютъ ему Ehrenplatz между Walhalla's Genossen!—и вотъ это, недостойное XIX вѣка, насиліе разносятъ по свѣту Мюнхенскіе газетные крикуны!... И кто бы могъ подумать, чтобы Валгалла, съ ея миѳологическимъ названіемъ,—это величественное зданіе, воздвигнутое на берегахъ Рейна подъ Ратизбоной, и посвященное воспоминаніямъ Нѣмецкой націи, посвященное поэзіи,—кто бы, говоримъ, могъ думать, чтобы эта Валгалла сдѣлалась гробомъ для истины? Нѣтъ! этого быть не можетъ, покуда Европа не сдѣлалась Азіею, исторія ея, какъ въ Азіи, миѳологіей, — проза — поэзіей, а истина — ложью!... Отъ имени Исторіи и истины защищаемъ мы нынѣ общую всему огромному, могучему Славянскому племени, драгоцѣнную собственность, и надѣемся, что слова наши найдутъ отголосокъ въ самыхъ отдаленныхъ странахъ Славянскаго міра».

Статья Профессора Рихтера носитъ названіе: «Третій

(*) Напечатано въ Лейпцигѣ 1824 г. Том. IV, стр. 207.

Digitized by Google

вѣкъ славы Николая Коперника» и заключаетъ въ себѣ слѣдующее:

Третье столѣтіе кануло нынѣ въ вѣчность съ того времени, когда безсмертный Николай Коперникъ открылъ человѣчеству великую систему міровращенія. День 19 Января 1543 г. былъ послѣднимъ днемъ его жизни. За нѣсколько часовъ до смерти просматривалъ онъ полученные изъ Нюрнберга первые листы своего творенія. Собравши послѣднія силы, объявилъ, окружавшимъ смертный одръ его, друзьямъ, что предисловіе къ сочиненію не заключаетъ его собственныхъ мыслей,—что онъ видитъ въ немъ отпечатокъ робкаго и несмѣлаго духа одного изъ своихъ товарищей. Это-то предисловіе и ввело въ заблужденіе почти всѣхъ ученыхъ, которые, основываясь на немъ, утверждали, будто бы самъ Николай Коперникъ не почиталъ своей системы за неопровержимую истину и не смѣло называлъ ее ипотезою, изобрѣтенною имъ единственно для облегченія астрономическихъ выкладокъ. Одинъ Гассенди не раздѣлялъ такого ошибочнаго предположенія. Математика отвергаетъ ипотезы. Система Коперника основана на вычисленіи—и по одному уже этому не могъ онъ сомнѣваться въ дѣйствительности того, что открыла ему мысль и подтвердила наука. Тоже самое объявилъ онъ въ Римѣ, передъ выходомъ въ свѣтъ его сочиненія, въ присутствіи нѣсколькихъ тысячь слушателей, и позднѣе въ припискѣ своей къ Папѣ Павлу III. Тоже самое говоритъ въ своемъ разсужденіи и ученикъ его Георгій Іоахимъ Ретикъ. Теперь въ день кончины знаменитаго Астронома, когда чтимъ его память, считаемъ всего приличнѣе объявить означенное предисловіе вымышленнымъ и назвать безъимяннаго Автора, — это былъ Андрей Осяндеръ. Современные факты разрушаютъ всякое въ этомъ дѣлѣ сомнѣніе. Пораженный параличемъ въ бокъ и ослабѣвшій отъ кровотеченія, Астрономъ не могъ открыть истины и разрушить сомнѣнія, порожденнаго робостью своего сотоварища. Съ неизъяснимымъ

Digitized by Google

наслажденіемъ слышимъ, что и въ Баваріи будетъ празднуема память знаменитаго Астронома, о которомъ слава гремитъ цѣлыя три столѣтія. Люди, подобные Копернику, которые трудились на пользу цѣлыхъ вѣковъ и народовъ, имѣютъ священное право на безграничную благодарность признательнаго и безпристрастнаго потомства. Многія націи, и въ томъ числѣ Вестфалія, ведутъ изъ своей среды происхожденіе великаго мужа, но настоящимъ отечествомъ его былъ Краковъ. Отецъ Коперника былъ Краковскимъ гражданиномъ. Николай Коперникъ родился 19 Февраля 1473 года въ городѣ Торунѣ (Торнѣ), принадлежавшемъ землѣ Хелмнинской (*). Туда переселился въ послѣдствіи и отецъ Коперника. Мать Астронома называлась Варвара и была сестра Епископа Варминскаго Луки Вазельрода, по матери Модлибогъ. Юный Коперникъ учился въ Торунской школѣ, и потомъ уже перешелъ въ Краковскую Академію, гдѣ и слушалъ курсъ высшихъ наукъ, особенно же Математики у Профессора Войцѣха Бляра изъ Брудзева. Въ Болоньи дѣлалъ онъ астрономическія наблюденія съ Доминикомъ Маріа, а въ Падуѣ записался въ члены Академическаго Альбома (nationis Polonicæ), и скоро былъ сдѣланъ Докторомъ Медицины. По возвращеніи въ Польшу, думалъ взять каѳедру въ Краковской Академіи; но, по совѣту дяди, сдѣлался священникомъ и въ послѣдствіи Варминскимъ каноникомъ въ Фрауенбургѣ; тутъ кончилъ свое твореніе и произвелъ важнѣйшія астрономическія наблюденія. Здѣсь же, выбранный Варминскимъ Капитуломъ въ Депутаты, на сеймъ, въ королевствованіе Сигизмунда I, въ 1521 году, подалъ онъ знаменитый проектъ о реформѣ монеты, который долженъ былъ разорить Нѣмецкій Орденъ. Коперникъ не благопріятствовалъ Рыцарямъ за то, что, по ихъ наущенію, одинъ Элбингскій Профессоръ осмѣивалъ

(*) До завоеванія Нѣмецкими рыцарями, Торнъ составлялъ часть Мазовша или земли Мазовецкой.—Король Казимиръ IV Ягеллонъ, отнявши его у Прусаковъ, присоединилъ къ землѣ Хелмнинской или Хелмской.

Digitized by Google

его систему въ своей комедіи. Кромѣ трудовъ астрономическихъ, которые превосходно были разобраны Яномъ Снядецкимъ (*), Коперникъ посвящалъ много времени поэзіи и литературѣ Греческой и Латинской. Имъ превосходно переведены съ Латинскаго письма Ѳеофилакта Симоката;—кромѣ того Коперникъ зналъ Механику и самъ дѣлалъ астрономическіе инструменты. Тихо-Браге написалъ стихи въ честь его инструменту, названному paralacticum; искусство его въ живописи доказываетъ портретъ его, снятый имъ самимъ, посредствомъ зеркала. — Медицинская извѣстность его такъ распространилась, что его вездѣ называли благодѣтельнымъ Эскулапомъ. Гидравлическія работы Коперника въ Фрауенбургѣ и Мельзакѣ были до того превосходны, что, по образцу ихъ, при Людовикѣ XIV производились оныя и въ Марли. Заключимъ воспоминаніе о знаменитомъ Николаѣ Копернике свидѣтельствомъ современнаго ему Астронома Moestlina, по мнѣнію котораго день кончины его былъ 19 Января, а не 15, или 24 Мая, не 19 Февраля и 1 Іюня, — какъ показываютъ ошибочно многіе.»

Мы слышали, что ученые изъ Кракова, Львова и другихъ значительныхъ городовъ Прусской и Австрійской Польши также подали голосъ въ защиту своего великаго соотечественника. Любопытствуемъ узнать ихъ отзывы,— и въ свое время извѣстимъ объ нихъ читателей «Москвитянина». Мы увѣрены, что вопросъ, такъ живо занимающій нынѣ Западно-Славянскій міръ, будетъ и для нихъ въ одинаковой степени любопытнымъ.

Сергѣй Побѣдоносцевъ.

Новгородъ.

(*) Янъ Снядецкій, Профессоръ Краковскаго Университета, — въ послѣдствіи Ректоръ Виленской Академіи.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ВЕЛИКАГО СУВОРОВА.

I.

По взятіи Праги Александръ Васильевичъ жилъ въ палаткѣ, разбитой на непріятельскомъ укрѣпленіи. Въ тогдашнее глубокое осеннее время пылалъ предъ нею костеръ дровъ. Ратники его караула и войска, вокругъ стоявшія, имѣли свои огни и свои кружки, въ которыхъ какой нибудь Парни-геніальный старикъ ратникъбогатырь эпически разсказывалъ о подвигахъ, давно минувшихъ, Русскаго воинства, бывшаго подъ начальствомъ безсмертнаго Александра Васильевича. — Въ одинъ вечеръ въ стражѣ его былъ разговоръ ратниковъ о походахъ Кубанскихъ съ отцомъ Александромъ Васильевичемъ, о боѣ и дракахъ съ неодолимыми по мѣстоположенію Черкесами. Умный разскащикъ тѣшилъ разсказами своихъ товарищей-богатырей; все вниманіе ихъ обращено было на то, какъ наши брали штурмомъ одно горное укрѣпленіе, какъ кучами сваливали штыками своими басурмановъ, и какъ шашки ихъ надвое раскалывали нашихъ богатырей. Вдругъ нежданно Александръ Васильевичъ выбѣгаетъ изъ своей палатки прямо къ огню, скидаетъ съ себя рубашку, крутитъ ее надъ огнемъ, распускаетъ и опять крутитъ. Это продолжалось минутъ шесть, и послѣ того, надѣвши на себя, бѣжитъ въ палатку. Ратники, увидавши это, съ умиленіемъ смотрѣли на его продѣлки, и говорили: «Вотъ и отецъ нашъ Александръ Васильевичъ терпитъ нужду хуже насъ! Вѣдь

Digitized by Google

ему не одно дѣло! И объ насъ пектись, и объ войнѣ думать! Навѣрнякъ Прошка не дастъ ему бѣлой рубашки за своимъ недосугомъ. И онъ—сердечный нашъ отецъ, не обливался водою вчера и нынче.»—«Ну! далъ бы я этому Прошкѣ за его недосуги, если бы попался онъ въ мои руки! Забылъ бы пьянствовать и грубить отцу Александру Васильевичу!»—сказалъ старикъ, заслуженный сержантъ Бугскаго егерскаго корпуса. Эта вѣсть разнеслась въ арміи между всѣми ратниками; — и Прошка, первый слуга Александра Васильевича, и Матька, его поваръ, покланявшіеся частёхонько Греческому Бахусу, (Русской ёлкѣ), потеряли послѣ этого уваженіе нашихъ ратниковъ.

II.

Глубокой осенью 1794 года пронеслась между офицерами вѣсть, что Поляки въ Польшѣ затѣваютъ кой-гдѣ собранія, для насъ непріятныя, и что въ самой Варшавѣ мелькаютъ лица пасмурныя, свирѣпыя. Значительные дворяне не показывались; казалось, скрылись.

23-го Ноября крѣпко морозило, и ввечеру отдано было приказаніе быть паутро параду для высокоторжественнаго дня имянинъ нашей матушки Царицы. Всѣ войска, стоявшія въ Варшавѣ, числомъ до семи тысячь, пѣхота, артиллерія и конница, раннымъ-рано собрались на одной площади. Народу собралось видимо невидимо; но знати было слишкомъ мало, а экипажей вовсе не было видно. Александръ Васильевичъ часу въ 10-мъ явился, и тогда же началъ ученье и движенія быстрыя. Наконецъ войска выстроили Фронтъ, сдѣлали по приказу залпъ выстрѣловъ изъ ружей и пушекъ вверхъ холостыми зарядами; въ то же мгновеніе барабанщики ударили тревогу, трубы и волторны заиграли натискъ, и войска, сорвавъ съ плеча ружья на перевѣсъ, съ крикомъ ура! бросились по улицамъ бѣгомъ, продолжая кричать ура! Народъ обомлѣлъ, растерялся и въ запуски пустился бѣжать.

Digitized by Google

Надобно сказать, что войскамъ строжайше было приказано не дѣлать ни малѣйшей обиды и непріятности жителямъ, и ими было въ точности то исполнено.

Минуты чрезъ три Александръ Васильевичъ приказалъ ударить сборъ, и войска, бѣгомъ возвратившись, устроились по прежнему скоро и быстро, и прошли повзводно мимо Александра Васильевича.

Этимъ маневромъ такой былъ заданъ страхъ, что послѣ того свирѣпыя лица исчезли....

NB. *Слышалъ обо всемъ этомъ отъ Гг. Офицеровъ, которые разсказывали у Ф. В. Харламова, командовавшего полкомъ по Князѣ А. И. Горчаковѣ.*

III.

По окончаніи дѣлъ въ Варшавѣ, Александръ Васильевичъ въ исходѣ 1794 или въ началѣ 1795 года, не упомню, отправился въ С. Петербургъ отдать отчетъ Государынѣ Императрицѣ.—Въ одинъ день въ кабинетѣ своемъ Государыня изволила спросить: «Александръ Васильевичъ! всѣ ли по заслугамъ награждены? Не остался ли кто изъ достойныхъ?» —«Виноватъ, матушка Государыня! Прости меня! Виноватъ! Просмотрѣлъ! Позабылъ одного молодаго храбраго Маіора, а онъ и теперь лежитъ раненой, и не награжденъ! (Александръ Васильевичъ назвалъ его). Виноватъ! Прости мнѣ, Всемилостивѣйшая Государыня!... Да онъ, матушка, и самъ-то не правъ, — самохвалъ!» — Тутъ онъ разсказалъ о его самохвальствѣ, и добавилъ, что онъ очень храбрый офицеръ. — «Вина ваша, Александръ Васильевичъ, не велика,» съ улыбкою изволила сказать Государыня. — «Онъ наказанъ за дѣло, надобно же и наградить его за дѣла. Садитесь же, и напишите ему достойную награду.» — Александръ Васильевичъ тутъ же сѣлъ, и написалъ повелѣніе въ слѣдующихъ словахъ: «Г-нъ Секундъ-Маіоръ! Всемилостивѣйшая Государыня «наша, матушка Царица, всемилостивѣйше пожаловала

Digitized by Google

«вамъ — за Мачинъ (*) — чинъ, за Брестъ — крестъ, за «Прагу — золотую шпагу, а за долгое терпѣнье — сто «душъ въ награжденье.»—Государыня, прочитавши написанное, съ особенно высокимъ благоволеніемъ сказала: «Вотъ это хорошо, Александръ Васильевичъ! Запечатайте-жъ, и мы отправимъ эту бумагу къ нему.»—Александръ Васильевичъ упалъ въ ноги Государыни, благодарилъ и просилъ простить его. Матушка наша, поднявши его, пожаловала ему руку, поцѣловала въ голову, и съ улыбкою милости говорила: «Вить мы съ вами исправили дѣло. Теперь г-нъ самохвалъ не будетъ сердиться, не будетъ впередъ и хвалиться; и я охотно съ удовольствіемъ снимаю съ васъ, Александръ Васильевичъ, вину.»

NB. *Эта быль извѣстна въ тогдашнее время была всѣмъ, даже до послѣдняго ратника; я же слышалъ, какъ Кн. А. И. Горчаковъ разсказывалъ ее Гг. Офицерамъ нашего полка.*

IV.

Александръ Васильевичъ по волѣ Государыни Императрицы, въ 1792 году или въ началѣ 1793-го (не упомню), прибылъ въ г. Херсонъ для командированія войсками, въ томъ краю расположенными. Онъ занялъ квартиру на Греческомъ форштадтѣ. Комендантомъ въ Херсонской крѣпости былъ Полковникъ Девиттъ. Здѣсь расположенъ былъ Ряжской пѣхотный полкъ; командиромъ его былъ Полковникъ Марковъ. Солдаты этого полка были въ высочайшей степени запущены, и вовсе не занимались службою; имѣли свои хаты-мазанки, вели торговлю рыбою и всякою мелочью; словомъ — на ратниковъ нисколько не походили. Увидавши это, Александръ Васильевичъ въ тоже время приступилъ къ ихъ образованію *посвоему*. Онъ началъ учить ихъ самъ лично каждаго дня, исключая воскресенья и праздничныхъ дней; далъ имъ извѣстный свой катихизисъ, и требовалъ, чтобы каждый солдатъ зналъ все написанное въ немъ, и вытвердивши, вточности помнилъ и исполнялъ; требовалъ усердія къ службѣ, молодцоватости, бодрости, опрятности и истиннаго

(*) Мѣста, гдѣ были нашихъ войскъ сраженія съ непріятелемъ.

Digitized by Google

почтенія и любви къ Православной нашей Вѣрѣ; строилъ по правиламъ науки земляныя укрѣпленія, становилъ въ нихъ поочереди каждую роту, училъ защищать укрѣпленіе, невзначай поздно вечеромъ собиралъ остальныя роты и шелъ ночью штурмовать это укрѣпленіе. Такъ въ короткое время Александръ Васильевичъ, никого не браня и не наказывая, привелъ полкъ въ высочайшее совершенство. Послѣ ученья и развода карауловъ, онъ говорилъ рѣчь ратникамъ, вливалъ въ нихъ духъ повиновенія, Христіянства и богатырской самости; и воины полюбили его полнымъ сердцемъ, истинною душою, — и изъ двухъ тысячь человѣкъ, для мирнаго жителя страшныхъ своею безнравственностію, Александръ Васильевичъ сдѣлалъ Русскихъ ратниковъ храбрыхъ и честныхъ.

Извѣстно, что Александръ Васильевичъ соблюдалъ всѣ праздники и посты по древле-Русскому обычаю, и любилъ все древле-Русское. — Такъ предъ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ близъ своего дома онъ велѣлъ поставить на площади разнаго рода качели. Въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, послѣ обѣдни всѣ военные офицеры, значительные чиновники и жители города разгавливались у него полною закускою — по Русски. Предъ этимъ онъ въ церкви христосовался по обычаю со всѣми. По окончаніи закуски гости разъѣхались, а онъ легъ спать. Въ десять часовъ утра въ полномъ мундирѣ явился подъ качели, гдѣ народъ кишмя кипѣлъ. Тутъ же были полковые музыканты, пѣвчіе и пѣсенники. Александръ Васильевичъ подвелъ нѣсколько значительныхъ дамъ къ горизонтальнымъ качелямъ, посадилъ ихъ туда, самъ сѣлъ съ женою коменданта, и приказалъ качать. Потомъ, обошедши другія качели и покачавшись въ нихъ съ купцами и купчихами, пригласилъ значительныхъ чиновниковъ къ себѣ на чай къ вечеру.

Жители всѣ, безъ исключенія званія, душевно полюбили Александра Васильевича, и за счастіе считали быть близъ него. Безнравственность военныхъ и спутница ихъ шалость совершенно исчезли.

Digitized by Google

Близъ самаго Херсоня, при протокѣ — называемомъ *Кошевая*, была роща довольно большая и тѣнистая, куда въ лѣтнее время съѣзжалась вся знать и честной Русской народъ для препровожденія времени. Тамъ стоялъ развалившійся домъ въ родѣ воксала. Александръ Васильевичъ приказалъ исправить это строеніе, надѣлать въ рощѣ аллеи и дорожки, и усыпать ихъ пескомъ. Этимъ далъ онъ совершенно другой видъ гульбищному мѣсту. Лѣтомъ въ каждое воскресенье и въ праздничный день по приказанію его собирались туда полковые и морскіе музыканты, пѣвчіе и пѣсенники, и становились по разнымъ мѣстамъ. Жители города толпою стекались сюда, и каждый съ нетерпѣніемъ ожидалъ пріѣзда Александра Васильевича. Лишь онъ являлся, то крикъ — ура! оглашалъ воздухъ; пѣсенники, пѣвчіе и музыканты начинали пѣть и играть. Обходя аллеи, онъ здоровался со всѣми и привѣтствовалъ всѣхъ *посвоему*, и всѣ отъ радости не слыхали въ себѣ души. Вечеромъ въ томъ домѣ открывались танцы; все веселилось и все было благопристойно.

Александръ Васильевичъ подмѣтилъ между знатью что-то такое, что пробивалось на Французскую стать. Это ему, какъ *истинно-Русскому*, не понравилось, и онъ надъ такими подтруниваль, а этимъ самымъ выгналъ нечистый духъ, гнѣздившійся между знатью. По крайней мѣрѣ никто не смѣлъ при немъ говорить между собою по-французски; самъ онъ разговаривалъ на этомъ языкѣ лишь съ иностранцами, которые не знали вовсе нашего языка, и совѣтовалъ имъ учиться говорить по-русски.

Однажды Александръ Васильевичъ вздумалъ самъ своею особою открыть танцы. Отозвавши къ себѣ комендантскаго сына, молодаго юношу, воспитаннаго и образованнаго на Французскій манеръ, словомъ — легковѣтра, взялъ его за руку, и сказалъ: «Молодой человѣкъ! помилуй Богъ!... Мы съ тобой будемъ танцовать!... Музыканты! — Козачка!» — Стали на мѣсто. Молодой человѣкъ началъ творить удивительныя штуки своими ногами, вы-

Digitized by Google

дѣлывая небывалыя *антраша* и чудныя *па*. Всякой разъ, когда онъ подплясывалъ близко къ Александру Васильевичу, Александръ Васильевичъ подтопывалъ правою ногою, и поворачивался кругомъ. Когда же пришла очередь и Александру Васильевичу плясать, онъ сказалъ: «Помилуй Богъ! я старъ! не могу. А вотъ тебѣ пара.»—Съ этимъ словомъ онъ подвелъ молодца къ молодой дамѣ, высокой степени франтихѣ и кокеткѣ. Молодой человѣкъ понялъ свое смѣшное положеніе и наставленіе Александра Васильевича, съ тѣхъ поръ пересталъ болтать по-французски и вести себя на заграничную стать.—Такъ сильно подѣйствовалъ на него урокъ, данный Александромъ Васильевичемъ!— Набалъ въ этомъ собраніи Александръ Васильевичъ бывалъ не болѣе часу.

NB. *Все это слышалъ я отъ Капитанъ-Лейтенанта Панькова, который въ это время находился на службѣ въ Херсонѣ, и самъ былъ всему очевидцемъ.*

V.

Въ 1791-мъ году Александръ Васильевичъ устроивалъ крѣпости и укрѣплялъ мѣста по Финляндской границѣ. Строилось Давыдовское укрѣпленіе. Александръ Васильевичъ пріѣхалъ сюда обозрѣть и ускорить работу. Здѣсь онъ замѣтилъ при рабочихъ одного офицера лучше многихъ дѣлами и распоряженіями. Онъ прежде всѣхъ приводилъ людей на работу; въ уреченное время работа въ его командѣ кипѣла; все было въ порядкѣ, и ни одной ошибки при данномъ урокѣ не было. Офицеръ этотъ ввечеру по окончаніи работы отпускалъ въ порядкѣ своихъ служивыхъ въ казармы, поручая старшему по себѣ, а самъ оставался на мѣстѣ, просматривалъ сработанное и получалъ отъ инженернаго офицера на слѣдующій день уроки. — Такъ въ одну прекрасную ночь, при свѣтѣ полнаго мѣсяца, онъ долго разсматривалъ новостроющееся укрѣпленіе, и вынувъ карандашъ, сталъ снимать на бумагу окружность мѣстоположенія. Закинувъ назадъ голову, и смотря на окружающія возвышенія, онъ, казалось, размышлялъ. Въ это самое время Александръ Василье-

Digitized by Google

вичъ невзначай шибко подходитъ къ нему, и говоритъ: «Г. Офицеръ! а далеко ли до мѣсяца?»—Офицеръ, не смотря на такую нечаянность, не смѣшался и хладнокровно отвѣчалъ: «Я не считалъ; но думаю, что не больше трехъ солдатскихъ переходовъ; но съ условіемъ, Ваше Сіятельство, — только подъ вашею командою!» — Александръ Васильевичъ шибко поворотился отъ него, припрыгнулъ, и сказалъ: «Г-нъ Поручикъ! правда ли это?» — Ваше Сіятельсто! вопервыхъ я не Поручикъ, а только Подпоручикъ; вовторыхъ вотъ что: вить 11-го Декабря 1790 года луна была въ вашихъ рукахъ, и вы передали ее нашей матушкѣ Царицѣ,» отвѣчалъ офицеръ. Этимъ онъ намекалъ о взятіи Измаила.—«Г. Капитанъ!—кланяясь въ поясъ ему, говорилъ Александръ Васильевичъ. Милости прошу ко мнѣ сего-дня поужинать, а завтра и обѣдать.»

Въ послѣдствіи времени Александръ Васильевичъ довѣдалъ, и нашелъ этого офицера образованнымъ науками; (онъ былъ воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса); испросилъ у Государыни ему чинъ поручика, потомъ капитана, и доставилъ мѣсто въ инженерномъ корпусѣ.—Такъ Александръ Васильевичъ узналъ людей, какъ говорится, не въ своей тарелкѣ сидящихъ, и доставлялъ имъ случай быть полезными отечеству.

*NB. *Эту быль я слышалъ отъ капитана Ст. Ник. Сутырина, который въ первомъ офицерскомъ чинѣ былъ въ то время писцомъ при Александрѣ Васильевичѣ.*

Отъ сочинителя.

Я окончилъ мои разсказы 1794, 1795 и 1796 годовъ о Великомъ Суворовѣ, величайшемъ и *единственномъ полководцѣ въ мірѣ*. (*) Суворовъ прославилъ вѣкъ Екатерины Великой, нашей матушки Царицы, и освѣтилъ Русское оружіе громкими побѣдами въ 1799 году въ Италіи и на горахъ Альпійскихъ. — Александръ Васильевичъ былъ истинный Христіанинъ, горячо любилъ человѣчество, и былъ вѣрнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою престолу

(*) См. Москвитянинъ, 1841, 1842, 1843. *Ред.*

Digitized by Google

Царей, и сыномъ отечества; былъ по службѣ строгъ, но справедливъ. Въ разсказахъ моихъ я писалъ истину — по-совѣсти; писалъ то, что видѣлъ самъ, слышалъ тогда отъ людей умныхъ, образованныхъ, и въ послѣдствіи времени слышалъ отъ людей высокаго званія, бывшихъ подъ началомъ безсмертнаго Суворова. Я былъ въ тѣ года въ первоначальныхъ юношескихъ лѣтахъ, и былъ сержантомъ; а въ этомъ званіи видѣть много и знать истину — не льзя. Выписывать изъ моихъ старинныхъ походныхъ записокъ мои замѣчанія о дѣлахъ Великаго и пускать въ свѣтъ, я никогда и не думалъ; но встрѣтились обстоятельства нежданныя, и я противъ воли рѣшился, рѣшился и потому что — вотъ болѣе сорока лѣтъ, какъ Великій побѣдоносецъ Суворовъ, отецъ Русской арміи, скончался; а свѣденій о немъ у насъ такъ мало, а клеветы несытою злобою, ненавистію и невѣжествомъ изблеванной *иностранцами* на дѣла Великаго — такъ много! — Чтожъ? подумалъ я. Пусть и моя лепта неученаго стараго солдата пойдетъ въ міръ, какъ душевная преданность, какъ сердечная признательность къ памяти отца Александра Васильевича!... И я имѣлъ счастіе служить въ рядахъ ратниковъ подъ начальствомъ Великаго въ Польшѣ, въ Италіи и Швейцаріи; и я видѣлъ непобѣжденнаго никѣмъ и ничѣмъ; видѣлъ его дѣла и слышалъ о многомъ.

Можетъ быть, люди образованные, старики нынѣ еще здравствующіе, бывшіе въ офицерскихъ чинахъ подъ началомъ безсмертнаго, случайно читая мои разсказы, припомнятъ былое, отзовутся, напишутъ дѣльное, дополнятъ, исправятъ мои разсказы, скажутъ — что̀ не такъ, и тѣмъ дадутъ неоцѣнимый знакъ любви къ отечеству, а будущимъ историкамъ доставятъ истинно вѣрныя указательства. Пора — истинно пора! (*).

(*) Просимъ достопочтеннаго ветерана отъ имени всѣхъ Русскихъ, дорожащихъ Славою отечества, о продолженіи военныхъ разсказовъ. *Ред.*

Digitized by Google

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ДЛЯ РУССКИХЪ НУМИЗМАТОВЪ.

«И начаша (въ Новѣгородѣ) дѣлати новыя деньги мѣсяца Іюля въ 20 день (1536); а во дворѣ денежномъ велѣлъ Князь Великій вѣдати смотрѣти накрѣпко дѣльщиковъ, денежныхъ мастеровъ, своему гостю Московскому Богдану Семенову сыну Корюкова съ товарыщи, чтобы во дворѣ было безо всякія хитрости» (Соф. врем. II, 387).

Корюковъ, какъ лице довѣреннос, явился въ Новгородъ наблюдать за дѣланіемъ монеты. По лѣтописи видно, что онъ назывался Московскимъ гостемъ, и болѣе ничего не извѣстно. Любопытныя свѣденія объ немъ сохранились въ житіи (рукописномъ) Св. Александра Свирскаго.

«Бысть убо нѣкій мужъ отъ великихъ купецъ и славныхъ великаго Новаграда гость Богданъ, нарицаемъ Семеновъ сынъ Корюкова, жилище имый яко триста поприщъ отъ обители святаго; но аще и далече бяше разстояніемъ, но близь вѣрою. И сему же убо нѣкогда прилучися быти въ монастырѣ преподобнаго Александра, припаде къ ногамъ его и глаголаше: помилуй мя рабе Божій, и моли о мнѣ Бога, яко сынъ, едино чадо ми есть, и той въ недугъ тяжекъ впаде, и въ бѣдѣ сый хотяше скончатися отъ жизни сія.... Отвѣща же къ нему преподобный глаголя: о чадо! не намъ сіе есть достойно дяти, имъ же хощемъ, ниже паки иже хотятъ того, пріяти могучъ. Вѣруй убо,

Digitized by Google

къ Богу всѣмъ умомъ и молися ему съ покаяніемъ, и той подати тебѣ имать вся, еже на пользу души твоей, чадо. И елико бо прежде дѣтей сего имѣлъ, и вси тіи Божіими судьбами отъ житія сего млади отыдоша; а еже имати единаго сына, и сего погребсти будетъ, многихъ ради грѣхъ твоихъ.... Но понеже убо отнынѣ воспріими чадо и останися отъ грѣхъ своихъ, *да не къ тому же прилагай резы на резы возлагая*, но подобаетъ ти миловати нищихъ, и убогихъ сиротъ и вдовиць; тако же и въ темницахъ заключенныя насыщати; къ тому же *и лихвы отъ должныхъ ти да не истязуеши*, и тѣми добрыми дѣлы Бога милостива себѣ сотвориши.... Къ тому же *и ангельскаго житія сподобишися*.... И по нѣкоемъ времени родишася ему сыны и дщери, по пророчеству святаго, и поживъ же нѣколико лѣтъ, и въ недугъ впаде и пріятъ Ангельскій образъ, и приставися съ миромъ о Господѣ» (*).

Изъ сего видно, что Богданъ Корюковъ былъ изъ Новгородскихъ купцовъ; что занимался резами и лихвами; что имѣлъ нѣсколько дѣтей; что преставился инокомъ. Въ житіи не сказано, гдѣ было его жилище, но принимая въ соображеніе, что онъ былъ въ Новгородѣ приставомъ, и что монастырь, въ которомъ обиталъ св. Александръ Свирскій, находился въ Новгородской области, безъ сомнѣнія, можно полагать, что онъ жилъ въ Новгородѣ. Теперь остается рѣшить, почему онъ назывался, по лѣтописи, Московскимъ гостемъ? Есть ли гдѣ нибудь на это акты — не знаю. При скудости нумизматическихъ фактовъ и это свѣденіе пригодится къ дѣлу.

II.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ РУССКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

Мы давно начали говорить о *сводѣ* нашихъ лѣтописей; но никто еще не принимался за *разложеніе* ихъ на со-

(*) Приводимая выписка изъ Житія взята изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ; рукопись писана въ 4 д. л., скорописью, въ началѣ XVII вѣка. Житіе Александра Свирскаго написано игуменомъ Свирскаго монастыря, Продіономъ, въ 1545 году.

Digitized by Google

ставныя части. Критическое описаніе поведетъ ко многому и покажетъ настоящую сторону нашихъ лѣтописей. Превосходныя разысканія г. Кубарева о Кіевскомъ Патерикѣ пролили много свѣта на первый составъ нашихъ лѣтописей; будутъ ли ему послѣдователи? Богъ знаетъ. А между тѣмъ сомнѣнія скептиковъ увлекли ко многому людей неопытныхъ и породили толки, постыдные для Русской Исторіи. Для разложенія Русскихъ лѣтописей мы имѣемъ множество источниковъ. Привожу для указанія одинъ источникъ.

Въ житіяхъ святыхъ и похвальныхъ имъ словахъ сохраняются драгоцѣнныя свѣденія. Есть весьма важныя извѣстія и въ описаніяхъ чудесъ св. Иконъ. Приступая къ изысканіямъ, надобно обратиться къ старымъ спискамъ. Наши библіотеки содержатъ ихъ въ большемъ количествѣ. Въ такъ называемомъ Макарьевскомъ собраніи Минеи-Четьи часто встрѣчаются житіи не вполнѣ помѣщенными. Все это ведетъ къ собранію отдѣльныхъ списковъ, какъ къ первобытному источнику. Для доказательства привожу указанія.

1. Въ 1789 году была напечатана въ Гродненской типографіи книга подъ названіемъ:

«Сія Богодухновенная книга, глаголемая Тихвинскія Божія Матери служба съ чудесами, главъ имать въ себѣ 125, напечатася въ типографіи Е, К, В, К, П, Гроденской съ переводу древняго въ лѣто 7297» (*).

Въ этой книгѣ помѣщено описаніе, или сказаніе, объ осадѣ Тихвинскаго монастыря Шведами въ 1613 году. Сказаніе имѣетъ особенное заглавіе:

«Мѣсяца Септевріа въ 15 день, сказаніе о милости Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи, како преславно избави обитель свою, иже на Тихвинѣ, идѣже святый ея чудотворный образъ Одигитріе, отъ нашествія зловѣрныхъ и поганыхъ Варягъ, иже Свіяне наричутся.»

(*) Я имѣлъ экземпляръ сей печатной книги изъ библіотеки Кистерина.

Digitized by Google

Сочиненіе сего сказанія приписывается Иродіону Сергѣеву, иконнику. Наши археологи долго не обращали вниманія на его сочиненіе. Сколько помню, въ первый разъ объ немъ было сказано въ трудахъ Московскаго Историческаго Общества, въ 1815 году, съ означеніемъ, что «въ сей книгѣ содержится лѣтопись разныхъ произшествій, съ 1393 по 1648 годъ (Ч. I, стр. CLIII)»; въ другой, въ 3 томѣ Русскихъ лѣтописей, гдѣ напечатано было и самое сказаніе. Неизвѣстно, съ какого текста оно было напечатано въ Гродненской типографіи; тамъ помѣщено съ 28 главы до 71, съ небольшими разночтеніями. Размѣщеніе главъ и число ихъ не сходно съ списками. Въ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ (*), это сказаніе начинается съ 25 главы и оканчивается въ 66. Въ рукописи, съ чего напечатано оно въ собраніи Русскихъ лѣтописей, не сказано, въ какихъ главахъ помѣщено, кромѣ того, что при печатаніи были выпущены: 54, 55, 57, 62 главы.

2. *Служба и чудеса образа чудотворнаго Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія.* Здѣсь находится историческая повѣсть о нашествіи Батыя на Русскую землю (**).

3. *Повѣсть о явленіи чудотворныя иконы Пресятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея знаменія, иже нарицается Курская* (***).

Повѣсть размѣщена въ 32 главахъ, и содержитъ въ себѣ, кромѣ сказанія о явленіи чудотворныя иконы, извѣстія: о нашествіи Батыя на Русскую землю (гл. 2); о Рыльскомъ Князѣ Шемякѣ (гл. 3); о началѣ города Курска (гл. 9); о Годуновѣ (гл. 11); о самозванцѣ Димитріѣ (гл. 15 и 16); о Царѣ Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ (гл. 14); о самозванцѣ Митюшкѣ поповѣ сынѣ (гл. 18—«и потомъ возста инъ отъ сѣверныя страны, нарицашеся ца-

(*) Рукопись писана въ концѣ XVII вѣка, въ листъ, крупною скорописью.

(**) Рукопись находится въ библіотекѣ Московскаго Историческаго Общества. (См. Труды Общ. ч. 1, стр. XC — 211).

(***) Содержаніе повѣсти, приводимое здѣсь, взято изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ; рукопись писана въ 4 д. л. скорописью въ исходѣ XVII вѣка.

Digitized by Google

ревичемъ Димитріемъ поповъ сынъ Митюшка Веревкинъ, и много крови проліяша и Москву обступиша хотя взяти»); о всеобщемъ земскомъ ополченіи для освобожденія града Москвы (гл. 20); о избраніи Михаила Ѳеодоровича (гл. 21); о приходѣ Литовскихъ гетмановъ ко граду Курску (гл. 22); о построеніи монастыря (гл. 23); о приходѣ Вешневецкаго на Украйну (гл. 27); о нахожденіи Крымскихъ Татаръ въ лѣто 7140 на Украйную страну (гл. 28); о нашествіи Ордынцовъ въ лѣто 7145 (гл. 29); о Князѣ Петрѣ Дмитріевичѣ Пожарскомъ, Бѣлевскомъ воеводѣ (гл. 30); о Князѣ Григорьѣ Григорьевичѣ Ромодановскомъ, о Бѣлогородскомъ полку, о Украинской войнѣ (гл. 32).

Вотъ сколько свѣденій въ одномъ сборникѣ. Не припомню теперь, кто-то изъ нашихъ ученыхъ назвалъ сей сборникъ *Курскимъ лѣтописцемъ*. Не были ли всѣ эти повѣсти и сказанія источниками для нашихъ лѣтописей? Не изъ сихъ ли источниковъ были составлены наши Степенныя книги? Что-то будутъ говорить наши скептики, когда мы по источникамъ разложимъ наши лѣтописи?

4. *Повѣсть о Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ.* Эта повѣсть, составленная: Корниліемъ, Григоріемъ и другими, содержитъ въ себѣ отдѣльное описаніе осады Псковскаго Печерскаго монастыря, во время нашествія Баторія на Русскую землю. Григорій въ заключеніе сей повѣсти говоритъ: «Собраны жъ сія три повѣсти отъ многихъ скудная по благословенію господина Тихона Архіепископа Казанскаго, понуженіемъ Печерскаго монастыря екклесіарха Аввы Ісаія, съ ними свидѣтельстволи тоя обители игумена Никона, трудыжъ и снисканіемъ ихъ лѣностнаго послушника, именемъ буквъ численныхъ слогу: *трепьему сотое съ осмымъ*, паки ижъ и *съ третіемъ седмь десятое, сотоежъ паки съ десятымъ* и тысящное (Григоріа)» (*).

(*) Взято изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ; рукопись писана въ началѣ XVII вѣка.

Digitized by Google

III.

О ДѢТЯХЪ СТАРИЦКАГО КНЯЗЯ ВЛАДИМІРА АНДРЕЕВИЧА.

Статья Н. В. Савельева, помѣщенная, въ N 1 Сынѣ Отечества поповоду новаго изданія Исторіи Карамзина, возбудила участіе во многихъ. Остроумный критикъ справедливо замѣтилъ, что сынъ князя Владиміра Андреевича, Василій, не погибъ вмѣстѣ съ отцемъ. Но изъ его выводовъ еще не видно, что было причиною ошибочнаго мнѣнія о судьбѣ несчастнаго семейства. Нашъ исторіографъ основывался на показаніяхъ иностранныхъ писателей, на свидѣтельствѣ Курбскаго. Извѣстія иностранцовъ не вѣрны и сбивчивы. Неужели и Курбскій, современникъ и неподкупный блюститель дѣлъ Іоанна, ошибся? Вотъ слова его: «Тогда растрѣляти съ ручницъ повелѣ жену брата своего, Евдокію.... *и двухъ младенцовъ, сыновъ брата своего*, отъ тое рожденныхъ: единому имя *Василій*, *яко двунадесяти лѣтъ*, и *другій* мнѣйшій, уже запамятовалъ яко было имя его, но въ книгахъ животныхъ написано.»

Ошибки въ именахъ, но не въ сущности событія. Наши родословныя книги поясняютъ это дѣло, но и ихъ поясненіе не полно. Обратимся къ нимъ.

Наши родословныя книги, письменныя, по изслѣдованію моему, раздѣляются на три главные разряда, или фамиліи. Всѣхъ списковъ пересмотрѣно мною еще только 16, и потому при дальнѣйшемъ сличеніи съ другими, можетъ быть, что покажется еще другая редакція. Изъ одного списка, Архивскаго (*) видно, что былъ *царскій родословецъ*, куда вписывались роды княжескіе, боярскіе и дворянскіе. Этотъ составъ оканчивается родомъ Адашевыхъ. Послѣ царскаго родословца приписаны были другіе роды: *роды приспые*, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича. Потомъ бы-

(*) Списокъ сей родословной книги находится въ библіотекѣ Архива Министерства Иностранныхъ дѣлъ; онъ писанъ въ большой листъ, скорописью, въ половинѣ XVII вѣка.

Digitized by Google

ли дополненія въ царствованія Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича — до составленія Бархатной книги. Въ одномъ спискѣ, принадлежащемъ по составу къ 3 разряду (*), о родѣ Старицкихъ Князей вписано: «Дѣти Великаго Князя Ивана Васильевича отъ Великія Княгини Софьи: Князь Великій Василій, Князь Юрій, Князь Дмитрій, Князь Симеонъ, да *Князь Андрей Старицкой; а у Князя Андрея сынъ Князь Владиміръ, а у Князя Владиміра сынъ Князь Василій, преставися младъ.*»

Въ другомъ спискѣ, принадлежащемъ по составу ко 2 разряду (**), о родѣ Старицкихъ князей вписано: «Великаго Князя Ивана Васильевича сынове: Иванъ, Василій, Юрій, Дмитрій, Семіонъ, *Андрей. Княжъ Андреевъ сынъ Володимеръ, у Владимера сынъ Василій, Иванъ, да Юрій.*»

Во всѣхъ другихъ спискахъ родословныхъ книгъ родъ Старицкихъ князей оканчивается Владиміромъ Андреевичемъ.

Припомнимъ слова Курбскаго, что въ числѣ погибшихъ сыновей были два Василія около 12 лѣтъ, и еще другой, котораго имя онъ забылъ. Исторіографъ не вѣрилъ въ этомъ случаѣ Курбскому, предпочитая иностранныхъ писателей: «Таубе и Крузе, говоритъ онъ, находились тогда при Царѣ, а Курбскій въ Литвѣ: сказаніе первыхъ достовѣрнѣе» (Томъ IX, стр. 273). Тотъ же Василій и въ родословной книгѣ показанъ умершимъ въ младыхъ лѣтахъ. Не было ли у Князя Владиміра Андреевича двухъ сыновей одного и того же имени? Это предположеніе можетъ быть тогда только вѣроятнымъ, когда признаемъ достовѣрность сказаній Курбскаго и родословной книги.

Или, если у Владиміра Андреевича были три сына, то изъ нихъ не Иванъ ли и Юрій подверглись бѣдственной участи. Для повѣрки показанія родословныхъ книгъ не

(*) Списокъ сей родословной книги находится въ моей библіотекѣ; онъ писанъ въ исходѣ XVII вѣка, въ полистъ.

(**) Списокъ сей родословной книги находится въ моей библіотекѣ; онъ писанъ въ началѣ XVII вѣка, въ 4 д. л.

Digitized by Google

худо бы заглянуть въ ваши Московскія библіотеки. Въ библіотекахъ: Московскаго Историческаго Общества есть четыре списка (по печатн. катал. N 11, 12, 23 и 43), и одинъ изъ нихъ оканчивается родомъ Адашева; въ Синодальной есть списокъ, написанный въ Ярославлѣ, въ 1618 году, бывшій въ рукахъ Н. М. Карамзина (по каталогу библ. онъ значится подъ N 461).

IV.

О СИЛЬВЕСТРѢ МЕДВѢДЕВѢ.

При изданіи записокъ Сильвестра Медвѣдева я не имѣлъ тогда подъ рукою многихъ свѣденій о его жизни, которыя теперь открылись въ нашихъ библіотекахъ. Сознаваясь самъ въ своихъ прошлыхъ недостаткахъ, спѣшу сообщить для пользы другихъ любопытныя свѣденія о Медвѣдевѣ.

1. *Судъ Святѣйшаго Патріарха Іоакима и всего освященнаго собора на Сильвестра Медвѣдева.* Рукопись находится въ Московской Синодальной библіотекѣ подъ N 228, на стр. 494 — 507.

2. *Покаяніе Сеньки Медвѣдева, бывшаго монаха Сильвестра.* Это весьма важный фактъ о нравственномъ и религіозномъ состояніи Медвѣдева. Онъ писалъ свое покаяніе въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ, уже лишенный сана, называя себя грѣшнымъ Сенькою Медвѣдевымъ. Его покаяніе начинается: «Благоволѣніемъ и щедротами премилосердаго всеблагопромыслителя Бога, не хотящему смерти грѣшному, но еже обратитися и живу быти ему, за еже ми познати истину. Отъ созданія всемірнаго бытія 7198 лѣта, мѣсяца Декабря. — Великій Государь, святѣйшій Киръ Іоакимъ Московскій и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ не яко не щадящій овецъ, но яко полагая за овцы душу пастырь добрый и вѣрный, Таинъ Христовыхъ строитель, желая мнѣ грѣшному Сенькѣ

Digitized by Google

Медвѣдеву, прежде бывшему монаху Сильвестру, спасенія, и ко святѣй Христовѣ Восточной церкви отъ моего о пречистыхъ и животворящихъ Таинъ о пресуществленіи латыно-мудренаго мнѣнія обращенія, благоволи во святую обитель святыя живоначальныя Троицы, и преподобныхъ отецъ Сергія и Никона Радонежкихъ, прислати: всемилостиваго Спаса, что на Новомъ архимандрита Игнатія, Воздвиженскаго монастыря прежде бывшаго игумена Ефрема, православнаго учителя Софронія Грека со иными священнаго и иноческаго чина». А оканчиваетъ: «Сіе мое покаяніе рукописаніе писавый азъ многогрѣшный Сенька своею рукою на совершеннѣйшее извѣщеніе, искреннѣйшее и нелестнаго ко святѣй восточной церкви обращенія моего, прочетъ всенародно, полагая въ руки архипастыря крайнѣйшаго святѣйшаго Кириъ Іоакима Московскаго и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріарха, при всемъ священномъ соборѣ, во храмѣ Пресвятыя Богородицы, всечестнаго и славнаго ея Успенія, престольномъ Всероссійскія патріархіи» (*).

3. *О новорастригѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ.* Современное сочиненіе, въ которомъ описаны послѣдніе дни его жизни и преступленія, за которыя онъ былъ казненъ. Приводимъ изъ него замѣчательныя мѣста.

«Имяше бо онъ, Сильвестръ, на таковое невинное кровопролитіе споспѣшника и помощника, друга своего, и сатанина единомышленика, къ царскому пресвѣтлому Величеству измѣнника и клятвопреступника, Ѳедора Щекловитаго, иже бѣ родомъ изъ уѣзда города Брянска, отъ села глаголемаго Новоселки, отстояща отъ града Брянска 40 поприщъ. И той ничтожный первы получи малый чинъ подъячихъ, глаголемыхъ пощадныхъ, потомъ бысть въ приказѣ Тайныхъ дѣлъ въ томъ же чинѣ, и имени купно съ Сильвестромъ симъ Медвѣдевымъ, тогда мірскимъ еще

(*) Приводимыя здѣсь выписки взяты изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ. Въ Московской Синодальной библіотекѣ покаяніе Медвѣдева помѣщено въ рукописи подъ N 228.

Digitized by Google

сущимъ, Симіономъ зовемъ. Тый же по времени, чрезъ нѣкія ухищренія достиже въ чинъ царскаго сугклита санъ Окольничества, въ немъ же санѣ ниже достоинъ бѣ видѣтися. И бысть надъ всѣмъ стрѣлецкимъ воинствомъ начальникъ и правитель. Втораго имѣя Сильвестръ споспѣшника на содѣяніе зла онаго отъ полка стрѣлецкаго нѣкоего человѣка, злодѣя и піяницу, и на всякое зло удобно охотника, Никиту именемъ, прозваніемъ Гладкаго. И инаго тому подобнаго, Алексѣя именемъ, прозваніемъ Стрижа, и царскихъ палатъ клирика, діакона Бѣлорусца Іакова, и уставщика Антона Муромца, и иные подобные онымъ зломыслящіе.

«Тогда Сильвестръ Медвѣдевъ, съ нѣкіими единомышленники своими, солгавъ церкви православнѣй въ Вѣрѣ и Царскому пресвѣтлому Величеству измѣнивъ, яко прежній лжемонахъ растрига, Гришка Отрепьевъ, побѣжа въ Польское государство.... И ятъ бысть близъ уже границы Польскія, и связанъ вспять возвращенъ, и за свое отъ церкви православной отступство, и за всѣяніе ереси въ православный Велико-Россійскій народъ, и за измѣну къ пресвѣтлому Царскому Величеству, и за умышленіе невиннаго величайшаго кровопролитія, уже умышлявше съ измѣнникомъ Ѳедоромъ Щегловитымъ, древнимъ своимъ клевретомъ и единомышленникомъ, лишенъ святаго образа и именованія, властію данною отъ Святаго Духа, и названъ бысть, яко и прежде монашества, Сенька Медвѣдевъ; потомъ Царскимъ судомъ истязанъ по гражданскимъ законамъ огнемъ и бичьми до пролитія крови его, и данъ въ твердое хранило на соблюденіе съ его единомысленники до времени, еже пріяти достойную казнь за зломысліе свое, подобную Ѳедору оному Щегловитому; той бо по истязаніи гражданскомъ глава отсѣчена бысть въ лѣто 7198, мѣсяца Сентября въ 12 день. И тамо ему Сенькѣ Медвѣдеву пребывающу, и день отъ дня смертнаго скончанія главоотсѣченія ожидающу, святѣйшій и блаженнѣйшій архипастырь Христовы словесныя паствы, Киръ Іоакимъ

Digitized by Google

Московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ, не помянувъ его Сеньки Медвѣдева всякія злобы, и злодѣянія, и злословія, и досады, и укоризны, и непокорства, паче же противства къ себѣ и ко святѣй церкви, не хотя погибнути ему душею во отступствѣ отъ святыя Восточныя церкви, и въ ереси Латинскаго новозломудрованія, посла къ нему въ юзилище мужи нѣкія священныя, и философы, восточнаго благочестія учители православные, на обличеніе ереси его, юже онъ вводжаше и введе во множайшіе православно-Россійскаго народа, и съ ними посла книги служебники, древнѣйшіе святыхъ мужей и чудотворцовъ Россійскихъ, рукописныя....

«Посланніи же отъ святѣйшаго Патріарха, пришедше, много увѣщающе его, да отступитъ отъ своея ереси, и обратится къ святѣй матери своей восточнѣй церкви.... Видѣвъ онъ Сенька Медвѣдевъ, покорися аще вседушно или притворно, совѣсти его вѣсть, и написа онъ своеручно о семъ исповѣданіе о преждебывшей своей прелести и соблазнѣ покаяніе съ величайшими и страшнѣйшими на душу и тѣло свое проклятствы и анѳемствы, яко показуетъ саморучное его писаніе, отрицая и осуждая огнесожженіемъ вся своя преждебывшая злохульная писанія.... И прочетъ онъ Сенька Медвѣдевъ то свое писаніе предъ образомъ Пресвятыя Троицы, при свидѣтеляхъ честныхъ мужехъ, имъ же тамо бѣ св. Троицы Сергіева монастыря архимандритъ Викентій, ему же Архимандриту и вручи свое писаніе, еже послати къ святѣйшему Патріарху. Архимандритъ Викентій, вземъ у него Сеньки тое саморучное писаніе, абіе посла къ святѣйшему Іоакиму Патріарху. Патріархъ вземъ и прочетъ тое, издаде на него Синодальный предѣлъ, гдѣ и како пребывати ему въ епитиміи»...

»И сей Сенька паки по градскому закону огнемъ и бичьми и прочими испытаньми истязанъ, и объявися зломысливъ, съ волхвами и чародѣи содружествовавъ, и совопрошався гадательства о себѣ превеликія.... И за многая

Digitized by Google

бо злодѣйственная своя умышленія главоотсѣченъ бысть въ лѣто 7199, Февраля въ 11 день.» (*).

4. Въ *поучительномъ Словѣ*, читанномъ *Патріархомъ Іоакимомъ на Соборѣ всему священному чину, всего царствующаго града Москвы въ лѣто* 7198, *мѣсяца Іануарія*—также находятся свѣдѣнія о Сильвестрѣ Медвѣдевѣ. Вотъ, что мы сочли нужнымъ представить изъ него:

«Симіона Полоцкаго ученикъ его наслѣдникъ, монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, иже за отступство и ересь лишенъ образа святаго и званія монашескаго, и названъ прежнимъ именемъ Сенька Медвѣдевъ, прельстившійся отъ книгъ и писаній и словесъ устаглаголанныхъ учителя своего онаго Полоцкаго Симеона, купно бо съ нимъ въ единой келіи живяше.... Нынѣ же отъ всѣхъ тѣхъ онъ Сенька каяся, аще искренно, аще притворно—совѣсти его вѣсть, обаче обличаетъ всю лесть свою и учителя своего онаго Симеона въ своеручномъ писаніи своемъ покаянномъ.... Сенька же Медвѣдевъ и самъ о всѣхъ прелестѣхъ своихъ раскаявся, отрече, оплева и прокля, и сожещи суди вся своя писанія.» (**).

5. Въ слѣдственномъ дѣлѣ Щегловитаго находятся допросные пункты и отвѣты Сильвестра Медвѣдева. Изъ этихъ актовъ видно, что онъ за одно дѣйствовалъ съ Щегловитымъ. Мы надѣемся, что графъ Соллогубъ скоро обнаружитъ всѣ акты изъ дѣла Щегловитаго, и тогда другая сторона жизни Медвѣдева будетъ болѣе видна.

V.

О КУРБСКОМЪ.

Князь Андрей Михайловичъ Курбскій, столь извѣстный въ нашей Исторіи, еще во многомъ не разгаданъ. Одни вѣрятъ, что его сочиненія наполнены истинными извѣстія-

(*) Приводимыя выписки взяты изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ. Въ Московской Синодальной библіотекѣ это сочиненіе помѣщено въ рукописи подъ N 252.

(**) Приводимыя выписки изъ рукописи, находящейся въ моей библіотекѣ. Въ Московской Синодальной библіотекѣ Слово находится подъ N 224, стр. 189.

Digitized by Google

ми, другіе считаютъ ихъ пристрастными и ошибочными. Чѣмъ болѣе будетъ обнародовано фактовъ, тѣмъ дѣло будетъ яснѣе. Прилагаю здѣсь два письма, которыя поясняютъ его жизнь послѣ побѣга.

1. Письмо Курбскаго, писанное имъ къ неизвѣстному по надписи.

«Вымѣте Бога ради положенное писаніе подъ печью, изъ страха ради смертнаго, а писано въ Печерѣ, одно на столбцѣ, а другое въ тетратѣхъ, а положено подъ печью въ избышкѣ моей, мало писано дѣло царское. И вы отошлите либо къ Царю, а либо къ Пречистой въ Печеры. Да остался тетратки, переплетены, а кожа на нихъ не положена, и вы тѣхъ, Бога ради, не затеряйте.»

Вѣроятно это письмо писано вскорѣ побѣга его. Жаль очень, что нѣтъ надписи, къ кому оно было послано.

2. Память Князя Александра Ивановича Полубенскаго къ Якову Шапкину да Игнатію Огибалову.

«Отъ Гетмана Виѳлянскія земли и рыцарскихъ людей, отъ Князя Александра Ивановича Полубенскаго, память Якову Шапкину да Игнатію Огибалову.»

«Здѣсь у насъ Яковъ, твой человѣкъ взятъ, да Игнатьева жена, да сноха, и будетъ тебѣ Яковъ человѣкъ твой надобенъ, и ты бы допытался книгъ Князь Андреевскихъ Курбскаго, которые остались въ Юрьевѣ: книга одна въ полдесть, писана скорописью, а кожа на ней на всей липена, а тетратей въ ней есть съ шесть-десять или съ семь-десять, а словеса въ ней: слово Іосифа Евреина о Маковѣехъ, да слово о Авраамѣ, и о Мельхиседекѣ, и о Оригенѣ, да иныя многія словеса Максима Философа, да иныхъ святыхъ; другая книга: Мученіе князя Михаила Черниговскаго, да болярина его Ѳедора, да житіе Августина Ипонійскаго, да иныя словеса; и переведено изъ Латынскаго языка; переплетена, новая кожа на ней еще не положена; да книги: Апостолъ, въ десть, а письмо доброе, и переплетъ по-Нѣмецки. И будежъ тебѣ Яковъ твой на-

Digitized by Google

добенъ, и тыбъ тѣ книги приготовилъ, да орокъ учинилъ, какъ будутъ книги готовы, и мы человѣка твоего приготовимъ и приведемъ его изъ Вильна въ Вольмеръ. А будежъ книгъ не допытаешься и не приготовишь ихъ, и мы человѣка твоего *обьсимъ* (?). А тебѣ Игнатій будетъ надобна жена, да сынъ, да сноха, и тыбъ допытався княжь Андреевскихъ Курбскаго: зерцалъ обѣихъ, да наручей обѣихъ же; а будежъ не допытаешься зерцалъ да наручей княжь Андреевскихъ, и ты бы на Москвѣ купилъ таковыжъ зерцала да наручіи, да приготовилъ бы еси на срокъ, какъ у тебя поспѣютъ; да къ тому бы еси придалъ триста рублевъ; а мы жену твою, и сына, и сноху приготовимъ на тотъ срокъ, какъ у тебя поспѣетъ. А будежъ не пришлешь зерцала и наручей, да 300 рублевъ денегъ, и тыбъ прислалъ 500 рублевъ, и мы и здѣсь зерцалъ подѣлаемъ. А будежъ Яковъ тугъ, да не допытался въ Юрьевѣ Августинова житія, и ты бы велѣлъ списать у старца у Вассіяна у Муромцова въ Печерскомъ монастырѣ, да и явленіе чудесъ Августиновыхъ, а писаны при концѣ. А на Адамѣ на Татаринѣ дадимъ на обмѣнъ Ушакова брата Митьку, да Ушакову жену съ дѣтьми.» (*).

Князь Александръ Полубенскій сражался съ Курбскимъ подъ Венденомъ въ 1560 году и былъ разбитъ. Въ 1563 году онъ воевалъ со Шведами; въ 1564 году предпринималъ походъ на Маріенбургъ, Дерптъ и былъ разбитъ Вешняковымъ. Въ 1577 году онъ былъ выданъ гражданами Вольмара Королю Магнусу. Въ Августѣ того же года, отправленный на встрѣчу Царю отъ Магнуса, высказалъ Іоанну всѣ замыслы Магнусовы. Въ Сентябрѣ, на пиру, Іоаннъ одарилъ Полубенскаго и отправилъ съ другими Литовскими плѣнниками къ королю Стефану, убѣдить его къ заключенію мира, и вручилъ ему письмо для доставленія къ Курбскому. Курбскій убѣжалъ въ 1564 году

(*) Оба письма выписаны изъ сборника, находящагося въ моей библіотекѣ, писаннаго въ половинѣ XVII вѣка, въ 4 д. л., крупною скорописью. Письмо Курбскаго, здѣсь прилагаемое, не было помѣщено въ изданіи Г. Устрялова.

Digitized by Google

въ Вольмаръ, гдѣ тогда находился Полубенскій, со стороны Литвы бывшій воеводою. Вѣроятно прилагаемыя нами письма писаны были въ этомъ году.

VI.

О СЛОВѢ ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА.

Слово Даніила Заточника мнѣ всегда казалось сборомъ разныхъ мнѣній, дѣломъ человѣка начитаннаго, умѣвшаго всѣ выписки слить въ одно цѣлое сочиненіе. Какъ замѣчательное явленіе нашей старой литературы, оно давно возбудило вниманіе ученыхъ и любителей старины. И не даромъ было обращено вниманіе ученыхъ на это Слово: въ немъ они нашли удивительное благозвучіе языка, мысли рѣзкія и сильныя, слогъ быстрой и живой, разсказъ человѣка въ высшей степени занимательный. И не даромъ любители старины отыскивали списковъ сего Слова: оно въ самомъ дѣлѣ рѣдкость библіографическая. Перечитывая нашу старую литературу, *письменную*, я нечаянно открылъ источники Слова Даніила — въ такъ называемой книгѣ: *Пчела*. Поразительное сходство Слова Даніила съ текстомъ Пчелы, буквальныя выписки изъ этой книги — подтвердили мое первое предположеніе.

Такое открытіе повело меня къ изслѣдованію разныхъ списковъ Пчелы. Вотъ мои наблюденія по сему предмету.

Книга Пчела встрѣчается въ нашихъ библіотекахъ въ спискахъ, мнѣ извѣстныхъ, съ конца XV вѣка. При внимательномъ изслѣдованіи открылось, что всѣ списки по своему составу раздѣляются на три главныя разряда.

А. Въ первый разрядъ ставлю списки, раздѣленные на 70 главъ, имѣющіе заглавіе: *книга, глаголемая Пчела, о Бозѣ починаемъ.*

Б. Во второй разрядъ ввожу списки, имѣющіе заглавіе: *Слова избранныя отъ Евангелія, и отъ Апостола, и отъ Пчелы, и отъ иныхъ святыхъ, и отъ многаго.*

Digitized by Google

Списки сего разряда составлены безъ раздѣленія на главы.

В. Къ третьему разряду отношу списки, имѣющіе заглавіе: *Книга, глаголемая Пчела, вельми мудра*, или *Пчела премудрости*. Списки сего разряда также составлены безъ раздѣленія на главы.

Книга Пчела, по своему составу, есть сборъ выписокъ изъ разныхъ сочиненій, съ означеніемъ писателей, изъ которыхъ приведены выписки, сборникъ, замѣчательный въ нравственномъ отношеніи. Составъ текста во всѣхъ трехъ разрядахъ отличается своимъ разнообразіемъ изложенія и особенными дополненіями.

Составъ перваго разряда заключаетъ въ себѣ выборъ: изъ *Евангелія и Апостола*, изъ сочиненій *Іоанна Златоуста, Василія Великаго, Григорія Нисскаго*, изъ книгъ библейскихъ: *Соломона* и *Сираха*. Здѣсь каждая глава начинается текстомъ изъ Евангелія и Апостола, безъ указанія главъ и списковъ избраннаго мѣста; каждая глава имѣетъ свое особенное надписаніе.

Составъ втораго разряда заключаетъ въ себѣ выборъ изъ текстовъ: *Евангелія и Апостолъ*, изъ книгъ: *Соломона, Ездры, Сираха*, изъ сочиненій: *Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Максима, Епикура, Плутарха, Лисандра*, изъ книги: *Притчникъ*. Тексты списковъ сего разряда состоятъ изъ сокращенія перваго, съ особенными дополненіями.

Списки третьяго разряда вмѣщаютъ въ себѣ выборъ изъ двухъ первыхъ, и также съ особенными дополненіями. Здѣсь приведены изреченія *Пафнутія, Геннадія, Ефрема Сирина, Птоломея Варлаама, Кирилла, Кипріана*.

Книга Пчела есть произведеніе Греческой литературы. Когда она появилась въ Русскомъ переводѣ, и кто ознакомилъ нашихъ отцевъ съ нею — неизвѣстно. Мы имѣемъ два разные перевода: первый, неизвѣстнаго времени, встрѣчается въ спискахъ, мнѣ извѣстныхъ, конца XV вѣка; другой былъ сдѣланъ въ 1599 году монахами Анто-

Digitized by Google

ніемъ и Максимомъ. Указываемые нами три разряда списковъ принадлежатъ къ первому переводу (*).

Обратимся теперь къ Слову Даніила Заточника.

Текстъ Слова Даніила по спискамъ, мнѣ извѣстнымъ, не восходитъ далѣе второй половины XVI вѣка. Самое Слово причислено было къ произведеніямъ XII вѣка — Русской литературы — Н. М. Карамзинымъ, (Ист. т. VIII, прим. стр. 150), К. Ѳ. Калайдовичемъ, (Памятники Рус. Словесности XII вѣка, стр. 150), и мною (Сказанія Русск. нар. т. I, кн. IV). Критика, хотя гадательно, относя это сочиненіе къ XII столѣтію, основывалась на слѣдующемъ:

1. На обращеніи писателя къ современному князю, называемому имъ: «сыномъ великаго князя Владиміра (II-го)». Этотъ сынъ Владиміровъ былъ Георгій Долгоруковъ, освободившій Даніила изъ заточенія; ему принадлежали Гонда и Бѣлоозеро, въ области котораго было Лачь озеро. Слово: *царь* могло бы навести сомнѣніе, могло бы опровергнуть, если не все Слово, то по крайней мѣрѣ все выраженіе, однимъ только указаніемъ, что тогда въ Русской землѣ на столѣ княжили великіе князья, а не цари; но, имѣя въ виду слова Митрополита Никифора, писателя XII вѣка, современника Владиміра Мономаха, критика объясняетъ это дѣло иначе. Сей митрополитъ въ своемъ посланіи, указывая на родство Владиміра Мономаха съ Византійскимъ Домомъ, говоритъ, что «Богъ его отъ *царское* и княжеское крови смѣсилъ (См. Русск. Додстопамятн. стр. 63)» Такъ сказано въ спискѣ XIII вѣка.

2. Ссылкою писателя на Святослава Игорева сына и князя Ростислава. Здѣсь критика въ словахъ Даніила: «не лгалъ бо ми Растиславъ князь: лѣпше ми смерть, а не Курское княженіе»—встрѣтили новое сомнѣніе въ лѣтописи. По Воскресенскому списку, подъ годомъ 1139, находимъ, что сіи слова относятся къ князю Андрею Владиміровичу Перея-

(*) Просимъ усердно нашихъ ученыхъ и собирателей старины обратить вниманіе на списки Пчелы. Можетъ быть откроются новые разряды и другіе источники, и съ этимъ вмѣстѣ и окончаніе дѣла приблизится къ концу.

Digitized by Google

славскому. Сей князь, изгнанный изъ Курскаго княженія, при переходѣ въ Переяславль, сказалъ великому князю Всеволоду Олеговичу: «лучше ми того смерть со всею дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ пріяти, нежели Курское взяти княженіе.» Можно предполагать, что имя князя измѣнили по своему переписчики; но буквальное сходство и смыслъ лѣтописи съ выраженіемъ Слова Даніила, высказывается очень рѣзко и прямо говоритъ въ защиту Даніила.

3. О заточеніи Даніила на озеро Лаче (въ Олонецкой губерніи) упоминали лѣтописцы въ 1378 году, говоря о ссылкѣ священника, взятаго съ зеліемъ послѣ битвы на берегахъ Вожи, на Лаче озеро, *идѣже бѣ Данило Заточенникъ*. Слѣдственно о Словѣ Даніила знали въ XIV вѣкѣ, знали современники в. к. Димитрія Іоановича Донскаго.

На основаніи сихъ соображеній, наши писатели выводили слѣдующее заключеніе:

1. Н. М. Карамзинъ: «Если Слово и недостовѣрное, и не имъ писанное, то по крайней мѣрѣ любопытное: оно имѣетъ признаки древности и напоминаетъ нѣкоторыя старыя, уже забытыя Русскія пословицы.»

2. К. Ѳ. Калайдовичъ: «Даніилъ, герой эпическаго Слова, жилъ въ XII вѣкѣ. Слогъ Даніилова Слова, если оно дѣйствительно писано симъ изгнанникомъ въ XII вѣкѣ, уже много измѣнился отъ древности.»

Слѣдовательно критика исполнила свое дѣло въ половину.

1. Она высказала свое мнѣніе о времени жизни Даніила.

2. Она сомнѣвалася: принадлежитъ ли это Слово Даніилу?

3. Она оставила текстъ Слова неприкосновеннымъ, усвоивая его нашей древней литературѣ.

4. Она замѣтила, хотя безъ доказательствъ, что слогъ Слова измѣнился отъ древности.

Digitized by Google

Теперь обратимся къ сравнительному изслѣдованію текстовъ Пчелы и Слова Даніила.

Текстъ Пчелы, имѣющій сходство съ Словомъ Даніила, принадлежитъ къ спискамъ втораго и третьяго разрядовъ. Здѣсь буквальныя выписки очевидны. Приводимъ ихъ въ сравненіе (*).

Текстъ Пчелы по 2 разряду.

Приточникъ рече: съ мудрымъ думцею думая князь высока стола дойдетъ, а съ безумнымъ думая и малаго стола лишенъ будетъ.

Чада умнагоославъ въ посольство, не много кажи, а безумнагоославъ, самъ не лѣнися по немъ идти.

Добра человѣка поучити, и онъ сердцемъ поболитъ, а лиха человѣка учити, какъ въ утлъ мѣхъ воду лити.

Текстъ слова Даніила.

Зъ добрымъ бо думъцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думъцею и малаго стола лишенъ будетъ.

Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи, и безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ идти.

Какъ въ утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити.

Текстъ Пчелы по 3 разряду.

Царь податливъ, или князь, аки отець родимый. Слузи бо мнози лишаются отца и матери и ко царю или ко князю прибѣгаютъ.

Царь щедръ, или князь, яко рѣка течетъ во лузѣ сладостію медвяною, не токмо человѣки напояются отъ нея, но и звѣри. Такожъ мудрый царь или князь милостивый не токмо своя слуги поитъ и кормитъ, но и сторонніхъ милуетъ. Царь или князь скупъ, яко рѣка глубока въ уревныхъ берегахъ

Зане князь щедръ, отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ.

Зане князь щедръ, аки рѣка берегомъ текуще всквозѣ дубравы, напояюще не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ аки рѣка великъ брегъ имущь каменны; нельзя пити, ни коня поити.

(*) Приводимыя выписки изъ Пчелы взяты изъ списковъ, находящихся въ моей библіотекѣ. Оба списка писаны въ началѣ XVII вѣка.

Digitized by Google

каменныхъ: нельзя изъ нея ни самому пити, ни коня поить.

Бояринъ щедръ, аки кладязь чистъ при пути и сладокъ вельми пити мимоходящимъ. Бояринъ скупъ, яко кладязь солонецъ, не мочно изъ него ни кому пити.

А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ, а скупъ бояринъ, аки кладезь солонъ.

Не имѣй имѣнія близъ царева двора; не держи села со княжімъ селомъ.

Не имѣй себѣ двора близъ княжева двора; не держи села близъ княжева села.

Апполлонъ Аѳинѣйскій видѣхъ много вои безъ доброго воеводы, и рече: сей есть звѣрь великъ, но главы не имѣетъ.

Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ; тако и добрые полки безъ добраго князя погибаютъ.

Якоже не мочно въ холшевѣ мѣхѣ воды удержати, такъ и въ клеветникѣ злыхъ словесъ. Ни мертвеца научить, ни безумнаго наказать.

Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити, ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати.

Злато огнемъ искушается, а други и недруги при напастѣхъ показуются.

Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми.

Лучше есть во утлѣ ладьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати.

Лучше есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати.

Саломонъ рече: псомъ и свиньямъ не надобѣ злато, тако безумнымъ мудрыя словеса.

Псомъ и свиніямъ не надобѣ злато и сребро, ни безумному мудрыя словеса.

Коли синица орла пожретъ, а вода вспять поидетъ, а каменіе вверхъ попловетъ, а хмѣль погрязнетъ, и свинья на бѣлку лаять, тогда безумный уму научится.

Коли пожретъ синица орла, коли каменіе воспловетъ по водѣ, коли свинія на бѣлку почнетъ лаяти, тогда безумный уму научится.

Ефремъ Сиринъ рече: люди бѣгаютъ урода, а Богъ пьяна человѣка.

Дѣти бѣгаютъ рода, а Богъ пьянаго человѣка.

(Здѣсь текстъ очевидно испорченъ переписчиками).

Digitized by Google

Вотъ все, что было мною найдено въ спискахъ Пчелы. Можетъ быть другіе будутъ счатливѣе меня, а, можетъ быть, сыщутся люди, которые и за это даже будутъ обвинять меня.

Увѣренъ напередъ, что наши нововводители, уничтожающіе Русскую литературу до XVIII вѣка, порадуются, что Слово Даніила подверглось критикѣ, провозгласятъ прямо, что оно подложное, какъ толкуютъ они о Русской Правдѣ, о Словѣ о полку Игоревомъ, и кой о чемъ другомъ. Милостивые Государи! изучите нашу литературу съ XI по XVIII вѣкъ, прочитайте одно и то же сочиненіе въ нѣсколькихъ спискахъ, повѣрьте критически всѣ ваши изслѣдованія, и тогда уже извольте разсуждать о нашей литературѣ. Это будетъ полезнѣе для васъ самихъ, поучительнѣе для будущаго поколѣнія, которое навѣрно захочетъ подвергнутъ всѣ ваши критическія соображенія строгому разбору. Будущее неумолимо въ своемъ судѣ, и въ какомъ же судѣ?—справедливомъ и безпристрастномъ.

VIII.

О СОЧИНЕНІИ СТЕФАНА ЯВОРСКАГО.

Въ N 3 Москвитянина была помѣщена статья г. Ундольскаго *о неизвѣстномъ сочиненіи Стефана Яворскаго*. Радуясь доброму дѣлу почтеннаго нашего Археолога, Князя М. А. Оболенскаго, принесшаго свои сокровища въ библіотеку Московскаго главнаго архива, я невольно вспоминалъ слова г. Ундольскаго: «Это *досель никому неизвѣстное сочиненіе Яворскаго* посвящено было Гетману Ивану Мазепѣ, и предназначалось, какъ видно изъ манускрипта, къ печати; но было ли напечатано, или нѣтъ—неизвѣстно.» Библіографы, безъ сомнѣнія, будутъ благодарны г. Ундольскому за описаніе рукописи; а между тѣмъ считаю нужнымъ извѣстить чрезъ вашъ же Москвитянинъ, что это сочиненіе Яворскаго было напечатано, и экземпляръ находится въ библіотекѣ Костерина.

Digitized by Google

КРИТИКА.

РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ОБЩЕСТВОМЪ ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ. *Редакторъ Пр. Погодинъ. Томы* 1-й 521. II—405, XVII. III—408. IV—480. V—396 стр. Москва, 1837, 1838, 1839, 1840 и 1842 г.

....Въ Сборникѣ привлекаютъ прежде всего вниманіе читателя труды покойнаго Ходаковскаго. Этотъ ученый мужъ вполнѣ заслуживаетъ уваженіе всѣхъ любителей Исторіи: онъ первый подалъ мысль проникнуть въ до-историческія вѣка Славянскаго міра, и сколько можно было человѣку съ желѣзнымъ терпѣніемъ, старался привести въ исполненіе свою завѣтную идею: пѣшкомъ исходилъ почти всю Европейскую Россію, не по большимъ дорогамъ, но по лѣсамъ и тропинкамъ, желая отыскать и изслѣдовать все, что только объясняло и доказывало его мысль. Не было Ходаковскому подражателей при его жизни, да и посмерти его едва ли скоро дождемся послѣдователей его ученію, тѣмъ болѣе, что судьба не допустила его привести въ порядокъ свои мысли и изысканія; и въ настоящее время потребенъ большой трудъ и напряженіе со стороны того, кто захотѣлъ бы проникнуть въ его идею. При томъ мы всѣ какъ-то болѣе склонны ухаживать за своими идеями или подражать тому, что уже приведено въ ясность и получило свой надлежащій видъ;

Digitized by Google

сироты же труженика Ходаковскаго, еще не вскормленные и не выростшіе до полнаго развитія, вѣроятно долго останутся безпріютными. Редакторъ сдѣлалъ весьма благое дѣло, издавши въ семъ Сборникѣ часть трудовъ покойнаго, (которые бы должны были погибнуть безъ вѣсти); пусть скорѣе выйдутъ въ свѣтъ и остальные.

Пути сообщенія въ древней Россіи. Это сочиненіе, кажется, было почти уже отдѣлано авторомъ, и даже въ теперешнемъ его видѣ можетъ служить превосходнымъ источникомъ для объясненія многихъ мѣстъ въ нашей Исторіи относительно военныхъ походовъ нашихъ Князей и внутренней торговли; тѣмъ болѣе мы можемъ вѣрить указаніямъ Ходаковскаго, что онъ писалъ не съ однихъ извѣстій Лѣтописныхъ, которыя не рѣдко могутъ быть поняты не такъ какъ слѣдуетъ, но повѣрялъ ихъ по хорошимъ картамъ, и потомъ, чтобы болѣе проникнуть истину, свидѣтельствомъ на мѣстѣ. Такихъ свидѣтельствъ немного можно найти и для исторій обработанныхъ болѣе, нежели наша.

Чтобы читатели Москвитянина могли судить о томъ, какъ добросовѣстно и отчетливо поступалъ въ этомъ трудѣ Ходаковскій, и какъ значителенъ и полезенъ этотъ трудъ для историка, здѣсь предлагается слѣдующій отрывокъ изъ его сочиненія.

«Сказавъ нѣсколько разъ о рѣчномъ пути между Новгородомъ и Кіевомъ, мы остановимся на семъ протяженіи, и повѣримъ краткія слова Нестора (Шлец. I. гл. VI). Мы найдемъ сей путь по озеру *Ильменю*, въ верхъ по рѣкѣ *Ловати*, *Сережъ*, въ Холмскомъ уѣздѣ до волока 30-верстнаго къ *Желну* на рѣкѣ *Торопѣ*, по которой внизъ также по *Двинѣ*, къ устью *Косопли* (*Каспли*), сей въ верхъ до озера *Касплинскаго* и *Волока* при *Гаврикахъ* въ Порѣцкомъ уѣздѣ, съ переѣздомъ по сушѣ 30 верстъ къ Смоленску. Въ подтвержденіе сего пути повторимъ изъ лѣтописи (Карамз. III. прим. 343, подъ 1233 г.): «Князь же «(Ярославъ) съ Новгородци сѣдавше въ насады, а иніи «на конихъ, поидоша по Ловоти, и яко быша у Моравіи-

Digitized by Google

«на, и вспятишася лодѣйницы, не достало бо у нихъ бяше «хлѣба, — а Князь съ конницы постиже и (Литву) на Дубровнѣ на селицы въ *Торопчьской волости!*» Вспомнимъ также сказанное о городѣ Смоленскѣ, здѣсь въ § I и II, и Вълькъ упоминаемый 1229 г. въ договорѣ Мстислава Смоленскаго Князя съ городомъ Ригою и Готландцами (Собр. Гос. гр. II. стр. 34). Въ семъ случаѣ если принять съ Карамзинымъ (III, прим. 251) чрезмѣрный волокъ на 100 верстъ между Двиною и Днѣпромъ, то могъ ли Смоленскій тіунъ для перевода иностранныхъ товаровъ наряжать подводы въ чужой области у Витебскаго Князя на Двинѣ? Также *оудержаніе* и *пагоуба* товаровъ не могли Смоленскимъ Княземъ предполагаться на Двинѣ, но въ его владѣніи *Волокъ*, котораго жителей, именно Волочанъ, обязывалъ онъ платить за потерю въ перевозѣ. Замѣтимъ еще, что въ началѣ рѣки Каспли урочище Гаврики есть названіе Норманское (Hawrik — городъ въ Англіи, Havre на устьѣ Сены въ Нормандіи), и въ половинѣ проѣзда оттуда къ Смоленску по сушѣ уцѣлѣло урочище *Станки*. На Касплѣ ниже впаденія *Свадицы* имѣется урочище *Всадная* (сравн. *Изсады*) и *Оброкъ*. Равнымъ образомъ на той же рѣкѣ и на Сережѣ, отъ волоковъ внизъ, имѣются селенія *Понизовья*. Онѣ естественно названы, но можно также принять за памятникъ учрежденія тѣхъ, которыя направляли путь по симъ рѣкамъ. На рѣкѣ *Воложѣ* (въ Тихвин. уѣздѣ), внизъ отъ *Волока Хотьславля*, также имѣется урочище *Низовикъ*. На устьѣ *Ломы* внизъ отъ волока имѣется *Понизовое* или Никольское городище. Несторъ незналъ сихъ подробностей, и вмѣсто двухъ волоковъ, Сережскаго и Касплинскаго, написалъ объ *одномъ*, между Днѣпромъ и Ловатью, еще болѣе невозможнымъ на пространствѣ 130 верстъ. Еслибъ мы даже считали рѣку Ловать судоходною, отъ села *Межей* въ Суражскомъ повѣтѣ, и подобно Нестору забыли вовсе о Двинѣ, которая неминуема на семъ пространствѣ, вѣроятно ли, чтобъ Варяги оставили

Digitized by Google

безъ вниманія сію величественную рѣку, столь близкую верховьемъ своимъ и вѣтьвями къ ихъ дорогѣ изъ Новгорода въ Кіевъ? Урочище *Извозъ*, уцѣлѣвшее при озерѣ *Жаденье*, показываетъ, что нагрузка судовъ была даже отъ самаго начала Двины. Пропускъ Двины у Нестора на томъ пути ясно показываетъ, что онъ зналъ о всемъ судоходствѣ по общему сказанію въ краткихъ словахъ.»

«Разсматривая такимъ образомъ сообщенія водныя, мы объяснили кажется, что изъ Новагорода на пути въ Кіевъ нельзя было миновать Смоленска, и что къ послѣднему городу ѣхавшіе изъ Полоцка слѣдовали отъ части по той же дорогѣ. — 1138 г. Князь Святославъ, ѣдующій изъ Новгорода въ Черниговъ, былъ остановленъ Смоленскими жителями и содержался въ Смядинѣ (Кар. И. прим. 267 въ концѣ).—1229 г. Послы Новгородскіе, ѣхавшіе въ Черниговъ, были задержаны на дорогѣ Смоленскимъ Княземъ (Кар. III, стр. 245).—Увидимъ еще, § XXVI, что Смоленскъ былъ на пути въ Кіевъ изъ по-Волжской страны, и потому можемъ назвать сей городъ Кривскій, средоточіемъ или перекресткомъ древнихъ путей въ Россіи.»

Еще любопытнѣе объясненіе рѣчнаго пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, изъ Поволжскихъ странъ къ Днѣпровскимъ, но нашимъ выпискамъ, если такъ, не было бы границъ.

Второй трудъ Ходаковскаго, помѣщенный въ Историческомъ Сборникѣ—есть его система городищъ, разсѣянныхъ по Россіи, и въ другихъ Славян. земляхъ, въ которыхъ онъ видитъ мѣста, назначенныя для богослуженія древнихъ Славянъ-язычниковъ. Это сочиненіе въ теперешнемъ своемъ видѣ представляетъ конечно много мѣстъ натянутыхъ и кажется невѣроятныхъ, но по необдѣланнымъ отрывкамъ нельзя судить о томъ, какимъ бы было все сочиненіе, если бы авторъ успѣлъ его кончить и отдѣлать. Свѣденія автора въ этомъ дѣлѣ изумительны; все показываетъ, что это была задушевная его мысль, для которой онъ не жалѣлъ жизни.

Digitized by Google

Разсужденіе Шафарика обращено на объясненіе рунической надписи, вырѣзанной на каменномъ изображеніи Чернобога (хр. въ преддверіи Бамбергскаго Собора). Объясненіе это сдѣлано на основаніи Скандинавской, Старонѣмецкой или Англосаксонской азбуки, и очень близко подходитъ къ Польскому выговору, сходному съ выговоромъ Поморянъ, отъ которыхъ должно быть было взято это изображеніе Оттономъ Поморянскимъ, Апостоломъ Христіанства. Но неужели Славяне, старожилы средней Европы, не имѣли своей собственной азбуки?

Говоритъ же достовѣрный свидѣтель Епископъ Мерзбурскій Дитмаръ, что Славяне высѣкали имена идоловъ на ихъ статуяхъ (*); неужели они для этого прибѣгали къ чуждымъ буквамъ Германцевъ?

Объясненіе надписи Чернобога сдѣлано Шафарикомъ съ глубокимъ знаніемъ предмета и многообразною ученостію, проникнуто какою-то пламенною любовію къ дѣлу, видно, что великій подвижникъ Славянщины торжествовалъ, встрѣтивъ давно исканные слѣды родной письменности.

Во второй статьѣ Шафарика обозрѣваетъ *Племена Славянскіе въ нынѣшней Россіи.* Многоученый авторъ объясняетъ мѣстожительство и значеніе разныхъ Славянскихъ племенъ: Сербовъ, собственно Славянъ Хорватовъ, Кривичей, Лучанъ, Дреговичей, Родимичей и Вятичей, Бужанъ, Древлянъ, Полянъ, Сѣверянъ, Уличей, Тиверцевъ, и нѣкоторыхъ другихъ, коихъ названія сохранились въ Географическихъ Мюнхенскихъ запискахъ конца IX столѣтія. Изслѣдованія его вообще свидѣтельствуютъ о глубокомъ и многосторонемъ изученіи своего предмета.

Говоря о Туровцахъ, Шафарикъ признаетъ сомнительнымъ свидѣтельство Несторово о томъ, что они получили свое названіе отъ пришельца Тура, современника Рогволо-

(*) Дитмара лѣтопись, изд. Вагнера Нюренб 1807 г. 4, с. 150: Внутри (т. е. въ божницѣ Ратарской) стоятъ боги рукодѣльные съ высѣченными именами.

Digitized by Google

ду. И объясняетъ это такъ, что будто бы «Несторъ все это написалъ слѣдуя народному преданію, котораго смыслъ таковъ былъ: какъ Кіевъ получилъ начало свое отъ Кія, такъ и Туровъ отъ Тура или Тураго; эти мнимые построители городовъ и главы семействъ и народовъ, суть просто вымыслы фантазіи, и на нихъ отнюдь не слѣдуетъ основывать ни какихъ историческихъ выводовъ.» Но здѣсь одними предположеніями безъ очевидныхъ доказательствъ нельзя опровергать яснаго свидѣтельства Нестора, который прямо говоритъ: «Бѣ бо Рогволодъ пришелъ изъ заморія, имѣяше власть свою Полтескъ, а Туръ въ Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашась.» (*) Это прямое свидѣтельство о происшествіи, случившемся не съ большимъ за сто лѣтъ до свидѣтеля, объ которомъ онъ навѣрное слышалъ отъ современниковъ, въ которомъ ничего не замѣтно сказочнаго, чтобы было сходно съ разсказомъ о Кіѣ и Кіевѣ; самая краткость свидѣтельства ручается за достовѣрность: сказокъ такъ не говорятъ.

Шафарикъ предполагаетъ возможность происхожденія Тиверцевъ изъ Сѣверныхъ земель, основываясь на сходствѣ ихъ имени съ именемъ Тверичей, или Твери, которая пишется въ древнихъ Новгородскихъ грамотахъ Тьхверь. Но это основаніе слишкомъ слабо даже и для предположенія. Разбирая имена народовъ, перечисленныя въ Мюнхенскихъ Географическихъ запискахъ IX вѣка, Шафарикъ относитъ имя Liudi къ вѣтьви Чудскаго народа. Это можетъ быть справедливо, если сравнивать съ названіемъ Чудскаго народа—Luudinkeeli. Но непонятно, какимъ образомъ приводить въ доказательство Людинъ конецъ въ Новгородѣ; ибо въ Русской Правдѣ кажется ясно говорится, что *Людинъ* въ Новгородѣ означало сословіе, а не народъ или племя. Вотъ слова Русской Правды: «Аже кто оубиетъ Княжа моужа въ разбои,... то 80 гривенъ; паки Людинъ, то 40 гривенъ, (т. е. ежели убитый будетъ Людинъ, то 40 гривенъ).

(*) Несторъ по Радзивиловскому списку подъ 980 годомъ.

Digitized by Google

И. М. Снегиревымъ въ I томѣ Сборника помѣщены двѣ статьи: *Денежный щетъ сверхъ обыкновеннаго употребляемый въ г. Нерехтѣ*, и *Объ иконномъ портретѣ Вел. Князя Василія Іоанновича IV.* Первая статья очень замѣчательна и заслуживаетъ изслѣдованія, котораго къ сожалѣнію нѣтъ. Замѣчанія же о портретѣ написаны съ историческою отчетливостію; здѣсь авторъ сдѣлалъ много очень любопытныхъ указаній о древней Русской портретной иконописи.

Статьи Редактора Сборника: *Послѣдніе историческіе толки*, и *О договорахъ Русскихъ Князей: Олега, Игоря и Святослава съ Греками.*

Въ первой статьѣ опровергнуты слѣдующія положенія бывшихъ историческихъ скептиковъ: «Варяги были Вагры, Славяне. Новгородъ основанъ въ XI или XII вѣкѣ. Имя Руси принадлежитъ Югу. Византійцы свидѣтельствуютъ будто бы, что Русь жила при Черномъ морѣ. Что Русь есть племя Азіатское. Арабы говорятъ будто бы тоже. Договоры Олега, Игоря и Святослава не могли быть заключены сими Князьями. Торговли въ XI вѣкѣ не могло быть ни какой. Исландскія саги безполезны для Русской исторіи. Русской Правды не могло быть въ XI вѣкѣ. Лѣтопись Нестора сочинена въ XIII или XIV вѣкѣ. Не было кожаныхъ денегъ.»

Разсужденіе священника М. Діева *О вирахъ у Россіянъ X и XI столѣтій* написано съ большою отчетливостію, особенно хорошо изслѣдованы разные роды виръ. Вообще все сочиненіе обличаетъ въ авторѣ хорошаго дѣлателя нашей отечественной исторіи. Жаль только, что онъ любитъ пускаться въ словопроизводства, заимствуя его изъ Греческаго языка, который рѣшительно не вяжется съ древней юридической терминологіей Руси. Напримѣръ, какимъ образомъ можно производить Русскую виру отъ Греческихъ словъ *βαρέω—отя-*

Digitized by Google

гощаю, и отъ βάρος — тягость, иго, тогда какъ старо-Германское Währ-geld прямо значитъ плата за убитаго человѣка, и когда старинное Русское слово *Вырь*, область или околодокъ, долженствовавшій платить виру за убійство, если не сыщется убійца, въ Московскомъ юридическомъ языкѣ переродилось въ *губу*, т. е. погубленіе, пагуба. Или какимъ образомъ производить слово клепать отъ Греческаго κλέπτης и κλέπτας—*воръ*, когда у насъ есть глаголъ *заклепать*, т. е. *заковать*, *забить*, и самое слово *клепать* принимается въ значеніи *бить*, *ударять*, напр. въ нашемъ церковномъ языкѣ встрѣчается выраженіе: *клеплетъ въ колколъ*, неужели это одно и тоже съ словомъ κλέπτω—утаиваю? Или еще слово *мечникъ* онъ производитъ μετέρχομας, *преслѣдую* или μετέχα, *участникъ*, и говоритъ, что мечникъ означалъ не военнаго, но полицейскаго чиновника, тогда какъ у древнихъ Русскихъ Князей всю управу составляла воинская дружина, полиція же началась гораздо послѣ. Или еще разбирая слово *боляринъ*, говоритъ, что это означало нижній классъ бояръ, тогда какъ это было ничто иное, какъ *боярскія дѣти;* напр. «Родіонъ чернецъ Ослѣбя бывый прежде *Боляричь Любутьскій*,» что же другое значитъ, какъ не *баричь*,—боярскій сынъ? Или какимъ образомъ Русское *воискый конь* производить отъ Греческаго слова βόερις, *буйволъ*, или *волъ?*

Разсужденіе *о поединкахъ въ Россіи вообще, и въ особенности о судебныхъ* (К. Ѳ. Калайдовича). Авторъ вѣрно и отчетливо изложилъ всѣ правила поединщиковъ, представилъ нѣсколько очень любопытныхъ статей изъ Стоглава о суевѣрныхъ приготовленіяхъ къ поединкамъ, о чародѣяхъ, которые смотрѣли въ Аристотелевы ворота, въ гадательныя книги, именуемыя *раѳлями*, на звѣзды и планеты, и наблюдали дни и часы, предсказывая изъ того благополучный или худой конецъ тяжущимся. Все это очень вѣрно характеризуетъ тогдашній вѣкъ и разкрываетъ много понятій о внутренней жизни древней Москвы.

Digitized by Google

Но что за неудачная мысль автора отнести начало узаконенія поединковъ къ Русской Правдѣ, гдѣ говорится о мести, и ни слова о поединкахъ. Поединокъ собственно значитъ защищеніе своего права, оправданіе, доказательство справедливости помощію оружія. Въ Русской же Правдѣ сказано: «Ажь убьетъ мужь мужа, то мстити брату брата, любо отцу, любо сыну, любо брато чаду, любо братню сынови; оже ли не будетъ кто его мстя, то положити за голову 80 гривенъ.» Гдѣжъ тутъ поединокъ, гдѣ оправданіе, доказательство своего права, когда въ немъ нѣтъ сомнѣнія, когда очевидно его нарушеніе? Это просто мщеніе, азіатская *баранта*, *чапаулъ* Черкесовъ. Здѣсь не вызываютъ виновнаго на бой равный, но выдаютъ головою, и убиваютъ какъ попало. Это просто казнь, вмѣсто которой иногда платили деньги. Отъ перваго заблужденія авторъ нечувствительно впалъ въ другое: онъ *разбой* называетъ *поединкомъ*, *разбойника поединщикомъ*. Тогда какъ въ Русской Правдѣ прямо говорится: «будетъ ли сталъ на разбои безъ всякой свады, то за разбойника людье не платятъ, но выдадятъ и всего съ женою и съ дѣтьми на потокъ.» Что же тутъ похожаго на поединокъ? Въ поединкѣ непремѣнно должна быть какая либо *свада*, споръ, недоразумѣніе въ правѣ, а здѣсь се нѣтъ. Далѣе опять та же погрѣшность. Авторъ *рубежника* называетъ поединщикомъ, тогда какъ во всѣхъ нашихъ юридическихъ памятникахъ, рубежникомъ называютъ того, кто портитъ рубежи, границы. Не знаю еще, къ чему авторъ относитъ къ поединкамъ (*) кулачные бои и игры въ дреколи у древнихъ Новгородцевъ.

2-й и 5-й томы Историческаго Сборника заключаютъ въ себѣ дѣла по мѣстничеству, собранныя дѣйствительнымъ членомъ общества П. И. Ивановымъ.

(*) Въ новыхъ изданіяхъ Археографической Коммиссіи находится множество мѣстъ въ пополненіе къ свѣдѣніямъ нашимъ о судебныхъ поединкахъ. Указываемъ на оныя молодымъ юристамъ. *М. П.*

Digitized by Google

Процессы этого рода, числомъ всего 29-ть, содержатъ въ себѣ весьма много любопытныхъ извѣстій и указаній, какъ въ отношеніи къ самому мѣстничеству, только въ настоящее время начинающему получать свою ясность въ нашей исторіи; такъ частію и по другимъ родамъ въ отношеніи къ внутреннему устройству, а также и въ отношеніи къ внѣшней исторіи Россіи съ Іоанна III-го и даже нѣсколько ранѣе.—Для внѣшней исторіи особенно замѣчательно: дѣла Князей Голицыныхъ съ Шуйскимъ въ 1579 и 1582 годахъ, гдѣ много указаній на походы Іоанна IV подъ Казань и Ливонію. Дѣло Полева съ Княземъ Щербатовымъ, очень важное для Исторіи Василія Іоанновича, Іоанна IV и Ѳеодора; той же важности дѣло Князей Вяземскаго и Елецкаго. Въ дѣлѣ Пильемова съ Княземъ Лыковымъ есть указанія на разряды съ 1-й Новгородской осады при Іоаннѣ III. Это одинъ изъ важныхъ памятниковъ тогдашняго состоянія Россіи, который вѣрно указываетъ на главныя дѣйствующія лица съ Московской стороны. Дѣло Князя Лыкова съ Княземъ Дим. Пожарскимъ, 1609 года, служитъ важнымъ объясненіемъ царствованія Бориса Ѳедоровича Годунова. Это же дѣло содержитъ въ себѣ нѣсколько извѣстій о внутреннемъ устройствѣ Москвы и много правилъ о мѣстничествѣ.

Въ отношеніи къ внутреннему устройству, къ образу жизни нашихъ предковъ, замѣчательны дѣла: Зюзина съ Нагимъ 1501 года и Вельяминова съ К. Вяземскимъ 1631 года. Здѣсь мы видимъ, что въ расчетъ мѣстничества шла не одна военная, но и гражданская служба; что нѣкоторые члены знаменитыхъ дворянскихъ родовъ поступали въ Духовное званіе, и именно въ бѣлое духовенство. Напр. въ дѣлѣ Вяземскаго значится: «Князь Васильевы родные Князь Богданъ, да Князь Ондрей Княжъ Романовы дѣти Вяземскаго, Князь Богданъ нынѣ въ попѣхъ у нихъ же въ селѣ въ Семеновскомъ у церкви, а Князь Ондрей въ церковныхъ дьячкахъ былъ, а нынѣ сынъ его Князь

Digitized by Google

Ондреевъ на его мѣсто.»—О томъ, что гражданская служба шла въ счетъ мѣстничества, служитъ свидѣтельствомъ напр. слѣдующее мѣсто изъ того же дѣла: «Да въ 80 году, Государь, на Велижъ былъ воевода Князь Михайло Шеховской. А съ нимъ былъ въ губныхъ старостахъ Ондрей Вельяминовъ. А Мирону Государь Вельяминову по роду имается дѣдъ.» Или еще: «на Ливнахъ былъ воевода Иванъ Гюлева. А съ нимъ былъ въ письменныхъ Головахъ Князь Григорей Волконской.» Въ этомъ же дѣлѣ мы находимъ весьма любопытный документъ древняго уголовнаго судопроизводства, изъ котораго можно судить нѣсколько о должности Губнаго Старосты и о порядкѣ судопроизводства. Этотъ документъ предлагается здѣсь такъ, какъ онъ написанъ въ дѣлѣ: «Лѣта 7090 Декабря въ 17 день Губный староста Никита Ивановичъ Вельяминовъ, да Губной цѣловальникъ Радіонъ Лукьяновъ сынъ Носъ, приговорили по суду и по поличному пытать Микитку Пустынскаго Пастуха, потому что онъ слался на погонныхъ людей въ послушество, и сказалъ себя захожимъ человѣкомъ. Приговоръ писалъ подлинной Губный дьячекъ Молчанецъ Немомовъ, а у подлиннаго приговора рука Губнаго Старосты Микиты Вельяминова.» Въ дѣлѣ Зюзина съ Нагимъ 1501 года есть нѣсколько образцовъ старинныхъ судныхъ дѣлъ. Вообще все это собраніе дѣлъ по мѣстничеству имѣетъ большую историческую важность, и продолженіе подобныхъ собраній обогатитъ отечественную исторію множествомъ драгоцѣнныхъ данныхъ.

Чтоже касается до Разсужденія о Мѣстничествѣ, приложеннаго Ивановымъ къ концу 2-го тома, то оно слишкомъ кратко и не даетъ надлежащаго понятія объ этомъ важномъ явленіи въ жизни нашихъ предковъ. Изъ этого разсужденія не видно, на чемъ основывалось и чѣмъ доказывалось старшинство родовъ. Авторъ рѣшительно упустилъ изъ виду юридическій процессъ мѣстничества: онъ даже не объяснилъ, что значило въ мѣстничествѣ *родство*,

Digitized by Google

отечество, *лъствица*, *случаи*, *родословецъ* и *разрядъ*, — именно такіе юридическіе термины, на которыхъ утверждалась и развивалась вся идея мѣстничества, и безъ объясненія которыхъ всѣ трактаты о мѣстничествѣ останутся неполными.

Да и въ историческомъ отношеніи авторъ смотритъ на мѣстничество только какъ на народное зло, совершенно не обращая вниманія на добрыя стороны этого государственнаго учрежденія; онъ опускаетъ изъ виду, что оно было главною пружиною соревнованія старинной аристократіи, что оно преимущественно принуждало родословныхъ людей не покидать службы, часто невыгодной и безпокойной; каждый членъ знаменитой фамиліи видѣлъ, что не служа онъ дозволяетъ младшимъ фамиліямъ опережать себя по счетамъ мѣстничества, и притомъ Государь сими счетами ни мало не стѣснялся въ отказѣ отъ службы худымъ и лѣнивымъ исполнителямъ порученій, что также заставляло родословныхъ людей быть рачительными къ должности; ибо они видѣли, что каждый обходъ по службѣ отодвигалъ ихъ назадъ въ счетахъ мѣстничества. Много ли можно насчитать моральныхъ двигателей, которые такъ сильно дѣйствовали на умы того времени? Нѣтъ спору, что мѣстничество было причиною многихъ золъ, но во зло можно употребить всякое учрежденіе.

Авторъ относитъ начало мѣстничества ко времени Іоанна, но уже извѣстны дѣла по мѣстничеству при Димитріѣ Донскомъ, помѣщенныя въ Москвитянинѣ 1843 года. Іоаннъ же, учредивъ разряды, и разграничивъ должности и чины, можно сказать сократилъ безпорядки мѣстничества, и далъ Правительству средства прекращать несправедливые споры, и даже назначать мѣру наказаній по мѣрѣ несправедливости спорщиковъ, принимая въ расчетъ, сколькими мѣстами ниже неправый челобитчикъ противъ праваго отвѣтчика.

Въ 3-мъ томѣ Сборника въ 1-й книжкѣ помѣщены *Ис-*

Digitized by Google

данiе о побоищѣ В. К. Димитрiя Ивановича Донскаго. Слово о житiи и преставленiи В. К. Димитрiя Ивановича, Царя Рускаго. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святославля внука Ольгова. Издатель сихъ замѣчательныхъ сочиненiй отечественной древности, членъ общества И. М. Снегиревъ, исполнилъ свое дѣло съ добросовѣстностiю и довольнымъ запасомъ знанiй по сему предмету. Повѣданiе о побоищѣ Донскаго напечатано съ пяти списковъ, съ помѣщенiемъ варiантовъ, а при концѣ и большихъ статей, имѣющихся въ однихъ спискахъ и пропущенныхъ въ другихъ. Многiя древнiя слова и выраженiя объяснены сличенiями съ подобными выраженiями въ другихъ сочиненiяхъ отечественной древности и даже мѣстными нарѣчiями, существующими еще въ настоящее время, а иногда и съ западными отраслями Славянскаго языка. Подобная осторожность соблюдена при изданiи Похвальнаго Слова В. К. Димитрiю, и пѣсни О полку Игоревѣ. Послѣднее сочиненiе, носящее слѣды глубокой древности и давно уже извѣстное публикѣ по прежнимъ изданiямъ, въ настоящемъ изданiи получаетъ прiблизительную ясность: издатель по возможности сдѣлалъ очень удовлетворительныя замѣчанiя на большую часть темныхъ выраженiй. Впрочемъ нельзя еще сказать, чтобы все было понятно и достовѣрно; но это трудъ, требующiй глубокаго изученiя. Нельзя не пожалѣть, что эта драгоцѣнность древней отечественной словесности до сего времени еще не изслѣдована какъ должно. Изученiе древнѣйшихъ списковъ церковныхъ книгъ, конечно много должно принести пользы при изслѣдованiи нашего языка; но кажется изученiе Слова о полку Игоревѣ, въ этомъ отношенiи, если не полезнѣе, то по крайней мѣрѣ должно идти въ параллель, такъ какъ и поучительныя слова Кирила Туровскаго и другiе памятники словесности того времени; въ нихъ мы видимъ языкъ свободный, не стѣсненный Греческою указкою, вылившiйся прямо изъ народнаго духа; здѣсь каждое слово отзывается Русскою смѣтливостiю, наглядностiю, умѣньемъ передать мысль именно

Digitized by Google

тѣми словами, которыя незамѣнимы, которыя выражаютъ и предметъ, и взглядъ, и духъ сочинителя. Какъ порусски говорятъ напримѣръ слѣдующія выраженія: «Яръ Туръ Всеволодъ! стоиши на бороши, *прыщеши* на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи Хоралужными.» Или: «Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія, *притрепа* славу дѣду своему Всеславу.» Или: *врѣжася* на бръзъ комань; или еще: «тяжко ти головы, кромѣ плечу; зло ти тѣлу, кромѣ головы.» Подобныхъ выраженій нельзя и ожидать въ переводныхъ произведеніяхъ нашей древности; надлежащее же изученіе ихъ сколько бы доставило мѣткихъ оборотовъ настоящей нашей словесности. А въ отношеніи къ исторіи народнаго характера, образа мыслей, взгляда на предметы, и даже въ отношеніи къ исторіи внутренней, повседневной, обиходной жизни нашихъ предковъ, изученіе Слова о полку Игоревѣ доставитъ самыя драгоцѣнныя пособія, которыхъ не укажетъ и самъ Несторъ. Посмотрите, сколько тутъ Русскихъ знаменитостей, описанныхъ современникомъ и прямо съ словъ молвы народной. Тутъ и Ярославъ Осмомыслъ, и Романъ и Мстиславъ, Святославъ, Всеволодъ, Олегъ и даже Владимиръ Святый;—но пересчитывать недостаточно, надобно изучить, свѣрить съ исторіей, а иногда повѣрить и исторію по словамъ молвы современниковъ. Предѣлы журнальной статьи не дозволяютъ говорить объ этомъ въ настоящее время.

2-я Книжка 3-го тома Сборника содержитъ въ себѣ статью Ходаковскаго—*Отрывокъ изъ путешествія по Россіи*, и Пассека — *Курганы и городища Харьковскаго и Полтавскаго уѣздовъ*. Сочинители сихъ довольно противоположныхъ другъ другу статей, оба переселились въ вѣчность, не успѣвши развить своихъ задушевныхъ идей; а по сему объ ихъ сочиненіяхъ нельзя дать полнаго сужденія. Ходаковскій, постоянно вѣрный своимъ идеямъ, и здѣсь остался такимъ же, какимъ былъ въ прежнихъ сочиненіяхъ: у него

Digitized by Google

съ догадками о временахъ доисторическихъ перемѣшаны многія дѣльныя замѣчанія историческія, много параллелей и созвучій полезныхъ для исторіи; такъ для Ладоги онъ находитъ созвучную *Ладову* на Днѣстрѣ, для Кіева песчаное поле *Кіево* на Волховѣ, *Дунай* поле въ Ладожскомъ уѣздѣ, и много другихъ. Въ описаніи Новгородскаго края Ходаковскій не имѣлъ многихъ источниковъ, которые теперь уже извѣстны, отъ чего описаніе его во многихъ мѣстахъ неполно и съ значительными пропусками. Въ замѣчаніяхъ о нарѣчіи Новгородскаго уѣзда, онъ много выставляетъ словъ, будто бы принадлежащихъ одному Новгороду, тогда какъ они употребляются въ Москвѣ и другихъ краяхъ Россіи. Ходаковскій во всѣхъ городищахъ видитъ святые городки древнихъ Славянъ, опредѣленныя для Богослуженія, а Пассекъ находитъ ихъ назначенными для обороны отъ нападенія непріятелей. У Пассека въ описаніи кургановъ Харьковской губерніи разсыпано много мѣстныхъ разсказовъ и преданій о сихъ памятникахъ древности и много историческихъ замѣчаній.

3-я Книжка начинается Львовскою лѣтописью, въ которой описаны погодно происшествія Малороссіи и частію Польши съ 1498 по 1648 годъ. Эта лѣтопись имѣетъ свою важность для Малороссійской исторіи: въ ней нѣкоторые годы отмѣчены кратко, но въ иныхъ, особенно начиная съ уніи, встрѣчается много любопытныхъ извѣстій, тѣмъ болѣе драгоцѣнныхъ, что они писаны современникомъ, какъ можно заключить изъ слѣдующихъ словъ, имѣющихся подъ 1621 годомъ: «Тогожъ року отецъ мой умеръ. Я зъ школи занесъ въ домъ хабору горячку, и всѣ хорѣли въ дому.»

За Львовскою лѣтописью слѣдуетъ вторая статья о *Мѣстничествѣ*, писанная редакторомъ Сборника.... онъ опровергнулъ общее мнѣніе о началѣ мѣстничества при Іоаннѣ III; впрочемъ какъ цельзя не ошибаясь пролагать

Digitized by Google

путь по малоизвѣстнымъ тропинкамъ, на которыя прежде заходили только невзначай, и обыкновенно спѣшили сворачивать на дорогу болѣе пробитую, то и настоящее сочиненіе не избѣгло этой участи; тѣмъ болѣе, что оно было напечатано прежде 5-го тома Сборника, гдѣ издано много новыхъ дѣлъ по мѣстничеству, которыя могутъ служить хорошимъ объясненіемъ этого предмета, и открываютъ много новыхъ сторонъ. Авторъ причину мѣстничества находитъ въ удѣльной системѣ. По его словамъ: «Удѣльные князья, потерявъ, уступивъ свои княжества, вступивъ во дворъ Московскаго Князя, принесли свои взаимныя отношенія и свои понятія о старшинствѣ.» Но куда же дѣть первую Московскую аристократію, которая постоянно ревностно служила Московскимъ Князьямъ, начиная съ Даніила Александровича, вмѣстѣ съ ними ростила и увеличивала Москву? Мудрено допустить, чтобы Московскіе Князья своихъ исконныхъ вѣрныхъ слугъ могли промѣнять на пришлыхъ удѣльныхъ князей, покоренныхъ ими или добровольно покорившихся. При томъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ извѣстій видно, что Московскіе В. Князья всегда болѣе приближали къ себѣ своихъ коренныхъ бояръ, нежели поступившихъ въ Московскую службу удѣльныхъ Князей; (*) а посему сіи послѣдніе по началу не могли считаться мѣстами съ Московскою знатью; да и при томъ мѣстничество было не въ одной Москвѣ: его слѣды мы находимъ въ Твери, (†) а можетъ быть со вре-

(*) Въ ближнихъ боярахъ начали являться прежніе удѣльные Князья не прежде В. К. Василья Дмитріевича, у котораго въ дух. грам., писанной въ 1406 году, въ 1-й разъ встрѣчается имя боярина Князя Юрья Ивановича, и потомъ во 2-й духовной 1423 года Боярина Князя Юрья Патрекѣевича (собр. Гос. Гр. Т. I). Въ духовной же грамотѣ В. К. Димитрія Іоанновича, писанной въ 1389 году, въ числѣ свидѣтелей не было ни одного князя. Вотъ выписка изъ самой грамоты: «а туто были бояре наши Дмитрій Михайловичь, Тимофей Васильевичь, Иванъ Родивоновичь,» и пр.; а слѣды мѣстничества при Донскомъ уже были.

(†) Моя статья написана была за два года до этихъ дѣлъ; съ новыми данными, особенно съ тѣми, кои нашелъ я самъ о мѣстничествѣ при Василѣ Дмитріевичѣ, моя мысль должна разумѣется измѣниться; впро-

Digitized by Google

менемъ найдемъ и въ другихъ Княженіяхъ; но объ этомъ послѣ. Какъ догадку, начало мѣстничества, кажется, можно отнести къ первымъ временамъ Монгольскаго владычества надъ Россіею. У Монголовъ вельможи, происходившіе большею частію изъ княжескихъ кочевыхъ родовъ, должно быть имѣли большую силу; свидѣтельство этому приводитъ извѣстный монахъ Планъ-Карпинъ; при немъ во время коронаціи вельможи говорили Хану Гаюку: «*Надъ тобою небо и Всевышній; подъ тобою земля и войлокъ. Если будешь любить наше благо, милость и правду, уважая князей и вельможъ по ихъ достоинству, то царство Гаюково прославится въ мірѣ.*» и пр. Когда наши оріенталисты путемъ изслѣдуютъ внутреннее устройство древней Монголіи, то можетъ быть начало мѣстничества объяснится само собою.

Авторъ еще говоритъ: «Дѣла по мѣстничеству, производимыя въ одномъ мѣстѣ въ Москвѣ, были яснѣе, легче дѣлъ удѣльныхъ, разсѣянныхъ по всей Россіи.» Что дѣла по мѣстничеству менѣе дѣлъ удѣльныхъ, это безспорно; но что они производились въ одномъ мѣстѣ въ Москвѣ, на это нельзя согласиться; ибо есть свидѣтельство, по которому можно предполагать, что подобныя дѣла были и въ Твери. *Въ дѣлѣ Василья Зюзина съ Окольничимъ Ѳедоромъ Нагимъ, 1501 года*, Василій Зюзинъ говоритъ: «язъ выѣхалъ изъ Литвы, и того не вѣдаю, какъ что въ Московскихъ разрядѣхъ пишетъ, до тѣхъ мнѣ разрядовъ дѣла нѣтъ; язъ съ нимъ тѣми разряды не щитаюся, а считаюся тѣмъ, какъ родство наше съ его родствомъ вмѣстѣ въ Твери были.» Очевидно, что и въ Твери считались родствомъ, стало быть было и мѣстничество, хо-

чемъ я сказалъ еще и въ этой статьѣ, которую теперь разбираетъ Рецензентъ, «Что удѣльныя князья принесли свои взаимныя отношенія и свои понятія о старшинствѣ, *согласныя или одинакія, что касается до родства, съ понятіями знатнѣйшихъ родовъ какъ въ Москвѣ, такъ и во всей Россіи*, и проч. *М. П.*

Digitized by Google

тя не видать разрядовъ подобныхъ Московскимъ; но и въ Москвѣ они начались только съ Іоанна III-го, который, можетъ быть, этою мѣрою хотѣлъ сократить безпорядки мѣстниковъ и дать дѣламъ болѣе правильный ходъ.—2-я Статья о мѣстничествѣ того же автора находится въ 4-й книжкѣ. Въ ней изложены и объяснены правила мѣстничества, сколько ихъ можно узнать изъ оставшихся старинныхъ дѣлъ по сему предмету. Здѣсь авторъ, не увлекаясь ни какою теоріею, изложилъ свои мнѣнія съ такою отчетливостію, что на каждое слово представилъ десятки фактическихъ доказательствъ. Эта статья служитъ руководствомъ для всѣхъ будущихъ дѣлателей на этомъ трудномъ поприщѣ.

Послѣ статьи о мѣстничествѣ въ 3-й книжкѣ слѣдуютъ извѣстія: *О древнихъ вещахъ, найденныхъ въ 1838 году въ имѣніи Н. А. Толстаго, и о Новгородскомъ древнемъ Прологѣ.* Древнія вещи, найденныя въ имѣніи Толстаго въ Звенигородскомъ уѣздѣ въ 42 верстахъ, описаны кѣмъ-то съ отчетливостію знатока въ древностяхъ, и даже приложены рисунки. Жаль только, что авторъ ничего не сказалъ ни о ростѣ, ни о формахъ костей человѣческихъ, на которыхъ найдены описанныя имъ вещи; разныя поколѣнія рода человѣческаго имѣютъ много особенностей въ своихъ матеріальныхъ формахъ, и для историка черепъ и другія кости, уцѣлевшія отъ древности, почти не менѣе важны, какъ для краніолога и анатомиста. Конечно, наша историческая изслѣдовательность еще не дошла до этой степени, но надобно же когда нибудь начинать. Знаменитый Кювье читалъ же исторію міросданія по слоямъ земли, а черепы и кости разныхъ племенъ людскихъ, кажется, должны говорить яснѣе о человѣкѣ. Новый изслѣдователь Норманскаго міра Крузе положилъ уже начало этому дѣлу въ изданномъ имъ въ прошедшемъ году сочиненіи *Necrolionica.* Его начало вполнѣ заслуживаетъ подражаніе. Въ концѣ 3-й книжки помѣще-

Digitized by Google

на статья Сабинина о *бармахъ*. Авторъ здѣсь объяснилъ нѣсколько значеній этого слова, и указалъ много подобныхъ словъ не только въ другихъ Славянскихъ нарѣчіяхъ, но даже въ языкахъ Мезоготѳскомъ, Англо-саксонскомъ, Исландскомъ, Кимврскомъ и другихъ того же корня. Авторъ предполагаетъ, что бармы привезены въ Москву при Іоаннѣ III, въ то время, какъ пріѣхала изъ Италіи Софія Ѳоминишна; но это догадка, не больше: ей могутъ противорѣчить 1-е упоминаніе о бармахъ въ духовномъ завѣщаніи В. Кн. Іоанна Даниловича, и 2-е древнее царское мѣсто, хранящееся въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ; на этомъ мѣстѣ есть древнія надписи, въ которыхъ упоминается о бармахъ, присланныхъ изъ Греціи Владимиру Мономаху. Это царское мѣсто носитъ на себѣ слѣды древности отдаленнѣйшей, нежели время Іоанна III-го, и преданіе, что оно превезено изъ Владимира, кажется не недостовѣрно.

Въ 4-й книжкѣ помѣщено *Описаніе посольства, отправленнаго въ 1659 году отъ Царя Алексѣя Михайловича къ Фердинанду* IV-му, *Великому Герцогу Тосканскому*. Эта статья написана Вице-президентомъ Общества, Чертковымъ. Въ основаніе сего сочиненія положены статейные списки объ этомъ посольствѣ; но авторъ не удовлетворился однимъ простымъ изложеніемъ дѣла, такъ какъ оно есть въ статейныхъ спискахъ: онъ много присовокупилъ своихъ глубокихъ замѣчаній о томъ, какъ надобно смотрѣть на царствованіе Алексѣя Михайловича; здѣсь простой перечень происшествій, проникнутый сильною мыслію, кидаетъ яркій свѣтъ на духъ того времени и смертельно поражаетъ всѣхъ наглыхъ недоучекъ, которые говорятъ, что исторію Россіи должно начинать Царствованіемъ Петра Великаго.

Говоря вообще о достоинствѣ статейныхъ списковъ, авторъ приводитъ очень дѣльное замѣчаніе объ этомъ

Digitized by Google

предметъ, и мы невольно увлекаемся желаніемъ познакомить съ нимъ читателей Москвитянина. Вотъ оно: «Статейные списки кромѣ историческаго достоинства, имѣютъ еще другое, не менѣе заслуживающее вниманія. Они намъ показываютъ нравы описываемой эпохи, образъ воззрѣнія писателя ихъ на происшествія и предметы его окружающіе. Это наши историческіе мемуары, въ которыхъ дѣйствующія лица говорятъ языкомъ имъ свойственнымъ, и въ каждой ихъ строкѣ проявляются чувства и мнѣнія нашихъ предковъ. И можемъ ли мы имѣть историческій романъ, въ родѣ Валтерскоттовскаго, не издавъ предварительно тѣхъ рукописей, изъ которыхъ мы должны узнать обычаи и повѣрья той эпохи, которую хотимъ описать?» Замѣчаніе автора святая истина: не надобно пропускать ни одного остатка древности безъ глубокаго изученія и изслѣдованія; каждый литтераторъ, если хочетъ быть народнымъ, любимымъ публикою, долженъ поставить себѣ священною обязанностію изученіе старины. Это доказываютъ примѣры всѣхъ великихъ писателей древности и новѣйшаго времени. Ливій и Цицеронъ знали мельчайшія подробности древняго Римскаго быта, Дантъ превосходно зналъ Италію. Шекспиръ Англію, Валтеръ-Скоттъ Шотландію. Произнесемъ съ достодолжною благодарностію имя незабвеннаго Карамзина и Пушкина.

Въ 1-й книжкѣ IV-го тома Историческаго Сборника примѣчательныя статьи слѣдующія: 1-е. Извлеченіе изъ саги Олава сына Тригвіева, Короля Норвежскаго, переведенное съ Исландскаго Протоіереемъ Стефаномъ Сабининымъ, съ замѣчаніями переводчика. Переводъ въ Сборникъ напечатанъ вмѣстѣ съ Исландскимъ подлинникомъ texte en regard. О достоинствѣ извлеченія можно судить по его содержанію. Переводчикъ выбралъ изъ саги преимущественно тѣ мѣста, которыя ближе относятся къ Русской исторіи и именно о пребываніи Олава при дворѣ Владимира Великаго. Эти отрывки рѣзко обозначаютъ

Digitized by Google

всю важность и необходимость изученія сагъ для первоначальной исторіи Руси. Изъ нихъ видно, что сага объясняетъ Нестора, а Несторъ сагу, неопровержимѣйшее доказательство, что оба говорятъ правду; ни Несторъ отшельникъ Кіевопечерскій, ни Исландецъ сочинитель саги не могли списывать другъ у друга, а писали одно и тоже, и почти одинаково; очевидно, что оба описывали то, что было на самомъ дѣлѣ: двоимъ одинаково выдумать ложь, не сговорясь между собою, нельзя. Мѣста саги, сходныя нѣсколько съ извѣстіями Нестора, слѣдующія: У Нестора Святая Ольга, мать Святослава, вездѣ описывается мудрою, прозорливою и добродѣтельною; точно также говоритъ сага объ Адлогіи женѣ Валдомаровой: «она была умна и благотворительна, хотя тогда господствовала религія языческая. Вѣроятно Ольга и Адлогія одно и тоже лицо; что же касается до того, что у Нестора она приходится бабкою Владимира, а въ сагѣ женою Валдамара, то это причиною было то, что далекій и позднѣйшій Исландецъ писалъ по чужимъ разсказамъ, дошедшимъ къ нему можетъ быть въ десятыя руки и болѣе; Несторъ же могъ знать вѣрнѣе родословную своихъ князей, будучи современникомъ внуковъ и правнуковъ Владимира. Сага говоритъ: «Такъ было и у Конунга Вандамара, что супруга его имѣла не менѣе гридней, какъ и самъ Конунгъ, и они очень спорили между собою объ отличныхъ людяхъ, ибо тотъ и другой хотѣли имѣть ихъ въ своей службѣ? Такого извѣстія нѣтъ у Нестора; но изъ помѣщеннаго въ его лѣтописи договора Игоря съ Греками, можно предполагать, по крайней мѣрѣ объ Ольгѣ, что она еще при своемъ супругѣ Игорѣ имѣла своихъ особыхъ придворныхъ чиновниковъ, ибо въ договорѣ упоминается какой-то «Искусеви (*), посолъ Княгини Ольги.» У Нестора есть разсказъ о принесенной Греческимъ Философомъ Владиміру картинѣ, изображающей рай и адъ; такой же разсказъ есть и

(*) Объ этомъ словѣ есть остроумная догадка П. А. Муханова: искусеви не есть ли описка вмѣсто изъ Кіева? *Ред.*

Digitized by Google

въ сагѣ, только тамъ вмѣсто картины, принесенной Владимиру, говорится о сновидѣніи Олава. Несторъ говоритъ о совѣтѣ старцевъ, приглашенныхъ Владимиромъ для разсужденія о разныхъ вѣрахъ; точно также и въ сагѣ сказано, что для сего «Конунгъ приказалъ созвать народное собраніе.» Изъ представленныхъ здѣсь параллелей видно, что Исландецъ и Кіево-Печерской инокъ говорятъ объ однихъ и тѣхъ происшествіяхъ и лицахъ; вся же разница въ показаніяхъ состоитъ въ томъ, что послѣдній писалъ о своемъ отечествѣ, и о предметахъ подробнѣе и болѣе знакомыхъ, первый же разсказываетъ о чужой и дальней сторонѣ по старинамъ разсказамъ бывалыхъ людей, не имѣя возможности собрать болѣе отчетливыя извѣстія, да и не заботясь объ этомъ. Онъ даже ни слова не упоминаетъ объ Кіевѣ, (тогда какъ всѣ описываемыя имъ Русскія произшествія происходили по нашимъ лѣтописямъ въ этомъ городѣ); ему неизвѣстенъ этотъ отдаленный городъ, онъ вездѣ говоритъ только объ Гардирикіи, т. е. Новгородской сторонѣ; у него Валдамаръ вездѣ называется Конунгомъ Холмгардскимъ (Новгородскимъ). Сильный и богатый Новгородъ, сосѣдній къ Балтикѣ, загораживалъ отъ Исландцевъ и другихъ Скандинавовъ всю остальную Русь и Русскихъ; и по сему въ сагахъ вся наша сторона называлась просто Гардарикіею, — страною Новгородскою, а древнія Руссы Гардами — Новгородцами. Такъ въ настоящей сагѣ Олавъ, приставъ къ Виндландіи (Помераніи), называется *Оліемъ Гардскимъ*, и *выдаетъ себя за купца.* Это извѣстіе, кинутое невзначай, служитъ хорошимъ доказательствомъ ранней торговли Новгородцевъ по Балтійскому морю. Олавъ, не желая сказываться, переименовалъ себя въ Славянскаго Олія и назвался Гардскимъ (т. е. Новгородскимъ) купцомъ, очевидно потому, что въ Винландію часто ѣздили Новгородскіе торговцы, и стало быть не могли возбуждать въ жителяхъ ни опасенія, ни любопытства. Тоже Славянское имя Олія онъ принимаетъ на себя при встрѣчѣ съ Императоромъ Оттономъ, на берегахъ Да-

Digitized by Google

нiи (и опять съ тою же цѣлiю, чтобы скрыть настоящее свое званiе), и Императоръ, не входя въ дальнiе распросы, говоритъ ему: «Ты великъ ростомъ и обѣщаешь хорошiй успѣхъ, и всѣ твои воины представляются мнѣ отважными, и я охотно приму вашу помощь.» Слѣдовательно Новгородцы въ то время уже были извѣстны и въ Данiи и въ Германiи по своей торговлѣ, и по морскимъ грабежамъ; точто также какъ въ послѣдствiи они прославились грабежами по Волгѣ и Камѣ.

У насъ объ этомъ кажется еще никто не говорилъ, и на первый разъ безъ сомнѣнiя дико слышать о морскихъ походахъ Новгородцевъ къ южнымъ берегамъ Балтiйскаго моря, и конечно можетъ быть все это не больше какъ догадка; но Новгородская вольница въ своихъ ушкуяхъ грабила же по берегамъ Волги и Камы, и нападала на богатыхъ и сильныхъ Болгаръ, а Кама отъ Новгорода дальше нежели Балтiйское море. Новгородцы очень рано покорили почти всю страну, лежащую по берегамъ Бѣлаго моря и Сѣвернаго Океана, и на Востокъ до горъ Лукоморья; мудрено, чтобы такой воинственный и вольный народъ отказался отъ прибыльныхъ грабежей по берегамъ Балтики. Несторъ не говоритъ объ этомъ, но Новгородъ былъ далекъ отъ Кiева, и составлялъ что-то почти отдѣльное, почему очень естественно, что Кiево-печерскiй инокъ могъ не знать многихъ подробностей Новгородской исторiи, особенно въ тѣхъ дѣлахъ, которыя не относились къ Кiеву. Позднѣйшiе Новгородскiе лѣтописцы не говорятъ также о грабежахъ Новгородцевъ по берегамъ Балтики, но сiи лѣтописцы сначала почти цѣликомъ переписываютъ Нестора, а въ послѣдствiи времени Новгородъ вступилъ въ Ганзейскiй союзъ, слѣдовательно и грабежи прекратились сами собою. Первоначальную исторiю Новгорода, въ отношенiи къ берегамъ Балтiйскаго моря, должно искать въ Скандинавскихъ сагахъ, и почтенный переводчикъ саги Олава окажетъ великую за-

Digitized by Google

слугу, короче познакомивъ Русскихъ съ сими древними памятниками Скандинавской литтературы. Саги вѣроятно прольютъ совершенно новый свѣтъ на первоначальную исторію Сѣверо-западной, а можетъ быть и Сѣверо-восточной Россіи; относительно Кіева, Чернигова, Галича и Переславля конечно мудрено отыскать въ нихъ какихъ либо новыхъ и достовѣрныхъ подробностей, ибо тамошняя сторона слишкомъ далека отъ Скандинавіи, и слѣдовательно разсказы объ ней будутъ болѣе темны и неудовлетворительны; это доказываетъ уже и настоящее извлеченіе изъ саги Олава, гдѣ извѣстія о семействѣ Владимира темны и не согласны съ подробными показаніями Нестора. Переводчикъ кажется напрасно думаетъ здѣсь поправлять Нестора. Вотъ его мнѣнія, написанныя въ замѣчаніяхъ къ сагѣ: «Сага Олава Тригвіева сына, приписываетъ Владимиру Великому только одну жену, тогда какъ Несторъ насчитываетъ у него множество женъ, а еще болѣе того наложницъ, — короче, равняетъ его въ женолюбіи съ Соломономъ. Не съ тою ли цѣлію дѣлаетъ онъ это, чтобы показать, что Христіанская религія была сильна подавить страсти самыхъ развращеннѣйшихъ людей въ свѣтѣ? Возможно ли было для В. К. Владимира имѣть такое множество наложницъ во время, когда права Князей были такъ шатки и неопредѣленны? Когда разрушеніе супружескаго союза, или обезчещеніе дѣвицы считалось наивеличайшимъ преступленіемъ? Когда въ Новгородѣ не позволялъ ему такого накопленія наложницъ народный характеръ, а въ Кіевѣ недолговременное правленіе его отъ вступленія на престолъ до обращенія въ Христіанство?» Здѣсь относительно семейной жизни Владимира сагу Олава нельзя ставить доказательствомъ въ опроверженіе показаній Нестора; писатель ее очевидно имѣлъ самыя темныя свѣденія объ этомъ чуждомъ для него предметѣ, ибо онъ и самаго Владимира знаетъ только какъ Конунга Хольмогардскаго, т. е. Новгородскаго, а жену, какъ мы уже видѣли, смѣшиваетъ съ его бабкою Ольгою, объ которой одной,

Digitized by Google

какъ самой знаменитой и славной женщинѣ того времени, дошли темныя вѣсти до Исландіи. Должно еще замѣтить, что Владиміръ, будучи Новгородскимъ Княземъ, едва ли былъ женатъ, ибо Несторъ первою женою его называетъ Рогнеду, взятую имъ въ Полоцкѣ во время похода подъ Кіевъ. Такъ же нѣтъ ни какой нужды предполагать, что Несторъ уподобляетъ Владимира Соломону въ отношеніи къ женолюбію, только для того, чтобы показать, какъ сильна Христіанская религія подавить страсти самыхъ развращеннѣйшихъ людей въ свѣтѣ: ибо Несторъ ясно говоритъ, которые сыновья Владимира родились отъ которой жены. Вотъ слова самаго Нестора: «Отъ Рогнеды *роди четыре сына:* Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двѣ дщери; отъ Грекини Святополка; отъ Чехини Вышеслава; отъ другія Святослава и Мстислава; а отъ Болгарыни Бориса и Глѣба.» Несторъ, современникъ внуковъ и правнуковъ Владимира, не могъ говорить объ этомъ несправедливо. Неопредѣленность и шаткость княжескихъ правъ, недолговременность правленія въ Кіевѣ до принятія Христіанства, народный характеръ Новгорода, и то, что разрушеніе супружескаго союза или обезчещеніе дѣвицы тогда считалось наивеличайшимъ преступленіемъ, для сильнаго и воинственнаго Владимира не могли быть препятствіемъ; онъ могъ скупать себѣ наложницъ на любомъ невольничьемъ рынкѣ; тогдашніе жиды-спекулянты, зная его богатства и страсть къ женщинамъ, могли сами привозить ихъ десятками и болѣе, (а мы знаемъ, что жиды бывали въ Кіевѣ при Владимирѣ, и даже думали его обратить въ свою вѣру, а торговля людьми тогда была, можно сказать, въ самомъ разгарѣ; для удостовѣренія стоитъ только припомнить разговоръ Святослава объ удобствахъ Переславца Болгарскаго: «*изъ Руси же медъ, воскъ и челядь,*» или прочесть объ этомъ предметѣ нѣсколько папскихъ буллъ того времени). Слѣдовательно безъ всякаго оскорбленія семействъ Кіевскихъ, безъ всякаго насилія, Владиміровы гаремы могли наполниться самыми красивыми невольницами, а

Digitized by Google

притомъ что препятствовало Владиміру собирать ихъ во время военныхъ походовъ на разныя племена, и самъ Несторъ даже въ счетѣ женъ Владимировыхъ не упоминаетъ ни объ одной Кіевлянкѣ. Очевидно, что семейственное спокойствіе Кіевлянъ могло быть не нарушено. Что же касается до народнаго характера Новгородцевъ, не дозволявшаго накоплять наложницъ; то, по сказаніямъ Нестора, Владиміръ ихъ и не имѣлъ въ Новгородѣ: его гаремы были въ Вышгородѣ, Бѣлгородѣ и Берестовѣ. А когда все это могло быть такъ, то уже само собою опровергается слѣдующее заключеніе переводчика саги: «Ежели Владиміръ въ самомъ дѣлѣ такой сластолюбецъ, какимъ описываетъ его Несторъ: то Кіевскіе Славяне въ его время были, безъ сомнѣнія, *рабы* его—*Slaven*, множ. число *Slaverne*, *Slavene*; иначе какъ бы они унизились до такой степени, чтобъ позволили своему Князю отнимать у нихъ женъ и дочерей.» Несторъ прямо говоритъ: «Бѣже Володимеръ *побѣжденъ похотью женскою, и быша водимыя ему.*» Стало быть ему приводили съ невольничьихъ рынковъ, или какъ добычу при возвращеніи изъ военныхъ походовъ, какъ это доказываютъ слѣдующія тутъ же слова Нестора: «*Рогнеда юже посади на Лыбеди,*» т. е. Рогнеда была приведена послѣ Полоцкаго похода.

Переводчикъ еще полагаетъ, что Новгородскіе Славяне были или Венеды или Болгары, но отнюдь не южные Славяне. Вотъ его слова: «Новгородскіе Славяне должны быть или Венеды, зашедшіе туда чрезъ Балтійское море, или Болгары, иначе Вологи или Волохи, съ рѣки Волги, а не Славяне пришедшіе съ рѣки Дуная, какъ полагаетъ Несторъ, потому что они были отдѣлены отъ Холмгарда цѣпью Финскихъ народовъ и весьма затруднительными переходами. Самый характеръ Сѣверныхъ Славянъ былъ совершенно другой, нежели характеръ Славенъ Южныхъ.» Это замѣчательное мнѣніе требуетъ еще сильныхъ доказательствъ; въ томъ же видѣ, какъ оно есть теперь, еще

Digitized by Google

очень слабо противъ показаній сильнаго Нестора, и скорѣе приводитъ къ заключеніямъ *contra*, нежели *pro*.

Въ IV-й же книжкѣ замѣчательно извѣстіе о сношеніяхъ Датскаго Короля Христіана III съ Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, касательно заведенія Типографіи въ Москвѣ. Это извѣстіе, объясненное нашимъ Археологомъ И. М. Снегиревымъ, много объясняетъ первоначальную исторію книгопечатанія въ Москвѣ. И наконецъ извѣстіе Редактора Сборника о Болонскихъ святцахъ, съ приложеніемъ рисунковъ. Г. Погодинъ увидѣлъ мимоѣздомъ эти святцы въ Болоніи, и обратилъ на нихъ вниманіе Болонскихъ археологовъ, прося изъ Рима копіи. Итальянскій ученый Луиджи Фрати въ своемъ Diun Calendario Runico della Pontificia Università di Bologna, 1841, объяснилъ рисунки съ глубокою ученостію. Примѣчательно, что нѣкоторыя замѣчанія объ этомъ предметѣ одного Русскаго ученаго, въ отвѣтъ на письмо г. Погодина, приложенныя въ Сборникѣ, во многомъ сходны съ объясненіями Луиджи Фрати. Что же касается до рисунковъ, приложенныхъ къ Сборнику, то они не сходны съ Итальянскими, такъ что въ надписяхъ, изданныхъ въ Италіи, видимъ что-то болѣе сходное съ Латинскимъ алфавитомъ, въ изданныхъ же въ Москвѣ встрѣчаемъ большее сходство съ Кириловскою азбукою.

Во 2-й и 3-й книжкѣ помѣщены: 1-е, *Историческій взглядъ на древнее образованіе Славянскихъ и преимущественно Польскихъ городовъ до XIII столѣтія*. Сочиненіе Профессора Даниловича. Эта статья обличаетъ въ авторѣ глубокое изученіе своего предмета; она объемлетъ пространство времени съ 860 по 1200 годъ; въ ней содержится много любопытнѣйшихъ и ученыхъ изслѣдованій объ устройствѣ не только Польскихъ, но южно-западныхъ Русскихъ городовъ. Этотъ превосходный и, можно сказать, почти единственный опытъ въ нашей исторической литературѣ, несомнѣнно будетъ служить лучшимъ

Digitized by Google

образцомъ и руководствомъ для всѣхъ послѣдующихъ ученыхъ, которые будутъ заниматься подобнымъ дѣломъ; онъ всегда останется превосходнѣйшею страницею въ исторіи внутренней жизни Славянъ. Впрочемъ, при всемъ уваженіи къ автору, нельзя не замѣтить, что бытъ Русскихъ городовъ ему менѣе извѣстенъ. Такъ на стр. 189 авторъ говоритъ: «Но вотъ вамъ диковинка (въ замкѣ, т. е. по Русски въ самомъ городѣ дѣтинца, гдѣ княжескій дворецъ) какой вы не видывали въ Россіи: это гражданская башня. Она существуетъ въ Польшѣ съ XI столѣтія. Въ ямѣ, опускающейся на 12 локтей въ землю, безъ этажей, оконъ, печекъ и каминовъ, съ однимъ верхнимъ отверстіемъ, содержались приговоренные къ смерти преступники.» Въ настоящее время, какъ замѣчаетъ Редакторъ Сборника, мы видимъ нѣчто подобное «*въ Московской такъ называемой ямѣ*»; а я съ своей стороны замѣчу, что и въ XI столѣтіи въ нашихъ городахъ были подобныя заведенія. Напр. Несторъ подъ 1067 говоритъ: «Людіе сташа у двора Брячиславля и рѣша: «пойдемъ высадимъ «дружину изъ погреба,» и раздѣлишась на двое, половина ихъ иде къ погребу»; или далѣе: «и се ему глаголющу; другая половина людей пріиде отъ погреба, и отворивше погребъ»; или еще: «Людіе же кликнуша и идоша къ порубу Всеслава.... высѣкоша Всеслава изъ поруба.» Здѣсь погребъ и порубъ не означаютъ ли двухъ этажей ямы? изъ коихъ въ верхнемъ, т. е. погребѣ, содержались узники не столь опасные: тотъ этажъ имѣлъ двери;—«отворивше погребъ», говоритъ Несторъ; а нижній этажъ — *порубъ*, для узниковъ болѣе важныхъ, закладывался наглотно, и имѣлъ только одно отверстіе, (вѣроятно для спуска пищи): *оконце* («посли ко Всеславу, и призови лестію ко оконцу, да пронзутъ и мечемъ»); ибо Несторъ не сказалъ отворища порубъ; но «высѣкоша Всеслава изъ поруба», стало быть порубъ, нижнюю часть ямы, нужно было разламывать, т. е. она не имѣла дверей. Авторъ на стр. 269 говоритъ, что Польскій Костелянъ и Русскій Окольничій

Digitized by Google

одно и тоже; тогда какъ самъ же опредѣляетъ, что *Костелянъ* есть *земскій дворянскій* національный чиновникъ, начальникъ укрѣпленнаго костелла и народнаго ополченія, долженствующаго защищать костелъ. По Русскимъ памятникамъ во всѣхъ Русскихъ княжествахъ Окольничій означаетъ важнаго придворнаго сановника, находящагося при особѣ Государя, и только временно посылаемаго начальникомъ надъ войскомъ, или намѣстникомъ въ какой-либо городъ; даже въ лѣтописяхъ нѣтъ намека, чтобы имя окольничій означало чиновника, подобнаго Польскому Костелляну. Тутъ же рядомъ авторъ, опровергая Мацѣевскаго, называетъ Русскаго посадника городскимъ чиновникомъ, начальникомъ мѣщанъ, основателемъ города, совершенно похожимъ на Тевтоническаго войта позднѣйшихъ временъ. Не знаемъ, откуда онъ взялъ такое опредѣленіе Русскаго посадника, а въ нашихъ отечественныхъ лѣтописяхъ и грамотахъ нѣтъ ничего подобнаго; у насъ извѣстны два рода посадниковъ: 1-е *Великокняжескіе*, тоже что намѣстники. «*И Ярополкъ посади свои посадники въ Новѣгородѣ*». Они встрѣчаются только въ древнія времена; въ послѣдствіи ихъ замѣнили воеводы и намѣстники; и 2-е *Посадники Новгородскіе*, избираемые народомъ; они отнюдь не были только городскими чиновниками, напротивъ того предводительствовали войсками, вмѣстѣ съ Архіепископомъ, Тысячскимъ и боярами сносились грамотами съ сосѣдними Князьями. На стр. 277 по словамъ автора «Польскій *Capitaneus*, т. е. староста, приговаривающій собственно только къ смертной казни, соотвѣтствуетъ точь въ точь Россійскому *Губному* Старостѣ.» Но наши Губные Старосты были вообще судьями въ уголовныхъ дѣлахъ, а не только въ назначеніи одной смертной казни, и не всегда получали право казнить смертію: это большею частію зависило отъ воеводы или намѣстника области; въ нашихъ актахъ извѣстно выраженіе, *въ душегубствѣ, разбои* и пр. *безъ суда намѣстника не судити.*» На стр. 296 авторъ говоритъ: «Вѣроятно не ранѣе

Digitized by Google

XIII вѣка, съ Тевтоническими законами, явился въ Польшѣ новый родъ земледѣльцевъ, называемыхъ Кметами. Нѣтъ спору, что въ Польшѣ Кметы явились можетъ быть не раньше XIII столѣтія; но на Руси они были извѣстны еще въ XII столѣтіи; въ Словѣ и полку Игоревѣ встрѣчается выраженіе: «*а мои ти Куряни свѣдоми къмети!*»

Превосходныя изслѣдованія устройства древнихъ Польскихъ городовъ во многихъ мѣстахъ напоминаютъ намъ объ устройствѣ городовъ Русскихъ, особенно Московскихъ. Польскіе города по показанію нашего автора состояли изъ четырехъ частей: *Верхняго замка* (zamek górny); *нижняго замка* (zamek dolny), или *стараго города* (stare miasto); *мѣста* или собственно города (Locus) и наконецъ *предмѣстьевъ* (suburbia). Такое же устройство находимъ въ Москвѣ: *Кремль* (zamek gorny); *Китай городъ* (zamek dolny, stare miasto); *Царевъ городъ*, *посадъ* (Locus); *Земляной городъ*, *слободы* (supburbia). Тоже было въ Суздалѣ. Вотъ свидѣтельство 1643 года: «Подлѣ города острожной большой высокой крѣпкой валъ сошелся вмѣстѣ съ городовымъ валомъ, пришелъ онъ къ городу, гдѣ нынѣ устроенъ острогъ, концами съ двусторонъ, длина по тому валу 641 зажень, да острожнаго же мѣста самородныя высокія горы отъ того валу, по рѣкѣ Каменкѣ, къ городу 170 саженъ. Строеніе тотъ валъ изстари Суздальскихъ Вел. Князей, въ старину де по немъ былъ другой городъ, а обошелъ тотъ валъ около жилаго мѣста. Божія милосердіе приходныхъ въ немъ церквей 18 престоловъ, да торгъ, ряды, лавокъ и анбаровъ близко четырехъ сотъ, и гостинъ дворъ, таможня, кабакъ, губная и земская избы, и богадѣльни, и посадскихъ всякихъ людей дворы.» (*) Точь въ точь одинакаго устройства съ Московскимъ Китай-городомъ, тѣже строенья и общественныя заведенія; и очень схоже съ Нижнимъ замкомъ въ Польшѣ, гдѣ, по словамъ

(*) Акты Историческія, Т. III, N 234.

Digitized by Google

автора, находились: «Королевскій дворецъ, каѳедральный храмъ, домы: епископа (у насъ этого нѣтъ), церковныхъ прислужниковъ, царедворцевъ (когда Суздаль былъ княжескимъ городамъ, вѣроятно были), присутственныя мѣста (Sady, Grod.) и лавки знаменитѣйшихъ купцовъ (Kramy).» Потомъ далѣе изъ того же свидѣтельства: «и въ то время уѣздные люди сидѣли въ томъ земляномъ валу, а иные жили для утѣсненія на посадѣ, и по слободамъ.» Здѣсь посадъ равняется Польскому *мѣсту* (locus), которое означаетъ городъ; а слободы тоже, что Польскія *предмѣстія* (suburbia). Устройство ихъ нѣсколько разнится, напр. въ Польскомъ *мѣстѣ* были корчмы, а у насъ кабакъ, какъ уже видѣли, былъ во второмъ городѣ, а не на посадѣ; Польскія предмѣстія назначались для позднѣйшихъ городскихъ поселенцевъ; наши же слободы были заняты разными служебными и ремесленными людьми, которые не были причислены къ посадчанамъ. Слѣды подобнаго устройства можно видѣть въ Дмитровѣ, Переславлѣ и другихъ городахъ Сѣверо-восточной Руси.

Авторъ говоритъ: «Слишкомъ всѣмъ извѣстно, сколькими украшеніями, зданіями, дворцами, церквями и капеллами, монастырями, госпиталями, училищами, и прочая, одолжены щедротамъ Епископовъ города Польши. Это приводитъ на память заслуги нашего духовенства въ этомъ отношеніи. Наши Епископы не украшали городовъ дворцами, но за то много построено церквей, монастырей и богадѣленъ, а нѣкоторые строили на свой счетъ городскія стѣны и мосты; преимущественно же наше духовенство, особенно монастыри, старались о разчисткѣ лѣсовъ и заселеніи пустынь: этому служитъ свидѣтельствомъ множество уцѣлевшихъ до сего времени актовъ. Замѣчательна рѣзкая противоположность характера древнихъ Руссовъ и Поляковъ. Въ Польшѣ, по свидѣтельству автора, первоначально корчмы были мѣстами народныхъ собраній, судилищъ и благочинія. Тамъ въ торговые дни народъ совершалъ и запивалъ всѣ договоры и сдѣлки о куплѣ, продажѣ и мѣнѣ привози-

Digitized by Google

маго товара. Тамъ приставы громогласно извѣщали народу постановленія правительства; здѣсь судились возникшія между пріѣзжими и гражданами споры, и проч.» У насъ напротивъ постановленія правительства изкони объявлялись въ церквахъ, въ съѣзжихъ и земскимъ избахъ, на рынкахъ и перекресткахъ; а судъ и расправу обыкновенно чинили въ земскихъ или съѣзжихъ избахъ; кабаки же и корчмы никогда не были мѣстомъ народныхъ собраній и судилищь.

Авторъ говоритъ, что въ Польшѣ торговыя пошлины можно было платить извѣстнымъ количествомъ перца, деньгами и привозимымъ товаромъ. И въ Московскихъ нѣкоторыхъ городахъ перецъ принимался вмѣсто денегъ при платежѣ торговыхъ пошлинъ.

При чтеніи превосходной статьи о Польскихъ городахъ до XIII столѣтія встрѣчается и еще множество поучительныхъ параллелей и противоположностей устройства Польскихъ и Русскихъ городовъ; но пока довольно.

За статьею Пр. Даниловича слѣдуютъ извлеченія изъ извѣстнаго Шегренова изслѣдованія *О Финскихъ жителяхъ Санктпетербургской губерніи*, переведенныя извѣстнымъ ученымъ Д. Языковымъ. Г. Шегренъ открылъ въ С. Петербургской губерніи четыре племени Финновъ: 1) Савакеты, 2) Еюремейзеты, 3) Ватьялайзеты и 4) Ингрикоты, коихъ Русскіе называютъ Ижерами и Ижерцами. Глубокія изслѣдованія Шегрена имѣютъ историческую важность, и могутъ служить богатымъ источникомъ для историка древнихъ владѣній Новгорода. Въ слѣдъ за этою статьею Языковъ помѣстилъ Персидскую Географію XIV вѣка, которую написалъ Абу-Сулейманъ Даудъ Бенахетскій въ своемъ сочиненіи: *Садъ ученыхъ, объ исторіи и родословіяхъ*. Эта статья переведена съ Доссонова Французскаго перевода; въ ней находится много любопытныхъ извѣстій о тогдашней Европѣ. Къ извлеченію нашъ ученый переводчикъ присоединилъ отрывокъ изъ главнаго Восточнаго историка, ѳеолога и юриста Массудія, пи-

Digitized by Google

сателя X столѣтія. Этотъ отрывокъ, переведенный также съ Доссонова перевода, содержитъ въ себѣ очень любопытныя извѣстія о Славянахъ. Какъ жаль, что наши оріенталисты не познакомятъ насъ съ историческими и географическими произведеніями Арабовъ и Персовъ; а сколько бы новыхъ данныхъ получила изъ нихъ Славянская Исторія! Вотъ на выдержку извѣстіе Абу Обалу-ал-Бекрія: «Саклабы (Славяне) составляютъ столь сильный и страшный народъ, что если бы они не были раздѣлены на многія вѣтви и племена, то не было бы народа въ свѣтѣ, который могъ бы противустать имъ; тѣ изъ нихъ, кои живутъ въ Константинополѣ, не страдаютъ отъ холода, а мрутъ въ большіе жары.» Г. Языковъ помѣщеніемъ своихъ переводовъ въ Сборникѣ заслуживаетъ полную благодарность занимающихся исторіею. Сіи переводы можетъ быть возбудятъ ревность нашихъ ученыхъ оріенталистовъ, а пора бы. Въ знакомствѣ съ историческою литературою востока теперь настоитъ большая надобность. Восточныя извѣстія должны объяснить запутанную исторію Среднихъ вѣковъ Европы. Востокъ, начиная съ преемниковъ Магомета, въ продолженіи всей средней исторіи игралъ весьма важную роль, и былъ въ частыхъ и близкихъ сношеніяхъ съ Европою; а по сему тамошніе историки и географы непремѣнно должны были оставить множество любопытнѣйшихъ извѣстій, которыя возполняютъ недостатокъ Европейскихъ историческихъ памятниковъ, и своимъ особымъ, отличнымъ отъ Европейскаго, взглядомъ прольютъ новый свѣтъ на исторію, и откроютъ неизвѣстные до селѣ причины многихъ важныхъ происшествій. Однимъ словомъ, глубокое изученіе восточныхъ историковъ и географовъ дастъ совершенно другой видъ средней исторіи Европы. Это можно уже видѣть нѣсколько и изъ того, съ чѣмъ мы успѣли познакомиться въ восточной исторической литературѣ.

Президентъ Общества Графъ С. Г. Строгановъ помѣ-

Digitized by Google

стилъ въ 4-мъ томѣ Сборника любопытное извѣстіе о серебряныхъ вещахъ, найденныхъ во Владимирѣ и въ Ярославской губерніи въ 1836 и 1837 годахъ. Серебряныя вещи, описанныя въ извѣстіи Гр. Строганова, стоютъ изученія; ибо могутъ вести ко многимъ историческимъ заключеніямъ: со временемъ должно будетъ сравнить вмѣстѣ всѣ подобныя находки Сѣверо-восточнаго края Россіи, раздѣля ихъ по классамъ мѣсто-нахожденія и первоначальнаго происхожденія вещей (т. е. откуда онѣ шли). Такъ въ настоящее время въ предлагаемыхъ рисункахъ мы видимъ однѣ вещи, шедшія изъ Христіанскихъ рукъ, а другія изъ Магометанскихъ; но мы еще не можемъ заключить, какому именно народу принадлежали сіи вещи; сравнивъ же всѣ находки того края, мы можетъ быть найдемъ ясныя указанія, которыя съ пользою приложатся къ исторіи.

О послѣдней книжкѣ 4-го Тома Русскаго Историческаго Сборника, заключающей въ себѣ изслѣдованія о Несторѣ, первомъ писателѣ Россійской исторіи церковной и гражданской, сочиненія дѣйствительнаго члена Общества Ал. Кубарева, предоставляемъ сказать самому Редактору Москвитянина. * *И. Бѣляевъ.*

* Надѣюсь вскорѣ поговорить подробнѣе объ этомъ сочиненіи, равно какъ и объ Оборонѣ Русской лѣтописи Г. Буткова,—двухъ сочиненіяхъ, дѣлающихъ честь новѣйшей нашей исторической литературѣ. Для любителей Русской Исторіи кстати сообщу здѣсь свѣденіе, что Сборника, издаваемаго отъ Общества, печатаются еще четыре тома. Въ 6, уже готовомъ, помѣщены изслѣдованія Г. Черткова, сдѣланныя по поводу Манассіиной лѣтописи о войнѣ Святослава въ Болгаріи. Въ 7 печатается исторія Галлиціи, Г. Зубрицкаго, подъ надзоромъ г. Бодянскаго. Въ 8 таже печатается полный, вновь найденный отчетъ Ходаковскаго объ его путешествіи. Въ 9 помѣстится нѣсколько статей Г. Сабинина, и большая статья о древнемъ Русскомъ войскѣ Г. Бѣляева. *М. П.*

Digitized by Google

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ

ШВЕЙЦАРІЯ.

(Изъ Путевыхъ записокъ).

...Въ 4 часа поутру, 15 Августа, пароходъ отправился изъ Линдау. Зеленые берега Констанцскаго озера прелестны! Солнце восходило прекрасно, но прежде нежели поднялось, собралась туча, и мы доѣхали до Рорчаха, чрезъ $1\frac{1}{2}$ часа, уже въ сырой погодѣ. Любезный Бременскій докторъ продолжалъ мнѣ свои наставленія о путешествіи.

Въ Рорчахъ стоятъ уже готовые дилижансы до Цюриха. Отъѣздъ въ 8 часу. За завтракомъ нашелся намъ попутчикъ для путешествія по Швейцаріи, Виртембергскій чиновникъ, у котораго столько же времени, какъ и у насъ, и кажется не болѣе денегъ и прихотей. Наполнились два огромные дилижанса! Намъ вдвоемъ достался Beywagen, и мы ѣхали преспокойно какъ въ своемъ экипажѣ. Что за прекрасная природа. Дорога нечувствительно поднимается къ верху; позади сквозь деревья все еще мелькаетъ озеро: съ иной высоты открывается вдругъ вся безконечная, блестящая его равнина, соединяющаяся съ горизонтомъ, озаренная солнцемъ. Что за долины по сторонамъ, что за пригорки, рощи! Какое разнообразіе! Земля какъ будто пытается только подниматься, но безпрестанно, еще слабая, опадаетъ;— но вонъ вдали видны уже ея усилія, увѣнчанныя успѣхомъ, или лучше снѣгомъ. Какіе прелестные домики разсыпаны повсюду! Кое-гдѣ бѣгутъ ручьи; зелень прелестная; удивительное освѣщаніе солнца: здѣсь озаренъ весь лугъ, тамъ перебѣгаютъ легкія тѣни, тамъ лучи

Digitized by Google

сквозятъ чрезъ деревья, какъ въ Рюисдалевомъ ландшафтѣ. Какъ легко зрѣніе: оно прогуливается безъ препятствія, безъ усилія, отъ одного предмета къ другому; горизонтъ еще обширный. Что за игривость въ природѣ! Привѣтливо встрѣчастъ насъ Швейцарія. Окрестности Сент-Галлена очаровательны. Надо бы побывать въ здѣшнихъ монастыряхъ, гдѣ есть много древнихъ рукописей! Но дилижансъ спѣшитъ: мы не успѣли почти пообѣдать за общимъ столомъ у гостепріимнаго, хлѣбосольнаго Швейцара. Вотъ что называется перехватить на бѣгу! Подалъ голосъ кондукторъ, и всѣ повыскакали изъ-за стола, хватая съ собою что взять можно сухаго. Только что могли расплатиться.

Виртембергецъ показалъ себя за столомъ. Это нашъ N.—Такъ ясно и толковито онъ разсуждаетъ о томъ, что понятно и безъ толкованія! Но слушая его, не станешь умнѣе, и не узнаешь ничего новаго. Открывается новой попутчикъ, Баварецъ съ сыномъ, съ Тирольской стороны.

Нашъ бейвагенъ получалъ безпрестанно новыхъ обитателей, кои перемѣнялись на всякой почти станціи. Окрестные поселяне путешествовали отъ мѣста до мѣста, и смѣшили своими вопросами и замѣчаніями: одни спрашивали насъ, сколько часовъ ѣзды до Россіи; другой, говоря самымъ грубымъ и дикимъ Нѣмецкимъ нарѣчіемъ, котораго понимать было трудно, замѣтилъ намъ, что мы говоримъ plattdeutsch; третья съ ученымъ видомъ объявила, что она знаетъ, какъ у насъ говорятъ—по Татарски!

Погода послѣ обѣда начала измѣнять: перепадалъ дождь. На послѣдней станціи попался извощикъ неудалой, и лошади плохія. А можетъ быть лошади плохи отъ того, что извощикъ неудалъ. Мы отстали. Это было очень досадно. Хорошо еще, что мы уговорились съ товарищами въ какомъ трактирѣ остановиться.

Въѣздъ въ Цирихъ долженъ быть прелестный, но дождь полилъ какъ изъ ведра, и мы не могли насладиться картиною.

Digitized by Google

Насилу дотащились.

Почта—прекрасное зданіе, дворъ просторной. Гдѣ hotel Baur? Напротивъ. Превеликолѣпная; настоящій дворецъ! Поплатиться видно намъ здѣсь, но искать другой квартиры, подъ дождемъ, неудобно. Прекрасные нумера! Наняли комнату франка за 4 въ сутки. Что за столовая! Порядокъ! Дорого да мило, скажетъ иной, а я скажу: очень мило, да вѣрно дорого! Дали намъ прекрасной рыбы и бифстексу. Услуга однакожъ, какъ въ знатномъ домѣ, менѣе учтива и предупредительна, чѣмъ въ гостинницахъ побѣднѣе.

Всѣ коридоры улѣплены картами, видами и объявленіями. Отличная, общая карта Швейцаріи, Цирихскаго кантона, однѣхъ окрестностей, входъ на Риги и тому под. Объявленія, когда и гдѣ отъѣзжаютъ пароходы по озерамъ Четырехъ кантоновъ Тунскому, Цирихскому. На крышѣ прекрасная галлерея, съ которой видно все озеро, берега, городъ, горы.

Отыскалъ Виртембергца. Совѣтъ о путешествіи. Если продолжится такая погода, нельзя подниматься завтра на Риги.

Легли спать со страхомъ и надеждою. Хорошая погода въ Швейцаріи — все для путешественника; безъ хорошей погоды нѣчего и смотрѣть, не стоитъ труда.

16. Бѣда — дождь ливмя льетъ. Ночью была даже страшная гроза. Барометръ, самый нужной прислужникъ въ Швейцаріи, не предвѣщаетъ ничего утѣшительнаго. Путешествовали по картѣ, и записали что нужно.

Завтракъ богатой, чай, кофе, масло, булки, прекрасный душистый медъ, въ особой залѣ; но по $1\frac{1}{2}$ фр. съ человѣка.

Въ 9 часовъ засѣданіе Сейма. Швейцары встаютъ видно раньше Французовъ, а Англичане по умнѣе: они приходятъ на совѣтъ пообѣдавши плотно, и съ пола-горя разглагольствуютъ за полночь.

Digitized by Google

Зала не слишкомъ велика. Депутаты, въ два ряда, сидятъ на стульяхъ за столиками, говорятъ не слишкомъ заносяся, справляются съ своими тетрадками, и разгорячаются въ отмѣченныхъ мѣстахъ; одни говорятъ по Нѣмецки, другіе по Французски. Предсѣдателемъ нынѣ Гессъ. Не тотъ ли, что переводилъ Миллерову Исторію? Входъ на хоры открытъ для публики. Виртембергецъ, котораго для удобности я буду называть Швабомъ, съ нетерпѣніемъ ожидалъ, чтобы Депутаты Тессинскаго кантона заговорили по Италіански: для него это было самымъ примѣчательнымъ явленіемъ. Es ist merkwürdig, твердилъ онъ безпрестанно, какъ они понимаютъ другъ друга! Въ самомъ дѣлѣ, есть многіе Нѣмецкіе Швейцары, которые не знаютъ по Французски, и наоборотъ Французскіе, которые не знаютъ по Нѣмецки, а Италіанскіе ни такъ, ни сякъ. Какой-то членъ разгорячился не нашутку—я не могъ разобрать за что — рѣчь шла о дѣлахъ кантона Валлиса. — Чего же вы хотите? спросилъ Президентъ. — Я думалъ, судя по его восклицаніямъ, гнѣву и рѣшительности, что онъ, непремѣнно потребуетъ какого нибудь грознаго вооруженія, или торжественнаго суда, — нѣтъ, мой Аяксъ, откашлясь, пожелалъ только, чтобъ его мнѣніе было записано въ протоколъ. Пусть разсудитъ насъ потомство! заключилъ онъ торжественно.

Стало скучно, и мы пошли бродить по городу. На рынкѣ вездѣ по лоткамъ навалено множество всякаго сыра, и все Швейцарскаго!

Заглянулъ въ одно Lesegesellschaft. Порядочныя комнаты, гдѣ по столамъ разсыпано было разныхъ изданій до ста. Сколько охотниковъ для такого маленькаго города! И такое общество здѣсь не одно!

Къ 12 часамъ погода разгулялась, что считается хорошимъ знакомъ. Дождь пересталъ, и мы сходили съ женою въ ботаническій садъ, которой теперь только что устроивается, но видно въ рукахъ у знатока. Съ высокой террасы прекрасный видъ на городъ. Побродили по ули-

Digitized by Google

цамъ. Здѣсь на всѣхъ почти домахъ громовые отводы. Отправили всѣ свои вещи, кои впрочемъ помѣщаются въ одномъ небольшомъ чемоданѣ, въ Женеву, а сами остались при двухъ мѣшкахъ. Зашли пообѣдать въ рестораціо, заплатили $2\frac{1}{2}$ Ф. за дурное кушанье, и не увидали ничего новаго для наблюденій. Лучше бы попировать у Баура. Вечеръ въ своей гостинницѣ. Предметъ всѣхъ разговоровъ — Штраусъ, противъ котораго народъ возмутился, а правительство хотѣло принять профессоромъ Догматики. Хороша Догматика! Слушалъ одного старика, который имѣлъ притязанія на остроту, и разсказывалъ объ этомъ приключеніи. «Штраусу» сказалъ онъ, «въ Штутгардѣ еще предлагали мѣсто профессора Философіи, но онъ непремѣнно хочетъ преподавать Догматику!»

Такія явленія могутъ быть только въ Германіи! Тамъ только могутъ съ важностію разсуждать объ нихъ, и опровергать изъ строки въ строку. . . . . .

. . . . . .

Отыскались новые попутчики — молодой Прусакъ изъ Помераніи съ своею женою. Рѣшились завтра, во что бы то ни стало, отправиться на Риги.

17. Погода лучше. Пароходъ идетъ въ 8 часовъ, и подряжается доставить до самаго Арта за бездѣлицу, но въ гостинницѣ съ насъ очень дорого взяли Не совѣтую разсчетливымъ путешественникамъ прельщаться великолѣпною отелью Бауръ.

Цирихское озеро, окруженное горами, кои усѣяны загородными домиками, въ зелени и цвѣтахъ, прелестно, хотя и заслоняли половину прелестнаго досадныя тучи, бѣгавшія по небу.

Въ Хоргенѣ дожидался насъ уже омнибусъ, длинный и высокій. Охотниковъ на Риги набралось одиннадцать: насъ двое, Прусакъ съ женою, Швабъ, Баварецъ съ сыномъ, какой-то старикъ совѣтникъ изъ Бадена съ пле-

Digitized by Google

мянницею, и Англичанином, приставшем къ нимъ съ недѣлю. Мы всѣ познакомились тотчасъ.

Дорога изъ Хоргена прекрутая, мучительная для лошадей. Разговоръ общій о погодѣ. Всякій разсказывалъ свои примѣты, надежды. Ни гдѣ, я думаю, погода не возбуждаетъ такого участія и не занимаетъ такъ, какъ здѣсь. Дождь не переставалъ. Тиролецъ не вытерпѣлъ сидѣть въ заперти, и пошелъ пѣшкомъ съ сыномъ. По временамъ съ высоты открывались прекрасные виды на озеро.

Съ удовольствіемъ тяпнули по рюмкѣ славной водки Kirschwasser, которая постоитъ нашего пѣнника, въ Цугѣ, гдѣ перемѣняли лошадей.

Дорога до Арта — по прелестному извилистому берегу какого-то озера, гдѣ картины, одна другой очаровательнѣе, смѣнялись на каждомъ шагу. Мы пріѣхали къ обѣду въ $12\frac{1}{2}$ часовъ. Для проводниковъ и ословъ такса. Хотя погода невѣрная, но рѣшились идти. Дамы составили кавалерію, мужчины инфантерію, вооруженную длинными остроконечными палками (Alpenstock). Пожитки разложили по осламъ. Остальные понесъ носильщикъ не за большую цѣну.

Въ 4 часа пустились въ походъ, прошли мимо развалинъ деревушки Голдау, которая засыпана горою, и представляетъ разительную картину разрушенія. Съ дороги есть нѣсколько точекъ съ живописными видами. Шли-шли мы часа три. Дорога не трудна, но и не легка. Началъ накрапывать дождикъ, больше и больше. Отчаяніе. По крайней мѣрѣ мы были уже близко Капуцинскаго монастыря.

На общемъ совѣтѣ положено переночевать здѣсь. Взяли себѣ по каморкѣ. Внизу устроивался чай за большимъ столомъ, съ хлѣбомъ, сливками, медомъ. Очень патріархально. Кружекъ нашъ развеселился, и Прусакъ, опрокинувъ полной чайникъ горячей воды, прибавилъ еще смѣху. Обсушились, отогрѣлись, утолили голодъ, и подъ теплыя одѣяла—возстановлять свои силы.

*

Digitized by Google

18. Въ семь часовъ сошли мы въ общую горницу, и не нашли никого: всѣ еще опочиваютъ, кромѣ Шваба, который разсказалъ намъ, что послѣ нашего отхожденія вчера было еще пѣніе, и большое веселіе. Мы успѣли сходить въ церковь и помолиться. Нѣсколько богомольцевъ слушало обѣдню. — Трогательная минута!

Позавтракавъ, съ обновленными силами мы пустились въ свой путь. Ходитъ много облаковъ. Чрезъ полчаса пришли въ Staffel. Видъ прекрасный, но мы оставались тутъ не долго, и поспѣшили на Rigikolm, который нѣсколько выше. Таковъ человѣкъ: еслибъ я не остался тутъ, я подумалъ бы, что не былъ на Риги, хоть разницы почти нѣтъ. Всякому хочется до nec plus ultra. Взошли. Чудо, чудо! Стоишь въ безмолвіи и благоговѣешь.—Озера, города, рѣки, горы, долины, холмы, лѣса на нѣсколько сотъ верстъ кругомъ. Пространство необозримое, безконечное, наполненное облаками, которыя тамъ далеко внизу носились надъ поверхностію земли. Другія предъ нашими глазами составлялись, и разлетались, исчезали, согрѣтыя солнцемъ. Нѣтъ нигдѣ ничего подобнаго.

Человѣчикъ хотѣлъ вскарабкаться еще выше, и поставилъ утлую сквозную каланчу, вершковъ десять вышиною, на столбахъ, съ площадками. Всходили и на нее. Вѣтеръ такъ и дуетъ изъ всѣхъ силъ. Кажется — сію минуту сорветъ тебя и съ скудельной твоей подставкою, и занесетъ куда воронъ и костей не заносилъ. Страхъ взялъ насъ, и мы скорѣе долой. Прозябъ, и за водку, въ пѣлой прекрасной гостинницѣ. Согрѣвшись, опять наружу. Пробыли часа два на Риги.

Общество наше уменьшается. Тиролецъ съ сыномъ идетъ назадъ въ Цюрихъ. Грубой, но добрый человѣкъ.

По большинству голосовъ рѣшено спускаться къ Кюснахту. Настоялъ Прусакъ, у котораго назначено было въ записной книжкѣ осмотрѣть Телеву часовню. Я уступилъ тѣмъ болѣе, что спускаясь къ . . ., мы не поспѣли бы къ отплытію парохода въ Флюельнъ. И такъ

Digitized by Google

лучше побывать въ Люцернѣ. Мы отпустили лошадей, въ коихъ не имѣли болѣе нужды.

Я пошелъ съ Англичаниномъ, и мы разговорились о состояніи Англіи. Онъ ругалъ Англійскую аристократію и Англійское богатство, и напомнилъ мнѣ одну мысль, намекнутую въ моихъ афоризмахъ. Сходить показалось намъ очень легко; мы почти бѣжали, бѣжали-бѣжали и устали. На всякой четверти версты надо было уже останавливаться и отдыхать, а потомъ и чаще. Дорога казалась намъ сначала очень короткою, а потомъ стала длиннѣть, будто по мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, даже досадно. Три часа слишкомъ мы спускались, измучились, и не дошли, а добрели до часовни, гдѣ, говорятъ, Тель застрѣлилъ Геслера.

Ну какъ не скажешь, что есть счастье и въ исторіи: много ли людей пріобрѣло такую огромную славу и народность въ Европѣ, а за какой подвигъ?

Отъ часовни тянется узкая покатая дорожка подъ сѣнію густыхъ деревьевъ, и, поворачивая куда-то, скрывается тотъ-часъ изъ виду. Отдохнули на крылечкѣ, и въ Кюснахтъ.

Тамъ дожидался уже нашъ носильщикъ, который пробрался проселочной тропинкой покороче. Перекусили, и наняли всемеромъ большую лодку съ двумя гребцами. Швабъ измѣнилъ, побоявшись предаться произволу вѣтровъ и грозной прихоти Озера четырехъ кантоновъ. Признаюсь, и я, мореходецъ не бойкой, заносилъ неспокойно ногу съ твердой земли въ утлую лодку.

Плаваніе очаровательное! Вода удивительная, изумрудная, бирюзовая, серебристая, золотая, матовая. Чуть-чуть колыхаясь, или только трепеща блистала она со всѣми отливами, какъ волнистая обьярь, свѣтлѣла, темнѣла. Я вспомнилъ одно Шатобріаново выраженіе, которому очень завидовалъ Пушкинъ. Что за берега! За ними поднимались гряды горъ, однѣ другихъ выше. Солнце заходило вели-

Digitized by Google

колѣпно. Вѣтеръ чудный. Тихо приближались мы къ Луцерну, встающему какъ будто изъ воды....

Поблагодаривъ нашихъ гребцовъ, мы вышли на берегъ. По улицамъ ходятъ процессіи дѣтей, разодѣтыхъ и разряженныхъ съ своимъ эминентомъ, который получилъ пальму побѣды за годичные или полугодичные успѣхи. Отдохнули въ гостинницѣ, и отправились по деревянному длинному крытому мосту смотрѣть Торвальдсенова Льва, изсѣченнаго въ скалѣ. Мысль оригинальная. Мы не стали слушать выученную, холодную рѣчь стараго унтеръ-офицера, который началъ было разсказывать о погибели Швейцаровъ во время Французской Революціи. Съ Англичаниномъ мы не разлучались. Онъ понравился мнѣ очень, въ родѣ Баварскаго спутника, человѣколюбивый, умѣренный, благородный. На пути домой увидѣли пароходъ, возвращающійся изъ круговаго путешествія по всѣмъ берегамъ Озера четырехъ кантоновъ, при звукахъ веселой музыки, съ вѣющими флагами.

Разсмотрѣвъ карту, объявленія, я расположилъ путешествіе. Непремѣнно ѣдемъ завтра на Чортовъ мостъ, помянуть Суворова. Опять перемѣна въ первомъ планѣ, но иначе нельзя въ Швейцаріи. Погода и дни отъѣзда дилижансовъ и пароходовъ измѣняютъ безпрестанно всякое заблаговременное предположеніе.

19. Ничего прелестнѣе Озера четырехъ кантоновъ не видалъ я до сихъ поръ. Какъ краснорѣчивы эти горы, явные памятники ужасныхъ переворотовъ, преобразившихъ нашу бѣдную землю. Смотрите, какими буграми валяются онѣ, будто сей часъ взломанныя или остывшія, окаменѣвшія—страшно взглянуть; другія стоятъ стѣнами надъ озеромъ; третьи лежатъ какимъ-то обрушеннымъ заборомъ. Вотъ тянутся зеленые холмы, между коими мелькаютъ хижины, а вдали возвышаютъ главы свои Риги, Пилатъ, Юнгфрау, покрытыя снѣгомъ. Великими чертами пишетъ природа свою исторію.

Digitized by Google

Утро было прекрасное, и мы наслаждались вполнѣ. Отъ Луцерна до Флуельна самое длинное разстояніе озера. Виды всѣхъ родовъ, и грозные и прелестные. Мы боялись отвесть глаза....

Капитанъ парохода далъ намъ совѣтъ, какъ попасть удобнѣе и пріятнѣе въ Мейрингенъ. Попутчики всѣ отстали, не рѣшась жертвовать днемъ для Чортова моста. Мы взяли вдвоемъ колясочку за 20 фр. взадъ и впередъ, чтобъ поспѣть къ утреннему отплытію (въ часъ) парохода изъ Флуельна.

Проѣхали Альторфъ. Извощикъ показалъ издали деревню, гдѣ жилъ Тель. Дорога идетъ по теченію Рейсы, превосходно отдѣланная, удобная, съ самымъ нечувствительнымъ возвышеніемъ. Съ половины начинаются прелестные ужасы природы. Какія глыбы лежатъ по обѣимъ сторонамъ. Трудно человѣку прокрасться между ними. Въ иныхъ мѣстахъ цѣлыя долины усыпаны этими громадами. Сильная рука разшвыряла ихъ! Часто приходилось лѣпиться по краямъ, иногда безъ перилъ, надъ пропастью, по которой внизу, глубоко, мчится стремительная Рейса. На встрѣчу не попадалось никого. Радъ-радъ, какъ увидишь селеніе. Вотъ картофель посѣянный по каменьямъ, разумѣется по землѣ нанесенной. Чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе. Дичь страшная. Голыя скалы осовываются кругомъ. Съ иныхъ стекаютъ ручьи какъ по отвѣсной стѣнѣ. Дорога безпрестанно оборачивается, поднимаясь выше и выше. Мостовъ пятнадцать проѣхали мы молча. Какъ-то и говорить тяжело, и уста смыкаются сами собою. Ѣхать вдвоемъ съ непривычки жутко.

«Ну вотъ вамъ и Чортовъ мостъ!» воскликнулъ нашъ вощикъ. Мы увидѣли мостъ, смѣло перекинутый съ одной скалы на другую чрезъ яростную рѣку, которая, какъ будто сорвавшись съ цѣпей, несется, бьется о глыбы, съ шумомъ и трескомъ, и стремглавъ бросается внизъ, и разсыпается въ мелкія дымящіяся брызги.

Нынѣшній мостъ выше прежняго — твердъ, безопасенъ,

Digitized by Google

хотя и очень высокъ, такъ что страшнаго осталось у него только имя. Прежній мостъ разваливается. Каково было Суворову переходить здѣсь, когда дорога была не устроена и мостъ подорванъ, и враги надъ головою, подъ ногами, со всѣхъ сторонъ. Мы остановились на мосту, и смотрѣли на водопадъ Рейсы, покрываемые влажною пылью. Шумъ, стукъ и громъ, пѣна и брызги.

Невдалекѣ за мостомъ дорога углубляется внутрь земли, просѣченная въ скалѣ, Unterloch. Страшно пробираться по каменной утробѣ, въ глубокомъ мракѣ, съ глухимъ шумомъ, который доносится отъ ревущей вблизи Рейсы. Но вотъ вдали брезжетъ свѣтъ. Отдыхаетъ сердце. Становится свѣтлѣе. О, поскорѣй бы! Наконецъ выѣзжаемъ мы на Божій свѣтъ. Какое удовольствіе! Дышешь свободнѣе. Прелестная зеленая долина открывается взорамъ, и людскія жилища, и Божія церковь. О это несравненное удовольствіе!

Мы остановились въ гостинницѣ. Старый Прусскій совѣтникъ съ племянницею садятся въ коляску; они нашли себѣ спутника Италіанца и отправляются чрезъ Сен-Готардъ въ Белинцону. Мы напились чаю, и отдохнули часа два, пока извощикъ выкармливалъ лошадь. Напрасно наняли мы коляску взадъ и впередъ. Лучше бы отправиться отсюда, прямо въ Мейрингенъ чрезъ гору.... Вѣрно дорога не такъ дурна, какъ насъ стращали. Но главное—погода становится пасмурнѣе, а у насъ нѣтъ попутчиковъ.

Впрочемъ страшно и возвращаться ночью по этимъ пустынямъ, надъ пропастьми и рѣкою. Мы поразспросили стороною, не опасна ли дорога отъ людей, и рѣшились пуститься немедля въ обратный путь на Божью власть. Послышался шумъ. Что такое? Проѣзжаетъ дилижансъ. Какъ досадно, что мы этого не знали! Посердился на извощика, который не приноровился отправиться вмѣстѣ; покричалъ на трактирщика, который не сказалъ того. Чегоже бы лучше ѣхать въ такомъ обществѣ. Извощикъ успокоивалъ насъ, что мы доѣдемъ благополучно и одни. Было уже темно.

Лишь только мы вышли изъ гостинницы, какъ пошелъ

Digitized by Google

дождь. Дѣлать нѣчего—ѣдемъ. Но съ трепещущимъ сердцемъ сѣли мы въ свою таратайку. О еслибъ донесъ Богъ благополучно!

Дождь пошелъ сильнѣе и сильнѣе, какими-то крупными каплями, которыя такъ и били по лицу. Порывистый вѣтеръ свистѣлъ. Я начиналъ колебаться. Мы можемъ промокнуть, простудиться. Теперь еще близко и легче воротиться! Между тѣмъ въѣзжаемъ мы въ каменную утробу. Страшно! вездѣ течетъ. Вѣтеръ такъ и завываетъ. Посовѣтовались, и рѣшились воротиться, хотя и очень жалко было потерять день. Новое затрудненіе! Нельзя оборотить таратайки въ тѣснотѣ. Должно было проѣхать всю подземную галлерею. Наконецъ уже возчикъ остановился къ сторонѣ. Ни зги не видать. Мы вышли въ грязь, подъ дождемъ. Онъ отпрягъ лошадь. Надо было держать ее. Потомъ соединенными силами, кое-какъ оборотили мы колясочку. Сколько опасностей! Странное дѣло! Я отъ природы, какъ говорится, не храбраго десятка, но въ такія минуты дѣлаюсь другимъ человѣкомъ, и чѣмъ опасность больше, положеніе труднѣе, тѣмъ я спокойнѣе. Это замѣтилъ я въ себѣ теперь, и особенно въ первое свое путешествіе, когда лошади безъ кучера и форейтора понесли насъ ночью, когда мы должны были выпрыгнуть изъ коляски, и пѣшкомъ по лѣсу, близь Козельска въ 20 градусовъ мороза, идти не зная куда. Добрый извощикъ, опытный старикъ, уладился, запрягъ, что продолжалось съ полчаса, и мы сѣли на свои мѣста. Поѣхали назадъ, подъ дождемъ, и пріѣхали благополучно подъ гостепріимный кровъ. Ну, слава Богу! Я хватилъ водки какъ матросъ. Какое сравненіе между теплою постелью, и ночною прогулкою по Чортову мосту, подъ проливнымъ дождемъ!

20. Въ $8\frac{1}{2}$ часовъ оставили мы Андерматъ. Чрезъ туманъ и облака ничего не видно. А хотѣлось бы пересмотрѣть эту примѣчательную дорогу! Въ 12-мъ часу мы пріѣхали въ Флюельнъ. За скверный обѣдъ изъ вареной и жа-

Digitized by Google

реной рыбы заплатили мы 6 франковъ. Искренно поблагодарили добраго старика, который привезъ насъ такъ благополучно, и не показалъ никакого намѣренія прижать вчера за лишнюю остановку.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы парохода, чтобъ скорѣе ѣхать далѣе. Ну не все ли равно, въ Андерматѣ, Флюеленѣ или Мейрингенѣ, лишь бы было пріятно, лишь бы наслаждаться природою, и цѣль путешествія достигнута! Нѣтъ, надо непремѣнно нынче пріѣхать въ Лунгернъ, завтра быть въ Интерлакенѣ, а иначе день какъ будто потерянъ. Странные разсчеты, а вѣдь не мы первые и послѣдніе разсуждаемъ такъ. Успѣлъ уснуть.

Забавная сцена у старика Италіанца, котораго дочь какъ-то ульнула прогуливаться съ молодыми Французами. Пресмѣшно онъ допрашивалъ и сбивалъ ее. Разсказъ трактирнаго слуги о бѣдности жителей, которые лишились средства снискивать себѣ пропитаніе по заведеніи пароходовъ.

Капитанъ—плохой корабельщикъ. Раза три заворачивалъ онъ не такъ, и рабочіе даже смѣялись. Да! эти же рабочіе съ другимъ капитаномъ были бы не тѣ. А посмотрите на хорошаго капитана: онъ кажется не дѣлаетъ ничего, и только что прогуливается по палубѣ! Умна наша пословица: работнику копейка, нарядчику рубль. Наконецъ кое-какъ подошелъ онъ къ берегу, бросилъ доски, и мы всѣ взбѣжали на палубу.

Нашлось шестеро попутчиковъ въ Бенкенридъ. Съ прекраснымъ солнцемъ начали мы плаваніе, и я опять сталъ любоваться прелестными берегами. Но вдругъ перемѣнилась погода, и мы уже подъ дождемъ пристали къ Бенкенриду. Два мужа съ жонами остались тамъ, потому что одной сдѣлалось дурно, и мы только съ двумя братьями, Виртембергскими графами W., наняли коляску до Штанца рублей за пять.

Дорога должна быть чудесная, по берегу озера, съ видами на воду съ одной и на землю съ другой сто-

Digitized by Google

роны; но дождь мѣшалъ намъ наслаждаться ею. Мы пустились въ разговоръ. Меньшой братъ служилъ долго по дипломатической части, и разсказывалъ много анекдотовъ о Европейскихъ политикахъ, ихъ сношеніяхъ, разговорахъ, особенно о Меттернихѣ. Дождь шелъ ливмя. Мы рѣшились ночевать въ Штанцѣ. — Ахъ, еслибъ хоть къ завтрему разгулялась погода! Но барометръ не говоритъ ничего утѣшительнаго. Напившись чаю, который подаютъ здѣсь вездѣ съ душистымъ медомъ, скорѣе спать.

21. Нѣтъ—на небѣ не видать надежды ни съ которой стороны; всю ночь шелъ дождикъ. Однако мы рѣшились ѣхать, и наняли коляску. Я сѣлъ съ кучеромъ, чтобъ удобнѣе смотрѣть вокругъ прекрасныя мѣста! Мы лишились большаго удовольствія, увидѣвъ ихъ подъ такимъ мрачнымъ покровомъ. Природа прекрасна, богата, а люди все-таки бѣдны и несчастливы: намъ попадались все такіе оборванные, ощипанные, что смотрѣть жалко,—или это оттого, что погода ужасная, и достаточные сидятъ всѣ дома. Красоты природы привлекательны здѣсь видно только *для проходящихъ*: жители стараются сушить озера, коими мы такъ восхищаемся, чтобъ пробрѣсть сколько нибудь пахатной земли. Сарненское озеро представляетъ теперь самую грязную прозаическую картину.

Между Штанцемъ и Лунгерномъ мы останавливались на полчаса покормить лошадей, въ мѣстечкѣ, знаменитомъ гробницею Никласа Фон-дер-Флюе, къ которой стекается множество богомольцевъ. Бѣдная церковь, простой каменный гробъ, по стѣнамъ картинки, представляющія разныя чудеса его, и другія, приносимыя по обѣщаніямъ. Какая разница между нашими мѣстами богомолія, сіяющими золотомъ и серебромъ. Я читалъ о Фон-дер-Флюе у Кернера въ Преворстской Ясновидящей, и приложился съ благоговѣніемъ къ его гробницѣ. Его мягкость, кроткость, доброжелательство, воздержаніе, благочестіе, человѣколюбіе, сни-

Digitized by Google

скали ему по истинѣ славу. Какъ миротворецъ, онъ знаменитъ и въ Исторіи Швейцаріи.

Насилу дотащились мы до Лунгерна, измокшіе, перезябшіе, проголодалые. Отобѣдали съ аппетитомъ, хоть и не много осталось намъ пищи отъ нашихъ предшественниковъ. Мы рѣшились идти пѣшкомъ чрезъ Брюнигъ, а жена моя поѣхала на ослѣ. Дорога для пѣшеходовъ короче конной, и намъ очень непріятно было разставаться, однако разстались. Я отпустилъ ее одну съ вожакомъ.

Нѣсколько времени мы перекликались, но вскорѣ и звуковъ стало не слышно; дорога видно отшатнулась далеко одна отъ другой. У насъ завязался занимательный разговоръ съ Графомъ В. о Философіи и Религіи, которой онъ преданъ, и о духѣ нашего времени.

Въ такихъ разговорахъ и размышленіяхъ поднялись мы на Брюнигъ. Дорога не представляла ни чего привлекательнаго. На верху дожидалась уже насъ моя всаднища. Выпивши по рюмкѣ вишневки, начали спускаться по такой же непріятной дорожкѣ, по большей части лѣсомъ, чрезъ которой не видать ничего. Къ тому же опять полилъ дождикъ. Но съ послѣдней гряды горъ, параллельной съ Мейрингенской долиною, видъ долженъ быть прелестный въ хорошую погоду: направо надъ нею возвышается другой этажъ горъ, съ которыхъ стремится множество потоковъ, переливающихся чрезъ нашу тропинку. Внизу видна широкая зеленая долина, съ ручьями, домами, полями, лугами, рѣчками. За нею другія стѣны горъ — вотъ и славный Рейхенбахъ, который льется съ значительной высоты. Я усталъ безъ памяти, и насилу тащился. Всего досаднѣе бываетъ увидѣть цѣль, обрадоваться близости, и безпрестанно обманываться—она еще далеко! Идешь, идешь и конца нѣтъ.

Тотчасъ за чай. Любезные Прусаки ожидали насъ въ Лунгернѣ, были и здѣсь. Рѣшились завтра нейдти въ Грюнденвальдъ чрезъ Фурку, которая требуетъ десять часовъ ходьбы. Лучше въ Бріенцъ, отстоящій на два часа,

Digitized by Google

оттуда по озеру въ Интерлакенъ, а изъ Интерлакена можно куда угодно. — Если и хороши виды по Фуркѣ, то все не много потеряемъ мы при такой дурной погодѣ.

22. Разгулялось. Мы наняли таратаечку, заѣхали посмотрѣть вблизи на Рейхенбахъ, и отправились въ Бріенцъ. Богатства и обилія не видать и здѣсь. Трактирщикъ надулъ насъ, сказавъ, что пароходъ можетъ быть не пріѣдетъ, или пріѣдетъ поздно. Мы поддались, и наняли лодку съ четырмя гребцами, которые обязались показать намъ и знаменитый Гисбахъ.

Покатились по широкому Бріенцскому озеру. Гребцы работали усердно, и ругали пароходъ, лишающій ихъ хлѣба. Думалъ о машинахъ, ихъ ролѣ, и о тѣхъ правительствахъ, кои мало о заботятся о доставленіи средствъ пропитанія подданнымъ, — какъ будтобъ это было не ихъ дѣло. Задача для политическихъ писателей! а съ другой стороны запрещать машины значитъ останавливать умъ человѣческій на одномъ пути его развитія, — бѣдная политика!

Причалили къ Гисбаху, и всходили на гору, чтобъ осмотрѣть водопадъ со всѣхъ сторонъ, сверху, внизу, справа и слѣва; подходили подъ его дугу, оглушенные его шумомъ и орошенные его влагою. Около водопада гостинница, которая не поживилась отъ насъ ни чѣмъ: мы выпили только стаканъ чудесной воды. — Отправились далѣе; мимо насъ по другой сторонѣ озера плылъ пароходъ, и въ самомъ дѣлѣ очень медленно. Высадились въ Интерлакенъ къ самому грязному, гадкому Жидовскому мѣсту. Обступили возчики, и одинъ молодой мальчикъ, лѣтъ семнадцати, такъ подлестился къ намъ, что мы тутъ же и наняли его везти насъ тотчасъ въ Лаутербруннъ въ кабріолетѣ, въ Лаутербруннѣ отпрячь лошадь, достать дамское сѣдло, провести чрезъ Венгернальпы до Грюнденвальда, показать намъ глечеры, и оттуда въ кабріолетѣ довезти въ Интерлакенъ, къ часу отплытія паро-

Digitized by Google

хода въ Тунъ, кажется въ полдень. Онъ обѣщалъ все, не затруднялся ни въ чемъ, и по его словамъ мы заключили, что успѣемъ въ назначенное время совершить путешествіе, и бросить взгляды на всѣ эти мѣста.

Пока мальчишка запрягалъ лошадь, мы перекусили въ гостинницѣ рыбы. — Гостинницы здѣсь прекрасныя, но дороги. Мѣстечко прелестное, между озеромъ Бріенскимъ и Тунскимъ, окруженное удивительными картинами, въ виду всѣхъ Альпійскихъ знаменитостей, въ сосѣдствѣ съ Лаутербрунномъ, Грюнденвальдомъ, Мейрингеномъ, не далеко отъ Туна и Берна.

Англичане избрали Интерлакенъ своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Прелестные домики, окруженные садами и палисадниками, всѣ въ зелени и цвѣтахъ. Какъ все мило и чисто! Жаль, что мы не можемъ остаться здѣсь хоть на день, и полюбоваться ихъ красотами. Время уходитъ. Уже 22 Августа, а намъ остается еще Женева, Монбланъ, Симплонъ, Лаго Маджіоре, Миланъ, Болонія и Флоренція, а 12 Октября, н. с., долженъ я быть уже въ Москвѣ. Приходится бросать только высшіе взгляды. Пустились.

День прекрасный. По дорогѣ на всякомъ шагу виды. Громады горъ, покрытыхъ снѣгомъ.... Возвышается душа, смиряется умъ, живѣе ощущается Богъ.

Оставивъ нашего мальчика сѣдлать лошадь, мы ходили пѣшкомъ смотрѣть Штаубахъ, потокъ, который съ ужасной высоты падаетъ стремглавъ, и разсыпается мѣлкою пылью.

Жена усѣлась на лошадь, а я съ мальчикомъ пѣшкомъ, пустились подниматься на гору. Дорожка строгая. Мы шли часа три. На высотѣ прекращается жилье. Одни только клѣва для скота. Потомъ рѣдѣютъ и они. Не встрѣчается ни кого. Только слышны колокольчики, кои болтаются на шеяхъ у коровъ. Наконецъ они смолкаютъ. Пусто и дико на широкой плоской возвышенности.

Мнѣ стало скучно и какъ-то тягостно. Скоро ли дойдемъ

Digitized by Google

мы до гостинницы? спросилъ я своего мальчика. «Чрезъ три четверти часа.» Уфъ! Шли, шли мы еще съ полчаса. Скоро ли дойдемъ? line starke halbe stunde, т. е. хорошіе полчаса — что значитъ тѣже три четверти часа. Нѣтъ, непріятно прогуливаться въ такой обширной пустынѣ, почти однимъ, позднимъ вечеромъ; начинало уже слишкомъ смеркаться.

Рады-рады мы были, какъ наконецъ показался издали домикъ. «Здѣсь останóвитесь или пойдете до другаго домика, чрезъ четверть часа?» спросилъ мальчикъ. — Здѣсь, здѣсь.

Мы расположились пить чай передъ величавой Юнгфрау, которая гордо стояла передъ нами во всемъ величіи, озаренная мѣсяцемъ. Передъ нашими глазами отрывались огромныя лавины, и съ страшнымъ трескомъ низвергались въ пропасть. Этотъ шумъ, необыкновенный для нашихъ ушей, среди могильнаго безмолвія, въ удаленіи отъ міра и жизни, приводилъ сердце въ трепетъ!... Объ чемъ хлопочутъ тамъ люди,—эти муравьи, которые въ безсмысленной гордости считаютъ себя могущественными исполинами?

Долго смотрѣлъ я въ молчаніи на Юнгфрау, и этотъ вечеръ принадлежитъ къ пріятнѣйшимъ въ моемъ путешествіи. Тяжелая дорога и усталость искуплены вполнѣ.

Велѣвъ разбудить себя какъ можно раньше, мы предались желанному покою.

23. Мальчишка проспалъ, и мы опоздали часомъ. Однакожъ солнце еще не всходило. Подкрѣпившись пустились въ новый путь. Забавный нашъ вожатый разсказывалъ намъ о здѣшнихъ жителяхъ, которыхъ онъ называетъ грубыми и необразованными, отдавая честь своей отчизнѣ pays de Vaux, откуда пріѣзжаетъ онъ сюда только на лѣто для заработки. По дорогѣ нѣтъ ничего привлекательнаго, какъ начнешь спускаться; а съ плоскости

Digitized by Google

видны многія сосѣднія горы. Въ хижинѣ у пастуха позавтракали мы сливокъ и земляники съ хлѣбомъ.

Черезъ полчаса слышимъ мы крикъ внизу: la dame Russe, la dame Russe. Сходимъ.... это Графъ В., который узналъ издали мою жену, и кричалъ своему брату, шедшему за нимъ вдалекѣ. Мы встрѣтились, какъ старые знакомые, и передали другъ другу извѣстіе о своихъ дорогахъ. Они шли изъ Мейрингена чрезъ горы въ Грюнденвальдъ, а теперь поднимаются смотрѣть Юнгфрау. Едва прошли мы еще полчаса, встрѣчается землякъ Г-нъ Х., съ которымъ, лѣтъ десять тому назадъ познакомился я вскользъ, но теперь мы обрадовались другъ другу, какъ старые друзья.

Въ Грюнденвальдѣ позавтракавъ выхожу я изъ комнаты и спрашиваю лошадь у своего мальчишки. «Извольте нанять,» отвѣчаетъ онъ мнѣ. Какъ нанять? Ты долженъ везти меня на своей. «Нѣтъ, этого нельзя. Хозяинъ гостинницы не допуститъ» Зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ этого прежде. Я разсердился. Такъ веди насъ пѣшкомъ. «Пожалуй, но мы не поспѣемъ къ пароходу.» Это меня взбѣсило. Мнѣ показалось, что онъ сговорился съ трактирщикомъ, которому хотѣлось содрать съ меня франковъ пять; я побоялся не поспѣть къ урочному часу, и рѣшился пожертвовать здѣшними глечерами, надѣясь увидѣть лучшіе въ Шамуни. Чортъ тебя возми—мы не хотимъ смотрѣть вашихъ глечеровъ. Подавай коляску. «Коляска не здѣсь, а на поворотѣ дороги.» Что прикажите дѣлать? я пошелъ пѣшкомъ, а жена поѣхала на лошади.

Я думалъ, что идти не далеко. Иду-иду, нѣтъ конца дорогѣ. Солнце пропекаетъ до костей. Не помню, чтобъ я былъ раздосадованъ когда столько. Принялся ругать мальчишку, зачѣмъ не предупредилъ онъ насъ о длинѣ этой дороги: я нанялъ бы себѣ лошадь. Судите о моей усталости: я взобрался вчера пѣшкомъ на Венгернальпъ, нынче спустился съ нихъ до Грюнденвальда, и долженъ былъ теперь идти три часа сряду до коляски.... Попался на

Digitized by Google

встрѣчу добрый Швабъ, который оставался въ Кюснахтѣ. Предъ нимъ я излилъ всю желчь свою, а онъ въ утѣшеніе сообщилъ намъ извѣстіе о судьбѣ нашихъ спутниковъ. Англичанинъ ожидаетъ насъ въ Интерлакенѣ, и непремѣнно желаетъ увидѣться съ нами. Прусакъ съ женою отправились прямо въ Бернъ. Я уговаривалъ его ѣхать вмѣстѣ въ Женеву. Не достаетъ денегъ, отвѣчалъ онъ, и я рѣшаюсь возвращаться изъ Интерлакена къ роднымъ берегамъ Некара. Простились съ нимъ, и пожелали ему отъ искренняго сердца пріятнаго возвращенія.

Пошелъ опять. Еще остается Starke Stunde, потомъ Kleine Stunde, потомъ Starke Halbstunde, потомъ Kleine Halbstunde.... Солнце пекло.... наконецъ началъ донимать и голодъ, потому что, разсерженный въ Грюнденвальдѣ, я не ѣлъ тамъ ничего, и выпилъ только стаканъ вина (а заплатилъ за бутылку). Съ горя опять началъ ругать мальчишку, который преспокойно отвѣчалъ мнѣ, что я не нанялъ бы его, если бы онъ объяснилъ мнѣ всѣ неудобства и расходы путешествія съ нимъ, а что я самъ долженъ былъ своими вопросами привесть дѣло въ ясность. «Autrement, comment pourrions nous faire nos affaides.» Ну братъ, плоха же твоя цивилизація—du pays de Waux: гораздо лучше остаться съ прочей Швейцарской грубостью. Наконецъ мы пришли.

Пока онъ началъ запрягать свою лошадь, я скорѣе въ корчму, и могъ найдти только кусокъ сыру и хлѣба. Ахъ, ты проклятый мальчишка! Утоливъ свой голодъ и сѣвши въ покойную колясочку, я успокоился, и увидѣлъ, что былъ виноватъ и самъ. Стоило ли труда хлопотать о двухъ-трехъ рубляхъ за лошадь, и оставить свое намѣреніе; но мнѣ не хотѣлось поддаться въ обманъ, котораго не было, какъ увидѣлъ теперь, обсудивши хладнокровно дѣло, а была только фигура умолчанія со стороны цивилизированнаго мальчишки изъ Кантона Во, фигура, которою кто же не грѣшитъ въ вѣкъ нашей цивилизаціи! Хорошо еще, что она смѣняетъ чистую ложь.

Digitized by Google

Мальчишка доставилъ мнѣ впрочемъ и удовольствіе. Смотря на него, въ низенькой соломенной шляпѣ съ широкими полями, въ узенькой курточкѣ, изъ которой онъ уже выросъ, съ короткими рукавами, съ хлыстикомъ въ рукѣ и беззаботнымъ видомъ, я воображалъ себѣ Жанъ-Жака Руссо, когда онъ бѣжалъ изъ Женевы и явился къ Мадамъ Варанъ.

Мальчишка гналъ свою лошадь безъ милосердія. Видно, что онъ отчаявался поспѣть къ пароходу. Мнѣ стало жаль его. Видите дымъ, закричалъ онъ наконецъ мнѣ обрадовавшись, пароходъ только что подъѣзжаетъ еще къ берегу. Слава Богу! Далъ ему на водку, прочитавъ коротенькую лекцію о честности и о прямой цивилизаціи.

Множество народу бѣжало и ѣхало къ берегу съ узлами и мѣшками. Другіе высаживались. Прекрасная картина! Отправились. Не помню мѣстности, но помню, что она была прекрасна. Въ виду всѣ горы верхней страны, Оберланда. Тунъ возтаетъ изъ воды еще милѣе Луцерна. Въѣздъ въ гавань — это была для насъ минута изъ волшебнаго міра. Пароходъ катился быстро. Какое-то волшебное веселіе господствовало между всѣми пассажирами. Изъ домиковъ и галлерей по берегамъ доносились живыя поздравленія, общее радушное привѣтствіе. Развѣвались флага. Веселая музыка гремѣла. Сладко билось сердце. О, я увѣренъ, что въ эту минуту всѣ мы были лучше. Много, много есть еще прекраснаго въ душѣ человѣческой, но, увы, безпрестанно оно опускается глубже и глубже.

Вышли на берегъ. Мы понесли свои вещи сами, и послѣдовали за толпою, предполагая, что она идетъ также на почту. Были нѣсколько времени въ недоумѣніи, туда ли идемъ. Неудовольствіе отъ излишней бережливости, которая одолѣваетъ меня въ дорогѣ. Боюсь истратить лишнее, чтобъ не сѣсть на мель. Швейцарія обходится мнѣ дороже, чѣмъ я предполагалъ....

Пообѣдали въ Тунѣ, и взяли мѣсто въ дилижансѣ до Берна. Похаживаетъ около насъ какое-то Русское лице. Кто же это? Каченовскій,—и добрый, любезный че-

Digitized by Google

ловѣкъ, священникъ при нашей Швейцарской миссіи. Онъ обрадовался мнѣ безъ памяти, и мы сѣли вмѣстѣ въ огромномъ дилижансѣ, который отправился наконецъ въ 5 часовъ. Поразспросились дорогою, онъ объ Россіи, а я объ Швейцаріи.

Поздно вечеромъ пріѣхали мы въ Бернъ. Толкнулись въ двухъ-трехъ трактирахъ. Нѣтъ мѣста ни гдѣ. Священникъ не позволилъ намъ искать далѣе мѣста, и пригласилъ насъ къ себѣ. Воспользовались его любезнымъ приглашеніемъ. Съ такимъ же радушіемъ встрѣтила насъ и жена его, обрадованная безъ памяти случаю поговорить по Русски съ Русскою путешественницею. Сей-часъ самоваръ. «Марья, скорѣе!» закричала она по Русски. — У васъ Русская служанка? спросилъ я хозяйку.—«Нѣтъ, здѣшняя, да я выучила ее по Русски;» и толстая, черноволосая какъ смоль, Швейцарка притащила тотчасъ огромный Русской самоваръ-кипятокъ. Мы сѣли кругомъ около стола, принялись за чай, и провели пріятный вечеръ въ разсказахъ, разговорахъ и воспоминаніяхъ. Подчиваньямъ не было конца. «Еще хоть чашечку, хоть полчашечки. Или немножко погодя. Ну со сливками. А вотъ сухарики. Вотъ булочки.»—Ей Богу довольно. «Ну—такъ мы подождемъ немножко. Эка бѣда, что вы пріѣхали ночью. Ну чѣмъ васъ подчивать, дорогихъ гостей. Мы закусимъ теперь чего нибудь, а послѣ выпьемъ еще по чашечкѣ.»—Откуда ни взялась Русская постель съ Русскимъ одѣяломъ и подушками, и намъ показалось, что мы на какомъ-то коврикѣ-самолетѣ, съ вершинъ Оберланда воротились ночевать на святую Русь.

24. За чаемъ, который появился нынче уже со всѣми аттрибутами, какіе только можно достать въ Бернѣ, совѣщаніе о путешествіи. Опредѣлено: ѣхать въ дилижансѣ въ Веве, изъ Веве на пароходѣ завтра въ Женеву, т. е. объѣхать все Женевское озеро, а послѣ завтра въ Ша-

Digitized by Google

муни, и оттуда въ Мартиньи, куда заранѣе должны быть посланы всѣ наши вещи.

Отыскалъ любезнаго Засѣцкаго, оставленнаго въ Римѣ, и отобралъ у него совѣты для Лаго-Маджіоре и дороги до Милана.

Потомъ прогулялись всѣ вмѣстѣ по городу, мнѣ уже знакомому въ путешествіи 1835 года. Встрѣтили нечаянно любезнаго Бременскаго Доктора, и поблагодарили его за добрые совѣты, коими мы такъ выгодно для себя воспользовались. На террасѣ, близъ Собора, надъ живою, веселою Аарою, предъ бѣлѣющими великанами Оберланда, прогулка прелестная. Зашли въ наше посольство, чтобъ на всякой случай освѣдомиться о паспортѣ, — и, къ счастію: мы узнали что паспортъ для переѣзда въ Ломбардію должно непремѣнно визировать въ Австрійскомъ посольствѣ, — а оно теперь въ Цюрихѣ. Надо послать туда, а оттуда онъ прибудетъ въ Женеву не ближе вторника. Утренній планъ разстроился: что дѣлать намъ въ Женевѣ до вторника, около трехъ дней? Добрый Г. Віолье далъ мнѣ записку къ Сардинскому консулу, прося его дать намъ видъ для поѣздки въ Шамуни. Итакъ мы ѣдемъ прямо въ Женеву, куда будемъ завтра — чѣмъ свѣтъ. Пустимся тотчасъ по озеру до Вильнева, оттуда идетъ омнибусъ до С. Мориса. Изъ Сен-Мориса надо будетъ взять извозчика до Мартиньи. Изъ Мартиньи сзади мы взойдемъ на Коль-де-Бальмъ или Тетъ-Нуаръ, и спустимся въ Шамуни въ понедѣльникъ. Пробудемъ тамъ вторникъ, созерцая Монбланъ. Въ середу воротимся въ Женеву, гдѣ будутъ ожидать насъ паспортъ и вещи, и уже прямо поѣдемъ въ Миланъ чрезъ Симплонъ.

Мы разговорились съ любезнымъ Г. Віолье о Швейцаріи, — я спросилъ его о Славянскихъ слѣдахъ. И что же услышалъ отъ него? Славянскіе слѣды находятся въ Мейрингенѣ, гдѣ мы ночевали третьяго дня—какіе-то звуки, напѣвы въ пѣсняхъ, слова въ языкѣ, отличія въ одеждѣ и во всемъ быту. Вотъ была тяжелая минута для меня! Хоть

Digitized by Google

бы воротиться, такъ въ ту же пору! Г. Каченовскій обѣщался съѣздить нарочно въ Мейрингенъ и изслѣдовать на мѣстѣ это интересное преданіе. Я думалъ-было просить Мейрингенскихъ трактирщиковъ, чтобъ они вывѣсили у себя краткое воззваніе къ Русскимъ путешественникамъ, которымъ случится быть тамъ съ просьбою заняться этимъ любопытнымъ предметомъ. Ахъ, какъ мнѣ было досадно!

Взяли мѣста до Женевы. Священникъ уговаривалъ насъ остаться и отслушать завтра обѣдню. Нѣтъ, надо спѣшить. Великая Княгиня Анна Ѳеодоровна, супруга Константина Павловича, поселилась въ окрестностяхъ Берна, и пріѣзжаетъ всякое воскресенье молиться Богу въ Русской церкви.

Время уходило. Надо уложиться. Добрая жена священника приготовила намъ между тѣмъ завтракъ, и какой завтракъ! по Русской пословицѣ: что ни есть въ печи, все на столъ мечи. Мало того, что наши добрые хозяева накормили насъ, напоили насъ: они насовали намъ всякой всячины въ карманы и надавали въ руки.

Въ 12 часовъ мы отправились въ контору. Нѣсколько дилижансовъ стояло у воротъ. Человѣкъ пять почтовыхъ служителей, которые здѣсь толкались, не могли сказать, куда намъ садиться. Безтолочь. Надо бы вывѣшивать надъ каретами досечки, съ означеніемъ, куда и по какой дорогѣ ѣдутъ. Спасибо еще одному Русскому церковному служителю, который предложилъ намъ здѣсь свои услуги, и успѣлъ наконецъ объяснить дѣло.

Ровно въ полдень мы отправились. Сначала дорога очень хороша, въ виду снѣжныхъ горъ, а дальше однообразна. Я сидѣлъ на козлахъ съ ямщикомъ, старикомъ, которой вѣрно богатъ и самъ содержитъ почту, и пользуется уваженіемъ всего околотка. Всѣ встрѣчные крестьяне кланялись ему почтительно, и какъ будто удивлялись, что онъ вздумалъ тряхнуть стариною и прокатить дилижансъ. Я пріобрѣлъ тотчасъ его благосклонность, не изъявивъ никакого неудовольствія зато, что онъ разъ хлест-

Digitized by Google

нулъ меня бичемъ, да разъ такъ толкнулъ въ глаза, что у меня посыпались искры, а напротивъ оправдывая его съ кротостію: «видно всякое мѣсто имѣетъ свои выгоды и невыгоды,» и тому под.

Окрестности Фрейберга хороши. Прокатились по высокому мосту, который на значительной высотѣ надъ рѣкою трясется подъ тяжелымъ дилижансомъ. Другой мостъ вдали для пѣшеходовъ еще отважнѣе. Въ Фрейбергѣ взяли мѣсто до Женевы. Пока перемѣнялись лошади, мы сбѣгали въ соборъ посмотрѣть органъ, первый въ Европѣ, а слушать нѣкогда, да и дорого.

Изъ Фрейберга досталось намъ ѣхать съ однимъ Ломбардскимъ Графомъ, съ которымъ къ удовольствію и удивленію моему я разговаривалъ цѣлый часъ по Италіански.

Въ Лозанну пріѣхали мы около полунощи. Выпили стклянку вина въ гостинницѣ, прогулялись по городу, освѣщенному луною. Надо бы остаться здѣсь, но жаль заплаченныхъ денегъ; притомъ мнѣ надо еще отыскать въ Женевѣ служителя Зас., которому я взялся доставить паспортъ и отправить въ Парижъ. Впередъ! Тотчасъ заснули въ дилижансѣ, и проснулись уже предъ восхожденіемъ солнца.

25. Несравненная картина — розовый горизонтъ на Востокѣ, алѣвшій постепенно, верхи горъ, которые озарялись мало по малу, и наконецъ солнце, во всемъ своемъ блескѣ, отразившееся надъ озеромъ! Жаль, что прекрасныя дачи, кои по берегу начались вдалекѣ еще передъ Женевою, заслоняли часто озеро и портили картину. Спутники наши были три мальчика изъ Мексики, которыхъ везъ родственникъ учиться въ Женевскомъ пансіонѣ. Я удивляюсь, какъ меня стаетъ на такое путешествіе: я любовался солнцемъ и разспрашивалъ объ Америкѣ. Но дрема долѣла, и голова моя невольно падала на грудь.

Digitized by Google

Дорога гладкая какъ скатерть, и дилижансъ катился безъ малѣйшей тряски. А сколько хлопотъ предстоитъ мнѣ еще въ Женевѣ, кои должно кончить до 8 часовъ утра!

Пріѣхали въ шесть часовъ, остановились въ плохой гостинницѣ, и позавтракали кое-какъ. Надо было сходить во первыхъ за своимъ паспортомъ, который удержанъ при въѣздѣ. Два раза попадалъ въ другія улицы, и насилу наконецъ нашелъ заставу. Потомъ отыскалъ служителя Зас. въ великолѣпной гостинницѣ Berg, въ которой, какъ и во всѣхъ слишкомъ великолѣпныхъ, услуга очень надменна, и не слишкомъ ревностно исполняла приказанія своего хозяина справиться. Я дожидался между тѣмъ въ его кабинетѣ, и разсматривалъ картины изъ жизни Кальвина; потерялъ терпѣніе, пошелъ искать самъ, и нашелъ служителя на чердакѣ въ 7 или 8 этажѣ, передалъ ему порученіе его барина, и потомъ отправился искать Сардинскаго Консула, вмѣстѣ съ своимъ хозяиномъ, который шелъ на рынокъ. Поклонился дворнику, поклонился служителю, чтобъ они доложили о бѣдномъ путешественникѣ его высокоблагородію, которое принимаетъ не ранѣе 8 часовъ. Подъ ихъ протекціей я достигъ до кабинета, подалъ письмо Г. Віолье, и свой временной паспортъ. Заплатилъ пять франковъ за позволеніе коснуться Сардинскихъ владѣній, вытерпѣлъ прекислую рожу консула, который закапалъ чернилами свою книгу, прописывая мой паспортъ, и получивъ видъ, благимъ матомъ домой. Расплатился съ хозяиномъ, который взялъ съ меня даже за сопутствіе до консульскаго дома, скомкалъ всѣ вещи въ узлы,—и въ 8 часовъ, при первомъ звукѣ звонка, мы очутились на пароходѣ, отправляющемся кругомъ озера.

Пріятное плаваніе. Солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ, и отражалось въ озерѣ. Удивительная вода здѣсь, то зеленая, то голубая, полосами, со всѣми переливами. Берега воздѣланные, усыпанные дачами, селеніями, городами. Пароходъ нашъ казался какимъ-то катающимся много-под-

Digitized by Google

нымъ городомъ. Мы толкались почти другъ о друга. Отовсюду прибывало къ намъ плавателей, убывало гораздо меньше. Вотъ Коппетъ, пребываніе Неккера, столько прославленное Мадамой Сталь. Вотъ Лозанна, съ воспоминаніемъ о Гиббонѣ; вотъ Кларанъ, безсмертное жилище небывалыхъ Сенпри и Юліи, царство Жанъ-Жакъ-Руссо, котораго тѣнь носилась предо мною; вотъ Шильонъ, воспѣтый Байрономъ; вотъ Монтрель и Веве, гдѣ Жуковскій перевелъ намъ столько прекрасныхъ стихотвореній; вотъ Вильневъ.... Сколько воспоминаній, принадлежащихъ къ вѣчнолюбезнымъ лѣтамъ молодости! Присоедините Альпійскія горы, которыя со всѣхъ сторонъ возвышаютъ гордые верхи свои, — и вы согласитесь, что прогулка по Женевскому озеру принадлежитъ къ самымъ пріятнѣйшимъ прогулкамъ въ мірѣ. Самые люди, окружающіе васъ, которые въ эту минуту думаютъ только о наслажденіи природою, дополняютъ пріятное впечатлѣніе, подтверждаютъ вамъ драгоцѣнную для нѣжнаго сердца истину, что человѣкъ въ лучшія минуты все еще достоенъ своего небеснаго происхожденія.

Однако пять часовъ безпрерывнаго плаванія и вниманія утомительны.

Берега къ Вильневу имѣютъ другой характеръ—дикости.

Я подбиралъ себѣ попутчиковъ, но не нашелъ. Кто ѣдетъ кругомъ, кто остается въ Вильневѣ, кто отправляется дальше по дорогѣ. До Мартиньи и въ Шамуни нѣтъ кажется ни кого. Одинъ Французъ, очень занятый и довольный собою, позабавилъ меня своими глупыми вопросами и догадками о замкѣ Шильонѣ и Лордѣ Байронѣ, о которыхъ онъ рѣшительно не имѣлъ ни какого понятія, и старался скрыть свое невѣжество. Подъ конецъ насыпали къ намъ множество солдатъ и нѣсколько офицеровъ. Никакой подчиненности, такъ что смотрѣть противно.

Въ Вильневѣ мы надѣялись пообѣдать — не тутъ-то было. Въ туже минуту подхватилъ насъ омнибусъ и повезъ до Сен-Мориса. Есть виды по дорогѣ живописные, осо-

Digitized by Google

бенно передъ городомъ. Но бѣдность показывается болѣе и болѣе. Мы проголодались какъ собаки.

Въ Сен-Морисѣ дали обѣдъ намъ прегадкой, взявъ по три франка. Попался Виртембергецъ, который тоже хочетъ смотрѣть Монбланъ, наняли вмѣстѣ съ нимъ пребезпокойную линеечку на одну сторону, char à banc, до Мартиньи. Хозяинъ выгналъ-было нашего извощика изъ комнаты: вѣрно онъ не смѣлъ договариваться безъ его соизволенія. Дилижансовъ нѣтъ по несогласію жителей.

Возчикъ нашъ былъ сильно вооруженъ противъ трактирщика, и разсказывалъ намъ всѣ его плутни, потомъ попросилъ насъ, чтобъ мы позволили ему сослаться на насъ, какъ на свидѣтелей, на что мы однакожь не согласились. Дорога отъ Сен-Мориса до Мартиньи пустынная,— широкая долина, засыпанная отчасти оторвавшеюся горою, — и представляетъ плачевную картину. Цѣлая деревня погибла здѣсь. Къ счастію, обрывъ случился днемъ, и никого не задавило. Вотъ извѣстный водопадъ Pissevache. Съ непріятнымъ чувствомъ ѣдешь по этой долинѣ. Селеній мало, и тѣ очень бѣдны, люди съ болѣзненными лицами. Къ тому же смеркалось, движенія нѣтъ ни какого по дорогѣ. Мрачно, печально, и мы были очень рады, какъ увидѣли Мартиньи.

Двѣ дороги отсюда въ Шамуни, чрезъ Тетъ-Нуаръ и Коль-де-Бальмъ. Мы выбрали послѣднюю, не помню по какой причинѣ. Наняли двухъ муловъ, съ провожатыми, взбираться завтра по утру на Col de Balme, одного для жены, другаго для меня съ Виртембергцемъ пополамъ, за 18 франковъ. Провожатые и мулы составляютъ значительную издержку въ путешествіи по Альпійскимъ горамъ. Шамунскіе вожаки, которые возвращаются порожнемъ въ Шамуни, дали намъ знать потихоньку, чтобъ мы поступали такъ, обѣщаясь довезть насъ отъ Коль-де-Бальмъ до Пріёре гораздо дешевле. Тотчасъ спать, чтобъ до свѣта выступить въ походъ.

Digitized by Google

26. Мы встали въ 5 часовъ. Какъ Русской человѣкъ, я уступилъ мула на первые полчаса Виртембергцу. Сначала не было разумѣется никакой нужды въ немъ, и я наровилъ воспользоваться тогда какъ устану. Дорога длинная. Надо было подниматься и спускаться нѣсколько разъ. Оселъ попался мнѣ предобрый,—совсѣмъ не въ родѣ тѣхъословъ, съ коими я имѣю часто дѣло въ любезномъ отечествѣ: онъ зналъ хорошо свою дорогу, ступалъ вѣрно, лѣпился съ осторожностію по краю пропастей, и миновалъ благополучно всѣхъ опасностей. Не смотря на природную свою доброту, онъ дѣлалъ однакожъ и много досадъ, останавливаясь на самыхъ страшныхъ мѣстахъ и принимаясь общипывать листья на любимомъ своемъ кустарникѣ. Въ такихъ случаяхъ нѣчего уже было спорить съ нимъ, и надо было оставить его въ покоѣ. Такова видно природаословъ! Много было мѣстъ опасныхъ, о коихъ теперь страшно и вспоминать. Тогда же онѣ не производили ни какого смущенія. Мы ѣхали преспокойно, какъ по самому гладкому шоссе. Съ высоты, которой имени не упомню, видна долина съ стремящеюся по ней Роною. Рона пролагаетъ себѣ путь отсюда совершенно между двумя отвѣсными стѣнами горъ; около нея нѣтъ никакого пути, ни даже заячьей тропинки, и она мчится неприкосновенная и невидимая.

Часовъ пять взбирались мы на высоту. Ни кого не попадалось на встрѣчу. Два-три шалаша на верху, коихъ обитатели пастухи показались намъ совершенно дикими. Что за лица! Почти не люди! Страшно взглянуть на нихъ. Ахъ, сколько еще звѣрей между людьми, какія живыя улики такъ называемому просвѣщенію и состоянію нашихъ гражданскихъ обществъ! Я не чувствовалъ ни какой усталости до послѣдняго получаса, а этотъ получасъ по дикой, совершенно дикой, плоской возвышенности, почти на самомъ верху казался мнѣ цѣлымъ днемъ. Не понимаю самъ, что было со мною. Тоска одолѣвала. Мѣлкихъ камней посреди болотистой почвы насыпано здѣсь какъ будто дождемъ. Насилу дотащился. Я такъ и повалился на постель въ

Digitized by Google

гостинницѣ, не смотря на Монбланъ, который стоялъ предъ нами во всемъ своемъ величіи, освѣщенный солнцемъ съ головы до ногъ.

Отдохнувъ, мы позавтракали кофе съ кипящими сливками.—Здѣшній кофе что-то среднее между дурнымъ чаемъ и дурнымъ кофе; но масло, медъ и молоко хороши.

Вотъ уже аппетитъ бываетъ на Альпахъ! Долина Шамуни, тамъ, далеко внизу, вдали, какъ на ладони. Передъ нею Европейскій великанъ Монбланъ, который однакожъ поразилъ меня не столько, какъ я ожидалъ; потому ли, что ожиданіе было слишкомъ велико, потому ли что я надѣялся увидѣть его лучше съ другой стороны. Теперь, въ моемъ воображеніи, онъ рисуется гораздо выше, разительнѣе. Вотъ Aiguille rouge, Aiguille verte. До всѣхъ этихъ горъ казалось, намъ можно рукой подать, а оставалось еще часъ ходьбы до мѣльницы вначалѣ долины, и три часа ѣзды до селенія Пріёре, при подошвѣ Монблана. Мы отпустили вожатаго, который просилъ съ насъ франковъ пятнадцать. Наши вчерашніе пріятели опоздали, или побоялись какой нибудь улики, и не могли къ намъ нанятся. Мы выгадывали, какъ подешевлѣ, и наняли хозяйскаго служителя снести наши вещи до мельницы, и потомъ провезти насъ оттуда до гостинницы за 9 франковъ. Я сбѣгалъ еще на возвышенность предъ гостинницею, чтобъ взглянуть на долину Черной головы, прождалъ тамъ нѣсколько минутъ Виртембергскаго Ассессора, который пошелъ еще прежде меня,—и воротившись уснулъ на скудной травѣ, согрѣваемый солнцемъ, предъ лицемъ Монблана. Добрый Ассессоръ, очень молчаливый, наконецъ воротился, поподчивалъ насъ какимъ-то знаменитымъ виномъ, которое трактирщикъ прославлялъ безъ памяти, и которое оказалось насыченнымъ уксусомъ. Впередъ....

Спускаться очень удобно.. Солнце скрылось за облако, и намъ стало прохладнѣе. Но дорога опять какъ будто разтягивалась передъ нами. Предолго мы шли, и колѣни

Digitized by Google

усталн. Все это пріятнѣе: идешь къ людямъ, которыхъ видишь передъ собою.

Ходя по Швейцарскимъ горамъ и пустынямъ, начинаешь дорожить человѣческимъ обществомъ. Цѣлый часъ мы шли. Сколько слѣдовъ разрушенія. Какъ обсыпаются горы! Видно чередъ за Альпами. Наконецъ мы у мельницы. Какія лица мы здѣсь встрѣтили: блѣдныя, чахлыя, изнеможенныя, изнуренныя! Что за бѣдность, болѣзненность, невѣжество; на дѣтей смотрѣть жалко.

Посильщикъ нанялъ шарабанъ, и мы, сидя какъ на колѣ, отправились. По сторонамъ видишь поля, покрытыя хлѣбомъ, копны, зеленые луга. Пріятный видъ послѣ пустыни. Есть много прелестныхъ картинъ по теченію рѣки, которая то клокочетъ по камнямъ, то падаетъ съ быстротою, то течетъ смирно между зелеными лужайками и кустами. Въ одномъ мѣстѣ ручей находится точно какъ въ люлькѣ. Съ другой стороны видишь ледники—glacièr d'Argentière, glacièr de Bois. Пріѣхали въ гостинницу исколоченные на обѣ корки. Монбланъ предъ нашими почти окнами. Отобѣдали, и въ 8 часовъ спать. Погода становится пасмурнѣе.

27. Туманъ и дождь, и Монблана какъ не бывало. Мы не видали ничего изъ оконъ. Вотъ невзгода отъ непогоды.

Взялъ читать газеты. Пишутъ, что нашъ Государь ѣдетъ въ Одессу. Можетъ быть благопріятная минута для несчастныхъ Болгаровъ. Написалъ записку объ ихъ положеніи и отправилъ ее «изъ долины Шамуни, отъ подошвы Монблана» съ письмомъ въ Одессу, къ доброму моему Д. М. К. — не найдетъ ли онъ случай употребить ее съ пользою для нашихъ добрыхъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, которымъ мы одолжены столько, и за Религію, и за грамоту! Шафарикъ писалъ ко мнѣ объ нихъ недавно: das geistige Wohl der Bulgaren lege ich ihnen dringend ans Herz. Покойный Венелинъ въ лучшіе годы, а потомъ

Digitized by Google

въ лучшія минуты своей жизни, ни объ комъ такъ не думалъ, какъ о Болгарахъ. Можетъ быть этому моему письму достанется жребій сдѣлаться страницей въ Исторіи Болгаръ.

Полдень, часъ рѣшительный для погоды, не предсказалъ ничего пріятнаго. Мы подходили безпрестанно ко всѣмъ окошкамъ, и смотрѣли на всѣ четыре стороны, ловя взорами какого нибудь голубаго лоскутка на небѣ. Нѣтъ, все покрыто облаками!

Написавъ письма, мы устроивали вмѣстѣ съ женою свои счеты, и записывали въ дневникахъ. День пропалъ! Видно еще посидѣть намъ у горы и пождать погоды.

28. Все тотъ же дождь. Еслибъ мы поѣхали сюда прямо изъ Женевы, то успѣли бы третьяго дня увидѣть здѣсь все при хорошей погодѣ. Но какъ бы возвращаться отсюда? Опять по тойже дорогѣ? Мы не побывали бы на Коль-де-Бальмъ. — Всѣ эти пустые разсчеты занимаютъ очень много путешественниковъ. Вывернулась минута безъ дождя, и я пошелъ было по грязи взглянуть на окрестности. Не прошелъ четверти часа: грязь, мокрота, сырость, и припустилъ дождь. Скорѣе домой. Это была жадность безразсудная съ моей стороны.

Послѣ обѣда стало лучше, и мы рѣшились съѣздить на *Монтанверъ* вмѣстѣ съ моимъ Ассессоромъ, дабы увидѣть хоть что нибудь; нанялиословъ, и отправились смотрѣть знаменитое такъ называемое *море льда* — mer de glace. Я одѣлся, такъ, что меня не пронялъ бы и 30 градусный морозъ.

Грязно, склизко и страшно, хоть, говорилъ проводникъ, и не опасно. На половинѣ высоты пошелъ снѣгъ крупными хлопками. Вѣтеръ. Ахъ, какое непріятное ощущеніе! Глаза слипались. Вода съ насъ такъ и текла, и по лицу ручьями. Утереться неловко, а дороги еще добрый часъ. Оселъ мой шелъ лѣниво, и отставалъ безпрестанно. Не спрашиваешь долго, надѣясь получить утѣшительное извѣстіе: недалеко! Терпишь, терпишь: ну сколь-

Digitized by Google

ко осталось? Добрыхъ полчаса. Попались на встрѣчу только пастухи, которые ходили на верхъ искать своихъ козъ. Бѣдные люди!

За то радость была увидѣть гостинницу. Насилу достучались у дверей. «Мы думали, что не будемъ уже имѣть гостей въ такую погоду,» встрѣтилъ насъ наконецъ трактирщикъ, отворяя дверь. Скорѣе водки и огня. Мы выпили по три рюмки, и съѣли по бараньей котлетѣ, очень дурной. Сыръ, медъ и масло выручили. Какъ мы пришли, то все Море льда было покрыто снѣгомъ, такъ что нельзя было разсмотрѣть ничего, но пока продолжалась закуска, небо очистилось, и мы увидѣли синіе ледяные конусы, насыпанные щеткою. Я не думаю, чтобъ это море, даже и во всемъ своемъ блескѣ, поражало слишкомъ нашу братью, Сѣверныхъ жителей. Оно можетъ быть въ диковинку только дѣтямъ Юга. Наша Волга или Ока, съ взломаннымъ льдомъ въ Апрѣльской день, на солнцѣ, немного уступитъ, я думаю, этому морю. Жаль однако же, что мы не увидали этой картины. Ходятъ еще выше.—Мы успѣли наконецъ разсмотрѣть довольно ясно весь здѣшній горизонтъ. Оставаться долго становилось опаснымъ, чтобъ незапоздать слишкомъ. Мы отправились разумѣется веселѣе.

Проводникъ разсказывалъ мнѣ о приключеніяхъ нашего Г., который дѣйствительно показалъ здѣсь неустрашимость, и вмѣстѣ безразсудство, не послушавъ проводниковъ, не совѣтовавшихъ ему идти далѣе. Очень любопытны подробности и самый тонъ его разсказа о Яковѣ Бальмѣ, который, первый взошелъ на Монбланъ, и подъ конецъ своей жизни помѣшался на той точкѣ, что въ ледникахъ есть золотая руда, и что онъ непремѣнно долженъ ее найти. Ходилъ онъ вездѣ задумчивый и угрюмый; подвергался многимъ опасностямъ, и наконецъ погибъ неизвѣстно гдѣ и какъ: онъ пригласилъ съ собою на поиски молодаго охотника, который славился своею неустрашимостію и опытностію. Они долго ходили

Digitized by Google

вмѣстѣ по горамъ и ледникамъ. «Здѣсь,» воскликнулъ однажды старый Бальма, «здѣсь золото; надо перепрыгнуть только чрезъ эту пропасть.»—Помилуй, отвѣчалъ ему охотникъ, нѣтъ никакой возможности перепрыгнуть. «Врешь, можно,» закричалъ изступленный старикъ. Напрасно охотникъ старался отговорить его, доказать все безразсудство такого намѣренія, — невозможнаго для молодаго человѣка, не только для семидесятилѣтняго старика. Ничто не помогало! «Такъ я оставлю тебя, сказалъ онъ ему въ заключеніе; я не могу согласиться, чтобъ ты при мнѣ подвергся явной смерти.»—«Ступай же прочь отъ меня, трусъ!» Бальма прогналъ его, остался одинъ, — и съ этой поры не слыхать было о немъ. Вѣрно несчастный на прыгу упалъ въ пропасть, отдѣлявшую отъ него золото—или обманчивый блескъ его.

На что же было золото Бальмѣ? спросилъ я проводника; онъ былъ сытъ, доволенъ, уважаемъ, и притомъ такъ старъ. «Богъ его знаетъ,» отвѣчалъ равнодушно проводникъ, прихлыстывая моего осла.

Начинало смеркаться, какъ вдругъ встрѣчаемъ мы молодаго Нѣмца, который поспѣшно поднимался на гору. «Далеко ли?» спросилъ онъ насъ. Помилуйте, закричалъ я къ нему, вы не прошли еще половины дороги. Возвратитесь назадъ. «Нѣтъ, нѣтъ, я непремѣнно хочу взойти нынче на Монтанверъ. Я держалъ пари.» Проиграйте лучше пари. И вы одни, безъ проводника! Вы можете потерять дорогу. «Нѣтъ, нѣтъ, благодарю васъ.» Сдѣлайте милость, отправтесь лучше домой, къ пылающему камину. «Ни зачто, ни зачто,» отвѣчалъ онъ, и спѣшилъ впередъ. Дорога такъ дурна, время такое холодное.... ничто не помогало, и мы должны были оставить безразсуднаго молодаго человѣка. Взглянули мимоѣздомъ на источники Авейрона. Проводникъ разсказывалъ мнѣ о законахъ ихъ общества, жизни и содержаніи. Вездѣ неудовольствія!

Вода затопила всю дорогу; по всѣмъ тропинкамъ катилась она стремительно. Нигдѣ прохода нѣтъ, и проѣздъ

Digitized by Google

съ трудомъ. Какъ пріятно было увидѣть издали огни въ мѣстечкѣ. Всходимъ на крыльцо; на встрѣчу наши добрые Прусаки, которые только что пріѣхали изъ Женевы. Обрадовались безъ памяти другъ другу. За чаемъ условились съѣхаться въ Мартиньи, они отсюда, а мы изъ Женевы, чтобъ переправляться вмѣстѣ черезъ Симплонъ. Дня еще пожертвовать для Шамуни нельзя.

29. Встали ранехонько, и въ путь, разочтясь съ Нѣмецкимъ трактирщикомъ, который взялъ не дорого. Вѣрный Виртембергецъ съ нами. Таратайка до Саланша стоитъ очень не дорого. Мы боялись, что опоздаемъ къ дилижансу. Дорога вся живописная, — ледники, горы, водопады, ручьи; а люди—пренесчастные, бѣдные и больные. Какіе страшные зобá. Скажите—за что называется нашъ вѣкъ просвѣщеннымъ? Въ какой дикой и варварской землѣ подвержены люди бóльшимъ несчастіямъ, нежели внутри Европы. Если климатъ производитъ болѣзни, то зачѣмъ позволяетъ правительство здѣсь селиться? Есть средство предохранить себя отъ этихъ болѣзней — зачѣмъ правительство не наблюдаетъ за исполненіемъ этихъ средствъ, не разпространяетъ оныя?—Правительство есть попечитель, наставникъ народа, и нынѣ обязанность его гораздо выше, чѣмъ была прежде, въ соразмѣрности съ развитіемъ образованія. Безопасности одной стало мало; нужно воспитаніе общее, возбужденіе высшихъ потребностей, ихъ направленіе, указаніе средствъ къ удовлетворенію. Но вотъ мы и въ Саланшѣ, котораго имя стало мнѣ извѣстно съ самаго дѣтства изъ романа Дюкредюмениля Целина, или дитя тайны.

Успѣли позавтракать. Я расположился съ женою на имперіалѣ, чтобъ видѣть всѣ окрестности. Нашими товарищами были какіе-то крестьяне, которые подали намъ понятіе о грубости здѣшнихъ нравовъ. Мы проѣхали чрезъ два-три бѣдныхъ грязныхъ пустыхъ городишка, изъ коихъ въ одномъ есть еще каменный монументъ какому-то

Digitized by Google

королю за его отеческія попеченія о благѣ своихъ подданныхъ, кажется по поводу наводненія!! Дорога къ Женевѣ становится хуже. На послѣднихъ станціяхъ сидѣлъ съ нами на верху одинъ молодой католическій аббатъ, который съ важностію доказывалъ мнѣ, что наука о Богѣ нигдѣ такъ не воздѣлывается, какъ въ Римѣ; но я обратилъ разговоръ къ Кальвину, и разспрашивалъ его о жизни этого реформатора и біографіяхъ, а потомъ о Женевской педагогіи. Остановка, кажется даже двѣ, на таможнѣ.

Въ 6 часовъ пріѣхали мы въ Женеву. Дилижансъ окруженъ былъ по прежнему хозяевами гостинницъ, и ихъ повѣренными. Мой прежній хозяинъ подвернулся ко мнѣ съ приглашеніемъ. «И вы смѣете еще звать меня къ себѣ, взявъ съ меня два франка за то, что провожали меня на рынокъ!» сказалъ я ему съ негодованіемъ, и онъ отшатнулся отъ меня, совершенно парализированный. Мы остановились въ гостинницѣ Вѣсовъ, очень чистой и даже нарядной. Коммиссіонеръ досталъ намъ вещи съ почты, за которыя мы заплатили не дорого, а потомъ и паспортъ, присланный изъ Цириха, съ Австрійскою визою.

30. Осмотрѣли музей. Интересны горельефы Монблана, Симплонской дороги. Какъ облегчается ими обозрѣніе и понятіе. Непремѣнно надо бы завесть копіи нашимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ.

Смирительный домъ устроенъ особымъ образомъ: отъ комнаты надзирателя идутъ галлереями въ обоихъ этажахъ комнаты колодниковъ, которые работаютъ предъ его глазами. Онъ видитъ ихъ сквозь стеклышко, а они не видятъ его. Повсюду проведены отъ него колокольчики и сигналы. Обозрѣніе и надзоръ облегчены удивительно. Леченіе и наказаніе здѣсь состоитъ — въ молчаніи. Я не думаю, чтобъ такое наказаніе могло быть введено у насъ: мы молчимъ и безъ наказанія. Осматривалъ ихъ спальни и всѣ принадлежности. Исправленіе награждается правомъ про-

Digitized by Google

гуливаться въ извѣстномъ уголку, которое потомъ мало по малу распространяется до выпуска.

Всходилъ на колокольню, съ которой видно озеро со всѣми прибрежными странами. Съ другой стороны городъ, предмѣстія, дачи, поля.

Намъ попался хромой лон-лакей, съ которымъ жалко было ходить скоро; онъ же и глупъ, такъ что мы проходили много даромъ. Прошли по публичному саду на берегу озера, вокругъ статуи Жанъ-Жака Руссо — сидитъ, склонясь головою на грудь, въ размышленіи, окруженный своими сочиненіями. Да, развращеніе гражданскаго общества, противоестественное состояніе его, никто не видалъ яснѣе, никто не чувствовалъ живѣе! Но онъ былъ одностороненъ!

Наняли коляску побывать въ гостяхъ у его благопріятеля—Вольтера. *Фернеи* находится уже во владѣніяхъ Франціи. По длинной аллеѣ подъѣхали мы къ небольшему двухъ-этажному дому, который принадлежитъ теперь какому-то Маркизу. Пріемная и спальня Вольтеровы оставлены въ прежнемъ видѣ. Прочія комнаты заняты владѣльцемъ, и не показываются путешественникамъ. Въ убранствѣ очень мало вкуса, какъ будто хозяинъ и не занимался своими покоями. Пересмотрѣли всѣ плохіе портреты, развѣшанные по стѣнамъ, и описанные у всѣхъ путешественниковъ. Прогулялись по его саду, алеямъ, его сажанья, и любовались прекраснымъ видомъ. Что сказать о Вольтерѣ? Объ немъ все сказано и пересказано. Никакъ не могу я понять его образа дѣйствій, со всѣми его прихожанами, такъ называемыми философами осмнадцатаго столѣтія! Какъ люди, съ такимъ острымъ умомъ, какъ Вольтеръ, Гиббонъ, Юмъ, Дидеротъ, могли не видать дѣйствій Святой Христіанской Религіи ко благу человѣческаго рода, и стараться изъ всѣхъ силъ объ ея уничтоженіи! Ослѣпленіе, при которомъ человѣкъ «видяще не видитъ и слышаще не разумѣетъ»—вотъ одно объясненіе, которое принять можно.

«Наконецъ покажу я вамъ самую интересную примѣчательность Фернейскаго замка», сказалъ нашъ провод-

Digitized by Google

никъ, и повелъ во флигель. Это — служитель Вольтеровъ, высокой старикъ, сѣдой, въ плисовой курткѣ. — «Ужъ не безсмертенъ ли онъ,» сказалъ Виртембергецъ. Въ самомъ дѣлѣ, такая длинная жизнь кажется нѣсколько подозрительною. — Вотъ человѣкъ, который могъ видѣть всѣ фазы человѣческой славы, Вольтеровой славы, по числу путешественниковъ, пріѣзжавшихъ со всѣхъ сторонъ поклоняться Вольтеру. Чуть ли не послѣдняя четверть наступила теперь, и даже давно! Если старикъ вздумаетъ прожить еще лѣтъ десятокъ, то можетъ быть умретъ пустынникомъ. Sic tranit glorisa mundi. Онъ прочелъ намъ выученную рѣчь свою о Вольтерѣ, его привычкахъ, образѣ жизни и тому под., показывая его вещи, письма, и далъ печатный анекдотъ, приложа свою печать. Намъ казалось совѣстно дать ему денегъ по обыкновенной формѣ, но онъ тотчасъ вывелъ насъ изъ затрудненія, спросивъ ихъ безъ церемоніи.

На возвратномъ пути сдѣлали немного крюку, чтобъ полюбоваться лучшимъ видомъ на озеро и на горы. Очаровательно! Погода прелестная. Мы спѣшили домой, чтобъ кончить всѣ дѣла къ 5 часамъ.

Сардинскій консулъ сдулъ съ меня еще пять франковъ, потому что мнѣ придется по пути чрезъ Симплонъ проѣхать чрезъ одинъ лоскутокъ владѣній Сардинскаго короля! Какъ не хотѣлось мнѣ платить, тѣмъ болѣе, что и первые отдалъ даромъ: нигдѣ не смотрѣли у меня паспорта. Купилъ зрительную трубку, — но не успѣлъ купить часовъ. А мнѣ надо еще написать письмо къ Б., который пріѣдетъ сюда отдавать сына. Не помню уже какъ я написалъ, или лучше какъ разберетъ онъ. Половина пятаго. Уложились, разочлись, размѣняли Австрійскія ассигнаціи на франки, и съ убыткомъ. Едва могли, давясь и обжигаясь, съѣсть по тарелкѣ супу и котлетѣ, жареную курицу взяли съ собою. Добрый Виртембергецъ проводилъ насъ до коляски. Мы были очень много обязаны его товариществу. Безъ него намъ было бы и

Digitized by Google

скучно и накладно. Мы записали другъ другу наши имена.

Дилижансъ полонъ. Въ нашей каретѣ сидѣлъ какой-то маэстро-Италіанецъ, и молодой Французъ, бросившій медицину для музыки. Оба изъ Парижа.

Женева оставила во мнѣ странное впечатлѣніе: это нѣсколько улицъ, не составляющихъ цѣлаго; какъ будто не было города, а только озеро съ строеньями на берегу.

Захожденіе солнца надъ озерами было очаровательно.

Замѣчу мысль Италіанца учредить воскресныя школы для обученія простаго народа пѣнію,—мысль прекрасная, которая понравилась мнѣ очень, и которая должна имѣть благодѣтельное вліяніе на нравственность. Вспомнилъ о нашемъ В. и его предначертаніяхъ, кои остаются до сихъ поръ въ его головѣ....

Остановка на таможнѣ ночью, переборка всѣхъ вещей и исторія съ паспортами. Пропало часа два.—А Сардинскаго владѣнія чуть ли не нѣсколько сажень! Мы проголодались и отыскали кое-какъ ощупью дорогу въ бѣдную гостинницу, гдѣ могли получить только сыру и плохаго вина. Прозябли.

Уснули преспокойно послѣ хлопотливаго дня. Въ самомъ дѣлѣ — сколько мы нынче избѣгали, передѣлали, пересмотрѣли.—Проснулись уже

31, въ Сен-Морисѣ. Пресмѣшныя сцены съ мѣстами. Въ Сен-Морисѣ съѣзжается нѣсколько дилижансовъ съ разныхъ сторонъ, изъ коихъ въ каждомъ есть нѣсколько первыхъ мѣстъ, стоющихъ дороже; слѣдовательно есть нѣсколько претендентовъ на первыя мѣста въ новомъ составномъ дилижансѣ. Какъ же прикажете удовлетворить? Управленіе однако же виновато тѣмъ, что не предупреждаетъ заранѣе своихъ пассажировъ, и беретъ лишнія деньги за такія мѣста, кои съ половины дороги измѣняются. Нѣсколько ссоръ, при коихъ обнаружилась Швейцарская республиканская грубость. Конторишка прескверная, конторщики почти еще неодѣтые. Вѣтеръ, стужа, а присѣсть нѣгдѣ,

Digitized by Google

пока еще мѣста не опредѣлены. Нѣкоторые сѣли было, и выведены.

Кое-какъ, среди взаимныхъ ругательствъ, отправились. Мы продолжали досыпать ночь, и проснулись только въ Мартиньи. Дилижансъ остановился; наши милые Прусаки бѣжали къ намъ на встрѣчу. Ну какъ мы рады, что имѣемъ товарищей до самаго Милана и для Милана.

Дорога отъ Мартиньи до *Сіона* непріятна. Сіонъ приготовляется къ празднику: завтра здѣсь начнется торжественная стрѣльба, къ коей давно уже приглашались Швейцарскіе охотники. Предъ городомъ поставлены цѣли, устроены мѣста для зрителей, тріумфальныя ворота. Стеченіе народа ужасное. Жаль, что намъ остаться нельзя.

Вмѣсто обѣда мы съ Прусаками заказали себѣ яичницу, поѣли сыру, накупили грушъ, и только; товарищи впрочемъ отдали послѣ преимущество нашему распоряженію, потому что за три франка получили они обѣдъ многоблюдный, но голодный и непріятный. А гостей было множество. Всѣ толковали о стрѣльбѣ. Анекдоты объ охотникахъ, ихъ отвагахъ, суевѣріяхъ, удачахъ. Городишко очень плохъ.

За Сіономъ сѣлъ къ намъ въ карету шестой пассажиръ, изъ большаго каменнаго дома на дорогѣ, предъ которымъ останавливался дилижансъ. Жена и куча дѣтей провожали путешественника, очень непримѣчательнаго по наружности. Стѣснивъ насъ, онъ былъ для насъ сначала гостемъ непріятнымъ, но вскорѣ занимательными разсказами своими вознаградилъ за стѣсненіе.

Дорога мертвенная и пустынная; бѣдность на всякомъ шагу. Рона причиняетъ здѣсь много опустошеній своими разлитіями; всѣ усилія удержать ее бываютъ часто тщетны; она прорываетъ плотины, наводняетъ деревни, и прокладаетъ себѣ новое русло. Начался разговоръ о дѣлахъ Кантона Валлиса, права котораго защищалъ онъ очень горячо.

Изъ словъ его я заключилъ, что здѣсь тотъ же источ-

Digitized by Google

никъ ненависти и войны, который погубилъ древнюю Грецію и Римъ, и произвелъ новую революцію,—вражда племенъ, Французовъ и Нѣмцевъ, вражда началъ, аристократическаго и демократическаго. Жители маленькаго кантона Валлиса въ ущеліяхъ горныхъ спорятъ между собою о томъ же, о чемъ спорятъ теперь далекіе ихъ родственники въ Канадѣ, о чемъ спорили прежде Іонійцы и Дорійцы, Ѳиняне и Спартанцы, патриціи и плебеи.

«Надо прибѣгнуть къ оружію!» воскликнулъ умѣренный Швейцарецъ, «и не пройдетъ можетъ быть мѣсяца, какъ вы услышите о кровопролитіи въ этой мирной долинѣ.»

Онъ сообщилъ намъ много занимательныхъ извѣстій о здѣшнемъ быту: «Не смотря на крайнюю бѣдность, вы не увидите здѣсь не одного нищаго; они столько горды, что ни за что не примутъ ни малѣйшаго подаянія. Свято соблюдаютъ они всѣ постановленія предковъ, чуждаются всякой новизны, питаются масломъ, сыромъ, плодами, одѣваются шерстью своихъ козъ и овецъ, гостепріимны, сохраняютъ простоту и непорочность нравовъ. Съ опасностію жизни устроиваютъ они по горамъ водопроводы для полученія воды изъ источниковъ: предъ началомъ такой работы приводятъ обыкновенно дѣла въ порядокъ, и пріобщаются Святыхъ Таинъ.»

Проѣхали мимо такъ называемыхъ Bains d'Ouache, куда собирается много больныхъ, страдающихъ наружными болѣзнями, лишаями и тому под.: здѣсь въ разныя времена года протекаетъ удивительной грязной источникъ.

Ночевать пріѣхали мы въ *Бригъ*, при подошвѣ Симплона. Выгружанье изъ дилижансовъ, и большая суматоха. Темно. Всѣ вещи сносятся въ коридоръ, довольно тѣсный. Здѣсь онѣ разбираются хозяевами. Толкается множество всякаго народа. Но однако не пропадаетъ ничего. Нашелся еще знакомый — служитель Графини Л., Итальянецъ, котораго я видѣлъ на пароходѣ и который везетъ теперь какого-то Грека въ Миланъ. Онъ помогъ мнѣ при пере-

Digitized by Google

боркѣ. Какъ бы пріятно поужинать теперь хорошо, напиться чаю — но въ гостинницѣ посредственность!

Занялъ денегъ у Прусака на мѣста чрезъ Симплонъ. Всего лучше и покойнѣе ѣхать въ дилижансахъ.

сентября 1. Слуга трактирный обошелъ рунтомъ комнаты всѣхъ путешественниковъ, и постучался въ двери. Всѣ вскочили — и умываться, одѣваться, разсчитываться, завтракать. До свѣта въ путь. Съ восхожденіемъ солнца Всѣ мы вышли изъ дилижансовъ, и пошли длинною гурьбою. Дорога чрезъ Симплонъ удивительная — вѣчный памятникъ Наполеону. Поднимаешься шутя.

Мы взбирались цѣлыхъ шесть часовъ. Съ первой половины, Швейцарской, видовъ немного; прекрасно только издали рисовался Бригъ, среди зеленой равнины; какимъ-то гнѣздышкомъ, пчелинымъ ульемъ, кажется онъ сверху. Съ половины горы начинаются мѣста поразительныя—галлерея, просѣченная въ скалѣ, чрезъ которую стремится водопадъ,—отверстія въ ея стѣнѣ, по сторонамъ водопада, надъ глубокою впадиною, которая спускается вплоть до Брига, * — мостъ чрезъ стремительный потокъ!—Не доѣзжая до монастыря, на самомъ верху, мы позавтракали въ гостинницѣ, принадлежащей кажется пастору. Пока перемѣняли лошадей, Пасторъ показывалъ Швейцару, ему знакомому, находки, сдѣланныя имъ въ послѣднее время, растенія, камни. По стѣнамъ въ рамкахъ развѣшаны были его собранія, ботаническое и энтомологическое. Въ ящикахъ на окошкахъ лежали минералы, принадлежащіе Симплону. Пока готовили намъ яичницу, самое вкусное и здоровое блюдо въ этой части Швейцаріи, мы разсматривали ученое богатство добраго пастора, который подалъ между прочимъ купленный имъ недавно камень у одного крестьянина, нашедшаго оный въ пескѣ, послѣ наводненія. Масса — цвѣта свѣтло-аквамаринаго, со множе-

* Недавно прочель я въ газетахъ, что она гдѣ-то обвалилась, и проѣздъ прекратился.

Digitized by Google

ствомъ мохообразныхъ стебельковъ съ головками во внутренности. Камень мнѣ понравился, если я тѣмъ не оскорблю моего учителя Минералогіи; я посовѣтовался съ Швейцаромъ, который показался намъ человѣкомъ знающимъ и безпристрастнымъ, и предложилъ Пастору продать его мнѣ. Торгъ нашъ состоялся.

Позавтракавши, мы поѣхали далѣе въ путь. На высотѣ погода перемѣнилась. Началъ накрапывать дождикъ, и вѣтръ свисталъ съ ужасною силою. Въ монастырь я не заходилъ, опасаясь просрочить, а наши товарищи сказывали намъ послѣ, что они нашли тамъ очень много любопытнаго. Монастырь учрежденъ Наполеономъ, о которомъ монахи воспоминаютъ съ благодарностію. Виду съ высоты пѣтъ: бугры на плоскости мѣшаютъ одинъ другому. Дорога пролегаетъ по впадинѣ, извиваясь кругомъ. Странно было увидѣть въ этихъ дикихъ и пустынныхъ мѣстахъ караульныо съ двумя-тремя солдатами!

Спустившись нѣсколько, на четверть горы, мы обѣдали въ гостинницѣ, которую еще заранѣе выхваляли намъ многіе путешественники. Хозяйка поддержала свою славу, и мы насытились. Но вотъ бѣда! Дождь полилъ какъ изъ ведра, а именно отсюда-то и начинаются прелести Симплонской дороги, со стороны Италіи. Чуть, чуть могли мы разглядывать ихъ изъ забрызганнаго окошка. Какія стѣны утесовъ, которые высовываются какъ будто нарочно заслонить дорогу! какіе водопады! сколько выдолбленныхъ галлерей, каменистыхъ скалъ, по разшибеннымъ краямъ которыхъ пролегаетъ дорога. Безпрестанные повороты, и со всякаго шагу новые виды.

Тысячи потоковъ, кажется, низвергались съ утесовъ, какими-то живыми волнующимися бѣлыми лентами и оживляли высокую картину природы!

Швейцарецъ замѣтилъ намъ, что мы имѣемъ выгоду отъ дождя, который переполнивъ ихъ, пустилъ со всѣхъ сторонъ, и что въ хорошую погоду здѣсь не представляется такого движенія.

Digitized by Google

Новая остановка въ таможнѣ. Сбирры отперли наши чемоданы, перерыли вещи, — и все это Сардинцы: боюсь однако провиниться предъ Географіей. Ну не досадно-ли это—въ четвертый разъ эти господа безпокоятъ насъ, хоть мы и не думаемъ ѣхать къ нимъ, и только прикасаемся мимоѣздомъ до ихъ клинообразныхъ владѣній.

Мы потеряли безподобную картину внезапнаго, говорятъ—очаровательнаго перехода отъ дикой природы Швейцарской къ прелестямъ Италіанскаго Юга. Мы могли только вообразить его: всѣ эти нивы, луга, сады, винограды, покрыты водою и туманомъ, и не могли произвести ни какого пріятнаго впечатлѣнія.

Ночевать пріѣхали мы въ Домо д'Оссола.... Здѣсь начинается Исторія.

М. Погодинъ.

БѢДНОСТЬ ВЪ БЕЛЬГІИ.

Важнѣйшимъ предметомъ въ Палатѣ Депутатовъ было донесеніе о возрастающей бѣдности, которая такъ распространяется въ Фландріи, что возбуждаетъ величайшее опасеніе; она тѣсно соединена съ упадкомъ прежняго выдѣлыванія холста, которое не можетъ поддержаться, не смотря на то, что были взяты всѣ возможныя мѣры, и что посредствомъ полученнаго трактатомъ отъ 16 Іюля 1842 года пониженія пошлины, оно имѣетъ значительную выгоду въ сравненіи съ Англинскими фабриками. Въ засѣданіяхъ Провинціальныхъ Депутатовъ Восточной и Западной Фландріи очень часто было говорено о семъ возрастающемъ злѣ; въ Гентѣ единогласно были приняты двѣ просьбы, изъ которыхъ первая содержала представленія Правительству, чтобы воспрепятствовать совершенному упадаку этой промышленности; а вторая содержала просьбу, дабы обращено было вниманіе на возрастающую бѣдность, и было позволено предложить разныя мѣры для прекращенія сего зла. Сочинитель сей просьбы представилъ между прочимъ печальную картину о бѣдственномъ

Digitized by Google

положеніи области. Во многихъ мѣстахъ кочуютъ нищіе толпами подъ открытымъ небомъ, и безпокоятъ тѣхъ жителей сосѣднихъ деревень, которые еще не лишились всего. Въ 1839 году въ Западной Фландріи число получающихъ вспоможеніе отъ различныхъ благодѣтельныхъ учрежденій было 127,785, или почти пятая часть народонаселенія. Въ 1840 году оно обнимало уже четвертую часть, а теперь возвысилось даже до трети. Въ Восточной Фландріи, гдѣ оно въ 1839 было 96,880, или осьмая часть народа, оно въ 1842 возвысилось до 111,734. Умноженіе большею частію происходитъ въ числѣ сельскихъ жителей, которые прежде много выработывали.

Но сія отрасль все уменьшается по мѣрѣ умноженія машинъ. Между тѣмъ какъ число нищихъ въ городахъ умножилось только 852 въ 1841 и 42 годахъ, въ деревняхъ оно возросло до 5000. Въ провинціи Антверпенской съ 1839 по 42, оно возросло отъ 38,000 до 49,000, то есть до седьмой части населенія. Въ Брабантѣ оно въ тоже время взошло отъ 93000 до 100,000, до шестой части жителей. Въ Геннегау въ 1839 году число бѣдныхъ простиралось уже до 181,000, т. е. до пятой части народа, и съ тѣхъ поръ значительно умножилось. Люттихъ, который въ 1839 году имѣлъ только 43,490 нищихъ, считаетъ теперь болѣе 62,000, почти шестую долю. Среднимъ числомъ можно принять, что болѣе 700,000 человѣкъ нуждается въ публичной благотворительности.

И не смотря на все сіе, Бельгія богата, и достовѣрные публичные акты доказываютъ, что употребленіе внутреннихъ и чужихъ произведеній съ года на годъ возрастаетъ, и слѣдственно вообще богатство увеличивается. Но въ какомъ отношеніи оно въ нѣкоторыхъ классахъ возрастаетъ, такъ съ другой стороны бѣдность и число бѣдныхъ умножается, и угрожаетъ обществу кризисомъ. Англія давно уже страдаетъ, и другія страны не освобождены отъ сего зла, но нигдѣ не открывались такъ эти раны, какъ здѣсь.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.

(Его Пр–ву А. П. Протасову).

Давнымъ давно, на Руси Православной, были обычаи, освященные временемъ и драгоцѣнные въ сказаніяхъ лѣтописцевъ! Это Русскіе Свадебные Обряды, которые постепенно, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ, дошли и до насъ, сохранивъ первоначальную народность Русскую.

Вотъ какъ въ наши времена происходятъ Свадебные Обряды въ Орловской Губерніи.

—

Старшій сватъ съ жениховой стороны занимаетъ въ теченіи всей свадьбы главное мѣсто. Женихъ, съ отцомъ и матерью, нашедши вѣрнаго человѣка, посылаютъ его искать невѣстъ, намекая, или на знакомую дѣвицу, или извѣстную только по слухамъ.

Взошедши въ избу, сватъ, по обычаю всѣхъ Русскихъ, молится св. Иконамъ, кланяется на всѣ стороны и проситъ чтобы ему указали хозяина.

— Отколѣ Господь несётъ? спрашиваетъ хозяинъ.

— Къ вамъ нарочито сосѣдушка.

— Милости просимъ. Съ какими вѣстями?

— Съ вѣстью радостною: мы наслышались—товаръ есть у васъ продажной? Дастъ Господь Богъ здоровья, такъ я скоро кущца на него найду.

Digitized by Google

— Дай Богъ въ святой часъ, говоритъ хозяинъ, посмотрѣвши на свою дочь, и *смекнувши* уже дѣломъ. Ну скажитка сватушка, да садись, полно чиниться-то; живы-ли, здоровы-ли старики-то?

— Слава Богу живы и здоровы, велѣли всей семейки вашей низко кланяться; сынка себѣ старички взростили, а меня для него невѣсту поискать упросили.

— Слава Богу лучше всего. А молодые станутъ жить да поживать, — и насъ на старости лѣтъ не забывать.

— Да велѣли еще узнать сосѣдушка, если только тебѣ не противно будетъ то, когда имъ можно будетъ съ *поглядками* пріѣхать? вѣдь у насъ сторонушка православная, не то что земля басурманская, гдѣ не вѣдамши вѣнчаютъ.

— Милости просимъ, отъ чего же и не поглядѣть; добрымъ людямъ всегда рады.

На утро въ домѣ невѣсты уже все готово къ принятію жениха. Невѣста сидитъ въ заднемъ углу, одѣвшись какъ можно лучше, чтобы себя лицомъ въ грязь не ударить. Дверь въ избу заперта.

Пріѣзжаетъ женихъ съ сватомъ. Но увидѣвши, что дверь заперта, сватъ тихо стучится....

— Кто тамъ? слышится голосъ изъ избы.

— Проѣзжіе.

— Что надо?

— Сбились съ дороги; впустите отогрѣться, добрые люди.

— Отъ куда проѣзжіе? снова раздастся вопросъ.

Въ это время сватъ изливаетъ все свое краснорѣчіе; присказкамъ его конца нѣтъ, судя по которымъ цѣнятъ достоинства свата, и стараются его брать на всѣ свадьбы.

Наконецъ дверь отворяется.

— Проѣзжіе озябли чай,—съ холоду-то передрогли? не худо бы и погрѣться чѣмъ нибудь тепленькимъ? говоритъ

Digitized by Google

тотъ, кто отворилъ дверь, и подноситъ свату полный стаканъ водки.

Выпивши до чиста водку, сватъ говоритъ:

— Водка водкою, а дѣло дѣломъ; старички говорятъ: «псй да ума не пропей—и дѣло разумѣй.»

— Осмотрѣвши избу и обошедши три раза по лавкамъ, сватъ осматриваетъ невѣсту съ головы до *пятъ*.

Начинаются переговоры. Сватъ высказываетъ достоинства жениха, стараясь сколько можно болѣе ихъ преувеличить. Испросивши наконецъ позволеніе у невѣсты ввести въ избу жениха, сватъ беретъ изъ подъ лавки вѣникъ, чтобы очистить дорожку отъ двери къ невѣстѣ. Дверь отворяется. Протянувши руку въ сѣни, сватъ вводитъ жениха.

Полюбовавшись другъ на друга довольно долго, женихъ и невѣста изъявляютъ взаимное согласіе вступить въ законный бракъ. Отецъ невѣстинъ благодаритъ жениха, за то, что тотъ не обошолъ его дочери, что не *побрезговалъ* ею. Родители снимаютъ Св. Иконы и благословляютъ жениха и невѣсту, которые послѣ образованія цѣлуются.

Когда кончился обрядъ, сватъ вытаскиваетъ изъ-за пазухи добрую осьмуху водки и подчуетъ всѣхъ, находящихся при образованіи.

—

Насталъ канунъ свадьбы. Изстари заведено праздновать вечера этого дня. Вотъ какъ начинаются дѣвичники у насъ въ простонародіи.

Женихъ ѣдетъ къ невѣстѣ съ подженишникомъ, (*) дружкомъ, съ сватомъ, дядькою (**) и привозитъ большой обѣдъ, который состоитъ изъ вареной и жареной говядины, баранины, свѣжинины, ветчины; вотрушекъ, пироговъ, короваевъ; вареной и жареной птицы разной; нѣ-

(*) Шаферъ.

(**) Обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы одѣвать жениха, и вообще исполнять его прихоти.

Digitized by Google

сколькихъ штофовъ водки, наливокъ, пива, мёду, браги, и, установивши все это на столѣ, покрытомъ невѣстиною роднею заблаговременно, всѣ садятся за столъ. Женихъ съ невѣстою не обѣдаютъ вмѣстѣ за общимъ столомъ, и сидятъ по разнымъ угламъ избы.

Вскорѣ послѣ обѣда женихъ съ дядькою выходятъ въ сѣни. Сваха и младшій сватъ (*) покрываютъ холстомъ дѣвушекъ, всѣхъ, сколько случится на дѣвичникѣ.

Является женихъ. Обошедши нѣсколько разъ порядовно, онъ долженъ узнать свою нареченную. Узнавши—стаскиваетъ покрывало, и по приговору игрицъ-пѣвицъ долженъ непремѣнно поцѣловать ее въ уста *сахарныя*.

Между тѣмъ какъ женихъ и невѣста садятся за столъ, игрицы-пѣвицы поютъ слѣдующую пѣсню:

Черна, черна былка
На горкѣ стояла,
Главу преклоняла.
Гора-ль моя горка!
Скажи мнѣ всю правду:
Скоро-ль зима будетъ,
И какая будетъ?
Лютые-ль морозы,
Снѣга-ль глубокія,
Вѣтры-ли буйныя,
Тучи-ли грозныя?

Попойкѣ нѣтъ конца. Гораздо за полночь расходятся гости по домамъ, едва держась на ногахъ.

На утро готовится поѣздъ къ вѣнцу. Женихъ съ С. сватомъ, дружкомъ, подженишникомъ, дядькой, съ посаженными отцомъ и матерью, везутъ къ невѣстѣ въ домъ *три яства*, т. е. три какія нибудь кушанья.

Поѣзжане поютъ пѣсню:

Ужъ какъ выпалъ снѣжокъ,
Чуть видѣнъ сталъ слѣдокъ.
А мы по слѣдочку....

(*) Сватъ со стороны невѣсты.

Digitized by Google

Кони утомились
Сами уморились.
Здѣсь коней покормимъ,
Здѣсь сами отдохнемъ.

Сѣнная дверь, которая до сихъ поръ была заперта, постепенно отворяется....

— По какому виду по слѣдочку вы пріѣхали?

— Себя показать, а васъ посмотрѣть, отвѣчаютъ поѣзжане въ одинъ голосъ.

Въ углу подлѣ невѣсты сидитъ ея братъ (если есть), или кто нибудь изъ родственниковъ, и держитъ въ рукахъ какое нибудь орудіе (скалку или ухватъ).

— Мы слышали, товаръ есть у тебя продажный? говоритъ сватъ, вышедши изъ толпы; покажи его намъ, быть можетъ полюбится, такъ мы его купимъ.

— Дорого запросимъ?

— А мы дорого дадимъ, товаръ не упустимъ, за собою оставимъ; что возмешь?

— Золотую гривну, мѣдную полтину, да четыре стакана водки.

— Какихъ стакановъ?

Братъ невѣстинъ показываетъ стаканъ, который немедленно наливается одинъ за другимъ.

— Въ избѣ четыре угла, да пятый столбъ, говоритъ продавщикъ, выпивши молодцомъ четыре стакана водки.

И ему наливаютъ пятый стаканъ.

— Ну вотъ тебѣ и товаръ нашъ, говоритъ братъ, указывая на косу сестры.

Въ это время С. сватъ бьетъ его слегка плетью и гонитъ вонъ изъ избы.

Три яства становятся на столъ. Закусивши слегка, всѣ ѣдутъ къ вѣнцу. Женихъ съ С. сватомъ ѣдутъ впереди, чтобы успѣть встрѣтить невѣсту на паперти церковной.

Поѣзжане затягиваютъ слѣдующую пѣсню:

Пѣзжайте бояре,
Снимайте собольи шапки.

Digitized by Google

Въ это время поѣзжане снимаютъ шапки.

Вы хватайте бояре
Скорѣй хмѣлиныя перья.

Сваха обсыпаетъ всѣ шапки какимъ нибудь хлѣбомъ. Обрядъ этотъ называется — *обсыпанье хмѣлемъ*. Зерна, случайно упавшія въ шапки, берегутъ для яроваго посѣва.

Поѣздъ двинулся и поѣзжане грянули новую пѣсню:

Повозникъ кудрявый!
Пріударь коня больно,
Чтобы конь бѣжалъ бодро.
Чтобъ я не слыхала
Какъ матушка плачетъ,
Какъ тяжко вздыхаетъ.
Зажгу пукъ лучины
Туда, сюда въ дверку, —
Въ еловую клетку.

Далеко уже отъѣхавши отъ дому поютъ:

Пала, припала молодая пороша,
По той по порошѣ слѣдинка лежала,—
По той по слѣдинкѣ куна пробѣжала,
За тою куною охотнички ѣздятъ;
Охотнички гаркаютъ, — гаркаютъ, свищутъ,
Куну братья (имя невѣсты).... ищутъ!
Коней утомили, — куну уловили.

Послѣ вѣнца, не далеко отъѣхавши отъ церкви, молодой князь расплетаетъ косу женѣ своей на двое.

Только что поѣздъ двинулся съ мѣста, игрицы-пѣвицы начинаютъ пѣть:

Воскрякнули гуси, —
Оку переплывши,
Тростники перешедши
И на горку вшедши.
Свѣтъ моя волюшка!
Батюшки подворье?!

Digitized by Google

Потомъ, обращаясь къ невѣстѣ:

Рѣка-ль моя рѣченька,
Рѣка-ль моя быстрая,
Что течешь не колышишься,
Изъ бережковъ не выльешься?
Что сидишь припечалившись,
Что сидишь не усмѣхаешься,
Говоришь не улыбаешься?
Вы сестрицы-подруженьки,
Ахъ, какъ же мнѣ веселой быть:
Нѣтъ уже у меня родимыхъ
Ни батюшки, ни матушки?

Близко уже подъѣзжая къ дому:

Измѣшкали темну ночь:
Прождалась соколина матушка.
Соколика долго нѣтъ:
Его красныя дѣвки *збашли*,
Въ высокъ теремъ завели,
Тертыми калачами кормили,
Сытою водою поили.

Пріѣхавши отъ вѣнца, всѣ садятся за столъ. Послѣ обѣда, въ особомъ отдѣлѣ, стелятъ для молодыхъ постель изъ ржаныхъ колосьевъ, выдернутыхъ изъ 40 сноповъ.

На другой день послѣ свадьбы женихъ съ невѣстою объѣзжаютъ свою родню и приглашаютъ на *княжой пиръ*.

С. сватъ стучится въ дверь и говоритъ:

— Прохоръ Сергѣичь дома? коли дома—скажись; коли нѣтъ—откажись? — Подойди къ нашимъ молодымъ поближе, молодые тебѣ поклонятся пониже. Бьетъ, какъ князь молодой съ княгинею, буйною головою, винною чарою; чарочку выпивай, а молодыхъ подаряй—не рублемъ—полтиною, золотою гривною; а когда будетъ твоя честь, такъ рубликовъ шесть; а чушку за ушко, ярочку за поярочку, кобылку за гривку, коровку за рожки. Наше дѣло на ново—намъ много надобно; на шильце, на мыльце, на румянцы, на бѣлильцы.

Digitized by Google

Сватъ проситъ Прохора Сергѣича *поломаться*, т. е. сказать: *сладко*, или *горько*, когда тотъ пьетъ за здоровье молодыхъ, для того собственно, чтобы заставить ихъ цѣловаться.

Когда молодые возвращаются домой, застаютъ у себя уже множество гостей, приглашенныхъ на княжой пиръ.

Пиръ идетъ горою. Игрицы-пѣвицы поютъ пѣсни безъ умолку.

Пѣсня жениху:

Григорій Семеновичь!
Кто тебѣ рубашку прялъ?
Кто прялъ тебѣ льняную?
Пряла Маланьюшка. (т. е. бывшая невѣста).
Она тонко пряла,
Частенько вышивала,
Бѣло ее бѣлила, —
Съ сволчиною мыла.
Шила вышивала,
И блестки сажала.

Передъ С. сватомъ становятъ стаканъ съ пивомъ и величаютъ такъ:

У Ивана Иваныча на дворѣ
Виноградье расцвѣло,
И немножко выцвѣло:
Четыре только ягодки.
Иванушка ягодка, (самъ сватъ),—
Афросиньюшка ягодка, (жена его).
Максимушка ягодка, } (дѣти ихъ).
Катеринушка ягодка. }

Вотъ какъ обыкновенно происходятъ свадьбы въ Орловской губерніи, сопровождаемыя пѣснями и плясками, и кончающіяся княжимъ пиромъ; но крестьяне зажиточные *бражничаютъ* иногда цѣлую недѣлю.

Д. Ханыковъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ОТРЫВКИ ИЗЪ НОВАГО РОМАНА:

МИХАЙЛО ЧАРНЫШЕНКО.

(Москвитянинъ въ предпрошедшей книжкѣ извѣстилъ читателей объ этомъ примѣчательномъ произведеніи. Чтобъ познакомить ихъ еще болѣе съ молодымъ Авторомъ, выступающимъ на поприще Русской Словесности, помѣщается здѣсь этотъ отрывокъ).

Михайло и молодой козакъ намѣрены были ѣхать въ Гадячъ обыкновенною ѣзжалою дорогою, по которой, какъ я уже сказалъ, отправился полковой судья; но Запорожецъ отсовѣтовалъ имъ, увѣряя, что знаетъ гораздо ближайшій путь.

— Эхъ, вы головы разумныя! прибавилъ онъ, видя, что козаки не отстаютъ отъ своего намѣренія:—не успѣли выткнуть носъ изъ-за батьковскихъ воротъ, а уже хочете быть умнѣе стараго сѣчовика. Пусть будетъ и по вашему: ступайте вы своимъ путемъ, а я своимъ. Посмотримъ, кто выиграетъ. А чтобъ вы послѣ на меня не пѣняли, я напередъ скажу вамъ, что по большимъ дорогамъ шатается теперь всякая сволочь. Сами знаете, сколько гольтяпакъ, у которыхъ нѣтъ гроша въ карманѣ, тянется до Петербурга въ красныхъ ошейникахъ, и большая часть этого народу питается подаяніемъ, а подъ-часъ и воровствомъ. Поѣзжайте, когда хочете, чтобъ васъ нигдѣ не пустили въ домъ переночевать; и не ручаюсь, довезете ли вы до Гадяча свои торока. А я до́бре знаю, что, поѣхавши инымъ путемъ, ни разъ не буду имѣть вече́ри безъ варениковъ, и никто не украдетъ у меня даже тютюну на люльку. Прощайте, пано́ве-молодцы! не поминайте недобрымъ словомъ.

Сказалъ и поскакалъ отъ нихъ въ сторону.

Но Михайло и его товарищъ ни сколько не намѣрены были отставать отъ Запорожца. Они только хотѣли преклонить его на свое мнѣніе, а видя его рѣшительное упорство, опять соединились съ нимъ.

*

Digitized by Google

Послѣ нѣсколькихъ часовъ скорой ѣзды, они достигли рѣки Клевени, которая сотавляетъ естественную границу между нынѣшними Курской и Черниговской губерніями и соединяется съ рѣкою Сеймомъ на самомъ концѣ рубежа между Глуховскимъ и Королевецкимъ уѣздами.

Здѣсь они остановились подъ тѣнью осокоровъ, тянувшихся по правому берегу Сейма, и пустили коней своихъ на лугъ, покрытый густою травою и мѣлкими кустами верболозу.

Запорожецъ поставилъ своихъ спутниковъ въ такое къ себѣ отношеніе, что игралъ межъ ними роль атамана. Онъ сперва велѣлъ имъ развесть огонь, потомъ Михайлу поручилъ варить въ мѣдномъ казанкѣ кашу, или, говоря покозацки, *кулишъ*, а его товарищу—жарить застрѣленныхъ дорогóй дикихъ утокъ; самъ же, разлегшись у очага на буркѣ, закурилъ люльку и наблюдалъ за ихъ работою, дѣлая имъ при случаѣ нужныя наставленія и ссылаясь на авторитетъ своихъ сѣчевыхъ кашеваровъ.

Михайло охотно повиновался его распоряженіямъ. Онъ, подобно донъ Кихоту, принимавшему посвященіе въ рыцари отъ трактирщика, видѣлъ въ этомъ уже начало своего военнаго бивачнаго поприща, и варить кашу подъ чистымъ небомъ, на широкомъ лугу, при крикѣ чаекъ и фырканьи пасущихся лошадей, казалось ему гораздо почетнѣй и во сто разъ пріятнѣе, чѣмъ сидѣть въ нынѣшней Коллегіи, подъ тяжелыми сводами, при мертвомъ свѣтѣ дня, проходящемъ сквозь синія стекла глубокихъ ея оконъ.

Веселый Запорожецъ своими безпрерывными шутками и разсказами не давалъ его тоскѣ всплыть на поверхность изъ глубины души. Михайлу снова былъ радостенъ, снова ожили его надежды, и только иногда унылыя пѣсни козака Середы, которыя тотъ въ промежуткахъ разговоровъ, затягивалъ въ своемъ обычномъ раздумьи,—трогали въ его сердцѣ какую-то тайную струну. Тогда Михайло скорѣе обращался съ какимъ-нибудь вопросомъ къ Запорожцу, Запорожецъ снова пускался въ безконечное свое балагурство, и грустный козакъ замолкалъ, прислушиваясь къ ихъ бесѣдѣ, въ которой тоже находилъ успокоеніе своей тоски.

Нынѣшняя Курская губернія втиснулась между Черниговской Полтавской и Харьковской только узкимъ неправильнымъ клиномъ,

Digitized by Google

имѣющимъ форму сапога и составляющимъ Путивльскій уѣздъ. Вдоль этаго клина протекаетъ въ разнообразныхъ изгибахъ рѣка Сеймъ, развѣтвляясь на множество большихъ и малыхъ рукавовъ, которые, дробясь еще на меньшія струи, опутываютъ водяными нитями весь правый берегъ и составляютъ почти непрерывную гряду разной величины острововъ.

Путники наши, слѣдуя по направленію Сейма, часто переѣзжали чрезъ воду въ бродъ, чтобъ миновать его извилины, и когда поднимались на высоты лѣваго берега, зеленые острова, разбросанные на противоположной сторонѣ въ живописномъ безпорядкѣ и покрытые разнообразными группами рощицъ, между которыми изрѣдка бѣлѣли уединенные хутора,—представляли ландшафтъ прелестнѣйшій.

Если Запорожецъ до сихъ поръ доставлялъ Михайлу и его товарищу пріятность своимъ сообществомъ, то теперь онъ сдѣлался для нихъ необходимымъ проводникомъ; ибо край, чѣмъ дальше, становился пустыннѣе, и дорожки, переплетаясь одна съ другою во всѣхъ направленіяхъ, представляли подобіе раскинутой сѣтки, по которой они, безъ его помощи, бродили бы какъ въ лабиринтѣ. Но Запорожецъ, привыкшій къ подобнымъ поѣздкамъ на степяхъ Днѣпровскихъ, будто инстинктомъ чуялъ прямой слѣдъ и велъ своихъ спутниковъ съ увѣренностію туземнаго жителя. Особенно дивился Михайло его опытности при переправахъ чрезъ воду. Онъ съ удивительною вѣрностью угадывалъ, по теченію воды, по растеніямъ и положенію береговъ, удобнѣйшій бродъ, и ни одинъ разъ его выборъ мѣста для переправы не былъ неудаченъ.

Къ вечеру козаки оставили рѣку Сеймъ влѣвѣ и еще предъ закатомъ солнца достигли рубежа нынѣшней Харьковской губерніи, которая въ то время называлась *Украйною*, въ отмѣну отъ *Гетманщины* и *Запорожья*.

Пространство, занимаемое нынѣ этой губерніей, начало заселяться только въ половинѣ семнадцатаго вѣка выходцами изъ пограничной съ Польшею Украины, которая была тогда театромъ отчаянныхъ войнъ Хмельницкаго и позорищемъ самой варварской мести Поляковъ надъ народомъ Малороссійскимъ.

Московскій Царь позволилъ этимъ выходцамъ селиться на пустынныхъ своихъ степяхъ, тѣмъ охотнѣе, что они могли защищать границу его царства отъ Татаръ, которымъ эти дикія

Digitized by Google

степи служили широкимъ путемъ для набѣговъ на Московію и которыхъ мало удерживала даже сторожевая цѣпь кургановъ, протянутая еще съ давнихъ временъ отъ рѣки Ворсклы до устья Дона (ибо стоявшія въ укрѣпленныхъ городахъ Московскія рати, извѣщаемыя этими пограничными *сторожами* объ опасности, обыкновенно двигались медленно на отраженіе Татаръ и приходили въ помощь пограничью уже на обратные слѣды летучихъ ихъ отрядовъ). А чтобъ привлечь туда и другихъ поселенцевъ, онъ предоставилъ имъ полную свободу и независимость въ гражданскомъ управленіи, такъ что они не знали другой власти, кромѣ своихъ старшинъ и полковниковъ, избираемыхъ, по древнему обыкновенію, изъ среды себя, и не имѣли почти никакого отношенія ни къ царскимъ воеводамъ, ни къ гетману Малороссійскому.

За восемдесять лѣтъ до насъ этотъ край представлялъ еще картины дикой природы, мало измѣнившейся подъ владычествомъ человѣка. Узкія, едва пробитыя дороги тянулись чрезъ густые лѣса, чрезъ луга, никогда не слыхавшіе звука косы, и часто черезъ поля, не тронутыя отъ вѣка плугомъ земледѣльца, покрытыя высокою травою, степнымъ бурьяномъ и цѣлыми рощицами дикихъ вишенъ и терну. Отдѣльныхъ хуторовъ было мало, обработанныя земли лежали только вокругъ селеній, которыя по большей части окружены были рѣдутами и рвами.

Съ перваго взгляду замѣтно еще было въ этой сторонѣ то опасеніе нечаянныхъ набѣговъ, въ которомъ держали ее Крымцы и Ногайцы до половины восемнадцатаго вѣка. Впрочемъ это должно разумѣть больше о южной части Украины; ибо въ верхней части ея, лежащей по правую сторону Сѣвернаго Донца, въ описываемую мною эпоху давно уже не слыхать было о Татарахъ, и память объ нихъ сохранилась только въ преданіяхъ молвы народной, да въ полуразрушившихся редутахъ и крѣпостяхъ, которыя стали ненужны тамошнимъ обывателямъ со времени основанія Украинской Линіи, то есть съ тысяча-семсотъ-сорокъ-втораго года.

Козаки наши ѣхали быстрою рысью до самыхъ сумерекъ. Уже кони ихъ начали подбиваться, и Михайло въ каждомъ встрѣчномъ селѣ и хуторѣ предлагалъ Запорожцу остановиться. Но Запорожецъ всякой разъ отвѣчалъ, что чуетъ носомъ невдалекѣ

Digitized by Google

лакомый ужинъ съ наливками и варенухою, и что имъ остается еще проѣхать не болѣе двухъ верстъ.

Между-тѣмъ началъ повѣвать холодный вѣтеръ, небо мало-помалу покрывалось тучами, и скоро сдѣлалось такъ темно, что они съ трудомъ видѣли одинъ другаго. Спутники Запорожца начали изъявлять безпокойство, боясь заблудиться въ этихъ пустынныхъ поляхъ и попасть куда-нибудь въ байракъ или въ болото. Но онъ смѣялся надъ ихъ страхомъ и совѣтовалъ имъ, воротиться въ село, которое они только что оставили за собою. Однакожъ молодые козаки, не смотря на свои опасенія, рѣшились лучше продолжать невѣрную дорогу съ удалымъ Запорожцемъ, чѣмъ за одинъ ранній ночлегъ разстаться съ нимъ можетъ быть, навсегда.

— Эхъ, вы головы разумныя! сказалъ имъ обыкновеннымъ своимъ тономъ Запорожецъ: — вамъ бы только кошекъ гонять за печкою! Не велика, кажется, мудрость слушаться умнаго человѣка, но вы и того не умѣете. Уже не даромъ мой ворономъ такъ претъ впередъ: онъ чуетъ для себя доброе стойло; а когда угостятъ коня, то человѣкъ безъ вечери не будетъ. Не унывайте, хлопята: если мы сегодня ляжемъ спать безъ варениковъ, не стóитъ копѣйки, и я любому изъ васъ отдамъ его за люльку тютюна.

Ободривъ такимъ образомъ своихъ товарищей, онъ присвистнулъ на своего коня и помчался быстрымъ галопомъ.

Чрезъ четверть часа они увидѣли вдали нѣсколько огоньковъ, сверкавшихъ прямою линіею на темномъ горизонтѣ. Михайло и козакъ Середа привѣтствовали это явленіе радостными восклицаніями; даже ихъ кони оживились и подняли шеи, почуявъ близость ночлега. Но Запорожецъ и его конь сохранили прежнее свое спокойствіе.

Мѣсяцъ какъ-будто ожидалъ только пока козаки не будутъ въ немъ нуждаться, чтобъ вдругъ явиться въ полномъ блескѣ. Въ одно мгновеніе, какъ послѣ пробужденія отъ сна, открылось предъ ними обширное поле, усѣянное высокими насыпями и перевитое частыми изгибами узкой рѣчки, которая, мѣстами блестя какъ сталь, отдѣлялась рѣзко отъ мутной зелени береговъ, мѣстами была темнѣе самой травы и вилась по ней какъ черный поясъ. За рѣчкою бѣлѣло на возвышеніи село, на краю котораго панскій домъ свѣтился пятью окнами.

Digitized by Google

— Вишь лысый дѣдусь! сказалъ Запорожецъ, когда мѣсяцъ высунулъ изъ-за тучи свою кругую голову:—теперь ты и показался, когда мы уже и безъ твоей ласки наткнулись на вареники; а тогда тебя и не принесло, какъ наши молодцы насилу въ сѣдлѣ держались отъ страху!

— Однакожъ, пане Щербино, отвѣчалъ Михайло, когда они начали приближаться къ рѣчкѣ:—не для однихъ насъ пригодилась лысина стараго мѣсяца: смотри, мостикъ цѣлъ только до половины, и безъ этого «лысаго дѣдуся» ты какъ разъ покупался бъ тутъ со своимъ воронымъ.

— Эхъ, голова ты разумная! отвѣчалъ Запорожецъ:—да еслибъ мой вороной далъ тутъ прóмаху, такъ я однимъ ударомъ шаблюки послалъ бы его сатанѣ на вечéрю!

И, принявъ на своемъ сѣдлѣ положеніе летящаго коршуна, онъ гикнулъ дикимъ, пронзительнымъ голосомъ, и, прежде чѣмъ эхо разнесло по полю его гикъ, былъ уже на другомъ берегу.

Оба спутника его оторопѣли отъ изумленія. Мостъ былъ довольно высокъ, и обломокъ его отстоялъ отъ берега болѣе, чѣмъ на двѣ сажени. Это пространство утыскано было тонкими полусогнувшими сваями, и если бы прыжокъ не удался, погибель Запорожца былабъ ужасна!

— А что жъ вы стали? кричалъ онъ съ той стороны:—Эй, вы! головы вы разумныя! что стали? махай за мною!

— Нѣтъ, пане Щербино, отвѣчалъ Михайло:—махай уже ты самъ, когда у тебя есть про запасъ другая голова; а намъ скажи лучше, можно ли тутъ переѣхать въ бродъ?

— Можно. Смѣло рушáй, говорилъ Запорожецъ:—тутъ куриѣ по колѣни не будетъ.

И точно, рѣчка въ томъ мѣстѣ была такъ неглубока, что козаки переѣхали, не замочивъ даже ногъ.

Мѣсяцъ снова зашелъ въ тучу, но изливалъ еще сквозь нее столько свѣту, что путники, приближаясь къ дому, могли разсмотрѣть въ полумракѣ его позицію. Домъ этотъ стоялъ на возвышеніи, посреди широкаго подворья, или вѣрнѣе сказать—площади, пронизанной отъ воротъ до крыльца въ два ряда низенькими строеніями и обведенной рвомъ и валомъ, на которомъ мѣстами виднѣлись остатки частоколу и деревянныхъ засѣковъ. Вѣтеръ колыхалъ на валу высокій бурьянъ, спускавшійся во глубину рва, на днѣ котораго журчалъ потокъ, то

Digitized by Google

умолкая при налетѣ вѣтра, то снова отзываясь изъ глубины, когда шумъ и свистъ его уносился далѣе.

Козаки, по обѣ стороны Запорожца, смѣло взъѣхали на дворъ, сквозь массивную и чрезвычайно низкую арку воротъ, чорную, косматую, которой кирпичи, осыпаясь съ каждымъ годомъ, образовали у ея подошвы покатистыя насыпи, поросшія травой и какъ-бы ползущія безпрестанно вверхъ, чтобъ погребсти наконецъ въ землѣ гнетущую ее руину.

Въ это самое время на рундукѣ дома показался свѣтъ, и путники увидѣли издали нѣсколько человѣкъ, выходящихъ изъ дому при свѣтѣ фонаря.

Запорожецъ далъ знать своимъ товарищамъ, чтобъ они молчали, и остановился посреди двора, внимательно разсматривая эту группу.

Свѣтъ фонаря, разливая яркое освѣщеніе на ближайшіе предметы, усиливалъ окружающую ихъ темноту, и отъ того группа людей, явившаяся на рундукѣ, котораго столбы и потолокъ были освѣщены, представилась козакамъ какъ-бы висящею въ огромномъ фонарѣ на воздухѣ, по которому во всѣ стороны простерлись стдѣльные, широкіе, мутные лучи и переломились слабымъ мерцаніемъ на боковыхъ строеніяхъ двора.

Читатель, можетъ-быть, ждетъ тутъ чего-нибудь таинственнаго; но эта сцена кончилась черезъ минуту самой простой развязкою. Хозяинъ, старый панъ съ сѣдыми усами и чуприною, въ длинномъ коричневомъ кафтанѣ, съ низко подпоясаннымъ широкимъ поясомъ, провожалъ двухъ гостей въ красныхъ жупанахъ и въ какой-то особенной формы шапкахъ съ перомъ, которыхъ они, къ немалому удивленію козаковъ, не снимали даже и тогда, когда брали изъ рукъ хозяина послѣдній кубокъ *на дорогу*. Остальныя лица этой группы были — два человѣка, державшіе передъ гостями на большихъ дервянныхъ тарелкахъ закуску, да еще мальчикъ съ фонаремъ и два человѣка на ступенькахъ рундука, державшіе за поводья осѣдланныхъ лошадей.

Распрощавшись съ хозяиномъ, гости сѣли на коней и скрылись въ темнотѣ. Но хозяинъ все еще стоялъ на рундукѣ и прислушивался къ топоту ихъ лошадей. Вдругъ, при поворотѣ фонаря, онъ замѣтилъ на дворѣ трехъ нашихъ всадниковъ и сказалъ радостнымъ голосомъ:

Digitized by Google

— Слава Тебѣ Господи! вотъ еще гости!

Михайло и козакъ Середа, обрадованные такимъ радушнымъ восклицаніемъ, тронулись было съ мѣста; но Щербина остановилъ ихъ и сказалъ:

— Постойте, разумныя головы; *не пхайтесь наперед батька въ пекло.* По всему видно, что нашъ хозяинъ долженъ быть изъ старинныхъ пановъ и вѣрно знаетъ запорожскіе обычаи. Надо привитаться съ нимъ посвоему; за это онъ поднесетъ намъ лишній *михалокъ* (*) наливки.

И, не трогаясь съ мѣста, онъ закричалъ:

— *Пугу! пугу! пугу!* (Это у Запорожцевъ значило: здравствуй! какъ поживаешь?).

— Что за диковинка? сказалъ хозяинъ: — да это сѣчовые! чего лучше!

И, припомнивъ условный языкъ Запорожцевъ, который они употребляли, чтобъ отличать «своихъ» отъ «Гетманцевъ», онъ закричалъ ему въ отвѣтъ вопросительнымъ тономъ:

— *Пугу, пугу?* (То есть: что вы за люди и откуда?)

А Запорожецъ отвѣчалъ ему въ риѳму:

— *Козаки зъ Лугу.*

— *Повышайте тамъ, де и наши,* сказалъ хозяинъ (То есть: привяжите своихъ лошадей возлѣ нашихъ, на конюшнѣ): — *а самихъ просимъ до хаты.*

Разговаривая такимъ образомъ съ хозяиномъ, Запорожецъ не замѣтилъ, что два незнакомца въ красныхъ жупанахъ и въ пернатыхъ шапкахъ, проѣхавъ къ воротамъ, снова воротились и остановились позади ихъ, въ нѣкоторомъ разстояніи. Одинъ только Михайло обратилъ на это вниманіе, и между тѣмъ какъ Щербина игралъ съ хозяиномъ въ лаконизмы, а козакъ Середа дивился отъ всей души ихъ разговору, онъ услышалъ позади себя нѣсколько словъ, которыя заставили его сильно призадуматься.

— Это они, говорилъ первый голосъ.

— Такъ, они. Теперь, братъ, мы смѣло считай у себя въ карманѣ по сту дукатовъ.

— Не лучше ли намъ остаться ночевать у пана Бардака? Равно онъ такъ насъ упрашивалъ, говорилъ опять первый голосъ.

(*) Такъ называется ковшикъ, которымъ пьютъ водку.

Digitized by Google

— Нѣтъ, братъ, отвѣчалъ ему другой:—ворочаться неловко. Статься можетъ, что они видѣли уже которую-нибудь изъ нашихъ сторóжъ и могутъ постеречься.

Михайло, можетъ-быть, услышалъ бы еще и больше, но Запорожецъ кончилъ уже оригинальное свое объясненіе съ панóмъ Бардакомъ и двинулся къ рундуку. Михайло долженъ былъ слѣдовать за нимъ.

Тутъ хозяйскіе слуги взяли ихъ лошадей, а панъ Бардакъ, сдѣлавши имъ установленныя обычаемъ привѣтствія, повелъ ихъ за собой въ свѣтлицу.

Во-шедши за хозяиномъ въ свѣтлицу, козаки увидѣли на столѣ слѣды только-что конченнаго ужина и нѣсколько кувшиновъ и кружекъ, стоящихъ въ безпорядкѣ промежъ стеклянныхъ и сребряныхъ чарокъ, кýхлей и коряковъ.

Запорожецъ помолился иконамъ, поклонился хозяину и сказалъ:

— *Отамáне, товариство, ваши головы.* (Это значило: — поручаемъ свои головы святости гостепріимнаго крова).

Хозяинъ, перецѣловавшись сперва съ каждымъ изъ нихъ, тоже кланялся и отвѣчалъ:

— *Ваши головы, ваши головы.* (То есть: а мы отдаемъ свои головы въ ваше распоряженіе). Просимъ, панóве молодцы, садиться.

Между тѣмъ онъ окинулъ внимательнымъ взглядомъ своихъ гостей и заключилъ, что Михайло долженъ быть межъ ними господиномъ. Его богатое вооруженіе, его ровный и роскошный ростъ, вольная поступь, а больше всего — благородная красота лица, показывали явно, что онъ взросъ не въ нуждѣ и принадлежитъ къ панскимъ дѣтямъ. Хотя-жъ Запорожецъ своею бойкостью и свободнымъ обращеніемъ, а также щегольствомъ наряда и оружія, могъ бы, казалось, поколебать это заключеніе; но у Малороссійской знати было тогда въ обычаѣ держать при себѣ разодѣтыхъ какъ кукла Запорожцевъ, которые исправляли при нихъ вмѣстѣ должность адъютанта и шута. А потому онъ со всею вѣжливостью взявши Михайла подъ руку, просилъ его занять почетнѣйшее мѣсто за столомъ подъ образами. Но Михайло отказался отъ этой чести и сказалъ, что старшій межъ ними—панъ Щербина.

Съ своей стороны гости разсматривали хозяина, стараясь по

Digitized by Google

наружнымъ примѣтамъ опредѣлить степень его важности и установить для себя манеру обращенія съ нимъ.

Почтенныя сѣдины пана Бардака, его важный, хоть и веселый, видъ и звонкій голосъ, въ ласковомъ тонѣ котораго отзывалось что-то повелительное, внушили молодымъ козакамъ невольное уваженіе и заставили ихъ держаться старинаго правила, по которому молодые люди, сидя съ отцами и дѣдами за однимъ столомъ, должны были хранить ненарушимое молчаніе и слушать, что говорятъ старшіе, — хотя и безъ того козакъ Середа, все грустившій о своей сестрѣ и матери, а Михайло озадаченный подслушанною имъ рѣчью незнакомцевъ, расположены были болѣе молчать, чѣмъ говорить.

Что же касается до Запорожца, онъ нисколько не раздѣлялъ почтительнаго ихъ чувства и ничуть не перемѣнилъ своей обычной фамиліарности съ кѣмъ бы то ни было, какъ человѣкъ, который такъ много имѣлъ дѣлъ съ людьми, что для него всякой человѣкъ былъ какъ будто уже знакóмъ. Сидя на пóкутѣ, онъ вынулъ изъ кармана свою деревянную ложку и сказалъ хозяину:

— Прошу-жъ пана добро́дѣя, *пьхъ бе́ндзь лиска паньска*, какъ говорятъ Ляхи: — не гнѣваться, что я не буду ѣсть хозяйскою ложкою, бо у насъ на Запорожьи такой обычай. Всякой козакъ повиненъ имѣть свою ложку. Иногда бываетъ, пошлютъ съ какою-нибудь повѣсткою по зимовникамъ, то не разъ случится застать козаковъ за обѣдомъ. Ну, извѣстно, скажешь имъ какъ слѣдуетъ: *хлѣбъ да соль*. А уже Запорожцы не обойдутся безъ шутки. Съ разу не посадятъ за столъ, какъ панъ добро́дѣй насъ. Сидятъ себѣ, и не смотрятъ на тебя, только знай галушки лыга́ютъ; а одинъ кто-нибудь на твое *хлѣбъ да со́ль* скажетъ: *пьмо́ да свой, а ты у порога постóй*. Вотъ тутъ уже не плошай, а то заразъ назовутъ о́лухомъ *. Скорѣй ложку изъ кишени ** (бо нашому брату сѣчовику не пристало, якъ табунщики, носить ее въ кожаномъ ложечникѣ около пояса),—ложку зъ кишени, да до стола: Э, нѣ, братци, давайте и мнѣ мѣсто! То уже какъ увидятъ, что козакъ бывалый, такъ заразъ тебѣ михалокъ горѣлки въ руки, да и садятъ подлѣ отамана.

* *Олухъ* или *о́глухъ* — безсмысленный человѣкъ.

** *Кише́ня* — карманъ.

Digitized by Google

— Вотъ какъ у васъ! говорилъ хозяинъ съ невольною усмѣшкою, ибо наружность Запорожца имѣла особенное свойство поселять въ его собесѣдникахъ веселое расположеніе духа и внушала непреодолимую охоту смѣяться.

— Я всегда любилъ Запорожцевъ, продолжалъ онъ: — на нихъ еще только и опирается вся наша вольность; а не будь Запорожья, не будетъ и Украины. Славный народъ! Умѣетъ хорошо рубиться, а еще лучше пить, а еще лучше шутить. У меня даже есть цѣлая книжка объ ихъ обычаяхъ и разныхъ фортеляхъ. Она досталась мнѣ отъ покойнаго моего тестя, который самъ былъ въ Сѣчи куреннымъ атаманомъ, а потомъ воротился на отцовскую землю. Начинается она такъ: «Обычаи Запорожскіе чудны, поступки хитры, рѣчи и вымыслы остры и большею частію на критику похожи».

— Такъ, такъ, сказалъ Запорожецъ.—Только уже, пане добродѣю, не долго остается намъ забавлять Божій міръ своими шутками. «Убрали уже насъ въ мѣшокъ.» Москали добре своими линѣями, крѣпостьми, да сербскими ротами; «осталось имъ еще придумать, какъ завязать этотъ мѣшокъ». Но чтожъ ты будешь дѣлать, когда такая, видно, воля Божія! Не даромъ у насъ ведется издавна пророчество, что будетъ когда-то на Москвѣ «Царица бѣлая», которая распугаетъ Запорожцевъ, какъ дикихъ чаекъ, по всему свѣту!

— Кажется, что на то похоже, отвѣчалъ панъ Бардакъ, задумчиво потупя голову:—кажется, что на то похоже. Но оставимъ это: *що буде, то буде; а буде те, що Богъ дастъ*. Такъ говорилъ батько козацкій Богданъ Хмельницкій, и врагъ меня побери, когда на свѣтѣ было что-нибудь умнѣе этого сказано! Что-жъ, любезные мои гости? скажите мнѣ теперь, куда васъ Богъ несетъ, коли ласка ваша, бо у меня часомъ бываютъ и такіе, что балы точатъ, а что они за люди, отъ нихъ и въ пять дней не добьешься. Вотъ, напримѣръ, эти красные жупаны, которые только что передъ вашимъ пріѣздомъ выѣхали. Можетъ-быть, вы ихъ даже встрѣтили.

— Да, мы ихъ видѣли, сказалъ Михайло:—чтожъ это за народъ такой?

— А Богъ ихъ знаетъ. Вотъ, какъ видите: пріѣхали, наѣлись, напились, поѣхали; а спросите, что за гости у меня были, я и самъ вамъ не скажу. У нихъ и платье не по нашему, и

Digitized by Google

выговоръ словъ какой-то странный, и всѣ ухватки ихъ совсѣмъ не наши. Одно только знаю, что они крестятся похристіянски. Но хрѣнъ имъ! что они для насъ за важныя особы? Вы мнѣ скажите лучше о себѣ, дорогіе гости; что вы за люди?

— Люди какъ люди, отвѣчалъ Запорожецъ: — съ руками, съ ногами, съ головою; а куда ѣдемъ, это другое дѣло. Можетъ-быть, панъ добро́дѣй слышалъ, какая суматоха поднялась теперь на Гетманщинѣ. Всѣ прутся до столицы, якъ грѣшныя души до пекла *. Вотъ и мои молодцы ѣдутъ въ Гадячъ, чтобъ пристать тамъ до вербунки.

— Въ Гадячъ! сказалъ панъ Бардакъ.—Плохожъ, пано́ве, вы начали свое дѣло видно, вы не помолились сперва Богу и не поблагословились у отца-матери.

— А чтожъ такое этотъ Гадячъ? спросили разомъ Михайло и козакъ Середа.

— Да не Гадячъ, козаки, не Гадячъ, а тотъ, кто въ Гадячѣ,—Крыжановскій проклятый! Наши слобожане хорошо уже знаютъ, что это за человѣкъ. Всѣ добрые люди бѣгутъ отъ него, какъ отъ антихриста, и не дай Боже никому связаться съ нимъ: пропадетъ и тѣломъ и душею. Пока не было этого окаяннаго пройдисвѣта въ Гадячѣ, все межъ нашими панами было спокойно. Развѣ только разъ въ годъ услышишь, бывало, что гдѣ-нибудь пострѣлялись за кусокъ поля, да тутъ же и запьютъ свою ссору. А теперь, особенно тамъ дальше за Ахтыркою, ни одного панскова двора вы не найдете безъ валовъ и засѣковъ; и тѣ самія пушки, которыми наши отцы отгоняли Татарву, теперь паны ставятъ одинъ противъ другаго. Я самъ даже думаю поправить частоколъ и поднять на колеса дѣдовскіе чугунные пистолеты, которые заснули уже, врывшись въ землю. Чего добраго! найдется, можетъ-быть, и на меня какая бестія. Проклятый антихристъ сидитъ какъ паукъ въ своемъ Гадячѣ и опутываетъ сѣтьми всѣ наши слободы. Его шпіоны такъ и шныряютъ по всѣмъ закоулкамъ, какъ демоны на искушеніе рода человѣческаго. Мы знаемъ, чего онъ добивается; но не удастся и самому дидьку пекельному....

— Откуда жъ онъ взялся? спросилъ Запорожецъ. — Вѣдь онъ, какъ ты, пане ота́мане, сказалъ, не изъ здѣшнихъ сторонъ?

(*) *Пе́кло* адъ.

Digitized by Google

— Нечистый его знаетъ, откуда принесло его на Гетманщину! Этого вамъ не скажетъ навѣрно ни одинъ человѣкъ. Одни говорятъ, что онъ Жидъ; а другіе, что онъ Черногорецъ. Есть и такіе, что называютъ его прямо таки невѣрнымъ Турчиномъ. Не можно знать, кто говоритъ правду. Но то уже вѣрно, что онъ знается съ лукавымъ. Богатства его неизчислимы; онъ успѣваетъ во всемъ, чтобъ ни затѣялъ, и говорятъ, будто умѣетъ дѣлать такія чаровання, что при всемъ его безобразіи, никакая женщина не можетъ ему противиться. Только наведетъ свои грѣшныя очи на красавицу, то уже и его ...

Михайло невольно вспомнилъ тутъ Катерину. Запорожецъ нахмурился и проворчалъ:

— Что за чортъ?...

— Но приснись ему сатана! продолжалъ хозяинъ: — такого великаго грѣшника не годилось бы и вспоминать за святымъ хлѣбомъ.

— Хлопцы! закричалъ онъ, оборотясь къ своимъ слугамъ: а что жъ вы, бѣсовы дѣти, заснули тамъ у порога? Давайте еще что-нибудь! Да сказать кухарю, чтобъ поспѣшилъ съ варениками!

— Выбачайте *, милые гости, сказалъ онъ потомъ, перемѣняя вдругъ грозный голосъ феодала на ласковый тонъ гостепріимнаго Украинца:—выбачайте, что застали на голодную вечерю. Когдабъ вы пріѣхали двумя часами раньше, вы не пожаловались бы на скупость пана Бардака; да и кубокъ наливки пріятнѣе было бъ вамъ взять изъ бѣлыхъ рукъ моихъ панночокъ, которыя теперь уже спятъ, чѣмъ отъ меня старика Л?— Особенно тебѣ, козаче, примолвилъ онъ, оборотясь къ Михайлу, котораго цвѣтущая красота, повидимому, плѣнила стараго пана (ибо замѣчено, что родители красивыхъ дочекъ въ особенности любятъ выбирать для нихъ и жениховъ красивыхъ, какъ-будто имъ жаль свою прелестную картинку вставить въ старую или неуклюжую раму). — А можетъ-быть, и твоему сосѣду такъ же? продолжалъ панъ Бардакъ: хоть по его глазамъ я и вижу, что онъ оставилъ дома коханку. А о тебѣ, то бравый рыцарь, я уже и не говорю: Запорожца люлька ютюну большей значитъ, чѣмъ всякая красавица:

(*) *Выбачайте*—извините.

Digitized by Google

Мѣнъ зь жо́нкою не возиться,
А тютюнъ да люлька козаку въ дорозѣ знадобиться.

Такъ, пане Щербино?

Не извѣстно, что отвѣчалъ бы Запорожецъ, еслибъ въ это самое время два хлопца не поставили на столъ, на деревянной тарелкѣ, огромной щуки, которая на эту пору, при хорошемъ его аппетитѣ, показалась ему самымъ достойнымъ предметомъ для вниманія и размышленія.

— Не во гнѣвъ тебѣ, пане ота́мане, будь сказано, говорилъ онъ, обращаясь къ хозяину: — твои хлопци настоящіе о́лухи: не умѣютъ даже какъ слѣдуетъ поставить рыбы на столъ. Ты бъ отправилъ ихъ хоть на одинъ годъ въ нашу Сѣчь поучиться добрымъ обычаямъ.

— А какъ же надо бы поставить ее по вашему, по сѣчевому?

— У насъ, *шановный мосци пане добродзѣю*, какъ говорятъ Ляхи, дѣлается все съ толкомъ, отъ великихъ вещей и до малыхъ. Какъ только наступитъ часъ обѣду, кухари наливаютъ всякую страву * въ деревянные ваганы́ ** и ставятъ ихъ *на сырно*, то есть, по вашему сказать бы просто — на столъ ***; а рыбу ставятъ *на стяблю*, а по вашему—на подставкахъ, выше ваганóвъ, чтобъ она по всѣмъ столамъ была на виду, и притомъ такъ, что каждая рыбка, хоть бы то была самая мѣлкая плотва, должна лежать головою противъ того мѣста, гдѣ сидитъ ота́манъ.

Тутъ онъ поворотилъ лежавшую передъ нимъ щуку головою къ пану Бардаку.

— Да, сказалъ панъ Бардакъ:—это у васъ обычай похвальный. Смотрите жъ вы, о́лухи, какъ справедливо назвалъ васъ панъ Щербина, чтобъ вы всегда ставили рыбу и все прочее — головою къ отаману. Ну, скажите жъ вы мнѣ, пано́ве *голштинцы*, издалека ли вы ѣдете?

— Я ѣду изъ Глухова, отвѣчалъ Михайло.

— Бывалъ я когда-то въ Глуховѣ, говорилъ панъ Бардакъ. У меня тамъ есть старинный мой сослуживецъ и кумъ, полковый судья Животовскій. Славный человѣкъ! Богъ знаетъ, каково ему теперь живется, а когда-то, въ старые годы, мы съ

* *Страва* — кушанье.

** *Ваганъ* — большая деревянная чаша.

*** *На сырно*—значило собственно на столъ, покрытомъ скатертью.

Digitized by Google

нимъ, да съ его покойною Ганною Ивановною, да еще, когда знаете, съ Яковомъ Ивановичемъ Коробкою, полковымъ асауломъ, добре скакали черезъ огонь чебера́чки. Бывало, соберется къ нему или къ Якову Ивановичу Коробкѣ гостей полная свѣтлица,—шумъ, смѣхъ, музыка, пѣсни.... Нѣтъ, братцы, теперь уже такъ не веселятся: на все, видно, есть своя пора. Ты жъ, козаче, изъ самаго таки Глухова ѣдешь, или нѣтъ?

— Я оттого сказалъ—ѣду изъ Глухова, что тамъ служилъ я въ Коллегіи; а отецъ мой, сотникъ Чарнышъ, живетъ недалеко отъ Глухова, въ Воронѣжѣ.

— Чарнышъ. Это не тѣхъ ли Чарнышей, которые такъ славно воевали въ *Шведчину*, и изъ которыхъ потомъ одинъ, генеральный судья Иванъ Чарнышъ, былъ товарищемъ несчастнаго нашего Полу́ботка?

— Да; дѣдъ мой былъ родной братъ Ивана Чарныша, отвѣчалъ Михайло.

— О, такъ я считаю за честь имѣть своимъ гостемъ двоюроднаго внука одного изъ послѣднихъ нашихъ страдальцевъ, которыхъ имена будутъ вовѣкъ священны для Малороссіи!

При этомъ глаза его оживились какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Онъ обнялъ Михайла съ горячностью и сказалъ:

— Старайся жъ, братику, и ты достойно поддержать славу своего рода. Фамилія Чарнышей всегда была одною изъ самыхъ благородныхъ и усердныхъ для отчизны фамилій въ Малороссіи.—Ну, а ты, козаче? обратился онъ къ Середѣ.

— Что меня спрашивать? отвѣчалъ Середа.—Я бѣдный козакъ изъ-подъ Нѣжина. Мать моя за послѣдніе гро́ши справила мнѣ коня, какъ та вдова своему Ивасю Коновче́нку, что поютъ въ пѣснѣ.

— А, Коновченко, Коновченко!... Ты, братику, припомнилъ мнѣ славную пѣсню, да жаль, что мой бандуристъ нездоровъ, а то было бъ чего послушать хоть бы и вашему пану сѣчевому. — Ну, смотри жъ, козаче, воюй и ты такъ храбро, какъ вдовиче́нко Коновче́нко. — Теперь, пане Щербино, скажи мнѣ ты, куда ты ѣдешь такъ далеко отъ своей славной Сѣчи?

— Ѣду я въ гости къ одному своему старинному пріятелю. Не знаю, будетъ ли онъ мнѣ радъ или нѣтъ, только мнѣ крѣпко хочется съ нимъ увидѣться,

— Гдѣ жъ твой пріятель живетъ?

Digitized by Google

— Я и самъ еще не знаю этого.

— Какъ же ты ѣдешь, не зная самъ куда?

— Что объ этомъ толковать, сказалъ Щербина. — Обычаи Запорожскіе чудны, поступки хитры,—ты жъ самъ недавно говорилъ. Еслибъ я началъ тебѣ, пане отамане, все разсказывать, то не стало бъ на это и цѣлой ночи; а уже и такъ пора дать тебѣ покой, да и намъ отдохнуть съ дороги. Можетъ-быть, скоро доведется намъ еще увидѣться, тогда будетъ иное дѣло; а теперь—*не хвались, да Богу молись.*

Еще нѣсколько времени продолжалась веселая бесѣда, перемежаемая частыми кубками. Наконецъ всѣ разошлись спать по настоятельному требованію Запорожца, который, хотя, казалось, былъ безсмысленно пьянъ, однакожъ, къ удивленію Михайла, до послѣдней минуты помнилъ, что имъ надо завтра выѣхать въ дорогу рано, и давалъ хозяйскимъ хлопцамъ самыя точныя наставленія, какъ надо кормить и поить лошадей, не забывая впрочемъ и тутъ ссылаться на обычаи сѣчевые, которые онъ считалъ совершенствомъ человѣческой мудрости.

Панъ Бардакъ хотѣлъ было положить гостей своихъ въ свѣтлицѣ, но Щербина съ негодованіемъ отвергнулъ это предложеніе, унижающее его воинственное мужество, и настоялъ, чтобъ ему постлали постель подъ открытымъ небомъ, посреди двора.

Михайло и козакъ Середа, боясь заслужить у Запорожца худое о себѣ мнѣніе, тоже не согласились спать въ свѣтлицѣ, хотя это было бъ для нихъ гораздо пріятнѣе ночлега на холодномъ воздухѣ, подъ дыханіемъ порывистаго вѣтра.

Запорожецъ былъ уже на ногахъ и будилъ своихъ товарищей, называя ихъ, по своему обыкновенію, разумными головами.

Востокъ едва только начиналъ еще загораться. Небо было чисто, вѣтеръ утихнулъ, и наступающее утро обѣщало нашимъ путешественникамъ прекрасный день.

— Выводите, братцы, коней, да поѣдемъ, сказалъ Щербина.

И между-тѣмъ какъ его спутники сѣдлали ему и себѣ коней, онъ растолкалъ спавшаго въ конюшнѣ хлопца и послалъ его къ пану Бардаку съ извѣстіемъ, что козаки ѣдутъ и благодарятъ его за хлѣбъ-соль.

Черезъ минуту панъ Бардакъ, съ заспанными глазами, явил-

Digitized by Google

ся на рундукѣ въ нагольномъ тулупѣ, который старосвѣтскіе наши паны обыкновенно употребляли вмѣсто халата.

— Бойтесь Бога! кричалъ онъ гостямъ своимъ, видя, что они сидятъ уже на коняхъ.—Что это вы дѣлаете? Вы должны еще сегодня у меня обѣдать. И за обѣдомъ вы услышите, каково мой бандуристъ играетъ и поетъ про Коновчёнка!

— Ой пѣтъ, пане отáмане! отвѣчалъ Запорожецъ:—не таковы наши дѣла, чтобъ гулять по цѣлымъ днямъ на бенкетахъ. Благодаримъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе; а про Коновчёнка мы и сами запоемъ, коли захочемъ. Жаль только, что не удобно возить бандуру въ дорогѣ.

— Такъ прошу жъ хоть на одинъ часъ до хаты. Какъ же можно не выпить на дорогу?

— Эге, козаче! отвѣчалъ Запорожецъ:—видно, ты рѣдко читаешь книжку своего тестя. У насъ на Сѣчи выбили бъ того добре кіями, кто вздумалъ бы, выступая въ походъ, посовѣтоваться съ михáлкомъ. Нѣчего сказать, твои наливки и варенýха годились бы на бенкетъ хоть и самому кошовому, но спрятай ихъ для добрыхъ людей, а намъ пора уже честь знать.

— Что за дьявольщина! воскликнулъ панъ Бардáкъ съ досадою, и его добродушное лицо вдругъ перемѣнило свои спокойныя черты: брови насупились, на лбу показались глубокія морщины, и жаркая краска покрыла его щеки. — Что за дьявольщина! За кого жъ вы меня принимаете? Что я, шинкарь для васъ какой, что ли? Развѣ не видите вы этихъ пистолетовъ? (Онъ указалъ на пушки, валявшіяся въ разныхъ мѣстахъ по двору и на валахъ). Они теперь спятъ, но было время, когда мой дѣдъ и отецъ гремѣли ими на Татарву и защищали тысячи своихъ подданныхъ. Не забывайте, съ кѣмъ имѣете дѣло.— Хлопцы!

На этотъ зовъ въ одну минуту явилось множество плечистыхъ и дюжихъ слугъ, которые, вѣроятно, еще прежде призыва оставили постели, заслыша крикъ своего пана.

— Запереть ворота и не пускать этихъ господъ. — Теперь, любезные гости, обратился онъ снова къ нашимъ путникамъ, перемѣня вдругъ грозный свой тонъ на ласковый, хотя суровая краска, не сошедшая еще съ его щекъ, совершенно противорѣчила его словамъ: — теперь просимъ васъ покорно до

*

Digitized by Google

покою. Закусимъ, что Богъ послалъ, помадимъ хорошенько дорогу и разстанемся добрыми пріятелями.

— Ой нѣтъ, голова ты разумная! сказалъ Щербина:—не водится у Запорожцевъ, чтобъ ихъ кормили на привязи, какъ собакъ. Прикажи, коли хочешь, своимъ слухамъ отпереть ворота; а не то,—они долго не забудутъ, изъ чего сдѣлана моя нагайка.

— Э-э, пріятель! вскрикнулъ деспотъ-хозяинъ, вспыхнувши снова:—много ты ѣздилъ по свѣту, да мало, видно, встрѣчалъ добрыхъ людей, которые бъ тебя проучили. Еще ни одинъ гость не выѣзжалъ изъ двора Пана Бардака безъ кубка на дорогу, ни отъ меня, ни отъ моего отца, ни отъ моего дѣда; и если ты затѣялъ, для Запорожской шутки, опозорить мое имя, то это удастся тебѣ развѣ съ помощью сатаны.

— Гей, хлопцы! закричалъ онъ, возвыся голосъ такъ, что стѣны задрожали:—берите сабли, бердыши, булавы и покажите имъ, что ваши руки привыкли управлять не однимъ плугомъ! А между-тѣмъ дайте мнѣ дѣдовскую саблю. Пусть этотъ бойкій Запорожецъ узнаетъ, сколько въ ней фунтовъ.

— Я готовъ! сказалъ безстрашный Запорожецъ, обнаживъ чистую, какъ зеркало, полосу своей турецкой сабли: — я готовъ чокнуться съ вами во славу Сѣчи и ея мудрыхъ обычаевъ.

Онъ утвердился на сѣдлѣ и спокойно ждалъ, пока вооружится вся челядь Малороссійскаго барона. Его вороной, почувъ звонъ оружія и грозные крики, поднялъ уши, вздулъ ноздри; ноги его принимали безпрестанно новыя положенія, обнаруживавшія закипѣвшій въ немъ боевой жаръ, и чорныя очи наполнились огнемъ.

— А путе, паны-братцы! говорилъ между-тѣмъ Щербина своимъ товарищамъ:—пока еще доведется вамъ гонять Голштинцевъ, покажите передо мною, что вы козаки, а не бабы.

— Гей! стройся въ лаву! сабли наголо! закричалъ онъ, какъ бы командуя значительнымъ отрядомъ Запорожцевъ. И власть его надъ умами молодыхъ козаковъ была такова, что они не размышляли уже своимъ умомъ, слѣдили только за его движеніями, какъ-будто онъ обладалъ талисманомъ, готовымъ защитить ихъ противъ цѣлаго свѣта. По его командѣ они выхватили сабли и готовы были къ битвѣ.

Digitized by Google

Не извѣстно, чѣмъ бы кончилось это странное угощеніе, еслибъ хлопцы скорѣе принесли пану Бардаку его дѣдовскую саблю. Но медленность ихъ заставила его самаго отправиться искать ея, оставя гостей окруженными цѣлою толпою слугъ, вооруженныхъ оружіемъ разныхъ сортовъ, разныхъ вѣковъ и разныхъ народовъ; и когда онъ появился снова на рундукѣ, размахивая своею саблею, Щербина уже одумался. Онъ опустилъ саблю и сказалъ самъ себѣ тихо:

— Дурная и твоя голова, пане Мартыне! гонишься за лисицею, а стрѣляешь зайца!

— Пане отáмане! закричалъ онъ къ хозяину: — полно! угамуйся, не роби кóлоту. Божусь тебѣ, чѣмъ хочешь, что не трусость заставила меня уступить тебѣ; ей Богу не трусость! Это подтвердитъ тебѣ не то цѣлое Запорожье со своимъ кошевымъ, ясновельможнымъ паномъ Калнишéнкомъ, да и сама Татарва съ Турками. Не таковы мои дѣла, чтобъ забавляться свѣчею. Я уступаю, но и тыжъ не торгуйся. Не принуждай меня напиваться до пьяна на дорогу, а то мнѣ стыдно послѣ будетъ назваться рыцаремъ славнаго войска Запорожскаго. А чтобъ сдѣлать честь твоему дому, я готовъ выпить на дорогу одинъ корякъ доброй наливки, но одинъ, не болѣе.

— Дóбре, сказалъ панъ Бардáкъ—добре козаче. По домамъ, хлопцы! отпереть ворота! подать сюда *Дорошенкову чарку* и старой сливянки.

Всѣ эти приказанія исполнены были въ одну минуту. Но Михайло и козакъ Середа ужаснулись, когда увидѣли *Дорошенкову чарку*. Это былъ огромный серебряный корякъ, мѣрою въ двѣ кварты, въ срединѣ вызолоченный, а снаружи украшенный разными миѳологическими барельефами превосходной работы.

Но Запорожецъ, вѣрный данному слову, не могъ уже отказаться отъ своего обѣщанія. Онъ только покрутилъ головою и сказалъ тихо:

— Вишь, старый хрѣнъ!

Между-тѣмъ панъ Бардáкъ наполнилъ свою сверхъестественную чарку изъ большаго мѣднаго кувшина и, поднося ее Запорожцу, сказалъ:

— За твою молодецкую смѣлость и отвагу, я попотчиваю тебя тѣмъ самымъ ковшемъ, изъ котораго пилъ славный и храб-

Digitized by Google

рый гетманъ Петро Дорошенко. Дѣдъ мой служилъ при немъ асауломъ. Они вмѣстѣ воевали противъ окаяннаго Бруховецкаго и проклятаго Многогрѣшнаго,—да будетъ ему коломъ земля! вмѣстѣ крутили Польшу и Татарву; и когда Ясневельможный, попущеніемъ Божіимъ, принужденъ былъ уступить силѣ своихъ враговъ и отказаться отъ Чигирина, то, разставаясь со своимъ асауломъ, онъ подарилъ ему на память свой ковшъ. Этотъ ковшъ зовется въ нашей фамиліи *Дорошéнковою чаркою*, и не всякому гостю доводилась честь держать его въ рукахъ. Выпей, храбрый рыцарь, и будь здоровъ.... Да какъ и не быть здоровымъ, отъ такого напитка, который, какъ и ты самъ знаешь,—

Лѣтомъ не кúсне,
Зимою не мéрзне,
Передъ обѣдомъ не сýшить,
Послѣ обѣда потýшить!

Щербина снялъ шапку, взялъ дорогой корякъ съ благоговѣніемъ, поднялъ его надъ головою и, возвыся голосъ, сказалъ съ торжественною разстановкою:

— За здоровье твое, пане отáмане! и твоихъ бѣлорукихъ дочекъ! и твоей храброй челяди! А также за упокой души великаго гетмана Петра Дорошéнка! Да будетъ ему вѣчная память на землѣ, а царство на небѣ, хоть онъ и не всегда ладилъ съ Запорожцами.

— Или лучше скажи—Запорожцы не всегда съ нимъ ладили, замѣтилъ панъ Бардáкъ. — А когдабъ ладили, имя Дорошенка гремѣло бъ во всемъ свѣтѣ, какъ и имя стараго Хмельницкаго, да и Запорожцевъ не называли бъ разбойниками.

Но Щербина, вмѣсто всякаго возражéнія на политическую выходку своего хозяина, осушилъ *Дорошенкову чарку*, не отводя коряка отъ губъ, и потомъ, возвращая ее хозяину, сказалъ:

— Уже жъ, пане отáмане, прошу не дѣлать такой чести моимъ товарищамъ, а то мнѣ придется покинуть ихъ гдѣ-нибудь на дорогѣ. Потчивай ихъ Бардаковою, и не *Дорошенковою*, чаркою.

Хозяинъ сперва и слышать объ этомъ не хотѣлъ; но видя, что Запорожецъ снова взялся за саблю, и боясь, чтобъ онъ, разгоряченный наливкою, не перекалѣчилъ его челяди, принужденъ былъ уступить.

Digitized by Google

Заставя Михайла и его товарища выпить по большому кубку наливки, онъ велѣлъ наполнить ихъ торока разною провизіей, а Запорожцу за сѣдломъ привязать бочонокъ наливки; потомъ перецѣловался со всѣми ими дружески и просилъ не миновать его дома, когда будутъ ѣхать обратно.

— Скорѣй пьяница минетъ шинокъ, а гайдамакъ богатаго жида, чѣмъ мы твой дворъ, отвѣчалъ Щербина. — Будь пѣвный, пане отáмане. Заѣдемъ, *коли мышь головы не откýсить*, да еще, можетъ-быть, у тебя жъ и бѣлоручку подцѣпимъ. Оставайся здоровъ! Много благодарствуемъ за хлѣбъ, за соль и за угощеніе! А ну, панóве-молодцы, гайда въ дорогу!

И, поворотя своего коня, онъ поскакалъ быстрою рысью въ сопровожденіи своей команды.

Таковы были понятія о гостепріимствѣ въ Украинѣ за восемьдесятъ лѣтъ назадъ, когда еще Малороссія вообще представляла смѣсь патріархальнаго добродушія и воинской суровости нравовъ, когда пограничные Украинскіе паны, недавно оставленные въ покоѣ Татарами, не отвыкли еще владѣть оружіемъ и рады были всякому случаю удовлетворить жаръ своего безпокойнаго сердца, для котораго не было уже ни Ляховъ, ни Татарвы, ни отчаянныхъ партій, раздиравшихъ Малороссію отъ смерти Богдана Хмельницкаго до Гетманства Самойловича, и которое Россія, привлекши къ себѣ братскимъ сродствомъ, начинала уже мало-помалу укрощать своими Европейскими мѣрами.

Въ Гетманщинѣ въ это время было уже тихо и смирно, какъ на кладбищѣ. Глуховской *Трибуналъ* могъ править даже сквозь сонъ этою прежде бурною стороною. Паны Малороссійскіе полюбили лучше звучать кубками, да серебряными подковами своихъ сафьянныхъ сапоговъ, чѣмъ оружіемъ; и самъ Гетманъ Малороссійскій, графъ Разумовскій, жилъ большею частію въ Петербургѣ; но титло Гетмана доставляло ему сто тысячъ серебряныхъ рублей годоваго доходу.

Только Запорожская Сѣчь со своими многочисленными луговыми колоніями, да Слободско-украинскія поселенія, состоявшія на особыхъ правахъ и не подвластныя даже гетману,—представляли еще что-то похожее на прежнюю «Великую Украйну

Digitized by Google

обѣихъ сторонъ Днѣпра, если не положеніемъ дѣлъ, по крайней мѣрѣ кипучестью характеровъ и частными схватками, въ которыхъ никому не давали отчету. Въ Запорожьи судъ и расправа зависили отъ кошеваго и войсковой рады, а въ Украинѣ, то есть въ Слободско-украинскихъ поселеніяхъ, каждый помѣщикъ, имѣвшій подъ своею защитою (подобно иностраннымъ феодаламъ) бо́льшее или ме́ньшее число поселянъ, называемыхъ обыкновенно *подданными* (ибо крестьянство введенно въ Малороссіи только съ 1764 года, а до того времени всякой селянинъ могъ *поддаваться* любому пану на условіяхъ),— былъ самъ себѣ господиномъ, не признавалъ ничьего суда и готовъ былъ оружіемъ отражать самихъ полковниковъ, которымъ всѣ слободы были подвѣдомственны только титулярно, а въ самомъ дѣлѣ полковники судили только средній и низшій классъ народа, распоряжались только козацкими землями и боялись затѣвать ссору съ могущественными и самовластными феодалами, или доносить объ ихъ самоуправствахъ и взаимныхъ схваткахъ Царю, будучи въ свою очередь, въ отношеніи къ своимъ подданнымъ, подчиненнымъ и мелкимъ сосѣдямъ, такими же, какъ и они, деспотами, не желая вводить Русской расправы въ свои земли и тѣмъ поддержать еще хоть на нѣкоторое время тѣнь прежней независимости, готовой изсчезнуть навсегда невозвратно.

УНДИНА.

Когда наступитъ ночь и мѣсяцъ золотой
Сіянье разольетъ на рощи и долины,
На свѣтломъ озерѣ, подъ сонною волной
Раздастся звонкій смѣхъ Ундины.

И выплыветъ она, и сядетъ подъ кустомъ,
И кудри влажныя на перси раскидаетъ,
Разчесываетъ ихъ—и мелкимъ жемчугомъ
Вода съ кудрей ея сбѣгаетъ.

Digitized by Google

Потомъ купается и плещется въ струяхъ,
Иль бѣлою рукой кристаллы разбивая,
Плыветъ по озеру; но тихо на водахъ,
Не брызжетъ влага голубая!

Д. Ястребовъ.

1842 г.

ПОРТРЕТЪ.

Въ забытой комнатѣ увидѣлъ я портретъ
Младой красавицы. Искусною рукою
Художникъ начерталъ и лика блѣдный цвѣтъ,
И кудри подъ вѣнцомъ, и грудь подъ кисеею.
Но кто жъ красавица? Гдѣ ангелъ молодой
Дивитъ собою міръ? Не сѣверъ ли жестокой
Съ пушистымъ инеемъ и хладною зимой
Даритъ ей радости? Иль, милая, далеко —
Въ краю, гдѣ лавръ цвѣтетъ Торкватова вѣнца?
Иль тамъ красавица, гдѣ арфою унылой
Звучатъ рапсодіи Хіосскаго слѣпца?
Не знаю. Можетъ быть и раннею могилой
Сокрыта милая; и памятникъ простой,
Вѣтвями осѣненъ черемухи душистой,
Прахъ дѣвы сторожитъ. Полунощной порой,
Когда лучь мѣсяца струею золотистой
Сверкаетъ и дрожитъ по бархату луговъ,
Быть можетъ юноша прійдетъ на ту могилу,
И дѣву вспомнитъ онъ, и первую любовь,
И ревность буйную, и все, что прежде было!

Д. Ястребовъ.

1842 г.

ОКНО.

Тамъ, за быстрою рѣкой
Есть завѣтное окно,
Бѣломраморной рукой
Отворяется оно.

Digitized by Google

Загорится ли луна
И рѣку осеребритъ,
У завѣтнаго окна
Дѣва милая сидитъ.
Грустенъ взоръ ея очей,
Устъ дыханье горячо,
Льется золото кудрей
На лилейное плечо.
Долго дѣвица сидитъ
У завѣтнаго окна,
На дороженьку глядитъ,
И кого-то ждетъ она.
Но исчезнетъ ночи тѣнь,
Засвѣтлѣютъ небеса,
Засіяетъ юный день,
Озолотятся лѣса, —
Тамъ, за быстрою рѣкой,
То завѣтное окно
Бѣломраморной рукой
Затворилося давно.

Д. Ястребовъ.

Digitized by Google

МОДЫ.

Лѣтніе наряды вообще отличаются отъ зимнихъ большимъ разнообразіемъ, прихотливостію и условною простотою; правда наряды не такъ строги и эффектны, но легки, щеголеваты и свободны. Гибкіе, тонкіе снурки; красивая бахрама; нѣжное, миніатюрное шитье; роскошныя кружева, достигшія, кажется, возможнаго совершенства; цвѣты, перья, ленты.... словомъ: всѣ украшенія допускаются въ этихъ кокетливыхъ нарядахъ, не нарушая, впрочемъ, ни сколько ихъ скромности, не допуская излишней изысканности. — Кисея гладкая или печатная, холстинка, фуларъ, легкія шелковыя ткани, сырцовый батистъ, Индійская нанка красуются въ блузахъ-пеньуарахъ, рединготахъ, платьяхъ, открытыхъ à la Josephine, платьяхъ-рединготахъ съ лифами сборчатыми, рукавами à la Médicis, съ полумитенями вмѣсто подрукавниковъ sous-manches. На гибкой соломкѣ колышатся вѣтки, пучечки и даже простенькіе букеты цвѣтовъ, и извиваются ленты съ отливомъ розоваго Китайскаго или голубаго Японскаго цвѣта. Все это очень мило, красиво! — Предлагаемъ описаніе нѣкоторыхъ изъ такихъ нарядовъ, — неглиже. Для утреннихъ выѣздовъ: Платье изъ двулишневаго Шотландскаго фулара, съ гладкимъ и высокимъ лифомъ, снизу нѣсколько стянутымъ; перелинка съ обшивкою, застегнутая спереди рядомъ пуговицъ: обшивка эта изъ складки à la vielle одной съ платьемъ матеріи, сверху и снизу сборчатая, не такъ широкая на срединѣ, какъ на сторонахъ, и съ двумя маленькими біе, кои

Digitized by Google

колеблются надъ нею. Рукава полуширокіе, сходятся не много ниже локтя и оканчиваются сборчатымъ біе; подрукавники тарлатановые съ браслетами изъ обшивокъ; юпка очень полная, убирается біе очень высоко и оканчивается снизу обшивкою, съ такими же верхушками, какъ на перелинкѣ. Митени очень короткія изъ Берлинскаго трико, закрывающія только кисть руки. Косынка съ маленькимъ отворотомъ, обшитая узенькимъ кружевомъ. Шляпка изъ двуличневаго гроденапля, убранная лентою, среди которой идетъ мелкій рюшь одинаковаго цвѣта. Зонтикъ на палочкѣ.

Для прогулокъ утреннихъ: Платье изъ коттали въ мелкихъ цвѣточкахъ, разсыпанныхъ по свѣтлому полю; лифъ сборчатый; рукава широкіе съ эполетками, обшитыми двойнымъ біе, и не совершенно закрывающіе руку. Поясъ изъ ленты съ полудлинными концами, три широкія, волнистыя оборки, отдѣлялись одна отъ другой, обходятъ юпку, спадающимъ кружевомъ собраннымъ въ трубочки. Шляпка изъ узорчатой соломы съ кустикомъ полевыхъ цвѣтовъ. Шарфъ барежевый.

Въ полдень: Шляпка-капотъ съ бастовыми полями, убранная гирляндою изъ разныхъ цвѣтовъ, называемою цвѣтникъ Флоры (Parterre de Flore). Платье изъ гладкаго органди съ одною складкою внизу; лифъ сборчатый и открытый въ видѣ сердца; рукава буфчатые сверху до локтя, а отъ локтя гладкіе. Мантилія изъ кружевнаго тюля, обшитая роскошнѣйшимъ кружевомъ.

ОПИСАНІЕ КАРТИНКИ.

Шляпка изъ узорчатой соломки. Мантилія изъ чернаго кружева.

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ МОСКВИТЯНИНА НА БУДУЩІЙ 1843 ГОДЪ

Профессоромъ Погодинымъ.

Москвитянинъ начнетъ скоро четвертый годъ своего существованія. Въ теченіи трехъ лѣтъ изданія, Публика могла видѣть духъ и направленіе этого Журнала, центральнаго въ Россіи, и единственнаго, литературно-ученаго, въ древней ея Столицѣ.

Благоговѣніе предъ Русской Исторіей до Петра I, при всемъ удивленіи къ его лицу, возданіе должной чести Москвѣ, центра Россіи, осужденіе безусловнаго поклоненія Западу, при должномъ уваженіи къ его историческому значенію, сознаніе національнаго достоинства, увѣренность въ великомъ предназначеніи Русскаго народа, не только въ политическомъ смыслѣ, но и въ человѣческомъ, увѣренность въ величайшихъ дарахъ духовныхъ, коими надѣленъ Русскій человѣкъ для подвиговъ на поприщѣ наукъ и литературы, призываніе молодаго поколѣнія къ трудамъ, и преимущественно къ разработкѣ историческихъ и филологическихъ памятниковъ, возбужденіе участія къ совершеннымъ, ободреніе молодыхъ талантовъ, и содѣйствіе ихъ дѣятельности, свобода литературныхъ мнѣній, уваженіе къ преданіямъ Русской Словесности и ея основателямъ, начиная отъ Ломоносова до Пушкина, стараніе по мѣрѣ силъ о сохраненіи чистаго вкуса въ Литературѣ, угрожаемаго нашествіемъ двадесяти языкъ, сочувствіе къ племенамъ Славянскимъ, ихъ исторіи, литературѣ и судьбѣ, непримиримая, открытая вражда къ противоположному направленію, вражда не чрезъ безплодную полемику, къ коей Москвитянинъ показалъ свое презрѣніе, а чрезъ распространеніе правилъ и мыслей противоположныхъ, наконецъ доставленіе большинству публики легкаго и пріятнаго чтенія,—вотъ въ краткихъ словахъ программа Москвитянина. Такъ онъ началъ, такъ продолжался три года, такъ и будетъ издаваться въ слѣдующемъ 1844 году.

Digitized by Google

Въ этомъ видѣ имѣлъ онъ счастіе заслужить вниманіе, ободреніе, содѣйствіе многихъ людей образованныхъ и благонамѣренныхъ, принадлежащихъ къ высшимъ кругамъ литтературы, правительства и общества, и онъ постарается поддержать и впредь ихъ доброе мнѣніе, служащее ему самою лестною наградою.

Публика видитъ въ Москвитянинѣ постоянно труды всѣхъ почти нашихъ достойныхъ литтераторовъ: Г-жи *Бакуниной*, Проф. *Баршева*, *Бодянскаго*, *Булгакова*, *Бутурлина*, *Вельтмана*, Кн. *Вяземскаго*, *Глинки* Ѳ. Н. и А. П., *Гоголя*, Проф. *Горлова*, *Горчакова*, Профессоровъ *Грановскаго*, *Григорьева*, *Давыдова*,—*Даля-Луганскаго*, *Дмитріева*, (М. А.), *Иванчина-Писарева*, *Загоскина*, *Зражевской*, *Левшина*, Проф. *Лешкова*, *Лунина*, *Максимовича*,—*Мезенцева*, Проф. *Миллера*, *Морошкина*, *Надеждина*, *Нѣслова*, *Павловой*, (К. К.), Проф. *Перевощикова*, Проф. *Петрова*, Графини *Ростопчиной*, Проф. *Рѣдкина*, *Снегирева*, *Сокольскаго*, *Соловьева*, *Срезневскаго*, — *Стурдзы*, *Шафарика*, Проф. *Щуровскаго*, *Хомякова*, *Языкова* и пр.

Москвитянинъ сверхъ того имѣлъ счастіе помѣщать слова знаменитыхъ Русскихъ Духовныхъ ораторовъ, Митрополита Филарета и Епископа Иннокентія.

Онъ не смѣетъ назвать еще нѣкоторыхъ особъ, доставившихъ ему важныя статьи, но со временемъ надѣется открыть ихъ почтенныя имена.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ ИЗЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ОТДѢЛЕНІЙ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: 1. *Стихотворенія* во всѣхъ родахъ; 2, *Проза*: повѣсти, сцены, разныя извлеченія изъ новыхъ иностранныхъ романовъ и прежде вышедшихъ, но мало у насъ извѣстныхъ, съ соблюденіемъ строгаго выбора.

II. НАУКИ. Въ этомъ отдѣленіи постоянно помѣщаемы будутъ статьи оригинальныя, писанныя Русскими Учеными, о важнѣйшихъ предметахъ человѣческаго знанія; также извлеченія изъ замѣчательныхъ книгъ, выходящихъ въ ученой Европѣ.

III. КРИТИКА. Разборы главныхъ произведеній отечественной и иностранной Словесности, а равно и учености. Антикритическія замѣчанія.

IV. БИБЛІОГРАФІЯ Русскихъ и иностранныхъ книгъ; изложеніе содержанія оныхъ.

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ. Грамоты, отрывки изъ лѣтописей и хронографовъ, современныя записки, и проч. Отечественныя воспоминанія о примѣчательныхъ происшествіяхъ, мѣстахъ, лицахъ и проч. Матеріалы для Исторіи Русской Словесности. Вновь отысканныя сочиненія Русскихъ Писателей, происшествія изъ ихъ жизни, анекдоты, письма.

Въ отдѣленіи Историческихъ матеріаловъ будутъ помѣщены новые документы о жизни *Петра* I, *Екатерины* II, *Александра* I, *Меншикова*, *Остермана*, Князей *Долгорукихъ*, *Румянцева*, *Суворова*, *Безбородко*, *Сперанскаго*, *Кутузова*, *Аракчеева*, *Милорадовича*, *Татищева*, *Ломоносова*, *Державина*, *Карамзина*, *Дмитріева*, *Пушкина*, и пр., и пр.

VI. СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ о Галиціи, Богеміи, Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Болгаріи,—вообще о всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ наши единоплеменники, объ ихъ Исторіи и Литературѣ.

VII. МОСКОВСКІЯ ЗАПИСКИ. Свѣденія о Московскихъ древностяхъ, примѣчательностяхъ, объ учебныхъ заведе-

Digitized by Google

ніяхъ и обществахъ, гуляньяхъ, путешественникахъ, театрахъ, концертахъ. Извѣстія о Московской промышленности, торговлѣ, и проч.

VIII. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Одною изъ главныхъ цѣлей издателя было знакомить публику съ обширными и разнообразными странами Отечества, и онъ надѣется распространять все болѣе и болѣе это отдѣленіе.

IX. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ о примѣчательныхъ явленіяхъ въ областяхъ наукъ, искусствъ, гражданственности и природы.

X. СМѢСЬ Переводныя повѣсти, анекдоты, отрывки изъ романовъ и путешествій. *Моды* съ картинкою.

Это отдѣленіе съ особенною нумераціей назначается въ особенности для любителей пріятнаго и легкаго чтенія.

Ежемѣсячно будетъ выходить въ 1 число по книгѣ отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ, или отъ 250 до 350 страницъ, четкаго, но убористаго шрифта, на лучшей веленевой бумагѣ большаго формата.

Иногородные благоволятъ *заблаговременно* относиться съ своими требованіями въ Газетную Экспедицію Императорскаго Московскаго Почтамта, или въ *«Контору Москвитянина,»* чтобы получать книги немедленно по мѣрѣ ихъ ихъ выхода, и чтобы редакція могла распорядиться печатаніемъ нужнаго числа экземпляровъ. Цѣна за 12 книгъ въ Москвѣ 40, а съ пересылкою въ прочіе города 45 руб. асс.

Контора «Москвитянина» и при ней состоящая Книжная Лавка находятся на Тверской, въ домѣ дворянина Попова, напротивъ дома Г. Военнаго Генералъ-Губернатора.

РЕДАКЦІЯ ОТВѢЧАЕТЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ТОЛЬКО ТѢХЪ ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ, НА КОИ ПОДПИСКА ПРИНЯТА ВЪ ЕЯ КОНТОРѢ, А НЕ У КНИГОПРОДАВЦЕВЪ. ИНОГОРОДНЫЕ, ВЪ ИЗБѢЖАНІЕ ВСЯКИХЪ НЕДОРАЗУМѢНІЙ, ЧТОБЫ ВѢРНѢЕ ПОЛУЧАТЬ КНИГИ, ДОЛЖНЫ ОТНОСИТЬСЯ ВЪ КОНТОРУ.

Digitized by Google

МОСКВИТЯНИНЪ.

1843.

ЧАСТЬ V.

№ 10.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

MY HOME.

Да, — я люблю пріютъ изящный свой!
Онъ полнъ удобствъ, спокойствія и жизни;
Мнѣ въ немъ тепло; и свѣтелъ онъ, и веселъ,
И никогда, въ часы уединенья
Я въ немъ одна не остаюсь; — со мной
Они, — мои друзья, они, — созданья
Искусства, генія и вдохновенья, —
Картины! . . . — И картинъ моихъ бесѣда
Понятна мнѣ, отрадна мнѣ, какъ рѣчь,
Какъ гласъ живой существъ одушевленныхъ,
Сочувственныхъ. — И свыклась съ ними я,
И съ ними свой досугъ, свой бытъ домашній
Привыкла я дѣлить. На лицахъ ихъ

Digitized by Google

Люблю встрѣчать знакомые оттѣнки,
Люблю читать знакомое значенье.
Ихъ выраженіе, ихъ смыслъ, ихъ взглядъ,
Все для меня разгадано давно,
Все памятно, и дышетъ поученьемъ.
Характеры, мечты и страсти ихъ
Извѣстны мнѣ какъ другу другъ старинный;
Они свои повѣдали мнѣ тайны,
Они свою мнѣ разсказали жизнь.....
И въ тайнахъ сихъ трепещетъ много горя
И много радости, ... и въ житіяхъ,
Въ удѣлахъ ихъ, столь разныхъ, много пищи
Для мысли, и для думъ, и для догадокъ.
Я къ нимъ полна участія и дружбы,
И снисходить умѣю къ тѣмъ изъ нихъ,
Кто слабостей земныхъ, земныхъ грѣховъ
Въ своихъ чертахъ являютъ отпечатокъ. —
Я ихъ люблю; они мои жильцы,
Моя семья покорная, нѣмая,
Свидѣтели и радостныхъ минутъ,
И грустнаго подъ часъ расположенья.....
Когда я къ нимъ издалека вернулась,
Окончивъ путь томительный и длинный,
И въ комнату безмолвную вошла
Почной порой, и въ домѣ все дремало, —
И нѣкому съ привѣтомъ хлѣба-соли
Меня встрѣчать, меня принять здѣсь было,
Тогда, тогда привѣтъ радушный мнѣ
Вдругъ заблисталъ въ ихъ лицахъ оживленныхъ;
Они дарили мнѣ кто свѣтлый взоръ,
Кто тихую и нѣжную улыбку;
Они изъ рамъ спѣшили позлащенныхъ
Навстрѣчу мнѣ..... И жаль, что удержалъ
Порывы ихъ законъ неумолимый
Возможности существенно-земной!!
И жаль что вкругъ меня они не стали,
Рядъ выходцевъ изъ міра вдохновенья!
Какъ рада-бъ я была ихъ оживленью,
Бесѣдѣ ихъ!.... Какъ жадно-бъ я слила

Digitized by Google

Свой бытъ естественный, обыкновенный
Съ ихъ фантастическимъ, чудеснымъ міромъ!!.....
.....

I.

Любимое мое изображенье
Межъ всѣхъ другихъ, — трудъ Рубенса: Монахъ,
Доминиканецъ! — Онъ, какъ гость почетный,
Надъ письменнымъ столомъ моимъ поставленъ,
Чтобъ осѣнять мольбой и благодатью
Занятія мои. — О какъ хорошъ
Честный отецъ въ своей одеждѣ бѣлой,
Съ безвласой головой, еще носящей
Многозначительный, завѣтный слѣдъ
Таинственно-святаго постриженья!
Какъ онъ хорошъ съ подъятыми очами,
Съ молитвою парящей на устахъ!
Какъ онъ хорошъ, сложивъ смиренно руки,
И дышащій глубокимъ умиленьемъ!
И между тѣмъ какъ набожность его
Младенчески чиста и простодушна!
Его лице, спокойныя черты,
Не изнурилъ гнётъ строгій покаянья,
Не изнуриль безсмѣнно-тяжкій постъ;
Конечно протекла вся жизнь его
Какъ свѣтлая рѣка, какъ тихій сонъ,
Безбурно, безъ страстей, и безъ волненья?....
Конечно онъ, въ тиши монастыря
Заблаговременно нашелъ себѣ
Отрадную спасительную пристань;
И не зналъ инаго наслажденья,
Не испыталъ иныхъ порывовъ сердца
Какъ пламенно-восторженной молитвы?....
Отверзтую предъ нимъ я вижу книгу....
То вѣрно Библія! и можетъ быть
Сей-часъ онъ въ ней прочелъ спасенья быль,
Страданія Христова быль святую
И тронутый, дрожащій, увлеченный,
Возвысилъ взоръ и гласъ на небеса,
Почтилъ слезой, моленьемъ помянулъ

Digitized by Google

Распятаго.... и пребылъ въ поклоненьи,
Безмолвствуя,.... любя,.... благодаря?....

II.

Вторая изъ картинъ, и близь него,
Головка Грёзева; — полу-дитя
И полу-Грація; Амуръ безъ крыльевъ;
Роскошное созданіе мечты,
Прелестное, цвѣтущее, младое,
Какъ Майскій день, какъ утро золотое,
Какъ юная, безслезная любовь,
Какъ заблужденье дорогое!

III.

Внизу Ватто намъ живо начертилъ
Вельможный садъ, и въ немъ богатый праздникъ;
Тутъ много дамъ и много кавалеровъ,
И зрителей, и даже собачёнокъ.
Тутъ чинный минуетъ танцуетъ пара,
А по угламъ разсѣлися другія,
И шепчутся.... жеманное веселье,
И кисть жеманная!... хоть знатоки
Картину ту и хвалятъ и цѣнятъ, —
Но я её, признаться, не люблю!
Я рококо въ искусствахъ не терплю.

IV.

Гортензія Манчини! — Да, она, —
Та чудная красавица, предъ кѣмъ
Французскій Дворъ толпился восхищенный,
Съ подобострастіемъ, съ хвалой, съ боязнью;
Предъ кѣмъ и самъ великій ихъ властитель,
Самъ Лудовикъ, во цвѣтѣ лѣтъ, прекрасный,
Колѣнопреклоненъ, влюбленный страстно,
Вопще смирялъ, вопще въ дань приносилъ
И санъ царя, и гордость полубога!
Гортензія Манчини!... Итальянка,
Съ страстями южными, съ умомъ холоднымъ,
Расчетливымъ, и хитрымъ, гордымъ нравомъ;
Племянница, питомка Мазарина,

Digitized by Google

Участница всѣхъ замысловъ его,
Наперсница всевластнаго Министра,
Преемница сокровищъ Кардинальскихъ
И имени монаха - честолюбца!...
Черны какъ смоль, зашѣйливы какъ вихрь
Ея кудрей волнистые разливы,
И по плечамъ, по груди бѣлоснѣжной
Струятся въ красотѣ своей небрежной.
Глаза ея самихъ волосъ чернѣе,
И какъ горятъ! какъ блещутъ! какъ свѣтлы!
О! хороша Гортензія была!
Подобныхъ ей не узритъ вѣкъ нашъ блѣдный!
И Нетчеру Фламандцу благодарность
За то, что намъ онъ кистію искусной
Ея черты и славу передалъ!

V.

Кто жъ близъ нея?... Кого причудникъ случай,
Въ сосѣди давъ кокеткѣ Герцогинѣ,
Разительно противуставилъ ей? —
Король Испаніи, — Филиппъ Четвертый,
Написанный Веласкесомъ великимъ!!
Онъ, — сей Король, столь важный и столь грозный,
Онъ, — Карла Пятаго потомокъ мрачный,
Проведшій жизнь угрюмую свою
Въ безмолвіи, тоскѣ, уединеньи,
Отрекшійся отъ всѣхъ отрадъ земныхъ,
И съ молода предавшійся на тронѣ
Всѣмъ строгостямъ католицизма. — Онъ,
Кому величіе, и власть, и воля
Ни счастія, ни славы, ни покоя
Не принесли; — кто никогда въ семъ мірѣ,
И никого — о! жалкій! — не любилъ...
Кому судьба назначила въ удѣлъ
Всѣ блага внѣшнія, весь блескъ земной,
Забывъ одно, — даръ ими наслаждаться!
Какъ блѣденъ онъ, какъ хладенъ, какъ суровъ!
Какъ выразилъ художникъ знаменитый
Весь нравъ его въ недвижныхъ сихъ чертахъ!

Digitized by Google

VI.

И вотъ еще явленіе отъ Юга; —
Полуденныхъ краевъ святой жилецъ,
Художникомъ роднымъ изображенный:
Какъ краска здѣсь магически тепла!
И жизнію, и зноемъ Юга дышетъ!
Какъ облеченъ святый Франциск Ксаверій
Таинственно-глубокимъ полумракомъ!
Онъ тоже молится, какъ тотъ монахъ, —
Какъ мирный, крошкій тотъ Доминиканецъ, —
Но иначе! — И самая молитва
Различна въ нихъ, равно какъ ихъ призванье,
Какъ нравы ихъ, какъ быль спасенья ихъ!
Какъ огненны глаза твои, Франциск!
Какъ много въ нихъ земнаго! . . . . . силы, страсти,
Волненія! . . . . Какъ смуглый, тощій ликъ
Борьбою и постами изображенъ! . . . . .
Чудна, страшна твоя святая повѣсть, —
Высокое въ ней скрыто назиданье. —
Вельможа, въ цвѣтѣ лѣтъ, подъ блескомъ злата,
И славы и блаженства, — при Дворѣ
Свидѣтелемъ ты былъ, какъ грозный Педро
Иньесы прахъ возлюбленный отрылъ,
Чтобъ позднею короною почтить
Супругу, съ нимъ разставшуюся рано,
Подъ тяжестью родительскаго гнѣва
И не успѣвшую при жизни взять
Ни санъ, ни власть, ни имя Королевы. —
Младой Франциск въ испугѣ увидалъ
Какъ красоту былую грызли черви,
Какъ тлѣніе порфиру пожирало. . . . . .
И вотъ ему невѣдомой тоской
Сдавило грудь, и сердце въ немъ дрожало,
И вмигъ ему земная жизнь предстала
Въ ничтожествѣ, въ печальной наготѣ.
Онъ отъ нея отвелъ и мысль и взоры,
И бросилъ міръ, и скрылся въ монастырь,
И просвѣщать пошелъ страны невѣрныхъ,
И плѣнниковъ трудами выкупалъ,

Digitized by Google

И именемъ Христовымъ исцѣлялъ.
Вся жизнь его была святою мукой, —
И муки слѣдъ мы видимъ въ немъ теперь!
Апостоломъ и пылкимъ и горячимъ
Онъ предстоитъ, — испытанный боецъ!
О! передъ нимъ, — предъ чистымъ вдохновеньемъ
Его очей, — въ благоговѣйномъ страхѣ,
Я чувствую всю собственную немощь,
И стыдно мнѣ, поклонницѣ суетъ!
Великъ святой Францискъ! . . . . . великъ Мурилло,
Угодника черты намъ предавшій!

VII.

Вотъ Кардиналъ изъ Герцогскаго дома,
Изъ племени богатаго Рогановъ;
Одинъ изъ тѣхъ, что встарину носили
Санъ Пастыря, названіе монаха,
И должность при Дворѣ, и всѣ заботы
Политики, правленія, войны. —
Онъ гордъ и смѣлъ, съ вельможною осанкой;
Онъ Римскою порфирою своею
Какъ мантіей царя облекся важно;
И жизнію земной своей доволенъ,
На небеса душою не паритъ.
Филиппъ Шампань, — правдивый современникъ
Лудовика и Фронды, съ Кардинала
Снялъ вѣрный образъ сей, не зная самъ
Достоинства трудовъ своихъ смиренныхъ.

VIII.

Того же мастера, того же вѣка, —
Вотъ Графъ Монморъ, извѣстный гастрономъ,
Веселый гость на пиршествахъ веселыхъ,
Съ сіяющей улыбкой, съ яснымъ взоромъ,
Съ радушіемъ въ чертахъ обыкновенныхъ. —
Въ немъ ничего мечтѣ не говоритъ,
Въ немъ пищи нѣтъ уму и вдохновенью, —
Но свѣта, общества безвредный житель,
Онъ для меня какъ добрый посѣтитель,

Digitized by Google

Какъ дома другъ, привычное лицо,
Съ кѣмъ за-просто обходится хозяйка.

IX.

Опять творенія Испанской школы,
..... Мурилло двѣ картины.
Здѣсь игры дѣтскія представилъ онъ
Чертами рѣзкими и кистью бойкой,
И набросалъ свой дивный колоритъ
На вѣрное природѣ подражанье.
Здѣсь не поэзія!... не лики съ неба,....
Но проза бѣдная, но бытъ земной; —
За то, какъ веселы, какъ рѣзвы, живы
Малютки смуглые!... Какъ въ нихъ природу
Постигъ, схватилъ могучій чародѣй!

X.

Какъ онъ молчитъ, — какъ пристально онъ смотритъ,
Гишпанецъ молодой!... Простоволосый,
Безъ шляпы, безъ пера и безъ плаща,
Подъ бархатомъ своей одежды черной,
Не роскошью изысканныхъ прикрасъ
Вниманіе надолго остановитъ.
Не взоръ одинъ, — онъ мысль и умъ займетъ;
И отгадать захочетъ наблюдатель
Чела его таинственную думу
И яркій блескъ очей. — Но кто же онъ?
Придворный ли?... иль воинъ?... иль поэтъ?..
Иль можетъ быть здѣсь самъ себя Веласкесъ
Изобразилъ въ минуту роковую
Наитія неясныхъ вдохновеній, —
Въ священный часъ художническихъ грёзъ,
Борьбы мечты съ трудами исполненья?....

XI.

Вотъ дѣвочка, — и кажется она
Едва отъ сна, проспилася съ подушкой
Въ румяный часъ зари, ея румянѣй
И веселѣй. Она слегка одѣта

Digitized by Google

Прозрачнымъ полошномъ, почти упавшимъ
Съ ея плеча. — Бѣдняжкѣ будто стыдно
Что такъ она въ гостиную попалась....
Она дрожитъ, она прикрылась робко
Каштановыхъ кудрей волной шелковой
И зрителей старается задобрить
Умильною улыбкою своею.
Не создалъ, а списалъ ее конечно
Счастливою рукой Фламанецъ Копингъ.

XII.

Картина ли, созданье ли живое
Передо-мной?... могло-ль искусство кисти
Такъ смѣло передать черты земныя,
И съ испиной, съ самой природой спорить?
Кто-бъ ни была она, — та незнакомка, —
Супруга ли сѣдаго бургомистра,
Семейства ли купеческаго мать,
Хозяйка ли корчмы гостепріимной,
Любимаго пріюта живописцевъ, —
Кто-бъ ни была она, — она жила,
Она живетъ, и чувствуетъ и дышетъ;
И для нея года, вѣка прошли
Не измѣнивъ ея, и не состарѣвъ.
Не отняло у ней лихое время
Ни признака ея существованья,
Ни отблеска, ни тѣни прочныхъ красокъ,
Дарующихъ ей жизнь. — Она сидитъ,
Малиновой просторной душегрѣйкой
Укутана, а на колѣняхъ держитъ
Старинный фоліантъ — какъ вѣрно дома
Сидѣла всякій день въ быту своемъ;
Она стара, она благочестива,
Спокойна, холодна.... и намъ
Участіе внушаетъ съ уваженьемъ.
Мастеръ, создавъ её, ей безименной
Препоручилъ потомству передать
Блескъ имени и памяти его.

Digitized by Google

XIII.

Пусть говорятъ, что приторно-изнѣженъ
И мелочной отдѣлкой увлеченъ
Миньяръ: — такъ быть должно, — но въ вкусѣ вѣка;
И можно ли палитру не осыпать
Лиліями и розами, тому
Кто призванъ былъ къ Маркизамъ и Принцессамъ?
Изъ нихъ одна стоитъ передо-мной,
Кто именно, — не знаю!... но конечно
Изъ благороднѣйшихъ, изъ знаменитыхъ.
Не даромъ на челѣ ея высокомъ
Ума, и гордости, и твердой воли
Сіяетъ свѣтлый лучъ! Не даромъ въ ней
И древній родъ, и нѣсколько вѣковъ
Наслѣдственныхъ преданій и привычекъ
Величіемъ, пріятствомъ отразились!
Красавицей нельзя ее назвать,
Но мнѣ она, и каждому, по-сердцу.
Въ большихъ глазахъ и мысль и чувство есть:
Прекрасная живой души примѣта.
Хоть локоны ея и свѣтлорусы,
Но въ головѣ, въ чертахъ и выраженьи
Характеръ лицъ сильнѣе отпѣченныхъ;
Хоть нѣжностью и свѣжестью цвѣтущей
Она блеститъ, — но что-то ясно въ ней
Неженскую рѣшимость обѣщаетъ,
Какъ будто ей судьба дала въ удѣлъ
Роль трудную сыграть на сценѣ свѣта.
Хотѣлось бы развѣдать, угадать
Кому, и для чего назначенъ былъ
Ея портретъ: младому-ль жениху....
Иль царствовать въ гостинной феодальной,
Межъ предками?... Кому потомъ достался,
Гдѣ былъ забытъ,... найденъ?.. и какъ она,
Изгнанница по смерти, безъ вины
Въ семейство Русское, въ страну снѣговъ
Попала въ дни крамольныхъ смутъ, она
Рожденная, ожившая далеко,
У береговъ волнующейся Сены?.....

Digitized by Google

XIV.

Но сбросимъ прахъ, ... но вмѣстѣ отряхнемъ
Съ земной мечтой земныя созерцанья! ....
Но вотъ она, — души моей смиренной
Святая страсть, покровъ, благоговѣнье, —
Мадонна!!.... Въ двухъ явленьяхъ, въ двухъ символахъ
Она предметъ восторга моего:
Въ кіотѣ и окладѣ золотомъ,
Озарена таинственной лампадой, —
Подъ мѣстными названьями своими,
Названьями, богатыми значеньемъ,
Ей данными народомъ благодарнымъ,
За чудеса, за дивное спасенье, —
Названьями, — знакомыми съ купели
Мнѣ въ дѣтствѣ набожномъ! — какъ Богоматерь,
Какъ знаменье старинной нашей вѣры,
Она мольбы моей и поклоненій
Была всегда прибѣжищемъ любимымъ. —
Ребенкомъ я привыкла знать и помнишь
Всѣ праздники Ея, и всѣ сказанья
О чудесахъ Ея; — привыкла Ей
Сплетать цвѣты и затеплять свѣчу,
Въ знакъ сердца къ Ней горящаго любовью.
И часто я Пречистой довѣряла
Слезу,... печаль,.... надежду, иль обѣтъ.....
Потомъ, когда я въ Западныхъ легендахъ,
Въ величіи обрядовъ пышныхъ Юга
Опять Ее нашла Святой Мадоной; —
Когда въ Ней идеалъ узрѣла я
Поэзіи, искусствъ и вдохновенья,
Когда красой невиданной, нездѣшней
Ее повилъ безсмертный Рафаэль, —
Я пламеннымъ, живымъ воображеньемъ
Поникла передъ Ней!.... И мнѣ Мадонна
Всѣхъ совершенствъ, всѣхъ прелестей земныхъ
Есть свыше лучезарное явленье.
Я Богоматерь чту молитвой теплой, —
Мадонною божественной любуюсь!
Въ старинной простотѣ, подъ тѣнью строгой

Digitized by Google

Безцвѣтнаго Царьградскаго письма,
Икона мнѣ Она, — и передъ Ней
Какъ въ дѣтствѣ трепещу, творя поклоны. —
Но вижу ли Ее на полотнѣ,
Во мраморѣ, изящною картиной, —
Я на Нее свободнѣе смотрю; —
И сладко мнѣ житье Ея земное
Припоминать, и на чертахъ прелестныхъ
Искать съ земнымъ небеснаго сліянье.
И вотъ она, твореньe кисти Стеллы,
А болѣе души его и мысли
Проникнутой мистическомъ восторгомъ!
И вотъ Она, — какъ всѣ Ее мы любимъ.
Какъ Пресвѣтлая, Она
Художникамъ, поэтамъ, матерямъ!....
Гляжу, — и мрутъ слова, и думы молкнутъ,
И руки вдругъ подъемлются невольно,
И мнѣ свѣтло!!.....

XV.

Глядите, — какъ хорошъ, какъ тихъ онъ,
Сей юноша, смотрящій молча въ даль,
И головой прильнувшій свѣтлорусой
Къ изображенію всемірной сферы!
Какъ много думъ таится въ этомъ взорѣ!
Какъ грустію подернулось чело!
То Галилей.... Онъ занятъ ужь заранѣй
Призваніемъ своимъ, безсмертной тайной,
Разгаданной потомъ за цѣну мукъ,
Гоненія, тюрьмы; объ ней онъ мыслитъ,
И труженикъ усталый оперся
На сей предметъ его любимой думы,
Причину и залогъ его страданій;....
Фанъ-Моль творецъ его изображенья. —

XVI.

Поклонъ ему, — примѣру Королей
И витязей!!.... Да здравствуетъ герой,
Мечемъ себѣ вѣнецъ завоевавшій
И добротой радушной покорившій

Digitized by Google

Прельщенныхъ подданныхъ!!.... Почетъ сей рамѣ!
Въ ней Генриха Четвертаго портретъ,
Въ ней Рубенса поспѣшное творенье! –
Набросанный чудесной кистью профиль
Едва лишь очерченъ, — но дышетъ жизнью,
Но истины исполненъ, — и нельзя
Привѣтливо ему не улыбнуться
Любимцу дѣтскихъ дней, — тому, кто намъ
Протяжные уроки сокращалъ
То доблестью, то храбростью своею;
Чье бѣлое перо водило насъ
По браннымъ поприщамъ! — Да и притомъ
Онъ женщинамъ поклонникъ вѣрный былъ,
Онъ рыцарски носилъ и прославлялъ
Цвѣта и плѣнъ своей счастливой дамы!

XVII

Мать Грёзева, — умильная старушка,
Съ улыбкою и ласкою во взорахъ,
Съ почтенной сѣдиной, — кокетствомъ рѣдкимъ,
Но привлекательнымъ, когда оно
Намъ встрѣтится съ спокойными чертами,
Съ челомъ, носящимъ слѣдъ прекрасной жизни!
О хороша морщинистая старость,
Когда она умѣетъ понимать
Величіе свое, и не хлопочетъ
Чтобъ свѣжестью обманчивой облечься,
И скрыть годовъ слѣды! — О хороша
Она, когда и умъ и добродѣтель
И благочестіе вокругъ нея
Сіяніемъ торжественнымъ горятъ,
И озаряютъ путь семьѣ покорной!
И счастливъ Грёзъ, нашедши у себя,
Подъ крышею родительскаго дома
Безцѣнный образецъ для кисти сына.

XVIII.

Волшебница.... Принцесса-ль предо-мною....
Иль мимолётное видѣнье сна;.....

Digitized by Google

Фантазіи художника свободной
Причудливый и безотчетный снимокъ?....
Младая женщина, въ нарядѣ странномъ, —
Гдѣ царствуетъ невиданная смѣсь
Восточной роскоши, алмазовъ, перловъ,
Съ изящнымъ щегольствомъ модъ Европейскихъ!
На головѣ, одѣшой покрываломъ,
Колышется эгретъ побѣдоносный,
Почетный знакъ Султаншей средь Гарема;
Вкругъ нѣжныхъ плечъ ластятся кружева,
Прозрачнѣе стекла и легче дыма,
Иль прихоти владѣтельницы ихъ;
Цвѣты и шелкъ, шитье и позолота
Участвуютъ въ уборѣ незнакомки.....
Нѣтъ, кончено, — ея не разгадать!
Иль развѣ съ умысломъ Фанъ Эгкутъ скрылъ
Подъ сбивчивой наружностію сходство
Ему завѣтное?... Иль развѣ онъ
Созданья милаго сберечь желая
Запретныя черты, былъ долженъ ихъ
Таинственно прикрыть игрой мечты?...

XIX.

Какъ чудны колоритъ и освѣщенье,
Какъ мудрено, какъ сбивчиво сліянье
Густыхъ цвѣтовъ и нѣжныхъ, мягкихъ тѣней,
Глубокой мглы, блистательнаго свѣта!
Изящное отдѣлки совершенство,
И мелочей подробныхъ изученье, —
Тушъ все, тушъ все, чтобъ знатока прельстить,
Чтобъ бѣднаго ученика измучить!
Здѣсь Герардъ-Довъ представилъ старика,
Искусства своего и мощной думы
Явилъ примѣръ, достойный удивленья.
Но кто же онъ, — имъ созданный?.... по платью,
По черному берету, по сѣдинамъ,
По взору, глубины невыразимой
И проницательной, то мудрый Магъ, —
Упитанный наукой и мышленьемъ,

Digitized by Google

Смотрящій съ высоты души, спокойный
На міръ несвѣдущій, — какъ хладный зритель,
Не какъ жилецъ его! — Самимъ собой,
Не нами занятъ онъ; — онъ намъ не внемлетъ,
Онъ обращенъ въ себя, въ свое раздумье;
Богата тайнами, полна значенья
На спарческихъ устахъ его улыбка.

XX.

Францискъ Рабле! — чудесное явленье
Чудесныхъ дней, и вѣка возрожденья, —
Монахъ, — аббатъ, — алхимикъ, — и посолъ....
И медикъ, ... и писатель геніальный, ...
Другъ Королей и Папъ, ... и бичъ ханжей, ...
И жертва злобы ихъ!... Францискъ Рабле,
Испытанный и счастіемъ примѣрнымъ,
И тяжкою, суровою судьбой, —
Но завсегда безсмѣнно сохранившій
Свой свѣтлый умъ, веселый, крошкій нравъ,
Терпѣніе и бодрость крѣпкой воли! —
Кто показалъ въ твореньяхъ и на дѣлѣ
Силена смѣхъ, Зоила остроту
Съ величіемъ и мудростью Сократа, ...
Да и лицомъ, игрой природы странной,
На древняго Сократа онъ похожъ,
И греческій философъ ожилъ въ немъ,
Духовный праотецъ, въ потомкѣ дальнемъ.
Окладъ лица, черты однѣ и тѣже,
И тотъ же лучъ во взорахъ, въ тайной мысли.
Фанъ-Эйкгутомъ написанъ образъ сей.

Вотъ всѣ они, жильцы мои и гости,
Мой пестрый кругъ, отъ всѣхъ концевъ земли,
Отъ всѣхъ вѣковъ собравшійся ко мнѣ!
Вотъ всѣ они, кого мечта моя
Разугадавъ, такъ живо полюбила! .....
Придетъ пора, ... и комнаты уютной
Не станетъ, ... и замрутъ пустыя стѣны, ...

Digitized by Google

И голосъ мой, и шумъ моихъ шаговъ
И память обо мнѣ, — все здѣсь умолкнетъ!....
И Богъ вѣсть гдѣ сама очнуся я!!....
И разнесутъ, разбросятъ по угламъ
Свидѣтелей счастливаго *теперь*.....
И этому *теперь* ударитъ часъ
Нещаднаго безмолвнаго забвенья.....
Но я, — я ничего не позабуду.....
Я ничего тогда не разлюблю!!....
Со мной они безгласные друзья,
Останутся, хранясь въ воображеньи,
Когда земной превратности послушны,
Всѣ прочіе друзья мнѣ измѣнятъ!.....
И времени полетъ ихъ не коснется,
И перемѣны въ нихъ я не увижу;
Ихъ взоры отъ меня не отвернутся, —
Улыбку ихъ не смѣнитъ гордый хладъ!....
Смотря на нихъ, — завидую,.... желаю
Все невозможное,.... все то, что намъ
Здѣсь не дано, — и дружбы неизмѣнной,
И прочныхъ благъ, и мирныхъ, ровныхъ дней....
Завидую, — спокойно, невредимо,
Чего они въ теченьи многихъ лѣтъ
На бурномъ свѣтѣ семъ не пережили?....
Чего еще не могутъ пережить?.....
Охотно бы, съ восторгомъ бы сей часъ
На участь ихъ свою-бъ я промѣняла,....
И потушивъ, и убаюкавъ сердце,
Осталась, какъ они, въ блестящей рамѣ,
Спокойна,..... и привѣтна..... и мертва!.....

(Петербургъ, Гельсингфорсъ, Село Анна,
Мартъ, Іюль, Октябрь 1842).

Digitized by Google

II.

ВЕСНА.

Великолѣпный день! на мягкой муравѣ
Лежу, — ни облачка въ небесной синевѣ!
Цвѣтетъ зеленый лугъ; чистѣйшій воздухъ горной,
Прохладой сладостной и нѣгой живописной,
Струится въ грудь мою, — и полонъ я весной!
И вотъ пѣвецъ ея летаетъ надомной —
И звуки надомной веселые летаютъ!
И чувство дивное изъ звуки напѣваютъ
Мнѣ на душу: даюсь невольно забытью
Волшебному, глаза невольно закрываю:
Легко мнѣ, такъ легко, какъ будто я летаю,
Летаю и пою, летаю и пою!

Языковъ

III.

Какъ Ангелъ неба безмятежный,
Въ сіяньи тихаго огня,
Ты помолись душою нѣжной
И за себя и за меня.
Ты отъ меня любви словами
Сомнѣнья духа отжени,
И сердце тихими крылами
Твоей молитвы осѣни.

А. Ф.

Digitized by Google

IV.

ВИДѢНІЕ.

Не ночью, не лживо
Во снѣ пролетѣло видѣнье,
Свершилося диво,
Землѣ подобаетъ смиренье.
Прозрачныя тучи
Надъ дикой Печерской горою
Сплывалися въ кучи
Подъ зыбью небесъ голубою,
И юноши въ бѣломъ
Летали отъ края до края,
Прославленнымъ пѣломъ
Очамъ умиленнымъ сіяя.
На тучахъ высоко
Все выше, въ сіяніи славы,
Замѣтно для ока
Вставали Печерскія главы ....

А. Ф.

IV.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

1.

Дѣвица уснула въ свѣтлицѣ;
Къ ней въ окно глядится луна, —
Вдругъ звуки веселые скрипки
Сквозь сонъ услыхала она.

Проснулась, къ окошку подходитъ,
Узнать, кто ей спать не даетъ:

Digitized by Google

Скелетъ тамъ на скрипкѣ играетъ,
И пляшетъ, и громко поетъ:

„Со мной танцовать ты хотѣла,
Но я былъ обманутъ тобой;
Теперь у насъ балъ на кладбищѣ,
Пойдемъ, потанцуемъ со мной.“

Какая-то тайная сила
Дѣвицу изъ дома влечетъ,
Выходитъ она за вороша,
И вслѣдъ за скелетомъ идетъ.

А онъ все играетъ и скачетъ,
Поетъ и костями гремитъ;
На пляску ночную скелета
Серебряный мѣсяцъ глядитъ.

2.

Тиха была полночь и страшно темна;
Я въ лѣсъ побродить удалился съ печали.
Древа разбудилъ я отъ сладкаго сна, —
Они мнѣ уныло главой покачали.

Ѳ. Миллеръ.

Digitized by Google

ПРОЗА.

ПАНТОФЕЛЬ.

Повѣсть Е.....ы Ш.....ръ.

Il est difficile de décider si l'irresolution rend l'homme plus malheureux que méprisable.

Je coûte moins à certains hommes de s'enrichir de mille vertus, que de se corriger d'un seul défaut . . . . . ce vice affaiblit l'éclat de leurs grandes qualités, et empêche qu'ils ne soyent des hommes parfaits. . . . .

Labruyère.

Семейство, — это собраніе всѣхъ нашихъ родственниковъ, очень похоже на библіотеку: человѣкъ лишь только родится, находитъ уже готовую библіотеку этого роду, и постепенно знакомится съ нею. — На первой полкѣ стоятъ для него двѣ самыя священныя книги: это отецъ и мать. Далѣе по порядку, книги правоучительныя и полезныя — это дѣдушка, бабушка, дяди и тетки; потомъ сердечныя записки — это братья и сестры; а наконецъ *les Variétés*, — книги различнаго рода, формы и изданія; новыя и старыя, хорошія и худыя, пріятныя и скучныя, философическія и свѣтскія: это обширный кругъ родственниковъ и родственницъ. Каталогъ библіотеки мѣняется часто потому, что время, этотъ невнимательный библіотекарь, поступая не согласно съ желаніемъ владѣтеля, безпрестанно то выбрасываетъ одни книги за окно, то ставитъ другія на полки. Этотъ педантъ лишилъ меня уже многихъ книгъ, и какъ бы издѣваясь надъ моимъ любопытствомъ, до сихъ поръ не позволяетъ мнѣ познакомиться съ полкой, на которой стоятъ *les Variétés*; а тамъ, если не ошибаюсь, находятся болѣе ста томовъ разнаго калибра, изданныхъ въ раз-

Digitized by Google

личныхъ провинціяхъ Польши. Однажды только, какъ бы умилостивленный моимъ терпѣніемъ, далъ онъ мнѣ въ руки одну книгу, но на видъ этотъ экземпляръ былъ такъ не красивъ, что принимая его, я невольно и вздохнула и улыбнулась. Нужно было, что бы самъ библіотекарь увѣрилъ меня въ достоинствѣ этого *in folio*, и съ тѣхъ поръ каждый день благодарю я моего педанта, надѣясь, что когда нибудь онъ дастъ мнѣ еще что въ подобномъ родѣ.

Каждый имѣетъ свои прихоти; я, разсказывая что нибудь, имѣю привычку начинать съ конца. Мнѣ кажется, что тутъ ничего нѣтъ худаго, потому что нынѣ всѣ романы, повѣсти и стихотворенія, большею частію начинаются съ конца, или покрайней мѣрѣ съ середины. И такъ, позвольте мнѣ разсказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ то, что вычитала я на послѣднихъ страницахъ этого *in folio*, а потомъ я дамъ вамъ въ руки сокращенную, но вѣрную копію книги, и вы сами прочтете остальное. Не пугайтесь женской болтливости, я разскажу коротко.

Мнѣ былъ тогда 18 годъ, — я жила въ Витебскѣ при родителяхъ; прочіе мои родственники жили гдѣ-то, тамъ въ лѣсахъ, за сто миль отъ насъ. Какъ должно быть скучно, жить такъ далеко отъ Витебска, думала я: тамъ вѣрно нѣтъ никакихъ забавъ и развлеченій.... Однажды вечеромъ, занятая наступающимъ баломъ, сидѣла я у окна за работой; именно завязывала узелки на концѣ платка, въ намѣреніи спросить судьбу, сбудется или нѣтъ? *to bee, or not to bee?* О! моя душа была похожа на душу Гамлетову! На дворѣ осенній дождь лилъ какъ изъ ведра, и гонимый ужаснымъ вихремъ, билъ тревогу во всѣ стекла; на улицѣ темно, въ комнатѣ только блѣдное мерцаніе двухъ нагорѣвшихъ свѣчей; уже собиралась я выпятить пайный узелокъ, какъ поспѣшно вбѣжала въ комнату жидовка Шейна изъ поколѣнія Ефресмова, факторша нашего дома, и вскрикнула пронзительнымъ голосомъ:

Digitized by Google

Панентка! а панетка! ай-вай цото за горе!

Что такое? спросила я испугавшись и вставая съ кресла.

Цо такего?.... Ахъ! и говорыць и мовиць страсно, цо такего! И горе и сцасце! и вы ницего не знаце, а до васъ приходзи изъ далеко кревны у городъ!....

Кто пришелъ? кто пріѣхалъ?

Герсту?.... пріѣхалъ! а якъ ему пріѣхаць кеды онъ не масць бутовъ? а босы, панентка, ай вай таки босы, цо нехъ Букъ бороницъ!.... а мизерны и бидны, питалъ се моихъ бахуресъ, гдзе мескаце васъ панентказъ? а бахуресъ приведзи его до Сейны, а Сейна дала ему гугиль, и сама посла до васъ. А сто? возмице? емъ певно возмице.

Будучи увѣрена, что родители мои не откажутъ въ пріютѣ ни одному изъ родственниковъ, приказала я привесши неизвѣстнаго. Слезы невольно лились изъ глазъ моихъ.

Ехъ цего ту плакаць? зидзіове вещей бидны, а не нарекаюць! Букъ вамъ да сцасце, вы така добра, панентка! Киксте! нехай прыяцелемъ бендзе на радосць, а непрыятелемъ на злосць!....

Послѣднія слова возвѣщали конецъ рѣчи Шейны.

Это былъ всегдашній эпилогъ ея разговора; прибавивши въ концѣ свое любимое *refain*, она выбѣжала какъ съумасшедшая.

Зала, въ которой за минуту сидѣла я одна, въ одно мгновеніе наполнилась; отецъ, мать, младшая сестра моя Елена, и даже сонные братья, которые жили въ верху, собрались принять незнакомаго родственника. Отецъ задумавшись ходилъ по комнатѣ, теръ себѣ лобъ, какъ бы припоминая о прошедшемъ, и наконецъ сказалъ съ жалостію и съ улыбкой: вѣрно это Викентій В***.

Его догадка оправдалась. Вошедшій Викентій взялъ за руку моего отца съ такимъ хладнокровіемъ, какъ будто вчера съ нимъ разстался; потомъ откровенно признался, голосомъ покойнымъ, но безъ униженія, даже съ гордостію благородной души, что потерявъ имѣніе,

Digitized by Google

силу и даже охоту снискивать работою себѣ пропитаніе, ищетъ пріюту у родственниковъ; что тѣ, къ которымъ обращался онъ съ просьбой, отказали ему, и что теперь отъ насъ ожидаетъ онъ отвѣта. Разумѣется, его тотчасъ же приняли, одѣли, посадили между отцемъ и матерью и осыпали вопросами. Г-нъ Викентій былъ нѣкогда въ тѣсныхъ связяхъ съ батюшкою, но потомъ женившись, пропалъ гдѣ-то въ Камшинѣ, и семь лѣтъ не было отъ него никакого извѣстія. Мы знали, что этотъ человѣкъ былъ очень ученъ, и потому нисколько не удивились, что вечеромъ Г-нъ Викентій, тронутый до слезъ хорошимъ пріемомъ, просилъ родителей о позволеніи ему оказать свою благодарность: посвятить себя его дѣтямъ, для усовершенствованія и окончанія воспитанія, ими полученнаго.

Вотъ и еще одинъ учитель! — шепнула мнѣ веселая моя сестрица, и начала его пристально разсматривать, какъ книгу, когда идешь сказывать урокъ — осмотръ былъ довольно коротокъ; легкая улыбка начала играть на ея устахъ, глазки заблистали дѣтскою радостію, потомъ снова наклонилась она ко мнѣ, и тихо сказала: Леся! посмотри на него, у него вовсе не Професорское лице, бьюсь объ закладъ, что это пантофель; ахъ какъ весело будетъ съ этимъ *monsieur!* Въ самомъ дѣлѣ Г-нъ Викентій имѣлъ такую комическую физіономію, что, сожалѣя объ его участи, невольно улыбнешься надъ его наружностію. Проницательное предсказаніе Елены сбылось. Каждый день она дѣлала ему тысячу непріятностей, смѣялась надъ нимъ, часто выходила изъ послушанія, и самаго степеннаго человѣка могла бы разсмѣшить, разсказывая о немъ анекдоты. Впрочемъ это не нарушало добраго согласія, потому что Елена, какъ почти всѣ люди веселаго характера, имѣла доброе сердце. Викентій былъ истиннымъ моимъ другомъ. Онъ развилъ мои понятія и образовалъ сердце, ему обязана я многими полезными познаніями въ наукахъ и литературѣ, онъ былъ такъ привязанъ ко мнѣ, и такъ искренно занятъ моимъ счастіемъ, что

Digitized by Google

быть только другомъ его мнѣ казалось недостаточнымъ. Я уважала и почитала его какъ отца, и была привязана къ нему, какъ къ матери. Мущины! вотъ дорога, по которой должны вы идти, чтобы снискать нашу дружбу; дорога благородная, нравственная. Вѣрно эта дорога вамъ будетъ не по сердцу: вы привыкли считать женщину за дитя, за существо легкомысленное, съ чувствительнымъ сердцемъ, но съ пустой головою, только за хорошенькую куклу. Вы умѣете забавлять насъ, льстить намъ, занимать насъ пустяками, часто даже съ умысломъ поселяя въ насъ ложныя понятія; — а между тѣмъ хотите, чтобы мы любили и уважали васъ! Любовь слѣпа, а потому часто женщина любитъ того, кого всѣ презираютъ; но у дружбы болѣе глазъ, чѣмъ у аргуса: она видитъ все, а потому она рѣдко бываетъ между мущиною и женщиной — поступайте такъ, какъ поступалъ Пантофель.

Вѣчная ему память! — Страданія души его кончились — онъ переспалъ уже быть пантофелемъ; написавъ передъ смертію краткій очеркъ своей жизни, исторію своихъ мыслей, чувствъ, несчастій, и минутнаго счастія, онъ прислалъ мнѣ свою рукопись, желая, чтобы она была помѣщена въ какомъ-нибудь журналѣ.

Охотно исполняю послѣднюю волю автора: это съ моей стороны будетъ хоть слабымъ доказательствомъ благодарности; можетъ быть эта искренняя исповѣдь слабой души послужитъ кому нибудь изъ мущинъ хорошимъ урокомъ, и въ сердцѣ читателей найдетъ состраданіе къ тому, кто цѣлую жизнь былъ игрушкою людей.

РУКОПИСЬ моего РОДСТВЕННИКА.

1.

Нѣтъ предмета, о которомъ бы въ свѣтѣ столько говорили, сколько говорятъ о характерѣ; ни одного не проходитъ дня, чтобы человѣкъ, даже самый

Digitized by Google

лучшій, не похвалилъ или не осудилъ нѣсколько *ходячихъ характеровъ*. Если бы это слишкомъ плодовитое поле нынѣшняго разговора по какому-нибудь случаю изчезло, о! я увѣренъ, что общество нынѣшнихъ гостиныхъ было бы тогда молчаливо и угрюмо, какъ старинные памятники, стоящіе въ Египетскихъ пустыняхъ. Удивительная вещь! любятъ болѣе всего спорить о томъ, что менѣе всего знаютъ, и чего иногда не могутъ даже постигнуть. Еще въ молодости слыша часто повторяемое слово характеръ, спрашивалъ я многихъ о его значеніи, и этотъ вопросъ повторялъ до половины моей жизни; но замѣтивъ, что отвѣчаютъ мнѣ или не кстати, или какимъ нибудь наборомъ словъ, невыражающихъ никакой мысли, или наконецъ обратнымъ вопросомъ: какъ можно не понимать этого? я началъ самъ разсуждать о томъ.

Это было уже не много поздно, потому что часы моей жизни пробили тридцать лѣтъ, а я не понимая, что значитъ характеръ, не зналъ навѣрное былъ ли мой. Не могу простить себѣ этого упущенія. Кто знаетъ—можетъ быть, и теперь не совсѣмъ ясно выражусь, сказавъ, что характеръ есть видъ, въ которомъ душа человѣка даетъ узнать себя въ частной и общественной жизни; или короче, это нравственная физіономія каждаго изъ насъ. Характеръ человѣка зависитъ отъ соотвѣтственнаго отношенія между его умомъ, чувствительностію и волею, слѣдовательно, это не что иное, какъ соусъ изъ мозгу, сердца и, если не ошибаюсь, крови, желчи, и еще чего-то; но оставимъ это; нынѣ всякій объяснитъ себѣ его лучше, чѣмъ *Отче нашъ*. Гораздо важнѣе вопросъ, какимъ образомъ онъ постепенно развивается, и что́ болѣе имѣетъ вліяніе на развитіе въ дитяти главныхъ его элементовъ, которые потомъ отличаютъ его между людьми и никогда не изглаживаются въ душѣ его. Одни веселы, другіе пасмурны, одни болтуны, другіе молчаливы; есть храбрые, есть трусы, есть расточительные, есть и скупые, чувствитель-

Digitized by Google

ные и безчувственные, мстительные и вспыльчивые, умные и глупые; скажите мнѣ, откуда же происходятъ этѣ противоположности, когда рождаясь на свѣтъ, мы такъ безразлично походимъ другъ на друга, какъ молодыя цыплята? Я не согласенъ съ мнѣніемъ многихъ, будто бы въ дитяти находится уже зародышь характера: это чистый фатализмъ, хуже Магометова, отнимающій у насъ волю, и дающій право каждому злодѣю считать себя равно невиннымъ, какъ невиненъ кирпичь, падающій съ кровли, если онъ убиваетъ кого нибудь на улицѣ; не думаю также, чтобы все могло зависѣть отъ воспитанія, потому что дѣти, воспитанныя съ одинакою заботливостію, въ зрѣломъ возрастѣ имѣютъ различный характеръ, и, часто въ молодости откровенные, подъ старость дѣлаются скрытными. А менѣе всего вѣрю тѣмъ, которые говорятъ, что обстоятельства, товарищество или опытность, образуютъ нашъ характеръ. Развѣ для того намъ даны умъ и воля, чтобы мы цѣлую жизнь только ходили ощупью, не зная сегодня, что будемъ думать завтра, и отъ колыбели до гроба шли не прямой дорогой, а шатались то вправо, то влѣво, какъ маятникъ стѣнныхъ часовъ? Правда, громко слово *опытъ*, но, спрашиваю васъ, тотъ ли только скупъ, кто умиралъ съ голоду, тотъ ли только каменное сердце, кто былъ обманутъ въ самыхъ нѣжныхъ чувствахъ и сладкихъ надеждахъ? И такъ, отъ чего же зависитъ характеръ? Мнѣ кажется, ни отъ одной изъ этѣхъ причинъ отдѣльно, но отъ всѣхъ ихъ вмѣстѣ, то есть отъ природы, воспитанія и обстоятельствъ. Я такъ думаю, и какъ сами увидите, это мнѣніе очень кстати пришлось къ удивительной моей біографіи.

Молодость моя была очень печальна. Мать зачала меня въ то время, когда лишилась старшей дочери; и послѣднія мѣсяцы своей беременности очень безпокоилась о жизни своего мужа, который съ полкомъ отправился на войну. Ложные слухи о его смерти были при-

Digitized by Google

чиною моего преждевременнаго рожденія: я былъ такъ слабъ, что долго сомнѣвались въ моей жизни. Вотъ первая физическая причина, отъ которой образовался мой характеръ. Печаль матери перешла въ меня прежде, чѣмъ я увидѣлъ свѣтъ и людей. Въ слабомъ и болѣзненномъ тѣлѣ, съ нѣжными и раздражительными нервами, какіе имѣлъ я, могла ли быть душа сильная? *Mens sana in corpore sano.* Въ дѣтствѣ выказывались во мнѣ какое-то смущеніе, излишняя робость, боязливость и неумѣстная стыдливость; однимъ словомъ, были во мнѣ всѣ примѣты человѣка добраго и чувствительнаго, но слабаго и неимѣющаго никакого характера! Нѣсколько лѣтъ по наружности принимали меня за дѣвочку. Мать моя, ослѣпленная своею привязанностію, называла меня голубемъ, ангеломъ, плакала отъ радости, благодарила Бога, что сынъ ея не будетъ шалуномъ. Съ какою заботливостію слѣдила она каждый мой шагъ, каждое мое движеніе, какъ старалась уничтожить каждую вспышку мужской души, которая открывается даже и въ дитятѣ!.... Бѣдная женщина! о! если бы знала она, какая ужасная будущность готовилась мнѣ!....

Не всегда дерево приноситъ одинакіе плоды. Мать моя, будучи очень набожна, старалась съ-дѣтства внушить мнѣ религію. Къ несчастію, говорила она мнѣ болѣе о Богѣ карающемъ проступки, чѣмъ о милосердомъ Отцѣ всѣхъ грѣшниковъ, и тѣмъ увеличила мою природную боязливость. Не имѣя никакого понятія о проступкахъ, я думалъ, что за каждую дѣтскую шалость ожидаютъ меня вѣчныя муки ада, и будучи еще дитятею, уже боялся смерти. На шестомъ году моего дѣтства занимали меня воды, лѣса, мѣстоположенія, похороны, а болѣе всего азбука. Людей видѣлъ я мало, и не занимался съ ними; впрочемъ, всѣ эти люди были взрослые: я долженъ былъ быть или одинъ, или съ матерью.

Таковъ былъ я, когда отецъ мой съ крестами, ранами и полной отставкою возвратился домой съ продолжительной кампаніи. Пріѣздъ его, вмѣсто того, что-

Digitized by Google

бы обрадовать меня, навелъ какой-то страхъ, и признаюсь, не могло быть иначе. Мать, всегда такъ ласковая ко мнѣ, наговорила мнѣ столько о почтеніи къ отцу, о послушаніи и другихъ сыновнихъ обязанностяхъ, что увидѣвъ его передъ собою, я невольно запрепеталъ. Это первое впечатлѣніе осталось во мнѣ навсегда, со-временемъ и еще болѣе увеличилось. Отецъ мой былъ строгъ и непреклоннаго характера; самовластный хозяинъ въ домѣ, хотя въ самомъ дѣлѣ имѣлъ доброе сердце, и даже былъ ласковъ, когда ни въ чемъ ему не противорѣчили. Нѣсколько разъ случалось мнѣ замѣчать слезы на глазахъ его; въ такихъ случаяхъ онъ тотчасъ отворачивался и начиналъ другой разговоръ, чтобы никто не видалъ его чувствительнымъ: по мнѣнію его, это было неприлично мущинѣ. Казалось, такой примѣръ долженъ бы былъ возбудить во мнѣ мужскій характеръ; но вышло совсѣмъ напротивъ. Съ тѣхъ поръ я сталъ бояться каждаго взрослаго мущины, какъ своего отца.

Вскорѣ послѣ того пріѣхала къ намъ сестра моего отца, дѣвушка пожилыхъ лѣтъ, и сдѣлалась моею гувернанткою. За каждымъ моимъ движеніемъ слѣдовало нравоученіе, за каждымъ словомъ предостереженіе. Она говорила такъ много и такъ скоро, и такимъ разнотоннымъ голосомъ, что шумъ мельницы или стукъ молота на наковальнѣ былъ бы гораздо пріятнѣе для уха. Что было дѣлать мнѣ дитяти, когда и родители не освобождались отъ ея проповѣдей? Только часы ученія были единственными минутами свободы и отдыха, и я страшился оторваться отъ книги. Удивительно-ль, что всѣ учителя были мною довольны, и что понятія мои развивались очень скоро? Это былъ единственный мой тріумфъ въ домѣ, и это вѣрно было причиною той охоты къ книгамъ, которая не покидала меня и въ самыя критическія минуты моей жизни.

Я не понималъ, что болѣе всего въ моихъ поступкахъ не нравилось теткѣ; однако видно было, что она замѣчаетъ мою понятливость, потому что болѣе всего

Digitized by Google

твердила мнѣ, что неприлично молодому человѣку болтать въ присутствіи старшихъ, мѣшаться въ ихъ разговоръ, объявлять свои сужденія, и т. д. О, эти выговоры женщины совершенно уничтожили мою смѣлость, если я и имѣлъ ее: я сдѣлался скроменъ, какъ овечка. Если бы не уроки, и иногда разговоры съ матерью, я забылъ бы говорить; во мнѣ можетъ быть осталась бы только способность отвѣчать кратко на вопросы. Домашнее воспитаніе губило меня. Отецъ, получивъ въ своей жизни много непріятностей отъ своего вспыльчиваго характера, не только не давалъ мнѣ никакой моей воли, но еще, какъ бы сговорившись съ тетикой, запрещалъ мнѣ всякую малость, угодную дитяти. Меня совершенно старались сдѣлать ученымъ Нѣмцемъ! Мнѣ не позволено было ничего приказывать слугамъ, въ случаѣ какой нибудь надобности велѣно было просить со всевозможною вѣжливостію объ услугѣ. Простые и грубые люди, не понимая цѣли этого постановленія, видя меня съ покорностію и униженіемъ просящаго каждой бездѣлки, мало по малу начали забывать свои обязанности, пренебрегали мною, перестали обращать вниманіе на мои просьбы, и часто дерзко отказывали въ стаканѣ воды! Убитый, уничтоженный, проливалъ я горькія слезы въ углахъ родительскаго дома. Я не смѣлъ разсказывать отцу о моихъ страданіяхъ, тетикѣ и того менѣе, а мать я такъ любилъ, что не хотѣлъ и безпокоить ее; она и безъ того много сожалѣла о мнѣ. У меня не было ни одного товарища, да и отецъ вовсе не хотѣлъ, чтобы я связывался съ шалунами.

Когда такимъ образомъ болѣе и болѣе упадалъ мой характеръ, и одна чувствительность, какъ одинокій цвѣтокъ въ пустынѣ, развивалась въ моемъ сердцѣ, въ замѣну всего этого я съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе оказывалъ успѣховъ въ преподаваемыхъ мнѣ наукахъ. Отецъ мой также зналъ очень хорошо науки эти, и былъ главнымъ моимъ ментеромъ; но не смотря на то, избиралъ мнѣ въ учители людей истинно образованныхъ. На 14-мъ году моего возраста я былъ образованнѣе

Digitized by Google

иныхъ въ 28 лѣтъ; однако знакомые тому вовсе не вѣрили; да и кто повѣритъ, чтобы человѣкъ расхаживающій по городу съ оборванными локтями, имѣлъ большой капиталъ въ Банкѣ; но это очень часто бываетъ, и я былъ очень похожъ на такого богача. Пріученный къ покорности, сжатый робостію и страхомъ, не смѣлъ я открыть рта въ присутствіи другихъ; и если кто спрашивалъ меня, гдѣ Петербургъ, то я, опустивъ глаза, скорѣе бы отвѣчалъ: въ Австріи, чѣмъ въ Россіи. Отецъ очень сердился за это, но послѣ многихъ такихъ случаевъ замѣтилъ наконецъ, что у меня женскій характеръ, и началъ было передѣлывать его на мужескій, но было поздно: его насмѣшки еще болѣе убивали меня.

Оставалось еще одно средство — публичное образованіе. Я уже могъ поступить въ Университетъ, но отецъ мой, желая, чтобы я прежде хотя одинъ годъ провелъ въ товариществѣ, отдалъ меня въ конвиктъ. Ужасное было мгновеніе, когда я въ первый разъ увидѣлъ себя въ этомъ новомъ обществѣ: въ одну минуту всѣ узнали мой характеръ, и тысячами насмѣшекъ старались докучать мнѣ, стараясь находить новые случаи, чтобъ позабавиться на мой счетъ. Въ первую недѣлю былъ я похожъ на зайца, только что переведеннаго изъ лѣсу въ садъ для забавы маленькихъ собакъ. Каждый свободный отъ занятій часъ стоилъ мнѣ многихъ слезъ. Но такъ какъ все въ мірѣ имѣетъ свой конецъ, то и шалуны, вдоволь натѣшившись мною, оставили, и почти вовсе забыли о мнѣ.

Только изрѣдка, когда не надъ чѣмъ было посмѣяться, они обращались ко мнѣ, но потомъ снова оставляли въ покоѣ. Тогда только въ первый разъ узналъ я, что мущина слабаго характера, — вещь достойная сожалѣнія: мысль, справедливость которой подтвердила моя жизнь.

Изъ всѣхъ моихъ товарищей только одинъ довольно хорошо обращался со мною. Альбертъ однажды назвалъ меня пріятелемъ; одно это слово сдѣлало на меня такое сильное впечатлѣніе, что я почелъ себя совер-

Digitized by Google

шенно счастливымъ, и невольно бросился ему на шею, облилъ его слезами, цѣловалъ, и препеталъ отъ радости. Я — одинокій, пренебреженный всѣми — имѣлъ пріятеля! За всѣ мои муки, за слезы, втайнѣ пролитыя, небо послало мнѣ наконецъ награду, превосходящую даже всѣ вымыслы моего воображенія. Въ эту минуту я готовъ былъ отдать за Альберта жизнь, любилъ его болѣе матери, болѣе, чѣмъ влюбленный любитъ свою возлюбленную. Это было предъ полугодичнымъ экзаменомъ. Альбертъ не имѣлъ хорошихъ способностей, и не надѣясь на себя, боялся отца; но я успокоилъ его, безъ сна проводилъ съ нимъ ночи, и всѣ волныые часы отъ ученья употреблялъ для занятія съ нимъ, изнемогая подъ тяжестію этого труда; но привязанность дала мнѣ силы, и Альбертъ не только сдалъ экзаменъ, но еще и получилъ награду. Я также получилъ ее, но награда пріятеля была для меня пріятнѣе собственной. Слабое мое здоровье еще болѣе разстроилось отъ понесенныхъ трудовъ и безсонницы: я сдѣлался боленъ.

Первая мысль по выздоровленіи была о моемъ Альбертѣ: какъ на крыльяхъ побѣжалъ къ нему; но остолбенѣлъ, когда онъ меня привѣтствовалъ такъ же сухо, какъ и прочіе товарищи. Отъ чего произошло? Товарищи смѣялись надъ нимъ, что получилъ награду чрезъ того, кѣмъ пренебрегалъ весь пансіонъ, и онъ, какъ всѣ самолюбцы, вооружился противъ правды, и, что еще обиднѣе, болѣе всѣхъ преслѣдовалъ меня. Не удивляйтесь тому: такъ поступаютъ не одни дѣти, но и взрослые люди — это обыкновенная монета, которою платятъ вмѣсто благодарности! Въ нѣсколько дней прежній мой пріятель сдѣлался злѣйшимъ врагомъ моимъ, и горькую чашу выпилъ я изъ рукъ его! Кто не воспитывался между дѣтьми, тотъ не пойметъ, сколько терпитъ слабое и кроткое дитя отъ сильнаго и злобнаго. — Я былъ какъ помѣшанный. Этотъ первый обманъ моихъ чувствованій сдѣлалъ на меня такое сильное впечатлѣніе, что съ тѣхъ поръ я началъ считать себя рожденнымъ для униженія, и под-

Digitized by Google

дался року: Индійскій Парій былъ бы менѣе меня послушнымъ.

Здѣсь я долженъ разсказать одинъ случай, который имѣлъ большое вліяніе на мою жизнь. Одинъ изъ товарищей, бѣгая по двору, нашелъ гдѣ-то старый пантофель, и бросилъ его въ Альберта. Прежній мой пріятель, который теперь только и думалъ какъ бы повредить мнѣ, съ радостію схватилъ старый башмакъ, привязалъ его на нитку, собралъ всѣхъ шалуновъ и тихонько сзади повѣсилъ его мнѣ на шею. Въ одинъ мигъ они окружили меня; Альбертъ держалъ меня за руки, а вся эта толпа прыгая вокругъ, кричала: »пантофель! ну кланяйся же намъ, пантофель!« и съ тѣхъ поръ эти шалуны такъ стали называть меня.

Въ самомъ дѣлѣ съ этого времени настоящая моя фамилія была забыта въ пансіонѣ: меня просто называли пантофлемъ. Мало по малу я привыкъ къ этому имени, такъ что, на призывъ: »пантофель« я тотчасъ же откликался; если это слово было сказано тихо, я оборачивался въ ту сторону, гдѣ сказали его, стараясь подслушать, что обо мнѣ говорятъ, или остерегаясь, не хотятъ ли сдѣлать со мною какую-нибудь шутку. Наконецъ собственная моя фамилія сдѣлалась мнѣ какъ бы постороннею, и часто, когда учитель спрашивалъ В***, я не обращалъ вниманія, до тѣхъ поръ, пока сидящій подлѣ товарищъ не толкалъ меня говоря: »пантофель, вставай же! — тебя спрашиваютъ.«

Время летитъ или очень быстро, или слишкомъ медленно. Наконецъ этотъ долгій годъ, проведенный въ пансіонѣ, кончился, и въ одно прекрасное утро я снова увидѣлъ родительскій домъ... Я былъ тѣмъ же, чѣмъ и выѣхалъ изъ него, даже сдѣлался худымъ, потому что возвратился пантофелемъ. Вѣрно отецъ мой какимъ-нибудь образомъ узналъ данное мнѣ прозваніе, потому что, лишь только взглянулъ на меня, поздоровался, отвернулся въ сторону, и пополамъ съ жалостію и гнѣвомъ сказалъ: Ахъ! Боже мой, Святой Ан-

Digitized by Google

шоній! какой же это пантофель! жаль и времени и денегъ.

Онъ говорилъ правду: и то и другое было потеряно, а сыну уже наступалъ 17 годъ. Въ досадѣ и раздумьѣ, походивши по комнатѣ, отецъ сказалъ мнѣ: »я самъ начну учить тебя по военному; сдѣлаю изъ тебя молодца, улана того полка, въ которомъ я служилъ.« Добрая моя матушка поблѣднѣла, а тетка перепугалась. Онъ въ самомъ дѣлѣ началъ; но лекарство было такъ недѣйствительно, послѣдствія такъ не разсчитаны, что лекарство это едва не вогнало меня въ могилу. Присутствіе мое въ домѣ, вмѣсто радости, отуманило лица всѣхъ и разстроило домашнее согласіе. Отецъ болѣе и болѣе увѣрялся, что поздно вздумалъ меня перевоспитывать, и боялся, чтобы я навсегда не остался такимъ. Эта сильная душа тосковала при мысли, что потомка благороднаго роду В*** нѣкогда называть будутъ пантофелемъ? Въ продолженіи трехъ столѣтій, говорилъ онъ мнѣ со слезами, не было ни одного пантофеля въ нашемъ родѣ; ни одинъ членъ моей фамилія не унизился даже до того, чтобы надѣть его на ногу; ни я, ни даже слуги мои не носятъ пантофлей; а ты хочешь свою фамилію, это достоинство предковъ, которую получилъ чистою и незапятнанною, — эту фамилію хочешь перемѣнить на пантофеля, и повѣрь мнѣ, тебя всегда будетъ называть такъ, если не будешь имѣть болѣе характера. Мать не понимала, чтобъ мое поведеніе могло имѣть худыя послѣдствія, и плакала о строгости отца, а иногда вѣрила его зловѣщимъ предсказаніемъ и снова начинала плакать. Сестры, видя печаль родителей, плакали опъ утра до вечера; даже и слуги наши не могли смотрѣть на меня безъ сожалѣнія. Никакъ не могу описать того, что происходило тогда въ моемъ сердцѣ. Чувствительность моя взволновалась опъ упрековъ отца; я думалъ, что только посторонніе люди могутъ преслѣдовать,

Digitized by Google

угнѣтать, смѣяться надо мною, но отецъ, хотя бы и для наилучшей цѣли, не долженъ быть пираномъ сына, вливая ядъ въ его сердце. Эти думы были ужасны, но еще ужаснѣе мысль, что я сдѣлался причиною печали всего семейства, что мать моя, чувствительная, добрая мать, отъ слезъ и горести замѣтно разстроивала свое здоровье! Быть убійцею матери!.... быть преступнѣе Каина!.... отъ мысли этой кровь то застывала въ жилахъ моихъ, то бросалась въ голову; мнѣ казалось, что мозгъ мой, распаленный адскимъ огнемъ, вздымался, волновался, клубился, какъ потокъ между скалъ. Я думалъ, что голова моя лопнетъ, какъ бомба, и куски ея разлетятся во всѣ стороны. Другой бы на моемъ мѣстѣ сошелъ съ ума, но духъ мой былъ крѣпче тѣла; я сдѣлался боленъ горячкой.

Мечты горячечныхъ различны. Иногда природа, какъ бы умилосердясь надъ несчастнымъ, ласкаетъ воображеніе его, показывая прелестныя картины будущаго; иногда возбуждаетъ сладкое предчувствіе лучшей жизни за могилой, такъ что больной выздоровѣвъ, невольно пожалѣетъ о своей болѣзни. Я не имѣлъ и этой отрады: душа и тѣло страдали вмѣстѣ. Ужасныя вѣдьмы въ различныхъ видахъ, какъ бы цѣлымъ хороводомъ вызванныя изъ ада, часто являлись предъ моими глазами, и находясь среди чувства и безчувствія, или лучше среди жизни и смерти, я напрасно силился выйти изъ этой летаргіи. Изъ всѣхъ ужасныхъ сценъ моего разгорячennаго воображенія одна до сихъ поръ еще не изгладилась изъ души моей. Въ ночной тиши показалась мнѣ мать моя лежащею на смертномъ одрѣ подлѣ моего; возлѣ ея стояли часы, на которыхъ вмѣсто стрѣлки былъ пантофель, за ними стоялъ Альбертъ; показывая на нихъ пальцемъ, онъ говорилъ съ дикимъ хохотомъ: »когда пантофель дойдетъ до 12, мать его умретъ.« О Боже! вотъ 10, вотъ 11, вотъ почти половина 12го; мать моя блѣднѣетъ болѣе и болѣе.... уже закрыла глаза.... уже не показываетъ никакого признака жизни, а зловѣщій пантофель подвигается все далѣе и далѣе! Хочу вскочить съ по-

Digitized by Google

спѣли, чтобы остановить его, чтобы выбросить его въ окно, но болѣзнь одолѣваетъ меня и не даетъ мнѣ даже пошевелить пальцемъ.... Альбертъ громко, дико, какъ сатана хохочетъ.... потомъ густой мракъ окружаетъ комнату, все изчезаетъ, и чрезъ нѣсколько минутъ снова тоже видѣніе.

Своимъ выздоровленіемъ я обязанъ былъ старанію Докторовъ, а еще болѣе заботливости матери; вскорѣ послѣ того я вступилъ въ Университетъ. Къ несчастію, нѣсколько прежнихъ моихъ товарищей поступили вмѣстѣ со мною, и моя подложная фамилія сдѣлалась извѣстною. Новые мои товарищи отдали справедливость тѣмъ, которые такъ назвали меня, прибавя однако же, что Альберту помогъ случай, а они и безъ него такъ же бы назвали меня. Какъ бы то ни было, только съ тѣхъ поръ всегда и вездѣ называли меня пантофлемъ, и теперь даже, когда пишу эти строки, веселая кузина моя Елена, прекрасная дѣвушка, пробѣгая чрезъ мою комнату, спросила на-вѣперъ; *ma chère pantoufle, que faites vous de bon?*.... Можетъ быть и по смерти моей на моей могилѣ вмѣсто надгробной надписи, какой-нибудь шалунъ положитъ туфлю, тогда и тѣ, которые не умѣютъ читать, скажутъ: »здѣсь лежитъ пантофель.« Но возвратимся къ прежнему; вамъ уже извѣстно, любезныя мои читательницы, что я привыкъ къ этому названію, и всѣ окружавшіе, какъ бы для краткости, часто безъ всякой злости, называли меня пантофлемъ. Въ Варшавѣ, въ томъ домѣ, гдѣ я жилъ, люди показывали двери моей комнаты всякому, кто спрашивалъ пантофля; въ провинціи почталіонъ приносилъ прямо ко мнѣ письма, адресованныя на имя Викентія Пантофля. Я самъ даже часто въ шутку подписывался такъ. Однѣ только женщины показывали мнѣ наружную вѣжливость въ разговорѣ, но насмѣшливая улыбка и коварный взглядъ ясно выражали то, чего не выговаривалъ языкъ. Плохую роль играетъ мущина, если по недостатку разума дѣлается игрушкою женщины, но гораздо болѣе жалокъ тотъ, на разсудокъ

Digitized by Google

котораго женщины не обращаютъ вниманія! Лучшія достоинства пантофля для нихъ ничего не значатъ, и если когда женщина обратитъ вниманіе на такого мущину, то для того только, чтобы посмѣяться надъ нимъ, какъ надъ фигляромъ. Глупцу кажется, что всѣ женщины влюблены въ него — а умный глубоко чувствуетъ свое униженіе.

Кто бы, бывши на мѣстѣ моихъ родителей, не сознался, что трудно бы было выбрать для меня образъ жизни. Богъ избавилъ ихъ отъ этой трудной обязанности, призвавъ ихъ въ вѣчность прежде, чѣмъ я окончилъ курсъ Университета. Сильно тронула меня потеря отца, но смерть матери была для меня гораздо ужаснѣе: это было для меня несчастіе въ полномъ смыслѣ. Съ той минуты, какъ осталась она вдовою, я привыкъ думать, что вскорѣ могу посвятить всего себя той, которая отдавъ землѣ мужа и сестеръ моихъ, какъ бы для того только и жила на свѣтѣ, что я существовалъ еще. Сердце матери есть глубокій источникъ любви: черпайте изъ него, сколько хотите: оно тотчасъ же наполнится снова. Каждая мать смотритъ на дѣтей своихъ, какъ старая Сивилла на свои книги, и чѣмъ болѣе гибнетъ ихъ, тѣмъ дороже для нея оставшіяся. О! сколько счастія, сколько радостей скрылъ отъ меня могильный камень, положенный надъ прахомъ моей матери! Если бы судьба оставила мнѣ ее, я увѣренъ, что не встрѣтилъ бы столько терній на пути своей жизни.

Утѣшаясь мыслію, что душа матери будетъ взирать на меня съ лучшаго міра, на ея могилѣ я началъ думать о прошедшемъ. Тяжелы и удушливы думы, когда думаешь, что съ собой дѣлать? Имѣніе, оставленное мнѣ родителями, было недостаточно для поддержанія моего существованія; какой же образъ жизни избрать мнѣ? вотъ трудная загадка. Къ духовному званію я не имѣлъ наклонности; въ военное? могъ ли пантофель быть воинымъ, и такъ осталась одна статская служба. Но и тутъ предвидѣлъ я, что мой несчастный характеръ будетъ мѣшать мнѣ; я отказался отъ всѣхъ выгодъ,

Digitized by Google

которыя могъ бы имѣть служа въ Варшавѣ, и намѣревался занять мѣсто гдѣ нибудь въ провинціи. Всего бы лучше было заняться науками; но извѣстно всѣмъ, что этотъ родъ жизни нынѣ болѣе можетъ принесть славы, чѣмъ хлѣба; а потому я не могъ посвятить себя исключительно имъ.

Излишне описывать вамъ службу мою въ различныхъ провинціяхъ Польши, потому что все это можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ: — всегда и вездѣ былъ я пантофлемъ, и нигдѣ не могъ быть долго на одномъ мѣстѣ. Судья безъ характера похожъ на спящаго человѣка: онъ можетъ имѣть всѣ хорошія качества, но что же изъ этого? Я терялъ одно мѣсто за другимъ, и со всею моею ученостію сдѣлался бы нищимъ, если бы небо неожиданно не перемѣнило моего положенія. Богатый дядя, который едва зналъ меня, схоронивъ жену и сына, умеръ вскорѣ послѣ нихъ, сдѣлавъ меня наслѣдникомъ всего своего имѣнія въ Калишѣ.

Въ продолженіи 10 лѣтъ различной и вездѣ несчастной службы, я находилъ утѣшеніе только въ наукахъ и литературѣ. О! сколько пріятныхъ минутъ провелъ я тихо въ моемъ кабинетѣ, разсматривая природу, или въ мысляхъ объ идеальномъ мірѣ, о людяхъ, вымышленныхъ поэтами, о сердцахъ чувствительныхъ, бьющихся для благодѣянія, дружбы, славы, съ тѣми возвышенными чувствами, которыя такъ рѣдко встрѣчаемъ мы въ товариществѣ! Утомившись работою, спѣшилъ я за городъ для одинокой прогулки въ лѣсу, гдѣ меланхолическій шумъ деревъ разговаривалъ съ моею душею таинственнымъ, понятнымъ только мнѣ голосомъ природы. Въ собраніяхъ бывалъ я рѣдко, и чего мнѣ было искать въ нихъ? Меня приглашали, потому что почти вездѣ встрѣчалъ я моихъ прежнихъ товарищей, или старыхъ знакомыхъ моего отца; но въ залахъ одни пренебрегали мною, какъ настоящимъ пантофлемъ, другіе, видя въ газетахъ и книжныхъ каталогахъ мое имя, и думая показать свою ученость, наскучивали мнѣ своими глупыми спорами. Есть родъ людей, несноснѣе кото-

Digitized by Google

рыхъ кажется нѣтъ въ мірѣ: ихъ теперь вездѣ много, начиная отъ роскошной залы бонтоннаго вельможи до скромнаго домика честнаго жителя; не знаю право, какъ бы назвать ихъ? они образованы, потому что болѣе или менѣе судятъ о наукахъ, и необразованы, потому что часто не понимаютъ того, чему учатся дѣти въ уѣздныхъ училищахъ; они любятъ просвѣщеніе, потому что читаютъ въ газетахъ новости, относящіяся къ наукѣ, и не любятъ потому, что не имѣя ни въ чемъ полнаго знанія, не хотятъ употребить трудовъ для надлежащаго понятія предмета. Очень часто случалось мнѣ слышать тысячи различныхъ мыслей о поэзіи Гёте отъ человѣка, который изъ всего Нѣмецкаго языка знаетъ только »Gut Morgen,« а переводовъ вовсе никогда не читывалъ. Не успѣешь освободиться отъ одного, подходитъ другой, незнающій Ариѳметики, и говоритъ, что открыто много ошибокъ у Невтона; что этотъ Англичанинъ Невтонъ былъ безбожникъ; за то Пифагоръ былъ иной человѣкъ.... А тамъ третій ругаетъ всѣхъ Французскихъ поэтовъ безъ исключенія, увѣряя, что вся Французская литература (о которой судитъ по двумъ Лафонтеновымъ баснямъ, прочитаннымъ въ переводѣ) никуда не годится, потому что Расинъ, Корнель, а особенно Вольтеръ, подражаютъ Нѣмцамъ. Скажите имъ нѣсколько названій Голландскихъ писателей, и тотчасъ начнутъ говорить о Голландской литературѣ. Но нельзя удержаться отъ смѣху надъ тѣми учеными, которые разсуждаютъ объ Исторіи. Для нихъ ничего не значитъ увѣрить, что Александръ былъ четвероногое животное съ длинными усами, что Аннибалъ былъ подлъ, Карлъ XII пьяница, — а мужамъ нашего времени достается еще болѣе. Какое же названіе дашь этимъ господамъ? Еще разъ признаюсь что не знаю! При такомъ характерѣ я никогда не смѣлъ спорить, слушалъ терпѣливо всѣ бредни, часто подтакивалъ имъ не-хотя; но избавившись отъ докучливости ихъ, я въ душѣ стыдился самъ за себя, сердился на свой характеръ, и мнѣ казалось, что слушая добровольно

Digitized by Google

такія диссертаціи, я унижаю себя, и даю право просвѣщеннымъ людямъ почитать меня глупцомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, знакомые мои не могли имѣть обо мнѣ другаго мнѣнія.

Такимъ образомъ въ этихъ обществахъ смѣялись надъ мною и унижали меня; но иные, недовольные тѣмъ, старались лишить меня имени просвѣщеннаго человѣка, и для того не только увѣряли, что голова моя пуста, но выдумывая разныя глупости, выдавали за мои. Эти же господа брали меня на свою сторону, начинали нарочно въ полголоса со мною споръ о какомъ нибудь предметѣ, и хитростію накравши довольно мыслей изъ моей головы, чрезъ нѣсколько минутъ, съ важностію стоя посреди окружающихъ слушателей, громко высказывали мои мысли, выдавая ихъ за свои. Нѣкоторыя рукописи пропали у меня, не знаю какимъ образомъ, и потомъ выходили въ свѣтъ печатанными подъ чужимъ именемъ: издатель прислалъ мнѣ одинъ экземпляръ въ подарокъ.

II.

— Г-нъ Пантофель!

— Что вамъ угодно?

— Неужели вы никогда не были влюблены!

— Напротивъ, былъ, и еще два раза.

— О! вѣрно очень сильно! Люди такіе какъ вы не любятъ шутокъ.

— Такъ сильно, что влюбившись первый разъ, чуть не умеръ съ отчаянія, а въ другой разъ женился.

— Ахъ! разскажите, это вѣрно очень смѣшно, влюбленный пантофель....

Въ самомъ дѣлѣ забавная исторія: нѣтъ ничего смѣшнѣе; я вамъ разскажу ее, слушайте!

Мнѣ былъ 25 годъ; я служилъ тогда въ уѣздномъ судѣ города К.

Однажды у Г-на Надержавецкаго былъ балъ; обыватели со всего околотка съѣхались къ нему; весь дворъ

Digitized by Google

былъ занятъ экипажами. Вистъ, экарте, марьяжъ и хорошее венгерское заняло стариковъ, а пять человѣкъ Жидовъ-музыкантовъ совершенно увлекли молодежь. Въ самомъ дѣлѣ, сказать откровенно, на этомъ балѣ было очень весело.

Въ комнатахъ, занятыхъ людьми степенными, были слышны говоръ, споры, смѣхъ и безпрестанные тосты; въ залѣ, гдѣ танцовала молодежь, жидовская музыка, шарканье, шелестъ платьевъ, веселость, тихій говоръ, скромный смѣхъ, пыль и жаркій воздухъ — все сливалось въ одно; однимъ словомъ: хаосъ молодой жизни въ бальной атмосферѣ — океанъ, по которому ураганъ веселія гонялъ ладью счастливыхъ мореходцевъ!

Я думаю, что врагъ человѣчества ввелъ балы въ Европѣ, а особенно въ Козеницахъ.

Дѣйствительно, что соблазнительнѣе бала для общества? Заиграла музыка: всѣ члены бала раздѣлились на двѣ какъ бы враждующія стороны — изъ которыхъ одна — сѣдые усы и готическіе чепцы, собирается подъ знамя воспоминанія, другая, съ улыбкой на устахъ, тѣснится подъ штандартъ надежды. Эти два рода на балу соединяются между собою такъ же рѣдко, какъ огонь и вода; необходимость пристать къ одной сторонѣ разлучаетъ даже связанныхъ узами родства. Родители оставляютъ дѣтей, дѣти родителей, мужъ жену, жена мужа, каждый имѣетъ свои расчеты! а если кто вздумаетъ воспротивиться бальному эгоизму, то долженъ перенесть множество колкихъ насмѣшекъ! Если мужъ остается при женѣ, его зовутъ ревнивцемъ, или тираномъ! Мать присматриваетъ за дочерьми, скажутъ: у нихъ мало нравственности; добрая дочь не отходитъ отъ матери, — она провинціалка. Трудно выбирать для себя мѣсто и знамя, и есть люди, для которыхъ на балѣ нѣтъ ни знамени, ни мѣста, напримѣръ: для отцвѣтшей красавицы не выгодно быть ни тамъ, гдѣ ворчитъ воспоминаніе, ни тамъ, гдѣ въ танцахъ рѣзвится надежда. Она должна сидѣть въ отдаленной комнатѣ, еще лучше дома. Кто-то сказалъ, что балъ

Digitized by Google

болѣе пьянства развращаетъ человѣка: никогда конечно степенные люди столько не сердятся, не споряшъ, не убиваютъ по напрасну времени; никогда пожилыя женщины столько не сплешничаютъ; никогда молодой мечтатель не приближается столько къ сумасшествію; никогда старый волокита не говоритъ столько пошлыхъ комплиментовъ; никогда въ сердцахъ бѣдныхъ женщинъ, не обладающихъ талисманомъ прелестей, не родится столько зависти; никогда мачихи столь строго не взыскиваютъ съ своихъ падчерицъ, какъ на балу!! Но и очень легко умереть отъ бала физически или морально: тамъ пьютъ воду послѣ танцевъ, ѣдятъ мороженое послѣ изъясненія въ любви,—развѣ нельзя отъ этого отправиться на кладбище? Въ вихрѣ вальса или бѣшенаго галлопада развѣ жемчужина не падала на глину? И послѣ этого оспаривайте, если угодно, что первый балъ въ Европѣ, или покрайней мѣрѣ въ Козеницахъ, не данъ былъ врагомъ рода человѣческаго! Я думаю что̀ это правда.

Но для пантофля балъ не опасенъ: онъ никогда не измѣняетъ своихъ правилъ, на балѣ не танцуетъ, не играетъ въ карты, а только скучаетъ; у него, впрочемъ, есть лекарство и отъ скуки—поглядѣвши на веселость другихъ, пантофель вздохнетъ, или съ важностію ретируется въ особую полуосвѣщенную комнату, садится въ концѣ, сидитъ погружась въ думы, пока Морфей не накроетъ его своими крыльями. Я позволилъ бы быть на балахъ столько пантофлямъ!

Г-нъ Надержавецкій такъ же думалъ, какъ и я, потому что столько меня одного просилъ особенно, встрѣтившись на рынкѣ наканунѣ большаго праздника.

Если было много гостей, это не его вина: онъ вовсе не зналъ о томъ, что женѣ его вздумается пригласить многихъ, не сказавши ему. Какъ бы то ни было, а я все-таки былъ на балу и не отступилъ отъ своихъ правилъ; то есть, посмотрѣвши туда и сюда, наступивши на нѣсколько ногъ и ножекъ, и примѣтя наконецъ, что зѣваніе, этотъ признакъ близкаго сна, на-

Digitized by Google

чинаетъ утруждать мои щеки, отретировался въ такую комнату, о которой вамъ уже говорилъ. Тамъ, погрузившись въ думы, я мечталъ до тѣхъ поръ, пока не выдумалъ того, что читали выше объ опасности баловъ. Потомъ я думалъ заснуть; какъ на зло, мнѣ никогда не даютъ исполнить своего намѣренія: вдругъ вбѣжали въ мою комнату двѣ барышни, и вѣрно не замѣтили меня, сидящаго въ тѣни, въ большихъ Вольтеровскихъ креслахъ, потому что смѣло сѣли на софѣ; отдохнувши, онѣ громко начали разговаривать о балѣ, о кавалерахъ, и наконецъ обо мнѣ. Одна изъ нихъ была Софія, дочь хозяина, другая пригожая, какъ ангелъ дѣвушка, Эмма Добр...., ее я въ первый разъ только видѣлъ, хотя отецъ ея былъ старый товарищъ моего отца; бывая часто въ Козеницахъ, онъ нѣсколько разъ просилъ меня въ свою деревню Тузину. Какъ же спать, когда я могъ подслушать что̀ говорятъ о мнѣ двѣ молодыя барышни? Послушаемъ.

— Кто этотъ блѣдный господинъ съ большими голубыми глазами, въ черномъ фракѣ, что при началѣ бала, посмотрѣвши на танцующихъ, вздохнулъ, и куда-то вышелъ изъ залы? спросила Эмма у своей пріятельницы.

— Ха, ха, ха! какой смѣшной вопросъ, сказала Софія, — напрасно бы я ломала себѣ голову, чтобы тебя успокоить — блѣдныя лица теперь въ модѣ у мущинъ: каждый изъ нихъ старается имѣть Байроновскую физіономію — голубые глаза также у многихъ, хотя старая мода, а черные фраки почти у всѣхъ. Какъ же отгадать кто твой *grazioso*, *prezioso*, а можетъ быть и *innamorato cavaliere*.

— *Comme vous êtes mechante!* ты никогда не хочешь мнѣ ничего сказать, но на этотъ разъ такъ и быть; я видѣла, какъ онъ разговаривалъ съ *papa* при окнѣ; онъ долженъ его знать!....

— Отъ отца узнаешь только о его фамиліи, а я угадываю, о комъ ты говоришь, и могу тебѣ разсказать о немъ тысячу анекдотовъ.

— *Carissima*, довольно же меня мучишь; ты знаешь — я любопытнѣе Еввы; скажи, кто онъ такой?

Digitized by Google

— Пантофель.

— Какъ пантофель? развѣ онъ такъ называется? смѣшная фамилія — не можетъ быть!....

— Что тутъ необыкновеннаго?.... Вѣдь мы въ пансіонѣ называли же нашу мадамъ *la grande poule*, и это не удивляло тебя.

— А! понимаю — не ужели онъ въ самомъ дѣлѣ пантофель?

— *Arcy-superfine* пантофель; онъ похожъ на тотъ супъ, который умѣютъ дѣлать Нѣмцы изъ одной воды безъ всякихъ приправъ: добрый, тихій, не смѣлый, скромный какъ заяцъ; говорятъ, что онъ, какъ Раввинъ, сидитъ всегда за книгами, трудится надъ старыми Христіанскими и Магомешанскими языками, любитъ поэзію и пишетъ такъ хорошо стихи въ Альбомы, что не начитаешься.

— *Ah! ma chère*, для чего же называютъ его пантофлемъ?

— Не знаю, что тебѣ сказать на это; я думаю, это такъ натурально, какъ бы на его носу съ обѣихъ сторонъ написано было »пантофель!« Куда только ни обернется, тотчасъ вездѣ же отгадаютъ, что онъ пантофель. У насъ здѣсь даже и мальчишки бѣгаютъ за нимъ по улицамъ, крича во все горло: пантофель! Иные говорятъ, что онъ очень ученъ; другіе, и этихъ болѣе, почитаютъ его глупымъ; тѣ и другіе справедливы: онъ ученъ въ своемъ кабинетѣ, а глупъ въ залѣ, а особливо тамъ, гдѣ разговариваютъ женщины. Представь себѣ: разъ какъ-то говорили при немъ о морскомъ путешествіи, о сильныхъ чувствахъ въ человѣкѣ, находящемся на безбрежномъ пространствѣ океана, какъ вы думаете объ этомъ? спросила его моя маменька? Я никогда не былъ на морѣ, отвѣчалъ онъ зѣвая. Однакожь, какъ вы предполагаете? Я думаю, это очень весело, потому что приближаясь къ какому-нибудь мѣсту, сперва видишь вдали деревни, потомъ крыши домовъ, и наконецъ людей.... онъ бы навѣрно

Digitized by Google

говорилъ далѣе, но Г-нъ Н., насилу удерживаясь отъ смѣху, остановилъ его. »Вы не ошибаетесь: это все такъ и въ Географіи, а если бы того и не было тамъ, каждый бы могъ узнать изъ Латинскихъ выписокъ, гдѣ сказано »*terra est rotunda et globosa*,« ха, ха, ха! — Бѣдный пантофель покраснѣлъ, какъ ракъ; скажи же, развѣ не могъ онъ дать лучшаго отвѣта? Въ другой разъ у насъ былъ вечеръ. Пантофель теперь не танцуетъ, но тогда онъ любилъ вальсировать сантименшально, какъ Нѣмецъ. Думая вѣрно объ этомъ, онъ сталъ за моимъ кресломъ и безпрестанно смотрѣлъ на меня, пока наскучившись его фигурой, я не спросила, такъ, на-вѣшеръ: отчего онъ не танцуетъ? Я бы желалъ, отвѣчалъ онъ, но не смѣю васъ просить. — Отъ чего? повѣрьте, я не откажусь, — я обѣщала танцовать съ нимъ, какъ только заиграютъ первый вальсъ. Тутъ снова начались танцы, я освободилась отъ него; но бѣдный пантофель слѣдовалъ за мной, какъ тѣнь, отъ кресла до кресла, и становился сзади, гдѣ я ни садилась. Наконецъ заиграли вальсъ. Пантофель уже вышелъ впередъ, но въ эту минуту Казиміръ К*** подбѣжалъ ангажировать меня.« — Извините, Г-нъ В*** уже давно ангажировалъ меня.« Г-нъ В***, сказалъ Казиміръ, какъ бы удивившись, и обмѣривъ его глазами съ ногъ до головы: »что это значитъ? извинитесь сейчасъ предъ этой дамой.« — Пантофель побѣднѣлъ, сказалъ что-то подъ носъ, посмотрѣлъ на своего прошивника, но тотчасъ же опустилъ глаза, извинился предъ мною и отправился домой. Еще разъ, не помню, кто-то изъ молодыхъ людей, проигравши всѣ деньги, которыя имѣлъ въ кошелькѣ, спросилъ пантофля, отчего онъ не играетъ? Пантофель отвѣчалъ, что не умѣетъ. — »Ну такъ пойдемъ, — я буду выбирать карты, а ты ставь деньги.« Пантофель пошелъ за нимъ какъ овечка, и проигралъ всѣ деньги, которыя имѣлъ при себѣ. Какъ тебѣ нравится, *ma chère?* Эмма въ продолженіи всего разсказа мало смѣялась: она казалась болѣе растроганною, и наконецъ сказала Софіи — Онъ еще молодъ, неопытенъ, со-временемъ перемѣнится.«

Digitized by Google

— Хотъ и перемѣнится — въ чемъ однако сомнѣваюсь — но навсегда останется педантомъ! онъ такой ученый!

— Это не большая бѣда, даже и не худо, если только чувствителенъ.

— О! что до этого, то даже слишкомъ; но чувствителенъ какъ дитя, а не какъ мущина. Я думаю....

Въ это время Казимиръ, давно искавшій Софію, прервалъ разговоръ двухъ пріятельницъ, и проводилъ ихъ въ залу. Эти слова Эммы глубоко вонзились въ мое сердце. Ангельская душа! подумалъ я, ты первая не постыдилась отдать справедливость человѣку всѣми пренебрегаемому, ты жалѣешь меня, ты не пренебрегаешь мною, ты надѣешься, что я перемѣнюсь, и цѣнишь сердце, на которое до сихъ поръ еще никто не обратилъ вниманія.

Въ какомъ-то упоеніи сталъ я на колѣни, и благодарилъ Бога, что далъ Онъ мнѣ узнать душу, къ которой не коснулся еще духъ свѣтской насмѣшливости. Я непремѣнно хотѣлъ на другой же день ѣхать въ Тузину, а между тѣмъ пошелъ въ залу, и остатокъ вечера слѣдилъ глазами за Эммой.

Возвратившись домой, я сталъ колебаться въ своемъ намѣреніи; ходя по комнатѣ, спрашивалъ самъ себя: »ѣхать или нѣтъ?« и не могъ разрѣшить этого вопроса; наконецъ, увидѣвши на окнѣ спящую муху, я подумалъ это рѣшить жребіемъ, условясь самъ съ собою, если согнанная съ мѣста, она снова туда же сядетъ, это значитъ остаться дома, если же она полетитъ въ другое мѣсто, то должно ѣхать. Муха приказала мнѣ ѣхать, и на другой день я отправился. Но, или мои часы ужасно спѣшили, или худо разсчиталъ время дороги, или можетъ быть и не подумалъ, въ которомъ часу лучше пріѣхать съ первымъ визитомъ, только я засталъ всю фамилію Г-на Добр.... только-что собравшуюся пить кофе. Еще было только 8 часовъ. Но вскорѣ необыкновенное гостепріимство этого дома, или можетъ

Digitized by Google

быть мысль нравиться Эммѣ развязало мнѣ языкъ; не запинаясь отвѣчалъ я на всѣ вопросы, и даже самъ поддерживалъ разговоръ; но иногда только встрѣчая взоръ Эммы, я терялъ нить его, и сказалъ нѣсколько плоскостей, но Эмма замѣтила мою слабость, и, отвернувшись отъ меня, возвратила свободу.

Пока Г-жа Добр.... разливала кофе, я имѣлъ время вблизи присмотрѣться къ ея дочери. Представьте себѣ семнадцати-лѣтнюю блондинку, съ личикомъ, какія любилъ рисовать Грезъ, съ голубыми глазами, какъ майское небо, съ улыбающимися розовыми губками. Въ ея разговорѣ разлита какая-то пріятность и нѣжность, явный знакъ чистой и непорочной души; придайте къ тому поступь Сильфиды, снѣжныя груди, ручки красивѣе тѣхъ, которыя выходили изъ-подъ рѣзца Кановы, и вы будете имѣть хотя слабое понятіе о ея наружности. Но какъ опишу вамъ выразительность лица, эти взоры, которые болѣе красоты плѣняютъ сердце? Въ этомъ упоеніи не замѣтилъ я, какъ слуга принесъ кофе. — Эмма, чтобы предостеречь меня, нагнулась въ сторону, тогда увидѣлъ я немного выставленную ножку, одѣтую въ розовый атласный туфель. О маленькая ножка! атласная туфля! скажите мнѣ, отчего при взглядѣ на васъ какой-то необыкновенный пламень пробѣжалъ по моимъ жиламъ? Сердце начало биться, и рука такъ сильно затряслась, что протянувъ ее, чтобъ взять кофе, я толкнулъ подносъ, разлилъ все, что на немъ было, уронилъ на полъ фарфоръ и сахаръ, и смутившись началъ собирать черепки и класть на пустой подносъ. Смѣхъ хозяевъ привелъ меня въ чувство; Эмма не смѣялась: на ея лицѣ видна была жалость. Вина моя была прощена, и вскорѣ я сдѣлался веселъ; но кончикъ ножки и розовая туфля часто мелькали предъ моими глазами, какъ быстролетныя ласточки, и наконецъ въ моихъ глазахъ вся комната сдѣлалась какъ бы полною розовыми туфлями, которыя вертѣлись около моей головы. Послѣ кофе отправились въ садъ, но и тамъ въ лучахъ солнца вился рой золотыхъ мушекъ, блистали милліоны

Digitized by Google

маленькихъ туфлей. Весь день провелъ я счастливо въ кругу этого семейства, какъ дитя въ кругу родителей.

Вечеромъ, возвратившись домой, я долго не могъ уснуть. Минута бѣжала за минутой, а я задумчиво ходилъ, бѣгалъ по комнатѣ, припоминая себѣ каждое мгновеніе этого дня, каждое слово, каждое движеніе моей любезной, ея поступь, ея лице, глаза, ручки, а чаще всего, о слабость мущинъ! чаще всего ея ножку и красивую туфлю.... Тускло свѣтилась нагорѣвшая свѣча; но и въ ея мерцаніи мнѣ казалась красивая туфля; я смотрѣлъ въ окно: тамъ мѣсяцъ показался мнѣ цвѣтною туфлей, а звѣзды золотыми туфлями. Наконецъ, когда усталый бросился на постель, очаровательные волшебные сны представились мнѣ. Мнѣ снилось: я плыву на спокойныхъ волнахъ озера, въ бриллiантовой лодкѣ, лучи солнца отражались въ ней, искрились и разсыпались. Я былъ окруженъ свѣтлымъ облакомъ. Волшебная лодка имѣла форму пантофля, на концѣ ея стояла Эмма съ крыльями, какъ у Купидона, и золотымъ весломъ гнала послушную лодку къ волшебному берегу. Миріады блестящихъ туфлей, какъ рыбки, извивались передъ моею ладьей, и выскакивая изъ воды, смотрѣли на меня сафирными зрачками. Какъ хорошо быть пантофлемъ, хотъ бы для того, чтобы видѣть столько обворожительныхъ сновъ!

Чрезъ нѣсколько дней я былъ опять въ Тузинахъ, потомъ ѣздилъ чаще, и наконецъ сдѣлался домашнимъ у Г-на Добр.... Такимъ образомъ прошло почти полгода.

О! сколько сладкихъ мгновеній провелъ я въ эпоху моей жизни близъ Эммы; всегда и вездѣ при ней, въ залѣ, при рабочемъ столикѣ, въ саду, мы бѣгали вмѣстѣ по полямъ, по лѣсу, на берегу Вислы, и вмѣстѣ восхищались красотами природы: какъ бы одна душа оживляла наши тѣла. При ней забылъ я, какъ считается время, забылъ, что есть часы, минуты, секунды, потому что при ней день для меня сливался въ одно цѣлое, а всѣ чувства въ одно чувство любви. Понемногу, какъ бы изъ хаоса, распространялся предъ мною

Digitized by Google

новый міръ, не идеальный, не выдуманный поэтами, но существенный, міръ высокихъ и благородныхъ чувствъ, сходныхъ съ разумомъ, честью и религіею. Въ свѣтѣ Колумбовомъ, которымъ была для меня Эмма, все существо мое переродилось: я болѣе сталъ цѣнить себя, и вспорхнувъ изъ долгаго униженія, только въ первый разъ оглянулся вокругъ себя. О! если бы нѣсколько лѣтъ, одинъ годъ такой жизни, мой характеръ перемѣнился бы! Эмма въ каждой малости умѣла быть милой, невинной кокеткой: то заплететъ волосы по моему вкусу, то надѣнетъ платье, мною хвалимое, то сыграетъ на фортепіанахъ мою любимую мелодію, то повторитъ мои стихи! Она особенно любила поэзію, я также, и мы согласились прочитать вмѣстѣ нѣсколько извѣстныхъ авторовъ. При этомъ чтеніи я еще болѣе узналъ образъ ея мыслей и ангельскую душу. Эмма знала немного по-Англійски, но не могла читать книгъ, особенно стиховъ; я занялся съ нею этимъ языкомъ, и скоро довелъ до того, что могъ понимать ее. Съ какимъ рвеніемъ бросилась она читать Мура, Байрона, Скотта!.. Лалла Рукъ, Ирландскія мелодіи, Абидосская дѣвица, почти не выходили изъ рукъ ея; часто оно засыпала съ ними, и проснувшись ночью, любила прочитывать нѣсколько стиховъ, для того, чтобы увидѣть сонъ, созданный пылкимъ ея воображеніемъ; въ лѣтнее утро, поливши цвѣты въ своемъ садикѣ, она учила наизусть какую-нибудь пѣсню Мура, которою встрѣчала меня по пріѣздѣ изъ города. Поэзія и музыка погубили меня: онѣ возбудили во мнѣ столько сладкихъ чувствъ, такъ сильно потрясли слабую ткань моихъ нервовъ, и пробудивъ мое воображеніе, до такой степени омрачили мой разсудокъ, что въ этомъ хаосѣ мечтаній, тревогъ души, грусти и веселія, философіи и легкомысленности, поступки Эммы казались мнѣ выраженіемъ страстной любви; но при малѣйшей внимательности я могъ бы ясно видѣть, что это была одна ласка и дружеское довѣріе: Эмма была бы одинаково добра для всякаго мущины; но были случаи, что и эта ангельская душа должна была вразу-

Digitized by Google

мить меня, что въ чувствахъ ея ко мнѣ не доставало чего-то важнаго!.... Однажды послѣ прогулки сидѣли мы на доскахъ. Эмма сняла съ пальца кольцо и нечаянно уронила его между ними. Вечеръ былъ ясный, досокъ не много, и потеря могла быть тотчасъ найдена. Спутница моя просила меня о томъ. Это было легко для другихъ, но тяжело для меня. Эмма смѣялась надъ моими усиліями, считая ихъ притворными; но наконецъ просила вспомнить, что приближается вечеръ, и перестать шутить. Съ отчаяніемъ и почти со слезами я долженъ былъ признаться, что не шучу: тогда лице ея приняло видъ удивленія и вмѣстѣ гордости. Фи, сказала она, если бы я была такимъ мущиной, я носила бы юбку? ха! что жь дѣлать, позовите кого нибудь на помощь. Къ ея счастію, и моему стыду, молодой мальчикъ вышелъ изъ ближней хижины, и позванный нами, въ минуту отвалилъ доски и нашелъ кольцо. »Сколько тебѣ лѣтъ?« спросила Эмма. — Семнадцать, отвѣчалъ онъ. —

Эмма поблагодарила его. Молча возвращались мы домой: она была задумчива, и я догадывался о причинѣ. Среди дороги Эмма обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: кажется мущины не скрываютъ своихъ лѣтъ какъ мы, которой годъ вамъ? Цѣлымъ десяткомъ болѣе, чѣмъ этому крестьянину, отвѣчалъ я въ замѣшательствѣ, отгадывая ея мысли: въ эту минуту я былъ какъ червякъ, раздавленый ногою прохожаго! это было первое, а потому и самое горькое униженіе. — Въ другой разъ ворота сада были затворены, и Эмма хотѣла ввести меня калиткой, но между ею и гумномъ была конура съ огромной собакой на цѣпи; никогда не видалъ я ужаснѣйшаго цербера! — »Позвольте мнѣ вашу руку, сказала Эмма, Левіанъ будетъ только лаять; но если пойдете одни, то можетъ броситься, впрочемъ онъ такъ старъ, что не можетъ сдѣлать никакого вреда, кромѣ страха.

Digitized by Google

Бѣдный Левіанъ! онъ похожъ на тѣ корабли, которые когда-то господствовали на моряхъ, но послѣ побѣжденные временемъ и волнами, отправлены въ гавань безъ орудій, и могутъ быть взяты всякой непріятельской шлюбкой! Теперь дворовая собака безъ наказанія отважилась дразнить его. Мы подошли къ конурѣ, старый Левіанъ высунулся оттуда, и началъ лаять такъ странно и бросаться во всѣ стороны, какъ будто лѣта молодости возвратились къ нему. Эмма шла спокойно, но я, взглянувъ на глаза его, въ которыхъ пылалъ огонь какъ у тигра, невольно отскочилъ и вскрикнулъ. Эмма, посмѣявшись надомною, подошла къ собакѣ, взяла ее за морду, и приказала мнѣ идти въ садъ, увѣряя, что онъ не тронется съ мѣста.

Я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ; не могъ сдѣлать шагу, Эмма не сказала мнѣ ни слова, только взглянула на меня съ жалкимъ состраданіемъ какъ на труса, какъ на мопса, оцарапаннаго кошкой. Въ другой разъ за обѣдомъ, къ которому было приглашено нѣсколько особъ изъ городу, Г-нъ Добр.... приказалъ подать фамильный бакалъ и предложилъ тостъ въ знакъ дружбы, всѣ выпили; я отказался.

Стыдитесь, милостивый государь, сказалъ мнѣ хозяинъ; мущина долженъ избѣгать изобынка, но надобно имѣть голову покрѣпче куриной. Отцы наши слишкомъ покланялись Бахусу, особенно познакомившись съ Саксонцами, конечно это не хорошо, а нынѣшніе молодые люди не пьютъ, больше стоятъ состраданія; что толку въ мущинѣ блѣдномъ, худомъ, съ впалыми глазами, который отъ одного бакала упадетъ подъ столъ? Въ комъ ничего нѣтъ мужскаго, тотъ женщина во фракѣ. Удивляюсь, какъ это наши дѣвушки выходятъ за нихъ замужъ; мужъ обязанъ быть попечителемъ жены, спасать ее отъ грозы, какъ дубъ укрываетъ слабый кустарникъ, растущій подъ его тѣнью. Чтожъ теперь удивительнаго, что мужья подъ власшью своихъ женъ, если каждый

Digitized by Google

изъ нихъ пантофель; не таковъ былъ, вѣчная память, вашъ отецъ; вы вѣроятно знаете, какимъ образомъ познакомился онъ съ вашей матерью? — Я отвѣчалъ, что знаю, но другіе убѣдительно просили разсказать имъ, и Г-нъ Добр..... началъ:

Долго служили мы вмѣстѣ съ отцомъ Г-на В***, въ одномъ полку; были вмѣстѣ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и жили какъ братья; въ сраженіи подъ ***, одному ему я обязанъ жизнію, хотя онъ въ томъ никогда не сознавался. Взглянувъ на него, можно сказать, вотъ мущина! высокъ, аѳлетическихъ формъ, съ черными волосами, черными глазами, черными усами; всегда здоровъ и свѣжъ. Онъ былъ упрямъ, за то кротокъ какъ ягненокъ; но когда разыграется кровь, то изъ ягненка дѣлался львомъ. Настоящій Сармать! Въ бивачной жизни встрѣчая разныхъ людей, избѣгалъ онъ приключеній, но никогда не запятналъ чести воина. Помню однажды въ Медіоланѣ въ театрѣ, какой-то Пигмей, гражданинъ великаго народа, не видя за колоссальной фигурой Г-на В***, всталъ съ кресслъ и вздумалъ опереться своимъ Прижскимъ личикомъ на его плечо, какъ солдатъ на ружье. — »Вы, милостивый государь, вѣроятно хотите поцѣловать меня въ плечо? сказалъ Г-нъ В*** обращаясь къ нему съ гнѣвомъ, — цѣлуйте же скорѣе и садитесь на мѣсто.« — Французикъ сталъ въ позицію дуелиста, и отвѣчалъ какой-то оскорбительной остротой, но Ляхъ, вмѣсто отвѣта, схватилъ его за руку, дернулъ къ себѣ такъ сильно, что всѣ запрещали коснти, заставилъ поцѣловать себя три раза въ плечо, и пустилъ, сказавши на ухо, что въ другое время и въ другомъ мѣстѣ заставилъ бы его поступить еще вѣжливѣе. Судя по фраку, видно было что Французъ принадлежалъ къ нынѣшнимъ Философамъ, ничему не вѣрующимъ, но въ этотъ разъ онъ отступилъ отъ правилъ, и не показавъ никакихъ знаковъ сомнѣнія, усѣлся на своихъ креслахъ. Въ то смутное время легко можно было встрѣтишь на дорогѣ такого дуелиста, и товарищъ мой часто жаловался на свой

Digitized by Google

горячій характеръ, отъ того что долженъ былъ проучить нѣсколько такихъ господъ. Но я хотѣлъ разсказать вамъ первую встрѣчу родителей Г-на В***. Это, мм. гг., было въ Италіи во время войны. Генеральша Л*** ѣхала съ дочерью къ мужу изъ Флоренціи въ Геную. Въ горахъ напало на нихъ нѣсколько разбойниковъ, которые уже сдѣлали нѣсколько выстрѣловъ. Въ эту минуту подоспѣлъ В***, везшій депеши по этой же самой дорогѣ. Услышавъ выстрѣлы, какъ молнія налетѣлъ на разбойниковъ, и хотъ самъ получилъ рану, но обратилъ ихъ въ бѣгство. Остановокъ дороги разумѣется онъ не отходилъ отъ женщинъ, и завоевалъ себѣ жену. — Вотъ какъ мы въ старину влюблялись!«

Между тѣмъ фамильный бакалъ стоялъ еще передомною. Въ продолженіе разсказа объ отцѣ моемъ, я былъ какъ на иголкахъ! Эмма даже не смотрѣла на меня, и если въ эту минуту думала о сынѣ, то вѣрно не очень лестное для него. Наконецъ Г-нъ Добр...., видя мою жалостную фигуру, сказалъ: »да выпейте же хотъ за душу своего отца.« — Удивительный тостъ! нельзя было отказаться, я выпилъ, хотя зналъ, какія будутъ тому послѣдствія. Въ самомъ дѣлѣ, слабая голова моя не выдержала этого, столъ съ гостями, казалось, кружился передъ моимъ носомъ, языкъ путался, однако же я мололъ какой-то вздоръ, который заставлялъ всѣхъ смѣяться. Что было далѣе не помню, но на другой день проснулся я въ Козеницахъ больнымъ на кровати. Что думала обо мнѣ Эмма? разумѣется то, что можно было думать о пантофлѣ. — Не смотря на все это, я былъ снова увѣренъ, что Эмма меня любитъ. Она была добра и ласкова, что по моимъ правиламъ казалось любовью. Нужно было слишкомъ много явныхъ доказательствъ, чтобы вырвать у меня послѣднюю доску разбитаго корабля, за которую я такъ сильно держался, видя, что съ погибелью ея потеряю все, что соединяло меня съ свѣтомъ. Наконецъ дождался я и этого. Въ Козеницахъ остановились уланы.

Digitized by Google

Этотъ случай кажется осчастливилъ весь уѣздъ; всѣ были въ восторгѣ, помѣщики, жиды, а болѣе всего женщины! Только молодежъ во фракахъ спустила носъ на квинту, потому что ни одинъ не ожидалъ прилива военныхъ мундировъ. Начались визиты, вечера, балы, вездѣ были уланы, и всѣ льнули къ нимъ, какъ мухи. Вскорѣ стукъ сабель и бряцанье шпоръ вытѣснили изъ сердецъ дѣвушекъ даже и воспоминаніе о тѣхъ, которые занимали ихъ прежде. Одна барышня, которую спросилъ родственникъ во фракѣ о причинѣ перемѣны ея обращенія съ нимъ, отвѣчала: „*Mon Dieu, c'est que nous sommes toutes sur pied de guerre!* Да, это настоящая война! Въ залѣ не льется кровь, не гремятъ орудія, но всегда есть и побѣдители и побѣжденные, раненые и плѣнные, какъ на войнѣ.

Не спрашивайте, что было со мною: пантофель давно уже былъ униженъ, теперь брошенъ и затоптанъ въ грязь. Не прошло мѣсяца — всѣ уже говорили, да и я самъ видѣлъ, что Эмма была не равнодушна къ Ротмистру Шабельскому.

Отдаю ей всю справедливость: она не могла сдѣлать лучшаго выбора, она не ошиблась и была съ нимъ счастлива.

Не помню, и не хочу припоминать перваго начала ихъ любви! я тогда узналъ о ней, когда уже они не скрывались въ своихъ чувствахъ. Впрочемъ характеръ мой не позволялъ слѣдовать за ихъ поступками. На Козенецкихъ вечерахъ лишь только показывался Ротмистръ, Эмма подъ какимъ нибудь предлогомъ удаляла меня отъ себя въ другую, третью, десятую комнату. То просила написать передъ выѣздомъ ея стихи, то посылала узнать о здоровьи кого нибудь изъ ея знакомыхъ, то требовала просто, чтобы я не спалъ при ней. А Ротмистръ!.... Боже! этотъ человѣкъ казался мнѣ такъ страшнымъ, что я никогда не могъ смотрѣть ему въ глаза: я боялся его болѣе, чѣмъ когда-то отца, хотя безъ всякой причины, потому что онъ всегда былъ со мною ласковъ. Скоро мы познако-

Digitized by Google

мились покороче, и онъ, какъ бы для того, чтобы чаще видѣться со мною, нанялъ квартиру въ одномъ домѣ со мною. Это для меня очень было выгодно; прежде не желая встрѣчаться съ нимъ въ Тузинахъ, каждый разъ, пріѣзжая туда спрашивалъ я, тутъ ли Ротмистръ? и если былъ тамъ, то возвращался назадъ; теперь же могъ я ѣздить навѣрнякъ. Не могу вспомнить безъ смѣху, какъ я былъ доволенъ думая, что Ротмистръ самъ себѣ разставилъ сѣти; тріумфъ мой для меня казался тѣмъ большимъ, что и Эмма не знала не только о моемъ близкомъ сосѣдствѣ съ Шабельскимъ, но даже и о нашемъ знакомствѣ. Мы жили почти мѣсяцъ въ одномъ домѣ, какъ Эмма дала мнѣ однажды книгу, чтобы отослать Шабельскому. — »Я самъ отдамъ ее.« — »Для чего вамъ самимъ безпокоиться, теперь въ Козеницахъ грязно, а вы вѣрно далеко живете отъ него, да кажется вовсе не знакомы.« — »Я заѣду и познакомлюсь, чтобы имѣть средства быть вамъ полезнымъ, отвѣчалъ я.« — Эмма улыбнулась. Эта маленькая интрига занимала меня; женщины — дѣти, и пантофли любятъ имѣть такія побѣды надъ сильными!

Вскорѣ послѣ этого я сказалъ Эммѣ, что давно знакомъ съ Ротмистромъ, и что охотно буду служить ей; къ удивленію моему, она такъ сурово посмотрѣла на меня, какъ будто хотѣла сдѣлать мнѣ строгій выговоръ. Я остолбенѣлъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; о Ротмистрѣ между нами не было никакого разговора, и я больше не получалъ никакого порученія. Моя голова никакъ не могла понять этой хитрости; если она любитъ его, думалъ я, почему не спроситъ меня о его здоровьи? я говорилъ ей, что мы часто видимся, ... а занятый службою, онъ едва разъ въ недѣлю бываетъ въ Тузинахъ? а я почти семь разъ!.... У любовниковъ такъ много разговоровъ, что если бы и видѣлись каждый день, всегда о чемъ нибудь забудутъ; тайны имъ такъ пріятны, что если бы имъ дана была свобода, они говорили бы всегда другъ другу секреты. У Эммы

Digitized by Google

родители, хотя издали, но строго за нею присматриваютъ!.... для чего не пишетъ она черезъ меня къ Ротмистру? не смотря на то, что это убило бы меня, я не отказалъ бы ей ни въ одной просьбѣ, ни въ одномъ даже капризѣ ея? А Ротмистръ знаетъ, что я бываю въ Тузинахъ, почему никогда не спрашиваетъ объ Эммѣ? О! она вѣрно больше не любитъ его!

Однажды возвратившись изъ Тузины, я нашелъ на столѣ своемъ записку отъ знакомыхъ, которые тотчасъ по пріѣздѣ просили меня къ себѣ. Я вышелъ въ переднюю взять фуражку, которая всегда намъ висѣла, но ее не нашелъ. Недѣля тому назадъ, случилось что-то подобное, но тогда я велѣлъ лакею поискать ее; теперь же не знаю отъ чего я остановился, позвалъ лакея, но и онъ ничего не зналъ, а если и зналъ, не сказалъ мнѣ. Въ эту минуту вошелъ слуга Ротмистра съ моей шапкой, увидѣвъ меня, смѣшался, и не зналъ что отвѣчать. Какое-то подозрѣніе невольно запало въ мою душу.

Возвратившись отъ знакомыхъ я пошелъ къ Ротмистру. Вѣрно слуга ничего ему не сказывалъ, потому что въ немъ не видно было никакой перемѣны, онъ разговаривалъ со мной какъ обыкновенно, и жаловался, что послѣ завтра хотѣлъ ѣхать въ Тузины, но по службѣ долженъ остаться въ городѣ. Я побѣжалъ домой, и сталъ думать, какъ бы легче открыть эту тайну. Ее я рѣшилъ скорѣе, нежели вопросъ астрономіи, и самъ удивился своей проницательности; хотя скажете, это натурально, потому что планетъ нельзя взять въ руки, а фуражка лежала передо мною на столѣ, какъ трупъ, приготовленый для анатоміи. Въ самомъ дѣлѣ, вы увидите, это былъ трупъ моего счастія.

Долго осматривалъ я фуражку. — Наконецъ вывороти въ ее на изнанку, въ одномъ мѣстѣ увидѣлъ подкладку, зашитую другою нитью. А!! вотъ гдѣ! этой калиткой тайно входятъ и выходятъ изъ фуражки! Составивъ планъ открыть измѣну, я легъ спать въ

Digitized by Google

восторгѣ, какъ Октавій послѣ Актійскаго сраженія, которымъ онъ покорилъ почти весь свѣтъ.

О Боже! какую глупую роль долженъ я разыгрывать; мало того, что я пантофель, изъ меня сдѣлали еще почтовую клячу, или лучше сказать пуделя, которому даютъ носить въ зубахъ кулекъ съ булками, приготовленный не для него! Такъ я уже нѣсколько мѣсяцевъ на своей бараньей головѣ ношу любовныя письма изъ Козеницъ въ Тузинъ и обратно, и вотъ почему она обходится со мною ласково въ деревнѣ, а холодно въ городѣ! Оскорбленный такимъ приверженцемъ любовниковъ, я хотѣлъ взять письмо, но боялся, что Эмма не будетъ тогда отвѣчать Ромиспиру, а мнѣ хотѣлось узнать — до какой степени она его любитъ. На другой день поѣхалъ я въ Тузинъ. Напрасно старался скрыть свое волненіе! я былъ похожъ на больнаго въ горячкѣ. Семейство Г-на Добр.... съ участіемъ спрашивало о моемъ здоровьи; я сказалъ, что очень слабъ, и сказалъ правду. Эмма съ необыкновенной заботливостію подавала мнѣ совѣты, какія пить травы, и какъ беречь себя въ болѣзни.... Змѣя! подумалъ я, дрожитъ, чтобы не остановилась ея почта!... Иногда ея проницательные глаза останавливались на мнѣ, и какъ бы спрашились открыть тайну въ моемъ лицѣ; кто измѣняетъ, тотъ самъ боится измѣны! Ужасный этотъ день наконецъ кончился — я выѣхалъ изъ Тузинъ.

На дорогѣ, безъ свидѣтелей, какъ съумасшедшій разорвалъ я фуражку, и вынулъ письмо Эммы; но было темно, Декабрская мятель и сильный морозъ заставили меня оставить чтеніе до пріѣзда домой. Лоскутъ бумаги, положенный въ жилетъ, жегъ меня, какъ раскаленное желѣзо! О! почему она такъ коварно, такъ безчеловѣчно поступаетъ со мною? говорилъ я себѣ — ежели бы откровенно попросила меня быть ея почталіономъ, я не отказалъ бы ей, хотя бы то стоило мнѣ жизни, но такъ коварно пользоваться моей простотою — такъ равнодушно насмѣхаться надъ моими недостатками — это ужасно, безбожно!.... послѣ опять

Digitized by Google

оправдывалъ ее, думая, что это вѣроятно выдумка Ротмистра, а она будучи ослѣплена его любовью, согласилась на все. Но зачѣмъ же она не предостерегла меня? Га! вѣроятно, Ротмистръ ей запретилъ.

Пріѣхавъ домой, я сказалъ человѣку, что сильно боленъ, велѣлъ всѣмъ отказывать, и затворился въ кабинетѣ. Долго лежалъ я полумертвый на кровати, не рѣшаясь взять письма Эммы.... я и теперь не могу прочитать его безъ огорченія. Наконецъ я его взялъ, и прочиталъ вотъ что:

»*Cher, adorable Xavier!* надѣясь, что будешь у насъ завтра, пишу нѣсколько словъ. Пантофель привезъ твое письмо въ десятомъ часу утра; подумай отъ письма до той минуты, въ которую увижу тебя, болѣе чѣмъ 26 часовъ ожиданія! 26 лѣтъ скорѣе пройдутъ для другихъ, нежели для меня эти часы! *Cher Ange!* надѣюсь— ты такъ добръ, такъ чувствителенъ, исполни мою просьбу; пріѣзжай завтра пораньше. Сама не знаю, отъ чего я сегодня печальнѣе обыкновеннаго?.... Нашъ пантофель боленъ и, бѣдняга, безъ шутокъ хочетъ лечь въ постелю. *Mon ami*, пошли сейчасъ за Докторомъ, а самъ постарайся убѣдить нашего курьера, что если онъ регулярно не будетъ принимать лекарства, то можетъ умереть.... онъ такой трусъ!.... это сдѣлаетъ его внимательнѣе къ своей болѣзни. Впрочемъ *l'éperon domine la pantoufle;* я не сомнѣваюсь, что ты скоро вылечишь его, и почта наша снова будетъ ходить обыкновено. Однако, если онъ вздумаетъ долго быть больнымъ!... о! тогда насильно посади его въ сани, и пришли ко мнѣ; скажи ему, что я непремѣнно хочу его видѣть; иначе весь мой планъ лопнетъ *comme une boule d'air!* Прощай, мой милый, мой любезный,« и т. д.

Прочитавши эту коротку, но ясную разгадку моей судьбы, узнавъ, что Эмма болѣе хитра и нечувствительна, чѣмъ думалъ, я упалъ безъ памяти на кровать и пролежалъ въ горячкѣ цѣлую ночь. Я не спалъ; глазамъ моимъ представлялись ужасные виды, я весь горѣлъ въ огнѣ. Я помнилъ только ужасное начало этой

Digitized by Google

сцены. Въ туманѣ горячки казалось мнѣ, я гдѣ-то на морѣ. Вѣтръ шумѣлъ, волны подымались ужасно, громъ гремѣлъ и ослѣпляющая молнія каждую секунду обливало небо искревшимъ огнемъ! я думалъ, наступила послѣдняя минута. Въ бунтующей пустынѣ я былъ одинъ, и — о дивная фантазія! забавная пародія моему сну любви — я плылъ въ огромномъ, гадкомъ, дворовомъ пантофлѣ, въ который безпрестанно вливалась вода. На срединѣ стояла мачта съ парусомъ, который рвалъ вѣтеръ, но при каждомъ блескѣ молніи онъ обращался въ мою сторону, и на парусномъ полотнѣ я могъ читать письмо Эммы, написанное большими буквами. Вокругъ меня вились гадкія туфли, и какъ бы смотря на меня, выставляли изъ воды свои разодранные передки. Между тѣмъ стоптанная пятка моего корабля — туфли, болѣе и болѣе погружалась въ морѣ и принуждала отступать на другой конецъ; но нѣтъ, тамъ спалъ Альбертъ и толкалъ меня въ воду.

Поутру я не имѣлъ силы встать съ кровати; слуга выломалъ двери; отъ него узналъ я, что Ротмистръ былъ у меня вчера вечеромъ однажды одинъ, а другой разъ съ Докторомъ, и что этотъ послѣдній не велѣлъ меня будить. Я хотѣлъ снова запереть двери, какъ вошелъ Шабельскій, и посмотрѣвши на мое лице, искренно началъ разспрашивать о болѣзни. Долго разговаривали мы, такъ долго, что сани, въ которыхъ хотѣлъ онъ ѣхать къ Эммѣ, простояли болѣе часу передъ крыльцемъ. Разговоръ начался съ моей стороны горькими упреками, которые часто прерывались слезами. Ротмистръ молчалъ — прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и снова усѣлся Видно было волненіе въ его сердцѣ; но это сердце было истинно мужское. Онъ принялъ всю вину на себя, и сдѣлалъ болѣе, чѣмъ нужно было, чтобы загладить ее. О! я простилъ его! простилъ съ восторгомъ, что небо позволило мнѣ узнать истинно благородную душу, и съ тѣхъ поръ, до самой смерти его, мы были искренними друзьями. Я не могъ простить Эммѣ; напрасно искалъ я во всѣхъ закоулкахъ

Digitized by Google

сердца, чувства ей благопріятнаго. Эта женщина одно существо въ мірѣ, которому до сихъ поръ я не могъ простить оскорбленія.

Вотъ конецъ первой несчастной любви моей. Епилогъ ея очень коротокъ; послѣ тяжкой болѣзни, во время которой Ротмистръ не отходилъ отъ меня, выѣхалъ я изъ Козеницъ, а онъ женился на Эммѣ. О жизни ихъ знаю только то, что она была счастлива; но онъ не совсѣмъ.

Извѣстно, что Паскаль носилъ поясъ съ желѣзными кольцами, коими при каждой не сходной съ христіанскимъ смиреніемъ мысли билъ свое тѣло. По примѣру этого знаменитаго мужа я носилъ всегда при себѣ письмо Эммы, чтобы оно удержало въ сердцѣ моемъ неугасимое презрѣніе къ ненавистному для меня полу. Каждый день вечеромъ читалъ я его, лелѣялъ въ сердцѣ змѣю, питался ея ядомъ. Такимъ образомъ я почти нѣсколько лѣтъ несъ бремя жизни въ несчастіи и почти бѣдности; смерть дяди, какъ я сказалъ, поправила дѣла мои. Покойникъ оставилъ мнѣ довольно значительное имѣніе и процессъ, такъ хорошо веденный, какъ бы уже выигранный у Г-жи Р.... молодой вдовы, съ которой я долженъ былъ получить 50,000 талеровъ. Сей процессъ былъ началомъ другой моей любви, которая кончилась бракомъ.

Г-жа Р.... въ молодости лишилась мужа; когда я познакомился съ нею, ей было не болѣе 26 лѣтъ; она была высокаго росту, брюнетка, стройная какъ пальма, легка, какъ воздушное существо, бѣла и нѣжна, какъ лилія, съ правильнымъ и даже красивымъ лицемъ, съ какою-то остротою въ чертахъ, съ физіономіею кроткою, особенно когда одушевлялась желаніемъ нравиться, черными глазами, исполненными огня, и чрезвычайно веселаго характера. Остроуміе и легкомысліе ея было извѣстно въ цѣломъ околодкѣ, и даже вспоминалось въ залахъ Варшавы, гдѣ она провела первое время своего замужства. Покойный Г-нъ Р.... былъ человѣкъ съ ужас-

Digitized by Google

ными усами и упрямъ, какъ козелъ. Г-жа Р...., часто плакала и жаловалась, что онъ не давалъ ей свободы и обращался съ нею какъ Турокъ, не одѣвалъ прилично и не давалъ баловъ. Овдовѣвъ, Констанція взяла къ себѣ старуху тетку, чтобы въ теченіи свѣта быть подъ опекою, а въ самомъ дѣлѣ наслаждаться свободой. Въ нѣсколько лѣтъ половина имѣнія ея превратилась въ прахъ, а другой половинѣ дядя мой началъ вести тяжбу. Констанція, видя близкую погибель и боясь болѣе бѣдности, чѣмъ смерти, начала посѣщать своего противника и сосѣда, въ надеждѣ, что ей удастся приласкать стараго холостяка, извѣстнаго своею слабостію къ прекрасному полу; нѣсколько визитовъ увѣрили ее, что гостепріимство и ласка не мѣшаютъ старымъ селадонамъ вести тяжбы; и тогда въ первый разъ въ жизни усомнилась въ себѣ. Съ самаго дѣтства все удавалось ей; всѣ желанія ея исполнялись, и часто даже самая природа снисходила ея капризамъ. Счастлива, какъ Г-жа Р..., говорили женщины въ уѣздѣ, если которой нибудь изъ нихъ удавалось получить желаемое. Однажды, кто-то смотря на собирающіяся тучи, сказалъ, »будетъ дождь« — не будетъ, отвѣчали ему, у Г-жи Р... въ саду гости; и въ самомъ дѣлѣ дождя не было. Можно себѣ представить, что происходило въ этомъ избалованномъ сердцѣ при мысли о бѣдности, которая постигла бы ее, если бы дядя мой не умеръ передъ окончаніемъ процесса.

Спустя нѣсколько дней послѣ пріѣзда моего въ имѣніе покойника, я получилъ записку отъ Г-жи Р..., писанную по Французски, живымъ, цвѣтущимъ и роскошнымъ слогомъ, и красивымъ женскимъ почеркомъ. Самая наружность этой записки такъ восхищала глаза, что мнѣ даже жаль было развернуть ее. Женщины со вкусомъ имѣютъ удивительный талантъ придавать прелесть всему, къ чему не прикоснутся, а Г-жа Р... имѣла необыкновенный. Записка была довольно крапка, меня поздравляли съ пріѣздомъ и желали познакомиться, прибавляя, что знакомство это будетъ столько же пріі-

Digitized by Google

ятно для пишущей, сколько и полезно для нашихъ общихъ интересовъ; въ этой болтливости женскаго пера было столько сладости, что и самое твердое мужское сердце, растаяло бы; что же говорить о человѣкѣ, который обманувшись разъ, пересталъ думать, чтобъ женщина обратила на него вниманіе? Эта записка, какъ электрическій токъ, потрясла все мое существо. Получивъ неожиданно имѣніе, я зналъ только, что имѣю тяжбу съ какой-то женщиной, но вовсе не думалъ, чтобъ это была Г-жа Р.... О ея характерѣ и жизни мнѣ ничего еще не было извѣстно.

Отдавая первый разъ визиты сосѣдямъ, я почти прежде всѣхъ заѣхалъ къ Г-жѣ Р..., хоть не совсѣмъ отважно, однако гораздо спокойнѣе, чѣмъ прежде, когда ѣхалъ знакомиться съ семействомъ Г-на Добр....; собственная коляска и свои лошади дѣлаютъ смѣлымъ даже самые слабые характеры. Я заспалъ Констанцію роскошно одѣтою; она какъ бы готовилася принять знаменитаго гостя. Видъ ея сдѣлалъ сильное впечатлѣніе, но не смѣшалъ меня, потому что у меня осталось еще столько смѣлости, что могъ разсмотрѣть комнаты, убранныя съ отличнымъ вкусомъ. Побѣда Г-жи Р... началась только чрезъ нѣсколько минутъ. Прелесть ея разговора, ея милое кокетство совершенно очаровали меня. Кто никогда не зналъ свѣтской женщины, тотъ не можетъ вообразить, сколько это фантастическое твореніе вмѣщаетъ въ себѣ ослѣпляющихъ достоинствъ, какъ камень, видѣнный чрезъ калейдоскопъ тысячу разъ перемѣняетъ свой видъ; какъ блестишъ брилліантъ въ лучахъ солнца, такъ свѣтская женщина умѣетъ каждой малостію восхитить окружающихъ, — такъ около нее соединяются, блестятъ и искрятся чувство, остроуміе и прелесть. Правда, сердце такой женщины такъ же твердо, какъ брилліантъ — о томъ говорили намъ наши дѣды; но скажите, ради Бога, смотря на этотъ красивый камень, думаете ли о томъ, что онъ твердъ, холоденъ, и что онъ обращается въ легкій газъ, но что-то такое, чего нельзя взять въ руки, то

Digitized by Google

есть въ нуль для чувствъ? То-то и бѣда, что человѣкъ, когда сильно чувствуетъ, тогда не думаетъ, не разсчитываетъ и не разсматриваетъ, какъ философъ, математикъ или купецъ. И я въ эту памятную для меня минуту не думалъ ни о чемъ, не вѣрилъ моралистамъ, и то, о чемъ самъ когда-то судилъ, также казалось пошлымъ, безъ вкусу и безъ доказательствъ. Вся физическая жизнь моя была въ ушахъ и глазахъ, а душа какъ бы освободившись отъ тѣла, кружилась около этой чародѣйки, коей невольникомъ я остался. Не знаю, чѣмъ Турки представляютъ Гурій, обѣщанныхъ имъ пророкомъ; но я, еслибъ былъ Турокъ, хотѣлъ бы, чтобы рай мой наполненъ былъ такими женщинами, какой была Констанція, когда я узналъ ее.

Было уже поздно, когда я уѣхалъ отъ Г-жи Р..., счастливый, очарованный, довольный самъ собою. Мнѣ казалось, что въ одинъ этотъ вечеръ слабое существо мое стерло съ себя пятно униженія, я возвращался домой какъ Римскій диктаторъ послѣ священнѣйшихъ трудовъ. Будущность улыбалась мнѣ. Г-жа Р.... съ откровенностію жаловалась мнѣ на скуку, и при прощаніи вынудила меня дать слово такъ часто посѣщать ее, какъ только время позволитъ. Сколько надежды, сколько мыслей возбудилось въ душѣ моей! Эта женщина — шепталъ мнѣ эгоизмъ, истинно умѣетъ распознавать людей; въ самомъ дѣлѣ, здѣшнее общество очень скучно; она не имѣетъ даже съ кѣмъ поговорить....

Вмѣстѣ съ имѣніемъ досталось мнѣ много хлопотъ. Покойникъ дядя началъ нѣсколько строеній, нѣсколько новыхъ хозяйственныхъ заведеній, имѣлъ различныя спекуляціи, процессъ и т. д. Разумѣется, мнѣ нужно было окончить его проэкты, или покрайней мѣрѣ привести ихъ въ порядокъ. Не имѣя понятія ни въ хозяйствѣ, ни въ частныхъ и судейскихъ дѣлахъ, я принужденъ былъ слушать, что говорили мнѣ; и такимъ образомъ достался во власть моего эконома и повѣреннаго. Первый читалъ мнѣ ужасные томы о землеводствѣ, а другой написалъ мнѣ такое длинное письмо изъ Варшавы,

Digitized by Google

что возвратившись отъ Г-жи Р...., я не имѣлъ силы прочитать болѣе десяти строкъ. Оба они какъ на зло говорили такъ странно, что при всей моей учености, я не зналъ, чего отъ меня хотятъ. Чрезъ нѣсколько дней наскучили мнѣ всѣ дѣла, и я приказалъ эконому, чтобы доходы были не менѣе какъ при покойникѣ, а повѣренному, чтобы онъ скорѣе кончилъ всѣ дѣла, и съ тѣхъ поръ письма его скадывалъ не распечатывая одно на другое, положивши прочитать ихъ въ свободное время? Я зналъ, что имѣю какой-то процессъ, но съ кѣмъ, и о чемъ? не любопытствовалъ знать. Но развѣ мало процессовъ, говорилъ я себѣ, если это приходило мнѣ въ голову, — дядя мой, какъ много старыхъ людей, судился отъ скуки. Но я не скучалъ.... для чего же мнѣ заниматься процессомъ, когда я даже имѣлъ повѣреннаго? Я ѣздилъ-себѣ къ Г-жѣ Р...., ушѣшалъ ее, потому что она безпрестанно жаловалась на малое число хорошо образованныхъ людей въ околодкѣ.

Гмъ! думалъ я, такъ эта восхитительная женщина въ самомъ дѣлѣ находитъ пріятность въ моемъ товариществѣ!.... И можно ли сомнѣваться въ томъ, когда послѣ каждой элегіи въ родѣ Юнга, обращая на меня умоляющіе взоры, она просила какъ бы милости, чтобы я не считалъ времени своего визита; когда я обѣщалъ ей, тотчасъ же смущеніе скрывалось съ лица ея, глаза блестѣли какъ двѣ звѣздочки, она радовалась какъ дитя, высказывала невычерпаемое свое остроуміе, играла различныя мелодіи на фортепіано, пѣла при арфѣ, провожала меня въ свой садъ, однимъ словомъ, не нарушая приличія, даже не касаясь чувствъ, умѣла влить въ душу болѣе восторга, чѣмъ другая женщина при всей своей откровенности. Визиты мои дѣлались чаще, каждый разъ дольше, наконецъ я возвращался домой только на ночь. Я не могъ жить безъ ней: когда-то эта женщина дала мнѣ знать такой волшебный свѣтъ, что тотъ, въ которомъ я до сихъ поръ пресмыкался какъ червь, сталъ для меня несноснымъ.

Digitized by Google

Говорятъ, что время есть самый главный непріятель несообразныхъ супружествъ, потому что часто видавшись, мы непремѣнно открываемъ другъ другу какіе нибудь пороки. Не правда, повѣрьте мнѣ, не правда; это можно сказать только объ обыкновенной женщинѣ, которая ничего болѣе не знаетъ какъ любить, сегодня, завтра, чрезъ годъ, и дольше; но женщина свѣтская, чѣмъ больше узнаемъ ее, тѣмъ больше приводитъ въ восхищеніе. Она, будучи всегда одинаковою, не устанетъ выдавая себя за другую, и будетъ всегда занимательна; въ этой непонятной чародѣйкѣ воображенія, если могу сказать, есть сердце; а то, что мы называемъ сердцемъ, находится въ ней не для того, чтобы кровь переливалась въ немъ, нѣтъ — а сердце есть живое существо, которое имѣетъ еще болѣе воображенія, разуму и вкусу, какъ самыя чувства. Положимъ, что это сердце холодно — *respect aux grandes-méres!* — Но кто повѣритъ тому, когда часто извергается изъ него любовь, какъ огнистые снопы вырываются къ небу чрезъ ужасныя разсѣлины Исландскихъ вулкановъ. Пріятный звукъ голоса, необыкновенная плавность рѣчи, разнообразность воображенія, обширность познаній, проницательность и вѣрность каждаго сужденія, неизчерпаемое остроуміе, съ такою ловкостью скрываемое, не такъ понятное для сердца, даютъ ей новыя средства занимать мущинъ. Однимъ словомъ, въ одной свѣтской женщинѣ, кажется, есть десять различныхъ, но равно прекрасныхъ женщинъ: сколько счастія можетъ излить она на мущину! — но столько же и несчастія!

Констанція имѣла талантъ разнообразить самыя обыкновенныя вещи; самые первые пріемы ея всегда были различны. То ожидала она меня въ аллеѣ, то встрѣчала на лошади въ амазонскомъ платьѣ, то съ книгою сидѣла у окна, то разодѣтая, какъ Клеопатра, качалась въ красивой лодкѣ посреди пруда.... теперь даже не могу припомнить всего, что для нее было такъ легко выдумать. Со-временемъ, когда знакомство наше сдѣла-

Digitized by Google

лось короче, и когда называли мы уже себя по имени, упоеніе моего сердца превышало все, что только когда нибудь воображеніе Поэта могло себѣ представить! Констанція, видя мою несмѣлость, сама сдѣлала первый шагъ, призналась мнѣ въ любви, и взявши, такъ сказать, штурмомъ мое сердце, которое бы никогда не отважилось на объясненіе, она посвятила мнѣ каждую минуту дня, каждую мысль своей души, каждый восторгъ своего сердца. Счастливъ тотъ, кто любитъ, но въ милліонъ разъ счастливѣе тотъ, кого любятъ.

Между тѣмъ процессъ съ Г-жею Р.... шелъ своимъ порядкомъ, а я вовсе и не зналъ, что сужусь съ нею. Вы удивляетесь, какъ могло это случиться? Не удивляйтесь, вѣдь я пантофель! и это было очень забавно! Топъ самый человѣкъ, который въ залѣ разсыпался въ комплиментахъ, вырывалъ въ Судѣ все имѣніе своей любезной, съ потерею коего бѣдность угрожала ей. Рачительный мой повѣренный, какъ потомъ увѣрился я изъ его нераспечатанныхъ писемъ, былъ увѣренъ въ выигрышѣ процесса, и ожиданіе его навѣрно бы исполнилось, если бы рѣшеніе зависѣло только отъ Суда. Но Г-жа Р.... имѣла совсѣмъ другой проэктъ. Она поставила выиграть рѣшеніе въ своемъ залѣ, и вознаградишь себя не только за процессъ, но и возвратишь то, что такъ легкомысленно расточила послѣ смерши мужа.

Однажды, пріѣхавши утромъ, засталъ я ее въ слезахъ; волосы локонами упадали на полуобнаженную грудь; въ уборѣ ея, обыкновенно всегда красивомъ, видна была какая-то небрежность; она казалась очень опечаленною. Здороваюсь, она не отвѣчаетъ; спрашиваю, молчитъ. Наконецъ послѣ долгой просьбы, когда самъ я плакалъ, какъ дитя, посмотрѣвши на меня глазами, полными слезъ, объявила мнѣ всю тайну. Не буду, прибавила она, дѣлать тебѣ упрековъ, вѣдь у васъ мущинъ любовь любовью, а дѣло дѣломъ. Предавшись слишкомъ любви, я не могла, какъ нужно, занимашься процессомъ,

Digitized by Google

и будучи увѣрена въ моей справедливости, спокойно ожидала конца. Впрочемъ, я думала, честный человѣкъ, имѣя независимое имѣніе, не захочетъ обижать беззащитной женщины, и отнимать послѣдній способъ къ ея пропитанію; я сблизилась съ тобою, въ надеждѣ, что мы кончимъ это дѣло по дружбѣ, безъ суда. Потомъ, когда сердце завело меня далѣе, чѣмъ надѣялась, мнѣ казалось неприличнымъ вспоминать о томъ, что могло бы сдѣлать меня подозрительной; но узнавши твой благородный характеръ, не сомнѣвалась, что ты самъ сдѣлаешь первый шагъ къ примиренію. Но я ошиблась! Пусть Богъ проститъ тебя, какъ я прощаю. Прощай! ты хозяинъ, или вскорѣ будешь хозяиномъ всего, что теперь мое, — завтра уѣзжаю! — Не уѣдешь, вскричалъ я, падая на колѣни, не уѣдешь, другъ мой, моя Констанція; долго увѣрялъ я ее, что вовсе не виноватъ въ этомъ; говорилъ, что никогда не зналъ, что имѣю съ нею процессъ, что никто не говорилъ мнѣ о томъ, и что письма повѣреннаго еще и теперь лежатъ не распечатаны; наконецъ вся эта сцена кончилась, какъ нельзя лучше. Констанція была такъ добра, что простила меня, а чрезъ нѣсколько часовъ отдала мнѣ предъ олтаремъ свою руку. Прежде нежели Г-жа Р.... изчезнетъ въ этой повѣсти, долженъ сказать вамъ, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, повѣренный мой, сдавая бумаги, сказалъ мнѣ подъ секретомъ: — Г-жа Р.... еще при началѣ нашего знакомства обѣщала ему значительную сумму, еслибъ онъ позволилъ ей выиграть процессъ, но этотъ достойный человѣкъ отказался.

Первый мѣсяцъ послѣ свадьбы обыкновенно называютъ медовымъ; едва ли половину этого мѣсяца зналъ я, но эта половина была достойна вѣка обыкновеннаго супружескаго счастія!... Отъ чегожь только двѣ недѣли?... вѣдь это только 14 дней!... Не знаю! Въ упоеніи счастія я и не думалъ, что оно можетъ разсѣяться, какъ дымъ, какъ буквы, писанныя на водѣ!... Среди ласкъ молодой жены кто же не забудетъ объ

Digitized by Google

осторожности? кто можетъ вообразить, что въ супружествѣ есть разница между *моимъ и твоимъ?* Констанція на другой день послѣ свадьбы, смѣясь о нашемъ процессѣ, просила меня записать ея имѣніе на мое имя, потому что оно было уже въ самомъ дѣлѣ моею собственностію. Притворившись, что согласился, я сдѣлалъ напротивъ: записалъ за нею все имѣніе, оставшееся послѣ дяди! Она сдѣлалась богатой, я добровольно лишился всего. Едва прошло двѣ недѣли, я отдалъ ей мое отреченіе отъ имѣнія. Каждый отгадаетъ, какъ восхитилъ ее этотъ сюрпризъ. Ея необыкновенная, дѣтская радость удивила меня. Я спрашивалъ себя, отъ чего доказательство моего довѣрія такъ восхищаетъ ее, неужели она сомнѣвалась въ моей привязанности? но однако былъ совершенно спокоенъ. Имѣніе не перешло въ чужія руки, чего же страшиться? но вскорѣ узналъ я, что хотя имѣніе было наше, но уже не мое.

Чрезъ нѣсколько дней потомъ разрушилось колоссальное зданіе моего счастія: любовница и жена изчезла какъ образъ, видѣнный во снѣ; я очнулся. — Передо мной стояла легкомысленная свѣтская женщина. Домъ нашъ наполнился гостями, начались различныя игры, обѣды, балы, литературные вечера, домашній театръ, гулянья пѣшкомъ и на лошадяхъ, и на землѣ, и на водѣ, словомъ, все, что только можетъ выдумать буйное воображеніе свѣтской женщины. Молодежь всего округа грянула къ намъ, какъ на квартиры. Мундиры, фраки, платья, поэзія, проза, музыка, животные въ сапогахъ и животные въ башмакахъ; каждый былъ милымъ гостемъ, если только умѣлъ быть веселымъ. Изъ Варшавы отъ всѣхъ модистокъ шли къ намъ огромные караваны уборовъ; все это было непремѣнно нужно, *le strict necessaire*, какъ говорила Констанція. Я предчувствовалъ, чѣмъ все это кончится, но не могъ тому препятствовать: имѣніе было собственностію жены, и она распоряжалась имъ по своей волѣ. Я, мужъ и благодѣтель, былъ какъ посторонній въ своемъ до-

Digitized by Google

мѣ, снова сдѣлался пантофлемъ, котораго не пюлько Констанція топтала ногами, но даже и дворовые люди.

— »*N'infectez plus mes salons*, — сказала однажды жена моя съ гнѣвомъ, и съ тѣхъ поръ нога моя не смѣла преступить запрещеннаго порога; я сидѣлъ день и ночь въ мизонинѣ подъ крышкой, слышалъ подъ собою музыку и смѣхи, а часто и громкіе тосты доходили до ушей моихъ тогда, какъ поваренокъ, сжалившись надо мною, приносилъ осшатки отъ пира. — »Позвать ко мнѣ пантофля,« — такъ обыкновенно выражалась Констанція, когда присутствіе мое было ей нужно; но для чего же звала она меня? Для того только, чтобы послать въ городъ, когда всѣ слуги были заняты, и то обыкновенно ночью, чтобы никто не узналъ меня; чтобы назвать меня рыцаремъ своей шуфли; чтобы ушѣшать ее, какъ шушу, когда она была не въ духѣ, или чтобы надо мною посмѣяться. Удивительныя вещи приходили ей въ голову, что-то Гофмановское, только въ другомъ родѣ. Для примѣру разскажу одну сцену, которую помню лучше, чѣмъ другія.

Однажды утромъ Констанція, отдавши управляющему приказанія, и побранивъ его, какъ смѣлъ ей сказать о недоспашкѣ денегъ въ кассѣ, ударила въ ладоши по Турецки, и вскричала, — »позвать ко мнѣ пантофля!« и меня позвали изъ-подъ крыши.

— Что прикажешь, Констанція? спросилъ я, осторожно и тихо входя въ ея комнату.

— А! это ты, вскричала она радостно, какъ бы чувствительная жена, увидѣвъ мужа послѣ долгой разлуки — какъ твое здоровье, другъ мой? Вѣдь ты любишь меня — ты сильно любишь меня?....

— Люблю, отвѣчалъ я со вздохомъ.

— Но если любишь, вѣрно не откажешь мнѣ въ малости, такъ малой, какъ булавочная головка.

— Не откажу, хоть бы она была болѣе, чѣмъ бомба.

— Ахъ! ты знаешь, что я многаго отъ тебя не требую — если ты меня любишь, не носи сапогъ.

Digitized by Google

— Я и теперь безъ сапогъ, потому что тѣ, которые видишь на мнѣ, я занялъ у Якова, лакея покойнаго дяди и благодѣтеля.

— Хорошо, но умоляю и заклинаю тебя всѣмъ' не носи только сапогъ, ни чужихъ, ни своихъ.

— Ей Богу не понимаю, отъ чего желаешь ты такого доказательства моей любви? Сжалься надо мною, вѣдь скоро зима.

— Сжалься же и ты! развѣ хочешь, чтобы всѣ смѣялись надо мною, что имѣю четыре ноги, и хожу въ четырехъ сапогахъ.... о Боже! я должна быть четвероногимъ животнымъ!... я должна ходить въ сапогахъ! и какъ бы въ отчаяніи закрыла лице руками!...

— Что такое? сказалъ я, какимъ образомъ? и выпаращилъ глаза отъ удивленія.

— А вотъ какимъ образомъ; я сей часъ растолкую тебѣ. Нѣтъ ничего проще. Ты башмаки, правда?

— Правда, но что же изъ того?

— Увидишь что, слушай только — кто надѣнетъ на ногу туфлю, надѣваетъ и нераздѣльную пару сапогъ, а кто носитъ пару туфлей, нехотя долженъ носить четыре сапога, и такъ имѣетъ четыре ноги, а чрезъ то онъ какое-то чудовище, какой-то уродъ! — Боже! всѣ знаютъ, что я утромъ хожу въ туфляхъ, и что же!... развѣ хочешь, чтобы всѣ показывали на меня пальцами? О! умоляю тебя, мой ангелъ, не носи сапогъ, умилосердись, не носи сапогъ!... и при этѣхъ словахъ она по театральному, но въ восхитительной позиціи упала предо мною на колѣни.

— Не буду, не буду ихъ носить, вскричалъ я, самъ не зная, смущаюсь ли, хочу ли смѣяться, или цѣловать эту красивую женщину, которая съ скрещенными руками стояла предо мною на колѣняхъ. Но прежде, чѣмъ я надумался, Констанція встала уже, и вскричала съ пронзительнымъ смѣхомъ: »благодарю тебя, мой ангелъ.« — Скоро сняла туфлю съ одной ноги, ударила меня по щекѣ, и выполкала за двери. Все это не продолжалось и минуты.

Digitized by Google

Такія драмы случались довольно часто. Не понимаю, какъ могъ я не разсердиться на жену. Любовь моя не только что уменьшалась, но напротивъ при каждомъ свиданіи съ нею увеличивалась. Люди ничего не знали о судьбѣ моей: — »мой мужъ всегда боленъ, или, мой мужъ уѣхалъ въ Варшаву« говорила иногда Конспанція тѣмъ, которые спрашивали у ней обо мнѣ, но они спрашивали рѣдко, и наконецъ вовсе забыли, что Г-жа Р.... имѣетъ мужа. Я самъ думалъ, что я мужъ, хотя огромные рога, и носъ длиннѣе, чѣмъ у слона, могли мнѣ каждую минуту напомнить, что имѣю молодую жену! Да! я былъ рогоносцемъ.... но буду молчать о томъ, потому что это болѣе относится къ исторіи моей жены, чѣмъ къ моей, а я намѣренъ говорить о собственной.

Желалъ бы я описать все, что происходило въ душѣ моей, но для чего! тогда это никого не заняло бы, а теперь всякой бы прочиталъ, какъ басню Езопа — даже такой же, какъ и я, пантофель!... И такъ спѣшу окончить тяжкую для меня исповѣдь.

Въ нѣсколько лѣтъ имѣніе наше очень уменьшилось: одна деревня пропадала за другой, какъ бы похищенная пожаромъ, или обращенная непріятелемъ въ пепелъ. Къ несчастію, вмѣстѣ съ этимъ убытком, увеличилась и легкомысленность Конспанціи, какъ ставки шулера, когда счастіе ему не везетъ. Характеръ ея сдѣлался гнѣвливымъ, вспыльчивымъ и неукротимымъ.

Обыкновенныя забавы наскучили ей: она искала сильныхъ ощущеній, а для этого, какъ извѣстно, если кто не любитъ вина, не дурны карты; карты даже лучше вина, потому что 52 сильныхъ ощущеній въ талiи, разумѣется, скорѣе приведутъ къ цѣли, чѣмъ одно, хоть бы оно было такъ велико, какъ бочка. Вся стая друзей, какъ спуганныя галки, отлетѣли въ сторону, остался только маленькій ея домикъ въ Канинскомъ предмѣстіи, одна служанка, и пантофель! — Вечеръ былъ темный, дождь и вѣтеръ ужасны, когда большая жидовская фура поѣхала къ послѣднему убѣжи-

Digitized by Google

щу этой свѣтской царицы залъ. Въ одной фурѣ лежала полумертвая Констанція, обложенная перинами, а горничная сидѣла на козлахъ съ кучеромъ, другая была наполнена нарядами, безъ которыхъ бѣдная жена моя не могла представить себѣ живой женщины. Далеко позади фуръ шелъ блѣдный, худой, какъ скелетъ, мущина, въ ободраномъ платьѣ, и насилу могъ вытаскивать изъ грязи босыя ноги: — это былъ я. О Боже! еще вчера, на послѣднія деньги, Констанція жила въ первой гостинницѣ Калиша, и осталась бы въ ней всю свою жизнь, если бы полиція не постаралась принудить ее къ переселенію. Оставшійся домъ былъ такъ бѣденъ, что даже никто не хотѣлъ купить его.

Одинъ Данте можетъ описать то, что происходило въ душѣ ея, когда входила она въ эти развалины, и бросившись на кровать, стала ломать руки съ отчаянія.... но я не въ силахъ этого сдѣлать! а мое положеніе также было ужасно; это знаетъ всякой. Долго стоялъ я остолбенѣлый предъ безчувственной Констанціей, но очувствовавшись отъ этого летаргическаго сна, упалъ на колѣни, молился нѣсколько минутъ, какъ человѣкъ, который спѣшитъ предъ своею смертію сдѣлать добро, и оставивъ жену на попеченіе горничной, выбѣжалъ изъ дому, какъ сумасшедшій.

Но этотъ со всѣхъ силъ бѣгущій мущина незнакомъ вамъ, любезные читатели; это былъ не я, это былъ не пантофель: былъ человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, мужъ и Христіанинъ! Я ходилъ отъ одного чиновника къ другому, ища себѣ работы, наконецъ нашелся добродѣтельный человѣкъ: — тѣ обманываются, которые говорятъ, что нѣтъ такихъ въ мірѣ! Я трудился всю ночь; поутру взялъ Доктора, купилъ провизіи и поспѣшилъ къ женѣ. О несчастная! въ какомъ положеніи была она! Горячка, отчаяніе въ полдня обезобразили это лицо, когда-то милое и очаровательное! Ужасно было смотрѣть на нее! Докторъ очень задумался, прописалъ рецептъ, и обѣщался навѣщать.

Digitized by Google

Каждую ночь трудился я въ городѣ, чтобы быть въ состояніи днемъ прокормить жену и купить ей лекарства. Какая-то сверхъ-естественная сила и твердость въ душѣ пробудились въ умломъ моемъ тѣлѣ; я не имѣлъ нужды ни въ снѣ, ни въ пищѣ, ни въ покоѣ, чтобы жить и трудиться; я жилъ одною только мыслію — изцѣлить несчастную!... но поздо: эта женщина можетъ быть дожила бы до ста лѣтъ въ роскошномъ залѣ, но въ бѣдности она не могла прожить и двухъ дней!.... Такъ нѣжныя растенія подъ благотворительнымъ свѣтомъ полуденнаго солнца могутъ цвѣсти долгое лѣто, но пересаженныя подъ холодное небо полуночи, засыхаютъ въ нѣсколько дней!.... Жизнь ее потухала медленно, но замѣтно, и Докторъ молча отдалъ ее на попеченіе Священника. Тогда-то душа Констанціи, какъ послѣдній блескъ догорающей лампы, заяснѣлась еще разъ прежнимъ свѣтомъ.

О если бы видѣли вы, какъ примѣрно эта легкомысленная женщина исполняла послѣдній обрядъ на землѣ, какъ терпѣливо, какъ спокойно ожидала конца своего существованія, съ какимъ сердечнымъ раскаяніемъ просила меня о прощеніи!.... Милый, дорогой мой! говорила она, обращая на меня угасающіе свои взоры, если бы Богъ позволилъ остаться на землѣ, я посвятила бы тебѣ всѣ дни моей жизни, была бы твоею слугою, твоею невольницей, влачилась бы у ногъ твоихъ, чтобы только заслужить твое прощеніе. Но если уже суждено мнѣ умереть, и минуты моего существованія сочтены, не проклинай праха той, которая хитростію добилась твоей любви, имени и имѣнія, и за все это отплатила тебѣ ужаснѣйшею неблагодарностію!.... эта мысль отравляетъ послѣднія минуты моей жизни; она и въ вѣчности будетъ моимъ мученіемъ. О! выслушай послѣднюю просьбу умирающей.... прости!....

Боже! я давно уже простилъ ее, или лучше я никогда не могъ ненавидѣть этой женщины! Она когда-то такъ осчастливила сердце мое, что и сто лѣтъ мученія не могли бы заглушить любви; я предался ей,

Digitized by Google

не спрашивая, будешъ ли она мнѣ ангеломъ-ушѣшителемъ или палачемъ.

Таковъ былъ конецъ этой женщины.

Собственными руками предалъ я землѣ нѣкогда столь прелестное существо. Недавно еще имѣла она много почитателей и друзей: не одинъ клялся, что готовъ пожертвовать для нее жизнію, писали ей стихи и прозу, и стрѣлялися за одинъ взглядъ ея; а на похоронахъ не было изъ нихъ никого! не было ни одной души, — кромѣ пантофля. — Одинъ я былъ на этомъ послѣднемъ вечерѣ, и сказалъ ей прости! до свиданія! А когда молча пошла она на вѣчный покой, я сталъ на колѣни на ея свѣжей могилѣ, и поднявъ къ небу глаза, омоченные слезами, вскричалъ: Констанція! теперь молю тебя о прощеніи, я одинъ всему виною. Другой мужъ сдѣлалъ бы тебя примѣрною женщиной, доброй женой, доброй матерью, и хорошей хозяйкой; я погубилъ тебя, отъ того, что недоставало у меня духу исправить недостатки твоего характера! На страшномъ судѣ Бога я буду отвѣчать за тебя, какъ всякой мужъ, который забываетъ о томъ, что долженъ быть отцемъ и опекуномъ своей жены.

Вечеромъ въ этотъ же самый день въ Калишѣ, у воротъ уѣздной больницы, нашли меня на мостовой безъ памяти.

Этимъ оканчивается рукопись моего родственника! Отъ чего человѣкъ, съ такой головой и сердцемъ, не могъ быть въ свѣтѣ болѣе, чѣмъ пантофлемъ, когда другіе безъ ума и сердца?... но что до другихъ? Вискентій достоинъ былъ сожалѣнія. Хотя бы былъ онъ *сапогъ!*... судьба его была бы гораздо счастливѣе!

Гмъ! но отъ чего же быть лучше сапогомъ, чѣмъ туфлей?

Хотите знать отъ чего? По многимъ причинамъ.

Сапогъ имѣетъ много привилегій. Онъ можетъ скрыпѣть, хоть не во всѣхъ домахъ, но очень во многихъ, а въ провинціи можетъ даже и во всѣхъ. Онъ можетъ

Digitized by Google

стучашь ужасно, особенно съ шѣхъ поръ, какъ наши молодые люди начали носить большіе каблуки. Онъ, при помощи своихъ металлическихъ усовъ, можетъ бренчать какимъ-то музыкальнымъ тономъ, который изъ всѣхъ звуковъ сапога менѣе непріятенъ слуху.

Да, сапогъ имѣетъ много достоинствъ. Онъ блеститъ, и блескъ этотъ такъ необходимо нуженъ ему, что если сегодня загрязнится, завтра никто уже того не замѣтитъ: онъ снова блеститъ! Въ молодости онъ показываетъ любопытному глазу свою поверхность, а въ старости не боясь суда свѣта, всѣмъ открываетъ свои тайны. Онъ, какъ Ахиллесъ, умираетъ часто отъ раны въ пяткѣ, или какъ умираетъ много важныхъ людей отъ подагры, начинающейся съ большаго пальца. Что же удивительнаго? портреты его висятъ почти на каждой улицѣ на диво всѣмъ проходящимъ? Видите ли, вовсе недурно быть сапогомъ!... Туфель же не имѣетъ никакихъ достоинствъ: онъ тихъ, низокъ, всегда открытъ, такъ что и мыши могутъ видѣть, что дѣлается въ немъ; скрывается отъ взоровъ всѣхъ; не выходитъ на улицу, и не бываетъ на балахъ. Чего не выдумаютъ также на этого бѣдняка! Говорятъ, что онъ глупъ, что до сихъ поръ не былъ ни въ школахъ, ни въ Университетѣ, что онъ безпорядоченъ, потому что не занимается хозяйствомъ, а нѣкоторые утверждаютъ, что онъ вмѣстѣ и Жидъ, и Турокъ, потому что ходитъ и въ божницу, и въ мечеть. Если бы не было сострадательной женщины, которая любитъ этотъ родъ обуви, всѣ бы повѣрили мущинамъ, которые утверждаютъ, что пантофель безполезенъ человѣческому роду.

(Niezabudka noworocznik)

Ан. Дом.

Digitized by Google

НАУКИ.

РУССКАЯ ИСТОРІЯ.

1. О ПЕТРѢ КОНАШЕВИЧѢ САГАЙДАЧНОМЪ.

»Року 1622 Петро Сагайдачный, славный Гетманъ Запорозскій и великій защитникъ Православной Вѣры, любитель и ктиторъ Брестского монастира и школъ Латинскихъ (1), временное свое житіе остави; тѣло же поховано въ Кіевѣ въ монастиру Братскомъ въ Проводную неделю, зъ великимъ плачемъ Запорозского войска и всѣхъ людей Православныхъ.«

Такъ поминаютъ Малороссійскія Лѣтописи сего доблестнаго мужа, который въ ряду козацкихъ Гетмановъ безспорно есть первенствующее лице, послѣ Богдана Хмельницкаго, и по своему характеру не менѣе его примѣчателенъ въ Исторіи. Если побѣдоносная сила Богданова была мечемъ, освободившимъ Украйну отъ Польскаго *ига*; то могучее, непобѣдимое мужество Сагайдачнаго служило хранительнымъ щитомъ Православной Кіевской Руси, въ ту печальную, тяжкую годину, какая постигла ее послѣ казни отважнаго Наливайка. Сагайдачный наслѣдовалъ Гетманскую булаву, послѣ сего героя-мученика, именно въ 1598 году (2). Онъ былъ неизбѣжною, неотразимою грозою для Ташаръ и Турковъ, которыхъ громилъ непрестанно на морѣ и на сушѣ. Его побѣды и сила надъ ними столь важны были Польшѣ, что она невольно смирялась въ своемъ разъяреніи на козаковъ и Украйну, невольно уважала сего Запорожскаго Гетмана, который съ могучимъ, суровымъ муже-

(1) Этимъ именемъ назывались и наши Православныя школы, въ которыхъ, по образцу Западныхъ школъ, ученіе было на Латинскомъ языкѣ.

(2) По свидѣтельству Исторіи Руссовъ Конискаго.

Digitized by Google

ствомъ героя соединялъ и доблести отличнаго гражданина. Сагайдачный, для своего утѣсненнаго народа и гонимаго Православія, сдѣлалъ все, что только можно было сдѣлать при Жигимонтѣ III-мъ, не поднимая оружія на Польшу, и не даромъ называется онъ въ Лѣтописяхъ *Великимъ защитникомъ Православія:* онъ стремился поддержать и утвердить благочестіе и просвѣщеніе своего народа; онъ убѣдилъ Іерусалимскаго Патріарха Ѳеофана посвятить въ Кіевѣ безъ Королевскаго дозволенія — Православнаго Митрополита и Епископовъ на Русскія Епархіи, занятыя Уніатами; — своимъ иждивеніемъ возобновилъ Богоявленское Кіевское Братство, и учредилъ фундацію на школу Братства Львовскаго »(на науку и на цвичены бакаларовъ учоныхъ).« Кромѣ того онъ написалъ *объясненіе объ Уніи*, которое Литовскій Канцлеръ Левъ Сапѣга называлъ: »предрагоцѣннымъ сочиненіемъ (3).« Какъ жаль, что до сихъ поръ остается въ неизвѣстности сей памятникъ, изъ котораго можно бы яснѣе увидѣть просвѣщеніе и умъ великаго Гетмана. Но возстановленіе Православной Кіевской Митрополіи, 25 лѣтъ сиротѣвшей безъ пастыря подъ гнетомъ Уніи, и возобновленіе Богоявленскаго Братства, разореннаго противниками Православія: это такія два дѣла, которыя даютъ безсмертіе славному имени *Петра Сагайдачнаго,* и по которымъ онъ былъ предтечею безсмертнаго *Петра Могилы*, такъ блистательно совершившаго то, что начато Сагайдачнымъ.

2. *Анахронизмы въ повѣствованіяхъ о Сагайдачномъ.*

Сіи два великіе мужа, въ исторіи Коникаго, какъ бы умышленною ошибкою, сближены и представлены заодно и современно дѣйствующими въ Кіевѣ. Примѣча-

(3) Такъ названо объясненіе Сагайдачнаго въ письмѣ Канцлера Льва Сапѣги, писанномъ изъ Варшавы 12-го Марта 1622 года, къ свирѣпому Іосафату Кунцевичу.

Переводъ сего примѣчательнаго письма помѣщенъ въ Россійскомъ Магазинѣ, Спб., 1793 Ч. III, — и сокращенно въ Извѣстіи объ Уніи. М. 1805 на стр. 75 — 84.

Digitized by Google

шельная обмолвка! они современно дѣйствовали только подъ Хотиномъ, противу Турокъ, гдѣ 25-лѣтній воеводичь Могила отличился своею воинскою храбростію, а старый Сагайдачный со славою кончилъ свое козацкое поприще. Но я имѣлъ случай замѣтить, что изъ довѣрія къ Конискому упомянутая обмолвка его обращается въ мнѣніе, и даже повторилась было въ одномъ новѣйшемъ сочиненіи о Малороссіи. Потому считаю не лишнимъ предложить читателямъ и почитателямъ исторіи Конискаго слѣдующія замѣчанія:

Описавъ подробно пораженіе Татаръ на р. Самарѣ (1613), Конискій такъ оканчиваетъ свое повѣствованіе о Сагайдачномъ: »Гетманъ Сагайдачный, послѣ означенныхъ походовъ, *ни какихъ другихъ не предпринималъ*; а при обыкновенныхъ и всегдашнихъ безпокойствахъ и набѣгахъ пограничныхъ, командировалъ Наказнаго Атамана своего Петра Жицкаго (4), и Старшинъ Генеральныхъ, и Полковниковъ съ корпусами и командами, смотря по надобности и силамъ противнымъ, а самъ, бывши спокойнымъ правителемъ Гетманства, поправлялъ внутреннія безпорядки правительственныя и воинскія; воспрещалъ усильно унійство, возвращалъ съ него церкви, а въ томъ числѣ *воротилъ и Соборную Кіевскую Софію*; созидалъ вновь церкви, и между тѣмъ построилъ Братскій Кіевскій монастырь на Подолѣ подъ распоряженіемъ Гетмана Петра Жицкаго, яко въ архитектурѣ свѣдущаго; надалъ сему монастырю достаточныя деревни, *и возобновилъ въ немъ, съ помощію Митрополита Кіевскаго Петра Могилы, древнюю Кіевскую Академію, заведенную со временъ послѣдняго крещенія Россіи, но отъ нашествія и раззоренія Татарскаго крывшуюсь въ разныхъ монастыряхъ и пещерахъ.* И поживши Сагайдачный въ полной славѣ великаго и славнаго Гетмана Малороссійскаго болѣе двадцати лѣтъ, скончался въ Кіевѣ въ 1622 году и погребенъ въ церкви того созданнаго имъ Брат-

(4) Въ извѣстныхъ мнѣ спискахъ Исторіи Конискаго сказано »Петра Жицкаго;« но это очевидно есть *Иванъ Петрижицкій*.

Digitized by Google

скаго монастыря, коего почитался онъ главнымъ Кшиторомъ.«

— »Поляки, уважая храбрость и заслуги Сагайдачнаго, не смѣли при немъ явно производить въ Малороссіи своихъ наглостей, да и самая любимая ихъ Унія нѣсколько поутихла и простыла.«

Слова, напечатанныя курсивомъ, несогласны съ историческою истиною и точностью. Послѣ Самарскаго дѣла (1613 г.) Сагайдачный предпринималъ два важныхъ похода — подъ Москву (1618 г.) и подъ Хотинъ (1621 г.). — Въ 1622-мъ году, когда онъ возобновлялъ Богоявленское Братство, Петръ Могила находился еще въ военной службѣ: монашество принялъ онъ въ Печерской Лаврѣ 1625 года, а въ Митрополиты посвященъ во Львовѣ 1633 года. Въ этомъ же году и Софійскій Соборъ отобранъ отъ Уніатовъ Могилою, а не Сагайдачнымъ; и Богоявленское Братство получило названіе монастыря, но перестало быть Патріаршею ставропигіей. Основаніе Кіевскаго Братства и при немъ школы относится къ 1588-му году, а не къ древнимъ временамъ. — Можетъ быть и послѣдняя фраза Коницкаго о Сагайдачномъ, перенесенная въ Исторію Бантышъ-Каменскаго, подлежитъ нѣкоторымъ измѣненіямъ; но объ этомъ говорить не стану.

Указанныя мною погрѣшности не отнимаютъ однако всего достоинства у повѣствованія Коницкаго о Сагайдачномъ. Подобныя обмолвки попадаются и у другихъ достойныхъ писателей. Такъ и у Митрополита Евгенія — *въ краткомъ свѣдѣніи о началѣ Кіевской Академіи*, приложенномъ къ описанію Кіевософійскаго Собора, на стр. 210-й, читаемъ; »а хотя Церковъ Братскую обновилъ въ 1622-мъ году Гетманъ войскъ Запорожскихъ Петръ Конашевичъ-Сагайдачный, и братство поддерживалъ, но училища возстановить *не смѣлъ* безъ дозволенія Польскаго Короля, и уже *въ 1629 г. Февраля 19-го получилъ* отъ Короля Симзмунда III грамоту....« Здѣсь Сагайдачному дано лишнихъ 7 лѣтъ жизни на этомъ свѣтѣ: явно, что это обмолвка. Та-

Digitized by Google

кимъ же образомъ и на стр. 157 описанія Кіевософійскаго Собора сказано: »въ сіе время, попущеніемъ *Кіевскаго воеводы, Ѳомы Замойскаго*, въ самомъ Кіевѣ начались грабежи церквей и монастырей, и при семъ случаѣ новозаведенное въ Брацскомъ монастырѣ училище потерпѣло разореніе. Гетманъ Конашевичъ едва могъ спасти осташки его....« Но возобновленіе разореннаго въ 1621 году Братства совершено Сагайдачнымъ въ томъ же и въ началѣ слѣдующаго 1622 года; а Ѳома Замойскій былъ Кіевскимъ Воеводою съ 1626 года. — Несмотря на подобныя обмолвки, описаніе Кіевософійскаго Собора и Кіевской Іерархіи есть трудъ, чрезвычайно важный для Церковной Исторіи югозападной Руси.

Дѣло въ томъ, что Конискій, при всѣхъ своихъ частныхъ погрѣшностяхъ, даетъ намъ общее понятіе о характерѣ Сагайдачнаго вѣрнѣе, чѣмъ новые розыскатели Малороссійской Исторіи, — что и между выше указанными погрѣшностями Конискаго, встрѣчаемъ любопытное для исторіи Кіевскаго Братства извѣстіе о строительномъ участіи въ немъ *Петрижицкаго*. При этомъ извѣстіи Иванъ Петрижицкій, сподвижникъ Сагайдачнаго и наслѣдникъ его любви къ Братству — становится очень занимательнымъ лицомъ, въ 1632 году, когда онъ, будучи на тотъ-часъ Гетманомъ, вмѣстѣ съ Митрополитомъ Исаіею Копинскимъ, первымъ Ректоромъ Братскаго училища, — убѣждаетъ Архимандрита Петра Могилу, чтобы онъ свою Лаврскую школу соединилъ со школою Братскою, которую самъ Могила потомъ назвалъ въ своемъ завѣщаніи *»единственнымъ своимъ залогомъ«* и даже — единственнымъ залогомъ Православной Русской Церкви (5).

Въ замѣнъ недостатковъ своихъ, повѣствованіе Конискаго о Сагайдачномъ представляетъ подробное и живое описаніе первыхъ его воинскихъ подвиговъ. Подобными описаніями изобилуетъ вообще Исторія Руссовъ,

(5) См. его завѣщаніе, напечатанное въ прибавленіи къ описанію Кіево-Печерской Лавры. Кіевъ, 1831 г.

Digitized by Google

и это составляетъ одно изъ ея отличительныхъ достоинствъ. Конискій понималъ, какова должна быть исторія воинственныхъ козаковъ, когда съ такою подробностію передавалъ ихъ битвы. Издатель Запорожской старины, Срезневскій, рѣшился называть эти сказанія *повѣстями*. Но эти повѣсти выдумывалъ не Конискій. Ихъ писали козаки на бранномъ полѣ оружіемъ и кровью, и потомъ переписывали на бумагу и хранили для памяти потомковъ. Вотъ по какимъ лѣтописямъ писалъ свои повѣсти о козацкихъ подвигахъ Преосвященный Конискій (6), который самъ есть одно изъ примѣчательнѣйшихъ лицъ нашей Исторіи. Въ его твореніи часто встрѣчается неотчетность хронологическая, — и нѣкоторыя частныя событія представлены невѣрно, по недостатку вѣрныхъ и точныхъ о томъ извѣстій. Но вспомнимъ, когда писалъ Конискій? — Вспомнимъ, что у него не было того богатства матеріаловъ, какое было подъ рукою трудолюбиваго *Николая Бантышъ-Каменскаго*, — какимъ пользовался достойный сынъ его, сочиняя свою Исторію Малой Россіи. Срезневскій имѣлъ въ своихъ рукахъ труды Конискаго, Бантышъ-Каменскаго и много другихъ источниковъ, составляя въ наше время свою коротенькую Исторію Украйны, предлагаемую въ Запорожской Старинѣ подъ именемъ »Лѣтописи.« Однако и эта новѣйшая Лѣтопись, повѣствуя напримѣръ объ убіеніи козаками Гетмана *Григорія* (Грицка Чернаго?) *въ 1628 году*, говоритъ (7), что къ тому возбудилъ козаковъ своею рѣчью бывшій *въ то время* Архимандритомъ Печерскаго монастыря, *знаменитый Никифоръ Туръ*, и что козаки провозгласили его своимъ Гетманомъ«.. Это уже настоящая повѣсть! Въ 1628 году Архимандритомъ Печерской Лавры былъ уже Петръ Могила; а знаменитый Никифоръ Туръ, мужественно защищавшій Печерскую Лавру отъ Уніатовъ, и невзирая

(6) Объ источникахъ своей *Исторіи Руссовъ* Конискій довольно подробно говоритъ въ предисловіи къ ней. —

(7) См. Запорожская Старина Ч. I.

Digitized by Google

на Королевскія повелѣнія, не уступившій сего Русскаго Святилища отступному Митрополиту Рогозѣ, умеръ въ одинъ годъ съ своимъ противникомъ, именно въ 1599 г.: почти тридцать лѣтъ разницы!.. Въ той же Лѣтописи, составленной Срѣзневскимъ, сказано и объ Сагайдачномъ, будто онъ предводительствовалъ козаками во время битвы Цецорской. Но это также или обмолвка, или заимствованіе изъ невѣрныхъ источниковъ.

Описанные такъ подробно у Конискаго первые подвиги Сагайдачнаго, едва упомянуты и въ Исторіи *Малой Россіи*, составленной Бантышъ-Каменскимъ; за то въ ней, особливо во второмъ изданіи (М. 1830), Исторія Сагайдачнаго дополнена многими свѣдѣніями, изъ разныхъ источниковъ собранными, и вновь къ Исторіи Малороссіи прибавленными. Но характеръ Сагайдачнаго, въ трудѣ Бантышъ-Каменскаго, утратилъ свою опредѣленную ясность и представился какимъ-то неорганическимъ смѣшеніемъ великихъ и низкихъ качествъ. — Такъ и вообще въ Исторіи Бантышъ-Каменскаго: она богата сборомъ свѣдѣній, изъ разнородныхъ источниковъ почерпнутыхъ, и важна особенно извѣстіями документальными. Но въ этомъ трудѣ нѣтъ вѣрной изобразительности историческихъ лицъ, нѣтъ того живаго духа, которымъ проникнута Исторія Руссовъ, написанная Преосвященнымъ Конискимъ.

2. *Нареканіе Историковъ на Гетмана Сагайдачнаго.*

Относительно Сагайдачнаго, въ Исторіи Малой Россіи насъ остановили особенно слѣдующія слова Бантышъ-Каменскаго (ч. I стр. 184): »Исторія, передавая знаменитые подвиги героевъ, не можетъ скрывать дѣяній, помрачившихъ ихъ славу. Конашевичъ обнажилъ въ 1618-мъ году мечь свой противъ соотечественниковъ: обратилъ въ пепелъ Елецъ, Ливны и другіе пограничные города Россійскіе; вспомоществовалъ, съ двадцатью тысячами козаковъ, Польскому Королевичу Владиславу въ Московской осадѣ; опустошилъ окрестности сего города, Коломны, Переяславля-Залѣскаго, Калугу. Онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ для личныхъ выгодъ, желая удержать

Digitized by Google

за собою Гетманство, пріобрѣлъ довѣріе Правительства Польскаго, справедливую укоризну отъ потомства.«

Укоризна благовидная, однако небывалая въ потомствѣ и составляющая только личное мнѣніе Историка. Но подобныя обвиненія, мнѣ кажется, въ Исторіи Малороссіи могутъ начинаться только *съ 1654 года*: когда Богданъ Хмельницкій освобожденную имъ Украйну присоединилъ къ Московскому престолу Переяславскою присягою 8-го Января; — когда Запорожское войско назвалось войскомъ *Его Царскаго Величества;* — когда вслѣдъ затѣмъ и Митрополитъ Сильверстъ Коссовъ, съ подвластнымъ ему Кіевскимъ духовенствомъ, рѣшился перейти въ подданство Россіи. Такимъ образомъ Историкъ имѣлъ право налагать свои укоризны уже — на Ивана *Выговскаго*, такъ лукаво обманувшаго Москву, — на *Юрія Хмельниченка*, такъ малодушно измѣнившаго своей присягѣ,—особенно же на *Мазепу*, такъ предательски измѣнившаго и Великому Царю, и народу своему, за что и народная пѣсня говоритъ ему въ укоръ:

Мазепо Гетмане, израдливый Пане!
Злее починаешъ, зъ Шведомъ накладаешъ!....
»И на Царя Восточнаго руки подоймаешъ!....«

Но тогда, какъ Сагайдачный ходилъ на Москву, вспомоществуя Королевичу Владиславу, было иное время и другой порядокъ вещей: тогда Польша не оставляла еще своего притязанія на невозвратный для Владислава Московскій престолъ, не смотря что на немъ уже и царствовалъ избранникъ Михаилъ; тогда Украйна принадлежала еще къ составу Рѣчи Посполитой, и Запорожское войско именовалось еще войскомъ *Его Королевской Милости;* тогда Москва и козацкое Запорожье, возникшіе розно во время удѣльнаго разъединенія Руси и Татарскаго надъ нею ига, — считались еще чуждыми другъ для друга, не смотря на единство рода и Вѣры. »Не оскорбляйтесь, что не видѣли очей Его Царскаго Величества. Вы пришли къ Москвѣ передъ постомъ, а въ постъ у великаго Государя нашего ни *какіе Послы* и *иноземцы* не бываютъ« (8). Такъ гово-

(8) См. Исторію М. Р. Ч. I. прим. 131.

Digitized by Google

рилъ Князь Пожарскій въ 1620 году Казакамъ, посланнымъ отъ Сагайдачнаго къ Царю Михаилу.

Память потомства такъ добра, что даже прославляетъ имя доблестнаго Князя Курбскаго, какъ бы забывая, что онъ воевалъ противъ Москвы и съ ея противниками. — А потому помощь, которую Королевичу Владиславу оказалъ Запорожскій Гетманъ еще до присоединенія Украйны къ Москвѣ, не помрачаетъ его славы. Въ противномъ случаѣ Исторія должна бы помрачить и славу доблестныхъ Князей Острожскихъ, воевавшихъ противъ Москвы, должна бы непрестанно осыпать укоризнами и всѣхъ Русскихъ Князей, воевавшихъ другъ противъ друга во время удѣльнаго *разъединенія* Руси. Но борьба Западной или Литовской Руси съ Восточною или Московскою Русью была уже докончаніемъ древней удѣльной борьбы: и нашествіе Сагайдачнаго было послѣднимъ ея отзывомъ. Съ утвержденіемъ Романовыхъ на Московскомъ престолѣ начался новый порядокъ для всей Руси, настала пора ея *возсоединенія*.... И Сагайдачный не преминулъ въ началѣ 1620 года обратиться къ Московскому Царю съ своимъ посольствомъ и грамотою, предлагая свои услуги; и Московскій Царь отвѣтствовалъ Гетману дарами и похвальною грамотою (9). Вотъ первое начало того сближенія Украйны

(9) См. Грамоту сію 1622 г. 21 Апрѣля въ Собраніи Государств. Грам. и Договоровъ Т. III.

Прим. Редактора. Сагайдачный, какъ и Богданъ Хмѣльницкій, дѣйствовавали въ отношеніяхъ къ Россіи и Польши, по своимъ видамъ, какъ кому казалось выгоднѣе для своихъ соотечественниковъ, если не для себя. Вотъ съ какой стороны можно оправдывать ихъ дѣйствія, а принадлежность къ Рѣчи Посполитой, раздѣленіе съ Великой Россіей, »не смотря на единство вѣры и рода,« и сравненіе съ междоусобными войнами сюда нейдутъ. Самъ Авторъ говоритъ, что Сагайдачный, помогая Владиславу въ походѣ на Москву, думалъ о соединеніи Великой Россіи съ Малой, слѣд. его дѣйствіе имѣло характеръ политической, котораго въ междоусобіяхъ, собственно такъ называемыхъ, не бываетъ. Если же вы будете защищать Сагайдачнаго тѣмъ, что войско Запорожское называлось тогда войскомъ его Королевской Милости, то вамъ надобно будетъ согласиться съ Польскими Историками и осуждать Богдана Хмѣльницкаго за измѣну. Вотъ въ какое ужасное противорѣчіе вы впадете! *И. П.*

Digitized by Google

съ Москвою, обновленною воцареніемъ Романовыхъ, которое потомъ Богданъ Хмельницкій, начавъ такими же сношеніями, какъ Сагайдачный, довершилъ успѣшнѣе. — Что касается до внутреннихъ побужденій, которыми Запорожскій Гетманъ былъ подвигнутъ на помощь *обыденному* Царю — Королевичу Владиславу; то она несправедливо истолкована Банпышъ-Каменскимъ: будто Сагайдачный дѣйствовалъ такъ изъ *личныхъ выгодъ, желая удержать за собою Гетманство!*.... Если сей *великій защитникъ православія* и пріобрѣлъ чрезъ то довѣріе Польскаго Правительства, то не для своеличныхъ выгодъ и не для удержанія за собою Гетманства. — Довѣріемъ Польскаго Правительства Гетманства удержать было нельзя: оно зависѣло отъ него самаго и отъ Казаковъ. Десятки Гетмановъ, довѣренныхъ у Польскаго Правительства, и отъ него поставленныхъ, были прогнаны или убиты Казаками. Не разъ они отрѣшали отъ Гетманства и самаго Сагайдачнаго за его суровость, но безъ него они не могли обойтись, и опять избирали его себѣ Главою.

Сагайдачный не боялся утратить своего Гетманства, вмѣстѣ съ довѣріемъ Польскаго Правительства, когда вслѣдъ за своими сношеніями съ Москвою рѣшился, безъ дозволенія Королевскаго, воспользоваться пребываніемъ въ Кіевѣ Патріарха Ѳеофана, и возобновить Православную здѣсь Митрополію. И вотъ по его убѣдительной просьбѣ« въ самый день Успенія, въ Печерской церкви, Іерусалимскій Патріархъ посвящаетъ Іова Борецкаго въ Кіевскіе Митрополиты, и шесть Православныхъ Епископовъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ радостныхъ и торжественныхъ дней для Кіевской Руси, 25 лѣтъ не имѣвшей у себя Православнаго Митрополита! Извѣстно, какъ противно было сіе посвященіе для Правительства Польскаго, и какъ оно поступило съ Епископами, посвященными въ Кіевѣ 15-го Августа. — Въ Октябрѣ того же года Сагайдачный ѣхалъ уже въ Варшаву; но не для отвѣта и казни за свой подвигъ Православія; его звали на Сеймъ, на Совѣтъ Во-

Digitized by Google

сный. Безъ Казацкаго Гетмана, Польша потерпѣла сильное пораженіе отъ Турокъ подъ Цецорою, и сбиралась всѣми силами своими на Хотинское дѣло. Безъ Казацкаго Гетмана ей нельзя было обойтись.

Когда Сагайдачный былъ въ Варшавѣ у Короля — говоритъ Червоно-Руская лѣтопись, Король сказалъ: »Я посылаю сына и поручаю его тебѣ.« Послѣ во Львовѣ, когда Король, выѣзжая изъ города, выходилъ изъ Архіепископскаго дома, а Сагайдачный стоялъ у воротъ, Король ему поклонился и сказалъ: посылаю сына и поручаю его тебѣ! Сагайдачный положилъ Королевичу руку на голову, и призвавши на помощь Господа Бога, сказалъ: »я съ вами смѣло пойду противъ нашихъ непріятелей!« Съ помощію Бога, и чрезъ усердіе Казаковъ такъ и сдѣлалось. —

Таковъ былъ Сагайдачный. Ему ли же было заискивать довѣріе у Польши изъ личныхъ выгодъ для удержанія Гетманства? Онъ воевалъ своимъ оружіемъ за Польшу, какъ Казакъ и какъ подданный Короля; но не Польшѣ посвящена была душа его. Послѣ Хотинскаго дѣла онъ опять возвращается въ Кіевъ для подвиговъ Православія и просвѣщенія, возобновляетъ своимъ иждивеніемъ Богоявленское Братство, и въ немъ кончаетъ славную жизнь свою смиреннымъ братомъ.

Бантышъ-Каменскій, въ нареканіи на Сагайдачнаго, ссылается на Исторію Энгеля. Но Энгель не потомство, и не его иноплеменной душѣ было проникать въ тайныя побужденія великаго Гетмана! Вникая въ характеръ Сагайдачнаго, можно думать, что онъ, содѣйствуя Владиславу возсѣсть на престолѣ Московскомъ (который во все время Гетманства его былъ обуреваемъ чрезвычайными смутами, съ прекращеніемъ древней династіи происшедшими), замышлялъ уже о томъ, чего достигъ Хмельницкій другимъ путемъ, т. е. о соединеніи Украйны съ единовѣрною Москвою. Притомъ Сагайдачный конечно зналъ, почему такъ старался для юнаго Королевича: признательный къ нему и благосклонный къ Казакамъ, Владиславъ, будучи Польскимъ Королемъ, много

Digitized by Google

способствовалъ Петру Могилѣ къ возстановленію Православія; да и самаго Хмельницкаго, не Владиславъ ли рѣшилъ на возстаніе противу Польши, говоривши и писавши къ Казакамъ: »когда вы есте воины добрые и саблю при боку имѣете, что же вамъ за себя постоять возпрещаетъ?« Таково было тогда положеніе дѣлъ, что и самъ Польскій Король согласенъ былъ на возстаніе Казаковъ противъ Польши! Съ другой стороны и прежнія отношенія самой Москвы были еще таковы, что она долго не могла принять въ подданство свое Запорожскихъ Казаковъ, издавна желавшихъ присоединиться къ единовѣрной имъ Московской Руси. Къ устроенію сего важнаго дѣла Москва не прежде рѣшилась приступить, какъ въ 1653 году, послѣ неоднократнаго о томъ обращенія къ Царю Алексѣю Михайловичу отъ Богдана Хмельницкаго, который хотя шесть лѣтъ уже властвовалъ самъ собою на освобожденной имъ Украйнѣ, но на Переяславской Радѣ говорилъ Казакамъ: »шесть лѣтъ живемъ безъ Пана въ нашей землѣ и видимъ, что нельзя намъ жить болѣ безъ Царя, и православнаго, Великія Росіи Царя Восточнаго себѣ за Царя и Пана просимъ, — и кромѣ его Царскія высокія руки благотишнѣйшаго приспанища не обрящемъ.«

3. *О родѣ Гетмана Сагайдачнаго.*

Въ Исторіи Банпышъ-Каменскаго сказаніе о Сагайдачномъ начинается слѣдующею его характеристикою: »низкій происхожденіемъ, но великій духомъ, ума чрезвычайнаго, храбрый, бодрый, проворный, малорѣчивый, врагъ роскоши, нрава жестокаго, неистоваго, проливавшій кровь за малѣйшее преступленіе, неумѣренный въ чувственныхъ наслажденіяхъ, ускорившихъ смерть его.«

Дѣло извѣстное, что наслажденій чувственныхъ не были чужды многіе герои, которыхъ прославляетъ Исторія, какъ *великихъ людей*. Но я не знаю, должна ли наша Исторія включить въ характеристику Сагайдачнаго сомнительное извѣстіе о неумѣренной его чувствен-

Digitized by Google

ности, будто бы ускорившей смерть его? Сарницкій заставляетъ Сагайдачнаго и умереть отъ любострастной болѣзни, преждевременно, въ 1620 году. Но чувство исторической истины оскорбляется такою явною ложью; и нашей Исторіи не для чего заслушиваться того, что могла придумать клевета на *великаго защитника Православія*. Память Хмельницкаго священна для всей Руси, и Южной и Сѣверной: но Историки Польскіе смотрѣли на него не тѣми глазами; а Чарнецкій не пощадилъ даже и праха его, и разоряя Субботово, наругался надъ костями Богдановыми. — Что касается до низкаго происхожденія Сагайдачнаго, то показаніе о семъ также основано, кажется, на позднѣйшихъ и недостовѣрныхъ сказаніяхъ. Покрайней мѣрѣ мнѣ вспрянулось другое, болѣе опредѣлительное и вѣрное извѣстіе, что Сагайдачный былъ уроженецъ и дворянинъ изъ *Самбора*. Это извѣстіе потому вѣрнѣе, что оно находится въ современныхъ Сагайдачному Запискахъ (10), веденныхъ съ 1620 по 1671 годъ на Польскомъ языкѣ, дворяниномъ Кіевскаго Воеводства Якимомъ Оизаровымъ сыномъ *Ерлычемъ*.

Подъ 1620 годомъ Ерлычь, говоря о Сеймѣ, бывшемъ тогда въ Варшавѣ по случаю сбора на Хотинское дѣло, пишетъ о Сагайдачномъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ. »Войска отъ Польши было около 70,000, кромѣ Запорожскихъ молодцовъ Казаковъ, которыхъ могло быть 40,000; надъ ними Гетманомъ поставленъ былъ человѣкъ во военномъ дѣлѣ опытный, справца великій и добрый Петръ Конашевичь-Сагайдачный, на котораго много полагались въ Совѣтѣ, который былъ не простаго рода, но шляхтичь изъ Самбора, который всѣ тѣ военныя тягости несъ на себѣ, а также и во всемъ давалъ совѣтъ, и какъ онъ совѣтовалъ, на то соглашались ихъ милость Паны Гетманы и Королевичь его милость.«

(10) Объ этихъ запискахъ, названныхъ въ подлинникѣ *лѣтописцемъ*, упоминалъ уже Митрополитъ Евгеній въ описаніи Кіевософійскаго Собора, на стр. 171.

Digitized by Google

4. О смерти Сагайдачнаго.

Хотя въ Малороссійскихъ лѣтописяхъ опредѣлительно сказано, что Сагайдачный скончался *въ Кіевѣ 1622 года* на Проводной недѣлѣ; однако нѣкоторые ускоряютъ кончину его. Такъ вышеупомянутая Червонорусская лѣтопись, говоря подъ 1620 годомъ о битвѣ Хотинской, прибавляетъ о Сагайдачномъ: »здѣсь его застрѣлили, а въ Кіевѣ лежитъ его тѣло.« Здѣсь двойная ошибка лѣтописца: ускорено цѣлымъ годомъ Хотинское дѣло, происходившее въ Сентябрѣ 1621 года; ускорена смерть Сагайдачнаго, который послѣ Хотинскаго дѣла жилъ еще полгода.

Не смотря на то Эвецкій, напечатавшій (въ Телескопѣ) отрывки изъ сей лѣтописи, съ собственными на нее примѣчаніями, далъ излишнюю вѣру словамъ ея о смерти Сагайдачнаго, и говоритъ вотъ что: »нашъ лѣтописецъ убиваетъ Сагайдачнаго на войнѣ и показаніе его, современника, важное во всякомъ случаѣ, тѣмъ болѣе еще важно, что онъ именно оговариваетъ, что тѣло Сагайдачнаго лежитъ въ Кіевѣ. Какъ хотите, трудно повѣрить, чтобы мужественный, неукротимый, чувственный Сагайдачный захотѣлъ постричься; и пока это не будетъ дѣйствительно доказано, до тѣхъ поръ, ни Кіево-Братскому, никакому въ свѣтѣ монастырю мы не уступимъ Сагайдачнаго, и лучше застрѣлимъ его подъ Хотиномъ. Это внутреннее убѣжденіе мы считаемъ нашею свѣтлою мыслію и твердо увѣрены, что тѣнь Сагайдачнаго намъ благодарна.« Эвецкій смотритъ на Сагайдачнаго только съ воинской и притомъ чувственной стороны, и воображаетъ его себѣ такимъ воиномъ, который и умереть долженъ не иначе какъ на бранномъ полѣ, отъ пули непріятельской; эту свою мысль Эвецкій считаетъ свѣтлою мыслію, потому-что такъ полюбилось ему и показалось важнымъ ошибочное показаніе Червонорускаго лѣтописца. — Этотъ лѣтописецъ могъ вѣрно пересказать о встрѣчѣ Сагайдачнаго съ Жигимонтомъ и Владиславомъ во Львовѣ; ибо раз-

Digitized by Google

сказъ объ этой встрѣчѣ могъ сохраняться въ городѣ долгое время безъ искаженія, равно какъ и то извѣстіе, что Сагайдачный погребенъ въ Кіевѣ.

Но показаніе лѣтописца объ убіеніи Сагайдачнаго подъ Хотинымъ, противурѣчащее другимъ о томъ же извѣстіямъ, не слѣдовало принимать такъ торопливо за несомнѣнное показаніе современника. Самъ Эвецкій приводитъ слова этого современника, что онъ въ 1621 году только что »ся учити почалъ въ Межибожу у Дяка Дмитри Щирецкаго.« Слѣдственно, о происшествіяхъ Хотинскихъ онъ писалъ уже впослѣдствіи, по слухамъ, въ которыхъ утратилась хронологическая точность, и событія перемѣшались. Потому-то о встрѣчѣ во Львовѣ и о Хотинскомъ дѣлѣ онъ говоритъ подъ 1620 годомъ вмѣсто 1621 г.; потому и смерть одного Гетмана перенесена имъ на другаго. Во время Хотинскаго дѣла (скажемъ словами Ерлыча) »Сентября 24 дня Панъ Гетманъ Великій умеръ въ два часа пополудни въ замкѣ Хотинскомъ.« Смерть Литовскаго Гетмана (Ходкевича) очень могла потомъ быть обращена въ смерть Казацкаго Гетмана, который для народа былъ *Гетманъ* по преимуществу, — и тѣмъ болѣе могло это статься, что, по сказанію нѣкоторыхъ лѣтописей (упоминаемыхъ Срезневскимъ), Сагайдачный былъ подъ Хотиномъ сильно раненъ. Какъ бы впрочемъ ни произошла ошибка Червонорускаго лѣтописца о смерти Сагайдачнаго, Эвецкій еще усилилъ эту ошибку своею критикою. Онъ »твердо увѣренъ, что тѣнь Сагайдачнаго ему благодарна« за что же? — за то, что Эвецкій рѣшился застрѣлить ее подъ Хотиномъ, и такимъ образомъ отнять у Сагайдачнаго *полгода* жизни, ознаменованные прекраснѣйшими подвигами? ... Но Эвецкій конечно отречется отъ напрасной увѣренности въ свѣтлости своей мысли, когда мы укажемъ на свидѣтельства о смерти Сагайдачнаго въ полной мѣрѣ современныя и достовѣрныя.

1. Въ Кіево-Братскомъ монастырѣ хранится большой золочено-серебряный ручной крестъ, обсаженный де-

Digitized by Google

вяшью камнями; съ передней стороны его внизу означено: вѣсу въ немъ 2 фунта 16 лотовъ и 1 золотникъ; а на другой сторонѣ на рукояти надпись старинная: Року ахкв (1622) далъ сей крестъ рабъ Божи Петръ Конашевичъ Сагайдачный Гетманъ войска Его К. М. Запороского до церкви светого Богоявления Господня в домъ братски на отпущение гриховъ своихъ.«

2. Въ старомъ помянникѣ Кіево-Михайловскаго монастыря, писанномъ въ 16 и первой половинѣ 17 вѣка (въ 4 д. л.) есть слѣдующая современная замѣтка о кончинѣ Сагайдачнаго (написанная киноварью на 98 листѣ):

— »Року 1622, Априля 10 дня благочестивый мужъ Панъ Петръ Конашевичъ Сагайдачный Гетманъ войска Его К. М. Запорозкого по многихъ знаменитыхъ военныхъ послугахъ и звитязствахъ, на ложи своемъ простеръ нозѣ свои, приложися къ отцемъ своимъ, съ добрымъ исповѣданіемъ, исполненъ благихъ дѣлъ и милостыни. В. Кіеве. Погребенъ при церкви школы Словенское въ мѣсте на Подолѣ честно, въ домоу братства Церковного.«

»Помяни Господи души рабъ своихъ Петра, Конона. Елисея. Якова. Германа (11).«

3. Есть и печатное современное доказательство о смерти Гетмана: стихи или *вирше* на погребеніе Запорозскаго Гетмана Петра Конашевича Сагайдачнаго, сочиненные тогдашнимъ Игуменомъ и Ректоромъ Богоявленскаго Братства Кассіаномъ Саковичемъ, и напечатанные того же 1622 года въ Кіевопечерской Лаврѣ; но мнѣ не удалось найти этого рѣдкаго изданія (*). —

Къ сожалѣнію не осталось надгробной надписи надъ могилою Сагайдачнаго, и мы только по преданію знаемъ,

---

(11) Имя *Конона* принадлежало безъ сомнѣнія отцу Гетмана. Но кому изъ рода его принадлежали три имена, приписанныя послѣ, не знаю. Изъ имѣющагося у меня акта о завѣщаніи Сагайдачнаго видно, что послѣ него осталась только *жена*, а о сыновьяхъ ничего не сказано.

(*) Есть въ Румянцевскомъ Музеѣ, см. у Сахарова въ изданіи: Древніе Русскіе Памятники. Просимъ кого либо изъ Петербургскихъ любителей Исторіи переписать это примѣчательное Стихотвореніе, и прислать Москвитянину для напечатанія. *Ред.*

Digitized by Google

что онъ погребенъ за олтаремъ Братской церкви, около того мѣста, гдѣ лежитъ теперь надгробный камень знаменитаго странника нашего Григоровича.

5. *Объ иночествѣ Гетмана Сагайдачнаго.*

Эвецкій представляетъ себѣ Сагайдачнаго такимъ *чувственнымъ* человѣкомъ, что ему невѣроятнымъ кажется, чтобы Гетманъ *захотѣлъ постричься* въ монахи. Зачѣмъ же такое невѣріе въ возможность преобразиться чувственному человѣку въ духовнаго, особливо въ предсмертный часъ жизни! Для такого преображенія нѣтъ ни психической невозможности, ни историческаго противорѣчія. Изъ нашей Исторіи видно, что Русскіе Князья и Бояре прежнихъ временъ часто оканчивали жизнь въ монашествѣ и схимѣ. Ольгердъ былъ язычникъ; но и тотъ не отрекся принять передъ смертью своею Христіанство и схиму. Читайте старинныя поминанія Князей Острожскихъ, Четвертенскихъ, Черторижскихъ, Вишневецкихъ, Корецкихъ, Сангушковъ, Олельковичей, Голшанскихъ.... во всѣхъ этихъ и другихъ Западнорускихъ родахъ вамъ непрестанно будутъ встрѣчаться иноки и схимники, инокини и схимницы; та же наклонность къ иночеству велась и въ козачествѣ Украинскомъ не только между старшинами, но и между простою Запорожскою братіей. Безграничная, буйная воля часто становилась въ тягость, и сѣчевые удальцы, для которыхъ и въ Запорожскомъ Братствѣ первымъ условіемъ была православная вѣра, — шли въ монастыри, особливо въ Межигорскій и Терехтемировскій, и тамъ въ строгомъ послушаніи смиряли свою душу и доканчивали жизнь. Надобно ли подтверждать примѣрами сказанное мною? Въ 16 вѣкѣ можно указать на Гетмана Шаха, который свою жизнь кончилъ инокомъ Каневскаго монастыря. Изъ 17го вѣка укажу на родъ Богдана Хмельницкаго: извѣстно, что сынъ его Юрій — это игралище судьбы, послѣ двукратнаго Гетманства былъ Архимандритомъ *Гедеономъ*; памятная по исторіи Богданова жена также подъ конецъ жизни была инокинею

Digitized by Google

Анастасіею (12). Мать Гетмана Мазепы была также инокинею и схимницею. А Михайло Вуяхевичь.... въ 1690 году 16го Ноября Лаврская Братія избрала единогласно себѣ въ настоятели сего Войсковаго Судью, и онъ 9го Декабря былъ уже Печерскимъ Архимандритомъ *Мелетіемъ*, пройдя быстро и постриженіе, и постепенное посвященіе въ діаконы и священники. Изъ прошлаго столѣтія можно привести много примѣровъ, подобныхъ Симеону Петриковскому, который сперва служилъ полковымъ Лубенскимъ писаремъ, потомъ былъ Брянскимъ Архимандритомъ *Силуаномъ*. Мы здѣсь вспомянемъ только о Запорожскомъ Сотникѣ Максимѣ Желѣзнякѣ. Оставивъ Запорожье, онъ находился въ числѣ послушниковъ Медвѣдовскаго Никольскаго монастыря, (на р. Тясминѣ), и уже готовился принять иноческій чинъ; — но произведенное въ 1768 году насиліе Православію вызвало Желѣзняка изъ мирной обители и обратило на тотъ страшный подвигъ, который памятенъ подъ именемъ *Коливщины* (13). Вообще въ прежнія времена козачество и монашество вовсе не были такими взаимно розными и чуждыми сферами жизни, что бы Запорожскому Гетману не захотѣть постричься, какъ думаетъ Эвецкій. Особливо Сагайдачный могъ это сдѣлать, и тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время жизни своей онъ преимущественно преданъ былъ подвигамъ благочестія и просвѣщенія Христіанскаго. Но дѣйствительно ли онъ принялъ монаше-

(12) Объ этомъ узналъ я изъ Лаврскихъ поминниковъ и особенно изъ находящагося при Воздвиженской церкви Антоніевой пещеры, гдѣ написано: родъ *Инокини Анастасіи*, бывшей Гетмановой Хмельницкой, которая пострижена въ року 1671.

(13) Сіе послѣднее возстаніе Украинцовъ на Поляковъ, за упѣсненіе Православной вѣры, происходило въ 1768 (а не въ 1770 году, какъ означено въ моемъ изданіи Украинскихъ народныхъ пѣсенъ. М. 1834 г. по ошибкѣ Историка, бывшаго тогда у меня подъ рукою). — Подробное сказаніе о Коливщинѣ, написаное мною 1839 г., остается въ рукописи.

Digitized by Google

скій чинъ предъ своею кончиною? это другой вопросъ,— и я согласенъ съ Эвецкимъ, что на это нѣтъ доказательствъ несомнѣнныхъ. Объ иночествѣ Сагайдачнаго мы говорили, доселѣ полагаясь только на Исторію Баншыш-Каменскаго, а онъ это извѣстіе заимствовалъ, кажется, только изъ Энгеля. Но судя потому, что въ болѣе достовѣрныхъ и въ современныхъ Сагайдачному свидѣтельствахъ ничего не упоминается объ его иночествѣ, я думаю, что славный Гетманъ скончался въ Кіевскомъ Братствѣ только смиреннымъ брашомъ онаго, а въ монахи не постригался.

6. *О народной пѣснѣ про Сагайдачнаго, относящейся не къ Гетману Петру.*

Къ сожалѣнію, между народными Украинскими пѣснями не встрѣтилось еще ни одной про знаменитаго Гетмана. Что же касается до удалой Запорожской пѣсни, въ которой воспѣвается шотъ Сагайдачный, —

Счо промѣнявъ жóнку
На шюшюнъ да люльку
Необачный,

то она очевидно относится не къ Гетману Петру. Самый складъ ея показываетъ, что она не изъ его временъ; а представленный въ ней Гетманъ Дорошенко опредѣляетъ ея время и того удалаго Запорожца, про котораго она сложена. На него я указалъ еще въ первомъ изданіи Мало-Россійскихъ пѣсенъ 1827 года.

Не смотря на то, издатель Запорожской старины, эту пѣсню относитъ именно къ Гетману Сагайдачному; а въ Дорошенкѣ видитъ не Гетмана Петра, а дѣда его Михайла, бывшаго Гетманомъ въ 1625 году. Предлагая эту пѣсню, Срезневскій говоритъ (З. С. Ч. 10. III. стр. 106): »Отрывокъ изъ пѣсни о подвигахъ Сагайдачнаго можетъ отчасти показать мнѣніе Казаковъ и отношеніе, въ какомъ онъ находился къ нимъ.« —

Какое же мнѣніе Казаковъ о Сагайдачномъ, и какое его отношеніе къ нимъ показываетъ эта пѣсня — пол-

Digitized by Google

ная, а не отрывокъ?.... Такое толкованіе этой пѣсни показываетъ, что Срезневскій вообразилъ себѣ Гетмана Сагайдачнаго самымъ отчаяннымъ Запорожцемъ, на подобіе Гетмана Карпа Полторакожуха, похороненнаго Казаками въ горѣлочной бочкѣ. Но и тотъ *стромаха* искалъ въ винѣ веселаго забытья съ тоски отъ неудачи семейной, и ласкаясь къ чернобровой шинкаркѣ, говорилъ:

„Ой е въ мене жóнка и дѣточокъ двое,
Да не пригортаются, серденько мое. —

Судя по тому, *за что* и *какъ* народная пѣсня славитъ „Наливайка — шановного Пана“ и другихъ своихъ героевъ, менѣе значительныхъ, — можно утвердительно сказать, что она не такъ бы изобразила и не тѣмъ бы помянула величаваго Гетмана, оплаканнаго плачемъ Запорожскаго войска и всѣхъ Православныхъ.«

Срезневскій, упомянувъ, что я эту пѣсню отношу къ спутнику Гетмана Дорошенка, Грицку Сагайдачному, возражаетъ такъ: »можетъ быть и правда; но доказательства? И почему же о спутникѣ Дорошенка народъ, сколько мнѣ извѣстно, не знаетъ ничего, какъ между тѣмъ Гетманъ Сагайдачный упоминается и въ сказкахъ, хотя и жилъ прежде Дорошенка? Помня Дорошенка, народъ, конечно помнилъ бы и его спутника, если сложилъ о немъ пѣсню.«

На это я замѣчу, что въ то время, когда сложена была пѣсня объ удаломъ Дорошенковомъ спутникѣ, онъ безсомнѣнія извѣстенъ былъ въ народѣ. — Но теперь народъ поминаетъ въ пѣснѣ его имя, самъ не зная, кому оно принадлежало; да и про Дорошенка онъ едва помнитъ и знаетъ только, что это былъ славный Гетманъ; а почему онъ такъ славенъ и почему сильнѣе многихъ другихъ Гетмановъ запечатлѣлся въ народной памяти, того не объясняютъ и наши Историки Если Срезневскій не знаетъ о Грицкѣ Сагайдачномъ, Дорошенковомъ спутникѣ, и хочетъ доказательствъ, что пѣсня относится къ нему, то доказательства

Digitized by Google

находятся въ самой пѣснѣ. На одно изъ нихъ я уже указалъ: не такъ бы отозвалась она о знаменитомъ Гетманѣ! Далѣе: въ пѣснѣ представлено, что впереди Дорошенко ведетъ свое войско Запорожское; по срединѣ Панъ Хорунжій; а за ними — Сагайдачный. Очевидно, что *свое Запорожское войско* могъ вести только Гетманъ, или вождь Запорожскаго войска, слѣдственно въ пѣснѣ представленъ Гетманъ Петръ Дорошенко, а не дѣдъ его. — Такимъ образомъ и Сагайдачный, шедшій назади Дорошенкаго войска, былъ современникъ Петра Дорошенка; это могъ быть внукъ и даже правнукъ Гетмана, а не самъ онъ. — Срезневскій ссылается на одну пѣсню, гдѣ порядокъ Казацкаго войска такъ представленъ: впереди Реэстровые, за ними Хорунжіе, а позади Куренные. Чтожь изъ этого? Грицко Сагайдачный вѣроятно и былъ Куреннымъ Атаманомъ въ то время, когда, идучи за Дорошенкомъ съ своими куренными молодцами, говорилъ:

„Менѣ съ жóнкою не возиться,
А тютюнъ да люлька
Козаку въ дорозѣ
Знадобиться!“

Но у Срезневскаго выходитъ обратный порядокъ. Гетманъ, идущій передъ своимъ войскомъ, является въ званіи Бунчужнаго, которое, по мнѣнію Срезневскаго, могло принадлежать тогда Михаилу Дорошенку; а воображаемый Гетманъ Сагайдачный является въ заднихъ рядахъ войска, въ вагатѣ Сѣчевыхъ удальцовъ. Но если войсковой порядокъ объясняетъ уже изъ пѣсенъ, то въ нихъ Гетманъ или Военачальникъ, представляется всегда впереди своего войска, какъ въ этой пѣснѣ представленъ Гетманъ Петръ Дорошенко.

Для убѣжденія въ томъ можно взглянуть на пѣсни — о Сулимѣ (1633), о походѣ Богдана Хмельницкаго въ Молдавію (1649), объ Иванѣ Коновченко (1684), о Сотникѣ Харькѣ (1766).

Digitized by Google

1) Сборъ Сулимы въ походъ на Поляковъ 1633 г. представленъ такъ:

„Отъ и выйшли Гайдамаки, хочъ тысячай двѣсти,
Да багацько да за ними зведется корысти.

Попереду Панъ Сулима, отáманъ Кошóвый —
Чогожъ жаху завдавали, его вóнъ чорнобровый!“

Дѣло естественное; но для доказательства, приведу слѣдующіе примѣры: 2) начало думы о походѣ на Поляковъ въ 1637 году: (Укр. П. Ч. I. стр. 27).

„Ой пóшли Козаки на чотыри поля,
Счо на чотыри поля, а на пяте на подолье.
Счо однимъ полемъ, шо пóшовъ Сашко Мушкетъ;
А за паномъ Хорунжимъ мало-мало не три тысячи, —
Усе хоробрыи шовариши Запорозьци —
На коникахъ выграваютъ, шабельками блискаютъ, у бубны ударяютъ,
Богови молитвы посылаютъ, хресты покладаютъ.

Такимъ же образомъ представленъ и Хмельницкій въ походѣ на Молдавію 1649 г.

„Изъ низу Днѣпра тихій вѣперъ вѣе повѣвае,
Вóйсько Хмельницкого въ походъ выступае:

Тóльки Богъ Святый знае,
Счо Хмельницькій думае — гадае! . . .
Яко до Днѣстра прибували,

Черезъ три перевозы переправу мали:
Самъ Хмельницкій напередѣ всѣхъ рушавъ.

Вотъ отрывокъ изъ думы объ удаломъ Иванѣ Коновченкѣ (1684 г.):

„Перва сотня наступае,
Вдова сына не видае.
Друга сотня вступа, самъ Хорунжій попереду иде.

Digitized by Google

Наконецъ приведу начало пѣсни о Сотникѣ *Харькѣ*, относящейся къ 1766 году.

„Ѣхавъ Сотникъ чрезъ Уленикъ, горѣлки напився:
За нимъ, за нимъ сѣмосшъ молодцовъ: — стой, батьку! не журися!“ —

Срезневскій говоритъ, что ничего не узналъ въ народѣ о Грицкѣ Сагайдачномъ. Но объ немъ и справляться надо было въ письменныхъ памятникахъ, а не у современнаго намъ народа, который ничего не помнитъ о лицахъ гораздо важнѣйшихъ. Если же нужны историческія доказательства, что въ Гетманспво Дорошенка (дѣйствовавшаго съ 1665 по 1676 годъ) былъ Сагайдачный на Запорожьи и вѣроятно въ званіи Куреннаго Атамана, то я утвердительно повторю, что это именно былъ *Григорій Сагайдачный* который въ 1687 году, будучи уже Кошевымъ Атаманомъ, предпринималъ возстаніе противъ новопоставленнаго Гетмана Мазепы, взявъ сторону выбраннаго Казаками въ Немировѣ Гетмана Мигулы или Могилы (14), и который получилъ Царскую Грамоту отъ 14 Іюня 1688 г., отысканную въ Ж. М. Н. П. 1840 года кн. 4. Былъ-ли этотъ Сагайдачный потомокъ Гетмана Петра, не знаю. — Объ его родѣ нашелъ я слѣдующую современную ему *Опись* въ помянникѣ Антоніевой пещеры (на листѣ 182): »Родъ Григорія Сагайдачнаго Атамана Запорозскаго Коповаго. Помяни Господи Іеремію, Василиссу, Іоанна, Іуліанію, Григорія.« Но имена Іереміи, Іоанна не связываютъ сего рода съ выше приведеннымъ родомъ Петра Сагайдачнаго.

Срезневскій, оказалъ значительную услугу собраньемъ многихъ народныхъ пѣсенъ; но отъ современнаго намъ народа напрасно онъ добивается историческихъ истолкованій о лицахъ и событіяхъ, упоминаемыхъ въ пѣсняхъ и преданіяхъ. Народная память хранитъ эти

(14) См. Ист. М. Р. Бантышъ-Каменскаго изд. 1. Ч. III. стр. 10. — Изд. 2. Ч. III. стр. 9.

Digitized by Google

пѣсни и преданія, какъ старая хартія, не понимающая, что на ней написано. Слишкомъ много полагается Срезневскій на бандуристовъ и стариковъ, которые, по его мнѣнію, хорошо знаютъ старину, но которыхъ разсказы про старину въ самомъ дѣлѣ такъ состарѣлись, что выжили изъ смысла исторической истины и часто походятъ уже на дѣтскій лепетъ (*).

М. Максимовичъ.

Кіевъ.
1841 г.

(*) Для оправданія словъ моихъ приведу слѣдующее мѣсто изъ Запорожеской старины (част. 2. отд. 2 стр. 122). »Не разъ мнѣ доставалось — говоритъ Срезневскій — слушать бандуристовъ и стариковъ, знающихъ старину, что у Богдана Хмельницкаго было *три сына* — Тимофей, или какъ они называли Тимошъ, Юрій, или Юрусь и *Иванъ* или *Ивашко*. Они прибавляли, что Юрій и Иванъ пережели отца, и по смерти его оба желали быть Гетманами. Это повело дѣло къ междоусобной войнѣ, которая продолжалась до тѣхъ поръ, пока Иванъ былъ убитъ. — Въ лѣтописяхъ (по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя мнѣ извѣстны) ничего объ этомъ нѣтъ; нѣтъ и въ дипломатическихъ актахъ, доселѣ изданныхъ. — Но откуда же зашло это въ память бандуристовъ и стариковъ? Вѣрно не изъ воображенія. Во всякомъ случаѣ на этотъ пунктъ стоитъ обратить вниманіе. Я надѣялся найти этому объясненіе въ народной думѣ о подвигахъ Юрія, до утвержденія его въ Гетманскомъ достоинствѣ, — она должна кажется упоминать и объ этомъ; но эта дума осталось мнѣ извѣстною только въ отрывкахъ, самыхъ незначительныхъ.« — Въ старинныхъ поминаніяхъ Рода Хмельницкаго, между именами *Тимофея* и *Григорія* (т. е. Юрія) — есть имя *Ивана*, который могъ быть сыномъ Богдана. Но тотъ *Ивашко Хмельницкій*, про котораго разсказывали Срезневскому бандуристы, никто другой, какъ *Иванъ Выговскій*, воображеніемъ старческимъ усыновленный — Богдану: дѣло слишкомъ ясное и безъ дальнѣйшихъ разысканій!!

Digitized by Google

О ВОСПИТАНІИ

. . . . . .

....Какъ на родимой почвѣ растеніе скорѣе достигаетъ перваго своего развитія, роскошнѣе цвѣтетъ и благоухаетъ подъ роднымъ небомъ, и приноситъ болѣе зрѣлый и вкусный плодъ въ родномъ климатѣ, — такъ для младенца — грудь матери, для отрока — свое семейство, и для цвѣтущаго юноши — отечество представляютъ естественныя средства къ тѣлесному и духовному образованію. Не всѣ дѣти могутъ однако наслаждаться этимъ завиднымъ счастіемъ. Сироты, незнакомые съ блаженствомъ родительской любви; дѣти родителей, лишенныхъ средствъ дать имъ должное воспитаніе, и наконецъ тѣ семейства, главы которыхъ, усердно служа для общества, ему посвѣщая заботливость, нужную для дѣлъ домашнихъ, имѣютъ право отъ общества ожидать пособія, и благоустроенныя Государства эти пособія щедро оказываютъ. Въ нихъ, такъ называемое общественное воспитаніе, вполнѣ замѣняетъ родительскую попечительность. Въ нихъ семейныя отношенія не прекращаются, но принимаютъ болѣе пространное развитіе. Товарищи дѣлаются старшими или меньшими братьями; въ ближайшихъ и постоянныхъ смотрителяхъ, дѣти общественныхъ заведеній видятъ неусыпную нѣжность матери; въ главномъ начальникѣ, заботящемся о всѣхъ многосторонихъ нуждахъ заведенія, они находятъ промыслительность родителя; а господствующія между всѣми членами этого искусственнаго семейства любовь, міръ, согласіе и единодушіе — довершаютъ его сходство съ кровными связями. Чѣмъ ближе воспитательныя заведенія отвѣчаютъ этому назначенію, тѣмъ вѣрнѣе достигаютъ своей цѣли. Словомъ, при всемъ тщательномъ изложеніи обязанностей педагоговъ, можно привести ихъ къ одному главному закону: они должны воспитывать дѣтей, имъ порученныхъ, съ тою любовью и вѣрностью, какія свойственны чадолюбивымъ и просвѣщеннымъ родителямъ.

Digitized by Google

И такъ, не видя существеннаго различія между общественнымъ и домашнимъ воспитаніемъ, когда то и другое совершается съ благословеніемъ Божіимъ; не входя въ особенныя выгоды и злоупотребленія, вкрадывающіяся и въ семейства и въ школы, обратимся къ нашему главному предмету: какимъ образомъ должно пользоваться естественными мѣрами въ воспитаніи. — Не подумайте, чтобы, въ утвержденіе этой истины, я избралъ себѣ руководителемъ Женевскаго философа. Будучи въ борьбѣ съ порядкомъ вещей, его окружавшимъ, Руссо написалъ много хорошихъ наставленій для воспитателей, но писалъ ихъ для какого-то новаго поколѣнія, которое бы чудесною силою вдругъ отдѣлилось отъ своихъ предковъ, вдругъ основало новое общество, вдругъ сдѣлалось твердо въ добродѣтели, чуждо страстей и пороковъ. На вопросъ, предложенный Солону, лучшіе ли законы онъ написалъ Аѳинянамъ, мудрецъ отвѣчалъ: »да, это лучшіе изъ всѣхъ, которые годятся для Аѳинянъ.« Въ нравственномъ усовершенствованіи человѣческихъ обществъ, должно выходить изъ тѣхъ началъ, въ какихъ живутъ люди, и которыя служатъ руководствомъ для ихъ дѣятельности. Сколь ужасныя бѣдствія постигаютъ народъ, когда онъ потрясаетъ столпы общественнаго зданія, дабы возводить новый храмъ, существующій въ мечтательномъ планѣ. Извиняя заблужденія Руссо, отдадимъ справедливость его уму и добродѣтелямъ. Въ настоящемъ случаѣ, я желалъ бы подражать искусству пчелы, собирающей свои соты съ разнообразнѣйшихъ цвѣтовъ, но умѣющей обратить собранный матеріалъ въ вещество, собственно ей принадлежащее.

Науку воспитанія дѣлятъ на двѣ главныя части: на *Педагогику*, занимающуюся воспитаніемъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ; и на *Дидактику*, или науку о образованіи душевныхъ способностей. По выраженію Платона, приведенному Плутархомъ, нельзя раздѣлять эти двѣ части воспитанія. Душу и тѣло человѣка должно развивать вмѣстѣ, рядомъ вести ихъ, какъ пару коней, запряженныхъ въ одно дышло. Очень простое, но вѣр-

Digitized by Google

ное сравненіе! Всѣ, наблюдавшіе не только первые годы, но даже первые дни младенчества, подтвердятъ, что и этотъ краткій періодъ жизни оставляетъ свои нравственныя привычки, и т. об. внутренняя, духовная свобода человѣка начинаетъ ограничиваться внѣшнею, чувственною необходимостью. Но какъ нельзя оспоривать, что въ развитіи тѣлесномъ должно слѣдовать указанію природы и по большой части предоставлять это ея самодѣйствію; такъ должно согласиться, что и моральныя наши способности имѣютъ свою сферу, управляемую духовными законами, поддерживающими строгую гармонію въ этомъ маломъ мірѣ, который мы называемъ человѣкомъ.

Безчисленные примѣры подтверждаютъ, что свободная, не стѣсняемая искусственностію сила этихъ законовъ благодѣтельна для человѣчества. Останавливаясь на двухъ извѣстнѣйшихъ народахъ древности, нѣкогда сильныхъ и славныхъ, а потомъ изнемогающихъ и переродившихся, мы можемъ теперь безпристрастно изслѣдовать, что̀ способствовало величію Грековъ и Римлянъ, и что̀ ускорило ихъ паденіе. Въ томъ и другомъ воспитаніе юношества имѣло великое участіе. Такъ Ликургъ считалъ его важнѣйшимъ предметомъ въ своемъ законодательномъ кодексѣ. И если онъ самимъ матерямъ предписалъ правила строгой, трудолюбивой и воздержной жизни; если гражданамъ Спарты старался внушить уваженіе къ семейнымъ обязанностямъ и удаленіе отъ безбрачнаго состоянія; если старѣйшинъ каждаго племени обязывалъ заботиться о воспитаніи младенцевъ, отроковъ упражнялъ въ перенесеніи тѣлесныхъ трудовъ и страданій, и въ твердости духа; если вниманіе ихъ совѣтовалъ поощрять благоразумными вопросами въ обществахъ, хвалилъ непринужденные и прямые отвѣты дѣтей, охуждалъ нерѣшимость и медленность; если строго смотрѣлъ за самими учителями и повѣрялъ ихъ дѣйствія, осторожно допускалъ сношенія съ иноплеменниками; вводя дѣтей въ кругъ зрѣлыхъ гражданъ, давалъ чрезъ-то однимъ уроки практической мудрости, а другихъ обязывалъ вести разсудительную бесѣду, —

Digitized by Google

то конечно не эти правила воспитанія поколебали твердость Греціи. А между тѣмъ, существенное ихъ содержаніе и достоинство нельзя иначе опредѣлить, какъ совершенною *сообразностью съ природою.* Они были высказываемы не въ видѣ наставленій, но въ видѣ живаго примѣра. Впечатлѣніе, ими производимое, было не внѣшнее, поверхностное и скоро преходящее; но внутреннее, глубокое и продолжительное. Оно оставило сѣмя въ сердцѣ юноши, которое съ его возрастомъ развивалось, укоренялось. Не одни воспитательныя заведенія и школы, но цѣлое государство воспитало героевъ Марѳонскаго поля и Термопильскихъ тѣснинъ; тамъ возросли герои, которые вмѣсто всѣхъ вещественныхъ наградъ за подвиги, довольствовались побѣднымъ трофеемъ при жизни, и надписью на гробницѣ послѣ смерти!.... Квинтиліанъ, живший въ эпоху упадка нравовъ и доблестей Римскихъ, отъ простыхъ и естественныхъ средствъ въ воспитаніи прибѣгаетъ къ искусственнымъ. Онъ хочетъ, напр., чтобы ученье было дѣломъ шуточнымъ, чтобы поощреніе, похвалы, даже самая зависть питали въ дѣтяхъ охоту къ урокамъ. »Lusus hic sit, et rogetur, et laudetur, et nunquam non scisse gaudeat, aliquando, ipso nolente, doceatur alius, cui invideat.« (Instit. I, 1 — 1, 20).

Это не удивительно: недужные не въ силахъ питаться крѣпкою пищею; а о болѣзненномъ состояніи позднихъ Римлянъ такъ свидѣтельствуетъ Титъ Ливій: Hanc modestiam aequitatemque et altitudinem animi, ubi nunc in uno inveneris, quae tum populi universi fuit.

Часто твердить о трудолюбіи, воздержаніи, обязанностяхъ къ Богу и ближнимъ не есть еще вѣрное средство поселить эти добродѣтели въ сердцѣ дѣтей. Если бы этого было достаточно, давно золотый вѣкъ возвратился бы на землю. И безъ особенной помощи наставниковъ, дѣти часто слышатъ имена добродѣтелей; но къ не счастію еще чаще видятъ, что онѣ рѣдко исполняются; и — не по незнанію — сами впадаютъ въ пороки. Присоедините къ правилу живой примѣръ, или чувственный его образъ, и вы подѣйствуете не только

Digitized by Google

на умъ, но и на волю вашего питомца (*). — Ефоры, что бы показать дѣтямъ гнусность пьянства, употребляли мѣру, извиняемую погдашними правами: они приводили дѣтей къ пьянымъ Илотамъ, которые въ этомъ состояніи предавались неистовству и представляли самое отвратительное зрѣлище. Если дѣтскій возрастъ можно сравнить съ младенчествомъ народа, то и слѣдующіе примѣры не чужды нашего предмета. — Ганнибалъ, желая показать Карѳагенцамъ необходимость сражаться до послѣдней крайности противъ Римлянъ, привелъ предъ нихъ связанныхъ и изувѣченныхъ Галльскихъ плѣнниковъ, и предложилъ снятіе оковъ, полное вооруженіе и коня тѣмъ изъ нихъ, которые хотѣли бы вступить между собою въ единоборство. Карѳагенцамъ же, свидѣтелямъ ихъ готовности къ бою и неустрашимости во время сраженія, Ганнибалъ сказалъ, что судьба связала ихъ еще болѣе крѣпкими узами; что они со всѣхъ сторонъ окружены непріятелями и моремъ — и нѣтъ ни одного корабля для возвращенія во отечество. — Катонъ Censor долго и краснорѣчиво говорилъ въ Римскомъ Сенатѣ о необходимости разрушить Карѳагенъ; но въ заключеніи нашелъ же нужнымъ прибѣгнуть къ примѣру. Онъ бросилъ предъ Сенаторами нѣсколько Ливійскихъ смоквъ, принесенныхъ имъ въ полѣ своей тоги, и какъ присутствующіе изумились ихъ величинѣ и прекрасному виду, то Катонъ прибавилъ: »земля, приносящая столь вкусные плоды, только въ трехдневномъ разстояніи отъ Рима.«

Разсказываютъ, что и нашъ Суворовъ, видя малодушіе нѣкоторыхъ солдатъ, роптавшихъ на трудные

(*) Горацій такъ въ однихъ изъ своихъ сатиръ говоритъ о своемъ воспитаніи:

Insuevit pater optimus hoc me
Ut fugerem, exemplis, vitiorum quaequae notanda.
Cum me hortarentur parce, frugaliter atque
Viverem uti contentus quod me ipse parasset.
»Nonne vides Albi ut male vivat filius atque
Burus inops? Magnum documentum, ne patriam rem
Perdere quis velit.

Digitized by Google

и утомительные переходы, остановилъ ихъ, приказалъ выкопать могилу и въ ней зарыть его, если они откажутся отъ повиновенія. Раскаяніе, громкое ура и готовность на всѣ опасности были отвѣтомъ счастливому сопернику Ганнибала.

Можно ли предположить дитя столько упорнымъ и закоснѣлымъ, чтобы оно устояло въ порокѣ противъ всѣхъ средствъ, какими владѣетъ умъ и опытность, наиболѣе любовь и благочестіе бдительнаго наставника, вооруженнаго родительскою властію? Ребенокъ смѣлъ и дерзокъ — станемъ упражнять его смѣлость и отвагу въ перенесеніи своего рода трудовъ и опасностей, дадимъ работу его тѣлеснымъ силамъ. Онъ разсѣянъ — это не бѣда: предложимъ ему самые разнообразные и живые предметы, способные возбудить его наблюдательность; онъ забывчивъ и лѣнивъ—чаще будемъ твердить важнѣйшее и безъ педантства пожертвуемъ менѣе нужными подробностями. Ребенокъ тупъ: но сколько есть искусственныхъ и художественныхъ занятій, доступныхъ для самаго ограниченнаго воображенія? Онъ упрямъ и сердитъ — но, если можно, съ упорствомъ станемъ обращать его ненависть на все порочное, а твердость — на дѣла добрыя. Словомъ: силу и слабость, похвальныя и дурныя свойства, все въ дѣтяхъ должно изучать воспитателю, и, по возможности, все разработывать, всему давать доброе направленіе. Уровень строгости и бездушнаго, однообразнаго порядка выгоденъ для спокойствія безпечнаго Педагога, но пагубенъ для его питомцевъ. Если нѣкоторые воспитатели отказываются отъ дѣтей, считая ихъ неисправимыми, это должно отнести къ небрежному началу воспитанія, или къ недостаточнымъ онаго средствамъ.... но отнюдь не дерзнемъ обвинять Премудраго и Милосердаго Бога въ произведеніи на свѣтъ злодѣя. Какъ часто нынѣшній шалунъ и негодный ученикъ въ школѣ—завтра же дѣлается порядочнымъ человѣкомъ въ обществѣ, усернымъ подчиненнымъ на службѣ. Не обнаруживаетъ ли это, что часто учители не узнаютъ, или не могутъ ра-

Digitized by Google

познаешь добрыя свойства, скрышыя подъ тяжелою корою.

Изученіе природы и характера питомцевъ предхраняетъ наставника и отъ другаго противоположнаго заблужденія, по которому многіе уподобляютъ дѣтскій возрастъ мягкому воску, способному принимать всѣ впечатлѣнія. Не въ томъ состоитъ призваніе Педагога, чтобы, по предположенному образцу, давать дѣтямъ условленную нравственную физіономію, имъ несвойственную. Отъ такого съ ними обращенія, добродѣтели и знанія, ими пріобрѣтаемыя въ юномъ возрастѣ, подобны бываютъ восковымъ крыльямъ Икара. Когда наступитъ пора свободной дѣятельности, и неопытный дерзнетъ подняться надъ дѣтскою сферой, тогда онъ неминуемо гибнетъ. Повторимъ извѣстную истину, что дѣти родятся не для наставниковъ, и даже не для родителей. Они призваны къ великой цѣли, въ нихъ самихъ заключающейся, и этотъ Фаросъ да служитъ указаніемъ вѣрному воспитателю, не покидающему веселъ своей ладьи, предвидящему и предотвращающему всѣ опасности!

Тѣлесная крѣпость, изощренное вниманіе, добрая воля — вотъ неоцѣненныя свойства въ дѣтяхъ, начинающихъ, или уже начавшихъ учиться; ибо непримѣтно добрый воспитатель обогащаетъ своего питомца разными полезными свѣдѣніями.

Съ чего начать собственное образованіе? Единство науки уничтожаетъ это затрудненіе, когда наставникъ, хорошо знающій свойства и способности дѣтей, слѣдуетъ болѣе естественному методу. Предметы не изъ учебныхъ книгъ перешли въ природу, теорія, мысли и чувства яснѣе развиваются въ нашемъ духѣ, нежели въ Логикѣ и Психологіи, и хотя въ учебныхъ системахъ всѣ эти понятія являются расположенными въ строжайшемъ порядкѣ и послѣдовательности, но первоначальное образованіе не можетъ ограничиться учебными книгами. На вопросъ, какою наукою, или искусствомъ занимался Пиѳагоръ, онъ остроумно отвѣчалъ, что не

Digitized by Google

знаетъ никакой науки и никакого искуства, но что онъ Философъ. Діогенъ еще очевиднѣе высказалъ эту мысль Гегезію, просившему у него книгъ для чтенія: „Ты смѣшенъ, Гегезій, возразилъ онъ; ты выбираешь плоды естественные и настоящіе, а не рисованные, почему же не ищешь дѣйствительныхъ, истинныхъ наставленій, а хочешь письменныхъ.“ Пусть умственное знаніе, подобно тѣлесному развитію нашему, будетъ внутреннее, а не внѣшній аггрегатъ, не дѣйствующій на организмъ нашего духа. Выучиваніе наизусть дѣлаетъ насъ хранителями чужаго сокровища; но дѣйствительное знаніе есть прямая наша собственность, которою мы располагаемъ безъ спросу учителя, не заглядывая въ книгу.

Хорошо — и этому научаетъ насъ сама природа — начинать ученіе съ языка, или съ языковъ. Младенецъ очень рано называетъ предметы и лица, его окружающіе. По мѣрѣ того, какъ его выраженіе совершенствуется, онъ проявляетъ сферу своихъ свѣдѣній. Но языку нельзя учиться, не учась содержанію разговора; ибо безъ мысли и предмета нельзя себѣ предположить бесѣды, точно такъ же, какъ, безъ черченія какихъ нибудь фигуръ, не возможны уроки рисованья — а потому необходимо нужно соединять съ словеснымъ *реальное* образованіе. У языкоучителей, имѣющихъ запасъ основательныхъ свѣдѣній въ наукахъ и искусствахъ, ученики лучше успѣваютъ. Не считаю нужнымъ распространяться о важности этого предмета, и боюсь повторить старые возгласы, коснувшись языка древнихъ. Между тѣмъ всякой согласится, что если бы родители въ домашнемъ воспитаніи столько же дѣлали пожертвованія для древнихъ языковъ, сколько для новыхъ, то безъ сомнѣнія значительно облегчили бы для дѣтей не только языкознаніе вообще, но и весь трудъ ученія. На первый разъ встрѣтится недостатокъ въ опытныхъ наставникахъ, владѣющихъ языкомъ Латинскимъ, и въ особенности Греческимъ; но гдѣ раждается потребность, тамъ непременно являются и ея исполнители. — Было время, когда языкъ Латинскій господствовалъ на цер-

Digitized by Google

ковной каѳедрѣ и въ дипломатическихъ кабинетахъ не менѣе, чѣмъ въ ученыхъ, когда въ обществѣ любезныхъ женщинъ имъ выражалось ихъ нѣжное чувство и остроуміе. Но разныя обстоятельства помѣшали Европѣ идти избранною дорогою; она пошла по другой: и Исторія еще не рѣшила, которую изъ нихъ должно назвать *аберраціей*. Со многими изъ насъ случилось то же. Мы начинали учиться Латинскому языку въ ребячествѣ, дѣлали въ немъ успѣхи; но разставаясь съ школою, бросали свои прежнія занятія, не приспособленныя нашими наставниками ни къ какому употребленію. Это не мѣшаетъ однако многимъ изъ насъ съ сожалѣніемъ вспоминать о неопытности юнаго возраста и безпристрастно сознаваться, что постоянное занятіе не только однимъ, но и обоими классическими языками, принесло бы намъ, въ лѣтахъ мужества и старости, пользу и утѣшеніе. Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ-либо должно винить неестественный методъ преподаванія. Упомяну объ одномъ главномъ его недостаткѣ. Древнимъ языкомъ начинаютъ учить прямо съ Граммашики, и употребя на нее покрайнѣй мѣрѣ нѣсколько лѣтъ, приступаютъ къ медленному практическому приложенію. Можно ли, со всею способностію къ языку, не потерять терпѣнія отъ такого тяжелаго метода, и удивительно ли, что учащіеся, за несправедливость наставниковъ, мстятъ ихъ урокамъ — забвеніемъ.

Само собою разумѣется, что въ наукахъ Историческихъ, къ коимъ относится изученіе всѣхъ чувственныхъ явленій въ природѣ и человѣкѣ, приложеніе есть важнѣйшая часть въ начальномъ образованіи, и что безъ предмета, вѣрнаго рисунка, модели, машины, здѣсь не льзя сдѣлать вѣрнаго шагу. Историческое ученіе, кромѣ обогащенія фактами, изощряетъ умственную наблюдательность. Но какое наблюденіе можетъ сильнѣе дѣйствовать на душу, какая картина можетъ настроить ее къ болѣе сладкимъ ощущеніямъ, какъ не картина природы, являющей непостижимую твердость Творца своего! Примѣнялись къ ея законамъ,

Digitized by Google

сколько полезныхъ занятій пріобрѣтаетъ грубый земледѣлецъ, если хотя мало онъ способенъ разсуждать, или слушать чужія, полезныя разсужденія. Ужели для дѣтскихъ уроковъ не существуетъ временъ года! Ужели стѣны школы должны ограничивать горизонтъ ихъ! Ужели наблюденіе восходящаго солнца, знойнаго полудня, дневнаго заката, грозы, бури не назидательны, а удобнѣе заучиваются изъ книги, разительнѣе дѣйствуютъ на дѣтей въ листочкахъ космографіи!.. Если и въ зрѣлыхъ лѣтахъ, путешествіе, какъ у насъ вообще принято, довершаетъ ученость Профессора, то зачѣмъ отказываютъ учители своимъ юнымъ питомцамъ въ путешествіяхъ по замѣчательнымъ окрестностямъ! Трудность состоитъ въ распредѣленіи такихъ упражненій, не только въ школѣ, но даже въ частномъ семействѣ. Но за чѣмъ же бояться трудностей? Страшнѣе ихъ недостатокъ въ полезныхъ знаніяхъ, холодность и равнодушіе ко всему высокому и прекрасному въ природѣ и искусствѣ, къ благородству въ житейскихъ связяхъ, и слѣдующее за тѣмъ господство необузданности и героизма, непримѣтно вкрадывающееся въ сердца дѣтей, губительно свирѣпствующее въ лѣта мужества. Дѣти по нѣскольку часовъ ежедневно бываютъ въ своемъ обществѣ: что можетъ быть этого лучше; когда ихъ разговоры будутъ состоять не въ шопотѣ, скрытомъ отъ надзирателя, но въ громкой бесѣдѣ о назидательныхъ предметахъ; когда на каждомъ шагу будутъ они видѣть, что наука есть для нихъ не только приготовленіе, но начало лучшей жизни; что она тѣсно связана съ религіею и добродѣтелью; что учиться значитъ постигать величіе, благость и правосудіе Бога, что невѣжество влечетъ человѣка ко всѣмъ преступленіямъ, что оно само, будучи произвольнымъ, уже есть тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и людьми; ибо заграждаетъ средства быть полезными себѣ и ближнимъ, и дѣлаетъ насъ въ высшей жизни несправедливыми, а отъ сего, по выраженію мудраго Священнаго, должно бѣжать »какъ отъ пропасти, какъ отъ двери ада!....«

Digitized by Google

Предположивши напротивъ, что дѣти вполнѣ воспользовались всѣми практическими уроками о предметахъ, къ нимъ близкихъ, сколько знаній пріобрѣтутъ они, сами того не подозрѣвая. Для совершенства ихъ конечно будетъ недоставать еще системы, но при богатствѣ матеріаловъ, можно построить зданіе. За то, съ какимъ пріятнымъ изумленіемъ увидятъ они, что для знакомства съ нѣкоторыми науками, имъ недоставало только ученой терминологіи. Таковы сверхъ нѣкоторыхъ реальныхъ знаній начала Психологіи, Логики, Граммашики и Риторики. Въ самомъ дѣлѣ, наши душевныя способности, образованіе формъ мышленія, различіе методовъ, формы выраженія, тропы, фигуры, и прочее, такъ много зашверженное изъ обыкновенныхъ разговоровъ, ужели можетъ быть камнемъ преткновенія въ наукѣ?.... Пусть не пугаются дѣти и самой громкой Философіи, пусть узнаютъ, что, по выраженію Платона, истинная Философія состоитъ въ твердости духа, правотѣ и чистосердечіи, и что всякое знаніе, иную цѣль предполагающее, ничтожно.

Вспомнимъ, какъ училъ Сократъ; какими простыми вопросами онъ доводилъ слушателей до открытія глубокихъ истинъ, а совопрошавшихъ его Софистовъ уличалъ въ невѣжествѣ. Вспомнимъ наконецъ, что независимо отъ всякихъ системъ въ народѣ, составляющемъ огромнѣйшую часть Государственнаго тѣла, есть, такъ сказать, ходячая Философія, которая заключается въ его пословицахъ и сохраняетъ вѣковую опытную мудрость нашихъ предковъ, сильно, остроумно выраженную. *Премудрость*, по выраженію Богомудраго, *во исходѣхъ поется, въ стогнахъ же дерзновеніе водитъ.* 1, 20.

Указывая преимущественно на одинъ изустный методъ ученія, я не думаю осуждать богатый способъ къ просвѣщенію, который намъ доставляетъ книгопечатаніе. Впрочемъ, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, оно, какъ сильный движитель современной образованности, досталось человѣчеству не въ эпоху его

Digitized by Google

юности. Не есть ли это знаменіе, чтобы и мы съ осторожностію давали въ руки нашихъ питомцевъ многогранное остріе науки?... И съ этимъ только условіемъ упражненіе дѣтей чтеніемъ облегчаетъ трудъ воспитателя. Общее мнѣніе то, что надлежитъ начинать его съ книгъ самаго легкаго содержанія: съ азбуки, до исторіи и нравоученія, мы встрѣчаемъ тысячи изданій, съ которыхъ добрые наставники берутъ на себя трудъ говорить съ дѣтьми, поддѣлываясь къ ихъ тону, расточая имъ милые эпитеты. Но, къ сожалѣнію, въ самыхъ этихъ книжкахъ проглядываетъ поддѣльное чувство, и отъ того онѣ не достигаютъ своей цѣли. Хотимъ ли сообщить дѣтямъ нужнѣйшія для нихъ истины, начнемъ съ важнѣйшихъ, ибо онѣ суть самыя простыя. Хотимъ ли сдѣлать ихъ пріятными для маленькихъ читателей, станемъ писать о нихъ съ достоинствомъ — и языкъ сердца будетъ краснорѣчивъ и убѣдителенъ. Въ наше время частію оставлено старинное обыкновеніе начинать чтеніе съ книгъ Священныхъ. Но чѣмъ же замѣнили мы ихъ для дѣтей, предоставя изученіе предметовъ и языка, съ коими онѣ насъ знакомятъ, позднѣйшимъ годамъ? Скажутъ, напр., что Псалтирь написана непонятнымъ для дѣтей языкомъ; но читаютъ же дѣти Французскихъ и Нѣмецкихъ писателей, и находятъ средства объяснить имъ языки вовсе чужіе. Если съ 10 или 12 лѣтъ должно знакомить ихъ съ языкомъ Славянскимъ, по важности онаго въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ, то останавливаясь на религіозномъ, спрашиваемъ, съ какихъ лѣтъ дѣти могутъ присутствовать при общественномъ Богослуженіи? Безспорно, Священныя книги должны составлять важнѣйшее начальное чтеніе; но это не значитъ, что оно должно быть единственнымъ и исключительнымъ. Очень много свѣтскихъ писателей, которыхъ творенія назидательны. Въ строгомъ ихъ выборѣ должно сообразоваться съ дѣтскими способностями, и удовольствія не разлучать отъ пользы. Нужно ли дѣйствовать на ихъ

Digitized by Google

воображеніе — для насъ представляетъ много занимательныхъ событій героическій вѣкъ Отечественной и Всемірной Исторіи. Нужно ли имъ представить превратность человѣческаго счастія, праведное возмездіе за добродѣтели и пороки — обратимся къ той же Исторіи, или лучше откроемъ для нихъ біографіи древнихъ и новыхъ людей, — и они подѣйствуютъ сильнѣе, чѣмъ вымышленныя, часто неправдоподобныя повѣсти, какими щедро ихъ даритъ меркантильная литература. Вообще субъективное изложеніе предпочтемъ объективному. Господствующая идея *Дѣтской народной книги* должна быть высказана народнымъ или, что все равно, дѣтскимъ языкомъ, доступна и близка юному уму и сердцу. Богъ, человѣкъ и отечество — вотъ ея основные элементы. Богъ, кромѣ Откровенія, являетъ Свою мудрость въ природѣ и ея величественныхъ произведеніяхъ. Человѣкъ познается въ своихъ трудахъ и дѣйствіяхъ, въ своихъ радостяхъ и горестяхъ. Отечество, этотъ общій кровъ нашъ и твердая ограда независимости, — дѣти научаются любить въ Исторіи его Государей и народа, въ правахъ и промышленности жителей, во всѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ силахъ страны, а научась любить, они дѣлаются покорными и вѣрными его уставамъ. Наконецъ, дитя должно успѣть выражать свои мысли изустно и письменно. Какъ важно сохранить въ ихъ слововыраженіи свойственную имъ наивность и естественность, составляющую лучшее украшеніе всякой бесѣды! Какъ вредно пріучать ихъ къ искуственнымъ оборотамъ и перифразамъ! Comme aux accotrements, говоритъ Монтань, c'est pusillanimité de se vouloir marquer par quelque façon particulière et inusitée, de même au langage la recherche des phrases nouvelles et de mots peu cogneus vient d'une ambition scholastique et puerile. Но осмѣливаемся думать, что дѣти, пріученныя къ наблюдательности и разсужденію, никогда не станутъ гоняться за напыщенными фразами. Сердце,

Digitized by Google

исполненное самобытныхъ ощущеній, не увлекается пристрастною чувствительностію.

Какія слѣдствія для жизни могутъ имѣть такія правила? Главнѣйшее то, чтобы каждый членъ общества, естественными мѣрами воспитанія узнавшій свои силы и средства, *ихъ* изощрялъ, *ими* старался быть полезенъ, въ употребленіи *ихъ* находилъ свое призваніе. Отсюда вѣрнѣе достигается довольство своимъ состояніемъ, это, какъ говоритъ Аддиссонъ, каждому природное богатство; вѣрнѣе можно оградить себя отъ неумѣренныхъ желаній, этой искусственной бѣдности, по выраженію того же писателя.

Мы, какъ христіане, дѣйствительно должны всѣ усердно спѣшить къ цѣли, указуемой намъ Распорядителемъ и Царемъ нашего поприща; но не съ тѣмъ спѣшить, чтобы презирать отставшихъ, завидовать опередившимъ и думать о томъ, чтобы предвосхитить у другаго пальму. Награда для всѣхъ доступна, ибо неистощимъ источникъ сокровищъ у правосуднаго Цѣнителя. Можно собрать къ себѣ большія груды золота и одному имъ пользоваться или не пользоваться; можно построить высокій домъ и тѣмъ бросить вѣчную тѣнь на хижину бѣднаго сосѣда; можно заградить ручьи и рѣки и не допустить къ нимъ утомленнаго странника: но нельзя захватить столько духовныхъ талантовъ, чтобы другіе оскудѣли, потому что здѣсь тотъ и считаетъ себя богатымъ, кто все раздѣляетъ; тотъ и доволенъ, кѣмъ другіе довольны; тотъ и спокоенъ, кто трудится. Но если бы полезный труженикъ не желалъ награды — онъ нигдѣ не укроется отъ общей любви и признательности.

А. Зиновьевъ.

Ярославль.
29 Апрѣля.
1834 года.

Digitized by Google

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ СЛѢДСТВЕННАГО ДѢЛА О ШАКЛОВИТОМЪ И ПРОЧ.

На Ахтырскаго Полковника на Ивана *Перекрестова*, да на Дьяка на Андрея *Виніоса*, Сенька Медвѣдевъ, что былъ старецъ Селиверстко, сказалъ.

Къ Ѳедькѣ де Шакловитому онъ Сенька пріѣзживалъ, и въ полашкѣ съ нимъ тайно говаривалъ о рацѣехъ, и что печатанъ орелъ на листахъ, и подписано было наименованіе Великой Государыни Благовѣрной Царевны и великой Княжны Софіи Алексѣевны, и седмь добродѣтелей и вирши, а знаменили де тотъ листъ Украинцы, которыхъ прислалъ Ахтырской Полковникъ Иванъ Перекрестовъ, а ему де Сенькѣ Ѳедька Шакловитой велѣлъ подписать именованіе и вирши и седмь добродѣтелей, также и другіе Лапинскіе вирши на другомъ листу, переводилъ же на Славянской языкъ и иные многіе подобны тому.

Да Сентября въ 1 день нынѣшняго жъ 198 году, великій Господинъ Святѣйшій Киръ Іоакимъ Московскіи и всеа Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ Патріархъ, къ розыскному дѣлу прислалъ пять листовъ печатныхъ, про которые Сенька Медвѣдевъ въ роспросѣ сказалъ, и письма на Нѣмецкомъ языкѣ изъ живописовъ его Сенькп-

Digitized by Google

ныхъ, и тѣхъ листовъ и писемъ смотря онъ Сенька въ роспросѣ сказалъ.

Большой де листъ, на которомъ подписаны труды и тщаніе Данила и Якова Перекрестова, принесъ къ нему Сенькѣ Ѳедька Шакловитой, а сказалъ что де ему тотъ листъ, и на него въ толкованіе книгу прислалъ къ нему Ѳедькѣ Полковникъ Иванъ Перекрестовъ, и та де книга у него Сеньки осталась въ кельѣ, а принесъ де ему тотъ листъ и книгу онъ Ѳедька показать, и говорилъ ему: какая де похвала написана великой Государынѣ благовѣрной Царевнѣ, и онъ де Сенька смотря на томъ листу сказалъ: похвала де вся и честь написана великой Государынѣ большая и седмь даровъ Духа святаго.

А два листа, что написана великая Государыня благовѣрная Царевна и великая Княжна Софія Алексѣевна въ орлѣ, и подписана съ полнымъ именованіемъ, печатаны у негожъ Ѳедьки на загородномъ дворѣ, а печатали Черкасы, которые присланы съ большимъ листомъ отъ Перекреста, а къ нему де Сенькѣ онъ Ѳедька принесъ для того, чтобъ на тѣхъ листахъ подписать тишулъ полное именованіе ей великой Государынѣ, и онъ де Сенька на тѣхъ листахъ полную тишлу и вирши на добродѣтели подписалъ, и говорилъ де ему Сенькѣ онъ Ѳедька, у Цесаря де Римскаго седмь Курфирстовъ въ орлѣжъ, и вмѣсто де седми Курфирстовъ велѣлъ подписать седмь даровъ, сирѣчь добродѣтели ей великой Государынѣ.

А два де листа Нѣмецкіе печати, а подпись Латинская, принесъ онъ же Ѳедька, а подписано на нихъ такіяжъ добродѣтели, что и въ орлѣхъ, ее великіе Государыни именованіе полное, а внизу подписаны вирши на Латинскомъ языкѣ къ похвалѣ ей же великой Государынѣ, и сказалъ онъ Ѳедька про тѣ листы, тѣ де листы печатаны за моремъ его Ѳедькинымъ промысломъ, чтобъ ей великой Государынѣ по тѣмъ листамъ была слава и за моремъ въ иныхъ Государствахъ, так-

Digitized by Google

же какъ и въ Московскомъ Государствѣ по листамъ же, которые печатаны въ орлахъ на его Ѳедькинѣ дворѣ, а присланы де тѣ Нѣмецкіе листы изъ заморя чрезъ почту.

А письмо де Нѣмецкое, на которомъ назади подписано Вилимъ Горзонъ и другое письмо что написаны имена стрелецкіе, какъ объявились у него Сеньки, того онъ не вѣдаетъ, а стрѣльцы де къ нему прихаживали Спремяннаго Ефимьева Жукова, а иныхъ приказовъ, которые въ той росписи написаны къ нему не прихаживали, а знатно де то письмо объявилось отъ тѣхъ стрѣльцовъ, которые прихаживали.

А Докторъ Лаврентій смотря того Нѣмецкаго письма сказалъ: то де письмо Голандское, а что писано не вѣдаетъ, а Вилимъ Горзонъ—Голандской торговой человѣкъ. Про тѣжъ листы Приказу большіе казны бывшей Подъячій Сенька Медвѣдевъ сказалъ:

Въ прошломъ де во 197 году, въ великой постъ пріѣзжалъ къ Ѳедькѣ Шакловитому на дворъ Ахтырской Полковникъ Иванъ Перекрестъ, а съ нимъ Черкасы два человѣка, одного де называютъ Тарасьевичемъ, и тѣ де Черкасы привезли за нимъ Иваномъ на дворъ къ Ѳедькѣ Шакловитому двѣ доски мѣдные мѣрою четверти по три аршинныхъ, да описаніи тѣхъ досокъ книжекъ съ десять въ десятевыхъ тетрадкахъ, а письмо тое книжки Бѣлоруской печати, а на тѣхъ де доскахъ вырѣзано на первой въ началѣ Отецъ и Сынъ и Святый Духъ, а ниже того персоны великихъ Государей Царей и великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ и сестры ихъ великой Государыни благовѣрной Царевны и великой Княжны Софіи Алексѣевны, а ниже того персоны жъ многихъ людей, а чьи, того не подписано, а на другой де доскѣ человѣкъ на лошади, а другой съ заступомъ, и иные персоны, а на низу написано: щиціемъ Данила да Якова Ивановыхъ дѣтей Перекресповъ.

Digitized by Google

И на тѣхъ доскахъ на Москвѣ на Бѣлогородскомъ подворьѣ по велѣнью Ѳедьки Шакловитова и Ивана Перекрестова тѣ вышеписанные Черкасы Тарасьевичь съ товарищи печатали листы на атласѣ и на тафтѣ и на бумагѣ, и напечатавъ де тѣ листы, понесъ онъ Иванъ къ нему Ѳедькѣ на дворъ, и сказалъ ему, что изъ тѣхъ листовъ одинъ листъ да книжку поднесъ онъ Иванъ великой Государынѣ благовѣрной Царевнѣ и великой Княжнѣ Софіи Алексѣевнѣ.

А другой листъ да книжку отдалъ Князь Василью Голицыну, а достальные де листы и книжки остались у Ѳедьки Шакловитова на дворѣ, и Ѳедька де изъ тѣхъ листовъ роздалъ по листу Окольничему Семену Ѳедоровичу Толочанову, бывшему ризничему Акинфу, и инымъ а кому, про то сказать не упомнитъ.

А послѣ де того въ великой же постъ Иванъ Перекресшъ поѣхалъ домой, а Черкасы де Тарасьевичь съ товарищи остались на Москвѣ, и послѣ де его Ивана сдѣлали двѣ доски мѣдныежъ, и вырѣзали на тѣхъ дскахъ на одной персону великіе Государыни благовѣрные Царевны и великіе Княжны Софіи Алексѣевны въ орлѣ, и похвалу ей великой Государынѣ, и на той де дскѣ печатаны листыжъ на атласѣхъ и на тафтѣ, и на листахъ на Бѣлогородскомъ же подворьѣ, и у него Ѳедьки на загородномъ дворѣ, что подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, и изъ тѣхъ де листовъ отдалъ онъ Ѳедька Окольничимъ Алексѣю Ивановичу Ржевскому, Василью Савичу Нарбекову по листу, и инымъ, а кому, про то не вѣдаетъ, потому что роздаваны не при немъ Сенькѣ.

А на другой де дскѣ вырѣзанъ образъ святаго мученика Ѳеодора Стратилата, а въ подножіи у него воинская збруя липавры и знамена и копья и иное ружье и на той дскѣ напечатаны листыжъ съ вышеписанными жиж листами вмѣстѣ, и роздавалъ тѣ листы разныхъ же чиновъ людемъ, а кому, про то не вѣдаетъ же.

А Черкасомъ де, которые тѣ доски рѣзали, и листы печатали, Тарасьевичь съ товарищи, какъ они от-

Digitized by Google

пущены съ Москвы, Ѳедька Шакловитой далъ 100 рублевъ денегъ, да обьярь, да аѳласъ, да по два сукна, да соболей, а по парѣль, или по двѣ, того де онъ Сенька не разсмотрѣлъ, да челядникомъ ихъ тремъ человѣкомъ по два или по три рубли въ бумашкахъ, и сказалъ де имъ, что имъ то дано Государево жалованье.

Да къ немужь Ѳедькѣ принесъ на дворъ Дьякъ Андрей Виніосъ листъ Нѣмецкой печати въ орлѣ персонажь великіе Государыни благовѣрные Царевны и великіе Княжны Софіи Алексѣевны, а гдѣ онъ Андрей тотъ листъ взялъ, того онъ Сенька не вѣдаетъ, а послѣ де того листа онъ Сенька у него Ѳедьки видѣлъ такихъ же листовъ многое число, и раздавалъ тѣ листы онъ Ѳедька всякихъ чиновъ людямъ не вдай.

А въ скаскѣ Дьяка Андрея Виніуса, какова взята у него въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ Октября въ 5-й день нынѣшняго 198 году написано:

Въ прошломъ во 195 году отдалъ ему Андрею Ѳедька Шакловитой листъ назнаменованной пропивъ того, каковъ напечатанъ, сказалъ указомъ великіе Государыни благовѣрные Царевны и великіе Княжны Софіи Алексѣевны, чтобъ такуюжъ персону за моремъ въ Голандской землѣ велѣть напечатать, и онъ де Андрей опасаясь великихъ Государей указу, а отъ него Ѳедьки какова зла, отказать ему не смѣлъ, а потому де его Ѳедькину приказу тотъ обрасцовой листъ послалъ за море въ Голандскую землю къ Бурмистру къ Николаю Витцыну, а изъ за моря де сколько числомъ тѣхъ листовъ къ нему прислано, того онъ Андрей не вѣдаетъ, потому что тѣ листы отданы ему Ѳедькѣ за заморскою печатью, а по свяскѣ де казалось близко ста, а кому де тѣ листы роздаваны, того онъ не вѣдаетъ.

А Полковникъ Иванъ Перекрестовъ въ роспросѣ сказалъ: въ прошломъ де во 196 году по Указу великихъ Государей а по ихъ Полковничью челобитью, послѣ Крымскаго перваго походу, велѣно имъ быть къ вели-

Digitized by Google

кимъ Государемъ къ Москвѣ, а потому де ихъ великихъ Государей указу онъ Иванъ и иные Полковники и старшина къ Москвѣ пріѣхали, и были у великихъ Государей у руки, и велѣно де дѣтямъ его Ивановымъ Данилу и Якову передъ ними великими Государи говорить рацею, и дѣти де его передъ ними великими Государи рацеи говорили, и Ѳедька де Шакловитой у него Ивана и у дѣтей его спрашивалъ о рацеѣ великіе Государыни благовѣрные Царевны и великіе Княжны Софіи Алексѣевны, и онъ де сказалъ, что у нихъ готовой рацеи нѣтъ, и онъ де Ѳедька велѣлъ имъ изготовить ей великой Государыни рацею, и они де послѣ того дни съ четыре, или больши, сй великой Государынѣ благовѣрной Царевнѣ въ поздравленіи рацею изготовили, и съ тою де рацеею по докладу великимъ Государемъ Ѳедьки Шакловитаго, думной Дьякъ Василій Семеновъ ставилъ ихъ къ великой Государынѣ къ рукѣ.

И послѣ де того Ѳедька Шакловитой говорилъ учителю Ивану Богдановскому, который училъ дѣтей его Ивановыхъ, чтобъ онъ написалъ книгу и листъ къ похвалѣ великой Государынѣ, и учитель де спросилъ: какую де ей великой Государынѣ похвалу писать, и Ѳедька де Шакловитой сказалъ: похвалу де такую написать, и она де великая Государыня бунтъ утишила, и монастыри строитъ, и къ людемъ милостива, и премудра, и учитель де ему сказалъ: хотя де онъ такую похвалу ей великой Государынѣ напишетъ, только де не напечатавъ подать не возможно, чтобъ де напечатавъ поднесть, и онъ де Ѳедька о томъ говорилъ ему Ивану: чтобъ ему о томъ порадѣть.

И онъ де Иванъ того учителя Якова Богдановскаго посылалъ въ Кіевъ и въ Черниговъ, чтобъ ему сыскать такихъ людей, которые бы напечатали, и онъ де Яковъ изъ Чернигова привезъ Черкашинина Тарасьевича, а какъ имя ему, того не упомнитъ, и тотъ де Черкашенинъ сдѣлалъ у него въ Ахтыркѣ двѣ доски мѣдные, и вырѣзалъ на тѣхъ доскахъ персоны великихъ Государей Царей и великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра

Digitized by Google

Алексѣевича всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцевъ и сестры ихъ великой Государыни благовѣрной Царевны и великой Княжны Софіи Алексѣевны и надъ ихъ Государскими персонами написано было отечество, а надъ персоною жъ ее великіе Государыни изліяніе седмь даровъ духа святаго, да на той же доскѣ ниже того вырѣзано было признавая къ ратному строю, и Князь Василій Голицынъ на лошади, да бывшей Гетманъ Самойловъ, а иное де что вырѣзано, того онъ не упомнитъ, и тѣ де доски тотъ учитель и Тарасьевичь привезли съ нимъ Иваномъ къ Москвѣ, и тѣми досками печатали листы на Бѣлогородскомъ подворьѣ, что въ Кишкѣ, гдѣ онъ Иванъ стоялъ, а сколько тѣхъ листовъ напечатано, того онъ не упомнитъ, только тѣхъ листовъ было напечатано меньши ста.

А печатаны де тѣ листы на бумагѣ и на аглисѣ и на тафтѣ, и изъ тѣхъ листовъ пять листовъ, которые печатаны были на обьярѣ и на аглисѣ и на бумагѣ, дѣти его Данило да Яковъ съ учителемъ въ то время, какъ былъ у руки, и на тѣ листы книжку поднесли великой Государынѣ благовѣрной Царевнѣ, а что де дѣтей его Данила да Якова Перекрестовыхъ, и то де велѣлъ подписать Ѳедька Шакловитой, а онъ де Иванъ ему Ѳедькѣ говорилъ: что тѣ пруды и тщаніе не дѣтей его Ивановыхъ, и дѣти его того дѣлать не умѣютъ, и подпишетъ де тотъ учитель Іосифъ Богдановскій, которой тѣ листы выдавалъ къ печати, и Ѳедька де ему сказалъ: что тому учителю того листа подписать не надобно для того, что онъ человѣкъ не знатной, а дѣти его хотя и не умѣютъ, только де имъ пристойно подписать для того, что де они по немъ Иванѣ знатны.

А достальные де листы и книжки Янъ Іосифъ Богдановскій и Тарасьевичь отнесли къ Ѳедькѣ Шакловитому на дворъ, а Ѳедька Шакловитой тѣ листы кому роздавалъ, того онъ не вѣдаетъ, потому что отпущенъ скоро съ Москвы, и поѣхалъ въ Ахтырку, а Янъ Богдановскій и Тарасьевичь остались на Москвѣ на

Digitized by Google

томъ же Бѣлогородскомъ подворьѣ, и жили де на Москвѣ многое время, а пріѣхавъ де въ Ахтырку сказывали ему Ивану, что они жили у Ѳедьки Шакловитаго на дворѣ, и печатали на листахъ персону великіе Государыни благовѣрные Царевны и великіе Княжны Софіи Алексѣевны, да гербъ Ѳедьки Шакловитаго, а на чемъ и какимъ подобіемъ тѣ листы печатаны, и что имъ за тое работу денегъ и иного чего дано, того онъ не вѣдаетъ, а смотря онъ Иванъ персоны великіе Государыни, которая печатана на атласѣ въ орлѣ сказалъ: что при немъ такихъ персонъ не печатано, и не слыхалъ, и гдѣ печатанъ, того не вѣдаетъ, а ближняго де знакомства у него съ Ѳедькою Шакловитымъ не было, и воровства за нимъ Ѳедькою никакого не вѣдаетъ.

Изъ *копіи съ статейнаго списка и рѣшительнаго приговора по разыскному дѣлу о Ѳедькѣ Шакловитомъ*, $\frac{7198}{1690}$ *году*.

На 1-мъ листѣ копіи написано: *списано изъ подлинника въ Мастерской палатѣ хранящагося 1775 года*.

ПРОЦЕССЪ ТАКЪ НАЗЫВАЕМЫХЪ МОСКОВСКИХЪ ЗАЖИГАТЕЛЕЙ 1812 ГОДА (*).

Au nom de l'Empereur et Roi. *По указу Императора и Короля.*

Cejourd'hui vingt-quatre Septembre Mil-huit-cent-douze, *Сего Сентября двадцать четвертаго дня, (новаго стиля, или 12 по старому) тысяча восемь сотъ двынадцатаго года.*

La Commission militaire, créée à Moscou, en suite des ordres de sa Majesté l'Empereur et Roi, composée de

M.M.

Военная Коммиссія, учрежденная въ Москвѣ, по повелѣнію Его Величества Императора и Короля, составленная изъ

Г.Г.

(*) Списано съ экземпляра, печатаннаго въ Москвѣ, къ сожалѣнію, безъ конца.

Digitized by Google

Le Général Comte *Lauer*, grand-prévôt de l'armée ;

Генерала Графа *Лауера*, главнаго Судьи арміи.

Le Général Baron *Michel* commandant le 1er régiment des grenadiers à pied de la Garde.

Генерала Барона *Мишеля*, Командира Гвардіи 1-го пѣхотнаго гренадерскаго полка.

Le Général Baron *Saunier*, grand-prévôt du 1er corps d'armée.

Генерала Барона *Соніе*, главнаго Судьи 1-го армейскаго корпуса.

Le Colonel Baron *Bodelin* commendant les fusiliers-grenadiers de la Garde.

Полковника Барона *Боделена*, Командира Гвардіи мускетерскаго гренадерскаго полка.

L'Adjudant-Commandant chevalier *Thery*, Commandant du Quartier-Imperial.

Генералъ-Адъютанша и Кавалера *Тери*, Коменданша Императорской кварширы.

Le Chef — d'escadron *Jeannin*, de la Gendarmerie d'élite.

Шефа эскадрона выборныхъ Жандармовъ *Жанинна*.

Monsieur le Général Comte *Monthion*, faisant fonction de Procureur-Imperial, et Monsieur *Weber*, Chef-d'escadron, celle de Rapporteur, tous nommés par S. A. S. le Prince *de Neuchâtel*, Major-Général de la Grande Armée, assistés du Sr. *Jouve de Guibert*, sous-officier de gendarmerie, greffier nommé par le Rapporteur; à l'effet de rechercher et juger les auteurs et fauteurs de l'incendie qui a spontanément eclaté dans les différens quartiers de la ville de Moscou, dans les journées du quatorze et quinze de ce mois, et qui s'est ensuite continué pendant les 16, 17 et 18 suivans.

Г. Генерала Графа *Монтіона*, исправляющаго должность Имп. Прокурора, и Г. Вебера, начальника эскадрона, докладчика, по назначенію Князя *Нефшательскаго*... Присоединивъ къ себѣ *Г. Жуве де Гиберта*, выбраннаго докладчикомъ въ письмоводители, для опыскиванія и сужденія виновныхъ въ пожарѣ, которой случился въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ Москвѣ 14, 15, и послѣ продолжался сего мѣсяца, 16, 17 и 18 чиселъ.

La commission, convoquée par l'ordre de son Président, s'étant réunie au palais Dolgorouky, la séance a été ouverte par la lecture du procès-verbal d'infor-

Оная коммиссія, созванная по приказанію своего президента, собравшись въ домѣ Князя Долгорукаго, открыла свое присутствіе прочтеніемъ

Digitized by Google

mation, et des pièces tant à charge qu'à décharge des accusés.

Cette lecture terminée, le Président a ordonné à la garde d'amener les accusés au nombre de vingt-six, qui ont été introduits libres et sans fers.

Aprés leur avoir donné connaissance des faits à leur charge, avoir séparément entendu les déclarations et dépositions des témoins, avoir entendu les accusés saisis en flagrant délit, mettant le feu à différentes maisons, et s'être fait représenter les divers moyens mis en usage par les incendiaires, comme mèches, fusées, cadenats phosphoriques, souffre, et autres matieres combustibles trouvées sur les accusés, ou placées à dessein dans plusieurs habitations.

La Commission a reconnu, que depuis trois mois le gouvernement Russe, pressentant sans doute le danger de la lutte dans laquelle il s'était engagé, et l'impossibilité d'empêcher l'armée française d'arriver à *Moscou*, avait résolu d'employer dans sa défense des moyens extraordinaires d'incendie et de destruction réprouvés par les nations civilisées; qu'il avait accueilli, à cet effet,

слѣдствія и бумагъ, служащихъ къ обвиненію и оправданію обвиненныхъ.

По окончаніи сего чтенія, Президентъ приказалъ караульнымъ привесть обвиненныхъ, числомъ 26 человѣкъ, которые и были приведены свободные и безъ оковъ.

Извѣстивши ихъ, въ чемъ они обвинены, и выслушавъ поодиначкѣ объявленія и доказательства свидѣтелей, выслушавъ равномѣрно самихъ обвиненныхъ, пойманныхъ въ зажигательствѣ разныхъ домовъ, и велѣвъ поднесши разныя вещи, употребленныя къ зажиганію, какъ-то: фишили, ракеты, фосфорическіе замки, сѣру и другіе зажигательные составы, найденные частію при обвиненныхъ, а частію подложенные нарочно во многихъ домахъ.

Коммиссія удостовѣрилась (*), что Россійское Правительство, уже три мѣсяца назадъ предчувствовавъ опасность, коей себя повергло, равномѣрно какъ и не возможность препятствовать Французской арміи вступить въ Москву, рѣшилось употребить въ своемъ защищеніи необыкновенныя средства зажигательства и ис-

(*) Извѣстно, что Графъ Растопчинъ въ брошюрѣ своей (Правда о пожарѣ Москвы), отвѣчалъ на нѣкоторые пункты. *Ред.*

Digitized by Google

les propositions d'un certain docteur *Schmitt*, Anglais (quoique se disant Allemand), mécanicien et machiniste de profession, lequel, appelé en Russie arriva dans les premiers jours du mois de mai dernier, qu'après plusieurs conférences secrettes, avec les principales autorités, il fut s'installer au château de *Voronzow* situé à six verstes de la ville, sur le chemin de Kalouga; qu'un détachement de 160 hommes d'infanterie, et douze dragons, furent à ce château pour couvrir les mystérieuses opérations de *Schmitt*, et empêcher les curieux de pénétrer jusqu'à lui.

шребленія, отвергнутые просвѣщенными народами; что оно съ сею цѣлію приняло предложеніе одного докшора Англичанина, именемъ Шмиша, (хотя онъ и называешъ себя, Нѣмцомъ) а промысломъ механика и машиниста, кошорый былъ призванъ въ Россію, и пріѣхавши въ первыхъ числахъ прошедшаго мѣсяца Мая, послѣ нѣкошорыхъ шайныхъ переговоровъ съ начальниками, помѣстился на дачѣ *Воронцова*, въ 6 верстахъ опъ города, по Калужской дорогѣ, куда отрядъ, состоящій изъ 160 человѣкъ пѣхоты и 12 драгунъ, былъ приставленъ, чтобъ скрышь таинственыя дѣйствія Шмиша, и не допускашь любопышствующихъ.

Qu'il est généralement connu qu'il construisit un ballon aérostatique, d'une grandeur considerable, qu'on prétendait devoir renfermer une machine exterminatrice, qu'il assuroit pouvoir diriger à volonté.

Что всѣмъ извѣсшно, что онъ строилъ воздушный шаръ чрезвычайной величины, въ кошоромъ имѣла находишься исшребишельная машина, и кошорою, по его увѣренію, онъ могъ управлящь по своему произволенію;

Qu'environ quinze jours avant l'entrée de l'armée française à Moscou, sept gros tonneaux, de poudre à canon furent envoyés à Voronzow, avec des artificiers qui restèrent attachés au docteur Schmitt, et travaillèrent sous sa direction.

Что около двухъ недѣль предъ вступленіемъ Французской арміи въ Москву, послано въ село Воронцово семь большихъ бочекъ пороху съ фейерверкерами, кошорые шамъ осшались, и рабошали подъ начальсшвомъ докшора Шмиша;

Digitized by Google

Qu'il est démontré que cet appareil de construction d'un grand ballon n'a été imaginé que pour en imposer, et qu'on ne s'occupa nullement au château Voronzow que d'ouvrages d'artifice, et de confection d'autres machines incendiaires.

Что доказано, что приготовленіе къ построенію великаго шара только выдумано для того, чтобъ скрыть истину, ибо въ ономъ селѣ Воронцовѣ ни чѣмъ другимъ не занимались, кромѣ приготовленія разныхъ зажигательныхъ машинъ;

Qu'il est constant que toutes les dépenses faites pour la confection du ballon et des machines ont été supportées par le gouvernement russe.

Что точно извѣстно, что всѣ издержки на составленіе шара и машинъ были на счетъ Россійскаго Правительства;

Que le Comte Rastapchin, gouverneur militaire de Moscou, certain depuis la bataille de Mojaisk, de l'arrivée prochaine de l'armée française, arrêta alors le plan d'incendier cette capitale par tous les moyens qui étaient en son pouvoir.

Что Московскій Военный Губернаторъ послѣ сраженія при Можайскѣ, будучи увѣренъ о скоромъ прибытіи Французской арміи, рѣшилъ тогда окончательно планъ сжечь сію Столицу, всѣми средствами, состоявшими въ его власти.

Qu'il fit une proclamation aux habitans dans laquelle on remarque le passage suivant „Armez — vous „n'importe de quelles armes, sur„tout de fourches, qui conviennent „d'autant mieux contre les Fran„çais qu'ils ressemblent pour le „poids à des bottes de paille; à „défaut de les vaincre, nous les „brûlerons dans Moscou s'ils ont „l'audace d'y entrer.“

Между разными повѣстками, которыя онъ издалъ къ жителямъ, примѣчательны слѣдующія: „вооружитесь, чѣмъ „бы то ни было, особливо ви„лами, которыя противъ Фран„цузовъ тѣмъ удобнѣе, что „они не тяжеле соломеннаго „снопа; если ихъ не побѣ„димъ, то сожжемъ ихъ въ Мо„сквѣ, коль осмѣлются войти „въ оную;“

Que pour parvenir à son but avec plus de certitude le gouverneur Rostapchin, avant son départ, fit ouvrir les portes des prisons dites de l'Ostrog et du Yamou, où

Что Губернаторъ Ростопчинъ, для вѣрнѣйшаго достиженія до своей цѣли, прежде своего отъѣзду велѣлъ распустить острогъ и яму, гдѣ на-

Digitized by Google

se trouvaient renfermés les malfaiteurs ; qu'il en sortit environ huit cents criminels, et que, pour prix de leur liberté, on exigea qu'ils missent le feu à la ville vingtquatre heures après l'arrivée des troupes françaises.

ходились заключенные преступники и колодники, отнуда и вышло около осьми сотъ преступниковъ, которымъ дана свобода съ тѣмъ, чтобъ подожгли городъ въ двадцать четыре часа по вступленіи въ оной Французскихъ войскъ;

Que plusieurs officiers et militaires de l'armée russe et des agens de police reçurent secrètement l'ordre de rester travestis à Moscou, pour diriger les incendiaires et donner le signal de l'embrasement.

Что разные офицеры, военнослужащіе въ Россійской арміи и полицейскіе чиновники получили тайно приказъ оставаться въ Москвѣ, будучи переодѣты, чтобъ распоряжать зажигателями и дать имъ сигналъ къ запаленію;

Qu'il est notoirement connu que pour ôter tout moyen de secours contre l'incendie le gouverneur Rastopchin avait donné l'ordre de faire partir dans la matinée du 14 de ce mois toutes les pompes des vingt quartiers de la ville, avec les chariots, crochets, seaux, et ustenciles ainsi que les chevaux destinés à ce service.

Что безсомнительно доказано, что Губернаторъ Ростопчинъ, для отнятія всѣхъ средствъ утушить пожаръ, приказалъ вывезть $\frac{2}{14}$ го числа сего мѣсяца поутру изъ 20 кварталовъ въ Москвѣ всѣ пожарныя трубы, дроги, крючья, ведры и всѣ проч. пожарные орудія, съ принадлежащими къ оному;

Que les matières inflammables de toutes espéces, et particulièrement des cadenats remplis de phosphore enveloppés dans des linges souffrés, déposés et placés dans différentes maisons, démontrent évidement que l'incendie tenait à un plan concerté.

Что разные зажигательные составы, особливо замки или пузыри, наполненные фосфоромъ и обвернутые въ холстинѣ, обсыпанной сѣрою, которые были запрятаны и подложены въ различныхъ домахъ, явно доказываютъ, что сей пожаръ произошелъ отъ условленнаго плану;

Que les mêches et fusées saisies entre les mains de plusieurs mili-

Что фитили и ракеты, найденные у многихъ солдатъ и

Digitized by Google

taires et particuliers russes au moment de leur arrestation, signalèrent de suite sans nul équivoque les véritables auteurs de l'incendie, dont un grand nombre pris, sur le fait, furent par un mouvement d'indignation spontané fusillés par les patrouilles françaises, ou assommés par les habitans mêmes.

прочихъ разнаго званія людей, во время захваченія ихъ, открыли несомнѣнно подлинныхъ начинщиковъ пожара, изъ коихъ большая часть, будучи пойманы при самомъ преступленіи, были тотчасъ, по самоизвольному движенію негодованія, разстрѣляны Французскими патрулями или убиты на мѣстѣ самими жителями.

Oui le rapporteur dans son rapport et les conclusions, les accusés dans leurs moyens de défense, et après qu'ils eurent déclaré qu'ils n'avaient rien a y ajouter.

Слушавъ рапортъ и заключенія равномѣрно и оправданія обвиненныхъ, которые объявивъ, что ничего больше сказать не имѣютъ,

Le Président a demandé aux membres de Commission s'ils avaient des observations à faire: sur leur réponse negative, et avant d'aller aux opinions, il a ordonné aux accusés de se retirer.

Президентъ спросилъ членовъ коммиссіи, нѣтъ ли у нихъ какихъ-либо замѣчаній, на что получивъ отрицательный отвѣтъ, предъ собираніемъ голосовъ, велѣлъ обвиненнымъ удалиться.

Le Conseil délibérant à huis-clos, seulement en présence du procureur impérial,

Коммиссія, посовѣтовавъ при запертыхъ дверяхъ, въ присутствіи только Императорскаго Прокурора,

Le président, pour chacun des accusés séparément, a posé la question ainsi qu'il suit.

Президентъ предложилъ вопросъ особливо, касательно всякаго обвиненнаго какъ слѣдуетъ.

Les dénommés ci-après savoir:

Нижеслѣдующіе, а именно:

Catianow, Jean Jvanow, âgé de 67 ans, bedeau de l'église St.-Philippe de Moscou;

Касіановъ, Иванъ Ивановъ, отъ роду 67 лѣтъ, пономарь церкви Св. Филиппа въ Москвѣ;

Ignatief Peters, âgé de 32 ans, né à Moscou, Gentilhomme, Lieutenant au 1er Régiment de Ch à pied de Moscou.

Игнатьевъ, Петръ, 32 лѣтъ, дворянинъ и Поручикъ 1-го Московскаго пѣхотнаго полка, уроженецъ Московскій;

Digitized by Google

Waxillow, Nicolas, âgé de 35 ans, né à Moscou, maréchal ferrant.

Ваксилевъ, Николай, 35 лѣтъ, кузнецъ, уроженецъ Московскій;

Midzow Federow, âgé de 33 ans au 9-e Regiment d'Infanterie russe.

Мидцовъ, Ѳедоръ, 33 лѣтъ, солдатъ 9-го пѣхотнаго полка;

Baroff Streton, âgé de 29 ans, né à Nicolske, peintre en mignature.

Баровъ, Стратонъ, 29 лѣтъ, миніатюрный живописецъ, уроженецъ села Никольскаго;

Vasiley Yermallow, âgé de 49 ans né à Obachow, manoeuvre.

Василій Ермолаевъ, 49 лѣтъ, работникъ, уроженецъ изъ Обахова;

Karlum Alexis', âgé de 40 ans, né à Vesen, soldat de police a Moscou.

Карлумъ, Алексѣй, 40 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ изъ Вязьмы;

Belcherow, Nicolas âgé de 50 ans, né à Moscou, domestique.

Белхеровъ, Николай, 50 лѣтъ, служитель, уроженецъ Московскій;

Thomas, Jean — Christophe, âgé de 33 ans, né à Moscou, commis-marchand.

Томасъ, Иванъ Христофоровъ, 33 лѣтъ, сидѣлецъ, уроженецъ Московскій;

Iwanow, Simeon, âgé de 18 ans né à Mojaisk, tapissier.

Ивановъ, Семенъ, 18 лѣтъ, обойщикъ, уроженецъ города Можайска;

Zesteperow, André, âgé de 45 ans, né à Volocthe, soldat de police à Moscou.

Шестеперовъ, Андрей, 45 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ Вологодскій;

Yfimow, Federow, âgé de 55 ans, né à Semberski, soldat de police à Moscou.

Ефимовъ, Ѳедоръ, 55 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ Симбирскій;

Stigneviez Peters, âgé de 30 ans, né à Moscou, peintre.

Стигневичъ, Петръ, 30 лѣтъ, живописецъ, уроженецъ Московскій;

Ogakomow, Elias, âgé de 18 ans né à Semberski, maréchal ferrant.

Агакомовъ, Илья, 18 лѣтъ, кузнецъ, уроженецъ Симбирскій;

Maximus, Jvan, âgé de 70 ans, né à Caslow, domestique du prince Siberiski.

Максимовъ, Иванъ, 70 лѣтъ, лакей Князя Сибирскаго, уроженецъ города Козлова;

Achramein, Simeon.

Ахрамѣевъ, Семенъ;

Digitized by Google

Lewoutew, Nicolas, âgé de 33 ans, né à Moscou, peintre.	Левушьевъ, Николай, 33 лѣтъ, живописецъ, уроженецъ Московской;
Sirgiem, Fedcrow, âgé de 48 ans né à Moscou, tailleur.	Сергѣевъ, Ѳедоръ, 48 лѣтъ, портной, урожденецъ Московской;
Seachow, Servil, âgé de 54 ans, né à Doncow, soldat de police à Moscou.	Сеаховъ, Сивалъ, 54 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ города Данкова;
Moteiz, Lucian, âgé de 40 ans, né à Grodno, soldat de police à Moscou.	Мотейцъ, Лукіанъ, 40 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ изъ Гродно;
Abramof, Gabrielow, âgé de 56 ans, né à Serpuchow, soldat de police à Moscou.	Абрамовъ, Гаврило, 56 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ изъ города Серпухова;
Meikifer, Samaelow, âgé de 51 ans, né à Rowazile, soldat de police à Moscou.	Никифоръ, Самойловъ, 51 года, солдатъ Московской полиціи, урожденецъ города Новосиля;
Beglow, Gabriel, âgé de 52 ans, né à Ruben soldat de police à Moscou.	Бѣгловъ, Гаврила, 52 лѣтъ, солдатъ Московской полиціи, уроженецъ изъ Рубина.

Не считаемъ за лишнее помѣстить здѣсь слова Генерала Бутурлина изъ превосходнаго его сочиненія о Походѣ Наполеона:

„За нѣсколько мѣсяцевъ передъ войною, Графъ Ростопчинъ назначенъ былъ Генералъ-Губернаторомъ Московскимъ. Въ продолженіе всего похода успѣлъ онъ воздерживать буйныя движенія черни, которую бѣдствія войны приводили въ отчаяніе. Будучи болѣе ревностнымъ гражданиномъ, нежели военнымъ человѣкомъ, онъ полагалъ за возможное оборонять городъ шагъ за шагомъ, и для того употребилъ всѣ возможныя средства, дабы воспламенить жителей великодушнымъ рвеніемъ вспомоществовать усиліямъ арміи. На-

Digitized by Google

мѣреніе Князя Кутузова, уступишь непріятелю Москву безъ боя, было громовымъ ударомъ для любящей отечество души его; но и въ сіе самое время онъ не пренебрегъ единственнаго оставшагося ему средства оказать услугу своему Отечеству. Не могши сдѣлать ничего для спасенія города, ему ввѣреннаго, онъ вознамѣрился разорить его до основанія, и чрезъ то самую погибель Москвы учинить полезною для Россіи. Предпріятіе сіе, достойное древняго Римлянина, приведено было въ дѣйство съ искусствомъ. Пока войска Россійскія находились еще въ городѣ, нельзя было зажечь онаго, не помѣшавъ ихъ отступленію; но во многихъ домахъ приготовлены были сгараемыя вещества, и по городу разсѣяна была толпа наемныхъ зажигателей, подъ управленіемъ нѣсколькихъ Офицеровъ бывшей Полиціи Московской, оставшихся тамъ переодѣтыми; а дабы мѣры сіи имѣли желаемый успѣхъ, то Графъ Растопчинъ, приказалъ вывезть изъ Москвы заливныя трубы и всѣ пожарные инструменты. Ввечеру 2-го числа, огонь показался на Биржѣ; а въ слѣдующій день другіе пожары начались въ разныхъ Частяхъ города, не смотря на всѣ усилія Французовъ потушить оные. Кромѣ нарочно подосланныхъ зажигателей, сами обыватели зажигали собственные домы свои, безъ всякаго приказанія, а единственно изъ озлобленія противъ непріятеля. Наконецъ 4-го числа поднялся сильный вѣтръ; пожаръ сдѣлался общимъ, и уничтожилъ всякую надежду спасти городъ. Самъ Наполеонъ, не осмѣлившись долѣе оставаться въ Кремлѣ, поспѣшилъ укрыться въ Петровскомъ Дворцѣ, въ 2-хъ верстахъ за Петербургскою заставою. Онъ возвратился въ Кремль уже по совершенномъ окончаніи пожара, то есть 8-го числа.“

До сихъ поръ Генералъ Бутурлинъ. Въ подтвержденіе его словъ приложу извѣстіе, слышанное мною въ юношествѣ отъ моего отца и крѣпко запечатлѣнное въ памяти:

Отецъ мой, не вѣря чтобъ Французы могли войти въ Москву, отпустилъ семейство къ Троицѣ, а самъ остался. Домъ нашъ, въ Казенномъ переулкѣ близъ Покровки, загорѣлся 3 го или 4 го Сентября, т. е. на другой или третій день послѣ занятія города. Истощивъ всѣ средства поту-

Digitized by Google

шипь пожаръ, размешавъ съ помощію дворника цѣлый заборъ, отдѣлявшій флигель отъ дома, отецъ мой пошелъ ночевать къ сосѣду въ другой параллельный переулокъ. Тамъ прошивъ церкви Іакова Апостола увидѣлъ онъ унтеръ-офицера въ солдатской шинели, бросающаго какой-то порошокъ на крышу дома, кажется Доброхотова, отъ котораго крыша загорелась. Онъ тотчасъ закричалъ, народъ сбѣжался, и унтеръ-офицера связали, впрочемъ не на долго....

Послѣ такихъ показаній какъ же принимать слова самого Графа Ростопчина въ его брошюрѣ, напечатанной въ Парижѣ (Правда о пожарѣ Москвы), гдѣ онъ торжественно отрекается отъ своего дѣйствія? Развѣ желаніемъ изгладить непріятное впечатлѣніе въ жителяхъ, къ коимъ онъ тогда, чрезъ десять лѣтъ возвращаться сбирался. Онъ впрочемъ ошибался, ибо жители большею частію забыли тогда о своихъ потеряхъ, столько спасительныхъ для отечества!

М. Погодинъ.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ГРАММАТИКА ЕПИСКОПА ІУСТИНА.

(Письмо къ Редактору.)

Надѣюсь, что мое письмо найдетъ мѣсто въ издаваемомъ вами журналѣ. Это лепта, приносимая мною въ сокровищницу Исторіи Славянской литературы, въ пользу которой вы такъ усердно и мужественно трудитесь. Дѣло вотъ въ чемъ:

Добровскій, въ предисловіи къ своей Граммашикѣ (стр. LXIX), упоминаетъ съ уваженіемъ о Славянской Грамматикѣ Іеромонаха Іустина и удивляется, почему она не напечатана. Кто этотъ Іустинъ, и что за Граммашику написалъ онъ, — не многіе знаютъ. По этому, сколько пріятно видѣть въ иностранномъ писателѣ внимательность къ трудамъ Русскаго, столько же грустно видѣть равнодушіе къ нимъ въ соотечественникахъ. Объ Іустинѣ, сочинителѣ Славянской Грамматики, никто и не спросилъ. Неужели только тотъ имѣетъ право на вниманіе ученаго міра, кто печатаетъ и издаетъ свои произведенія? А сколько общеполезныхъ и добросовѣстныхъ трудовъ оставлено въ забвеніи, или еще забросано грязью зависти и злобнаго невѣжества! Сколько сдавлено прессомъ бѣдности!

Грамматика Іустина есть плодъ многолѣтныхъ наблюденій и трудовъ безкорыстныхъ, и потому весьма богата правилами и замѣчаніями самыми подробными. Много въ ней и такихъ подробностей, которыя или излишни, или давно извѣстны, за то много и любопытнаго. Авторъ не оставилъ безъ вниманія ни одного слова, ни одной буквы, — слѣдилъ за измѣненіемъ каждой гласной, согласной и даже безгласной, — онъ, кажется ощыскивалъ корень каждаго слова, — и потому Этимологическая часть Граммашики у него весьма обширна и подробна. О склоненіяхъ и спряженіяхъ разсуждаетъ онъ, какъ и прочіе Граммашики, но несравненно пространнѣе. Ошдѣленіе о неправильныхъ глаголахъ весьма занимашельно и, вѣро-

Digitized by Google

ятно, стóитъ ему большихъ трудовъ. Синтаксисъ чрезвычайно богатъ правилами, которыя всѣ основаны на множествѣ примѣровъ. Въ концѣ Грамматики помѣщенъ алфавитный *списокъ глаголовъ простыхъ, съ показаніемъ временъ, лицъ, наклоненій, причастій, дѣепричастій, мѣстопричастій, и кореній, отъ нихже происходятъ.*

Это заглавіе уже ясно свидѣтельствуетъ, что языкъ Грамматики отзывается Славянизмомъ. Конечно, учебныя книги отъ этого мало выигрываютъ, — но въ этомъ не льзя винить сочинителя. Было время, когда безъ Славянскаго языка нельзя было показаться въ люди. На это была причина: знали, что языкъ Священныхъ книгъ возвышаетъ достоинство и слогъ духовныхъ сочиненій, — и, на этомъ основаніи, наводняли Славянизмомъ всѣ учебники, не исключая даже Ариѳметики. Писали такъ, чтобы понравиться. Много надобно было смѣлости, чтобы выступить на ученую арену съ новымъ языкомъ: да кому охота обращать на себя насмѣшливые толки и указательные пальцы. И то сказать: не всѣ Ломоносовы и Карамзины. Но дѣло не въ языкѣ, а въ достоинствѣ разсматриваемаго сочиненія. Оно важно для насъ по своему содержанію, и какъ матеріалъ для Исторіи Литературы. Грамматика эта хранится въ библіотекѣ Пермской Семинаріи; написана вся до буквы рукою Сочинителя, на синей бумагѣ, въ листъ. Въ ней 267 листовъ чешкаго письма. Заглавіе такое: »Славенская Грамматіка, сочиненная находившимся при Россійскомъ Министерствѣ въ Венеціи (а не въ Вѣнѣ, какъ сказано въ Исторіи Россійской Іерархіи), Іеромонахомъ Іустиномъ, бывшимъ потомъ Епископомъ Пермскимъ и Екатеринбургскимъ.« Года не означено.

Нельзя не обратить вниманія на предисловіе къ Грамматикѣ. Изъ него видно, что сочинитель любилъ и высоко цѣнилъ предметъ свой, — а въ то же время видно и то, что онъ отъ всей души хотѣлъ оказать безкорыстную услугу Славянскому языку. Это предисловіе занимательно и потому, что можетъ служить образцомъ языка, которымъ въ концѣ XVIII, и въ началѣ XIX столѣтія хотѣли украшать всякаго рода сочиненія.

Digitized by Google

»Малѣйшій лучь сквозѣ облаковъ явившійся показуетъ очамъ нашымъ на тверди небеснѣй мѣсто, идѣже обрѣтается солнце. Тако краткая Грамматіка ученѣйшаго мужа Михаила Васильевича Ломоносова открыла мнѣ слѣдъ ко изобрѣтенію Славенскія Грамматіки во всей ея красотѣ.

»Она при воздвигнутомъ въ Санктпетербургѣ училищи для воспитанія юношей, дѣтей единовѣрцевъ Грековъ чрезъ теченіе осми лѣтъ, она, глаголю, между прочими упражненіями изъ рукъ моихъ не исходила. А понеже учай другихъ сугубо учится: того ради и азъ толкуя чрезъ толь долгое время Россійскую Грамматіку онымъ любопытнымъ и остроумнымъ питомцемъ, мало по малу проникнухъ во глубину рѣченій Россійскаго и слѣдовательно Славянскаго языка. Срѣтающаяся и открывающаяся въ училищи новая правила, достойная примѣчанія не ввѣряхъ моей слабой памяти, но полагахъ я во хранилище моего рукописанія, и соблюдахъ тщательно, да не предана будутъ забвенію и гибели.

»Давно, давно желалъ привести я въ подобающій Грамматическій порядокъ и изъподрукописнаго спуда извлещи вонъ и явити очамъ алчущимъ, а не новымъ книжникомъ и комары оцѣждающымъ. Желахъ, глаголю, давно къ сему труду приступити, и мнѣхъ, яко аще быхъ, имѣлъ свободное отъ другихъ дѣлъ время: удобно и скоро привелъ быхъ къ желаемому окончанію. Но усмотрѣхъ противное моему чаянію: егда обитая въ Венеціи при Россійскомъ Міністерствѣ, начахъ писати сію Славенску Грамматіку.

»Многихъ воистину предпріятыхъ дѣлъ начало есть легко и удобно: но конецъ труденъ. Сего ради много начатыхъ дѣлъ остается безъ окончанія. Ибо на разстояніи между началомъ ихъ и концемъ срѣтаются часто трудности не преоборимыя.

»Но мнѣ самое начало Грамматіки выше силъ моихъ представилося. Первая ея часть такожде и вторая своею неимовѣрною трудностію приводила меня въ отчаяніе. Вышереченная моя примѣчанія и правила бяху

Digitized by Google

вещества неустроенная и вельми не достаточная къ скорому и полному окончанію предпріятаго дѣла по моему положенному предъ очи начертанію, отъ него же и на единъ перстъ не хотѣхъ отступити.

»Но чего присный и упорный трудъ не преодолѣваетъ; обаче привести вещь важную до нѣкотораго степени совершенства и ни въ чемъ не погрѣшити есть дѣло сдва возможное. Тако и азъ по не единократномъ моей Грамматіки окончаніи усмотрѣвахъ погрѣшности и недостатки въ правилахъ. И въ исправленіи первыхъ въ дополненіи послѣднихъ доволѣ не престававахъ бдѣти и прудитися: дондеже не обрѣтохъ ни единаго рѣченія, еже не быхъ рѣшилъ по правиламъ сея Грамматіки. Азъ долгое время бѣхъ яко ученикъ ея прилѣжный и совопросникъ любопытный. Она же бяше мнѣ яко достовѣрная и надѣжнѣйшая руководительница, и наставница искуснѣйшая. Могу рещи безъ всякаго обиновенія, яко не вѣмъ, въ чесомъ бы она мое любопытство не удовольствовала. Мню, яко и прочіи читатели аще и обрящутъ въ ней много правилъ досель неизвѣстныхъ и съ перваго виду приводящихъ въ сумнѣніе: обаче по прочтеніи ихъ со вниманіемъ престанутъ колебатися мыслями, будутъ увѣрены о ихъ справедливости и подтвердятъ, яко сія Грамматіка довольна есть къ совершенному испытанію и уразумѣнію како Славенскаго, тако и Россійскаго языка.

»Она покажетъ, како подобаетъ произносити буквы, и изъ ней примѣтятъ и познаютъ сами свою погрѣшность, ихъ же реченія не токмо въ сочиненіяхъ приближающихся къ Славенскому языку, но и въ самомъ Священномъ Писаніи произносятъ по простоупотребительному Россійскому нарѣчію, произносятъ, глаголю, не токмо въ другихъ мѣстахъ, но и на Амвонахъ и на Каѳедрахъ предъ Церковнымъ Соборомъ. А тѣмъ самимъ вельми унижаютъ важность, сановитость и величіе Славенскаго языка. Не странно ли покажется слуху, аще бы кто началъ читати Славенскую книгу по нарѣчію Малороссійскому или Далматскому, или Богемскому, или Польскому, или Сервскому;

Digitized by Google

»Она удивитъ правилами о движеніи буквъ, и увѣритъ, яко Славенскій языкъ есть единъ изъ самыхъ мягкихъ языковъ. И едвали обрѣтается другій пособный ему въ мягкости. Злато именуется мягкимъ металломъ того ради, яко удобно есть къ согвенію, къ расшопленію и ко пріятію разнообразнаго вида. Но не знаю, котораго бы другаго языка писмена толико удобно премѣнялися и премѣщалися и производили новое начертаніе въ томже реченіи, колико писмена Славенскаго языка. Италіанскій и Французскій языкъ въ настоящая времена непщуется быти нѣжнымъ не по гласнымъ или двогласнымъ (ибо произношеніе сихъ во всѣхъ языкахъ малымъ чимъ различествуетъ), а по согласнымъ Ж, З, Ц, Ч, Ш, Щ. Но Славенская азбука обоихъ сихъ языковъ писмена въ себѣ единой содержитъ. Въ Славенскій убо языкъ нѣжность и того и другаго входитъ. Изъ сего явствуетъ, яко онъ превосходитъ нѣжностію и той и другій особь взятый. Сего ради и не удивительно есть, яко Славенороссіяне глаголющіи оными языками не распознаются произношеніемъ отъ природныхъ Италіанцевъ и Французовъ.

»Она покажетъ, яко Славенскій языкъ не меньше способенъ къ сліянію единаго реченія изъ многихъ, како и Еллинскій, въ чемъ состоитъ краткость, сановитость и величественность языка. Въ Славенскомъ убо языцѣ совокуплена важность съ мягкостію и мягкость съ важностію и онъ подобенъ вещамъ, въ нихже многоцѣнніи камени обліяни суть мягкимъ златомъ.

»Она покажетъ, какія знаки на коемждо реченіи поставляти подобаетъ, и научитъ писати и печатати священныя и Церковныя книги безъ погрѣшностей. Ими множайшихъ стіховъ смыслы изъясняются. Употребленіе убо ихъ не есть тщетно.

»Она покажетъ, яко, отъ единаго корене реченій прозябли многія отрасли и яко кійждо корень при всей своей древности силенъ есть прозябати новыя. Тако сочни и плодовити суть корени Славенскаго языка.

»Она покажетъ удобнѣйшіи способы, како изобрѣтати корени всѣхъ производныхъ реченій, наипаче же

Digitized by Google

глаголовъ, изъ нихже нѣкоторыя едва соблюдаютъ и едину токмо согласную, гласныяже или премѣняются на другія, или премѣщаются, или извергаются.

»Кратко рещи: она предложитъ много правилъ нужныхъ не къ поверхнему токмо свѣденію, но къ проницанію и достиженію первыхъ стіхій, произведшихъ весь языкъ, и ко изведенію изъ Лавіринѳа педоумѣній и трудностей срѣтающихся въ частяхъ слова.

»При руководствѣ, или паче при лампадѣ сея Грамматіки увеселяющіися чтеніемъ Священнаго Писанія и церковныхъ книгъ усмотрятъ ясно, яко древніи наши предки въ свѣденіи своего языка не меньше были глубоки, како и Еллини и Римляне, и яко у нихъ преподаваемы были словесныя науки, и слѣдовательно Грамматіка самая совершенная. Ибо безъ твердаго свѣденія о Граммаѳическихъ правилахъ како возможно есть наблюсти таковую точность и таковую исправность въ правописаніи, какова видится въ упомянутомъ книгъ множествѣ;

»Не можно во истину не сожалѣти, яко неоцѣненное сіе сокровище до нашихъ временъ не достигло. Но сей толь важный ущербъ, уронъ и упрашу довольно наградитъ сія Грамматіка. По времени же проницательнѣйшіи умы на подобіе рудокопателей и оставшыяся въ древнихъ Славенскихъ книгахъ, тончайшыя и не примѣтныя жилки Граммаѳическихъ правилъ, моими сдиными очами не усмотрѣнныя обрящутъ, ископаютъ, извлекутъ и сообщатъ въ пользу отечества. А таковымъ образомъ сокровенная чрезъ толико вѣковъ въ глубочайшемъ и обширнѣйшемъ нѣдрѣ своего языка древняя Грамматіка на свѣтъ явится къ полному удовольствію всего Славенскаго племене.«

Если вамъ угодно, я представлю обзоръ и самой Грамматики (*), а теперь пока скажу нѣсколько словъ о Сочинителѣ.

(*) Прошу покорнѣйше: Москвитянинъ ничѣму такъ не радъ, какъ случаю обнародывать подобные труды соотечественниковъ, составляющіе славу отечества. Россійской Академіи предлежитъ обязанность издавать ихъ въ свѣтъ. *Ред.*

Digitized by Google

Іустинъ (до монашества Іоаннъ) Вишневскій родился въ Рязанской Епархіи. Образованіе получилъ наряду съ прочими воспитанниками среднихъ духовно-учебныхъ заведеній; но прудолюбіемъ, успѣхами и доброю жизнію превзошелъ своихъ товарищей. Онъ очень хорошо зналъ языки Латинскій, Греческій, Еврейскій и Нѣмецкій. Замѣчательно, что онъ любилъ и зналъ хорошо Математику: это было вовсе не по духу тогдашняго просвѣщенія въ духовныхъ училищахъ, гдѣ на этотъ предметъ смотрѣли сквозь пальцы. Въ монашествѣ, онъ обратилъ на себя особенное вниманіе начальства, и опредѣленъ учителемъ Славянскаго языка въ Петербургскомъ училищѣ при Единовѣрческой Церкви. Опредѣлить время службы его на этомъ поприщѣ, я не имѣю возможности; — знаю только, что и здѣсь Правительство замѣтило его, и указало ему мѣсто при Русскомъ посольствѣ въ Венеціи, гдѣ онъ и служилъ нѣсколько лѣтъ Іеромонахомъ (хотя Добровскій называетъ его просто Священникомъ). За дальнѣйшія заслуги, и особенно за благочестивую жизнь, онъ рукоположенъ (25 Марта 1800 г.) во Епископа Свіяжскаго, Викарія Казанской Епархіи, тогда еще соединенной съ Симбирскою. На этой чредѣ служенія, Св. Синодъ сдѣлалъ ему важнѣйшее порученіе: освидѣтельствовать мощи новоявленнаго Иркутскаго Святителя и Чудотворца Иннокентія. Въ 1802 году онъ уже занималъ каѳедру Пермскаго Епископства. Вся Пермская паства съ благоговѣніемъ воспоминаетъ правленіе сего мудраго, добраго и благодѣтельнаго Пастыря. Дѣйствія его по дѣламъ обширной Епархіи были многочисленны, разнообразны и благонамѣренны; и потому Государь наградилъ его труды Орденомъ Св. Анны 1й степени. Архивъ Семинарскаго Правленія вамъ докажетъ, что Преосвященный любилъ просвѣщеніе и ученыхъ людей, — и никогда не покровительствовалъ невѣждъ. Онъ обращалъ безпристрастное вниманіе не только на службу Наставниковъ, которыхъ умѣлъ и любилъ поощрять, но и на успѣхи каждаго ученика. Онъ не щадилъ ничего для духовнаго

Digitized by Google

юношества. При скудныхъ средствахъ, онъ завелъ въ Семинаріи значительную библіотеку и Физическій кабинетъ: въ этомъ дѣлѣ много помогалъ ему Г. Баншышъ-Каменскій, письма котораго, довольно откровенныя, цѣлы и доселѣ. Старость и потеря зрѣнія принудили Преосвященнаго въ 1823 г. отказаться отъ управленія Епархіею; и остатокъ дней своихъ онъ провелъ на покоѣ, въ Пермскомъ Архіерейскомъ домѣ, который называется здѣсь и монастыремъ. Благословенный Александръ, въ послѣднее путешествіе по Россіи, посѣтивъ Пермь, посѣтилъ и Преосвященнаго Старца. Архипастырь сдѣлалъ Помазаннику Божію краткое, но священное привѣтствіе: »Благословенъ грядый во имя Господне, Царь Россійскій!« Государю понравилась благодушная и вѣрноподданническая бесѣда Преосвященнаго. 31 Января 1826 г. онъ скончался, и погребенъ подъ алтаремъ каѳедральнаго Преображенскаго Собора. На могилѣ его — чугунная плита съ надписью: »на семъ мѣстѣ погребено тѣло Преосвященнаго Іустина, бывшаго Епископа Пермскаго и Екатеринбургскаго, который въ духѣ кротости и благочестія управлялъ Епархіею (т. е. Пермскою) 22 года и 6 мѣсяцовъ, по увольненіи отъ управленія оной, переселился въ вѣчность на 76 году своего житія, 31 Генваря 1826 года, въ 6 часовъ пополудни.« Въ день кончины Преосвященнаго, здѣшнее духовенство ежегодно поетъ надъ нимъ панихиду. Вотъ все, что я могу сказать о Преосвященномъ Іустинѣ (*).

Честь имѣю пребыть вашимъ, и проч.

Николай Красновъ, Библіотекарь Пермской Семинаріи.

(*) Сколько было и есть у насъ труженниковъ между Духовными лицами, но они всѣ таили и таятъ свои труды, какъ будто устамъ запечатлѣннымъ! Удивительное явленіе! *Ред.*

Digitized by Google

Г. Ѳ. КВИТКА.

8го Августа скончался въ Харьковѣ Григорій Ѳедоровичь *Квитка*, Предсѣдатель Палаты Уголовнаго Суда и, какъ писатель, столь извѣстный подъ псевдонимомъ *Основьяненка*. Потеря горестная и незамѣнимая! И кто могъ ожидать ее? Еще такъ недавно онъ очаровывалъ насъ обычной своей привѣтливостію, еще такъ недавно красовался межъ нами какъ спѣлый, зернистый колосъ, радующій свѣтлою надеждою обильнаго урожая!.... И теперь всѣ связи прерваны — навсегда!...

Грустно думать, что Русской Литературѣ суждено, по видимому, быстро лишаться одного за другимъ лучшихъ своихъ дѣлателей.... Еще грустнѣе становится, когда спросишь самого себя: чѣмъ и скоро ли вознаградятся эти потери? Кто достойно замѣнитъ тѣхъ даровитыхъ и трудолюбивыхъ писателей, которыхъ смерть такъ завистливо спѣшитъ отнять у насъ?!.... А въ настоящемъ такъ мало утѣшительнаго...

Рѣшаясь представить здѣсь очеркъ жизни Г. Ѳ. Квитки, надѣюсь, что читателямъ Москвитянина, также украшеннаго повѣстями покойнаго, пріятно будетъ узнать нѣсколько подробностей о служебной и литературной его дѣятельности: съ моей же стороны это будетъ сердечной данью священной памяти того, котораго снисходительному благорасположенію обязанъ я лучшими, отраднѣйшими минутами жизни.

Григорій Ѳедоровичь Квитка родился 18го Ноября 1778 года въ селѣ *Основѣ* — наслѣдственномъ имѣніи его предковъ, находящемся въ одной верстѣ отъ г. Харькова. Фамилія Квитокъ принадлежитъ къ числу извѣстнѣйшихъ старинныхъ Дворянскихъ родовъ Харьковской губерніи; нѣкоторые изъ предковъ покойнаго занимали мѣста Полковниковъ (*), другіе же носили разныя почетныя званія въ старшинѣ Слободскихъ полковъ.

(*) Харьковскій Полковникъ Григорій Семеновичь Квитка пожалованъ въ это званіе 1703 года. Изюмскаго полка Иванъ Григорьевичь въ 1737 г.

Digitized by Google

Семейное воспитаніе, въ научномъ отношеніи недостаточное конечно по сравненію съ тѣмъ, какое пріобрѣтается нынѣ большею частію молодыхъ людей, имѣло однако же могущественное, благодатное вліяніе на всю жизнь покойнаго, потому что основаніями онаго были строгая нравственность и Христіанское благочестіе. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ выказалась въ Квишкѣ глубокая набожность; онъ не пропускалъ ни одной церковной службы, и непритворныя слезы душевной печали туманили глаза отрока, если по обстоятельствамъ ему не удавалось поспѣшь въ Божій храмъ къ началу того или другаго служенія. Въ такомъ благодатномъ направленіи сердца юноши, самому Провидѣнію еще прежде угодно было принять очевидное, непосредственное участіе. Золотушная болѣзнь лишила Г. Ѳ. зрѣнія еще на рукахъ кормилицы, и въ такомъ горестномъ положеніи оставался онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. На пятомъ году возраста, вмѣстѣ съ родителями поѣхалъ онъ въ Озерянскую пустынь (около 30 верстъ отъ Харькова), на поклоненіе чудотворной иконѣ Богоматери (*): здѣсь, въ то время, когда родители вмѣстѣ съ нимъ усердно молились предъ Святой иконой, чудеснымъ образомъ исцѣлилась его слѣпота.

Память объ этомъ дѣйствіи надъ нимъ благодати Божіей, набожность, развитая семейнымъ воспитаніемъ, наконецъ близкіе примѣры роднаго дяди его Наркиза, бывшаго Настоятелемъ Куряжскаго монастыря, и артиллерійскаго Поручика Бѣлевцова, связаннаго съ покойнымъ тѣсной дружбой и впослѣдствіи бывшаго, подъ именемъ Палладія, Настоятелемъ Курскаго монастыря, вселили въ юномъ сердцѣ горячее желаніе посвятить въ монастырскомъ уединеніи жизнь свою Господу, и, съ 12 лѣтъ, онъ началъ уже думать объ этомъ. Воля отца была однако же препятствіемъ къ осуществленію этой любимой его мысли.

(*) Эта икона находится нынѣ въ Куряжскомъ монастырѣ, въ 8 верстахъ отъ Харькова.

Digitized by Google

На пятнадцатомъ году возраста (1793, Дек. 11) Квитка вступилъ въ военную службу вахмистромъ Лейбъ-Гвардіи въ конный полкъ, изъ котораго 1 го Января слѣдующаго (1794) года былъ уволенъ Капитаномъ для поступленія въ статскую службу, и съ этого времени находился при Герольдіи не-у-дѣлъ по 13-е Октября 1796 года, когда вновь опредѣленъ былъ въ военную службу Ротмистромъ въ Сѣверскій карабинерный, переименованный потомъ въ драгунскій, полкъ. Изъ этого полка, въ Январѣ слѣдующаго (1797) года по прошенію былъ онъ уволенъ Капитаномъ.

Между тѣмъ мысль постричся въ монахи не оставляла его и въ 1802 году; послѣ женитьбы старшаго брата его, онъ удалился въ Куряжскій монастырь, гдѣ и оставался до 1804 года, соблюдая съ примѣрною строгостію уставъ монастырскаго житія. Непреклонная воля добраго и горячо любившаго родителя его, огорченнаго этою рѣшимостію, вызвала Квитку изъ монастырскаго уединенія. Въ Декабрѣ 1806 года, при формированіи милиціи онъ, по выбору дворянства, снова вступилъ въ службу Провіантскимъ Коммиссаромъ по Харьковскому уѣзду, и въ этой должности оставался по Іюнь слѣдующаго (1807) года.

Въ Январѣ 1812 года учреждено было въ Харьковѣ Благотворительное Общество, и Квитка въ Іюлѣ того же года избранъ Правителемъ дѣлъ этого Общества. Оставаясь въ семъ званіи до 1817 года, Г. Ѳ. оказалъ краю нашему такую услугу, которой одной было бы достаточно для сохраненія памяти о немъ въ далекомъ потомствѣ. Однимъ изъ главнѣйшихъ попеченій Совѣта Благотворительнаго Общества было доставленіе приличнаго воспитанія благородному юношеству бѣдныхъ семействъ. Дѣти мужескаго пола опредѣляемы были на иждивеніи Общества въ пансіонъ при Губернской Гимназіи; для воспитанія же дѣвицъ, ни въ Харьковской, ни въ сосѣднихъ губерніяхъ не существовало еще тогда общественныхъ учебныхъ заведеній. Квиткѣ принадлежитъ первая мысль объ учрежденіи

Digitized by Google

такого заведенія въ Харьковѣ; его же заботливости, трудамъ и жертвамъ принадлежитъ полное осуществленіе этой свѣтлой мысли. По его старанію, въ 1812 же году, открытъ былъ при Благотворительномъ Обществѣ *Институтъ благородныхъ дѣвицъ*, въ которомъ должны были получать воспитаніе изъ каждаго уѣзда Харьковской губерніи по двѣ дѣвицы благороднаго происхожденія изъ бѣднѣйшихъ семействъ, чтобы потомъ въ свою очередь быть наставницами и учительницами дочерей достаточныхъ помѣщиковъ. Съ самаго открытія Института, Квиткѣ поручено было Совѣтомъ Общества завѣдываніе учебною и хозяйственною частями въ этомъ вновь учрежденномъ заведеніи. Его усердной дѣятельности въ сей должности Институтъ обязанъ былъ не только довѣріемъ, которымъ вскорѣ почтило его дворянское сословіе Харьковской губерніи, такъ что, кромѣ воспитанницъ Общества, въ Институтъ были уже помѣщаемы и дочери помѣщиковъ, на собственномъ ихъ иждивеніи, но и Высочайшимъ вниманіемъ въ Бозѣ почивающей Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, повелѣвшей опредѣлить въ Институтъ на счетъ казны Ея Величества двухъ сиротъ дворянскаго происхожденія. Такое благоволеніе Всемилостивѣйшей Монархини родило въ Квиткѣ мысль объ исходатайствованіи Институту благодѣтельнаго Начальства и покровительства Ея Величества, и въ 1817 году онъ, избранный уже, какъ сейчасъ увидимъ, Предводителемъ Дворянства Харьковскаго уѣзда, имѣлъ щастіе всеподданѣйшее прошеніе о томъ Дворянства повергнуть на милостивое воззрѣніе Государыни Императрицы, во время пребыванія Ея въ Москвѣ. Въ томъ же 1817 году Институтъ ощастливенъ былъ поступленіемъ въ число заведеній, подъ Высочайшимъ покровительствомъ находящихся, и тогда же Предводителю Квиткѣ повелѣно было о составленіи Совѣта для управленія Институтомъ. Въ Январѣ 1818 года Квитка, по выбору дворянства, Высочайше утвержденъ былъ Членомъ Институтскаго Совѣта по части хозяйствен-

Digitized by Google

ной, и въ этой должности оставался по Май 1821 года. До самаго конца жизни онъ принималъ живѣйшее участіе въ развитіи и усовершенствованіи этого благодѣтельнаго учрежденія, взлелѣяннаго его трудами и любовью.

Съ Января 1817 года начинается и служба Г. Ѳ. по выборамъ дворянства, доставившая ему Монаршія награды и искреннее уваженіе этого почтеннаго сословія. На четыре трехъ-лѣтія сряду (1817 — 1829) избираемъ былъ Квитка Харьковскимъ Уѣзднымъ Предводителемъ Дворянства. Въ этомъ званіи, въ воздаяніе отличнаго усердія по устройству предполагавшагося къ учрежденію въ г. Харьковѣ Кадетскаго Корпуса, былъ Всемилостивѣйше награжденъ въ Августѣ 1825 года, Орденомъ Св. Анны 2 класса; за примѣрное же усердіе, оказанное во время шествія съ тѣломъ блаженной памяти Государя Императора Александра Павловича, удостоенъ въ Январѣ 1826 года Высочайшаго благоволенія; въ Августѣ, за выслугу лѣтъ, произведенъ въ чинъ Коллежскаго Асессора, а въ Декабрѣ того же года, за отлично ревностную службу, пожалованъ Орденомъ Св. Владиміра 4-й степени.

Почтенное сословіе дворянства, справедливо оцѣнивая всю важность заслугъ, оказанныхъ Квиткою въ теченіи долговременной службы его по выборамъ, признало справедливымъ, при увольненіи его въ 1828 году отъ должности Уѣзднаго Предводителя, торжественно засвидѣтельствовать ему свою благодарность особымъ письменнымъ актомъ, съ этою цѣлью составленнымъ.

Будучи избранъ дворянствомъ Харьковской Губерніи Совѣстнымъ Судьею, въ Январѣ 1832 года, и продолжая службу въ этомъ званіи 9 лѣтъ, Квитка удостоенъ былъ, въ Февралѣ 1836 года, новой Всемилостивѣйшей награды брилліантовымъ перстнемъ, а въ Декабрѣ слѣдующаго года чиномъ Надворнаго Совѣтника.

Въ Сентябрѣ 1840 г. былъ онъ избранъ Предсѣдателемъ Харьковской Палаты Уголовнаго Суда на 6

Digitized by Google

лѣтъ, и въ этомъ званіи состоялъ до самой кончины своей, бывъ еще избранъ, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, Членомъ вновь учрежденнаго въ Харьковѣ Тюремнаго Попечительнаго Комитета.

Кромѣ всѣхъ исчисленныхъ должностей, Квитка былъ еще внѣшнимъ Членомъ учрежденнаго въ 1817 году при Харьковскомъ Университетѣ Общества Наукъ (съ 27 Апрѣля того года) и Членомъ-Корреспондентомъ Статистическаго Отдѣленія Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, съ 1 го Декабря 1835 года.

Такова была служебная дѣятельность Квитки: ей посвящена была почти вся жизнь его отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, вся его заботливость, все усердіе! Облеченный довѣріемъ дворянства, онъ доказалъ, что умѣетъ цѣнить его и быть полезнѣйшимъ его членомъ. И между тѣмъ какъ это же довѣріе предоставляло ему право суда, часто рѣшительнаго и грознаго для подсудимыхъ, Квитка показалъ, что оставаясь вѣрнымъ блюстителемъ воли Монаршей и закона, можно быть ангеломъ-благодѣтелемъ преступныхъ; отъ его зоркаго, проницательнаго и опытнаго взгляда не укрывались малѣйшія обстоятельства, которыя могли бы говорить въ пользу виновнаго: и не одинъ изъ нихъ конечно обязанъ облегченіемъ своей участи его человѣколюбію и благородному стремленію дѣйствовать на подсудимыхъ болѣе *милостію на судѣ*, чѣмъ страхомъ наказанія. Не много конечно найдется лицъ, въ служебной дѣятельности которыхъ строгое исполненіе закона было соединено, какъ у покойнаго, съ кротостію и милосердіемъ, основами нравственности Христіанской.

Приступая къ обозрѣнію литературнаго поприща Г. Ѳ. Квитки, считаю излишнимъ говорить о томъ, что оригинальность таланта и дѣятельность доставили ему почетное мѣсто въ кругу избранныхъ литераторовъ нашихъ. Всякій знаетъ это. Кто не читалъ *Маруси*, *Божьихъ Дѣтей*, *Сердечной Оксаны*, и другихъ лучшихъ произведеній этого трудолюбиваго дѣлателя на поприщѣ Русской литературы? Кому не знакомы его

Digitized by Google

глубокое знаніе сердца человѣческаго, теплота чувства, которой исполнены его созданія, и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательная способность схватывать смѣшную сторону предмета и увлекать неподдѣльнымъ юморомъ всегда почти склонный къ насмѣшкѣ умъ читателя?

Литературное поприще свое покойный началъ участіемъ въ *Украинскомъ Вѣстникѣ*, издававшемся въ Харьковѣ, первоначально съ 1816 по 1818 годъ, какъ соиздатель его вмѣстѣ съ молодыми Харьковскими учеными Гонорскимъ и Филомаѳитскимъ, а потомъ только какъ сотрудникъ послѣдняго. Замѣчательнѣйшими статьями этого изданія были юмористическія письма *Ѳалалея Повитухина* къ редакторамъ: онѣ принадлежали перу Основьяненка и въ свое время имѣли большое вліяніе на кругъ читателей этого журнала.

Потомъ почти до 1830 года, онъ, занятый трудами службы, не могъ посвящать много времени занятіямъ литературой, но не оставлялъ ихъ совершенно. Плодами досуговъ его въ это время были нѣкоторыя изъ *писемъ къ Лужницкому старцу*, напечатанныя безъ имени автора въ *Вѣстникѣ Европы*, и комедія *Пріѣзжій изъ Столицы или суматоха въ уѣздномъ городкѣ*, напечатанная въ одной изъ книжекъ *Пантеона Русскаго Театра* за 1810 годъ и представляющая такое близкое сходство съ *Ревизоромъ* Гоголя, гораздо позже явившимся въ свѣтъ.

Первыми отдѣльно вышедшими въ свѣтъ произведеніями Основьяненка были двѣ комедіи подъ общимъ заглавіемъ *Дворянскіе выборы*, напечатанныя въ Москвѣ (1829 и 1830) безъ имени автора, въ двухъ частяхъ; вторая изъ нихъ, кромѣ общаго заглавія, носитъ еще отдѣльное: *Выборъ Исправника*. За этими первыми произведеніями въ 1834 явилась въ Москвѣ новая комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ *Шельменко, волостной писарь*, также безъ имени автора. Потомъ въ 1836 году были изданы: въ Харьковѣ *Сватанье*, Малороссійская опера въ 3-хъ дѣйствіяхъ, вторично напечатанная въ 1840 году, и въ Кіевѣ— *Краткое описаніе жизни Преосвященнаго Іоасафа Бѣло-*

Digitized by Google

градскаго, безъ имени Автора. Изданныя въ Москвѣ въ слѣдующемъ 1837 году двѣ книжки *Малороссійскихъ Повѣстей* быстро разошлись и въ 1841 году напечатаны вторымъ изданіемъ въ Харьковѣ. Въ 1838 году явилась въ свѣтъ *Козырь-Дивка*, и въ слѣдующемъ *Гапцуся*, объ повѣсти на Малороссійскомъ языкѣ; послѣдняя изъ нихъ напечатана была гораздо прежде въ Русскомъ переводѣ въ *Телескопѣ* (1832). Въ томъ же (1839) году были изданы — *Листы до любезныхъ землякосъ* — небольшая по объему, но мастерски написанная книжка, для Малороссіянъ-простолюдиновъ, заслужившая общее одобреніе и заставляющая искренно сожалѣть, что Авторъ ея не успѣлъ вполнѣ осуществить своихъ предположеній объ изданіи и другихъ книгъ для народнаго чтенія! Сознавая вполнѣ важность и необходимость этихъ пособій для умственнаго, духовнаго образованія народа, обладая притомъ въ совершенствѣ познаніемъ быта Украинцевъ, до малѣйшихъ его подробностей и неподражаемымъ искусствомъ приноравливаться къ ихъ образу мыслей, степени понятій, вкусу, наконецъ владѣя такъ мастерски языкомъ своихъ земляковъ — Основьяненко могъ конечно представить образцовыя произведенія въ этомъ родѣ, и съ какою любовію, съ какимъ горячимъ усердіемъ стремился онъ къ этой возвышенной цѣли! Въ началѣ минувшаго года написана была имъ на Малороссійскомъ языкѣ *Краткая Священная Исторія*, и тогда же передана на разсмотрѣніе Преосвященному Иннокентію, ученому и краснорѣчивому Архипастырю нашему: изданіе въ свѣтъ этой Исторіи было бы истиннымъ благодѣяніемъ для цѣлыхъ милліоновъ народа. Другою завѣтною его мыслію, къ сожалѣнію оставшеюся вовсе безъ исполненія, было составленіе также для чтенія простонародья хотя краткаго извлеченія изъ Свода Уголовныхъ Законовъ, съ цѣлію выяснять народу необходимыя, тяжкія послѣдствія преступленій; показать мѣру наказаній, опредѣляемыхъ за нарушеніе Закона, и тѣмъ самимъ благотворно дѣйствовать на нравственность народную. Смерть Осно-

Digitized by Google

вьяненко лишила насъ осуществленія этой благой мысли, достойной его благородной, возвышенной души, его кроткаго любящаго сердца.

Въ 1840 году вышли въ свѣтъ два произведенія Основьяненка: въ Харьковѣ *Шельменко-денщикъ*, комедія въ 5 дѣйствіяхъ, передѣланная Авторомъ изъ повѣсти его же — *Украинскіе Дипломаты*, напечатанной въ *Современникѣ*, а въ Петербургѣ — *Панъ Халявскій*, повѣсть въ 2хъ частяхъ, изъ которыхъ первая напечатана была прежде въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1839 года. Послѣднимъ отдѣльно, изданнымъ при жизни Основьяненка, произведеніемъ его было: *Похожденія Столбикова*, романъ въ 3хъ частяхъ, изданный въ Декабрѣ 1841 года въ С.-П.-Бургѣ, но написанный Авторомъ прежде Пана Халявскаго.

При такой постоянной дѣятельности Основьяненко былъ еще однимъ изъ усерднѣйшихъ сотрудниковъ новѣйшихъ журналовъ нашихъ. Это участіе началось съ 1838 года, когда въ *Современникѣ* явилась его *Маруся*, имѣвшая такой блистательный заслуженный успѣхъ. Съ того времени многіе изъ журналовъ постоянно украшались его произведеніями; въ этомъ отношеніи первое мѣсто принадлежитъ *Современнику:* въ теченіе нѣсколькихъ сряду лѣтъ въ каждой почти книжкѣ этого журнала печатались произведенія Основьяненка. Тамъ помѣщены были: въ 1838 г. — *Маруся*; 1839 — *Праздникъ Мертвецовъ*, *Дѣлай добро и тебѣ будетъ добро*, *Конотопская вѣдьма*, переведенные съ Малороссійскаго В. П. С.; 1840 — *Вотъ любовь*, *о Слободскихъ полкахъ*, *Козырь-Дѣвка*, *Украинскіе Дипломаты*, *Панна Сотниковна*, *Ложныя понятія*, *Званые гости*, *городъ Харьковъ*, *Ярмарка*; 1841 — *Фенюшка*, *Герой Очаковскихъ временъ*; 1842 — *Преданія о Гаркушѣ*. Статьи его, кромѣ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей, найдете также въ *Отечественныхъ Запискахъ* (1839 — *Головатый* — превосходный Историческій разсказъ, и I часть *Пана Халявскаго*; 1843 — 1812 годъ въ Провинціи), *Литературной Газетѣ* (1839 — *Вотъ тебѣ и кладъ*; 1841 —

Digitized by Google

Ботфортъ; 1842 — *Друзья, Водяжеры*), — *Пантеонъ Русскаго Театра* (1840 — *Пріѣзжій изъ Столицы или Сматоха съ уѣздномъ городкѣ*), *Маякъ* (1840 — *Перекотиполе*, и 1842 — *Быль*, разсказанная по Малороссійски), *Москвитянинъ* (1841 — *Маргарита Прокофьевна*, и 1842 — *Сердечная Оксана*), *Звѣздочка* (1843 — *Умныя дѣти* и *Св. Царица-Мученица Александра*) и другихъ журналахъ. Кромѣ того онъ готовъ былъ принимать участіе во всякомъ предпріятіи къ пользѣ отечественной литературы, если только отъ него желали подобнаго содѣйствія; такимъ образомъ спашьями его украшены были: *Утренняя звѣзда* (1843, — *Салдатскій патретъ* на Малорос.), *Новогодникъ* (1839, — отрывокъ изъ *Столбикова*), *Утренняя Заря* (1840 — *Божія дѣти*), *Ластовка* (1841 — *Сердешна Оксана*, на Малорос.), *Кіевлянинъ* (1841, — *Добрый Панъ*), *Русская бесѣда* (1842 — *Разказъ*), *Сказки за Сказкой* (1843, — *Солдатскій портретъ*, въ Русскомъ переводѣ), *Наши* (1843, — *Знахарь*), *Молодикъ* (1843, — *Основаніе Харькова*) и пр. Прибавимъ къ этому, что онъ не забывалъ также обогащать репертуаръ Харьковской сцены драматическими произведеніями. Такъ въ 1841 году поставлена была на сцену его комедія — *Бой-жинка*, а въ минувшемъ году — *Щира Любовь*, драма, передѣланная изъ не напечатанной Малороссійской повѣсти его же подъ этимъ заглавіемъ, съ которою впрочемъ Русскіе читатели знакомы по переводу, помѣщенному имъ самимъ въ Современникѣ, подъ заглавіемъ — *Вотъ любовь*. *Щира-любовь* — первый на Малороссійскомъ языкѣ опытъ драмы, приноровленной къ сценѣ, — безспорно принадлежитъ къ лучшимъ драматическимъ произведеніемъ этого автора. Обѣ этѣ пьесы не напечатаны.

Обозрѣвъ литературную дѣятельность Основьяненка, согласимся, что ей немного найдется подобныхъ въ современной литературѣ и въ особенности между повѣствователями. Не смотря однако же на эту плодовитость, на ту быстроту, съ которою слѣдовали одно за другимъ произведенія Основьяненка, каждое изъ нихъ

Digitized by Google

соединяетъ въ себѣ многія достоинства. Если иногда изложеніе (говорю о статьяхъ Русскихъ) не вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ взыскательной критики, но этотъ недостатокъ вознаграждается съ избыткомъ другими высокими достоинствами его созданій. Краски у Основьяненки всегда живы, ярки; онъ обладаетъ особеннымъ искусствомъ увлекать вниманіе читателя, не смотря даже и на излишество въ развитіи нѣкоторыхъ частей его произведеній; причина же этого увлеченія кроется конечно въ вѣрности поэтическаго изображенія природы и жизни Украйны, куда всего чаще любитъ онъ вести своего читателя; въ глубокомъ знаніи общества, изъ котораго заимствованы имъ дѣйствующія лица повѣстей и драмъ; въ естественности и истинѣ характеровъ этихъ лицъ; въ искусно созданной завязкѣ и мастерской разстановкѣ сценъ; въ тепломъ сердечномъ чувствѣ, разлитомъ въ его созданіяхъ, до слезъ трогающемъ читателя, и наконецъ въ высокомъ, неподдѣльномъ комизмѣ и искусствѣ выставлять на видъ смѣшныя странности, которыя наблюдательный взглядъ его умѣлъ открывать въ предметахъ и вещахъ, насъ окружающихъ.

Эти достоинства, рѣдко соединяющіяся въ одномъ и томъ же писателѣ, скоро доставили Основьяненку почетное имя въ нашей литературѣ и облизили его съ избраннымъ кругомъ писателей нашихъ, такъ что, не выѣзжая изъ Харькова, онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ и постоянной перепискѣ съ извѣстнѣйшими литераторами нашими, всегда уважавшими въ немъ и оригинальность таланта и полезную дѣятельность.

Говоря объ этой дѣятельности, не льзя еще не вспомнить, что Основьяненко вступилъ на поприще литературы безъ всякаго особаго къ тому приготовленія, что литературныя занятія были для него источникомъ постоянныхъ огорченій, потому что люди, которые могли и должны были бы принимать сердечное участіе въ успѣхѣ его трудовъ и радоваться тому, смотрѣли на это съ точки зрѣнія совершенно про-

Digitized by Google

тивуположной, что онъ съ благородною твердостію умѣлъ сносить эту тяжкую недолю — участь всѣхъ испытныхъ дарованій — и, не найдя ободренія къ дальнѣйшимъ трудамъ у близкихъ, нашелъ его у чуждыхъ и далекихъ, и достигъ всего при помощи однѣхъ только своихъ дарованій и трудовъ, что наконецъ изъ близкихъ къ нему только любимая супруга умѣла вполнѣ понять и оцѣнить важность этихъ трудовъ, и, принимая сердечное участіе въ успѣхѣ его занятій, была, по словамъ покойнаго, лучшимъ его совѣтникомъ и судьею...

Послѣднимъ литературнымъ трудомъ Основьяненка, при жизни его напечатаннымъ, былъ очеркъ жизни *Св. Царицы — Мученицы Александры*, помѣщенный въ Іюльской книжкѣ *Звѣздочки* и посвященный воспитанницамъ Харьковскаго Института: онъ предполагалъ продолжать составленіе для этого журнала подобныхъ статей, что безъ сомнѣнія было бы полезно по многимъ отношеніямъ. *Вояжёры* — драматическія сцены, были послѣдне-написаннымъ, оконченнымъ, но не напечатаннымъ произведеніемъ его пера: содержаніе этихъ сценъ заимствовано изъ разсказа подъ тѣмъ же заглавіемъ напечатаннаго въ *Литературной Газетѣ* за 1842 годъ.

Жизнь Г. Ѳ. Квитки, какъ гражданина и семьянина, была примѣромъ для всѣхъ и каждаго: да и могла ли быть иною жизнь человѣка, у котораго глубокая набожность и врожденная доброта были отличительными качествами сердца? Тихое, свѣтлое спокойствіе, разлитое въ благородныхъ чертахъ почтеннаго лица его, было отраженіемъ того душевнаго мира, который въ свою очередь былъ отраднымъ плодомъ жизни безукоризненной, всегда вѣрнаго исполненія своего долга и глубокой покорности волѣ Всемогущаго. Увлекательная привѣтливость, при строгой простотѣ въ обращеніи со всѣми безразлично, всегдашняя готовность къ помощи ближнему и содѣйствію во всемъ касавшемся блага родины и отечества, прямота души, не терпѣвшая пересудовъ и злословія, умъ свѣтлый и обширный, опыт-

Digitized by Google

ность, пріобрѣтенная долгою жизнью и зоркимъ наблюденіемъ людскихъ поступковъ, память, обогащенная множествомъ воспоминаній о быломъ, сколь различномъ отъ нашего времени и лицахъ, бывшихъ иногда главнѣйшими дѣйствователями, прелесть прошлаго, оживленнаго остроуміемъ и сердечною теплотою разсказа: вотъ что, въ каждомъ, первый разъ видѣвшемъ покойнаго, поселяло искреннюю, душевную привязанность къ нему, возбуждало чувства глубокаго уваженія и навсегда оставляло въ душѣ видѣвшаго неизгладимое, сладостное воспоминаніе о незабвенныхъ минутахъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ почившимъ....

Въ молодости Г. Ѳ. былъ большимъ любителемъ музыки и театральныхъ представленій. Онъ хорошо игралъ на разныхъ инструментахъ, но преимущественно любилъ флейту и самъ писалъ небольшія музыкальныя пьесы; заунывные, грустно-гармоническіе звуки были тѣми, коимъ наиболѣе сочувствовало его нѣжное, доброе сердце. Еще болѣе любилъ онъ принимать участіе въ представленіяхъ на домашнемъ, благородномъ театрѣ въ домѣ его родителей и всегда выбиралъ для себя роли веселыя, комическія. Не льзя не замѣтить, что это двойственность сердечныхъ наклонностей, отразившись въ произведеніяхъ пера Основьяненка, гдѣ простодушныя, трогательныя сцены, вызывающія слезы на глаза читателя, смѣняются другими веселыми и смѣшными до-нельзя, оставалось въ немъ до послѣднихъ дней жизни. Часто за остроумнымъ разсказомъ, оживленнымъ прелестью шутки и комизма, вырывался изъ груди его тягостный, грустный вздохъ, и печаль туманила его спокойное чело....

Не имѣя дѣтей, въ старости онъ былъ счастливъ любовью доброй, умной, образованной жены, вполнѣ умѣвшей оцѣнить его рѣдкій талантъ, и душевнымъ почтеніемъ всѣхъ знавшихъ его. Домъ Г. Ѳ. былъ всегда тихимъ пріютомъ науки и искусства; здѣсь не было мѣста для свѣтской болтовни, но за то разговоръ чаще всего обращался къ предметамъ и новостямъ учено-

Digitized by Google

литературнымъ; здѣсь находили ласковый пріемъ и обворожительное вниманіе молодые таланты, которые онъ всегда любилъ поощрять; здѣсь встрѣчались и люди, извѣстные уже своими дарованіями и трудами, считавшіе долгомъ поклониться рѣдкимъ талантамъ ума и сердца хозяина. И никто изъ нихъ не выходилъ отсюда безъ отраднаго, сладостнаго воспоминанія о его привѣтливости, добротѣ сердца и возвышенности мыслей. Почтенная наружность хозяина навсегда запечатлѣвалась въ памяти каждаго, и кто съ любовью не поклонялся этому свѣтлому образу въ тишинѣ собственнаго сердца?...

Одиннадцать дней продолжалась тяжкая болѣзнь, сведшая въ могилу Г. Ѳ. Квитку: принявъ съ спокойствіемъ истиннаго Христіанина, незнающаго страха смерти, всѣ приготовленія къ вѣчной жизни, которыми напутствуетъ вѣрныхъ чадъ своихъ Святая Церковь, тихо скончался онъ на рукахъ любимой супруги и нѣкоторыхъ изъ родныхъ, поспѣшившихъ къ одру страдальца.

10го Августа, въ приходской церкви, гдѣ поставленъ былъ наканунѣ гробъ усопшаго, совершена была Преосвященнымъ Иннокентіемъ литургія, и, по окончаніи оной, произнесено имъ глубоко назидательное надгробное слово о взаимныхъ отношеніяхъ жизни и смерти, въ концѣ котораго краснорѣчивый проповѣдникъ, въ немногихъ словахъ, вѣрно изобразилъ Христіанскую жизнь покойнаго.

Трогательна была минута прощанія съ почившимъ: обширная церковь была полна народу; всѣ сколько нибудь знавшіе покойнаго (а ихъ было не мало), поспѣшили отдать ему послѣдній долгъ; — и сколько слезъ непритворныхъ, горячихъ пролито было въ эту тяжкую минуту!

Вся площадь предъ церковью также наполнена была народомъ, ожидавшимъ начала печальной церемоніи. На рукахъ Начальника Губерніи и другихъ высшихъ должностныхъ лицъ вынесенъ былъ гробъ изъ церкви....

Digitized by Google

Густая, многочисленная толпа стѣсняла шествіе погребальной колесницы и провожала ее до самаго кладбища: это множество собравшагося народа (не забудьте, въ рабочій день) всѣхъ званій и состояній убѣдительно доказывало каждому, что у покойнаго было не мало искреннихъ почитателей возвышеннаго благородства прекрасной его души.

На кладбищѣ, надъ гробомъ, готовымъ уже сойти въ могилу и навѣкъ скрыть отъ насъ смертные останки того, кто будетъ всегда жить въ благодарной памяти всѣхъ знавшихъ его, Профессоръ Университета И. И. Срезневскій сказалъ нѣсколько словъ, исполненныхъ скорбнаго чувства объ этой нежданной утратѣ и глубоко пронувшихъ всѣхъ присутствовавшихъ.

Не могу не вспомнить и не подѣлиться съ читателями Москвитянина нѣкоторыми отрывками сказаннаго, вѣрно сохранившимися въ памяти моей.

„Подумаемъ ли, сказалъ онъ, о разсадникѣ воспитанія дѣвицъ въ нашемъ краѣ, роскошно цвѣтущимъ нынѣ подъ благодѣтельнымъ призоромъ Государыни нашей, — и вспомнимъ, что онъ, глубоко сознавая необходимость женскаго воспитанія, первый задумалъ объ этомъ заведеніи, первый положилъ ему начало, первый осмѣлился обратиться къ милостямъ Царицы.

„Подумаемъ ли о народѣ, о томъ, какъ важно для блага общаго распространеніе въ немъ истинъ Вѣры и Науки, правилъ мысли и жизни, — и вспомнимъ, что онъ, одинъ изъ первыхъ въ Украйнѣ сталъ думать объ этомъ, старался всѣми силами содѣйствовать этому, участвовалъ и въ открытіи народныхъ училищъ, жертвовалъ и трудомъ и имуществомъ для заведенія народной библіотеки; самъ брался за перо и писалъ для народа живымъ народнымъ языкомъ, такъ что заставлялъ и глубоко чувствовать и глубоко задумываться самого простаго селянина, доколѣ непонимавшаго силы слова.

„Подумаемъ ли о нашей современной Словесности, о даровитѣйшихъ изъ ея дѣлателей, — и вспомнимъ,

Digitized by Google

что онъ былъ въ числѣ этихъ избранниковъ, умѣлъ быть Русскимъ и по мысли, и по выраженію, и знаніемъ общества, сознаніемъ его нуждъ и требованій, его достоинствъ и недостатковъ.

»Взойдемъ ли въ одно изъ нашихъ святилищъ Закона и Правосудія, — и вспомнимъ, что онъ прежде предсѣдалъ тамъ, оживленный любовію къ отечеству, любовію къ людямъ, любовію къ правдѣ, ни разу не обвинилъ невиннаго, не разъ облегчилъ судьбу виновнаго, или хоть пролилъ надъ нимъ слезу сожалѣнія, — судилъ, возносясь думою къ Подателю святыхъ совѣтовъ.... Не забудемъ, ни о сиротахъ, имъ призрѣнныхъ, ни о бѣдныхъ, имъ облагодѣтельствованныхъ, ни о страдальцахъ, имъ утѣшенныхъ. Жизнь его вся была служеніемъ Богу и Отечеству.

»Этого ли мало, чтобы поминать покойнаго, чтобы чтить и благословлять его память, чтобы преклоняться предъ могилой его?....«

Не льзя не поблагодарить почтеннаго Профессора за это вѣрное и краснорѣчивое изображеніе заслугъ покойнаго.

Печальнымъ гуломъ погребальнаго звона раздастся скорбная вѣсть о смерти Основьяненка по Украйнѣ, которую онъ такъ пламенно любилъ, и, которая, въ свою очередь, платила ему тѣмъ же задушевнымъ, преданнымъ чувствомъ; на этотъ потрясающій сердце гулъ найдутся конечно въ душѣ Малороссійскихъ поэтовъ отзывные, грустно-гармоническіе звуки, достойные того, чье имя — лучшее украшеніе страницъ исторіи Малороссійской литературы — перейдетъ въ лучезарномъ ореолѣ славы къ далекому потомству, какъ переходитъ отъ поколѣнія къ поколѣнію завѣтное сокровище, неоцѣненный перлъ!

К. М. Сементовскій.

1843, Августа 25.
Харьковъ.

Digitized by Google

ОТРЫВКИ ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ РЕДАКТОРА.

Найдя въ одномъ своемъ Сборникѣ 14 древнихъ Проповѣдей, составляющихъ часть Златой Чѣпи, я сообщилъ объ нихъ извѣстіе Профессору Троицкой Духовной Академіи *А. В. Горскому*, съ просьбою объ Академической рукописи подъ тѣмъ же заглавіемъ, изъ которой въ ихъ журналѣ помѣщены слова Серапіоновы.

Изъ описанія ея, мнѣ присланнаго, открывается, что эти знаменитыя Слова находятся и въ оной — новое подтвержденіе ихъ древности, потому что Академическая Златая Чѣпь принадлежитъ къ XIII вѣку, а моя къ XV.

Г. Горскій пишетъ ко мнѣ между прочимъ слѣдующее:

»...Радуюсь отъ всей души вашимъ открытіямъ. Дорожу каждой строкою о нихъ. Видно въ нѣдрахъ земли Русской хранятся не одни самородки золота. Я здѣсь перечитываю, пересматриваю Лаврскія рукописи. Открывается, что у насъ, едва ли не изначала, былъ свой курсъ Проповѣдей на цѣлый годъ, и кажется, не одинъ. Что это было издревле, на это служатъ доказательствомъ опроверженія въ нѣкоторыхъ словахъ языческихъ суевѣрій и обрядовъ. Что это былъ цѣлый рядъ Проповѣдей, это видно изъ ихъ правильной преемственности по времени въ рукописяхъ. Что такой порядокъ поученій былъ не одинъ, это доказывается тѣмъ, что не во всѣхъ рукописяхъ встрѣчаются однѣ и тѣ же поученія.

Правда, многія изъ оныхъ поученій надписываются именами какихъ нибудь великихъ учителей Греческихъ, напр. Златоуста, Василія Великаго и др.; но сличеніе съ извѣстными твореніями сихъ мужей, простой складъ рѣчи легкой, не переводной, краткіе періоды, разсужденія въ одномъ поученіи о многихъ предметахъ, и при всемъ томъ, краткость въ сравненіи съ Греческими словами и бесѣдами, указанія на народные обычаи во многихъ поученіяхъ, часто даже ссылки на самихъ учителей Церкви, все это обличаетъ во многихъ поученіяхъ,

Digitized by Google

приписываемыхъ не Русскимъ, Русскихъ проповѣдниковъ (*). Отъ чего же произошло такое смѣшеніе? — Происхожденіе нѣкоторыхъ словъ такого рода можно объяснить тѣмъ, что первоначально составлены были извлеченія изъ писаній Восточныхъ Отцевъ на каждый воскресный день и на другіе праздники, по примѣру печатаемаго Слова Кирилла Туровскаго; къ заимствованному изъ Златоуста или изъ другаго какого-либо учителя Церкви проповѣдникъ прибавлялъ свое вступленіе, свое заключеніе. Отъ того его Слово, по главному содержанію, не принадлежало собственно ему, и надписывалось именемъ того Учителя Церкви, которымъ онъ пользовался. Здѣсь Русскій цвѣтъ отражается болѣе только въ этихъ придаточныхъ статьяхъ. — Но по примѣру сихъ Словъ, или потому, что вмѣстѣ съ такими Словами стояли въ первыхъ собраніяхъ поученія, избранныя изъ какого-либо Отца, и собственно Русскія, или Славянскія, стали подписываться такими же именами, хотя не принадлежали нисколько Златоусту или кому другому изъ Греческихъ Отцевъ. Русскому проповѣднику нуженъ былъ авторитетъ, который и давало ему имя великаго учителя. Его оправдывала въ семъ случаѣ та мысль, что онъ пользуется симъ именемъ не для себя, не для своихъ выгодъ, но для блага своихъ ближнихъ, что его ученіе дѣйствительно одно и то же съ ученіемъ древнихъ Отцевъ Церкви.

Я видѣлъ Слово, которое надписывается такъ: Слово Исаіи Пророка, исполковано Иваномъ Златоустомъ, о поставляющихъ вторую трапезу роду и рожаницамъ. Все оно направлено противъ извѣстнаго суевѣрія народнаго, которое обличается еще въ отвѣтахъ Нифонта Кирику, въ Словѣ нѣкоего Христолюбца. Между тѣмъ оно приписывается Пророку Исаіи, потому что его Слова противъ требъ языческихъ приводятся противъ нашихъ народныхъ суевѣрій, а имя Златоустаго

(*) Я забылъ сказать, что наши Русскіе проповѣдники любили говорить притчами, составляя ихъ сами болѣе или менѣе искусно. Опытъ этого можно видѣть и у Кирилла Туровскаго.

Digitized by Google

здѣсь употреблено едва ли не какъ имя нарицательное.

... Видѣлъ и я два Слова Климента, одно на Преображеніе Господне, другое на день Св. Димитрія Селунскаго. Но тогда, какъ въ первый разъ попались они мнѣ, я не зналъ еще, кому приписать ихъ. И теперь не знаю хорошо исторіи Климента. Кромѣ отрывковъ изъ житія его, помѣщенныхъ въ вашемъ переводѣ соч. Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи и у Ассемани, я ничего не видалъ.

.... Есть еще у меня въ виду Слово съ именемъ *Св. Кирилла*, краткое, съ очевидными признаками не Греческаго происхожденія; оно стоитъ въ такомъ Сборникѣ, гдѣ много, едва ли не всѣ напечатанныя поученія Кирилла Туровскаго. Но ни надъ однимъ изъ сихъ поученій нѣтъ такой надписи: *Святаго....«*

До сихъ поръ Г-нъ Г. — Вотъ прекрасная задача для нашихъ духовныхъ ученыхъ: сличить всѣ древнія проповѣди, разсѣянныя въ Сборникахъ, Торжественникахъ, Прологахъ, Житіяхъ, съ Греческими подлинниками, и сказать, которымъ ихъ не найдется. Филологи, получивъ эти указанія, приложатъ свои доказательства, какія Слова носятъ на себя признаки сочиненія, и какія обличаютъ переводъ; къ какому времени принадлежатъ онѣ, судя по тѣмъ или другимъ оборотамъ. Историки заберутъ справки, сообщатъ извѣстія по лѣтописямъ, кто, въ такое-то время, извѣстенъ былъ познаніями или краснорѣчіемъ, и тому под.

Раздѣленіе труда въ настоящемъ состояніи Русской Исторіи необходимо, и очень безразсудны, близоруки тѣ, которые думаютъ одни сдѣлать все, которые полагаютъ, что никто кромѣ ихъ ничего дѣлать не можетъ.

Судьба за то и наказываетъ ихъ, посылая драгоцѣннѣйшіе, важнѣйшіе документы, пропивъ коихъ иной томъ ничего не значитъ, въ руки скромныхъ, искрен-

Digitized by Google

нихъ друзей Русской Исторіи. Всякому свое! Ты хорошій корректоръ — благодарность тебѣ, и честь, и слава, за исправную корректуру, но не берись говорить объ учености, въ коей ты аза не знаешь! Не смѣй толковать вкось и вприлъ о классическихъ изданіяхъ, которыхъ ты не видывалъ. Ты вѣрный читальщикъ — благодарность тебѣ, и честь, и слава, за пріобрѣтенное искусство, приносящее столько пользы наукѣ; но не думай, чтобъ никто другой не умѣлъ читать, какъ и ты, и будь увѣренъ, что хорошо прочтенное тобою другой можетъ понять и оцѣнить иногда лучше тебя. Выходи сто дѣлателей на поле Русской Исторіи, и всякому найдется довольно дѣла, и всякій можетъ дѣлать открытія, и снискать себѣ честь и славу, принести пользу! Одинъ найдетъ, а другой оцѣнитъ, растолкуетъ, почему найденное важно. Кто любитъ Исторію, тотъ радъ открытію, не заботясь, самому ли посчастливилось сдѣлать его, или другому.

Но это мимоходомъ. Возвращаюсь къ своей перепискѣ, служащей доказательствомъ того, что сказалъ я выше.

Г. *Мурзакевичъ* изъ Одессы пишетъ къ мнѣ слѣдующее:

»Мнѣ попался въ руки списокъ полууставный, вѣка, примѣрно, XVI; въ немъ, кромѣ нѣсколькихъ бесѣдъ Максима Грека, помѣщена лѣтопись Несторова, кажется сходная съ Софійскимъ спискомъ. Послѣ извѣстныхъ словъ: и давъ имъ (Новгородцамъ) правду и оустлавъ, списавъ грамоту, рече: по сему ходите и держите якоже списахомъ вамъ — начинается Русская Правда. Въ ней имѣется нѣсколько отмѣнъ противъ извѣстныхъ списковъ, и даже послѣ статьи: »о мѣсячномъ рѣзу,« включено подробное изчисленіе »рѣзъ,« и именно »съ овецъ, козъ, свиней назимыхъ, кобылъ, лонскихъ кобылицъ, лонскихъ телицъ, пчелъ, ржи, не молоченой ржи, полбы не молоченой, молоченаго овса, ячменя молоченаго, не молоченаго жита, и сѣна.« Рѣзы сіи Карамзину извѣстны были изъ Горюшкинскаго списка (II, пр. 79). Не

Digitized by Google

помню хорошо: были-ль въ подробности они гдѣ-либо напечатаны. Жду съ нетерпѣніемъ вашего отвѣта, а также и въ слѣдующемъ. Въ этомъ же спискѣ, предъ лѣтописью, помѣщена: »Грамота выписана. изъ изъ великаго князя Александровы грамоты і изъ княж Константиновыхъ грамоты і изо всѣхъ приписковъ *Псковскихъ пошлинъ* по благословенію отецъ своихъ поповъ всѣхъ 5 Соборовъ і священниковъ і діяконовъ и всего божіа священства *всѣмъ Псковомъ на вѣчи.* в лѣто ‡ѕ҃це-е«. Послѣ этого заглавія грамота начинается такъ: »Се суд княжен. Ож клѣт покрадут за зомкомъ или сани под полстью или воз подъ шипягою, или лодью под полубы. или в ямѣ или скопа оукрадаютъ или сѣно сверху стога имат то все суд княжои. а продажи ѳ҃ денег, а разбои наход грабеж. ѳ҃ гривенъ. а Княжая продажа ѳ҃і денегъ. да д҃ деньги. Князю и посаднику. и владычню намѣстнику суд и на суд не судитъ. ни судіямъ ни намѣстнику княжа суда не судите«. и т. д. Изъ 404 примѣч. къ V тому, Карамзину извѣстно было лишь одно окончаніе сей любопытной грамоты. Онъ ее выписалъ изъ *Синодальной лѣтописи подъ N 348.* Исторіографу досталась пятнадцатая часть этой грамоты и притомъ окончательная. Не вѣдаю, зналъ ли онъ ее всю сполна, или только-то, что напечаталъ. Необходима справка съ Синодальною лѣтописью N 348. Если въ лѣтописи Синодальной именно то, что напечатано Карамзинымъ (въ V т. 404 пр.), то полезно издать »Грамоту« всю сполна: на что̀ я готовъ. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня въ приступѣ къ печатанію и Русской Правды и «Псковской грамоты.« Пускай и моя лепта падетъ въ корвану отечественной Исторіи. Изъ послѣдняго N° 6 Москвитянина, вижу, что и у васъ имѣется »Правда« съ варіантами: не сойдется ли она съ моею.«

Вотъ драгоцѣнное открытіе! Псковская Грамота должна быть очень важна! Юридическій памятникъ изъ XIII и XIV вѣка. Это такой medius terminus между Правдою II го и Уставомъ Іоанна III въ XV вѣкѣ, что

Digitized by Google

ученая Юриспруденція наша, еслибъ была знакомѣе съ древнимъ Русскимъ Правомъ, чѣмъ съ Нѣмецкимъ, Римскимъ и Китайскимъ, и еслибъ умѣла цѣнить его памятники, то обезпамятѣла бы отъ радости.

Я отвѣчалъ Г. Мурзакевичу, что справляться въ Синодальной Библіотекѣ трудно, да едва ли и нужно, потому что лѣтопись вѣрно отослана въ Археографическую Коммиссію. Судя же по словамъ Карамзина, въ ней вѣрно нѣтъ этой Грамоты, а только одно окончаніе. Еслибъ она была, то Карамзинъ помѣстилъ бы ея содержаніе въ текстѣ. Сказавъ въ примѣчаніи 404, т. V: »сію Грамату нашелъ я въ Синодальной лѣтописи подъ N0 348 на первомъ листѣ. Вотъ она: судитъ Владычню Намѣстнику,« и пр., онъ ясно даетъ знать, что только и нашелъ, что напечаталъ, и что больше въ лѣтописи Синодальной ничего не было. (Митрополитъ Евгеній также не говоритъ ничего болѣе Карамзина, въ своей Исторіи Псковской I, с. 44 и проч.).

Все лишнее у Г. Мурзакевича есть новое открытіе, чѣмъ болѣе важное, что время изданія грамоты опредѣлено въ 1398 году, и указанъ источникъ ея можетъ быть въ XIII вѣкѣ — въ Грамотѣ Великаго Князя Александра и Константина.

О какомъ Александрѣ идетъ здѣсь рѣчь? Объ Александрѣ Михайловичѣ 1327 — 1330? или объ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ, который приходилъ во Псковъ для освобожденія его отъ Нѣмцевъ? Не далъ ли онъ Псковичамъ какой нибудь Грамоты, какъ Ярославъ Новогородцамъ? Константина Псковскаго по Лѣтописямъ мы не знаемъ, кромѣ Константина Дмитріевича, Василіева брата, княжившаго одинъ годъ, 1407-й! Надо замѣтить что есть пропуски въ спискѣ Псковскихъ Князей. Будемъ, за юристовъ, ожидать съ нетерпѣніемъ изданія Псковской грамоты.

Рѣзы любопытны и важны какъ варіанты; а впрочемъ они были извѣстны Карамзину, и выписаны имъ въ примѣчаніяхъ. Не мѣшаетъ однакожь издать и ихъ.

Digitized by Google

Наконецъ сообщу любопытные отрывки изъ письма Г. *Сахарова.*

»Помогай вамъ Богъ въ вашихъ открытіяхъ. Не думайте, чтобы вы одни пророчествовали для описанія родины. Ваши открытія задѣли за живое. Русскую печатную библіографію я кончилъ до 1700 съ указаніями нумеровъ на пять библіотекъ. Теперь готовлю Указателя нашей Славяно-Русской письменной библіографіи съ указаніями на десять библіотекъ (*). Начинаю съ Болгаръ, Сербовъ, и перехожу къ своимъ старикамъ. Объ этомъ я подробно писалъ къ Кубареву. Какъ жаль, что я далеко отъ вашей библіотеки. Безъ вашей библіотеки у меня много будетъ пустыхъ мѣстъ. Нарочно за этимъ пріѣду зимой на мѣсяцъ въ Москву. Митрополитъ Кипріянъ оказывается у насъ чрезвычайнымъ человѣкомъ. Онъ сблизилъ насъ съ Славянскою грамотностію, когда у насъ все засыпало мертвымъ сномъ. Съ него начинается наше перерожденіе.

Обратили ли вы вниманіе на предисловія къ Евангелистамъ — Ѳеофилакта Болгарскаго? Здѣсь Славяне, безъ участія Грековъ, подарили насъ своими переводами. Кстати: извѣстно ли вамъ другое сочиненіе Ѳеофилакта Болгарскаго: *Житія 15 мучениковъ Болгарскихъ?* Здѣсь исчислена вся родословная Болгарскихъ Царей. Здѣсь разрѣшается вся путаница Болгарскихъ замѣтокъ, написанныхъ Стрыйтеромъ.

Сербскій переводъ съ Зонары хранится въ Волоколамской библіотекѣ, отд. 2, N 214. *Лѣтопись Симеона Логовета* хранится въ Московской Синодальной библіотекѣ въ двухъ рукописяхъ N 88 и N 201.

Нумера выставлены по старому Каталогу Синодальной библіотеки.

Я просилъ Г. Сахарова доставить подробное извѣстіе о Ѳеофилактовой жизни Болгарскихъ 15 мучениковъ. Предчувствую, что эта статья прольетъ много свѣта на древнѣйшую Исторію Христіанства и письмен-

(*) Такой указатель былъ въ числѣ моихъ плановъ; я предлагалъ его нѣкоторымъ молодымъ людамъ, и очень радъ, что Г. Сахаровъ принимается за него. *М. П.*

Digitized by Google

ности въ Болгаріи, коею преимущественно занимается теперь Шафарикъ.

Сколько драгоцѣнностей разсыпано у насъ на всякомъ шагу. Лишь только прикоснулись мы къ сборникамъ, вотъ сколько уже открылось любопытнаго и важнаго. Скажу еще вотъ что: за открытіями не надо ходить далако — перечтемъ самыя обыкновенныя книги, и въ нихъ найдемъ мы множество новаго.

Въ Прологѣ, въ Прологѣ, сколько есть важнаго, до сихъ поръ неприкосновеннаго! Имѣя ихъ двадцать списковъ въ своей Библіотекѣ и предполагая, что они прочтены, тѣмъ болѣе, что Карамзинъ иногда ссылается на Пролога, я не обращался къ нимъ. Но нынѣ лѣтомъ прислали мнѣ изъ Нижняго Харатейный списокъ XIV вѣка, я сталъ перебирать его, и нашелъ множество любопытныхъ вещей, до сихъ поръ не употребленныхъ въ дѣло, напр.

Въ тотъ же день священие церкви святаго Георгия в Кіевѣ. предъ врапы Святыя Софія.

Блаженны и приснопамятны всея Рускыя земля Князь Ярославъ, нареченыи в святомь крещеньи Георьгии сынъ Владимѣрь крестившаго землю Рускую, братъ же святою мученику Бориса и Глѣба, се всхотѣ создати церковь в свое имя святаго Георгія. Да еже всхотѣ и створи, и яко начаша здати ю, и не бѣ многа дѣлатель у нея. И се видѣвъ Князь призва Тиуна: По что не много у церкве стражющихъ. Тиунъ же рече: понеже дѣло властелское боятся людье, еда трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече Князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ в комары Златыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ, да возмуть кождо по ногатѣ на день. И бысть множьство дѣлающихъ. И тако вскорѣ конча церковь. И святи ю Ларіономь Митрополитомь, мѣсяца Ноября въ к̄s день. И створи в неи настолование новоставимымъ Епископомъ. И заповѣда по всеи Руси створити праздникъ Святаго Георгия мѣсяца Ноября к̄s день. *М. Погодинъ.*

Digitized by Google

КРИТИКА.

ОБОЗРѢНІЕ СЛОВЕСНОСТИ РУССКОЙ ЗА 1842 ГОДЪ.

(Продолженіе).

Путешествія.

Винюсь передъ читателями въ томъ, что до сихъ поръ не продолжалъ прерваннаго мною обозрѣнія произведеній Русской Словесности за 1842 годъ. Я разсмотрѣлъ явленія по части литературы, какъ искусства, и литературы какъ ремесла или промысла. Къ сожалѣнію, сей послѣдній видъ Словесности пускаетъ далеко свои корни въ нашемъ отечествѣ. Теперь ожидаетъ меня другая область, болѣе утѣшительная, область историческая и филологическая.... Однако не вдругъ могу я вступить туда, а черезъ небольшой переходъ, гдѣ насъ встрѣтятъ нѣсколько путешествій, болѣе или менѣе замѣчательныхъ.

Туризмъ вошелъ у насъ въ обычай. Послѣ Англичанъ мы, конечно, первые отличаемся имъ между Европейцами, кочующими на пароходахъ, въ паровозахъ и дилижансахъ образованнаго міра. Но Русскій туристъ вообще превосходитъ Англійскаго живымъ употребленіемъ языковъ, своею расторопностью, умѣньемъ никому не навязывать свою національность и уваженіемъ къ другимъ народамъ. Мы разумѣемъ нашихъ туристовъ образцовыхъ, а конечно не всѣхъ безъ исключенія. Какъ намъ и не участвовать въ туризмѣ Европейскомъ, когда ужь Петербургъ и Москва попали на его непремѣнную карту, когда обѣ столицы наши завербованы навсегда въ магическій кругъ Европейскихъ странствій! Ужь теперь

Digitized by Google

намъ нечего радоваться пріѣзжимъ, угощать ихъ и задобривать чтобъ не молвили дурнаго слова: гостей въ волю — всѣхъ не передѣлать намъ на свой ладъ. Пускай узнаютъ насъ лучше: вотъ этого-то трудно намъ опять нихъ добиться. Они доступнѣе для насъ, чѣмъ мы для нихъ.

Нельзя же, чтобы новая страсть наша къ заграничнымъ путешествіямъ не отозвалась и въ литературѣ. Въ 1842 году вышло четыре Путешествія, изъ которыхъ три касаются чужихъ земель, одно — области хотя нашей, но почти чужой для насъ по языку и племени. Первый изъ туристовъ — Г. *Гречъ:* онъ объѣздилъ Германію, часть Швейцаріи и Италію, и вотъ посылаетъ намъ свои *Письма съ Дороги.* Любо видѣть Г. Греча, когда онъ ѣздитъ по своей любезной Германіи. Тутъ онъ въ такомъ добромъ, веселомъ, даже нѣжномъ, можно сказать чувствительномъ расположеніи духа, особливо когда говоритъ о водахъ, принесшихъ ему изцѣленіе. Всего только разъ и разсердился онъ во время поѣздки своей въ Германію, и то когда вспомнилъ о книгѣ Г. Кёнига, объ этомъ *ненавистномъ для* него дѣлѣ, какъ онъ самъ выражается. Мы нашли здѣсь много любопытнаго для біографіи нашего Граммапика, напримѣръ, что онъ родился 3-го Августа (жаль, что не прибавлено, какого спиля?), и въ этотъ самый день въѣхалъ въ Швейцарію; что у Г. Соломона Гейне за обѣдомъ ѣлъ онъ сочную, вкусную зелень, свѣжую рыбу и всякіе компоты; что близъ Кобленца посѣтилъ онъ деревню Винтингенъ, на берегу Мозеля, гдѣ Г. Булгаринъ, въ 1811 году, стоялъ уланомъ, (какое грустное воспоминаніе!); что въ Франкфуртѣ онъ далъ Г. Профессору Рулье слово дѣйствовать усердно къ распространенію познанія естественныхъ наукъ въ Россіи. Все это, равно какъ и многое другое о знакомыхъ и встрѣчахъ Г. Греча, весьма важно для его біографіи и любопытно можетъ быть для его близкихъ и друзей. Мы же, изъ всего его путешествія по Германіи, прочли съ живымъ

Digitized by Google

участіемъ только одинъ любопытный отрывокъ о Королевѣ Виртембергской Екатеринѣ Павловнѣ, переведенный имъ съ Нѣмецкаго, — и еще заняли насъ подробности о нѣкоторыхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ города Гамбурга. Слѣдя Г. Греча въ его разсказахъ о Германіи, мы замѣтили въ немъ излишнюю охоту навязывать всѣхъ своихъ знакомыхъ читателямъ, а себя своимъ знакомымъ. Вѣдь не всѣ же хотятъ печатной извѣстности; но благодаря этой странной ловлѣ, ужь конечно ничье имя изъ путешественниковъ, попадавшихся Г. Гречу на дорогѣ, не могло избѣжать станка типографскаго. Впрочемъ у всякаго своя страсть.

Въ разсказахъ о Швейцаріи мы съ любопытствомъ выслушали подробности свиданія съ Цшокке.... Но скажите — за чѣмъ Г. Гречь ѣздилъ въ Италію? Стоило ли труда разстроить всѣ плоды Эмскаго леченія такимъ непріятнымъ путешествіемъ? Какъ веселъ и счастливъ былъ нашъ туристъ въ своей милой, родной Германіи! Лишь только въѣхалъ въ Италію, — вдругъ перемѣнился. Все пошло не по немъ: и то не такъ, и это не такъ! Читая разсказы Г. Греча о всѣхъ непріятностяхъ, какія съ нимъ были и отъ паспортовъ, и отъ трактировъ, и отъ нечистоты, и отъ воздуха, мы душевно сожалѣли о Г. Гречѣ и на всякой страницѣ повторяли: ахъ, за чѣмъ онъ поѣхалъ въ Италію! какъ можно было Г-ну Гречу поѣхать въ Италію! какой злодѣй далъ Г. Гречу дурной совѣтъ ѣхать въ Италію!

Вотъ какъ Г. Гречь путешествовалъ по Италіи. Пріѣдетъ онъ въ какой нибудь городъ: сначала разбранитъ его, его жителей, разумѣется, судя объ нихъ по слугамъ трактирнымъ, потомъ достанется полиціи за паспорты, догонитъ за осмотръ.... Нагнѣвавшись вдоволь, Г. Гречь начинаетъ вамъ разсказывать незанимательно исторію этого города, выписанную имъ изъ какого нибудь дорожника. Далѣе говоритъ о достопримѣчатель-

Digitized by Google

носпяхъ его, говоритъ такъ, какъ можно бы говорить и въ комнатѣ у себя, на Невскомъ проспектѣ, окружившись извѣстными дорожниками. Развалины ли это, произведенія ли живаго искусства, все описывается подъ одинъ цвѣтъ, безъ всякаго участія. Картины обыкновенно высчитываются гуртомъ. Когда же захочется Г. Гречу произнести какое нибудь сужденіе, то онъ выписываетъ изъ Валери, Эвальда, Шатобріана, даже Жюль-Жанена и другихъ путешествій по Италіи, какъ будто бы ему самому о такихъ предметахъ не льзя

и смѣть

Свое сужденіе имѣть.

Италія — одна и та же для всѣхъ путешественниковъ: ей не льзя же измѣниться для Г. Греча. И Г-ну Гречу нельзя измѣниться для нея. Все зависитъ отъ взгляда того кто странствуетъ: и у Г. Греча есть *свой* взглядъ на Италію. Трудно опредѣлить и назвать его: а мы бы назвали этотъ взглядъ *полицейскимъ* — и не льзя иначе. Г. Гречь, можно сказать, путешествовалъ въ Италіи по части *порядка*, *чистоты и опрятности*.

Лишь только выѣхалъ онъ изъ Швейцаріи въ Италію, лишь только спустился съ высотъ Сенъ-Готара въ виноградныя долины Авзоніи, — что, думаете вы, обратило на себя его вниманіе? — Пускай путешественникъ самъ вамъ разскажетъ: вотъ первыя слова его объ Италіи, когда онъ въ нее въѣхалъ. »Исчезаетъ Нѣмецкая опрятность, и начинается Италіянская нечистота, но еще не въ такой степени, какъ въ настоящей Италіи. Умывальники стоятъ не на столикахъ, а на какихъ-то высокихъ таганахъ. Постели превысокія. Перины набиты соломою. Бѣлье чистое, но толстое. Каждую посудину должно перемыть и перетереть, чтобъ не съѣсть или не выпить чего нибудь лишняго.«

Г. Гречь ничему не изумился въ Италіи; ни Миланскій соборъ, ни Римъ, ни Неаполь, ни Венеція, ни

Digitized by Google

Преображеніе Рафаэля, ни Колизей, ни Пантеонъ, ни Помпея, словомъ, ничто, почти ничто не привело его въ изумленіе; правда, что храмъ Св. Петра на него подѣйствовалъ нѣсколько ... Но знаете ли, что еще болѣе его изумило? — Какъ бы вы думали? — Деревня Ронко. — Отъ чего же такъ? — спро́сите вы. А вотъ отъ чего: Г. Гречь нашелъ въ этой деревнѣ гостинницу чистую, лѣстницу выметенную, комнаты чистыя, свѣтлыя, порядочныя, столовое бѣлье тонкое, посуду опрятную, столъ хорошій. »Гдѣ мы? спросилъ онъ у порядочнаго прислужника. — »Въ Ронко,« отвѣчалъ онъ. — »Не ужели это въ Италіи?« спросилъ Г. Гречь далѣе. — »Точно въ Италіи,« сказалъ прислужникъ, не *понимая его изумленія*....

Деревня Ронко и храмъ Св. Петра только одни во всей Италіи могли привести въ изумленіе Г. Греча. Но и въ самомъ храмѣ Св. Петра, въ этомъ первомъ по великолѣпію храмѣ просвѣщеннаго міра, чего не забылъ похвалить Г. Гречь? — Онъ и тутъ не забылъ про свою любимую *чистоту*... »Свѣтъ въ немъ не яркій, но достаточный; воздухъ прохладный; тишина священная; *чистота, какой нѣтъ во всей Италіи.* Все это поражаетъ чувства *и возвышаетъ душу.*« —

Г. Гречь пріѣхалъ въ Римъ... а знаете ли, какъ онъ пріѣхалъ въ Римъ? Онъ пріѣхалъ въ Римъ преоригинально, какъ никто, конечно, не пріѣзжалъ въ первый разъ въ Римъ. Вотъ его слова:

»Я задремалъ было. Вдругъ карета остановилась. Я опустилъ окошко. Что это такое? — »*Ничего*, сударь,« отвѣчалъ мнѣ кто-то: »вы пріѣхали въ Римъ. Пожалуйте паспорты.....« Правда, что Г. Гречь въѣхалъ въ Римъ часовъ въ 10 ночи, судя потому, что въ 8 выѣхалъ изъ Альбана. Бываютъ люди, которымъ не спится при въѣздѣ въ Римъ, особливо въ первый разъ... Но Г. Гречь выше всего этого.... и онъ самъ не знаетъ еще, что̀ съ нимъ было.... Мы доскажемъ за него то, чего онъ самъ не замѣтилъ. Онъ ѣхалъ въ Римъ изъ

Digitized by Google

Неаполя, въѣзжалъ въ заставу Лашеранскую и на пути къ таможнѣ, какъ всегда бываетъ, долженъ былъ проѣхать мимо Колизея.... и проѣхалъ вѣроятно сонный! Это очень оригинально.

Но вотъ утро.... Вотъ первое письмо Г. Греча о Римѣ.... Читаемъ содержаніе: *Наружный видъ Рима. Опрятность. Русское посольство....* Каждый, пріѣхавшій въ Римъ, спѣшитъ по обыкновенію въ Пантеонъ и храмъ Св. Петра.... Это ужь общее чувство нетерпѣнія, въ которомъ сходятся всѣ путешественники міра. Нѣтъ, Г. Гречь и тутъ остается вѣренъ своему полицейскому воззрѣнію.... Вотъ его первыя впечатлѣнія въ Римѣ. »Сходя съ крыльца, готовился я найти на улицахъ Рима то же, что и въ Неаполѣ: нечистоту, безпорядокъ, шумъ, смрадъ, убожество и нищенство. Ничуть не бывало. Улицы не очень широкія, но прямыя, *опрятныя*, обсаженныя благообразными домами. (Такъ Г. Гречь называетъ дворцы Римскіе). Люди на улицахъ всѣ порядочно одѣты. Нѣтъ ни босыхъ, ни ободранныхъ; не скачутъ во весь опоръ безобразныя одноколки, набитыя каррикатурами. Все тихо, чинно и порядочно.«

Г. Гречь былъ въ Венеціи; тамъ, подъ свинцовыми кровлями, очень понравилась ему своею чистотою та комнатка, въ которой содержался Сильвіо Пеллико. Вотъ что онъ говоритъ объ ней: »Сильвіо Пеллико, въ іезуитскомъ лицемѣріи своемъ представилъ мѣсто заключенія своего въ Венеціи какимъ-то дантовскимъ адомъ, а это была комнатка свѣтлая, *чистая*, на свѣжемъ воздухѣ«.... Но для точности надо было прибавить: подъ свинцовыми кровлями и во время жаровъ Іюля и Августа, когда весь воздухъ былъ наполненъ комарами, а постель клопами, какъ говоритъ Пеллико. Хорошо было Г. Гречу любоваться опрятностью тюремной комнаты, въ Октябрѣ мѣсяцѣ!

Вотъ еще весьма оригинальное замѣчаніе Г. Греча: »спросятъ, можетъ быть: не ужели все грязно въ Италіи? Нѣтъ, не все. Есть предметы и опрятные. —

Digitized by Google

А что именно? — Свиньи, говорю я не шутя: онѣ здѣсь черныя цвѣтомъ, гладкія, свѣтлыя.« — Вотъ единственный почти предметъ, во всей сѣверной Италіи, который удостоился похвалы Г. Греча.

Правда, что это замѣчаніе сдѣлано было на первыхъ порахъ его прибытія въ Италію. Но вотъ что говоритъ путешественникъ, выѣзжая изъ страны: »первое впечатлѣніе ея меня разочаровало и *огорчило* (!): я вовсе не находилъ въ ней того, *чего искалъ*. Потомъ познакомившись съ нею короче, попривыкнувъ къ ея особенностямъ, странностямъ и неудобствамъ, *вникнувъ въ сокровища ея природы, древностей и искусства, я — не перемѣнилъ прежняго мнѣнія*, но дополнилъ и объяснилъ его во многомъ«....

Какое же было прежнее мнѣніе путешественника? — Послѣ многихъ восклицаній о нечистотѣ и неопрятности, которыя мы уже видѣли, онъ выразилъ его такими словами: »Вотъ начало Италіи: нѣтъ ни жару, ни музыки, ни оперы, ни того голубаго неба, о которомъ напослованы намъ восторженные страннники. Вообще мнѣ кажется, что большая часть путешественниковъ поступаютъ какъ тѣ люди, которыхъ на качеляхъ заманиваютъ громкимъ объявленіемъ въ какой-нибудь *жалкій балаганъ:* войдетъ, увидитъ, что не стоило труда входить и глядѣть, посердится, но вышедши оттуда, стыда ради хвалитъ, чтобъ не признаться, что его обманули. Но это лишь начало: посмотримъ, что будетъ впредь.«

Вотъ чѣмъ началъ Г. Гречь свои наблюденія: мы видѣли выше, что онъ тоже самое мнѣніе дополнилъ и объяснилъ во многомъ.

Чего же искалъ Г. Гречь въ Италіи? Мы видѣли, что онъ искалъ въ ней всего болѣе *чистоты и опрятности*... Но кто же съ такимъ одностороннимъ полицейскимъ воззрѣніемъ смотритъ на Италію? Стóило прочесть ему книгу любимаго же имъ Нѣмецкаго путешественника Николаи, и туда не ѣздилъ.

Digitized by Google

Италію можно сравнить съ древнею мастерскою славнаго художника: входя въ нее, не ищите мелочныхъ удобствъ и порядка обыкновенной жизни. Конечно, скажете вы, лучше бы было, если бы Италія съ красотами искусства и природы соединяла и другое. Но что дѣлать? Видно совершенства нѣтъ ни въ одномъ явленіи жизни человѣческой. Есть городки чистые, опрятные, чинные, вытянутые по струнке, но въ нихъ за то нѣтъ той художественной жизни, которою живетъ Италія. Васъ удовлетворитъ полицейскій порядокъ, но душа останется мертва. Ея не запронетъ ни одно впечатлѣніе. Въ Италіи города, для Г. Греча, кучи камня съ грязью и пылью: не шаковы они для художника или для человѣка, одареннаго чувствомъ красоты.

Въ Италію ѣздятъ за впечатлѣніями искусства и природы: человѣкъ, который неспособенъ къ воспріятію ихъ, лучше и не говори объ Италіи. Ни одна галлерея, ни одна картина, ни одна статуя не возбудила никакого чувства въ Авторѣ писемъ. Всѣ красоты, всѣ ея сокровища мелькали напрасно и безъ значенія передъ его взорами. Скучно видѣть, какъ онъ высчитываетъ гуртомъ имена живописцевъ, и ихъ произведеній, говоря о галлереяхъ Италіи. Весьма часто забываетъ онъ лучшія. Бѣда его, если случится ему высказать свое собственное мнѣніе: это, правда, рѣдко, но всегда не впопадъ. Такъ, напримѣръ, статуи, украшающія Миланскій соборъ, Г. Гречь называетъ превосходными издѣліями Италіянскаго рѣзца. Онѣ велики числомъ, но не замѣчательны работой. Валери выражается объ нихъ справедливо: toute cette population de pierre est commune de forme et d'expression. Въ нихъ даже нѣтъ той опрятности, которую вездѣ любитъ Г. Гречь: ибо онѣ почернѣли отъ пыли и времени. Между тѣмъ не понимаемъ, за что совершенно осудилъ Г. Гречь барельефы тріумфальныхъ воротъ Милана (Arco della Pace). Надъ ними трудились лучшіе ваятели Ломбардскіе: Marchesi, Paccetti, Monti, которые пользуются въ мірѣ современ-

Digitized by Google

наго искусства значительною славою. — »Италія упала въ искусствахъ изящныхъ, говоритъ Г. Гречь, и великія творенія праотцевъ не одушевляютъ *нынѣшнихъ художниковъ!*« Этого никакъ не льзя сказать вообще, безъ всякаго исключенія, увидѣвъ напримѣръ мастерскую Тенерани, достойнаго преемника Кановы и Торвалдсена. Ваяніе въ Италіи цвѣтетъ, какъ давно уже не процвѣтало, и здѣсь-то именно художники одушевляются только твореніями праотцевъ, воспоминаніями прежняго, потому что само искусство чуждо значенія современнаго. Чтобы дать понятіе читателямъ о вкусѣ въ художествахъ Г-на Греча, стóитъ сказать, что онъ великую дѣятельность Микель Анжело, этого человѣка о четырехъ душахъ, какъ называлъ его Пиндемонте (*), строившаго храмъ Св. Петра, писавшаго Страшный Судъ, создавшаго образъ Моисея, — сравниваетъ съ дѣятельностью кого бы вы думали? — Николая Алексѣевича Полеваго.

Г. Гречь, высчитывая произведенія искусства по извѣстнымъ галлереямъ или храмамъ, безпрерывно минуетъ самыя значительныя. Въ Миланской галлереѣ Брера забыты: *Агарь Гверчино*, *Бракъ въ Канѣ Павла Веронеза*, *Успеніе Луини*. Въ Генуѣ ни слова объ убіеніи Св. Стефана, чудной картинѣ Рафаэля и Джуліо Романо, ни слова о статуяхъ Пюже, о барельефахъ Скіафино alle Scuole pie, а большія подробности о томъ, какъ Г. Гречь ругалъ трактирщика. Въ Пизѣ не упомянуты даже тѣ изваянія, которыя играютъ такую важную ролю въ исторіи первоначальнаго искусства Италіи. — Въ Римѣ, высчитывая церкви, славныя картинами, путешественникъ забываетъ Sant' Andrea della Valle, церковь, въ которой лучшія фрески Доминикина. Въ Гротѣ Феррашѣ, Г. Гречь не подумалъ взглянуть на другія фрески того же живописца, изображающія жизнь Св. Нила. — О Болоньѣ, говоритъ Г. Гречь,

(*) У Г. Греча Пиндельмонте.

Digitized by Google

можно было бы написать *кое-что* (!), если бы только было время осмотрѣть ее.« Онъ даже и не побывалъ въ Болонской галлереѣ, чтобы взглянуть на Pietà Гвидо Рени и на Цецилію Рафаэля... Въ Венеціи онъ не замѣшилъ Тиціанова Вознесенія Божіей Матери и картинъ Павла Веронеза, которыя живостью лицъ могутъ поразить не только образованнаго человѣка, но даже и простаго дикаря, если бы случилось ему войти въ галлерею. Всего этого, какъ видно, путешественникъ, увлекшійся слишкомъ чистотою и опрятностью, не искалъ въ Италіи.

Собираясь странствовать по такой землѣ и особенно писать объ ней, не худо бываетъ познакомиться хотя нѣсколько съ исторіею искусства. Авторъ писемъ не счелъ за нужное сдѣлать такія приготовленія. Весьма забавны ошибки, встрѣчающіяся у Г. Греча въ этомъ отношеніи. Аннибалъ Караччи (1558—1601), который родился 38 лѣтъ спустя по смерти Рафаэля, и Таддео Цуккари, родившійся спустя 9 лѣтъ, названы учениками Рафаэля (1483—1520) (см. Т. 3. стран. 59). Между архитекторами, строившими дворецъ Фарнезе, Г. Гречь именуетъ небывалаго Винколо (Т. 3. стран. 151): догадываемся, что это долженъ быть Виньола, строившій первый этажъ его. — Знаменитая картина 18-лѣтняго Рафаэля въ Ватиканѣ: *Вознесшейся Божіей Матери*, названа у Г. Греча: Богородица съ цвѣтами (Т. 3. 159). *Теньеръ* попалъ въ *Тенирсы* (Т. 2. стран. 133) въ галлереѣ Неаполитанской, а вмѣсто *Прете* Калабрезе стоитъ *Прети*. — Между славными уроженцами Милана забыты Борромеи, Монти, Лунги, Джіоіа и другіе (Т. 2. 23). — Видно и по части древностей Г. Гречь не совершилъ никакихъ предварительныхъ приготовленій. Въ Амброзіанской библіотекѣ Милана онъ не обратилъ вниманія на палимпсестъ Гомера, открытый Анджеломъ Маіо. Въ Римѣ, Авторъ Русской Грамматики былъ въ церкви Св. Климента, гдѣ почиваютъ мощи Св. Кирилла, первоучителя Словенской грамоты, и того не замѣшилъ. — »Въ долинѣ,

Digitized by Google

между холмами Палатинскимъ и Авентинскимъ, было озеро (Velabrum),« говоритъ Г. Гречь (Т. 3. стран. 9). Это несправедливо. Оба холма раздѣлялись великимъ циркомъ (Circus maximus), а Велабрумъ, мѣсто болотистое отъ разливовъ рѣки, шло отъ подножія Палатинскаго холма къ Тибру.

Выберемъ еще нѣсколько отдѣльныхъ замѣтъ Г. Греча. Онъ удивляется въ Италіи *отсутствію цвѣтовъ* (Т. 2. стран. 11), а между тѣмъ Флоренція отъ богатства ихъ, какъ говорятъ, получила свое названіе. — Судя по разсказамъ путешественника, подумаешь, что въ Неаполѣ просто рѣжутъ на улицахъ. »Если видите, говоритъ Г. Гречь, что тащатъ что-либо изъ чужаго кармана, берегитесь остерегать жертву: помощникъ вора нерѣдко благодаритъ за это ножемъ въ бокъ.« Между тѣмъ Г. Гречь ни слова не сказалъ о благоразумномъ распоряженіи царствующаго Неаполитанскаго Короля, которымъ обезпечена безопасность дорогъ въ его Королевствѣ. Король возложилъ отвѣтственность за грабежъ, производимый отъ разбойниковъ надъ путешественниками, на тѣ города и мѣстечки, черезъ которые идетъ дорога: извѣстно, что жители сами бывали иногда за одно съ грабителями. Съ тѣхъ поръ дороги Неаполитанскаго Королевства стали самыя безопасныя въ Италіи. Но къ сожалѣнію, ни Папа, ни Австрійское правительство не послѣдовали этому похвальному примѣру. — »Люди, живущіе въ Запиберьѣ, слывутъ звѣрскими, кровожадными, говоритъ Г. Гречь (Т. 3. стран. 21). Отъ господствующихъ тамъ лихорадокъ всѣ они тощи, блѣдны и печальны.« Люди, живущіе за Тибромъ, особенно женщины, отличаются своею красотою. Они чертами своими, характеромъ гордымъ и осанкой напоминаютъ древнихъ Римлянъ. Вотъ что̀ услышите вы даже отъ всякаго туриста, который сколько нибудь освѣдомлялся о нравахъ Римскаго народа. — »Не вслушивайтесь въ его разговоры, говоритъ Г. Гречь о простомъ народѣ Италіи: вѣчные споры и ссоры о деньгахъ, толки о барышахъ, о томъ,

Digitized by Google

какъ обмануть путешественника-иностранца, не сдѣлавъ ничего, схватить съ него плашу на водку.« (Т. 2. стран. 8). Но простой народъ по городамъ вездѣ, во всѣхъ странахъ міра, говоритъ болѣе всего о деньгахъ. Прислушайтесь къ разговорамъ нашего народа, идущаго по улицѣ: то же самое. Итальянцы говорятъ живѣе, горячѣе, какъ народъ южный. Даже обыкновенный ихъ разговоръ покажется ссорою для холоднаго жителя сѣвера. Къ тому же они всегда сопровождаютъ слова жестами и пламенемъ взглядовъ. Не думаю, чтобы они стали вслухъ сговариваться о томъ, какъ бы надуть иностранца. Въ такомъ случаѣ поступаютъ они гораздо хитрѣе.

Два народа въ Европѣ терпятъ ужасныя напраслины отъ иностранцевъ: Русскіе и Итальянцы, послѣдніе еще болѣе, чѣмъ мы, потому что Италія болѣе посѣщается, чѣмъ Россія. Ужь и по этому мы не должны бы еще умножать нападенія на южныхъ товарищей нашихъ въ несправедливости Европейской. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, незнаніе языка по большей части главная причина всѣхъ неудовольствій. Всякой народъ бываетъ любезенъ съ иностранцемъ, когда слышитъ изъ устъ его свой родной языкъ. Итальянцы еще болѣе: они тогда становятся разговорчивы, шутливы, веселы, услужливы. Но вообразите себѣ путешественника, который ѣдетъ по Италіи безъ знанія языка ея. На всякомъ шагу онъ подвергается непріятности быть обманутымъ людьми, которые вездѣ по большимъ дорогамъ пользуются такими беззащитными путниками. Неумѣнье объясниться его сердитъ; тутъ берется досада, которую выражаетъ онъ лицомъ и тѣлодвиженіями; гнѣвъ же его раждаетъ гнѣвъ въ Итальянцѣ, столь воспріимчивомъ и пылкомъ.... Отсюда неудовольствія и безконечныя жалобы.

Мы думаемъ, что и нашъ путешественникъ былъ въ подобныхъ обстоятельствахъ. Судя по нѣкоторымъ словамъ Итальянскимъ, въ книгѣ его напечатанным, догадываемся, что языкъ страны былъ ему неизвѣстенъ.

Digitized by Google

Вотъ наши доказательства. »Дворецъ Боргезе, по треугольной своей формѣ называемый цимбаломъ (il cembalo di Borghese)« Т. 3. стран. 149.... Cembalo по Италіянски значитъ фортепьяно: дворецъ получилъ такое прозвище у народа, потому что имѣетъ форму рояли. — Залы Рафаэлевы въ Ватиканѣ, le Stanze di Rafaelle, названы *станціями* (Т. 3. стран. 143). — Церковь S. Giuseppe de' Falegnami (Св. Іосифа плотниковъ, потому что Св. Іосифъ есть патронъ ихъ) переименована у Г-на Греча въ San Giuseppe de Folegnani (Т. 3. стр. 34). — Слово *pinacotheca* переведено книгохранилищемъ (Т. 2. стран. 223) вмѣсто картинной галлереи. Впрочемъ тутъ виноватъ вполовину и Греческій языкъ. — Еще многія выписки словъ Итальянскихъ могли бы тоже засвидѣтельствовать, но мы боимся утомить ими читателей.

Окончимъ грамматическимъ замѣчаніемъ: Г. Гречь продолжаетъ писать *Генуу*, *Капуу*; но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы въ родительномъ писать Генуы, Капуы, а въ предложномъ Генуэ, Капуэ; — между тѣмъ мы вездѣ читаемъ у Г. Греча Генуи, Генуѣ и т. д. Упорность въ прежнихъ мнѣніяхъ грамматическихъ необыкновенная!

Пожелаемъ, чтобы Русскіе путешественники были справедливѣе къ той странѣ, которой такъ сочувствуютъ наши художники, и которая образовала намъ Брюлова и Бруни и воспитываетъ теперь лучшія надежды нашего искусства.

* * *

Вотъ еще другое странствіе, изданное въ 1842 года: это *Записки Русскаго путешественника по Голландіи, Белгіи и Нижнему Рейну, Князя А. Мещерскаго.* Москвитянинъ уже говорилъ объ этой книгѣ, но мы прибавимъ отъ себя кой-что прежде незамѣченное. Мы прочли записки Кн. Мещерскаго съ большимъ любопытствомъ и участіемъ, которое умѣетъ въ читателѣ возбудить путешественникъ образованный. Взглядъ

Digitized by Google

его на страны, имъ видѣнныя, есть взглядъ человѣка безпристрастнаго, чуждаго всякихъ увлеченій. Онъ не навязываетъ читателю ни своей особы, ни своихъ знакомыхъ; лицо его скрывается за просвѣщеннымъ наблюдателемъ, котораго пріятно послушать; историческая стихія для наполненія книги у него умѣренна; не разсказываетъ онъ мертвой исторіи тѣхъ городовъ, черезъ какіе проѣзжалъ, а вникаетъ болѣе въ ихъ современную жизнь, которая гораздо любопытнѣе; сознается добродушно, что незнаніе Голландскаго языка служило ему большимъ препятствіемъ для его наблюденій, — а не смотря на то сообщаетъ любопытныя подробности о нравахъ Голландцевъ, о ихъ сельскомъ хозяйствѣ, о памятникахъ искусства, которыхъ онъ не обходитъ равнодушіемъ; любитъ онъ свое отечество, но въ его любви нѣтъ ничего притворнаго и оффиціальнаго; вѣришь въ немъ этому благородному чувству тѣмъ болѣе, что оно не мѣшаетъ ему видѣть безпристрастно достоинства другихъ націй и недостатки своего народа; нѣтъ также никакого неестественнаго предубѣжденія въ пользу несвоихъ, которое у иныхъ никакъ не ладится съ натянутою любовью къ своему отечеству.

Обратимъ вниманіе на нѣкоторыя наблюденія нашего путешественника. — У всякаго народа есть своя манія: такъ у Голландцевъ страсть къ опрятности. Въ самомъ дѣлѣ это простирается у нихъ до крайности, походитъ на какое-то маленькое безуміе. Извѣстно, что они моютъ даже наружность домовъ своихъ и огораживаютъ ихъ отъ пѣшеходовъ, которые потому не могутъ идти по тротуарамъ, а должны довольствоваться грязною улицею: другая крайность. Кому неизвѣстна безумная странность жителей деревни Броокъ? Но любопытно видѣть, какимъ образомъ вкореняются такіе нравы въ народѣ. Вотъ что говоритъ о томъ нашъ путешественникъ: »игра маленькихъ крестьянскихъ дѣтей заключается въ томъ, что они безпрестанно моютъ, чистятъ и мешутъ.

Digitized by Google

Дѣвочка, нашедши соломинку на дорогѣ, заботливо ее поднимаетъ, кладетъ въ свою корзиночку и бѣжитъ на задній дворъ, гдѣ бросаетъ ее въ навозную яму«....

Эти подробности очень любопытны, равно какъ и то, что говоритъ путешественникъ о опрятности Голландской въ хозяйствѣ, но по этому случаю онъ входитъ въ нѣкоторыя размышленія о тѣхъ же достоинствахъ Русскаго мужика, защищаетъ опрятность Русскую противъ нападающихъ, и называетъ наши курныя избы остаткомъ *недомытаго пятна!* Не будемъ увлекаться никакимъ мѣстнымъ успѣхомъ въ этомъ отношеніи; согласимся лучше, что пятно такъ же почти огромно, какъ государство Русское, и что домывать еще много и много надобно. — Невѣрны показались намъ замѣчанія о Русскомъ земледѣльцѣ, что будто бы живетъ онъ въ великомъ изобиліи; что будто бы у него часто бываетъ говядина, гусь, курица и утка, а баранина и свинина всегда на столѣ!!... Приводя такія замѣчанія, не худо указывать на мѣстность: для иного, знакомаго съ подробностями другой мѣстности, такія слова покажутся чрезвычайно преувеличенными.

Весьма любопытны замѣчанія путешественника о частномъ эгоизмѣ Голландцевъ, который вредитъ управленію Государства и препятствуетъ устроенію пользы общественной; о частномъ судопроизводствѣ, которое до того вкоренилось въ нравы народа, что слова: *попросить судью*, возбуждаютъ всеобщій смѣхъ. Все это внушаетъ автору добрыя патріотическія мысли, которыя приносятъ ему честь.

Любопытны разсказы о притѣсненіяхъ, какія хотѣлъ нанести Голландцамъ Наполеонъ черезъ брата своего Людовика; также примѣчательны извѣстія о доходахъ Голландскихъ мызниковъ. Исполнены прекрасныхъ размыш-

Digitized by Google

леній страницы, посвященныя Петру Великому, которыя внушены были Автору маленькимъ домикомъ великаго Саардамскаго корабельщика.

Авторъ не замѣтилъ однако страннаго Русскаго перевода Голландской надписи, который остался у насъ въ памяти съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣли это мѣсто: Niets is den grooten man te klein. *Ничего главному человѣку мало.* Вѣроятно, надпись съ тѣхъ поръ измѣнена.

Съ удовольствіемъ прочли мы нѣкоторыя описанія картинъ Голландскихъ художниковъ: пріятно припоминать здѣсь и сравнивать собственныя свои впечатлѣнія. На этомъ мы немного остановимся и поспоримъ съ Авторомъ. Голландію можно назвать Сѣверною Италіею въ отношеніи къ искусству: хотя не столько идеально и многообразно, однако велико было въ ней развитіе живописи. Картина самопожертвованія Лейденскаго Бургомистра во время голода, находящаяся въ Лейденѣ, по нашему мнѣнію, любопытна только историческимъ значеніемъ, а не художественнымъ достоинствомъ, которое ей путешественникъ приписываетъ. — Тоже самое можно сказать и объ Амстердамской картинѣ, изображающей подвигъ Фанъ Спейкера (Van Spyker) и находящейся въ Королевскомъ дворцѣ: замѣтна въ стилѣ ея манерность, хотя нѣкоторыя фигуры и превосходны, особенно испуганнаго матроса, который бросается съ корабля. — Но мы не можемъ простить Автору почти равнодушія, съ какимъ онъ говоритъ о чудной фантастической картинѣ Рембрандта: La ronde de nuit, и о другой тогоже мастера, изображающей Совѣтъ Амстердамскаго городскаго Общества. Нельзя не изумляться геніальному освѣщенію, посредствомъ котораго живописецъ съумѣлъ дать такое единство своимъ картинамъ. Сличите съ произведеніями Рембрандта извѣстное произведеніе Фанъ деръ Гельста, находящееся въ той же залѣ галлереи: Пиръ данный по слу-

Digitized by Google

чаю Министерскаго мира. Сколько прекрасныхъ группъ, если возьмете ихъ отдѣльно! взгляните на эпѣхъ двоихъ, которые жмутъ руку другъ другу! посмотрите на самодовольство этого гостя, который начинаетъ пьянѣть! отдѣлка костюмовъ превосходна.... Но не смотря на то картина лишена творческаго единства.... Виденъ трудъ таланта, но нѣтъ той геніальной искры освѣщенія, которая обливаетъ у Рембрандта все какимъ-то волшебнымъ единствомъ живописной мысли.

Удивляемся, что путешественникъ даже не упомянулъ о превосходномъ Орфеѣ Поль Поттера. Важенъ тутъ конечно не самъ Орфей, но звѣри, которыхъ онъ скликаетъ. Характеристика ихъ чудесная! нельзя не изумиться особенности типа въ каждомъ изъ звѣрей. Всѣ идутъ на звуки Орфея; но левъ идетъ съ величавымъ спокойствіемъ, носорогъ съ недовѣрчивостью и дерзостью, верблюдъ очень глупо, корова съ апатическимъ равнодушіемъ, конь бѣжитъ гордо и благородно, но неподражаемъ оселъ: онъ идетъ потому только, что другіе идутъ.... Чудная картина! это басня въ лицахъ! это перо нашего Крылова, обращенное въ кисть Поль Поттера! — Гонденкоттеровы утки съ пухомъ, плавающимъ на водѣ, заслуживали бы также упоминанія.

Въ галлереѣ Гаги, Авторъ всего долѣе стоялъ передъ картиною Одебаэра: Осада Мисолонги, которая обличаетъ манерное вліяніе Французской школы, распространившееся въ оны времена по всей Европѣ.... Лучше бы было подолѣе простоять передъ знаменитымъ Бычкомъ Поль Поттера и полюбоваться надъ шерстью его, какъ она свербитъ отъ кусающей его мухи. Тутъ хоть и нѣтъ идеи художественной, но природа схвачена быстро, въ одно мгновеніе.

Хотите понять Поэта, поѣзжайте въ страну, гдѣ онъ пѣлъ, — давно уже сказалъ Гёте: то же самое можно примѣнить и къ живописцамъ. Природа, обычаи,

Digitized by Google

и нравы Голландцевъ объяснятъ вамъ ихъ искусство. Проѣзжая по лугамъ Голландіи и видя пасущихся коровъ, вы на каждомъ шагу встрѣчаете Поль Поттеровъ. — Взойдете въ Голландскую кухню, гдѣ цѣлая семья трудится надъ очищеніемъ или овоща или какихъ-то улитокъ; взглянете на съѣстную лавку во всѣхъ ея свѣжихъ подробностяхъ — и вамъ откроются живые оригиналы всей этой хозяйственной живописи Голландіи. Близость моря и дѣятельное знакомство съ этою стихіею объяснятъ вамъ отчасти богатство ихъ колорита: приморскіе торговцы и въ Италіи имъ отличались. Таковы Венеціанцы. Неаполитанцы, хотя живутъ и при морѣ, не славились однако колоритомъ. Видно для того потребны еще другія условія, кромѣ одной близости моря.

Съ участіемъ возобновили мы въ памяти своей описаніе комнатъ Китайской и Японской въ музеѣ Гаги. Тутъ собрано все то, что̀ относится до жизни Китайцевъ и Японцевъ. Найдете даже и модель цѣлаго Японскаго острова съ обитателями, въ народныхъ костюмахъ. Странно, что мы, сносясь безпрерывно съ Китаемъ, не догадаемся завести у насъ ничего подобнаго.

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на три Русскія новыя слова, которыя Кн. Мещерскій предлагаетъ намъ весьма остроумно въ замѣну словъ иностранныхъ, у насъ употребляемыхъ. Вотъ они: *наручный мѣшокъ* вмѣсто *ридикюль*, *провидъ* вмѣсто *перспектива*, *гостинникъ* вмѣсто *трактирщикъ*. Участь нововводимаго слова рѣшается всегда голосомъ большинства и употребленіемъ. Жребій перваго зависитъ отъ нашихъ дамъ: согласятся ли онѣ говорить *наручный мѣшокъ* вмѣсто ридикюля? Второе слово составлено правильно, но примутъ ли его живописцы? — Третье намъ кажется невѣрнымъ потому, что женское *гостинница* по

Digitized by Google

аналогіи должно бы означать трактирщицу, а ужь оно имѣетъ принятое у насъ значеніе трактира.

* * *

Кромѣ путешествія Князя Мещерскаго, вышли еще два сочиненія въ томъ же родѣ: *Парижъ въ 1838 и 1839 годахъ, Путевыя Записки и замѣтки В. Строева, и Финляндія и Финляндцы, сочиненіе Ѳ. Дершау.* Объ нихъ довольно подробно говорилъ Москвитянинъ. Боимся повторенія. Сочиненіе Г. Строева о Парижѣ — весьма пріятный, легкій и довольно полный эскизъ Парижской жизни почти во всѣхъ видахъ, политическомъ, литературномъ, промышленномъ, художественномъ, общественномъ и проч. Кто не бывалъ въ Парижѣ, тотъ, прочитавъ сочиненіе Г. Строева, составитъ о его внѣшней жизни довольно ясное, хотя и не глубокое понятіе.

Сочиненіе Г. Дершау о Финляндіи хорошо при совершенномъ недостаткѣ книгъ дѣльныхъ объ этой странѣ, съ нами связанной узами Государственнаго единства. Мы желали бы, чтобъ эта картина была живѣе, поодушевленнѣе, чтобъ не столько походила она на сухое статистическое описаніе, чтобы разоблачала болѣе жизнь, нравы, духъ, характеръ народа. Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній. Финское нарѣчіе, говоритъ Г. Дершау, чрезвычайно грубо, шероховато и непріятно для тонкаго уха. Отъ знатоковъ Финскаго языка мы слышали противное: они говорятъ, что изъ сѣверныхъ языковъ едва ли есть другой, который былъ бы столько нѣженъ для слуха. Это замѣчали даже и образованные жители Петербурга, которымъ часто случается слышать звуки Финскаго языка.

Мы Русскіе съ Финнами сходимся въ двухъ вещахъ: ихъ пѣсни также грустны, какъ наши, и они любятъ также красный цвѣтъ, какъ народъ нашъ, даже до того, что у нихъ цѣлые города есть красные.

При Александровскомъ Университетѣ можно достать всѣ современныя новости литературы Шведской, Фран-

Digitized by Google

цузской и Нѣмецкой; а Русская, увы! не возбуждаетъ участія въ нашихъ иноплеменныхъ согражданахъ.

Финны со средствами, т. е. Финны зажиточные, пекутъ себѣ хлѣбъ изъ ржаной муки въ видѣ круглыхъ лепешекъ, *два раза въ годъ!!*.. Въ срединѣ этихъ лепешекъ дѣлается отверстіе такъ, что весь изготовленный на полгода запасъ нанизывается на шестахъ, которые въ избахъ прошянуты горизонтально въ нѣкоторомъ разстояніи отъ потолка, и съ этѣхъ шестовъ снимается по мѣрѣ надобности.... Такъ-то питается нашъ бѣдный согражданинъ Финнъ, а Россія не знаетъ, куда сбывать хлѣбъ свой! — Между тѣмъ Финляндія доставляетъ къ намъ изъ Эстерботніи рожь-вазу (не Вазаскую, какъ выражается Г. Дершау), а сама кормится полугодовыми лепешками!.... Странно!....

С. Шевыревъ.

(Продолженіе въ слѣд. NN).

Digitized by Google

О МАЛОРОССІЙСКОМЪ ПРОИЗНОШЕНІИ МѢСТНЫХЪ ИМЕНЪ.

Объясненіе, относящееся къ Шафариковой Славянской Картѣ.

Въ пріятельскомъ письмѣ къ Погодину я написалъ, между прочимъ, нѣсколько строкъ о Шафариковой Славянской Картѣ, и просилъ сообщить ихъ Шафарику. Погодинъ сдѣлалъ это посредствомъ своего Журнала, и во 2-мъ нумерѣ Москвитянина напечаталъ замѣчаніе мое, въ которомъ я обвиняю того, кто присовѣтовалъ Шафарику писать на Картѣ *Переяславъ, Василькивъ, Пивтава, Перекипъ*. Я назвалъ это излишнимъ, усиленнымъ Малороссіянизмомъ, провинціальнымъ пересоломъ. Такое обвиненіе показалось *страшнымъ* Г. N., и онъ пришелъ въ недоумѣніе, какъ могъ я написать это, живучи *девятый* годъ на моей родинѣ! Казалось бы, это послѣднее обстоятельство и могло внушить ему мысль, нѣтъ ли правды въ словахъ моихъ,—ибо не за тридевять же земель, а въ своемъ родномъ краю можно узнать вѣрнѣе и основательнѣе, какъ что дѣлается и говорится въ немъ.

Но Г. N., принявъ слова мои за „горячій слѣдъ первыхъ впечатлѣній“ изготовилъ большой, обдуманный, однако не мѣткій ударъ на-защиту Шафарикова совѣтника. Прямо ко мнѣ обратился онъ спиною свою, похожую не столько на оправданіе истины, сколько на отмщеніе за улику, хотя онъ и говоритъ, что ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника. Меня онъ называетъ „извѣстнымъ писателемъ, пламеннымъ любителемъ роднаго“ и проч., и въ тоже время прямо и намеками говоритъ разныя колкости обо мнѣ, моихъ знаніяхъ и мнѣніяхъ, бросаетъ мнѣ *въ спину* бранчивыя пословицы, и самъ скрывается подъ литерою N. Къ чему такая застѣнчивость и пошаенность, особенно съ тѣмъ, кто давно поставилъ себѣ правиломъ говорить прямо и открыто всѣ свои мнѣнія, и не печатать ничего безименно. Поприще критики открыто и доступно для всякаго; всякъ воленъ говорить что ему угодно о моихъ трудахъ почасти Южно-Рускаго языка и Словесности; объ нихъ можетъ отзываться съ небреженіемъ и шутъ, кто нѣкогда въ Москвѣ говорилъ мнѣ съ восторгомъ, что моя книжечка *Малороссійскихъ пѣсенъ* и особенно ея *предисловіе* возбудили въ немъ пламенную любовь къ заняшію Южно-Русскимъ языкомъ

Digitized by Google

и поэзіей. И потъ однако не можетъ отвергнуть одного,— что изслѣдованіе Южно-Русскаго языка, сравнительное съ другими Славянскими, начато *мною*, сперва въ упомянутомъ изданіи *Малороссійскихъ пѣсенъ*, М. 1827 (*); потомъ въ *Изслѣдованіи о Русскомъ языкѣ*, напечатанномъ 1838 (въ Жур. М. П. Пр.) *и въ Исторіи древней Русской словесности*, изданной въ Кіевѣ 1839.

Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи я высказалъ мои наблюденія и понятія о Южно-Русскомъ языкѣ, предпославъ полнѣйшее до сихъ поръ изложеніе отличительныхъ его свойствъ (по нарѣчію Малороссійскому). Тамъ опредѣлены разные случаи и того измѣненія *о* въ *и*, которое относится непосредственно къ предмету возникшаго спора. Жалѣю, что мое объясненіе о Шафариковой Картѣ должно быть отвѣтомъ на безъименную статью Г. N. Впрочемъ изъ нея видно, что Г. N. человѣкъ ученый, въ свѣжей памяти сохраняющій произношеніе многихъ Славянскихъ языковъ, съ прилѣжаніемъ изучавшій Южно-Русскій языкъ, какимъ говорятъ въ Карпатахъ (**). По этимъ уважительнымъ качествамъ, — кто бы ни былъ Г. N. — я могу войти въ подробное разсмотрѣніе, какъ онъ защищаетъ того, кто присовѣталъ Шафарику писать *Переяславъ*, *Василькивъ*, *Пивтава*, *Перекипъ*, и какъ онъ опровергаетъ мое утвержденіе, что имена этихъ городовъ должно писать, какъ писали доселѣ — *Переяславъ*, *Васильковъ*, *Полтава*, *Перекопъ*.

Г. N. говоритъ, что такое произношеніе могъ я встрѣтить и подслушать только у горожанъ, а не у деревенскаго простонародья. Это несправедливо само по себѣ, а въ отношеніи ко мнѣ даже превратно; ибо случилось-же такъ, что въ простонародьи упомянутые города слышалъ я не иначе, какъ съ звукомъ *о*, а *Переяславъ*, *Пивтаву* впервыя встрѣтилъ на Шафариковой Картѣ и у Г. N., слѣдовательно у людей

(*) Первыми средствами къ тому мнѣ были Славянская Грамматика Добровскаго, Сербскія пѣсни и словарь Караджича, также личныя бесѣды съ Качеповскимъ, Ходаковскимъ, Мицкевичемъ и Венелинымъ.

(**) Особенности, коими Карпаторуское и вообще Червонорусское нарѣчіе отличается отъ Малороссійскаго, подробно изложены издателемъ Запорожской старины *Срезневскимъ*, въ его донесеніяхъ Министру Народнаго Просвѣщенія (см. Ж. М. П. Пр. 1843. N. 2).

Digitized by Google

грамотныхъ, у горожанъ. Поводомъ къ такому превратному толку, Г. N. послужило то, что я вторыя 15 лѣтъ жизни моей провелъ въ Москвѣ, а потомъ около 7 лѣтъ пробылъ въ Кіевѣ. Но пребываніе въ этихъ городахъ не только не лишало меня возможности бывать на родинѣ моей, среди поселянъ; но доставило мнѣ способъ и случай посѣтить *всѣ* Русскія Губерніи, въ которыхъ живетъ народъ и звучитъ языкъ Южно-Русскій. Теперь я третій годъ уже почти поспольно живу среди поселянъ, на лѣвомъ берегу Днѣпра, противъ устья рѣки Роси, въ 45 верстахъ отъ Переяслова. Я имѣю теперь не только досугъ и охоту, но долженъ по необходимости слушать *говоръ* народный. За чѣмъ же Г. N., недосказанными намеками о подробностяхъ моей жизни, наводитъ сомнѣніе на мое знаніе роднаго языка, если самъ же называетъ меня *пламеннымъ любителемъ роднаго, щирымъ Малороссіяниномъ*.« Когда зашелъ вопросъ, какъ у Малороссіянъ называются ихъ города и деревни, то я конечно имѣю здѣсь всѣ средства для вѣрнаго и точнаго рѣшенія. Правду сказать, и дѣло это не мудреное. Самъ Г. N. говоритъ, что „для этого отнюдь не надо мудрствовать; требуется только воспріимчивость и вѣрное, *музыкальное такъ сказать ухо*. Не заставляйте звучать названія такъ, какъ бы вамъ хотѣлось, но такъ, какъ оно звучитъ по своей природѣ и иначе не съумѣетъ звучать.« Такъ говоритъ Г. N., и что же? Г. N. мудрствуетъ; заставляетъ имена Южно-Русскихъ мѣстъ звучать такъ, какъ ему хочется, а потомъ доказываетъ, что они по своей природѣ не съумѣютъ звучать иначе, и составляетъ для того особенныя *правила*.

1. *Переяслов*ъ.

Сосредоточивъ всю силу своего воображенія на именахъ съ окончаніемъ *овъ*, Г. N. такъ началъ: (стр. 251) „названія городовъ и рѣкъ на *овъ* суть, какъ извѣстно, по происхожденію своему *прилагательныя притяжательныя*. Прилагательныя притяжательныя на *овъ* измѣняютъ всегда въ этомъ окончаніи *о* въ *и*, что допускается подразумѣвательно и самымъ М. А. „(т. е. мною). — Я допускаю всячески это второе положеніе, тѣмъ болѣе, что и окончаніе родительнаго падежа множественнаго числа *овъ* произносится обыкновенно

Digitized by Google

ивъ (въ Польскомъ *ywz*)." Эти слова изъ моей книги (*) привожу здѣсь нарочно, какъ для показанія, что мнѣ не вновось сравнивать Южно-Русское произношеніе съ Польскимъ и другими Сѣверо-Западными относительно звука *о*, такъ и потому, что въ приведенномъ мною случаѣ Южно-Русское окончаніе *овъ* дѣйствительно соотвѣтствуетъ Польскому *ów*, (Чешскимъ *áw*, *ow*). Но у Г. N. идетъ рѣчь объ окончаніи *овъ* — въ именахъ прилагательныхъ притяжательныхъ. Это окончаніе составляетъ у него первую и главную опору всего возраженія. Для большаго подкрѣпленія этой опоры, онъ дѣлаетъ сравненіе Южно-Русскаго произношенія съ Польскимъ и другими Славянскими, и выше замѣченное *соотвѣтствіе* между ними обращаетъ въ такое *правило*: „измѣненіе *о* въ *и* — *вполнѣ*, *во всемъ соотвѣтствуетъ тутъ* измѣненію *о* въ *y* въ нарѣчіяхъ Польскомъ, Чешскомъ и т. д." По такому *правилу соотвѣтствія*, если Малороссіяне, вмѣсто того, чтобы говорить: дворъ Семеновъ, Ивановъ, Гетмановъ, говорятъ *двиръ Сименивъ*, *Иванивъ*, *Гетьманивъ*; то и Поляки должны бы говорить: *двуръ Шимонувъ*, *Янувъ*, *Гетманувъ*. Но Поляки отказались отъ прилагательныхъ съ такимъ окончаніемъ, и замѣняютъ ихъ — или существительными въ родительномъ падежѣ (*двуръ Шимона*, *Яна*, *Гетмана*), или же прилагательными другихъ окончаній. Какое же тутъ *соотвѣтствіе во всемъ и вполнѣ*, если нѣтъ и того, въ чемъ бы могло быть соотвѣтствіе! Потому и приводимое Г. N. сравненіе Южно-Русскаго произношенія съ Западно-Славянскими хотя и хорошо само по себѣ, но не идетъ прямо къ дѣлу; оно показываетъ только, что Г. N. можетъ обращать *въ правило* то, что не можетъ

(*) См. Исторія Древней Руской Слов. стр. Исключенія очень рѣдки, напр. дрова — *дровъ*; за то не рѣдко, вмѣсто *бабъ*, услышите *бабовъ*. Это уклоненіе примѣчательно тѣмъ, что въ Лужицкомъ языкѣ оно существуетъ какъ правило для именъ женскаго рода — *жоновъ*, *душовъ*. — Какъ въ окончаніи *овъ* передъ звукомъ *в*, такъ и передъ большою частію согласныхъ въ родит. множ. *о* измѣняется въ *и*, — именно: *нóевъ*, *борóдъ*, *кóзъ*, *пóлъ*, *кóпъ*, *гóръ*, *кóсъ*, *ворóтъ*, *блóхъ*. Предъ остальными согласными, кажется всѣми, звукъ *о* удерживается безъ измѣненія, напр. *хоробъ*, *огорожъ*, *жонокъ*, *вокóнъ*, *пошорочъ*, *колошъ*.

Digitized by Google

быть правилом. Это увидим еще не разъ, а теперь обратимся къ Переяслову. — Г. N. не объясняетъ, почему это имя должно произноситься — *Переяславъ*? Отъ чего это? Не отъ того ли, что имя Переяслова противорѣчитъ его *опредѣленію* городовыхъ названій: ибо хотя кончится на *въ*, но по своему происхожденію не есть прилагательное притяжательное....

Такое умолчаніе привело мнѣ на память, какъ нѣкогда Профессоръ... толкуя намъ Несторову Лѣтопись, и не могши изъяснить, что за народъ такой *Корлязи*, всегда, какъ будто невзначай, пропускалъ это имя (*). —

Происхожденіе имени Переяслова объяснено еще у Нестора: „*Перея славу*,“ потому правильнѣе было бы *Переяславъ*, какъ писали не рѣдко и Русскіе и Поляки. Но въ Малороссіи и грамотные и безграмотные говорятъ *Переяловъ*. На сихъ дняхъ, еще бывши въ этомъ городѣ и его окрестностяхъ, я повѣрялъ это нарочно, и по прежнему — не встрѣтилъ ни поселянина, ни поселянки, которые произносили бы *Переяславъ*. Такое произношеніе здѣсь относятъ къ Литвинамъ (**), которые, стараясь выражаться какъ можно чище по Украински, „*не скажутъ попросту да все навыворотъ*.“ Поставляю на видъ Г. N. это выраженіе и понятіе здѣшняго простонародія, по которому произношеніе городовыхъ именъ на *о* называется *попросту*; а выговоръ на *и* относится *къ Литвинамъ* и не считается *здѣшнимъ коренным* (***). Хотя

(*) Это было въ 1820 году. Издатель Москвитянина вѣрно припомнитъ комическую сцену, какъ одинъ нашъ товарищъ (Можневскій), подмѣтивъ такой пропускъ, спросилъ велегласно: а Корлязи? .... „Ну, Корлязи такъ и будутъ Корлязи,“ — проговорилъ торопливо Профессоръ, какъ будто бы *въ скобкахъ*, и прежнимъ тономъ продолжалъ свое чтеніе.

(**) *Литвинами* называются здѣсь не только Бѣлоруссы, но и Сѣверяне.

(***) Я привожу здѣсь „говоръ народный — единственный источникъ, изъ котораго слѣдуетъ черпать свѣдѣнія свои для этой цѣли.“ Удовлетворяя сему требованію Г. N., я заимствую свѣдѣнія изъ того простонародья, въ которомъ Заднѣпровье и теперь зовется еще *Польщею*, въ которомъ встрѣтите старика, разсказывающаго, какъ онъ бывалъ *всюды — и въ Канєвщинѣ* и въ *Смѣлянщинѣ* и на *Хмѣлянской границѣ*.

Digitized by Google

по Украинскому и особенно *женскому* произношенію говорится *сливце*, *сливъ* вм. словце, словъ; однако странно было бы услышать *Богосливъ*, *Часливець:* точно также и *Переясливъ*, *Переясливецъ*.

2. *О названіи Василькова.*

Вслѣдъ за вышеприведенными словами, Г. N. продолжаетъ: »можетъ ли же слово одного и того же разряда въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго, *не городоваго* и *не рѣчнаго* измѣнять *о* въ *и* всегда; а въ смыслѣ прилагательнаго притяжательнаго *городоваго* и *рѣчнаго* не измѣнять? По своему происхожденію и значенію — *не можетъ*.« По умозрѣнію Г. N. конечно не можетъ; тѣмъ болѣе, что онъ намѣренъ заставить городовыя имена звучать такъ, какъ ему хочется. Онъ продолжаетъ: »производныя отъ этихъ прилагательныхъ прижательныхъ, для означенія какого-либо мѣста и т. п. всегда измѣняютъ *о* въ *и*«

Для оправданія такого правила, онъ приводитъ: 1) имена мѣстъ (женскаго рода) съ окончаніемъ *овка*, 2) имена отечественныя (женскаго же рода) съ окончаніемъ *овна*, какъ въ прилагательномъ значеніи, напр. *Ганна Семе́нивна*, *Ива́нивна*, такъ и въ значеніи существительнаго имени, напр. *Семени́вна*, *Ивани́вна*. Такимъ образомъ Г. N. къ разряду *производныхъ* причисляетъ не одни имена мѣстныя, но *и тому подобныя*, разумѣя личныя имена, коими подкрѣпляетъ онъ произношеніе городовыхъ. Однако приведенные имъ примѣры не даютъ еще права сказать: »*всегда* измѣняютъ *о* въ *и*; *не можетъ* не измѣнять *о* въ *и*!« Если принимать въ соображеніе имена прилагательныя притяжательныя въ разныхъ родахъ и производныя отъ нихъ личныя имена, въ прилагательномъ и существительномъ значеніи и съ разными окончаніями, тогда открывается, что производныя *не всегда* измѣняютъ *о* въ *и*, что прилагательное съ перемѣною значенія *можетъ* не измѣнять *о* въ *и*.

Справедливо замѣчаетъ Г. N., что вмѣсто Анна Ивановна, говорятъ *Ганна Ива́нивна*, и просто *Ивани́вна:* здѣсь

Digitized by Google

и Польскій языкъ вполнѣ соотвѣтствуетъ своимъ окончаніемъ *увна*. Но тѣже отечественныя имена въ мужескомъ родѣ уклоняются отъ сего правила *Иванъ Ивáновичъ*, а не *Иванивичъ*. Точно такъ дочь Попа называется *Попíвною*, но сынъ Попа всегда *Поповичъ*, а не *Попивичъ*. Прилагательныя притяжательныя на *овъ* принимаютъ это наоборотъ: сынъ Поповъ, Ивановъ, произносятся *Попивъ*, *Иванивъ*; но въ женскомъ родѣ — *Попова*, *Иванова*, а не *Попива*, *Иванива*; также и въ среднемъ — *Попове*, *Иванове*.

По примѣру отечественныхъ именъ на *овичъ*, и фамильныя имена сего окончанія произносятся съ звукомъ *о*, въ мужескомъ и въ женскомъ родѣ. — Тоже и съ окончаніемъ *овецъ*: въ сосѣдствѣ моемъ живетъ козакъ *Хведоръ Московецъ*; его никто не называетъ *Москивцемъ*.

Прилагательныя съ окончаніемъ *овскій* произносятся на *ивськiй* во всѣхъ трехъ родахъ, напр. *Попивскій хрестъ*, *Голухивскій судья*, *Василькивскій жидъ*; но тѣ же имена въ смыслѣ личныхъ фамильныхъ именъ — употребляются съ звукомъ *о*: *Попóвскій*, *Голухóвскій*, *Василькóвскій*, этимъ какъ будто нарочно полагается отличіе именъ фамильныхъ отъ однозвучныхъ съ ними прилагательныхъ. Въ нѣкоторыхъ однако фамиліяхъ сего окончанія допускается звукъ *и* вм. *о*: такъ сосѣдъ мой Алексѣй Максимовичъ Красóвскій, со всѣмъ родомъ своихъ, у здѣшнихъ поселянъ называется *Красивскимъ*; но однофамилецъ его Евдокимъ Михайловичъ Красовскій со всѣмъ своимъ родомъ у тѣхъ же поселянъ зовется *Красовскимъ*, и по такому произношенію никто не смѣшаетъ его съ первымъ. Впрочемъ есть и прилагательныя имена сего окончанія, произносимыя только съ звукомъ *о*, напр. Московскій, *Литовскій*.

Изъ приведенныхъ примѣровъ уже видно, какъ непостоянно, какъ не по правиламъ Г. N. Южно-Русскій языкъ измѣняетъ *о* въ *и*. Что бы согласишь удержаніе и измѣненіе того же коренного звука въ разныхъ видахъ того же слова, и различное произношеніе онаго въ разныхъ областныхъ видоизмѣненіяхъ того же Южно-Русскаго языка, я предложилъ еще въ 1827 году удерживать на письмѣ коренные звуки и только означать *акцентомъ* ихъ измѣняемость въ произношеніи, — подобно тому какъ звукъ *о* обращаемый *въ у* Поляки пишутъ *ó*, а Чехи *ů*. Такимъ образомъ, вмѣсто того,

Digitized by Google

чтобы писать просто по украинскому выговору — *мій, кинь, нисъ, крій, мижъ, за-мижъ*, я пишу — *мо̀й, ко̀нь, нѐсъ, кра̀й, мѐжъ, за-му́жъ*. Объ этомъ, кромѣ предисловій къ двумъ изданіямъ моихъ Малороссійскихъ пѣсенъ (1827, 1834), я обстоятельно объяснилъ въ *письмѣ къ Основьяненку о Малороссійскомъ правописаніи*, напечатаномъ во 2-й книгѣ моего Кіевлянина, 1841. Но Г. N. не нравится правописаніе мое, особенно этотъ паерокъ. Возвратимся однако къ названіямъ мѣстъ и т. п. — Справедливо сказалъ Г. N., что имена мѣстъ съ окончаніемъ *овка* произносятся на *ивка*; нельзя однако сказать, что бы *всегда*. Здѣсь не можетъ уже служить мѣрою Польское произношеніе на *увка*. — Имена *Турановка, Носовка, Богдановка* (въ Черниговской Губерніи), я неиначе слышалъ, какъ *Турановка, Носовка, Богдановка*. Такимъ же образомъ и слова, означающія время: говорятъ здѣсь *Петривка*, и тѣже самые говорятъ *Спасовка, Пилиповка*. Тоже и въ личныхъ названіяхъ по городамъ и націямъ: *Переясливка, Жидивка* — и *Литовка, Московка*. Очевидно, что Южно-Русскій языкъ допускаетъ оба окончанія: въ нѣкоторыхъ словахъ они употребляются безъ разбора — „*якъ хто скаже*,“ но въ нѣкоторыхъ словахъ ни-какъ нельзя кореннаго окончанія *овка* измѣнить въ *ивка*. Если бы кто нибудь вмѣсто *голо́вка, за́совка, ко́новка, салото́вка*, сказалъ — *голивка, засивка, конивка, салотивка*, тому и въ простонародьи сказали бы, что онъ пересолилъ.... А по правилу Г. N. касательно соотвѣтствія — должно бы говорить — *голивка, засивка*, потому, что по Польски говорится — *глувка, засувка!* —

Имена прилагательныя притяжательныя на *овъ* всего постояннѣе произносятся на *ивъ*: *Иванивъ* сынъ, *Петривъ*, городъ, *Глухивъ* полкъ (въ 17 в. былъ Полковникъ *Іосифъ Глухъ*). Но возмите эти прилагательныя въ значеніи существительныхъ личныхъ именъ, какъ фамиліи, и вы уже не скажете: Генералъ *Глухивъ, Иванивъ, Петривъ*, а просто: *Глуховъ, Ивановъ, Петровъ*. Я никакъ не утверждаю, что бы въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси не было поселянъ, которые (подобно Шафарикову совѣтнику и его защитнику) говорятъ: *Висилькивъ, Харкивъ*, даже *Переясливъ, Глухивъ, Чернигивъ*. Дѣло въ томъ, что такой выговоръ нельзя считать всегдашнимъ и повсюднымъ, нельзя обращать его въ непремѣнное, общее правило. Малороссійское произношеніе

Digitized by Google

такъ часто уклоняется отъ *правила*, предложеннаго Г. N., что оно по множеству исключеній—само должно обратиться въ *исключеніе*. — Здѣсь (въ окружности бывшаго Переясловскаго полка) мнѣ удавалось слышать *Домантивъ*, *Драбивъ*, *Рогозивъ*; но гораздо чаще говорятъ просто — *Домантовъ*, *Драбовъ*, *Рогозовъ*; но тѣ же поселяне, отъ которыхъ слышалъ я *Рогозивъ*, произносили явственно: *Переясловъ*, *Трехтемировъ и Трахтемировъ*, *Війтовци* и проч. Сто разъ слышалъ я отъ поселянъ *Бубновъ*, *Пироговъ*, *Глемязовъ* (пишется изстари *Гелмязовъ*), и ни разу еще не встрѣтилъ говорящихъ *Бубнивъ*, *Пирогивъ*, *Глемязивъ*. — Подъ Кіевымъ *Баришпульцы* говорятъ: *Воронькіувъ*, *Иванькіувъ*! Это отголосокъ сѣверскаго произношенія, слышный и посю сторону Десны на нѣкоторомъ пространствѣ Переясловскаго уѣзда. Но отъ Сѣвѣрянъ (въ Черниговской Губерніи) имена Чернигова, Глухова, Макова я не иначе слышалъ, какъ *Черниговъ (и Чернѣговъ)*, *Глуховъ*, *Маковъ*, хотя Сѣверяне обращаютъ звукъ *о* въ *у*, *уо уи*. Подобное произношеніе звука *о* принадлежитъ и Карпатскимъ Русинамъ; въ Сѣверо-Западной Волыни также обращаютъ *о* въ *у*. За чѣмъ же звукъ *и* распространять на всѣ Южно-Рускія области, если хотите *нарочно показать* произношеніе *туземцевъ!* Настоящій Сѣверянинъ не принимаетъ этого звука; онъ скорѣе будетъ говорить просто *конь*, и на Украинское произношеніе сего слова *кинь* скажетъ насмѣшливо: *на счо кидать*! За чѣмъ же это окончаніе *ивъ*, не вездѣ и не всегда употребляемое въ именахъ городовъ и другихъ мѣстъ, обращать *въ правило*, когда въ томъ же народномъ говорѣ господствуетъ окончаніе *овъ*! Если уже непремѣнно надо составить правило для произношенія, то согласнѣе съ дѣломъ было бы опредѣлить такъ: имена *прилагательныя притяжательныя*, въ окончаніи коихъ *о* измѣняется въ *и*, получая значеніе существительныхъ именъ личныхъ, мѣстныхъ и т. п., должны быть произносимы безъ измѣненія *о* въ *и*, хотя въ произношеніи простонародномъ и встрѣчаются не рѣдкія отъ сего отступленія. Впрочемъ не выдавая этого за непреложное правило, я прибавлю слѣдующее замѣчаніе. Имена на *овъ*, въ городовомъ и не городовомъ значеніи, допускаютъ обращеніе *о* въ *и* только въ именительномъ и сходныхъ съ нимъ падежахъ; а въ измѣненіяхъ по другимъ падежамъ сохраняютъ корен-

Digitized by Google

ное *о* (подобно тому какъ въ Велико-Русскомъ языкѣ имя *Пётръ* не произносится съ звукомъ *ё* въ падежахъ косвенныхъ). Писавши мое письмо къ Погодину не Малоросійскимъ, а Русскимъ языкомъ, я съ намѣреніемъ и по необходимости написалъ: — не слыхалъ *Перелслива*, называютъ *Перекипомъ*. Г. N. тотчасъ это вмѣнилъ мнѣ въ незнаніе языка. Но для соплеменниковъ нашихъ въ самомъ дѣлѣ можетъ быть неизвѣстно такое правило (*) и они полагаясь на Шафарикову Карту, имена Южно-Русскихъ мѣстъ будутъ произносить и писать съ звукомъ *и* во всѣхъ падежахъ. Каково будетъ тогда *музыкальному, такъ сказать, уху* Г. N.

3. *О названіи Полтавы.*

Не видно, на какомъ основаніи у Г. N. къ именамъ производнымъ отъ прилагательныхъ притяжательныхъ на *ов*, пристроена *Пивтава*. Такое произношеніе Полтавы можетъ быть примѣнительно къ свойству Южно-Русскаго языка, обращать *о* въ *и*, а *л* въ *в*, на примѣръ въ частицѣ *пол*, вмѣсто полтара, полтретя, полкопы, говорится — *пивтора*, *пивтретя*, *пивкопы*, нельзя однако обратить этого въ непремѣнное правило: въ словѣ *по́лка* допускается измѣненіе только звука *о* — *пи́лка*. Сообразно сему вм. Полтавы мож-

---

(*) Г-нъ N. остановясь .... на Русскую Исторію.

Г. N. остановясь надъ *Перекипомъ*, возглашаетъ мнѣ: »хорошо же вы вслушивались въ произношеніе вашихъ земляковъ!« При такой строгости съ его стороны, можно бы требовать и отъ него совершенной точности, покрайней мѣрѣ въ томъ *правилѣ*, которымъ онъ поражаетъ меня за *Перекипъ*. По Г. N. только *именительному* падежу предоставляетъ измѣненіе *о* въ *и*! *Ѣхавъ на Васильковъ, заѣхавъ у Иваниѣ двиръ*: развѣ это именительный падежъ? А въ звательномъ развѣ не говорится *бѣсивъ сыне?* И не ужели за это можно сказать Г-ну N: хорошо же вы умѣете различать падежи! Въ Разсужденіи Боданскаго о Руси сказано, что р. Рось впадаетъ въ Днѣпръ *на супротивъ* Канева, между тѣмъ, какъ она впадаетъ въ 7 верстахъ ниже Канева, съ той же правой стороны. Не ужели за это Г. N. скажетъ переводчику Шафарика: хорошо же вы знаете Географію Южной Руси! А между тѣмъ эта обмолвка о Роси повторена была и другими, притомъ въ критикѣ на Русскую Исторію.

Digitized by Google

но сказашь *Пилтава*, что будетъ соотвѣтственно съ Польскимъ Poltawa. Но Южно-Русскій языкъ въ подобныхъ случаяхъ всего чаще измѣняетъ только *л* въ *в*, удерживая *о*. Вмѣсто полсшь, полный, полкъ, волкъ; не говорится *пивсшь*, *пивный*, *пивкъ*, *вивкъ*, но *повсшь*, *повный*, *повкъ* (и просто *полкъ*), *вовкъ*, сообразно сему всего скорѣе вмѣсто Полшава, можно бы принять *Повтава*, какъ и слышалъ я въ Екатеринославской Губерніи.

Не смотря на эти три формы произношенія, нѣкоторыя слова Южно-Русскій языкъ оставляетъ безъ всякаго измѣненія, напр. слова *полтина* (вмѣсто *копа*) не произносится *ни пивтина*, *ни пилтина*, ни *повтина*, а просто *полтина*. Точно такъ и Полтава у настоящихъ туземцевъ своихъ произносится безъ всякаго измѣненія; здѣсь и въ простонародьи говорятъ просто: *Полтава*, *Полтавскій*, *Полтавци*. Потому то Кн. Цершелевъ и Срезневскій, издавая пѣсни, собранныя ими изъ устъ народа, писали *Полтава*, *а не Пивтава*; потому и Котляревскій свою *Наталку Полтавку* не назвалъ *Пивтавкою*.

Забавно видѣть, когда странствующіе акшеры, разыгривая эшу Полшавку и другія Малороссійскія пьесы, все гнушъ и ломаютъ на *и*, по незнанію языка (въ этомъ не безгрѣшенъ и Кн. Шаховской). Но совсѣмъ не забавно видѣть шакую ломку языка на Картѣ Шафариковой, когда совѣтуютъ ее нарочно, въ слѣдствіе какого нибудь односторонняго систематизма; когда защищаютъ ее во имя *языкоизслѣдованія* и *Славяно-вѣдѣнія*. Какъ же не назвать этого излишнимъ, искусственнымъ Малоросіянизмомъ! — Не рѣдко здѣсь можно услышать, какъ Русскіе богомольцы и плошники, вмѣсто Кіевъ, Богодуховка, Полшава — говорятъ *Кеефъ*, *Благадуховка*, *Плтава*; но ужели такія имена назовете настоящими Велико-Рускими? Говорятъ и здѣсь иногда *Пивтава*, *Пивтавци*, но въ смыслѣ насмѣшливомъ надъ шѣми, кои до крайносши доводятъ свой народный выговоръ, кои нарочно говорятъ не по-Малоросійски, а *по-мугирски*.

4. *О названіи Перекопа.*

Г. N. не позволилъ мнѣ назвать Перекопа — *Перикипомъ*; однако согласился со мною, что на Славянской Картѣ напра-

Digitized by Google

сно поставлено *Перекипъ*. Этого и довольно бы; но Г. N. предпринялъ оправдать Шафарикова совѣтника вполнѣ и во всемъ, и увѣряетъ, что *Перекипъ* ошибка самаго Шафарика, а не его совѣтника. Отъ чегожъ знаетъ онъ это, если ни лично, ни по наслышкѣ не знаетъ Шафарикова совѣтника? Г. N. такъ утвердительно объ этомъ говоритъ потому, что Конотопъ и другія имена на *опъ* оставлены на Картѣ безъ измѣненія въ *ипъ*. И такъ опять *новое правило!* Но за что же только одному окончанію *опъ* даетъ Г. N. такую привилегію на неизмѣняемость? Ужъ не потому ли, что въ Польскомъ языкѣ это окончаніе не обращается въ *упъ*? Но Южно-Русское произношеніе съ Польскимъ и *тутъ во всемъ соотвѣтствуютъ* столько же, какъ и въ притяжательныхъ именахъ на *овъ* и въ словахъ на *овка*. Слова *попъ, снопъ, окопъ, подкопъ, Перекопъ* и въ Польскомъ языкѣ употребляются съ звукомъ *о*. Не смотря на то Малороссійское произношеніе въ этихъ словахъ измѣняетъ *о* въ *и*: *попъ, снипъ, окипъ, підкипъ, перекипъ*.

Послѣднее слово, по извѣстной мѣстной причинѣ, обратилось въ имя города Ора. Если же это слово *въ негородовомъ* значеніи измѣняетъ *о* въ *и*, то и въ значеніи *городовомъ* можетъ, а по правиламъ Г. N. должно измѣнить *о* въ *и*, и если Шафарикъ допустилъ ставить на свою Карту *Переяслинъ и Пивтаву*, то онъ долженъ былъ поставить не Перекопъ, а *Перекипъ*. Иное дѣло Конотопъ; сказать *Константинъ* такъ же не ловко, какъ и *потипъ* вм. потопъ. Имя *коропа* не измѣняется *въ корипъ*, такъ же какъ и рыба коропъ (карпъ) не называется *корипомъ*. Г. N. говоритъ, что Шафарикъ, зная правило (какое?), по которому *о* измѣняется въ *и*, могъ однажды ошибиться, и прощаетъ этотъ разъ *„первому сливяновѣдцу нашего времени,“* ободряя при томъ пословицею: *„живетъ и на всѣхъ проговоръ!“*—Я думаю иначе: если Шафарикъ эту перемѣну въ имени Перекопа сдѣлалъ самъ собою, оставивъ Конотопъ и пр безъ измѣненія; то это обличаетъ въ немъ не случайную *ошибку*, а напротивъ — весьма тонкую чуткость и воспріимчивость къ звукамъ Славянскихъ языковъ. Этого именно и недостаетъ *музыкальному уху* Г-на N!—Впрочемъ Малороссійскій выговоръ, и въ окончаніи *опъ* также своеволенъ, какъ и въ окончаніи *овъ*, и опредѣляется не какимъ-либо *соотвѣтствіемъ* или другими пра-

Digitized by Google

вилами, а силою употребленія. Имя *Прокопъ* произносится *Прокипъ*; вм. *попъ* говорятъ *пипъ*; но вмѣсто Протопопъ нельзя уже сказать *Протопипъ*. Слово *бобъ*, хотя по Польски и не обращается *въ бубъ*, по Малороссійски можетъ быть произнесено *бибъ*; но если бы кто вмѣсто *лобъ*, *хлопъ*, сказалъ *либъ*, *хлипъ*; тому и въ простонародьи сказали бы, что онъ пересолилъ.

Остроумно замѣтилъ Г. N., что звукъ *о* Южно-Русскимъ языкомъ измѣняется въ *и*, а Польскимъ въ *у*; и казалось бы, что слово *яблоко* по Южно-Русски должно произноситься *яблико*; однако Малороссіяне говорятъ *яблуко*, и если бы Карпатскій Русинъ сталъ имъ говорить посвоему *яблико*, имъ могло бы показаться, что онъ передразниваетъ ихъ. Подобный смыслъ могутъ имѣть *Пивтава*, *Переяслив* и вся эта поголовная перемѣна *о* въ *и*.

Вотъ подробный отчетъ о четырехъ городовыхъ именахъ, упомянутыхъ въ краткомъ замѣчаніи моемъ о Шафариковой Картѣ. Изъ сего отчета кажется можно усмотрѣть: 1) что въ Южно-Русскомъ языкѣ, согласно съ его духомъ, весьма многія слова, произносимыя обыкновенно съ обращеніемъ звука *о* въ *и*, могутъ быть произносимы, и въ самомъ народѣ произносятся иногда съ звукомъ *о*; между тѣмъ никакъ нельзя придавать звукъ *и* такимъ словамъ, которыя съ этимъ звукомъ или совсѣмъ неупотребительны, или же употребляются только кое-гдѣ и не постоянно; 2) что названія городовъ и другихъ мѣстъ съ звукомъ *о* должны быть предпочитаемы даже тѣми, кои желая *нарочно* показать, какъ называются Южно-Русскія мѣстности *у туземцевъ*, хотятъ, въ томъ *слѣдовать большинству употребленія*. Эти названія должны быть предпочтены и потому, что господствуютъ въ самомъ простонародьи, и потому, что они согласны съ свойствами языка Южно-Русскаго.—Отсюда само собою слѣдуетъ, какъ несправедливо Г. N. такое произношеніе приписываетъ однимъ *грамотнымъ* Малороссіянамъ, — какъ напрасно онъ всю мнимую вину такого произношенія обращаетъ *на Малороссіянъ-горожанъ*. Впрочемъ Г. N, говоря объ нихъ съ такимъ шумомъ, имѣетъ въ виду кажется только *современниковъ* своихъ, — мѣтитъ особенно только на *правописаніе* наше. Потому вся его выходка противъ *письменниковъ* столько же относится къ дѣлу, какъ и вышеска-

Digitized by Google

занное *соотвѣтствіе.* Что же касается до Южно-Русской письменности вообще, то она своими памятниками всѣхъ вѣковъ свидѣтельствуетъ, что названія городовъ и другихъ мѣстъ съ звукомъ *о* были господствующими всегда и во всей Южной Руси Въ самыхъ близкихъ къ простонародью бумагахъ, каковы напримѣръ духовныя и купчія записи, никогда почти не имѣютъ мѣста имена — не только городовъ и селъ, но хуторовъ и урочищъ — съ окончаніемъ *ивъ* вм. *овъ.* Помоему, это составляетъ другое важное основаніе для того, что бы имена съ звукомъ *о* считать настоящими, коренными Южно-Русскими, и думать, что ихъ вѣковое употребленіе на письмѣ должно навсегда оставаться неизмѣннымъ и единственнымъ для письменныхъ памятниковъ всякаго рода, тѣмъ болѣе для этнографической Карты Славянской. За что на ней Южная Русь является въ первый разъ съ такимъ черезъ-чуръ простонароднымъ голосомъ, въ такомъ до крайности провинціальномъ видѣ? Хорошъ Запорожецъ, въ дорогихъ кармазинныхъ шараварахъ, окунувшійся въ деготь; но только на ярмаркѣ, только въ повѣсти. Такъ и *Пивтава*, *Переяславъ*, *Перекопъ* — эти названія пригодны для театральной сцены, для народной оперы или повѣсти, но не для Славянской Карты, составленной Шафарикомъ. Я съ полнымъ убѣжденіемъ готовъ — еще просить его, чтобы онъ отмѣнилъ это *новое введеніе* въ названіяхъ Южно-Русскихъ мѣстностей, чтобы онъ писалъ ихъ съ звукомъ *о*, какъ всегда писали и пишутъ во всей Южной-Руси.

Хорошо бы сдѣлалъ и Г. N., если бы отказался навсегда — отъ предложенныхъ имъ правилъ, составленныхъ наскоро и къ случаю. Они могли быть пригодны для защиты Шафарикова совѣтника; но совсѣмъ не годятся для Грамматики Южно-Русскаго языка, хотя бы она была и Сравнительная со всѣми языками Славянскими.

М. Максимовичъ.

1843 года 10го Іюля
М. Г.

Digitized by Google

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПУТЕВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Глава 2-я.

Пребываніе во Владимірѣ: тетушка; я поселяюсь у нея; знакомство; провинціальные типы.

Я вошелъ и увидѣлъ тетушку, сидящую на диванѣ; вокругъ нея въ почтительномъ положеніи сидѣли четыре приживалки — на сей разъ статуи. Особа, которую я видѣлъ у окна, и принялъ за тетушку, была одна изъ нихъ. Тетушка была старушка лѣтъ 70-ти, полная, даже толстая, съ Римскимъ носомъ и проницательными глазами. Выраженіе лица ея было строго, пріемъ холоденъ до невѣроятности; и когда я вздумалъ-было увѣрять ее въ моей любви и преданности, то мнѣ очень сухо и даже язвительно замѣтили, что вѣроятно у меня слишкомъ много было занятій, потому что въ послѣдніе три года я не написалъ къ ней ни разу; наконецъ однакожь меня пригласили сѣсть. Осмотрѣвъ комнату, и видя, что въ ней нѣтъ ни одного свободнаго стула, я опустился на одинъ изъ ситцевыхъ диванов, коими комната была обставлена. Я не сѣлъ, а погрузился: диванъ былъ худой и набитъ пухомъ. Какое-то облако поднялось надо мной; приживалки зачихали. Я вскочилъ; но, увы! мой фракъ, моя голова — все было покрыто этимъ предательскимъ пухомъ. Фигура моя была такъ уморительно-смѣшна, что сама тетушка не выдержала, — захохотала. Блаженная минута, благословляю тебя! Мысль, что она оскорбила меня своимъ смѣхомъ, заставила тетушку перемѣнить свое обращеніе со мной: это способствовало къ скорѣйшему возобновленію нашихъ родственныхъ связей; и можетъ статься, что этой Гогартовской сценѣ я обязанъ нѣсколькими счастливыми годами, и тѣмъ, что нашелъ въ тетушкѣ истинную мать и благодѣтельницу.

Digitized by Google

Обращеніе тетушки, какъ я сказалъ, перемѣнилось; она сдѣлалась ласковѣе, пригласила прогостить у нея, сколько мнѣ будетъ угодно, распрашивала обо всемъ, обходилась по родственному; я старался ей угождать, и когда вечеромъ предложилъ ей прочесть житіе Василія Новаго, то это предложеніе было принято съ признательностію; но вмѣстѣ съ тѣмъ на меня былъ брошенъ проницательный взглядъ, значеніе коего понялъ я лишь впослѣдствіи. Черезъ три дни тетушка уже журила меня иногда, а черезъ недѣлю вдругъ она попросила приживалокъ выйдти, прибавивъ, что желаетъ переговорить со мной наединѣ; приказала мнѣ притворить двери и между нами начался слѣдующій разговоръ. „Хочешь ли говорить со мной откровенно такъ, какъ говорилъ бы ты со Священникомъ на духу?“ — Извольте. — „Я вижу, что ты стараешься всячески мнѣ угождать, сносишь всѣ мои капризы, а ихъ не мало, скрываешь по возможности свою скуку: для меня это пріятно; но я хочу знать, для чего ты все это дѣлаешь? Говори откровенно; если солжешь, то пѣняй послѣ на себя; не увѣряй меня также въ своей любви и привязанности: ты еще меня не знаешь, слѣдственно любить не можешь. Я — другое дѣло, я была дружна съ твоей матерью, дирала за уши отца и видѣла тебя еще въ колыбели. Повторяю еще: говори правду, или мы съ тобой на вѣкъ разстанемся.“ — Я подумалъ немного и рѣшился разсказать ей все, даже самый совѣтъ Трофима. Когда я окончилъ, то она покачавъ головой, сказала: „ты порядочный шалунъ; но покрайней мѣрѣ не лжецъ и не хвастунъ.“

Въ эту минуту за дверью раздался сильный удушливый кашель. Я взглянулъ на тетушку: глаза ея засверкали, губы посинѣли, — она была страшна. „Саша, сказала она, насъ подслушивали: поди и приведи виноватаго.“ Черезъ минуту я стоялъ передъ нею съ одной изъ ея приживалокъ. — „А, Анна Васильевна!“ сказала она, обращаясь къ сей послѣдней, „очень рада, что узнала ваше новое ремесло; но признаюсь, я не охотница до домашнихъ лазутчиковъ. Послѣ обѣда вы отправитесь домой, и надѣюсь, что забудете даже, живу-ли я на свѣтѣ.“ — „Но, матушка...“ — „Довольно, сударыня! благодарите меня, что я не хочу осрамить васъ при всѣхъ. Вы знаете, что я никогда, ни въ какомъ случаѣ

Digitized by Google

не перемѣняю моихъ рѣшеній.« — Приживалка ушла, заливаясь слезами; тетушка продолжала: »Саша, спроси у Авдотьи зеленый ларчикъ, принеси его самъ, и потомъ затвори двери: мы будемъ продолжать нашъ разговоръ.« Я исполнилъ ея приказаніе; и она, вынувъ изъ ларчика небольшой незапечатанный пакетъ, отдала мнѣ его. »Разсмотри хорошенько лоскутки, сюда вложенные.« Эти лоскутки были заемныя письма моего отца разнымъ лицамъ на огромную сумму, право полученія по которымъ было передано тетушкѣ. — Я изумился, и тѣмъ болѣе, что когда за восемь лѣтъ оставлялъ батюшку, то онъ не только никому не былъ долженъ, но еще имѣлъ небольшой капиталъ. Я попросилъ тетушку объяснить мнѣ это. »Грустно для меня, Саша, отвѣчала она, говорить тебѣ про отца твоего; но должно же, чтобъ ты зналъ настоящее свое положеніе. Не смѣй, однакожь, судить о поступкахъ его: ни Богъ, ни люди не дали тебѣ на это права; да и знаешь-ли, не поступилъ-ли бы ты на его мѣстѣ еще хуже? Ты былъ свидѣтелемъ кончины матери, видѣлъ горесть отца и вскорѣ потомъ былъ отправленъ въ пансіонъ; послѣ ни разу не былъ дома, слѣдственно не знаешь, что отецъ твой вскорѣ послѣ того познакомился съ одной потаскушкой и привязался къ ней (*). Привязанность стариковъ обращается въ слабость, и этимъ-то она воспользовалась. Когда связь ихъ началась, то первой ея цѣлью было охладить отца къ тебѣ, второй — составить для себя капиталъ. Отъ этого-то отецъ твой, посылая къ тебѣ кучу денегъ для удовлетворенія малѣйшихъ твоихъ прихотей, въ восемь лѣтъ ни разу не пріѣхалъ къ тебѣ въ Москву и не вызвалъ тебя къ себѣ. Не удивляйся его щедрости: ей необходимо было сдѣлать изъ него расточителя и вовлечь въ займы, дабы имѣть возможность изъ десяти тысячъ заняныхъ отложить пять въ свою пользу. Я съ моей стороны узнала объ этомъ довольно уже поздно, и вмѣстѣ

(*) Потаскушками въ Провинціи называютъ всѣхъ женщинъ сомнительнаго поведенія, не обращая вниманія ни на что; женщина можетъ имѣть 1,000 душъ и носить титулъ Ея Превосходительства, и вмѣстѣ съ тѣмъ быть потаскушкой. Извините за провинціализмъ: это выраженіе показалось мнѣ живописнымъ.

Digitized by Google

съ тѣмъ дошло до меня, что она сдѣлавшись свободной, и овладѣвъ совершенно твоимъ отцемъ, хочетъ выйдти за него замужъ, и заставить его усыновить своихъ дѣтей. Я хотѣла спасти брата отъ разоренія, тебя отъ нищеты, а семейство наше отъ срама имѣть въ составѣ своемъ подобную особу. Письма мои не подѣйствовали бы; но я скупила векселя, и отецъ твой знаетъ, что отъ меня зависитъ пустить его завтра же по-міру. Теперь онъ исполняетъ малѣйшія мои желанія; о женитьбѣ жь не смѣетъ и думать.

— Какъ благодарить васъ, тетушка? Вы мнѣ мать и благодѣтельница! — „Ты скоръ, Саша, и называешь вещи не настоящимъ именемъ. Могу ли я быть твоей матерью, когда еще не знаю, захочешь-ли ты быть моимъ сыномъ. Поступками моими руководствовала родственная привязанность къ твоимъ родителямъ, и, если хочешь, фамильная гордость. Ты удивишься, можетъ статься, какъ я съ моей бережливостію (тетушка была скупенька) бросила почти 200 тысячъ рублей на пріобрѣтеніе заемныхъ писемъ, платежа по которымъ не требую, и потребую только въ томъ случаѣ, когда мои совѣты останутся неуваженными. Но, Саша, ты видно еще не знаешь, что всякій человѣкъ любитъ властвовать, что съ годами эта страсть не ослабѣваетъ, а усиливается. Дѣтей у меня нѣтъ, ближе васъ родныхъ я не имѣю: что жь значило для меня кинуть деньги, лежавшія безъ всякаго употребленія въ моей шкатулкѣ, для достиженія этой цѣли, когда для меня, по моему образу жизни, достаточно четвертой части моихъ годовыхъ доходовъ? — Я такъ мало думала о тебѣ, что проѣзжай ты мимо, (тутъ я вспомнилъ о совѣтѣ Трофима), отношенія мои къ твоему отцу ни мало не перемѣнились бы; что до тебя касается, ты дорого заплатилъ бы за свое неуваженіе ко мнѣ. — Теперь, Саша, я должна сказать тебѣ причину этого разговора. Я тебя узнала — и ты мнѣ нравишься; дѣтей у меня нѣтъ: собаки, кошки и приживалки не могутъ мнѣ замѣнить ихъ. Я довольно долго прожила на свѣтѣ для того, чтобъ знать цѣну ихъ привязанности, въ особенности послѣднихъ; я ихъ держу, потому что въ моемъ положеніи онѣ для меня необходимы: безъ нихъ я принуждена бы была молчать по цѣлымъ сутками. Но я бы желала въ послѣдніе мои годы имѣть близъ себя кого-нибудь истинно ко мнѣ привязаннаго. Когда

Digitized by Google

ты былъ еще въ колыбели, а у отца твоего большое семейство, я просила твою мать отдать мнѣ тебя вмѣсто сына; она не согласилась: теперь ты одинъ; но отъ отца твоего отказа не ожидаю. Согласишься ли ты успокоить меня на старости, переносить мои капризы, любить и уважать меня, однимъ словомъ, быть истиннымъ сыномъ? Если ты согласенъ, то завтра же напишу къ твоему отцу о моемъ желаніи; но предупреждаю тебя, что даже въ случаѣ твоего несогласія, я все-таки останусь для тебя доброй тетькой.« — Кто васъ знаетъ, тетушка, отвѣчалъ я, тотъ уважать васъ будетъ. Вамъ не угодно было, чтобъ я назвалъ васъ матерью и благодѣтельницей; и вы съ такимъ же усиліемъ отвергаете благодарность, которую я вамъ долженъ былъ изъявить, съ какимъ другіе стараются, чтобъ ихъ хвалили за самые ничтожные ихъ поступки; но воля ваша: буду соображаться съ ней. Благодарность моя къ вамъ облегчитъ для меня обязанности, вами на меня возлагаемыя. Я принимаю ихъ добровольно; но, тетушка, будьте же снисходительны ко мнѣ, а то при всѣхъ усиліяхъ, едва ли я вамъ угожу. — „Эхъ, Саша, не ужели ты думаешь, что я забыла прежнюю свою молодость? Для меня достаточно и того, если ты будешь стараться мнѣ угождать; и коль я увижу, что ты искренно меня любишь. И такъ у насъ дѣло рѣшено. Ты у меня остаешься. Каждый мѣсяцъ ты будешь получать отъ меня нѣкоторую сумму на свои расходы; отчета въ ней не требую, потому что не хочу заставлять тебя лгать. Но уговоръ лучше денегъ: долговъ не дѣлай; а то я прощусь съ тобой. Кстати, — ты мнѣ сказывалъ, что ты много долженъ въ Москвѣ: сынъ мой долженъ быть честнымъ человѣкомъ и расплатиться до послѣдняго гроша. Сколько ты долженъ?

Я самъ не зналъ хорошенько своихъ долговъ. Позвали Трофима; и когда сочли все, то оказалось, что я былъ долженъ 15,000 рублей. Тетушка качала головой, ворчала и наконецъ вынула изъ шкатулки деньги, прибавила къ нимъ 25 рублей, и сказала Трофиму, чтобъ онъ сыскалъ оказію, отвезъ деньги въ Москву, привезъ мои заемныя письма и платежныя росписки, а 25 рублей употребилъ на проѣздъ и расходъ. Когда онъ ушелъ, я не могъ удержаться, и сказалъ тетушкѣ, что напрасно она ввѣрила такую огромную сум-

Digitized by Google

му слугѣ, и что гораздо бы лучше было отослать её по почтѣ. — Она покачала головой, и сказала мнѣ, что я очень еще худо знаю нашихъ людей, и что она очень твердо увѣрена, что чрезъ недѣлю Трофимъ явится и порученіе ея будетъ выполнено въ точности; но что она не совѣтуетъ мнѣ давать Трофиму и 10 рублей на расходъ, не требуя отъ него строгаго отчета, что въ послѣднемъ случаѣ я буду навѣрное обманутъ, — Долженъ сказать вамъ, любезнѣйшій читатель, что впослѣдствіи слова ея оправдались на опытѣ.

Кончивъ это, тетушка заключила нашъ разговоръ слѣдующими словами: замѣть, Саша, что изъ всѣхъ твоихъ долговъ я не заплатила одному Трофиму: этотъ долгъ ты заплатишь самъ. Ты долженъ вѣкъ благодарить его. Не забудь также, что я Анну Васильевну выгнала: поступокъ ея гнусенъ; и я не могу и не должна простить ей для того, чтобъ другія мои приживалки не смѣли дѣлать чего-нибудь подобнаго; но старуха больна; она меня покоила; и мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ она умерла отъ нужды. Пока я жива, давай отъ себя по 25 руб. каждый мѣсяцъ; а когда я умру, отошли къ ней единовременно 1000 рублей.

Вотъ, почтеннѣйшій читатель, какъ я поселился у тетушки. Простите мнѣ, если, желая познакомить васъ съ ней покороче, я вошелъ, можетъ быть, въ излишнія подробности. Я обѣщался представлять вамъ въ моемъ разсказѣ портреты лицъ по чему нибудь замѣчательныхъ; а въ нашей провинціальной жизни мнѣ удавалось встрѣчать подобныя. Я видалъ стариковъ, которые, такъ же какъ и она, ворчали и сердились, если въ чашку чаю былъ положенъ лишній кусокъ сахару; въ комнатахъ у нихъ были такіе же пуховые диваны; за столомъ у нихъ вы сидѣли по 4 часа и вставали голодные, потому что вамъ подавали 30 блюдъ, и ни одного сноснаго. Однимъ словомъ, не зная хорошенько, вы могли ихъ обвинять въ излишней бережливости, скупости и даже скряжничествѣ. Но попадался имъ бѣдный: они проходили мимо его, не кивнувъ даже головой; но завтрашъ онъ получалъ пособіе, Богъ знаетъ, откуда и отъ кого. Гдѣ же должно было дѣйствовать открыто, тамъ они умѣли это дѣлать. Эти-то старики бросали тысячи на алтарь отечества въ бѣдственный 1812й годъ, гнали молодежь въ

Digitized by Google

ряды воиновъ и часто сопутствовали имъ сами. Не смотря на наружную черствость они были истинно добрые люди и хорошіе Христіане. Желалъ бы жить съ ними; но нынче ихъ мало. — Описывая вамъ ихъ характеры, я знакомлю васъ, любезнѣйшій читатель, не съ людьми нынѣшняго вѣка, но съ нашими отцами; впрочемъ изрѣдка вы и теперь еще встрѣтите подобныхъ.

Послѣ этого разговора, я сдѣлался у тетушки совершенно домашнимъ человѣкомъ. Опишу вамъ ея день. Поутру въ 7 часовъ она просыпалась, садилась на постель, брала Молитвенникъ и молилась до 11 часовъ; въ это время однакожъ къ ней безпрестанно приходили за разными приказаніями и распоряженіями; въ 11 часовъ она выходила въ гостиную, здоровалась со всѣми; тутъ являлся чай, за нимъ кофій, завтракъ; въ два часа обѣдъ и послѣ обѣда кофій. Въ это время съ ней сидѣли приживалки, и она иногда принимала мужчинъ, которые къ ней заѣзжали, потому что въ городѣ она пользовалась большимъ уваженіемъ, и благосклонный отзывъ ея о молодомъ человѣкѣ открывалъ ему свободный входъ во всѣ дома. Послѣ обѣда она отдыхала часа два на томъ же диванѣ, въ 6 часовъ являлся опять чай, разныя сласти и въ 10 ужинъ. Съ 6 до 10 часовъ она рѣдко оставалась одна: къ ней пріѣзжали городскія дамы, по большей части старушки; но и молодыя навѣщали ее. Картъ не было; время проходило въ разговорахъ; и къ удивленію вашему, любезнѣйшій читатель, скажу, что ни она, ни гости, ни даже я не скучали. По нынѣшнимъ понятіямъ она была не образована; изо всѣхъ писателей Русскихъ и иностранныхъ ей были знакомы: Херасковъ, Ломоносовъ, Сумароковъ и достославный Тредьяковскій; но она долго жила, бывала во многихъ мѣстахъ, любила быть съ людьми и была одарена отъ природы умомъ наблюдательнымъ. Она любила разсказывать, и анекдоты ея, хотя неприкрашенные ничѣмъ, были занимательны, тѣмъ болѣе, что она говорила, какъ очевидная свидѣтельница. Чичаговъ, Потемкинъ, Суворовъ, Зубовы, были ей лично знакомы. Бывало, она описывала битву на Ревельскомъ рейдѣ, при чемъ она сама присутствовала. Увлеченные ея разсказами слушатели, разсказывали тоже въ свою очередь — и сраженіе на Кинбурнской Косѣ, штурмы Очакова и Праги, Варшавская и Виленская революціи, геройскій

Digitized by Google

подвигъ Сакена, самоотверженіе многихъ жертвъ Пугачева, несчастная Цюрихская битва, совершались, такъ сказать, *въ очью у насъ*. Иногда мы присутствовали на пышныхъ праздникахъ Князя Таврида; иногда даже намъ удавалось заглядывать въ Эрмитажъ и видѣть, какъ привѣтливая вѣнценосная хозяйка угощала всѣхъ и каждаго истинно Русскимъ радушіемъ; и оттуда вдругъ насъ переносили въ Архангельскъ, въ Колу, въ стѣны монастыря, въ коемъ томился несчастный Антонъ-Ульрихъ; или по бурнымъ волнамъ Бѣлаго моря мы плыли въ Соловки; или съ посохомъ въ рукѣ приближались къ Кіевскимъ пещерамъ, и блуждали по онымъ; иногда даже мы могли услышать старинныя Русскія преданія, которыя, я боюсь, исчезнутъ за недостаткомъ повѣствователей. То съ Богданомъ Хмѣльницкимъ Малороссія освобождалась отъ ига Поляковъ, то Дорошенко, Виговскій и недостойный Юрій Хмѣльницкій губили ее своими раздорами; иногда мы переносились за Пьяну (*) и присутствовали при пораженіи Русскихъ знаменитымъ Арзей; иногда видѣли покореніе Казани, намъ разсказывали послѣднія усилія Луговой Черемисы къ сохраненію независимости; многократные бунты Башкирцевъ, жестокости ими производимыя передавались очевидными свидѣтелями. Случалось даже, что съ Строгановыми и Ермакомъ мы углублялись въ Сибирскія тундры; насъ дѣлали свидѣтелями единоборства Мегмета-Кула съ покорителемъ Сибири, взятія Искера, битвы на Иртышѣ, въ коей сей послѣдній погибъ за тѣмъ мы присутствовали при постепенномъ усиленіи Русскихъ въ семъ краю, при занятіи ими разныхъ частей онаго; видѣли ихъ борьбу съ людьми и природой; часто бывали свидѣтелями ихъ геройской гибели; но еще чаще торжествовали вмѣстѣ съ ними. А подвиги Хабарова, а основаніе Албазина, его оборона, самое паденіе? — Гдѣ, въ какой исторіи вы найдете подобный рядъ, если не героевъ, то людей, одаренныхъ необыкновеннымъ мужествомъ? Одно только покореніе Мексики и Перу Испанцами можетъ нѣсколько равняться съ этимъ; но тамъ побѣдители, опличаясь мужествомъ, опличились и безчеловѣчіемъ; Русскихъ же нельзя попрекнуть въ этомъ. И все это гибнетъ въ безвѣстности;

(*) Рѣка въ Нижегородской Губерніи.

Digitized by Google

со всякимъ поколѣніемъ многое забываешся. Скоро-ли явится повѣствователь, который рѣшился бы посвятить свою жизнь на собраніе всѣхъ нашихъ преданій и описаніе оныхъ? Но куда зашелъ я отъ вечерней бесѣды тетушки? Все это я слышалъ въ сихъ бесѣдахъ; но чувствую, что воспоминанія увлекли меня невольно въ излишнія подробности.

Въ 10 часовъ или и ранѣе гости разъѣзжались, мы ужинали; а для тетушки начиналась пора жесточайшихъ страданій. У ней былъ ужаснѣйшій ревматизмъ. Какъ описать вамъ это мученіе и съ чѣмъ сравнить его? Ей Богу, не знаю. Она страдала каждый вечеръ съ 10 часовъ до 3 или 4 пополуночи. Тутъ-то начинались, какъ она говорила, ея капризы: то ей перли ноги слишкомъ слабо, то не знамъ, гдѣ бы ей хотѣлось; то подушки, которыми она была обложена, безпокоили её; то дулъ на нее холодный вѣтеръ отъ печи, подлѣ которой она лежала, и которая была натоплена такъ жарко, что мы должны были поперемѣнно выходить изъ комнаты для того, чтобъ сколько нибудь освѣжиться; — однимъ словомъ, никто и ничѣмъ не могъ ей угодить. Часто, очень часто она доводила и окружающихъ и меня до слезъ. Но была-ли она виновата въ этомъ? Эти капризы не были-ли естественнымъ послѣдствіемъ нестерпимой боли? Къ 3 или 4 часамъ утра боль утихала; она отправлялась спать и на другой день вставала бодрой, веселой, говорливой и умной старушкой.

Наканунѣ праздниковъ у нея служили всенощную на дому; въ самые праздники она непремѣнно ѣздила къ обѣднѣ. Вотъ, любезнѣйшій читатель, обыкновенная ея жизнь. Что касается до свѣтскихъ ея сношеній, по большимъ праздникамъ она посылала меня въ своемъ возкѣ или двумѣстной каретѣ развозить за нее карточки, отправляла меня также вмѣсто себя на обѣды и вечера, на которые ее приглашали, даже къ родильницамъ я же возилъ червонцы. Впрочемъ, хотя весьма рѣдко, но случалось, что она выѣзжала и сама: подобное посѣщеніе было знакомъ ея необыкновеннаго уваженія.

И такъ, любезнѣйшій читатель, соображая ея жизнь, вамъ легко отгадать и мою. До обѣда я былъ совершенно свободенъ; послѣ обѣда до 10 часовъ вечера я проводилъ время довольно пріятно, весьма часто и оканчивалъ его так-

Digitized by Google

же, потому что въ провинціяхъ приглашенія на вечера не рѣдкость. Но несравненно чаще время отъ 10 часовъ до отхода ко сну было для меня временемъ страданія, если не физическаго, то нравственнаго. Не смотря на это, скажу вамъ, любезнѣйшій читатель, что я любилъ и покоилъ тетушку до самой кончины ея, и что до сихъ поръ чту ея память. — Но пора познакомить васъ съ другими провинціалами.

На другой же день послѣ нашего разговора тетушка послала меня съ визитами къ городскимъ чиновникамъ и ко всѣмъ своимъ знакомымъ. Вездѣ я долженъ былъ говорить, что я племянникъ Анны Александровны; и вездѣ, благодаря этой рекомендаціи, меня принимали радушно и приглашали посѣщать и впередъ. Въ числѣ этихъ визитовъ, вы удивитесь, любезнѣйшій читатель, было нѣсколько сдѣланныхъ и почетнѣйшимъ купцамъ. Я потому замѣчаю это, что у насъ въ столицахъ считаютъ провинціальныхъ дворянъ какими-то закоренѣлыми аристократами, недопускающими въ свое общество никого, кромѣ Дворянъ или людей чиновныхъ. Правда, что число допускаемыхъ весьма ограничено; но въ этомъ виноваты не дворяне, а купцы. Много-ли и въ столицахъ купцовъ образованныхъ, которые, войдя въ гостиную, были бы на своемъ мѣстѣ? въ провинціяхъ же ихъ еще меньше. Иной ворочаетъ милліонами; а если вы въ его лавкѣ захотите купить аршинъ батисту и скажете, что не зная толку въ товарѣ, полагаетесь на его совѣсть, то онъ отрѣжетъ вамъ мишкалю; и если въ васъ почему-либо родится невольное сомнѣніе, то онъ будетъ вамъ клясться всѣмъ святымъ, что это самый лучшій батистъ, который когда-либо вывозился изъ Голландіи. Что же можетъ быть общаго между подобнымъ торгашемъ и истиннымъ дворяниномъ? И эти торгаши стоютъ-ли названія купцевъ? Настоящими же купцами наше Дворянство не пренебрегаетъ, и, какъ мнѣ кажется, никогда не пренебрегало.

Черезъ недѣлю всѣ сдѣланные мною визиты были мнѣ отданы — и я былъ знакомъ по формѣ со всѣмъ городскимъ обществомъ. Въ концѣ этой недѣли къ тетушкѣ пріѣхалъ старшина Благороднаго Собранія, И. Д. А., и предложилъ мнѣ быть Членомъ онаго. Я заплатилъ 25 рублей, съѣздилъ туда 2 раза, познакомился съ дамами, сблизился съ мужь-

Digitized by Google

ями; и черезъ 3 недѣли я уже былъ кореннымъ Владимірскимъ жителемъ: я могъ замѣчать все, потому что отъ меня не скрывали ничего; и очень часто смѣшилъ тетушку моими разсказами, когда мы оставались вдвоемъ.

Не угодно ли и вамъ, любезнѣйшій читатель, познакомиться съ нѣкоторыми изъ моихъ знакомыхъ? Съ когожь начать мои портреты? Насъ Русскихъ обвиняютъ въ излишнемъ чинопочитаніи. Въ провинціяхъ же первое мѣсто принадлежитъ по праву Губернатору: и такъ начнемъ съ него. — Но въ теченіе моей жизни я зналъ ихъ 12 человѣкъ, изъ коихъ нѣкоторые точно заслуживали вниманіе. Чтожь такое? — Опишемъ всѣхъ замѣчательныхъ, различивъ ихъ только литерами.

А*. былъ высокаго роста; пріемы его необыкновенно важны; спойкость, рѣшительность и желаніе быть полезнымъ ввѣренной управленію его Губерніи и Россіи вообще — были отличительными чертами его характера. Вы не обязаны вѣрить мнѣ на-слово, и потому разскажу нѣсколько анекдотовъ, рисующихъ его характеръ. Въ одномъ уѣздѣ нашей Губерніи происходили безпрестанныя шалости: то крали лошадей, то подламывали клѣть. Исправникъ метался изъ угла въ уголъ; слѣдствія производились безпрестанно; всѣ формы были соблюдены; но преступники не открывались. Наконецъ возникли разбои; нѣсколько человѣкъ было зарѣзано. Получивъ о семъ извѣстіе, Губернаторъ потребовалъ къ себѣ Исправника немедленно, и когда сей послѣдній прибылъ, сказалъ ему: „у васъ дѣлалось въ уѣздѣ много дурнаго и виноватыхъ вы не находили. Я поставлялъ ваши поступки на видъ Правительственныхъ мѣстъ; посылалъ даже нарочныхъ слѣдователей: вы всегда оставались правыми. Теперь у васъ произошло убійство: если въ теченіе недѣли вы не откроете преступниковъ, и съ сего дня преступленія въ уѣздѣ не прекратятся, то я не отдамъ васъ подъ судъ, но отрѣшу отъ должности съ тѣмъ, чтобъ впредь никуда не опредѣлять.“ — За чтожь, Ваше Превосходительство? — „За несвоевременное исполненіе предписаній начальства такихъ-то. Въ этомъ же виноваты и другіе Исправники даже больше вашего; но за то у нихъ въ уѣздахъ грабежей и разбоевъ несравненно меньше. Прощайте!“ Исправникъ от-

Digitized by Google

правился; преступники были открыты и уѣздъ сдѣлался самымъ спокойнымъ въ Губерніи. — Въ другой разъ Правительство сдѣлало распоряженіе, полезное для Имперіи вообще, но до крайности обременительное для ввѣренной ему Губерніи. Предписаніе было получено въ Августѣ и къ непремѣнному исполненію онаго велѣно было приступить съ 1 го Января. Онъ немедленно испросилъ отпускъ; отправился въ Петербургъ, объяснилъ всѣ неудобства сдѣланнаго предписанія, и къ 1-му Января возвратился съ новымъ предписаніемъ, которое, достигая той же цѣли, не было нисколько обременительно для Губерніи. Въ третій — это было въ славный 1812 годъ — Губернаторъ всѣми мѣрами убѣждалъ отставныхъ дворянъ къ поступленію вновь на службу. Одни ѣхали, другіе оставались: но про него разнеслись слухи, что онъ насильно посылаетъ дворянъ на службу. Одинъ молодой, богатый хвастунъ въ многочисленномъ обществѣ позволилъ себѣ сказать про него, что онъ присвоиваетъ себѣ власть, ему непринадлежащую; но что впрочемъ онъ желалъ бы узнать, какъ можно принудить дворянина служить, если онъ того не желаетъ и знаетъ свои права. На другой день его позвали къ Губернатору, и когда онъ вошелъ въ кабинетъ, сей послѣдній сказалъ ему: „вы говорили про меня, что я присвоивалъ не принадлежащую мнѣ власть, принуждая дворянъ поступать на службу: правда, что многихъ я убѣждалъ, и часто съ успѣхомъ, и горжусь этимъ; но не угодно ли вамъ будетъ назвать, кого я принудилъ насильно вступить въ службу?“ Молодчикъ смѣшался и молчалъ. — Погодивъ немного, Губернаторъ продолжалъ: „не ломайте себѣ головы напрасно; вамъ не кого называть. Видите, что вы мнѣ дали полное право назвать васъ лжецомъ и клеветникомъ.... Успокойтесь: этого я не сдѣлаю; но за ваше болтанье васъ, и только васъ, я принужу служить. Вотъ готовая просьба объ опредѣленіи вашемъ въ новоформирующійся полкъ, и вотъ мое донесеніе Государю Императору, въ коемъ я изъясняю, что къ сожалѣнію моему въ числѣ дворянъ ввѣренной мнѣ Губерніи оказался такой, который, не довольствуясь тѣмъ, что самъ не хотѣлъ ничего сдѣлать для пользы отечества, отклонялъ отъ этого и другихъ, и что я для примѣра прочимъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній, какъ вреднаго члена Общества, по-

Digitized by Google

садилъ его на гауптвахту. Подписывайте и черезъ два часа отправляйтесь въ полкъ, въ противномъ случаѣ я подпишу — и тогда пѣняйте уже на себя.« Молодецъ подписалъ и отправился. Эти три анекдота, какъ мнѣ кажется, знакомятъ лучше съ характеромъ человѣка, нежели длинное описаніе. Прибавьте къ этому, что онъ любилъ веселость и общество, былъ необыкновенно внимателенъ и учтивъ со всѣми; но съ тѣмъ вмѣстѣ умѣлъ держать себя такъ, что никто и никогда не могъ забыть, что въ Губерніи онъ представитель Императора. Послѣ этого вы легко повѣрите, что въ Губерніи его любили и уважали, и что дѣла у него шли хорошо. Не думайте, однакожь, чтобъ онъ не имѣлъ недостатковъ: совершенство не въ человѣческой природѣ. Главнѣйшимъ изъ оныхъ была необыкновенная вспыльчивость; другимъ, если вы хотите, не менѣе важнымъ — предубѣжденіе противъ всѣхъ иностранцевъ и всего иностраннаго. Слово »предубѣжденіе« далеко еще не выражаетъ того чувства, которое онъ къ нимъ питалъ: онъ ихъ ненавидѣлъ. — Перейдемъ къ другимъ.

B* Съ необыкновеннымъ умомъ онъ соединялъ и необыкновенную склонность къ насмѣшливости. Онъ не щадилъ никого; и его бы ненавидѣли, еслибъ онъ, любя веселость и общество, не заставлялъ всѣхъ веселиться, иногда даже невольно. Къ тому-жъ онъ отличался безкорыстіемъ и былъ неумолимъ ко взяточникамъ.

C* мы не знали, когда онъ занимается дѣломъ. Вы пріѣзжали поутру, кабинетъ его былъ отворенъ, и вы проводили часъ и два въ пріятной бесѣдѣ. Вечеромъ же или у него были гости, или онъ былъ въ гостяхъ; просиживалъ далеко за полночь, и въ полномъ смыслѣ слова былъ душей общества. Анекдоты у него сыпались; онъ охотникъ былъ играть въ карты; но въ рѣдкій вечеръ успѣвалъ кончить болѣе одной партіи виста. Повторяю еще, что мы не могли понять, когда онъ занимается дѣлами по Губерніи: но дѣла шли своимъ порядкомъ. Вы пріѣзжали къ нему съ просьбой, объясняли ему вашу нужду: онъ или отказывалъ, но отказывалъ по совершенной невозможности васъ удовлетворить, и объяснялъ вамъ эту невозможность такъ, что

Digitized by Google

вы сами ее понимали, — или исполнялъ по вашей просьбѣ не позже, какъ на другой или на третій день. Иногда даже онъ говорилъ вамъ, что исполненіе вашей просьбы въ настоящую минуту невозможно, но что, если вы сдѣлаете то и то, тогда исполнить будетъ очень можно. Но когда работаетъ онъ? думали мы. Правда, что по утрамъ бываетъ у него Секретарь, и что онъ при насъ даже отдаетъ ему кучу приказаній, что сей удаляется и возвращается потомъ съ кипой бумагъ, которыя Губернаторъ подписываетъ какъ бы не читая, потому что въ то же время онъ продолжаетъ разговаривать съ вами; иногда впрочемъ нѣкоторыя изъ этихъ бумагъ возвращались Секретарю не подписанными, по иной должно было добавить, содержаніе другой измѣнить, про третью онъ говорилъ: „это совсѣмъ не то; вотъ какъ должно написать!“ Цѣлые три года, то есть во все время его правленія, всѣ жители Губерніи ломали себѣ голову надъ рѣшеніемъ задачи, какъ можно управлять милліономъ народа и управлять хорошо, шутя отъ ранняго утра до полуночи; но задача осталась нерѣшенной. — Знаю только, что до сихъ поръ мы душевно его любимъ, и что всякой изъ насъ, бывъ въ Петербургѣ, непремѣнно зайдетъ къ нему.

Что касается до прочихъ, то въ нихъ не было ничего особеннаго. Одинъ управлялъ Губерніею лучше, другой хуже; иного любили, другой не нравился. Но могу васъ увѣрить, любезнѣйшій читатель, что изъ 12 Губернаторовъ, которыхъ я зналъ, ни одинъ не былъ похожъ на описаннаго въ Мертвыхъ душахъ.

На счетъ многочисленнаго сословія Губернскихъ Чиновниковъ отъ Предсѣдателей Гражданской и Уголовной Палаты до подканцеляриста, скажу, что всѣ они вообще не только не глупы, но напротивъ хитры и смѣтливы. Изъ числа ихъ я зналъ много дурныхъ людей, но зналъ также и людей очень хорошихъ. Ихъ осуждаютъ часто безъ всякой причины, по одному лишь предубѣжденію. — Процессъ NN рѣшенъ не въ его пользу; онъ лишился половины своего имущества и утѣшается тѣмъ, что называетъ Предсѣдателя мошенникомъ, Прокурора воромъ, Чиновниковъ грабителями;

Digitized by Google

толпа вторитъ ему, не изслѣдывая ничего — и репутація несчастныхъ чиновниковъ потеряна. Это-то, можетъ быть, истинная причина, отъ чего многіе дѣлаются точно ворами и мошенниками. — Я съ моей стороны скажу, что отличительная черта высшихъ гражданскихъ чиновниковъ есть желаніе скопить себѣ небольшее состояньице подъ старость; и отъ того вообще они бережливы, и ведутъ жизнь скромную и умѣренную. Къ этому должно прибавить, что въ обращеніи вообще они черезъ-чуръ уже уклончивы. — Что касается до мелкихъ канцелярскихъ чиновниковъ, то объ нихъ говорить нечего: они вездѣ одинаковы, и описывать ихъ будетъ рѣшительно потерянный трудъ. Изъ числа высшихъ чиновниковъ на счетъ умѣнья держать себя прилично, должно однакожъ исключить Предсѣдателя Казенной Палаты и иногда Прокурора. Причина тому очень проста: ихъ присылаютъ изъ столицъ. Что же касается до прочихъ чиновниковъ, они начинаютъ свою службу съ подканцеляристовъ въ Губерніи и достигаютъ постепенно до высшихъ званій: въ молодости они были въ пренебреженіи, и привычка доводитъ ихъ до того, что подъ старость они даже не замѣчаютъ этого пренебреженія. — Относительно Почтмейстеровъ надобно сказать, что они гражданскіе чиновники только по переименованію ихъ изъ военнаго въ соотвѣтствующій статскій чинъ; въ обществѣ жъ ихъ принимаютъ весьма хорошо, и по большей части они того стоютъ. Сказанное мною про гражданскихъ чиновниковъ и объ оказываемомъ имъ пренебреженіи справедливо вообще; но должно помнить, что нѣтъ правила безъ исключенія. И нынче, благодареніе Богу, эти исключенія сдѣлались несравненно чаще: доживемъ ли мы до той поры, чтобъ они сдѣлались правиломъ?

Но пора перейдти къ настоящему провинціальному обществу. Какъ сказалъ я выше, оно состоитъ изъ дворянъ и немногихъ избранныхъ купцевъ. Послѣднихъ даже можно не замѣтить, потому что они только еще исключенія изъ общаго и многочисленнѣйшаго класса торгашей.

Первые дѣлятся на два разряда: а) на стариковъ, оставившихъ службу за старостью или ранами; они малочисленны, но достойны всякаго уваженія, и провинціальное обще-

Digitized by Google

ство блаженствуетъ, когда они управляютъ онымъ; b) на Прапорщиковъ въ отставкѣ, бросившихъ службу по *домашнимъ обстоятельствамъ*, какъ пишется въ просьбахъ. Это выраженіе обозначаетъ иногда почно желаніе устроить состояніе, успокоить родителей и родственниковъ.

Въ обоихъ разрядахъ общаго то, что всѣ вообще болѣе склонны къ добру, нежели къ злу. Но старики любятъ порядокъ: время бурь и страстей прошло для нихъ. Первое и едва ли не единственное доступное имъ удовольствіе есть миръ и согласіе; и они стараются водворить этотъ миръ въ обществѣ, ихъ окружающемъ. Конечно, они медленны, и, должно сознаться, по большей части необразованы; нововведенія для нихъ страшны: они принимаютъ ихъ не скоро, даже и тогда, когда польза отъ нихъ очевидна.

Но едва ли эта медленность, оставляющая время обсудить вещь со всѣхъ сторонъ, не полезнѣе опромечивости нашей всезнающей молодежи, кидающейся, какъ на добычу, на всякую новизну, и очень часто отступающей отъ лучшихъ своихъ мыслей, отъ того что ея предпріятіе не бывъ хорошенько обсужено, встрѣтило препятствіе тамъ, гдѣ не ожидало его встрѣтить.

Впрочемъ напрасно видятъ въ людяхъ пожилыхъ враговъ веселости: она напоминаетъ имъ прежнюю молодость; и я часто видалъ людей самыхъ почтенныхъ, героевъ временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма, участвовавшихъ въ самыхъ веселыхъ пріятельскихъ пирушкахъ молодежи. Правда, что въ присутствіи ихъ, эти пирушки не превращались въ оргіи. Говоря вообще, они несравненно болѣе оживляютъ общество, чѣмъ наши разочарованные юноши, увѣряющіе, что время страстей, и удовольствій прошло для нихъ, что душа ихъ умерла для ощущеній, и что свѣтъ имъ опротивѣлъ, хотя назадъ тому недѣлю они еще сидѣли на Университетской скамьѣ.

Но въ томъ обществѣ, гдѣ господствуетъ молодежь, дѣло почти начинается искренней дружбой; затѣямъ нѣтъ конца: одинъ предложитъ балъ, другой прибавитъ, что не худо сдѣлать иллюминацію, третій — фейерверкъ и катанье по водѣ, четвертый — Богъ знаетъ что. Все это

Digitized by Google

будетъ принято съ восторгомъ: изберутъ распорядителей праздника, подпишутъ столько денегъ, что ихъ достало бы на два праздника; но большая половина не заплатитъ сейчасъ за неимѣніемъ съ собой денегъ, а многіе и никогда. Чѣмъ же дѣло кончится? Праздникъ состоялся; но сумма въ сборѣ была недостаточна, освѣщеніе плохо, угощеніе дурно, фейерверкъ не загорѣлся, катанье не удалось, а прислуга отдавитъ иной дамѣ ногу, а другую окатитъ лимонадомъ: всѣ недовольны; распорядителей бранятъ; они оправдываются; мало помалу обѣ стороны разгорячаются; дѣло доходитъ до брани, до сплетней, до ругательствъ — и общество при всей малочисленности раздѣляется на нѣсколько партій; ссора разгарается и часто достигаетъ высшей степени, иногда какъ первоначальная причина оной давно забыта всѣми. Счастливо еще это общество, если послѣ двухъ, трехъ лѣтъ раздору и скуки оно почувствуетъ нелѣпость подобнаго несогласія, и члены онаго начнутъ сближаться межъ собой: общество опять составится, всѣ будутъ вмѣстѣ — и это время покажется истиннымъ блаженствомъ для тѣхъ, которые испытали, какъ тяжела необходимость жить съ людьми и думать, что въ каждомъ словѣ ихъ скрывается намѣреніе оскорбить насъ. Но раздоръ все-таки оставитъ свои слѣды: ни въ какомъ случаѣ въ общество это не возвратятся прежнее согласіе и единодушіе. Я начерталъ картину провинціальнаго общества; теперь должно познакомить васъ съ членами его порознь. Для этого не угодно-ли вамъ ѣхать со мною вмѣстѣ въ Залу Благороднаго Собранія: я представлю ихъ вамъ подъ разными буквами. Вотъ:

а) Директоръ Благороднаго Собранія. Ему 60 лѣтъ; съ молоду онъ любилъ веселиться и веселить другихъ, и сохранилъ эту страсть до старости. Отъ этого-то онъ и здоровъ; онъ знакомъ со всѣмъ городомъ; но сплетни и партіи до него не касаются. Его дѣло, чтобъ въ день бала зала Собранія была полна, и чтобъ всѣ въ ней веселились. Для этого онъ передъ каждымъ баломъ посѣщаетъ всѣхъ городскихъ дамъ, не исключая даже и 70-лѣтнихъ старухъ; многія отговариваются: онѣ устали, нездоровы, заняты; но онъ упрашиваетъ и говоритъ молодымъ, что онѣ были такъ милы и любезны на

Digitized by Google

прошедшемъ балѣ; туалетъ ихъ былъ такъ простъ и изященъ; всѣ онѣ ихъ были въ восхищеніи, и N N въ особенности; если онѣ не пріѣдутъ, то собраніе лишится лучшаго своего украшенія: безъ нихъ будетъ скучно; наконецъ онѣ соглашаются. — Со старушками метода его одинакова: онъ говоритъ имъ то же про ихъ дочекъ, племянницъ, родственницъ; напоминаетъ имъ про прежнюю молодость, и что необходимо молодежи повеселиться. Но у старушки сильное удушье или ревматизмъ: она отказывается; а отпустишь молодыхъ дѣвицъ одѣхъ она не рѣшается: что скажутъ въ свѣтѣ? Къ тому-жъ у нихъ 80-лѣтній внучатный дядя, живущій за тридевять земель, умеръ съ полгода тому назадъ — вчерась только она узнала объ этомъ. — Тутъ онъ прибѣгаетъ къ мѣрамъ рѣшительнымъ: говоритъ какъ бы вскользь о богатомъ конно-гвардейскомъ ремонтёрѣ, который непремѣнно будетъ въ этомъ собраніи и которато онъ постарается познакомить съ ней.

Это всегда почти производитъ дѣйствіе: кашель, ревматизмъ, горесть о потерѣ дядюшки — все забыто, и старушка обѣщается быть въ собраніи непремѣнно съ своей полдюжиной невѣстъ.

Въ день бала ему новыя хлопоты: въ 6 часовъ зала уже освѣщена, музыка въ ней гремитъ; но она еще пуста; онъ расхаживаетъ въ ней одинъ и безпрестанно подходитъ къ прихожей: онъ знаетъ, какъ наши дамы боятся пріѣхать первыми, и что при предшественникѣ его собраніе однажды осталось пусто, и дамы цѣлый вечеръ просидѣли разряженныя у себя по домамъ, ожидая только того, чтобъ кто-нибудь пріѣхалъ прежде ихъ въ собраніе. Но съ нимъ этого не случится.

Освѣщеніе и музыка обратили вниманіе проходящихъ, и вотъ въ 7 часовъ является лакей провѣдать, есть-ли кто-нибудь въ собраніи; онъ обращается съ вопросомъ къ швейцару; но тотъ еще не успѣлъ разинуть рта, какъ директоръ является *случайно* у двери. Онъ слышитъ этотъ разговоръ и восклицаетъ: помилуй, братецъ, зала биткомъ набита, танцуютъ ужь 3-ю кадриль. Такой же отвѣтъ получающъ 2-й, 3-й, 10-й посланный — и вотъ кареты катятся

Digitized by Google

одна за другой; никто не пріѣхалъ первый, потому что всѣ вошли вмѣстѣ. Балъ начался; но шутъ новыя хлопоты для Директора: онъ смотритъ за прислугой, обращаетъ вниманіе, чтобъ всѣ дамы танцовали, знакомитъ ихъ съ пріѣзжими кавалерами. Но гдѣжь гвардейскій ремонтёръ? Увы! онъ не выѣзжалъ еще изъ Петербурга. Что жь за бѣда? Директоръ могъ ошибиться: никто на него не сердится, потому что всѣ были веселы; а въ будущее воскресенье онъ замѣнитъ конно-гвардейца такимъже кавалеристомъ. — Въ такихъ-то хлопотахъ почтенный Директоръ нашъ проводилъ свою жизнь и вѣроятно продолжалъ бы до сихъ поръ, еслибъ не скончался 84 лѣтъ.

b) Но вотъ сошлась кучка мужчинъ: они объ чемъ-то горячо разговариваютъ. Слова: *отъѣзжее поле*, *русакъ*, *уголка*, *щенокъ*, *полный*, *труба*, поражаютъ вашъ слухъ; — это охотники до собакъ и лошадей. Они явились въ Собраніе прямо съ правли, гдѣ торжествовали свои побѣды надъ *русаками* и *бѣляками* полными стаканами шампанскаго. Всѣ они хвастаютъ, каждый превозноситъ своихъ собакъ и находитъ, что всѣхъ прочихъ слѣдовало бы повѣсить на первую осину: спорамъ, лжи и самохвальству нѣтъ конца. Вамъ разскажутъ тутъ за святую истину такія нелѣпости, отъ которыхъ просто вянутъ уши. Они смѣшны; но не пренебрегайте ими: вообще они добрые ребята, иногда даже и очень не глупы. Охотниками они сдѣлались отъ праздности; разгульная жизнь погубитъ конечно нѣкоторыхъ; но иные женятся, остепенятся и будутъ добрыми отцами семейства, и хорошими хозяевами. Вообще они живутъ постоянно по деревнямъ; и вы видите ихъ въ Собраніи только потому, что завтра начинается ярмарка, на которой имъ необходимо побывать для покупокъ, а болѣе для того, чтобъ людей посмотрѣть и себя показать. Завтражь они явятся на нее въ саняхъ, запряженныхъ непремѣнно тройками, будутъ скакать взадъ и впередъ во весь опоръ, но не задавятъ никого: — вообще у нихъ лихія лошади и отличные кучера; потомъ пересядутъ въ бѣговыя санки, натянутъ рукавицы, и отправятся на бѣгъ показывать другъ другу своихъ иноходцевъ.

Digitized by Google

c) Вотъ проходитъ мимо насъ мужчина, лѣтъ 50-ти: на губахъ у него язвительная усмѣшка; всѣ съ нимъ здороваются, многіе даже подходятъ къ нему; но всѣ какъ будто бы боятся его. Кто онъ? Это нашъ губернскій Демокритъ. Природа наградила его умомъ и здравымъ смысломъ, хотя и не геніемъ; въ добавокъ къ тому она дала ему доброе сердце. Онъ одинъ изъ лучшихъ помѣщиковъ въ Губерніи, готовъ по мѣрѣ возможности одолжать своихъ знакомыхъ, хотя онъ и весьма расчетистъ. Предложите ему пособить бѣдному: онъ не развяжетъ кошелька своего по первому вызову; онъ развѣдаетъ сначала, точно ли нужна помощь и стóитъ ли ея тотъ, за кого ходатайствуютъ; но буде справка окажется благопріятной, то онъ поможетъ не *горячей слезой*, а дѣйствительно. Но все это онъ портитъ своей насмѣшливостью; онъ не щадитъ никого и ничего, замѣчаетъ странности всѣхъ и каждаго, и выставляетъ ихъ если можетъ. Про него говорятъ, что *для остраго словца онъ не пощадитъ и роднаго отца.*

d) Вслѣдъ за нимъ шествуетъ и Гераклитъ. Онъ отличается отъ древняго только тѣмъ, что оплакиваетъ не чужія бѣдствія, а свои собственныя. Да и какъ не плакать? Вообразите себѣ: въ нынѣшнемъ году у него убило морозомъ три десятины гречи, сгорѣлъ крестьянскій дворъ и умерли двѣ старухи; въ добавокъ же злополучія, не позже какъ сегодня утромъ, онъ проигралъ 25 рублей въ вистъ. Послѣ этого его плачевный видъ и слеза, дрожащая на его рѣсницахъ, ни мало не удивятъ васъ.

Но, можетъ быть, вы удивитесь, если я вамъ скажу, что за исключеніемъ страсти плакать обо всемъ, онъ не только не дуракъ, но даже уменъ — и доказательствомъ этому можетъ послужить то, что прозванія, даваемыя имъ своимъ знакомымъ, (въ провинціи до сихъ поръ это въ обычаѣ, и никто не обижается симъ), весьма рѣзко и мѣтко обрисовываютъ тѣхъ, кому оные даны. Онъ никогда не скажетъ: я былъ у А, игралъ съ Б, С и D: послѣдній обыгралъ насъ всѣхъ; но: я былъ у Слѣпушкина; въ моей партіи были морской моржъ и волкъ въ овечьей шкурѣ, и блудный сынъ забралъ всѣ наши деньги. Какъ Демокритъ, такъ и Гераклитъ имѣютъ многочисленныхъ послѣдователей; и по обыкновенію они несравненно хуже образцовъ.

Digitized by Google

e) Но взгляните на эту Французскую кадриль: дамы одѣты очень мило, кавалеры ловки и умѣютъ ихъ занимать; но зачѣмъ у одного торчитъ козлиная бородка, у другаго *кудри черныя* до плечъ, у третьяго обрита голова какъ у Татарина, четвертый же погруженъ въ какую-то мечтательную разсѣянность? Это наша *jeune Russie*; они довольно образованы и могли бы быть со временемъ полезными членами общества; но богатство, праздность и самонадѣянность вѣроятно погубятъ ихъ. Всѣ они не болѣе, какъ отставные Прапорщики. Заговорите съ ними о вещи самой обыкновенной, вседневной, такъ сказать, — и будетъ чудо, если отвѣтъ ихъ не заставитъ васъ улыбнуться; но за то ужь вы не сыщете предмета, о которымъ бы они не произнесли своего рѣшительнаго рѣзкаго приговора. Они засыплютъ васъ именами Нибура, Канта, Шеллинга, Винкельмана, Смита, Сисмонди и Богъ знаетъ кого. Если вы сошлетесь на опыты, не подтверждающіе ихъ теорій, то они вамъ сообщатъ, что опыты ничто передъ теоріей, что они годны только тогда, когда изъ нихъ можно что-нибудь вывести въ подкрѣпленіе ихъ мечтаній; въ противномъ же случаѣ не должно имѣть къ нимъ ни малѣйшей довѣренности. Вотъ что есть между ними общаго; но въ частностяхъ — одинъ Франтъ, другой Филистеръ, третій и самъ не вѣдаетъ, что́ онъ такое.

f) За то посмотрите въ противоположномъ концѣ залы эту кадриль: вотъ тутъ ужь не танцуютъ, а пляшутъ. На головахъ у дамъ цѣлые кусты поблекшихъ розъ и фіялокъ, кавалеры притопываютъ такъ, что полъ трещитъ; тутъ вы услышите и Французскій языкъ съ примѣсью Чухонскаго, и Русскій. Въ частныхъ обществахъ вы ихъ не увидите; но за то они неизмѣнные посѣтители маскарадовъ и благородныхъ собраній: это мелкіе гражданскіе чиновники съ своими женами и дочерьми. Оставимте ихъ въ покоѣ: пусть ихъ веселятся по своему!

g) Но вотъ опять кучка мущинъ, разговаривающихъ громко: тутъ есть и старики и молодые. Они толкуютъ о цѣнѣ ржи и овса на разныхъ базарахъ и приспаняхъ. Пройдемте мимо. Но вы говорите, что вамъ хотѣлось бы

Digitized by Google

узнать настоящую цѣну сихъ произведеній, — ради Бога, мимо, мимо! Завтра я сообщу вамъ вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ; здѣсь же вы ничего не узнаете, кромѣ однѣхъ предположеній, ни на чемъ не основанныхъ; даже при собственныхъ своихъ продажахъ они ими не руководствуются: поутру кричатъ, что ни за что не продадутъ своей ржи дешевле 20 рублей за четверть, а вечеромъ продаютъ все, что у нихъ есть, по 15. Бѣда вамъ, если вы помѣщикъ и станете руководствоваться свѣдѣніями, полученными въ этомъ кружкѣ: вы никогда не продадите ни зерна хлѣба. Зачѣмъ же они толкуютъ? спросите вы. Не угодно ли вамъ обратиться съ этимъ вопросомъ къ нимъ самимъ? Что до меня касается, я знаю только, что это для нихъ такъ же необходимо, какъ для васъ чай или кофе.

h) Вотъ ... но вы оставили меня: „милостивый государь, говорите вы, вы описываете однихъ мужчинъ, познакомьте же меня и съ дамами.“ — Любезнѣйшій читатель! не грѣхъ ли вамъ дѣлать мнѣ подобный вопросъ? Развѣ вы не знаете щекотливости нашихъ дамъ? Самая невинная шутка покажется имъ оскорбительной, самый легкій намекъ примется за ѣдкую эпиграмму, похвала даже не спасетъ меня отъ бѣды. Я расхвалю *Annette*, а *Euphrasie* разсердится за это. Нѣтъ! ужь воля ваша: на это отвѣчать я не смѣю. Скажу вамъ только, что вообще провинціальныя дамы подражаютъ столичнымъ. Есть такія же милыя, любезныя и образованныя; но есть и такія, что упаси Господи! въ одномъ даже онѣ лучше и добрѣе столичныхъ: весьма рѣдко, или скорѣе сказать, никогда провинціальная дама не принудитъ васъ восхищаться ея игрой на фортепіано, пѣніемъ, рисованьемъ; не предложитъ вамъ билета въ небывалую лотерею для помощи бѣдному семейству, или въ концертъ ея учителя, или — что и того страшнѣе — не принудитъ васъ написать мадригалъ въ ея альбомъ. Впрочемъ, скажу вамъ по совѣсти, что, если вы хотите жениться не для свѣта, а для себя, и думаете найдти въ женѣ вѣрнаго друга, добрую мать и хорошую хозяйку, то не пренебрегайте нашими провинціальными барышнями; поищите въ рядахъ ихъ хорошенько — и вы найдете желаемое можетъ быть скорѣе, нежели въ столицахъ.

Digitized by Google

і) Не угодно ли вамъ выйдти въ сосѣдственную залу: въ танцовальной слишкомъ шумно для мужчинъ пожилыхъ. Они предоставили молодежи полную свободу прыгать и ухаживать за ихъ женами, сестрами и дочерьми, а сами уединились сюда заняться дѣломъ, то есть картами. Здѣсь на 10 столахъ сражаются въ вистъ или преферансъ. Обойдемъ ихъ — здѣсь вистъ, и вотъ А кричитъ: „помилуй, братецъ, я ходилъ тебѣ въ черви, а ты знай ломишь себѣ въ бубны: вѣдь эдакъ ты могъ потерять леве.“ Б. — Благодаря тому, что я тебя не послушался, мы сдѣлали большой шлемъ: ходи я по твоему и мы отдали бы 3 взятки. Чегожь еще тебѣ хочется? — А. „Мнѣ хочется, чтобъ ты игралъ по правиламъ! теперь тебѣ удалось, а въ другой разъ, ты не чувствуешь, глупецъ, что ты потеряешь не только леве, да и цѣлый робертъ!“ — Б. въ отвѣтъ плюнулъ. — А. „Плюй или не плюй, мнѣ все равно, а я все-таки тебя учить стану.“ — Подойдемъ къ другому столу. Здѣсь опять крикъ. „Зачѣмъ ты, Слѣпушкинъ, ходилъ въ бубны? Развѣ я не показалъ тебѣ червей? Вотъ, по твоей милости, мы отдали при леве.“ — Да у меня червей не было: посмотрите карты! — „Вздоръ, вздоръ, пустяки! все-таки тебѣ слѣдовало ходить съ червей.“ — Но вотъ здѣсь играютъ въ бостонъ — и опять новый крикъ и шумъ. „Зачѣмъ вы мнѣ не висповали? — Вы только хлопочете о своихъ взяткахъ, а до товарища вамъ дѣла нѣтъ! — вы ступить не умѣете!“ — Однимъ словомъ, обойдите всѣ 10 столовъ, и будетъ чудо, если увидите, что хотя бы на одномъ изъ нихъ играющіе начали, продолжали и окончили свою партію безъ крику. Кажется, что ссора за картами необходима для провинціальныхъ жителей. Это однакожь не мѣшаетъ нимало играющимъ, по окончаніи партіи, немедленно составлять новую, въ продолженіе которой возникнетъ новая ссора, и такъ далѣе.

Но, спросите вы, не уже ль они не знаютъ, что подобныя ссоры не приличны? — Очень знаютъ; и когда имъ случается играть въ столицахъ, или съ людьми для нихъ новыми, они не позволятъ себѣ ничего подобнаго. Но въ своемъ кругу они позволяютъ себѣ все, забывая, что для людей,

Digitized by Google

незнакомыхъ съ ними коротко, подобное обращеніе между собой должно показаться признакомъ величайшаго невѣжества.

Я разсказалъ вамъ о всѣхъ этихъ подробностяхъ, любезнѣйшій читатель, съ тѣмъ, чтобъ объяснить вамъ, отъ чего въ столицахъ господствуетъ предубѣжденіе, что все просвѣщеніе въ Россіи сосредоточено въ нихъ, и что жить въ провинціи и въ дремучемъ лѣсу почти одно и тоже. Предубѣжденіе — говорю я, потому что если вы постараетесь хорошенько узнать этихъ медвѣдей-провинціаловъ, то ручаюсь вамъ честію, что вы найдете въ кругу ихъ конечно много невѣждъ (гдѣ ихъ нѣтъ); но сыщете также много людей, одаренныхъ здравымъ смысломъ и умѣющихъ судить обо всемъ какъ должно, и даже нѣсколько людей истинно образованныхъ, которые послужили бы украшеніемъ лучшему столичному обществу. Вы мнѣ не вѣрите? Но вспомните, что Державинъ воспитывался въ Казани, Карамзинъ, Дмитріевъ и Языковы въ Симбирскѣ, Крыловъ въ Оренбургѣ, Лермонтовъ въ Пензѣ или скорѣе въ Чембарѣ. Конечно, способы къ образованію себя въ провинціяхъ не такъ значительны, какъ въ столицахъ; но за то разсѣянія въ нихъ несравненно менѣе: отъ того-то, статься можетъ, провинціалы успѣваютъ образовать себя не только не хуже, но часто и лучше столичныхъ; но они должны казаться странными, потому что имъ весьма рѣдко удается находиться въ обществѣ, въ которомъ бы необходимо было соблюдать всѣ приличія: къ тому-жъ они не умѣютъ переливать изъ пустаго въ порожнее и говорить по цѣлымъ сутькамъ, не сказавъ ничего; да имъ и нѣгдѣ научиться этому искусству. Вотъ причины, по которымъ разговорный языкъ ихъ кажется тяжелымъ. Они сами чувствуютъ этотъ недостатокъ; и отъ того-то образованный провинціалъ почти всегда молчаливъ. Если вы хотите узнать отъ него что-нибудь, то умѣйте сдѣлать его разговорчивымъ. Что касается до провинціальныхъ говоруновъ, скажу вамъ, что почти всѣ они принадлежатъ къ одному разряду со столичными. Глупая самонадѣянность и глубокое невѣжество — вотъ истинный девизъ какъ тѣхъ, такъ и другихъ; но должно сознаться, что столичные говоруны гораздо сноснѣе нашихъ: бывая часто въ хорошемъ обществѣ, они невольно получаютъ нѣкоторое образованіе, дѣлающее разсказы ихъ менѣе скучными.

Digitized by Google

Познакомивъ васъ съ обычаями высшаго провинціальнаго общества въ публичныхъ собраніяхъ, мнѣ остается только присовокупить, что то же общество встрѣчается и въ частныхъ домахъ. Въ сихъ послѣднихъ главное требованіе гостей отъ хозяина есть совершенное равенство въ пріемѣ всѣхъ и каждаго, и полная свобода. Хозяина извинятъ, если онъ засѣвъ самъ за карточный столъ, предоставитъ гостямъ право распоряжаться самимъ, составлять какъ угодно партіи и уѣзжать, какъ имъ угодно; что я говорю: извинятъ? въ этотъ-то домъ и станутъ сбираться предпочтительно передъ прочими. Но ему никогда не простятъ, если онъ, стараясь быть внимательнымъ ко всѣмъ, окажетъ хотя малѣйшее предпочтеніе кому бы то ни было изъ городскихъ жителей. Исключенія допускаются только для Губернатора и значительныхъ особъ, пріѣзжающихъ въ губернскій городъ случайно.

Вечера бываютъ или за-просто, или званые. Для вечера за-просто достаточно, чтобъ васъ любили — и тогда, если вы освѣтите вашъ домъ, прикажете подать въ обыкновенное время чай, закуску, изготовите для ужина два, много три простыхъ блюда, и поставите на столъ бутылку 3-рублеваго лафиту и такого же сотерну,—не зовите никого, скажите только: сегодня я буду дома, и принимайте гостей радушно, — и вы можете быть увѣрены, что у васъ будетъ цѣлый городъ, и что всѣ останутся довольны вами.— Званые вечера отличаются отъ простыхъ только тѣмъ, что угощеніе лучше. Обѣды въ провинціяхъ, за исключеніемъ именинныхъ или даваемыхъ по какому-нибудь особенному случаю, весьма рѣдки. На нихъ ѣдутъ неохотно, какъ бы на службу, послѣ обѣда спѣшатся уѣхать поскорѣе; вообще ихъ не любятъ. Причина тому очень проста: почти всѣ провинціалы послѣ обѣда любятъ соснуть.

Вотъ вамъ обычаи мужскаго общества. Не думайте однакожъ, что достаточно пригласить къ себѣ для того, чтобъ къ вамъ всѣ пріѣхали. Нѣтъ! главное условіе есть радушный пріемъ. По приглашенію вашему и для того, чтобъ узнать, какъ принимаете вы,—въ первый разъ къ вамъ сберутся; но если пріемъ вашъ холоденъ; если вы не дадите гостямъ вашимъ всей дозволенной по провинціальнымъ законамъ общежитія свободы, — то послѣ какъ ни зовите, какъ

Digitized by Google

ни принимайте, къ вамъ не поѣдетъ никто, кромѣ имѣющихъ въ васъ какую-либо нужду: первое впечатлѣніе останется навсегда.

Но, какимъ же образомъ пріѣзжему узнать эти законы? спро́сите вы меня. Очень просто, скажу я. Дѣло въ томъ, чтобъ не торопиться. Вы пріѣхали на жительство въ провинцію и хотите по возможности жить весело и пріятно; вы сдѣлали первые визиты: подождите, чтобъ вамъ ихъ отдали; а между тѣмъ узнайте, кто изъ дворянъ, живущихъ въ городѣ, любимъ болѣе другихъ и къ кому сбираются всего чаще; потомъ постарайтесь сойдтись съ этими избранными, бывайте у нихъ почаще за-просто, безъ зову; сдѣлайте, чтобъ они не церемонились съ вами и потомъ черезъ мѣсяцъ или два пригласите къ себѣ; примите какъ васъ принимали — ни лучше, ни хуже, и будьте увѣрены, что васъ полюбятъ и сойдутся съ вами. А то, обыкновенно Г-да столичные, пріѣхавъ въ провинцію, хотятъ переучить всѣхъ на свой ладъ, и удивляются послѣ этого тому, что не смотря на все желаніе ихъ сойдтись съ городскими жителями, ихъ принимаютъ холодно, и ѣздятъ къ нимъ какъ бы не́-хотя. Спросилъ бы у нихъ по совѣсти, понравилось ли бы имъ, если бы кто нибудь вздумалъ ихъ учить, и какъ бы они приняли подобнаго учителя? Положимъ даже, что обычаи ихъ лучше и приличнѣе: но не странно ли требовать, чтобъ всѣ соображались съ ними? И не гораздо ли легче одному подражать всѣмъ?

Если провинція вамъ не нравится, то поѣзжайте въ столицу; въ противномъ случаѣ сдѣлайтесь сами провинціяломъ. — Все сказанное мною относится къ мужчинамъ. Въ дамское общество попасть труднѣе; и должно сознаться, что обращеніе съ провинціальными дамами не слишкомъ пріятно: танцовальныхъ вечеровъ по частнымъ домамъ вы не найдете, за недостаткомъ кавалеровъ; балы весьма рѣдки по той же причинѣ; литературныя сборища, какъ я слышалъ, скучны и въ столицахъ; можете посудить, каковы они въ провинціяхъ! Что жь остается бѣднымъ дамамъ и дѣвушкамъ въ провинціяхъ? Какъ что? Играть въ вистъ по гривнѣ, въ преферансъ по копейкѣ, заниматься рукодѣльемъ, рядиться, разговаривать между собой, или съ какимъ нибудь дамскимъ угодникомъ, который въ столицахъ не смѣлъ бы и подойти

Digitized by Google

къ нимъ близко, и зѣвать. Коренныя жительницы провинціи переносятъ эту судьбу довольно терпѣливо, потому что онѣ къ ней привыкли, да и имѣютъ сверхъ того занятіемъ хозяйство и воспитаніе дѣтей. Въ провинціи вы весьма часто найдете, что мать семейства была вмѣстѣ съ тѣмъ и первоначальной наставницей своего: если образованіе не такъ блистательно, за то оно прочнѣе и нравственность чище. Отъ этого-то я и совѣтую Г-мъ столичнымъ жителямъ жениться на провинціалкахъ. Но что дѣлать свѣтской дамѣ, если судьба заброситъ ее въ провинцію? Не льзя не пожалѣть объ ней. Но едва-ли не лучше посовѣтовать ей — обратиться, сколь возможно скорѣе, въ совершенную провинціалку.

(Продолженіе обѣщано.)

ИЗЪ ЗЕМЛЯНСКА.

Слышно, что какой-то мальчикъ, пасши лошадей при рѣкѣ Ведугѣ, протекающей въ ихъ селѣ Старой Ведугѣ, ловилъ раковъ, и нашелъ въ ней два слитка золота. — Замѣчательно, что за три года прежде сего этотъ мальчикъ въ томъ же самомъ мѣстѣ р. Ведуги нашелъ слитокъ металла въ $2\frac{1}{2}$ фунт., и отдалъ его своей матери. Кусокъ этотъ отослали къ кузнецу, который, попробовавъ его на наковальнѣ, сказалъ, что это мѣдь. Эта мнимая или дѣйствительная мѣдь перепродавалась въ разныя руки, и въ послѣдній разъ заплачена 2 р. 50 к.

Digitized by Google

МОСКОВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ПРЕБЫВАНІЕ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА СЪ АВГУСТѢЙШИМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ ВЪ МОСКВѢ.

Всегда оживляется и радуется Москва, когда Русскій Царь ее посѣщаетъ; но на этотъ разъ радость древней Столицы была вдвое полнѣе, потому что она имѣла счастіе видѣть Царя своего съ Августѣйшею Его Супругою, съ возлюбленнымъ Сыномъ Наслѣдникомъ и съ двумя Царевнами, цвѣтущими красотою души и тѣла. Царь являлся у насъ счастливымъ, благословеннымъ семьяниномъ, и Москва раздѣляла съ Нимъ тѣ святыя и чистыя радости, которыми Провидѣніе не даромъ осѣнило жизнь Его.

Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, Престольный Кремль и за нимъ вся Москва гудѣла колоколами; народъ кипѣлъ на площади; палили пушки; весеннее солнце пылало надъ озаренною Москвою; Младенецъ, назначенный для порфиры таинственною рукою Провидѣнія, лежалъ у нетлѣнныхъ мощей Святителя Алексія, и Родитель Его, будущій Вѣнценосецъ Россіи, приносилъ за Него мольбы Свои Богу.

Прошекли съ тѣхъ поръ годы; благовѣстишъ снова Иванъ Великій; гудятъ колокола семи-вѣковой Столицы; Кремль кипитъ народомъ. Порфирородный Младенецъ 18-го года, блистая мужественною красотою, преклоняетъ колѣна передъ тою же священною рукою Святителя Алексія, которая приняла Его нѣкогда повитаго пеленами.... Онъ приноситъ благодареніе за Новорожденнаго Сына, и съ Нимъ участвуютъ въ семейной молитвѣ Его Августѣйшіе Родители и Его прекрасныя Сестры.

Москва видѣла у себя это зрѣлище: радость ея была полная, чистая, священная. Тысячи народа толпились въ Кремлѣ съ утра до вечера, впродолженіи всей недѣли!

Скажите, чѣмъ силенъ больше всего Русскій Царь? Шестьюдесятью милліоновъ Своего народа? Нѣтъ. Четырьмя стами

Digitized by Google

тысячъ квадратныхъ миль Своего Царства? Нѣтъ. Милліономъ Своего войска? Нѣтъ. Разнообразными плодами Своей богатой земли, золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями Сибири? Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Любовью Своихъ подданныхъ Онъ силенъ больше всего, ихъ неограниченной довѣренностью, преданностью, покорностью, какихъ въ Европѣ нѣтъ ужь нигдѣ, да и никогда не бывало.

Въ Москвѣ, въ Москвѣ живетъ это чувство, завѣтное наслѣдство предковъ, корень Русскаго могущества, залогъ Русской силы и славы, — въ сердцахъ народа живетъ оно чистое, полное, безкорыстное, не смущенное никакими теоріями, никакими соображеніями, никакими выкладками. Нечего разбирать его: что это за чувство, откуда оно, къ чему, для чего, хорошо или дурно, нельзя ли ему быть иначе. Ступайте въ Кремль: Въ Кремлѣ нельзя не раздѣлять его, въ Кремлѣ, предъ развѣвающимся флагомъ, при звукахъ Успенскаго колокола, среди восторженной толпы, нельзя думать иначе, нельзя не быть Русскимъ, нельзя не чувствовать, что Царь, Москва и Россія — одно есть.

И пока горитъ это чувство, пока Русскій народъ любитъ своего Царя, пока молятся за Него, — добрые, богатые, довольные, наровнѣ со злыми, убогими, стѣсненными, — Русскій Царь можетъ быть спокоенъ. Такія молитвы доходятъ до Бога!

ОТКРЫТІЕ ВОЗОБНОВЛЕННАГО БОЛЬШАГО ТЕАТРА.

Сентября 9 го дня былъ вновь открытъ Большой Театръ, прекрасно внутри возобновленный.

Вы помните прежнее впечатлѣніе зданія; когда входили въ него, оно казалось тяжело, мрачно, душно и нечисто. Ничто не располагало васъ къ принятію впечатлѣній изящныхъ. Теперь совсѣмъ другое: превращеніе непостижимое! Вы входите: вамъ легко, свободно и весело въ этомъ огром-

Digitized by Google

номъ просвѣщеніи. Все располагаетъ васъ къ тѣмъ наслажденіямъ, для которыхъ назначено зданіе. Москва должна благодарить за это улучшеніе просвѣщенную Дирекцію и Г. Архитектора Никитина, который за то былъ продолжительно вызываемъ; болѣзнь помѣшала ему насладиться своимъ торжествомъ.

Партеръ приподнятъ много противъ прежняго; сдѣланы большія перемѣны на сценѣ съ акустическою и сценическою цѣлію; измѣнена линія боковыхъ ложъ, прежде болѣе углублявшихся внутрь; теперь отовсюду должно быть гораздо видиѣе, чѣмъ прежде. Внутреннія украшенія театра сдѣланы по образцу Петербургскаго. Они отличаются особеннымъ вкусомъ. Теперь ложи, кажется, висятъ гораздо легче, нежели висѣли прежде. — Невозможно было, какъ замѣтно, Г-ну Никитину уничтожить существенный акустическій недостатокъ первоначальнаго построенія. Музыка, по прежнему, болѣе угадывается изъ середнихъ креселъ, нежели слышится. Доходятъ какіе-то неполные звуки, фразы полуконченныя, forte поглощающія piano, которые вообще невнятны. Слушатель отдаленный какъ будто сидитъ внѣ театра — и долженъ употреблять безпрерывныя усилія, вредящія гармоніи впечатлѣнія. Эти недостатки еще болѣе дѣлаютъ ощутительными пороки въ методѣ пѣнія нашихъ пѣвцовъ.

Зрѣлище открылось звуками нашего народнаго гимна, къ которому Г. Іоганнесъ придѣлалъ краткое вступленіе, состоявшее изъ andante, довольно хорошо, хоть и неоригинально инструментованнаго, за которымъ слѣдовало шумное аллегро. Прекрасное зрѣлище представлялъ обновленный театръ, когда вспала вся публика при торжественныхъ звукахъ гимна.

Когда мы взошли въ театръ, прекрасный легкій занавѣсъ, изображавшій бѣлыя летучія облака по свѣтло-голубому небу, закрывалъ сцену. Его легкость, казалось намъ, соотвѣтствовала отдѣлкѣ всего театра. Но за нимъ скрывался другой. Передъ звуками гимна небо съ облаками взви-

Digitized by Google

лось — и открылся занавѣсъ великолѣпнѣйшій, работы Петербургскаго декоратора Г. Журделя. Онъ, казалось, привелъ въ изумленіе зрителей своими яркими красками и своимъ богатствомъ. Но мы не могли понять, въ чемъ заключалась мысль декоратора. На одномъ и томъ же полотнѣ изобразилъ онъ три занавѣса: одинъ бархатный, а два парчевыхъ, какъ будто предлагая любой на образецъ, или желая выказать, что онъ могъ бы написать и всѣ три, если угодно. Мы видѣли тутъ самолюбивое мастерство декоратора, но не видали художника, который долженъ дѣйствовать подъ вліяніемъ какой нибудь мысли.

Давали *Жизнь за Царя*. Не понимаемъ, отъ чего увертюра Г. Іоганнеса должна была вытѣснить увертюру Г. Глинки, который расчелъ ея для необходимаго введенія въ оперу, согласно съ ея характеромъ Можно-бъ было, кажется, послѣ торжественной увертюры Г. Іоганнеса, служившей для открытія возобновленнаго зданія, сыграть немного спустя и увертюру Г. Глинки, такъ прекрасно приготовляющую къ оперѣ. Встрѣчаются книги неизвѣстныхъ авторовъ съ предисловіями Дюма, Нодье, Шатобріана; но какъ-то не случалось намъ встрѣчать еще книгъ съ предисловіемъ Пьера или Жака. Это небывалая мода.

Кромѣ увертюры, мы не понимаемъ, отъ чего пропущены были хоръ поселянъ (a dur) въ 3мъ дѣйствіи, чудная молитва Сусанина въ 4мъ дѣйствіи, и особливо вторая половина знаменитаго тріо въ эпилогѣ; не говоримъ уже о другихъ не столь важныхъ сокращеніяхъ и пропускахъ. Что́ ни говорите, а Глинка — наша слава музыкальная, и исполнять его произведенія съ небрежностью, укорачивать ихъ и переиначивать, значитъ не имѣть уваженія къ Русскому искусству и къ самимъ себѣ. Если мы пренебрегаемъ произведеніями первокласснаго роднаго маланта, то какого исполненія должны ожидать отъ насъ произведенія иностранныхъ классическихъ компонистовъ?

Звонъ колоколовъ въ концѣ піесы разочтенъ болѣе для Петербурга, чѣмъ для Москвы, гдѣ театральные колокола

Digitized by Google

передъ настоящими Кремлевскими словно бубенчики, — но того хотѣлъ самъ композиторъ. Ошибся онъ въ томъ или нѣтъ, — на то была его воля: почтимъ ее. Но я не думаю, чтобы согласно было съ волей и намѣреніемъ композитора, въ высокой степени антимузыкальное завываніе вѣтра въ 4мъ актѣ, за которымъ вовсе музыки и не слышно. Положимъ, почему и не завывать вѣтру? — да ужь не такъ же сильно, что за нимъ не слыхать и музыки. Ужъ это конечно никакъ не входило въ намѣренія творца оперы.

Скажемъ нѣсколько словъ объ исполненіи.

Какъ жаль, что Г. Куровъ все усиливаетъ привычку глотать послѣднія вибраціи звука, а иногда даже и послѣднія ноты музыкальныхъ фразъ! у него, скажемъ мимоходомъ, благодарный голосъ, который стоилъ бы образованія. Но у Г. Курова, какъ у бо́льшей части нашихъ пѣвцовъ, нѣтъ вовсе методы въ пѣніи; они, по видимому, не знаютъ первыхъ элементарныхъ правилъ истиннаго пѣнія; не говорю уже о томъ, что не умѣютъ вовсе управлять голосомъ, давать ему драматическіе оттѣнки, которые такъ разнообразны и такъ глубоко эффектны въ Италіянской методѣ пѣнія; они не знаютъ вовсе, что такое портаменто, что такое экономія и округленіе голоса. Это все для нихъ вещи, которыхъ существованія и необходимости они, какъ кажется, и не подозрѣваютъ. Ихъ ли это вина? Не всякой же умѣетъ быть самоучкой.

Отчасти вина и публики, аплодирующей Г. Банщышеву даже въ такихъ мѣстахъ, гдѣ голосъ его походитъ на струну, которую сильно рванули, да потомъ натягиваютъ. Жаль еще, что нашъ теноръ позволяетъ себѣ ухарскіе пріемы, которые не годятся на сценѣ изящно образованной.

Замѣтимъ о пѣніи Г-жи Михайловой, имѣющей прекрасный голосъ, что она въ послѣднемъ *соло* (ужь конечно не тріо, которое обрѣзано) слишкомъ старается рыдать голосомъ, и за рыданіемъ позабываетъ пѣть. Оттѣнки, которые означилъ Авторъ въ партитурѣ, оттѣнки высокой драматической и музыкальной важности, пренебрежены ею

Digitized by Google

вовсе. Развѣ шаковъ долженъ быть вопль души? — Мнѣ кажется, что ея пѣсня въ началѣ 3го акта (e dur), съ столь выразительной, свѣжей мелодіей, берется здѣсь слишкомъ скоро, и что отъ болѣе протяжнаго tempo пѣсня сироты значительно бы выиграла. При непереломъ tempo и непереломъ исполненіи одна изъ прелестнѣйшихъ мыслей оперы пропадаетъ вовсе.

Въ Петербургъ ждутъ къ зимѣ Итальянцевъ. Кромѣ Рубини, поговариваютъ и о другихъ знаменитостяхъ. Что если бы кто вздумалъ перевести Жизнь за Царя по Итальянски, да предложилъ нашимъ геніальнымъ пѣвцамъ спѣть ее? Итальянцы вполнѣ съумѣли бы ее оцѣнить: музыка Глинки взлелѣяна на почвѣ Италіи. Какъ знать? можетъ быть тогда и мы Русскіе поняли бы наконецъ высокія красоты Глинкиной оперы; можетъ быть, перестали бы повторять Богъ знаетъ съ чьего голоса, что въ Жизни за Царя музыка скучна, монотонна и тому подобныя нелѣпости. Мы вѣдь вѣримъ Русскому таланту и славѣ, когда заговорятъ о нихъ иностранцы.

X.

О Журналѣ Москвитянинѣ на 1844 годъ.

МОСКВИТЯНИНЪ БУДЕТЪ СОСТОЯТЬ ИЗЪ СЛѢДУЮЩИХЪ ОТДѢЛЕНІЙ:

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ: 1. *Стихотворенія*; 2. *Проза*: повѣсти, сцены, разныя извлеченія изъ новыхъ иностранныхъ романовъ и прежде вышедшихъ, но мало у насъ извѣстныхъ, съ соблюденіемъ строгаго выбора.

II. НАУКИ. Въ этомъ отдѣленіи постоянно помѣщаемы будутъ статьи оригинальныя, писанныя Русскими Учеными, о важнѣйшихъ предметахъ человѣческаго знанія; также полныя извлеченія изъ замѣчательныхъ книгъ, выходящихъ въ ученой Европѣ.

III. КРИТИКА. Разборы главныхъ произведеній отечественной и иностранной Словесности, а равно и учености. Антикритическія замѣчанія.

IV. БИБЛІОГРАФІЯ Русскихъ и иностранныхъ книгъ. Изложеніе содержанія оныхъ.

Digitized by Google

V. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ РУССКОИ ИСТОРІИ. Грамоты, отрывки изъ лѣтописей и хронографовъ, современныя записки, письма и проч.

Открытія для Русской Исторіи.

Отечественныя воспоминанія о примѣчательныхъ происшествіяхъ, мѣстахъ, лицахъ и проч.

Матеріалы для Исторіи Русской Словесности. Вновь отысканныя сочиненія Русскихъ Писателей, произшествія изъ ихъ жизни, анекдоты, письма.

VI. СЛАВЯНСКІЯ ИЗВѢСТІЯ (о Галлиціи, Богеміи, Кроаціи, Славоніи, Сербіи, Болгаріи). — вообще о всѣхъ странахъ, гдѣ живутъ наши единоплеменники, объ ихъ Исторіи и Литературѣ.

VII. МОСКОВСКІЯ ЗАПИСКИ. Свѣдѣнія о Московскихъ древностяхъ, примѣчательностяхъ, объ учебныхъ заведеніяхъ и обществахъ, гуляньяхъ, путешественникахъ, театральныя записки, о концертахъ. Извѣстія о Московской промышленности, торговлѣ и проч.

VIII. ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ. Одною изъ главныхъ цѣлей издателя было знакомить публику съ обширными и разнообразными странами отечества, и онъ надѣется въ слѣдующемъ году распространить еще болѣе это отдѣленіе.

IX. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ о примѣчательныхъ явленіяхъ въ областяхъ наукъ, искусствъ, гражданственности и природы.

X. СМѢСЬ Переводныя повѣсти, анекдоты, отрывки изъ романовъ и путешествій, моды, съ картинкою. Это отдѣленіе съ особенною нумераціей назначается въ особенности для любителей пріятнаго и легкаго чтенія.

Ежемѣсячно будетъ выходить въ 1-е число по книгѣ отъ 15 до 20 печатныхъ листовъ или отъ 250 до 350 страницъ четкаго, но убористаго шрифта, на лучшей веленевой бумагѣ большаго формата.

(Къ 11-му No будетъ приложенъ портретъ Гоголя.)

Digitized by Google

СМѢСЬ.

ПОЛИНА РУБЕНСЪ.

ГЛАВА I.

Домъ Рубенса.

Домъ Рубенса, въ Антверпенѣ, раздѣленъ нынѣ широкою стѣною, которая дѣлаетъ изъ него два равныя жилья. Въ одномъ изъ нихъ въ 1817 году жилъ банкиръ, у котораго было столько хорошаго вкуса, что онъ сохранилъ въ цѣлости наружный видъ жилища этого царя Фламандской живописи. Не было столько мастерскихъ. Въ глубинѣ сада возвышалась еще маленькая зеленая бесѣдка: въ тѣни ея сиживала часто Елена Фроманъ, пока Рубенсъ рисовалъ на чистомъ воздухѣ, посреди своихъ учениковъ, и оспоривалъ у дня его свѣтъ и красоту. Ни фасадъ главнаго корпуса, ни бесѣдка, отдѣляющая садъ отъ главнаго двора, ни мало не измѣнились. Двуглавый орелъ украшалъ предверіе, выстроенное во вкусѣ Возрожденія; надъ нимъ возвышались двѣ статуи Минервы и Меркурія, вывезенныя Рубенсомъ изъ Италіи; онѣ утверждены были на фронтонѣ, служащемъ рамою бюсту Минервы. Съ правой и съ лѣвой стороны были изображенія Венеры и Пана; надъ ними вырѣзаны были на мраморѣ слѣдующіе стихи Ювенала:

Permittes ipsis expendere numinibus, quid
Conveniat nobis, rebusque, sit utile nostris;
Carior est illis homo quam sibi

Orandum est, ut sit mens sana in corpore sano,
Fortem, posce, animum et mortis terrore carentem
Nesciat irasci cupiat nihil.

(Sat. X.)

Главный корпусъ, въ которомъ жилъ банкиръ, казался, если не перестроеннымъ, то покрайней мѣра совершенно передѣланнымъ послѣ Рубенса. Вступая на крыльцо крыль-

Digitized by Google

цо, позволявшее выходить изъ кареты, не подвергаясь ни вѣтру, ни дождю, можно было уже видѣть счастливое слiяніе Англійской прочности съ щеголеватымъ богатствомъ Франціи и съ Фламандской пышностью. По ступенямъ широкихъ великолѣпныхъ лѣстницъ спускались ковры; двойныя двери, плотно запертыя, защищали отъ влажнаго холода страны; отдушины теплотою своего невидимаго дыханья смягчали суровость зимы, владычествовавшей тогда со всею жестокостью. Но въ особенности въ покояхъ хозяйки дома было чему подивиться: тамъ соединялось все — самая утонченная изысканность нѣжнаго вкуса съ царскою пышностiю. Раскинувшись небрежно въ огромныхъ креслахъ, только что вошедшихъ тогда въ моду во Франціи, и казавшихся дерзновеннымъ чудомъ въ Антверпенѣ, Г-жа Ванъ-Эйкенсъ грѣла предъ каминомъ маленькія ножки, обутыя въ крошечныя туфельки изъ краснаго бархата, и украшенныя лебяжьимъ пухомъ. Каминъ былъ изъ дорогаго мрамора; большое зеркало, стоявшее надъ нимъ, отражало всѣ душистыя сокровища теплицы — самые рѣдкіе цвѣты; наконецъ, приподнявъ ковровые пологи, защищавшіе двери, можно было видѣть огромную залу, украшенную коллекцiею образцовыхъ произведенiй Фламандской школы. Въ числѣ знаменитыхъ картинъ, которыми красовалась эта галлерея, замѣчательны были многіе фамильные портреты, нарисованные Ванъ-Дикомъ, Iорденсомъ, Брюге-де-Велуромъ и лучшими учениками Рубенса. Посрединѣ находилась копія, или лучше сказать повтореніе картины, украшавшей погребальную часовню Рубенсовой фамилiи. Она представляетъ, какъ извѣстно, Пресвятую Дѣву Марiю, сидящую въ зеленой бесѣдкѣ; предъ Нею набожно преклонилъ колѣна Св. Бонавентура. Сзади — воскресшая дочь Iапра, Св. Марѳа, Магдалина и Св. Георгiй, въ блестящемъ вооруженiи; побѣдитель дракона попираетъ чудовище, потрясая въ воздухѣ святую хоругвь. Съ другой стороны Св. Iеремiя только что закрылъ книгу, которую поддерживаетъ Ангелъ. Четыре Херувима, съ пальмами въ рукахъ, порхаютъ надъ группой. Фигуру Св. Георгiя представляетъ самъ Рубенсъ; Магдалину — Елисавета Брандъ — первая жена великаго художника. Святую Марѳу — Елена Фроманъ; дочь Iапра — дѣвица Луденъ, — модель *Соломенной шляпы*; Святаго Iере-

Digitized by Google

мію — отецъ Рубенса; Святаго Бонавеншуру — его прадѣдъ; Ангеловъ — его сыновья и дочери.

Противъ этого образцоваго произведенія висѣла картина, изображавшая *Бродъ* Бергема: чудесный ландшафтъ, съ которымъ не могло сравнишься ни древнее, ни новое искусство. Внизу на рамѣ Бергемъ написалъ собственною рукою сіи слова:

Якову Рубенсу, внуку великаго живописца, другъ его Бергемъ.

Но кто всего болѣе превосходилъ въ красотѣ, кто возбуждалъ удивленіе болѣе всѣхъ другихъ сокровищей этого маленькаго дворца, — безспорно, сама владѣтельница сего волшебнаго жилища. Самое живое и поэтическое воображеніе никогда не мечтало о такомъ прелестномъ лицѣ. Увернувшись въ широкія складки своего бѣлобархатнаго пеньуара, перевязаннаго вокругъ ея тонкой таліи золотымъ снуркомъ, она устремила свои большіе черные глаза на хорошенькаго полунагаго мальчика лѣтъ трехъ, который катаясь по мѣховому ковру, перелистывалъ книгу съ картинами. Въ положеніи молодой женщины было такое неизъяснимое величіе, такая Ангельская кротость; въ ея взорахъ, устремленныхъ на малютку, блисталъ такой небесный восторгъ материнской нѣжности! Звукъ голоса ребенка разливалъ упоенье въ сердцѣ юной матери; малѣйшее его слово дарило ее счастьемъ: она отказалась бы отъ всего на свѣтѣ, чтобъ жить только имъ однимъ

— Мама, сказалъ ребенокъ, вскочивъ и подойдя къ Полинѣ Ванъ-Эйкенсъ; мама, знаешь ли, ровно чрезъ три минуты мнѣ будетъ четыре года?

И онъ пухленькимъ пальчикомъ указывалъ на золотую стрѣлку великолѣпныхъ стѣнныхъ часовъ Булля.

— Да, мой милый Андріень, отвѣчала растроганная мать, теперь мы будемъ молишься; когда райскіе Ангелы пробьютъ этотъ часъ, который сдѣлалъ меня столь счастливою, то наши слова благодарности и благословенія должны вознестись къ престолу Всевышняго.

Малютка сталъ на колѣна, мать взяла маленькія ручки его, и они начали молишься: одна тихимъ, сладостнымъ голосомъ, другой невинными устами, и между тѣмъ серебряный

Digitized by Google

молотокъ часовъ пробилъ пять разъ. Чрезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ довольно молодой мущина благороднаго и задумчиваго вида.

— Жоржъ, сказала ему Г-жа Ванъ-Эйкенсъ, Жоржъ, помолись съ нами; мы благодаримъ Бога за рожденіе этого малюшки.

— Милая Полина, отвѣчалъ Г-нъ Ванъ-Эйкенсъ, нынче, въ эту самую минуту самый счастливый день нашей жизни. Будущее будетъ не таково!

— Что такое? вскричала Полина, вставъ въ испугѣ, и подбѣжавъ къ мужу.

— Ничего: не пугайся, мой другъ, возразилъ банкиръ, стараясь удержать слезы, наполнявшія его рѣсницы.

— Жоржъ, ты напрасно скрываешь отъ меня свою горесть. Это дурно! очень дурно! ты такъ много даришь мнѣ счастья, что я съ признательностію могу принять на себя часть твоего огорченія. Любовь твоя ко мнѣ стало быть не довольно сильна, когда ты медлишь раздѣлить со мною свое горе.

— О! нѣтъ, милая Полина! я знаю: ты самая нѣжная, и вмѣстѣ самая совершенная изъ женщинъ ... дѣла требуютъ моего внезапнаго отъѣзда. Вотъ, что причиною моей задумчивости и печали. Я разстаюсь съ тобою, — моя горесть извинительна.

Г-жа Ванъ-Эйкенсъ не могла удержаться отъ слезъ. Маленькій Адріенъ, обнявъ ноги отца, повторялъ, что онъ его не пустишъ. Блѣдный, истощенный усиліями которыя употреблялъ, чтобы скрыть свое отчаяніе, Жоржъ упалъ на диванъ, и закрылъ лице руками. Вдругъ онъ поднялъ голову, и подалъ нѣсколько бумагъ женѣ, которая съ горестію на него смотрѣла.

— Вотъ акты и довѣренности, которые ты должна подписать до моего отъѣзда.

— Развѣ ты ѣдешь надолго?

Онъ отвѣчалъ однимъ знакомъ: рыданья заглушали его голосъ.

— Куда же ты отправляешься?

— Въ Америку, отвѣчалъ онъ сквозь зубы.

— Въ Америку! Жоржъ! и такъ внезапно, не предупредивъ меня, разстаешься со мною на мѣсяцы, на годы, мо-

Digitized by Google

жешъ быть? Ты скрываешь отъ меня какое нибудь несчастіе, Жоржъ. Именемъ нашей любви, нашего сына, другъ мой, прошу тебя, открой мнѣ свою душу. Довѣрь мнѣ эту грустную тайну, которая такъ давно лежитъ у тебя на сердцѣ! Не страшись огорчить меня; говори! я чувствую, Богъ пошлетъ мнѣ силы перенесть мое несчастіе! Жоржъ, мой Жоржъ, прекрати это молчаніе.

Она тихонько привлекла его къ себѣ, жала руки его въ своихъ и умоляла его взорами, полными любви и преданности.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, нѣтъ! ты и безъ того слишкомъ скоро узнаешь гибельный ударъ, поразившій насъ! Прощай, Полина, прощай, Адріенъ!

Она бросилась къ двери, и протянувъ руки, загородила дорогу мужу.

— Ты не выдешь отсюда, пока не скажешь мнѣ всего! сказала она. Пройди лучше по моему тѣлу: твое молчаніе хуже самой жестокой истины. Жоржъ! умоляю тебя на колѣняхъ: твою тайну! твою тайну!

— Мою тайну! ты хочешь знать мою тайну! Полина, но неужели ты не понимаешь, что я храню эту тайну отъ того, чтобы не покрыть тебя стыдомъ, не поразить тебя отчаяніемъ! эта гибельная тайна подвергаетъ меня поношенью!

— Развѣ только тогда жена-Христіянка должна любить своего мужа, когда онъ счастливъ? Если ты сдѣлалъ какой нибудь проступокъ, мой долгъ исправить его, помочь тебѣ, а не упрекать тебя въ немъ.

— Дорогая моя Полина, твои благородныя слова только увеличиваютъ мой позоръ.... ты требуешь этого.... и такъ узнай: я розоренъ, обезчещенъ! Я претерпѣлъ значительныя потери въ своихъ коммерческихъ предпріятіяхъ: семь изъ моихъ кораблей погибли въ морѣ. Чтобы исправить бѣду я прибѣгнулъ къ смѣлымъ спекуляціямъ, пустилъ въ ходъ общественную казну; я остался ни съ чѣмъ. Если я не поспѣшу убѣжать, то меня ожидаетъ шюрьма и позорная казнь. Нѣтъ, лучше умереть!

Умереть! какъ! ты хотѣлъ умереть, Жоржъ? погубить свою душу, покинуть жену, сына. О! Жоржъ! Жоржъ! такія мысли недостойны Христіянина, и такого благороднаго сердца, какъ твое. И такъ нѣтъ никакой возможности

Digitized by Google

исправишь нашего несчастія; намъ не остается никакой надежды на спасенье, когда такое ужасное намѣреніе могло придти тебѣ въ голову?

— Никакой. Я едва могъ спасти твое приданое. Подписавъ эти бумаги, обратившъ въ свою пользу нашъ брачный контрактъ, раздѣляющій наши имущества....

— На мою долю достанется богатство, а на твою позоръ и смерть, Жоржъ; правда ли это? — Такъ-то ты раздѣлилъ на двѣ части два существованія, соединенныя предъ Богомъ и предъ людьми. Мое приданое! но стало быть оно очень значительно, когда возвышается до пяти сотъ тысячъ франковъ. На что оно мнѣ, когда ты долженъ своимъ заимодавцамъ?

— Потому, что оно твое, а не мое; и потому, что это законно.

— Не понимаю этихъ тонкостей закона, отвѣчала простодушно Г-жа Ванъ-Эйкенсъ. Я раздѣляла твою пышность, раздѣлю и бѣдность. Жоржъ, ты не поѣдешь, ты останешься и отдашь все, что у насъ есть, своимъ заимодавцамъ; ты скажешь имъ: »мы будемъ работать, какъ поденщики, до тѣхъ поръ пока расплатимся съ вами.« Господь Богъ подастъ намъ для этого силы и средства. Лучше стыдъ и поношенье, нежели самоубійство, Жоржъ!

— Но его нищеты отягощаетъ надъ тобою.

— Что нужды до нищеты, когда намъ останется честь.

— Но твой сынъ!

— Мой сынъ? Жоржъ! пусть лучше у моего сына будетъ имя безъ пятна, нежели всѣ сокровища міра. Я воспитаю его въ трудахъ, я возращу его въ бѣдности, въ ничтожествѣ, остальное сдѣлаетъ Богъ!

— Нѣтъ, я не приму этой жертвы. Я одинъ виновенъ, одинъ и долженъ перенести послѣдствія вины моей.

Полина подошла къ камину, спокойно бросила туда бумаги, которыя мужъ принесъ ей для подписанія, и позвонила свою горничную.

— Белла, сказала она, не знаешь ли, въ которомъ часу отправляется отсюда дилижансъ въ Парижъ?

— Въ семь часовъ, сударыня.

— Поди, удержи въ немъ два мѣста внутри.

Digitized by Google

— Два мѣста внутри? повторила удивленная Белла.

Знакъ головою принудилъ ее повиноваться въ молчаніи.

— Адріенъ сядетъ ко мнѣ на колѣна, сказала улыбаясь мужу Г-жа Ванъ-Эйкенсъ.... Намъ остается два часа, я употреблю ихъ на то, чтобъ уложить въ чемоданъ необходимое для насъ бѣлье и платье. Въ моемъ портфелѣ четыре тысячи франковъ, сбереженныхъ отъ моихъ нарядовъ; другихъ денегъ мы не возьмемъ съ собою. Пока я буду занята этимъ дѣломъ, другъ мой, ты призови своего перваго прикащика; онъ человѣкъ расторопный и преданный тебѣ: наше положеніе должно быть ему извѣстно.

Жоржъ, молча, сдѣлалъ утвердительный знакъ головою.

— Передай ему полную довѣренность, и вели составить актъ, по которому я предоставляю мое приданое твоимъ заимодавцамъ; потомъ мы уѣдемъ въ Парижъ, чтобы извѣстіе о нашемъ разореньи не застало насъ въ Антверпенѣ. Послѣ, когда оцѣнятъ твое безкорыстіе, и узнаютъ, что должно обвинять одно твое несчастіе, тогда, если твое присутствіе будетъ здѣсь нужно, ты сюда возвратишься.

Г-нъ Ванъ-Эйкенсъ машинально повиновался приказаніямъ жены. Полина спокойная, веселая, какъ будто бы давно привыкла къ такимъ заботамъ, уложила все нужное бѣлье и платье, разочла жалованье людямъ. Потомъ, надѣвъ темный плащъ съ капишономъ, какой носятъ женщины въ Антверпенѣ, взяла на руки сына, сходила за мужемъ, и отправилась къ дилижансу.

Они молча сѣли въ карету, въ которой по особенному счастію не было другихъ путешественниковъ. Колеса завертѣлись, лошади помчались. Тутъ только Жоржъ зарыдалъ. Полина тихонько привлекла его къ себѣ, прижала голову несчастнаго къ груди своей и положила сына на колѣна этого человѣка, растерзаннаго, убитаго отчаяніемъ.

„Богъ поможетъ намъ, сказала она, другъ мой! мы исполнили долгъ свой.“

ГЛАВА II.

Бѣдность.

Женщина, какъ бы ни была мужественна, не можетъ безъ особеннаго сердечнаго переворота перейти вдругъ

Digitized by Google

отъ богатства къ бѣдности, въ особенности, когда она видитъ, что мужъ ея, отъ отчаянія, готовъ посягнуть на самоубійство. При отъѣздѣ изъ Антверпена, сердце Полины билось сильнѣе обыкновеннаго; краска багровымъ кружкомъ горѣла на щекахъ ея; но ея благородная рѣшимость была неизмѣнна, и уже не стоила ей болѣе никакого сожалѣнія. Она хладнокровнымъ взоромъ разсматривала прошедшее и настоящее, нимало не обманываясь о будущей судьбѣ своей. Упавъ подъ бременемъ тяжкой борьбы со счастьемъ и огорченьемъ, Г-нъ Ванъ-Эйкенъ лишился всѣхъ силъ, и не вѣрилъ въ силы жены своей. Онъ дивился ея преданности, но считалъ ее однимъ обманомъ чувствъ, который не замедлитъ разсѣяться предъ горькою существенностію. Отъ того и страданія его нимало не уменьшались. Онъ поддался, какъ больной своему врачу, который лучше другаго знаетъ, что болѣзнь его неизлечима, и въ предписываемыхъ лекарствахъ видитъ одно только средство къ продолженію его страданій. Въ такомъ-то расположеніи духа пріѣхали они въ Парижъ, и остановились въ самой скромной гостинницѣ не подалеку отъ Палерояля.

Ничто столько не увеличиваетъ печали, какъ эти жилища, открытыя для перваго встрѣчнаго, и эта разнообразная, засаленная мебель, браковка разныхъ эпохъ. Голыя стѣны были бы пріятнѣе для взоровъ, нежели эти полинялыя обои изъ грубой бумаги. Лучше спать на голыхъ доскахъ, нежели на этомъ бѣльѣ сомнительной бѣлизны, отъ котораго несетъ сыростію. Никогда трое несчастныхъ не проводили такой грустной ночи! Дождь хлесталъ по спекламъ; вѣтеръ завывалъ въ трубѣ камина, въ которомъ тускло горѣли сырыя дрова, наполняя каминъ удушливымъ смрадомъ. Жоржъ, угнетенный отчаяніемъ, не отвѣчалъ на утѣшенія жены своей; Адріенъ со страхомъ прижимался къ матери; а она потихоньку молилась Богу, чтобъ не подпасть унынію, и скрыть свои слезы.

Но наконецъ усталость погрузила ихъ въ сонъ, не въ такой сонъ, который подкрѣпляетъ, освѣжаетъ тѣло, но въ какое-то лихорадочное самозабвеніе, которое, не истребляя существенности, только увеличиваетъ ее фантастическими видѣніями. При наступленіи дня, Полина вышла со двора, и возвратилась очень поздно; она велѣла сказать

Digitized by Google

мужу, чтобы онъ не ждалъ ее прежде вечера. Г-нъ Ванъ-Эйкенсъ, оставшись одинъ, почувствовалъ, что его страданія еще болѣе увеличились. Ему казалось, что онъ лишился послѣднихъ силъ, послѣдняго утѣшенія. Съ живѣйшею радостію услышалъ онъ шаги на лѣстницѣ и шумъ отъ платья Полины. Онъ побѣжалъ къ ней на встрѣчу, прижалъ ее къ груди, и обнялъ съ нѣжностію, жалуясь на ея продолжительную отлучку! Это нѣжное изліяніе чувствъ смягчило нѣсколько его горесть, и сдѣлало сноснымъ ихъ пребываніе въ бѣдномъ нумерѣ.

На другое утро Полина опять ушла рано со двора, и возвратилась около полудня, съ спокойнымъ лицомъ и съ улыбкой на устахъ.

— Жоржъ, сказала она, я со вчера хлопотала о томъ чтобъ найти для насъ жилище пріятнѣе, удобнѣе и не столь дорогое, какъ эта продажная комната. Кажется то, что я нашла, для насъ годится; не хочешь ли пойти посмотрѣть вмѣстѣ со мною. Она подала мужу руку, другою взяла за руку своего ребенка, и повела ихъ въ кварталъ Монтмартрскаго предмѣстья, въ то время почти необитаемый. Улица Мучениковъ начинала обстроиваться; но вмѣсто этихъ огромныхъ домовъ, скрывающихъ теперь отвсюду видъ, тогда предъ взорами разстилались повсюду обширные сады съ роскошною зеленью деревьевъ и дерновыми коврами. На одинъ изъ такихъ садовъ открывались окны маленькой комнаты, нанятой Полиною; кухня и кабинетъ составляли всѣ ея принадлежности, но все это было мило, расположено со вкусомъ; тутъ было все, и щеголеватость, и свѣжесть, и простота. Шкафы изъ орѣховаго дерева, кровать, столъ, комодъ, нѣсколько стульевъ и большія кресла составляли всю мебель. Нѣсколько картинъ въ простыхъ рамахъ, отличались отъ сѣроватыхъ обоевъ, украшенныхъ одною голубоватою полоскою. Недоставало только занавѣсокъ у оконъ; но готовое полотно лежало на постели, и ждало, казалось, только ножницъ и иглы швеи. Полина сняла съ себя шаль и шляпку, сѣла у камина, гдѣ кипѣлъ на угольяхъ горшокъ, за которымъ она присматривала, и принялась кроить занавѣски.

Мужъ смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Она улыбнулась, и подставивъ ему лобъ для поцѣлуя, сказала:

Digitized by Google

— Жоржъ! шеперь мы дома.

— Дома, Полина?

— Да, мой другъ. Вошъ причина моей вчерашней отлучки. Я отыскала эшошъ миленькій уголокъ; онъ сшоишъ намъ не болѣе двухъ сошъ франковъ въ годъ; пошомъ купила мебель, кухонную посуду и все чшо было нужно; велѣла перенесши сюда всѣ наши пожишки, и вошъ мы на мѣсшѣ. Довольнъ ли шы?

Жоржъ былъ шронушъ.

— Теперь, вскричалъ онъ, я начинаю возрождашься къ надеждѣ, и не сомнѣваюсь болѣе въ швоемъ мужесшвѣ; признаюсь шебѣ, Полина, я сомнѣвался въ шебѣ; изнемогши самъ, я не вѣрилъ въ швои силы. Теперь не сшану болѣе предаваться презришельной слабосши. Я хочу подражашь шебѣ, хочу сдѣлашься досшойнымъ моей жены! Я сшану рабошашь, чшобы пріобрѣсшь досшашокъ себѣ и нашему ребенку, милая Полина!

Онъ сѣлъ у ногъ ея; она обняла рукою его шею, привлекла его къ себѣ, и раздѣливъ его волосы, напечашлѣла поцѣлуй на челѣ его.

Они забыли и Аншверпенъ, и бѣдносшь, и горе: эшошъ день былъ самый счасшливый со времени удара судьбы, поразившей ихъ шакъ ужасно. Полина, въ корошенькой юбочкѣ и въ корсешѣ, сама накрыла на сшолъ и подала обѣдъ, пригошовленный собсшвенными ея руками, сшоль же вскусный, какъ бы изгошовленъ былъ самою искусною Фламандскою кухаркою. Пошомъ она собрала со сшола, перемыла посуду въ своей маленькой кухнѣ, и шакъ ловко исправила всѣ эши унизишельныя рабошы, чшо едва замочила свои шоненькіе пальчики.

Пошомъ она возвращилась къ мужу, кошорый разсматривалъ ее съ удивленіемъ, зажгла лампу, и сѣла шишь свои занавѣски, попросивъ мужа, чшобы онъ почишалъ ей въ слухъ какую нибудь книгу.

Мебель маленькой кварширы сшоила не болѣе шесши сошъ франковъ; пушешесшвіе изъ Аншверпена въ Парижъ и пребываніе въ нумерѣ сшоили почши чешвершую часшь эшой суммы; надобно было подумашь о шомъ, чшобъ сберечь осшашокъ ошъ чешырехъ шысячь франковъ, сосшавляющихъ единсшвенное ихъ имущесшво. Слѣдовашельно необходимосшь шре-

Digitized by Google

бовала, чтобъ Жоржъ нашелъ какое нибудь занятіе. Полина рѣшилась избавить мужа отъ мученья безполезныхъ попытокъ, для отысканія мѣста, и отправилась къ одному изъ корреспондентовъ Г-на Ванъ-Эйкенса. Жена этого банкира была подругою дѣтства Полины, и узы тѣснѣйшей дружбы соединяли до сихъ поръ обоихъ мужей.

Полина, которая въ дни счастія такъ охотно шла навстрѣчу къ несчастнымъ, надѣялась найти такой же пріемъ у банкира. Къ величайшему своему удивленію, жена этого человѣка, чрезъ слугу, велѣла изъявить сожалѣніе свое о томъ, что не можетъ принять Г-жу Ванъ-Эйкенсъ; самъ банкиръ былъ смущенъ и недоволенъ, увидѣвъ въ кабинетѣ своемъ молодую женщину. Въ первомъ движеніи Полина хотѣла было удалишься, но вспомнивъ о мужѣ, о сынѣ, она побѣдила свое негодованіе, и чистосердечно объяснила банкиру то, чего ожидала отъ него.

— Г-нъ Ванъ-Эйкенсъ, сказала она, предоставилъ и мое и свое имущество своимъ заимодавцамъ. Ему нужно тотчасъ найти мѣсто, какъ бы ни было оно незначительно, до тѣхъ поръ, пока представится удобный случай начать прежнія занятія. Помѣстите его, сударь, въ свою контору.

— Сударыня, отвѣчалъ банкиръ съ холодной улыбкой, Г-нъ Ванъ-Эйкенсъ былъ въ Антверпенѣ моимъ корреспондентомъ, и наши обоюдныя сношенія были для обоихъ насъ весьма пріятны, до его банкрутства; въ этомъ банкрутствѣ я теряю очень не много, до сихъ поръ все идетъ, какъ нельзя лучше. Что же касается до вашего требованія, къ нему есть тысячу препятствій: если бы я исполнилъ ваше желаніе, то навлекъ бы на себя множество непріятностей. Такой человѣкъ, какъ Г-нъ Эйкенсъ, привыкшій управлять богатѣйшимъ торговымъ домомъ, былъ бы плохимъ прикащикомъ; и мнѣ право не ловко будетъ, ни приказывать, ни выговаривать ему.

Полина вспала съ неудовольствіемъ и хотѣла было удалишься.

— Не сердитесь на меня, сударыня, возразилъ банкиръ съ смущеніемъ; но видите ли: дѣла все-таки дѣла; онѣ состоятъ изъ цыфровъ, а не изъ чувствъ, и не изъ преданностей дружбы. Однако же, если Г-ну Ванъ-Эйкенсу нужны деньги, я готовъ помочь ему: всѣ билеты за его подписью

Digitized by Google

или другаго извѣстнаго лица будутъ удовлетворены въ ту же минуту.

Полина вышла отъ этого человѣка съ сердцемъ, переполненнымъ горестію и унынія. Она шла нѣсколько времени наудачу, чтобъ дать время высохнуть слезамъ. Съ ужасомъ помышляла она о мужѣ и о ребенкѣ! Куда мысленно ни обращала взоры, вездѣ видѣла одну нищету, одно отчужденіе! Когда она возвратилась домой, Г-нъ Ванъ-Эйкенсъ сидѣлъ за столикомъ, и прилежно писалъ что-то въ коммерческихъ книгахъ.

— Я хотѣлъ доказать тебѣ, что достоинъ тебя, сказалъ онъ женѣ, и пошелъ къ москопильщику, что на углу, спросить его, не знаетъ ли онъ кого нибудь кому бы нуженъ былъ опытный прикащикъ. Онъ самъ предложилъ мнѣ отдавать мнѣ каждый вечеръ свои счетныя книги, и мы условились въ цѣнѣ по тридцати франковъ въ мѣсяцъ. Если онъ будетъ доволенъ моимъ усердіемъ, то поручитъ мнѣ и другія дѣла, и обѣщаетъ доставить мнѣ мѣсто кассира у своего шурина.

Полина подняла взоры къ небу, прося прощенія у Бога, что усумнилась въ Его милосердіи.

Пока Г-нъ и Г-жа Ванъ-Эйкенсъ покорились такимъ образомъ бѣдности и трудамъ, слухъ о банкрутствѣ банкира съ ужасомъ распространился по всему Антверпену: ибо, не смотря на пожертвованіе Полины, заимодавцы теряли третью часть своихъ денегъ, а эта третья часть составляла около милліона. Въ Парижѣ, великодушное самопожертвованіе Полины сочли бы глупостію, или покрайней мѣрѣ самою странною выходкою, и сказали бы, что она жертвовала собою и своимъ ребенкомъ тѣмъ, которые по закону, не имѣли никакого права на ея имущество. Въ Антверпенѣ, по чистотѣ и прямодушію нравовъ, этому поступку нимало не дивились. По ихъ мнѣнію, она просто исполнила долгъ свой. Заимодавцы раздѣлили между собою имущество своего должника, не заботясь о томъ, въ какой нищетѣ остались жена и сынъ его. Однако же благодаря преданнымъ и расторопнымъ друзьямъ банкира, въ особенности его первому прикащику, имъ удалось спасти честь Г-на Ванъ-Эйкенса: заимодавцы дали отсрочку, и его банкрутство не было объявлено законнымъ образомъ. Вотъ

Digitized by Google

какія извѣстія привезли двумъ супругамъ въ Парижъ, и надобно сказать, кто именно привезъ ихъ.

Однажды рано утромъ, Полина съ корзиной на рукѣ, возвращалась съ рынку Св. Іосифа, гдѣ она закупила кой что для своего хозяйства; ее не останавливалъ ни долгій путь, ни усталость, чтобы дешевле купить провизію, перепродаваемую гораздо дороже барышницами квартала. Въ простомъ холстинковомъ платьѣ, согнувшись подъ ношей, она шла медленно, но весело, какъ вдругъ восклицаніе заставило ее поднять голову. Белла, вѣрная Белла, стояла передъ нею.

ГЛАВА III.

Бархатный камзолик.

При видѣ своей госпожи, достигшей до такой бѣдности, добрая служанка не могла удержаться отъ рыданій.

— Белла, ты въ Парижѣ! вскричала Полина.

— Я пріѣхала нынче утромъ, отвѣчала Белла, и хорошо сдѣлала: потому что теперь у васъ будетъ слуга! Господи! Боже мой! не разъ глаза мои будутъ обливаться слезами при воспоминаніи о томъ, что я теперь увидѣла!

— И ты для меня, для одной только меня пришла въ Парижъ, моя милая Белла?

— А для кого же бы я пришла, какъ не для васъ? Развѣ я не служанка ваша со дня вашего рожденія? Развѣ не я взростила васъ? Развѣ не на моихъ рукахъ умерла ваша матушка, упокой, Господи, ея душу. Развѣ я могу жить безъ васъ? Тамъ я плакала съ утра до ночи, а сердце такъ и рвалось на части. Наконецъ, не могши долѣе выносить этой муки, я пошла къ баринову прикащику, спросила у него вашъ адресъ и по какой дорогѣ надобно ѣхать въ Парижъ. Онъ далъ мнѣ денегъ на мѣсто въ дилижансѣ; деньги я взяла, но пришла пѣшкомъ. Дорога показалась мнѣ и и далекою и утомительною: я шла скоро, чтобы поскорѣе придти къ вамъ. До Парижа все было хорошо; но, Пресвятая Богородица! лишь только я вступила въ этотъ городъ, то словно одурѣла! заблудилась во всѣхъ улицахъ, не знала куда идти. Наконецъ, спрашивая у всякаго встрѣч-

Digitized by Google

наго дорогу, я очутилась подлѣ васъ! Я опять увидѣла васъ, увижу и барина, и моего маленькаго Адріеня! Ахъ! Господи! я готова плясать посреди улицы!

— Если хочешь плясать, то пляши, пожалуй, дома; потому что мы пришли.

— А я, дура, не взяла отъ васъ корзины? Я право съ ума сошла? Это отъ радости!

Не смотря на сопротивленія своей госпожи, Белла взяла корзину, дойдя до перваго этажа, она остановилась.

— Мы еще не пришли, сказала, улыбаясь, Полина, намъ остается еще три этажа.

— Такъ Парижскіе домы настоящія колокольни, замѣтила Белла, взваливъ опять корзину на плеча.

И весело пошла по лѣстницѣ.

Присутствіе Беллы, въ семействѣ Ванъ-Эйкенса, умножило его расходы въ отношеніи стола, но за то, избавивши Полину отъ тяжкихъ работъ по хозяйству, позволили ей заняться вышиваніемъ, и увеличить такимъ образомъ маленькіе доходы. Жоржъ выработывалъ въ мѣсяцъ сто тридцать франковъ, не считая копій, которыя давалъ ему переписывать по вечерамъ приставъ, жившій по сосѣдству. Работа Полинина доставляла ей около двадцати пяти франковъ, и когда мѣсяцъ былъ хорошъ, то ихъ общіе доходы простирались до двухъ сотъ франковъ. Благодаря экономіи хозяйки дома, и не жадности Беллы, они тратили только двѣ трети изъ этой суммы. Белла, можно сказать, упрекала себя въ каждомъ кускѣ хлѣба. Когда она вечеромъ вскарабкивалась на чердакъ, который наняли для нее за двадцать пять франковъ въ годъ, то никогда не зажигала свѣчи! Скоро она нанялась въ домѣ прислуживать двумъ старымъ холостякамъ, и кой-когда подкидывала въ ящикъ Г-жи своей одну или двѣ пятифранковыя монеты; когда же она, пересчитывая свои доходы и расходы, не понимала, откуда берется прибытокъ, то Белла и виду не показывала, что понимаетъ ее. Если Белла была расточительна, то это для одного только Адріеня; гуляя съ нимъ въ Тюльерійскомъ саду, рѣдко случалось, чтобы она не покупала ему какого нибудь лакомства, или игрушку: Адріень составлялъ всю ея радость, гордость, предметъ ея обожанія. Когда эта костлявая, сухая Белла, съ огромнымъ чепцомъ на головѣ, ве-

Digitized by Google

ла за руку нарядnаго хорошенькаго Адріеня, то чувствовала такую гордость, что ей позавидывалъ бы Монархъ. Она съ презрѣніемъ смотрѣла на прочихъ мальчиковъ, и возвратившись домой всегда разсказывала Г-жѣ Ванъ-Эйкенсъ о превосходствѣ наряда и красоты ея сына. Однажды, сидя въ Королевскомъ саду, она услышала двухъ дамъ, которыя говорили, что дѣти бываютъ всего нарядnѣе въ бархатныхъ камзольчикахъ. Съ этой минуты у Беллы поселилась дерзновенная мысль подарить своему дитяти, какъ она называла Адріеня, бархатный камзолъ. Она день и ночь чинила на людей бѣлье, исправляла всѣ услуги тѣмъ, которымъ прислуживала въ домѣ чтобы только выработать лишнюю копѣйку, для покупки предмета ея безумныхъ желаній.

Но оставалось отстранить послѣднее затрудненіе: заставить Г-жу Вакъ-Эйкенсъ принять подарокъ.

Утромъ, убравъ завтракъ, Белла всячески старалась завести разговоръ; разъ десять перемѣняла одну и ту же тарелку, разъ десять стирала со стола. Наконецъ съ трепещущимъ сердцемъ, и краснѣя, какъ вареный ракъ, она проговорила наудачу:

— Маленькому Адріеню надобно сшить бархатный камзольчикъ.

Полина съ удивленіемъ взглянула на Беллу.

— Я говорю, что надобно сшить бархатный камзолъ Г-ну Адріеню, возразила Фламандка, стараясь изъ всей мочи стереть со стакана пылинку, которой на немъ не было.

— Но бархатный камзолъ будетъ стоить очень дорого, и превосходитъ наши доходы. Я и безъ того не довольно благоразумна; я бы должна была одѣвать его гораздо проще и бѣднѣе.

— У всѣхъ мальчиковъ, гуляющихъ въ Тюльерійскомъ саду, есть бархатные камзолы, продолжала Белла, въ слѣпой неустрашимости. Она тихонько положила на столъ кусокъ бархату, и бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ.

Г-жа Ванъ-Эйкенсъ позвала ее.

— Что ты дѣлаешь? глупая! сказала она, съ кротkимъ упрекомъ. Что ты дѣлаешь?

И тронутая до слезъ, она протянула руку къ Беллѣ.

Пристыженная Белла убѣжала въ кухню, и цѣлый день не смѣла поднять глазъ на Госпожу свою.

Digitized by Google

На другой день торжествующая Белла повела Адріеня въ бархатномъ камзолѣ въ Тюльерійскій садъ. Полина просидѣла до полуночи за работой, чтобы утѣшить Беллу.

Въ этотъ день добрая Фламандка почитала себя счастливѣе Царя.

ГЛАВА IV.

Ударъ судьбы.

Полина съ своей стороны почитала бы совершенно счастливою, если бы не тревожило ее глубокое огорченіе, которому предавался мужъ ея. Напрасно подавала она ему примѣръ къ покорности, веселости и прудамъ: ничто не могло побѣдить его мрачнаго унынія. Каждое утро Жоржъ отправлялся въ свою контору, гдѣ исправлялъ свою должность искусно и исправно, что пріобрѣло ему благорасположеніе его хозяевъ; но вечеромъ, когда онъ возвращался домой, напрасно жена его старалась, чтобы онъ разсѣялся или улыбнулся. Подъ ложнымъ спокойствіемъ, которое онъ старался показать, ясно просвѣчило его отчаяніе. Полина постигала, что ихъ внезапное паденіе должно было оставить въ сердцѣ ея мужа болѣзненныя раны и продолжительныя сожалѣнія: но надѣялась, что время, привычка и собственныя усилія истребятъ въ немъ живость и горечь этихъ воспоминаній.

Освобожденная Беллою отъ всѣхъ заботъ по хозяйству, Полина вставала наразсвѣтѣ, и посвящала все свое время работѣ и воспитанію своего сына. Адріень понималъ, казалось, важность того положенія, въ какомъ помѣстила его судьба, и соотвѣтствовалъ попеченіямъ матери смышленостію, превышающею его лѣта: въ нѣсколько мѣсяцевъ онъ выучился читать, и началъ писать такъ удовлетворительно, что отецъ давалъ ему даже переписывать кой-какія бумаги. Когда онъ въ первый разъ удостоился этой чести, то изъявилъ такую радость, что удвоилъ свое прилежаніе. Мать его, тронутая до слезъ, видѣла, что онъ уже готовится, какъ взрослый, на жизненныя испытанія, его ожидающія.

Между тѣмъ дѣла Г-на Эйкенса въ Антверпенѣ были совершенно окончены. Онъ оставался въ долгу предъ своими

Digitized by Google

заимодавцами въ двухъ стахъ пятидесяти тысячахъ, на безсрочное время; заимодавцы, зная теперешнюю бѣдность негоціанта, удовольствовались актомъ, утверждающимъ этотъ долгъ, на уплату котораго ни одинъ изъ нихъ не надѣялся.

Это пятно въ коммерческомъ гербѣ Жоржа огорчало его еще болѣе, нежели убогое состояніе, въ которомъ онъ жилъ. Эта мысль преслѣдовала его повсюду: ночью являлась ему во снѣ, днемъ становилась между нимъ и его работой. Утѣшенія Полины были недѣйствительны передъ этою неотступною, гибельною мыслію. Жоржъ чувствовалъ себя обезчещеннымъ навѣки позоромъ, въ которомъ первый встрѣчный имѣетъ право безнаказанно упрекнуть его въ лицо. Онъ уже не передастъ сыну незапятнаннаго имени, которое получилъ отъ своего отца. Такія мысли убійственны; и чело Жоржа съ каждымъ днемъ блѣднѣло; преждевременная старость убѣляла его волосы, и бороздила морщинами его чело.

Однажды вечеромъ онъ возвратился къ женѣ такимъ веселымъ, что почти испугалъ Полину, потому что въ этой веселости было что-то странное, лихорадочное....

— Нынче вечеромъ мы ѣдемъ въ театръ, мой милый другъ, сказалъ онъ, при входѣ.

— Въ театръ? спросила она съ удивленіемъ. Кто нибудь подарилъ тебѣ билетъ?

— Нѣтъ; я сей-часъ нанялъ ложу въ оперу, отвѣчалъ онъ, показавъ ей купонъ.

— И ты истратилъ такую значительную сумму? вскричала молодая женщина съ кроткимъ упрекомъ. Пятьдесятъ франковъ, другъ мой!

— Что за важность истратить пятьдесятъ франковъ, когда можно истратить тысячу! десять тысячъ! вскричалъ онъ съ энтузіазмомъ.... Прочь бѣдность! прочь лишенія! Полина, мы опять богаты и счастливы.... Я заплачу всѣ долги, оставленные въ Антверпенѣ, мы останемся жить въ Парижѣ; я найму въ кварталѣ Мучениковъ великолѣпный домъ, я не хочу отдаляться изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ты съ такимъ мужествомъ перенесла такія тяжкія испытанія Я хочу, чтобъ этотъ домъ принадлежалъ мнѣ, а если владѣтель представитъ какія нибудь затрудненія, то предложу ему столько золота, что онъ поневолѣ согласится.

Digitized by Google

— Что ты говоришь, другъ мой! что значитъ эта радость, эти восторги, которые пугаютъ меня?

Онъ таинственно отвелъ ее къ окну.

— Вообрази: купецъ, у котораго я работалъ, отказалъ мнѣ.

— Отказалъ! и ты этому радуешься, Жоржъ?

— Да! нынче утромъ ему вздумалось осмотрѣть свои коммерческія книги; онъ спрашиваетъ ихъ у меня, я подаю ихъ, и онъ видитъ на послѣдней страницѣ мистическую фигуру, которая изображаетъ женщину, плачущую подъ деревомъ, на вѣтвяхъ котораго повѣсился сынъ ея. Онъ сердится, призываетъ меня, распрашиваетъ, что значитъ эта шутка, которая уничтожаетъ всю цѣнность его книгъ....

Бѣдный глупецъ! сказалъ я, развѣ вы не видите, что рисунокъ представляетъ дерево, подъ которымъ отъ слезъ колдуньи зародился кладъ? Съ нѣкоторыхъ поръ духъ не отходитъ отъ меня, указываетъ мнѣ на это дерево, и чертитъ пальцемъ рисунокъ, который я изобразилъ на вашихъ книгахъ, чтобы онъ не истребился изъ моей памяти. Я пожалуй возьму васъ въ товарищи, дамъ вамъ половину моего клада; потому что вы были добры ко мнѣ, когда я былъ бѣденъ.

Дуракъ, вмѣсто того, чтобы согласиться на мое предложеніе, отказалъ мнѣ отъ должности и взялъ другаго прикащика.

Посудите каковъ былъ ужасъ Полины, услышавъ эти безсмысленныя слова! Она не вѣрила ни глазамъ, ни ушамъ, и смотрѣла съ мучительною тоскою на мужа.

— Поѣдемъ же въ театръ. Однако же мы не дождемся конца, и возвратимся въ половинѣ двѣнадцатаго: ровно въ полночь я долженъ быть въ саду монастыря Св. Лазаря; тамъ духъ назначилъ мнѣ свиданіе подлѣ околдованнаго дерева, гдѣ обѣщалъ отдать мнѣ кладъ. Поѣдемъ же скорѣе.

— Другъ мой, останемся лучше дома, мнѣ что-то не здоровится, возразила Полина, скрывая свой ужасъ. Откажись на нынѣшній вечеръ отъ театра; останься со мною.

— Разумѣется, я завтра могу нанять другую ложу. Какую хочешь упряжь для твоихъ каретъ?

Пока происходила эта печальная сцена, Белла съ догадливостію и усердіемъ, которыя внушала ей преданность

Digitized by Google

къ госпожѣ своей, вышла по тихоньку изъ комнаты, и побѣжала за Г-мъ Дестресъ.

Старый Докторъ Дестресъ познакомился съ семействомъ Ванъ-Эйкенса по случаю легкой болѣзни Полины, и душевно полюбилъ обоихъ супруговъ столь трудолюбивыхъ и достойныхъ участія. При видѣ Жоржа, онъ не могъ скрыть своего безпокойства и огорченія.

— Болѣзнь вашего мужа, сударыня, сказалъ онъ молодой женщинѣ, оказывается подъ такими опчаянными признаками, что его надобно немедленно отдалить отсюда, въ такой домъ, гдѣ будутъ заботиться объ немъ со всевозможнымъ вниманіемъ, хотя и кажется мнѣ, что болѣзнь его неизлечима.

— Какъ, сударь! разстаться съ мужемъ! поручить его чужимъ рукамъ! о! какъ могли вы рѣшиться дать мнѣ такой совѣтъ.

— Я страшусь, чтобы больной не рѣшился на какой-нибудь жестокій поступокъ, котораго вы можете сдѣлаться жертвою.

— Что же, сударь! должна ли я думать о себѣ, когда такое ужасное несчастіе поразило моего мужа? Быть можетъ мои заботливыя попеченія облегчатъ его страданья.

— Дай Богъ! прервалъ Докторъ, качая головою, дай Богъ! но, увы! развѣ какое-нибудь чудо спасетъ его.

Онъ пустилъ Жоржу кровь, и предписалъ кой-какія лекарства, обѣщавъ придти на другой день.

— Белла, сказала Г-жа Ванъ-Эйкенсъ, когда Докторъ удалился, отведи Адріена въ свою комнату, пусть онъ ляжетъ съ тобою.

— Когда онъ заснетъ, я приду къ вамъ.

— Нѣтъ, останься съ нимъ.

— И вы хотите, чтобъ я оставила васъ одну съ барономъ, вскричала она, указавъ на Жоржа, который въ безумномъ волненіи расхаживалъ большими шагами по комнатѣ.

— Да, я такъ хочу, моя добрая Белла.

— Нѣтъ, я приду къ вамъ.

— Болѣзнь моего мужа будетъ продолжительна, Белла, и тебѣ, въ свою очередь, придется часто ходить за нимъ.

Digitized by Google

Белла повиновалась, и увела ребенка. Полина, оставшись одна съ мужемъ, стала на колѣна, и начала молишься.

— Не молись, сказалъ онъ, скоро полночь; твои молитвы прогоняшъ колдунью, и я лишусь клада.

Вдругъ онъ страшно взвизнулъ.

— Никогда! вскричалъ онъ, никогда! береги свое сокровище, сашана; я никогда не рѣшусь купишь его цѣною крови моего сына.

Онъ, казалось, прислушивался къ чьему-то адскому голосу, и сдѣлалъ знакъ женѣ, чтобы она подошла къ нему.

— Ты слышала, что совѣтуетъ мнѣ духъ? и въ самомъ дѣлѣ, что значишъ ребенокъ, у насъ можетъ быть другой! Адріеню только пять лѣтъ, онъ пойдетъ прямо въ рай къ Святымъ; онъ избавится отъ испытанія, отъ нищеты здѣшняго міра. Мы даемъ ему вѣчное блаженство, и пріобрѣтаемъ несмѣтныя сокровища. Ты плачешь? Ты колеблешься? Боже мой! какъ женщины слабы! какія у нихъ смѣшные предразсудки! Полно, пусти меня, и отвернись, я все беру на себя.

Онъ всталъ приподнялъ одѣяло, оставшееся на постелькѣ ребенка, и нанесъ нѣсколько ударовъ ножемъ, которымъ успѣлъ завладѣть незамѣтно, во время посѣщенія Доктора.

Полина вскрикнула отъ ужаса: если бы ребенокъ былъ тамъ, то неминуемо бы погибъ подъ ножемъ безумца.

— А! ты кричишь! женщина! ты высказываешь свою чувствительность? Разгнѣванный духъ гоѳовъ удалишься. Нѣтъ, останься, сашана! успокойся! слабость этой женщины кажется виновною; я накажу ее; ея кровь будетъ тебѣ пріятна, я увѣренъ въ этомъ; я пролью ее.... Ну, скорѣе, женщина; готовься къ смерти!....

Онъ подошелъ къ ней, потрясая ножемъ.

— Именемъ нашего сына! вскричала Полина, именемъ нашего сына! пощади меня! обратись къ разсудку! Жоржъ!....

— Вотъ безумная, меня же обвиняетъ въ безуміи! Покорись!.... и умри!....

Онъ подбѣжалъ къ ней; она отскочила въ сторону; ея быстрое, внезапное движеніе опрокинуло лампу, и погрузила комнату въ глубокій мракъ. Безумецъ бѣсновался, поражалъ ножемъ стѣны, ломалъ мебель, и бросалъ повсюду обломки. Отчаянная Полина успѣла проскользнуть въ кухню, заго-

Digitized by Google

родила дверь столомъ и другою мебелью. Жоржъ бушевалъ во всю ночь. Наразсвѣтѣ, побѣжденный усталостію, онъ упалъ на полъ, и заснулъ глубокимъ сномъ.

Когда Белла на другой день сошла къ госпожѣ своей, то остолбенѣла отъ страха; въ этой комнаткѣ, нѣкогда свѣженкой, веселенькой, все было изорвано, измято, изломано. Полумертвая Полина, съ окровавленнымъ лицомъ, съ синими пятнами на тѣлѣ, съ распущенными волосами, едва держалась на ногахъ.

Побѣжали поспѣшно за Докторомъ; при видѣ печальнаго зрѣлища, представившагося его взорамъ, онъ грустно вздохнулъ.

— Видите ли, сударыня, сказалъ онъ, мои предсказанія сбылись. И ваша жизнь, и жизнь вашего сына подвержены опасности отъ безумія несчастнаго: вамъ должно рѣшиться на разлуку.

— На это у меня никогда не достанетъ духу, сударь

— Однакоже это необходимо; я, какъ Докторъ, имѣю право требовать этого, и настаиваю на томъ, чтобы его удалить.

Онъ послалъ за фіакромъ и сдѣлалъ знакъ Полинѣ, чтобъ она ушла.

— Не присутствуйте при этой печальной сценѣ, сударыня; удалитесь отсюда; болѣзнь несчастнаго такого рода, что нужно будетъ принять тягостныя предосторожности.

— Ахъ, сударь! послѣ такой ночи, какую провела я, у меня достанетъ мужества для перенесенія всевозможныхъ горестей.

Трое человѣкъ вошли въ комнату, чтобъ надѣть на несчастнаго, обыкновенную куртку, надѣваемую на безумныхъ. Шумъ ихъ шаговъ разбудилъ Жоржа, онъ поднялъ голову, и осмотрѣвшись кругомъ, старался понять, что значитъ этотъ безпорядокъ и изломанная мебель. Закрывъ лицо обѣими руками, онъ собралъ свои мысли, и понялъ все.

Тогда голова его печально склонилась на грудь.

— Такъ вотъ что сдѣлалось со мною! сказалъ онъ Полина! Адріень! жена, сынъ!.... не ранилъ ли я ихъ въ своемъ безуміи? гдѣ они? я хочу ихъ видѣть, хочу прижать ихъ къ своему сердцу.

Digitized by Google

Полина бросилась въ объятія мужа.

— Какъ? сказалъ Жоржъ, раздѣливъ ея волосы, какъ я изранилъ тебя, тебя, которую я сдѣлалъ столь несчастною! о! ты должна проклинать меня!

— Оставимъ эти печальныя воспоминанія, Жоржъ! это былъ горячечный бредъ; теперь все прошло, Жоржъ, ты здоровъ, слава Богу!

— Здоровъ! ахъ! да; я былъ очень боленъ! меня мучили безпокойныя видѣнія! Злой духъ показывалъ мнѣ золото, и въ замѣнъ требовалъ крови! Это былъ сонъ, ужасный сонъ! но, теперь все прошло! я дышу свободнѣе, сердце бьется тише, мнѣ, кажется, даже глаза мои сдѣлались яснѣе. Полина, приведи ко мнѣ сына, послѣ такихъ страданій мнѣ необходимые его ласки.

— Слава Богу! прошептала Полина, онъ спасенъ.

— Онъ погибъ! сказалъ тихонько Докторъ; все что онъ говорилъ теперь, суть признаки новаго припадка. Берегитесь, не приводите къ нему ребенка; подите сами къ нему, и останьтесь тамъ до тѣхъ поръ, пока я самъ приду за вами. Всѣ эти тягостныя ощущенія истощаютъ ваши силы, а ваше здоровье слишкомъ драгоцѣнно для вашего сына,—зачѣмъ безъ нужды подвергать себя опасности.

Несчастная молодая женщина повиновалась Доктору, и удалилась въ каморку, гдѣ Адріенъ спалъ тихимъ глубокимъ сномъ. Она-было сѣла подлѣ него, но скоро отъ сильнаго волненья чувствъ принуждена была встать: какое-то гибельное предчувствіе влекло ее къ окну; она отворила его, чтобы ей можно было услышать, когда отправится карета.

Сперва она ничего не слыхала: но потомъ она могла различить голоса, смѣнившіеся криками и борьбою. Вдругъ разбилось окно, стекла съ металлическимъ звукомъ зазвенѣли на камняхъ. Вслѣдъ за симъ раздался глухой, страшный шумъ падающаго тѣла, и исчезъ на мостовой.

— Онъ умеръ! вскричали прохожіе, остановившіеся для того, чтобы поднять трупъ.

ГЛАВА V.

Вдова.

Г-жа Ванъ-Эйкенсъ покорилась бѣдности почти шутя; но при ужасной смерти мужа, она лишилась силъ и муже-

Digitized by Google

ствa. Упавъ подъ гнетомъ этого испытанія, она предалась жестокой горести, превратившейся въ нервическую болѣзнь, которая помрачила ея разсудокъ, и ввергла ее въ такую слабость, что она почти не вставала съ постели. Дневной свѣтъ, шумъ, малѣйшее движеніе причиняли ей невыносимую головную боль. Белла съ трудомъ могла исправлять необходимыя домашнія заботы, не растревоживъ Полины. Въ нѣкогда миломъ, чистенькомъ, веселенькомъ жилищѣ царствовала одна нищета во всемъ страшномъ своемъ могуществѣ. Не было ни гармоніи, ни этой щеголеватости, которая украшаетъ все. Мебель, изломанная Г-мъ Ванъ-Эйкенсомъ, не была замѣнена новою, но связана и починена кой-какъ усердною Беллою. Зашитыя занавѣски потеряли свой прежній видъ, испортившіеся часы давно не показывали времени, разбитыя зеркала были склеены бумагою, и все это, не смотря на заботливость Беллы, покрылось густымъ слоемъ пыли. Г-жа Ванъ-Эйкенсъ не занималась ни чѣмъ, была равнодушна ко всему, малѣйшее приказаніе причиняло ей жесточайшую боль. Белла управляла всѣмъ хозяйствомъ, и огорченная тѣмъ, что ни ея силы, ни работа, ни терпѣніе не достаточны для домашнихъ расходовъ, повѣряла свои горести сосѣдямъ и сосѣдкамъ, и просила у нихъ совѣтовъ. Эти съ дерзкимъ любопытствомъ, которое принимали за сострадание, мѣшались въ дѣла Г-жи Ванъ-Эйкенсъ, перетолковывали ихъ съ нескромнымъ сожалѣніемъ, и сверху до низу, во всемъ домѣ, только и было толковъ, что о несчастной вдовѣ. Ея бѣдность, нѣкогда столь достойная, переносимая съ такимъ благородствомъ, сдѣлалась теперь предметомъ дерзкаго сострадания людей грубыхъ и безжалостныхъ. Простодушная Белла вѣрила ихъ мнимому участію, и даже въ самыхъ бездѣлицахъ требовала ихъ совѣта. Часто, какъ безпокойныя мухи, онѣ проникали въ комнату ея барыни, надоѣдали предложеніями своихъ услугъ, разсуждали объ ея болѣзни, критиковали Докторскія предписанія. Не имѣя ни силъ, ни мужества прогнать ихъ, Полина позволяла имъ болтать, переносила въ молчаніи ихъ грубое участіе, не имѣла даже духу сказать Беллѣ, какъ обезпокоивало ее это несносное общество.

Докторъ Дестресъ часто посѣщалъ Г-жу Ванъ-Эйкенсъ; онъ настоялъ на томъ, чтобъ маленькаго Адріена помѣстили въ ближнюю школу. При появленіи Доктора весь этотъ

Digitized by Google

сбродъ разбѣгался въ разныя стороны, потому что онъ былъ явный врагъ подобныхъ сходбищъ. Онъ бранилъ Фламандку, разгонялъ праздныхъ, и оказывалъ Г-жѣ Ванъ-Эйкенсъ живѣйшее участіе, не предвидя конца ея нервической болѣзни. Наука недѣйствительна противъ душевныхъ недуговъ. Г-нъ Дестресъ старался подкрѣплять мужество Полины, прописывалъ наудачу лекарства, на дѣйствительность которыхъ мало надѣялся, и уходилъ, ожидая, что какой нибудь случай, время, или забвеніе горестей, произведутъ въ ней благодѣтельную перемѣну.

По уходѣ Доктора всѣ сосѣди сбирались снова къ Беллѣ, чтобы узнать и перетолковать по своему всѣ малѣйшія подробности Докторскихъ замѣчаній.

Одинъ низенькій старичокъ, по имени Мюсо, которому богатство давало много кредиту въ домѣ, часто изъ праздности покидалъ свой вторый этажъ, чтобы принять участіе въ болтовнѣ женскаго совѣщанія. Онъ говорилъ мало, хотя слова его, подкрѣпляемыя десятью тысячами ливровъ годоваго дохода, имѣли большой вѣсъ въ этомъ обществѣ. Трудно было рѣшить, что привлекало его туда: праздность, любопытство или участіе? Но какъ бы то ни было, онъ вперся къ Ванъ-Эйкенсъ, и завладѣлъ въ ея комнатѣ, какъ будто бы по праву принадлежащимъ ему мѣстомъ. Иногда по цѣлому часу просиживалъ около ея постели, не открывая рта, порою проговаривалъ два, три незначащихъ слова, нюхалъ табакъ, и удалялся, когда желудокъ докладывалъ ему время обѣда.

Это общество, нимало не сходное съ воспитаніемъ Полины, сдѣлалось однако же для нея почти необходимымъ, въ ея слабомъ, отчужденномъ состояніи; она чувствовала себя не столь уединенною, когда Г-нъ Мюсо сидѣлъ подлѣ нея съ своими ежедневными новостями о дождѣ, о погодѣ, о цѣнахъ на хлѣбъ.

Однажды, пришедъ навѣстить свою сосѣдку, онъ увидѣлъ въ комнатѣ необыкновенное движеніе. Полина сидѣла на постелѣ, поддерживая обѣими руками свою голову, и пробѣгая глазами расходную книгу. Белла въ страхѣ, въ раскаяніи стояла предъ нею.

Увы! цѣлыя двѣ недѣли Белла одна снабжала домашніе расходы, перезаложивъ всѣ свои платья; въ домѣ не оста-

Digitized by Google

валось ни копѣйки; истощивъ всѣ средства, бѣдная служанка принуждена была сдѣлать это тягостное признанье Госпожѣ своей. Этотъ внезапный, жестокій ударъ вывелъ Полину изъ ея болѣзненнаго самозабвенія, и почти подѣйствовалъ на ея излеченіе. Предъ голодомъ и нищетою болѣзнь исчезла; одна горесть побѣдила другую.

— Что дѣлать? что дѣлать? лепетала она съ тоскою, въ ту минуту, когда вошелъ Г-нъ Мюсо.

Этотъ, по одному взгляду, отгадалъ причину волненія двухъ женщинъ. Боясь, чтобы у него не вздумали просить денегъ, онъ хотѣлъ-было удалиться; но какое-то доброе чувство — весьма рѣдкое въ мелкихъ коммерческихъ сердцахъ, заставило его войти и занять обычное свое мѣсто. Онъ былъ растроганъ жалостію при видѣ мрачнаго отчаянія Беллы и лихорадочнаго состоянія Полины. Отъ прежней красоты ея едва осталось нѣсколько слѣдовъ: ослабѣвшая отъ продолжительныхъ страданій, блѣдная, исхудавшая, съ распущенными волосами, она походила на привидѣніе.

— Нѣтъ ничего! ни одной копейки, шептала Полина, не замѣчая присутствія незнакомца.

Г-нъ Мюсо кашлянулъ потихоньку, чтобы заставить ее обратить на себя вниманіе.

— Не бойтесь, сударь, сказала она съ прискорбіемъ; мы сейчасъ выѣдемъ изъ этого дома. Лучше умереть теперь, нежели завтра.

— Успокойтесь, сосѣдка, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ Г-нъ Мюсо; я не намѣренъ увеличивать вашего горестнаго положенія: живите въ этой комнатѣ сколько вамъ угодно; я, слава Богу, довольно богатъ; двѣсти франковъ въ годъ не сдѣлаютъ меня бѣднѣе.

Полина прошянула ему руку.

— Простите меня, сказала она, но, если бы вы знали, какъ я страдаю! Боже! Боже мой! какъ счастливы мертвые!

— Такихъ словъ не должно говорить, прервалъ Мюсо, съ такимъ чувствомъ, отъ котораго давно отвыкъ. Отчаяніе не ведетъ ни къ чему. Бывало случалось и со мною, что я готовъ былъ бросить топорище вслѣдъ за топоромъ; а теперь, слава Богу, судьба моя обезпечена. Если хотите принять мои совѣты и мои услуги, то я готовъ сдѣлать

Digitized by Google

для васъ то, чего еще за минуту предъ симъ не сдѣлалъ бы ни для кого.

— Я слѣпо послѣдую совѣтамъ вашимъ.

— Ну! такъ позвольте откровенно и со всею преданностію объясниться съ вами: вы должны выдти изъ этого унынія, которому предаетесь со времени кончины своего мужа; видите сами: одной воли достаточно для этого; вы теперь почти здоровы, опъ того, что перенесли жестокое потрясеніе. Вы мать, у васъ есть сынъ, подумайте, что вы нужны для него. И такъ сперва вамъ надобно выздоровѣть, а несчастіе, сами видите, помогло вамъ лучше всякихъ лекарствъ. Теперь подумаемъ о средствахъ, чтобы найти для васъ мѣсто, которое бы могло доставить вамъ способы воспитать своего сына. Вышиваніемъ вы ничего не сдѣлаете. Вооружитесь же мужествомъ: браните меня, негодуйте на меня, обѣщайте только, что размыслите о моемъ совѣтѣ. Вы молоды; чрезъ нѣсколько недѣль ваша красота возвратится во всемъ своемъ блескѣ. Вы получили отличное воспитаніе, доставляющее вамъ способы исполнить, впрочемъ довольно легкія обязанности того званія, какое я вамъ назначаю. Позвольте мнѣ помѣстить васъ въ контору кофейной въ Пале-Роялѣ.

Г-жа Ванъ-Эйкенсъ, устремивъ взоры на Мюсо, слушала его съ тоскливымъ ожиданьемъ. Когда онъ кончилъ, она съ отвращеніемъ отвернулась.

— О! я очень вѣрю, что для женщины, нѣкогда богатой, и занимавшей отличное мѣстп въ свѣтѣ, для женщины, привыкшей въ особенности къ скромности, такой шагъ чрезвычайно труденъ! Но у насъ нѣтъ средства къ выбору. Надобно выбрать одно изъ двухъ: или бѣдность, или необходимость, которую она налагаетъ. Сынъ мой содержитъ кофейную, отъ которой я пріобрѣлъ свое богатство. Важная болѣзнь принуждаетъ жену его оставить контору, гдѣ она до сихъ поръ съ гордостію и съ честью занимала свое мѣсто. Замѣните ее; я васъ увѣряю, что вы найдете тамъ все уваженіе и вниманіе, какого вы достойны. Сынъ мой характера крошкаго, онъ будетъ умѣть оцѣнить васъ; ибо ваше присутствіе въ его домѣ принесетъ и вамъ и ему большую выгоду. На первый годъ вы будете получать тысячу франковъ жалованья; всѣ расходы, касающіеся до наряда, заведеніе

Digitized by Google

берешъ на себя. Прощайте, теперь не отвѣчайте мнѣ ни слова! Размыслите хорошенько, прежде нежели вздумаете отказаться отъ моихъ предложеній; завтра я приду за отвѣтомъ.

Онъ проскользнулъ изъ комнаты, сдѣлавъ знакъ Беллѣ, чтобъ она послѣдовала за нимъ.

— Вотъ сто франковъ для необходимыхъ нуждъ госпожи твоей, сказалъ онъ удивленной служанкѣ; я вычту ихъ изъ ея жалованья.

Г-нъ Мюсо возвратился домой, и радуясь и досадуя самъ на себя за участіе, какое принималъ въ молодой женщинѣ. Полина, оставшись одна, долго съ ужасомъ и отвращеніемъ разсматривала предложенія старика. Какъ ни старалась смотрѣть на нихъ благосклоннѣе, ея правила стыдливости и приличія возмущались при мысли, что она должна выставишь себя на показъ въ родѣ вывѣски; подвергнуть себя дерзкимъ взглядамъ посѣтителей кофейной, выносить ихъ шутки, стараться заслужить ихъ благосклонность, все это казалось ей поруганіемъ ея правилъ. Должно будетъ рядишься, улыбаться, какъ актриса, и быть можетъ, увидѣть нѣкогда тѣхъ, которые знали ее прежде совсѣмъ въ другомъ положеніи! О! никогда! никогда! лучше умереть!

Но ея ребенокъ, ея сынъ, у котораго нѣтъ другой подпоры въ мірѣ, кромѣ матери! ея сынъ, котораго ожидаетъ бѣдность и несчастіе! ея сынъ, который вступитъ въ свѣтъ одинокимъ сиротою, не приготовившись воспитаніемъ бороться съ бѣдствіями! Что значитъ мнѣніе свѣта и пустая разборчивость предъ такими обязанностями! Развѣ въ своей совѣсти она будетъ менѣе чиста передъ Богомъ? нерѣшительность съ ея стороны была бы непростительною слабостію, проступкомъ! Когда Провидѣніе посылаетъ ей такія испытанія, то должно переносить ихъ съ мужествомъ! Да, для сына она перенесетъ все, покорится всему! въ объятіяхъ сына она обрѣтетъ нужныя для сего силы; любовь къ нему, его присутствіе подкрѣпятъ ея мужество.

Пока она разсуждала такимъ образомъ, пріѣхалъ Докторъ и удивился, нашедъ такой удивительный переломъ въ ея болѣзни. Она разсказала ему все свое положеніе, свою бѣдность, предложенія Г-на Мюсо, и свою рѣшимость принять ихъ, не смотря на непобѣдимое къ тому отвращеніе. Г-нъ Деспресъ удивлялся ей, оправдалъ ея намѣренія, ободрилъ ее.

Digitized by Google

— Будьте увѣрены, сударыня, что всѣ ваши друзья раздѣлятъ съ вами ваши чувства, прибавилъ онъ: и докажутъ вамъ это, оказывая вамъ еще болѣе почтенія и уваженія, нежели прежде. Поѣдемте на нѣсколько дней ко мнѣ на дачу. Женѣ моей пріятно будетъ пріобрѣсть дружбу такой достойной особы: мы возьмемъ съ собою вашего сына, сельскій воздухъ принесетъ вамъ обоимъ много пользы. Ну! дайте же руку; вы согласны, не правда ли? Одѣвайтесь! а я между тѣмъ схожу къ Г-ну Мюсо, и увѣдомлю его, что вы согласны на его предложенія, и что чрезъ двѣ недѣли вступите въ новую свою должность; потомъ возьму сына вашего изъ пансіона. Карета моя внизу, и мы нынче же вечеромъ пріѣдемъ въ свою Сенпъ-Морскую хижинку.

Г-жа Ванъ-Эйкенсъ одѣлась, дивясь собственнымъ силамъ. Сѣла въ карету, радуясь, что не чувствуетъ тряски отъ колесъ, тогда, какъ прежде, малѣйшее движеніе причиняло ей нестерпимую боль.

ГЛАВА VI.

Перемѣна жизни.

Если болѣзнь даетъ, такъ сказать, тѣлу душѣ: то выздоровленіе придаетъ тѣлу духовное свойство. Растерзанныя, окостенѣлыя отъ боли чувства оживаютъ къ неизъяснимому свѣтлому блаженству дѣвственной чистоты: ибо давно уже сочувствіе земныхъ страстей не прикасалось къ нимъ болѣе. Тутъ чувствуешь одно счастіе—возвращеніе къ жизни; въ это время въ душѣ остается еще нѣчто отъ таинственныхъ ароматовъ неба, котораго предѣловъ мы почти коснулись, ступивъ, такъ сказать, одною ногою предѣловъ смерти Въ это время въ душѣ нашей одна радость, одно блаженство: и голубое небо съ его сизыми облаками, и поющая птичка, и воздухъ, которымъ дышишь, и цвѣты, которыми восхищаешься, и плоды, услаждающіе вкусъ! Всѣ горестныя воспоминанія погружены въ Лету, преданы забвенью; нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго; въ душѣ одна мысль, въ сердцѣ одно ощущеніе, на которыя едва станетъ

Digitized by Google

нашихъ способностей; эта мысль, это ощущеніе выражается однимъ могущественнымъ словомъ: жить!

Полина, освободившись отъ жестокой болѣзни, безъ имени, которая желѣзнымъ обручемъ сжимала ей голову, и терзала ей мозгъ острыми когтями; смѣнивъ свою маленькую комнатку на свѣтлую свободу полей, возвратившись къ своимъ ощущеніямъ, къ своимъ привязанностямъ, Полина ежеминутно благодарила Бога, цѣловала сына, и съ признательностію пожимала руки своихъ преданныхъ друзей, окружившихъ ее такими заботливыми попеченіями? Она нашла въ Г-жѣ Дешресъ женщину простосердечную, любящую, приготовленную разсказами Доктора любить молодую женщину, которой несчастія и мужество были ей извѣстны Съ первой же недѣли пребыванія въ Сенъ-Морѣ, красота Полины возвратилась во всемъ своемъ блескѣ; прежнюю блѣдность и худобу замѣнила полнота, которая придавала столько прелести ея дѣвственной и правильной физіономіи; ея улыбка воспріяла опять свое крошкое спокойствіе, въ ея бархатно-черныхъ глазахъ не осталось и слѣдовъ отъ прежняго лихорадочнаго блеска.

Каждое утро жена Доктора будила Полину, которая накинувъ на себя пеньуаръ, брала за руку Адріена, и въ обществѣ новой своей подруги уходила гулять въ Венсенскій лѣсъ, или по живописнымъ, восхитительнымъ берегамъ Марны. Ребенокъ шелъ впередъ, останавливался безпрестанно, и оглядывался, чтобъ взглянуть на мать, на свою счастливую мать, которая дрожала отъ восторга и блаженства при взглядѣ на сына. Ловилъ ли онъ бабочку, приносилъ ее Полинѣ, которая пускала ее на волю; срывалъ ли цвѣтокъ, онъ украшалъ имъ голову или грудь Полины. Или порою, съ одушевленнымъ взоромъ, и навостривъ ухо, онъ одною ручонкою дѣлалъ знакъ матери, чтобъ она подходила слишкомъ близко, а другую протягивалъ къ кусту, чтобъ поймать пташку; но скоро неловкое движеніе маленькаго охотника спугивало малиновку, которая, вспорхнувъ, исчезала въ воздухѣ, бросивъ ему, на прощанье, свою насмѣшливую пѣсенку. Порою гонялся за позлащеною ящерицею, или за какимъ нибудь красивымъ насѣкомымъ, похожимъ и на изумрудъ и на сафиръ, и на яхонтъ, на всѣ блестящія сокровища Царства минераловъ. Мать не спускала съ него глазъ, ко-

Digitized by Google

гда онъ порхалъ, какъ рѣзвая пчелка, распустивъ шелковистые локончики по волѣ вѣтра. Часто надобно было долго кричать, чтобъ Адріенъ, услышавъ, прибѣгалъ къ машери, и подставлялъ свой бѣленькій лобикъ и разгорѣвшіяся щечки ея нѣжнымъ поцѣлуямъ.

Двѣ недѣли прошли такимъ образомъ, безъ всякой горестной мысли, безъ всякаго возврата къ прошедшему, безъ малѣйшей заботы о будущемъ: двѣ недѣли забвенья, блаженства и восторга, которымъ, казалось, помогала сама природа; ибо ночью благодѣтельный дождь орошалъ землю, освѣжалъ утренній воздухъ, умѣрялъ полуденные жары. По истеченіе этого времени, Полина, возвратившись съ прогулки съ Андріеномъ и Г-жею Дестресъ, застала дома двухъ портныхъ съ письмомъ къ ней отъ Г-на Мюсо. Вотъ что онъ писалъ:

„Сынъ мой посылаетъ вамъ, сударыня, нѣсколько платьевъ, которыя пошрудитесь примѣрить, чтобы они могли „быть готовы къ завтрашнему дню, назначенному вами для „вступленія въ новую вашу должность.

„Преданный вамъ

„Мюсо.“

При чтеніи этого письма, все счастіе, вся радость Полины исчезли. Изъ міра идеальнаго она опять попала въ міръ вещественный, отъ блаженства перешла къ страданьямъ: она вспомнила и прошедшее и будущее!

— Пойдемте, сказала она со вздохомъ швеямъ.

Она отвела ихъ въ свою комнату. Онѣ развязали узлы, въ которыхъ было шесть платьевъ изъ нарядной, блестящей матеріи, съ открытымъ воротомъ, съ короткими рукавами.

— Это или грубая ошибка, или излишнее усердіе ко мнѣ Г-на Мюсо, сказала она. Я не въ такомъ положеніи, чтобъ могла надѣвать бальныя платья, къ тому же я въ траурѣ по мужѣ, и намѣрена носить трауръ два года, по обычаю нашей земли.

Швеи переглянулись съ дерзкимъ удивленіемъ.

— Вы можете носить трауръ, сказала одна изъ нихъ съ скрываемой улыбкою, когда вы будете внѣ конторы; но Г-нъ Мюсо вѣрно не полагаетъ, что въ его конторѣ будетъ сидѣть дама въ утреннемъ платьѣ, или въ траурѣ.

— Къ тому же трауръ вовсе бы не согласовался съ тѣмъ кресломъ, какое вамъ назначено.

Digitized by Google

— Какое же это кресло? спросила Полина, чрезвычайно удивленная.

— Самое богатое, украшенное золотомъ, драгоцѣнными камнями, настоящій тронъ. За это кресло Г-нъ Мюсо заплатилъ чистымъ золотомъ.

Ноги Полины подогнулись и она чуть не упала въ обморокъ. И такъ вотъ какая участь ожидаетъ ее! она должна сдѣлаться вывѣскою, подвергнуть себя грубому, дерзкому любопытству толпы. Слезы ея брызнули ручьями, и изъ стѣсненной груди раздались горькія рыданія. Г-жа Дестресъ побѣжала за Адріеномъ; встревоженный отчаяніемъ матери, ребенокъ бросился въ ея объятія.

Полина вскочила, поблагодарила Г-жу Дестресъ выразительнымъ взоромъ, потомъ сказала отеревъ слезы:

— Это ребячество простительно, это остатки моей нервической болѣзни, отъ которой я такъ страдала.

И принявъ на себя равнодушный видъ, она, съ холоднымъ отчаяніемъ, позволила швеямъ примѣривать на себѣ платья, не оказывая ни малѣйшей слабости.

Потомъ написала къ г-ну Мюсо отвѣтъ, въ которомъ объявила ему, что на другой день, какъ обѣщала, она намѣрена вступить въ свою должность.

Послѣдній вечеръ, проведенный ею у Г-жи Дестресъ, былъ очень печаленъ. Обѣ женщины разговаривали о постороннихъ вещахъ; между тѣмъ у одной отчаянье грызло сердце, другая ощущала живѣйшее состраданіе къ своей злополучной подругѣ. Полина провела всю ночь безъ сна; на другой день она пришла проститься съ Докторской женою, которая изъявила желаніе проводить ее въ Парижъ.

— Ваше присутствіе для меня драгоцѣнно, отвѣчала Г-жа Ванъ-Эйкенсъ; но къ чему подвергать себя безполезной горести. Съ моей стороны лучше, не оглядываясь назадъ, броситься на поприще моего новаго существованія, нежели вторично испытывать горесть разлуки. Здѣсь я покидаю, за разъ, все мое блаженство. Быть можетъ изрѣдка мнѣ позволено будетъ придти сюда, чтобы опять насладиться имъ.

Она съ нѣжностію поцѣловала Г-жу Дестресъ, взяла Адріена за руку, и сѣла въ карету, гдѣ Докторъ уже ждалъ ее. Когда она перестала видѣть прощальные знаки Г-жи Дестресъ, то отерла слезу, послѣднюю слезу, которую

Digitized by Google

должна была пролить въ этомъ важномъ испытаніи, и повторила про себя:

— Да будетъ воля Божія!

Пріѣхавъ въ Парижъ, Г-жа Ванъ-Эйкенсъ отвезла сына въ пансіонъ, рекомендованный Г-мъ Дестресъ, гдѣ онъ былъ домовымъ Докторомъ. Она сдѣлала малюшкѣ хорошенькое наставленіе, поцѣловала его, отрѣзавъ локонъ отъ его волосъ, который спряшала на груди своей, въ молчаніи пожала руку Г-ну Дестресъ, сѣла въ фіакръ, и отправилась въ улицу Валуа, гдѣ Г-нъ Мюсо назначилъ ей свиданіе. Старикъ ждалъ ее въ покоѣ четвертаго этажа. Изломанная мебель Полины была поправлена или замѣнена новою; наконецъ прежній содержатель кофейной, по тонкому вниманію, внушенному Беллою, придалъ новому жилищу Полинину видъ ея комнашки въ улицѣ Мучениковъ.

— Милости просимъ, сказалъ Г-нъ Мюсо, прошу вступить во владѣніе вашего новаго жилища: завтра въ два часа моя невѣстка сама будетъ присутствовать при вашемъ нарядѣ, а въ четыре я васъ отведу въ контору.

Онъ далъ ей нѣсколько наставленій, о томъ, какъ должно содержать конторскія книги, объяснилъ ей со всею тонкостію, которой почти нельзя было подозрѣвать въ немъ, какимъ образомъ молодая женщина должна вести себя съ посѣтителями заведенія; онъ кончилъ свои дружескія наставленія изъявленіемъ живѣйшаго участія къ молодой вдовѣ.

— Я съ своей стороны, прибавилъ онъ, каждый день, въ хорошую погоду, буду навѣщать вашего сына: это будетъ, вопервыхъ, пріятно для васъ и полезно для моего здоровья. И такъ прощайте. Завтра я самъ буду надзирать за вашимъ первымъ дебютомъ.

— Да, вы правы! это мой дебютъ, повторила Полина вздохнувъ; потому что отнынѣ я на театрѣ, и занимаю послѣднее мѣсто въ числѣ актрисъ.... Только у меня взамѣнъ всего пожертвованія не будетъ никогда ни шаланшовъ, ни славы ... Адріенъ! Адріенъ! вскричала она съ тоскою; посреди этихъ искушеній, меня ожидающихъ, ты одинъ будешь моею постоянною мыслію!

На другой день, ровно въ два часа, Г-жа Мюсо явилась къ Полинѣ, съ парикмахеромъ, который тотчасъ присту-

Digitized by Google

пилъ къ своему дѣлу. Онъ взгромоздилъ изъ безподобныхъ волосъ Полины родъ этажей, безъ всякой гармоніи съ благородною физіономіею Г-жи Ванъ-Эйкенсъ. Какъ мало ни занималась она своей красотою, но не могла удержаться отъ нѣсколькихъ замѣчаній. Г-жа Мюсо прекратила ихъ, объявивъ, что парикмахеръ знаетъ свое дѣло, и соображается съ ея волею. Полина покорилась, и позволила одѣвать себя, какъ хотѣли.

На Полину надѣли бархатное пунцовое платье: ея открытыя руки и плеча Канова избралъ бы въ образецъ для своей Гебы. Потомъ Г-жа Флора Мюсо вынула изъ ларчика богатое ожерелье грубой и тяжелой отдѣлки, и покрыла имъ безъ сожалѣнья изящныя формы шеи Полины; тонкія кисти руки ея заковала въ гигантскія браслеты, и наконецъ бросивъ на нее торжествующій взглядъ:

— Теперь вы по истинѣ прекрасны, сказала она.

Полина не могла удержаться, чтобы не взглянуть въ зеркало: она почувствовала глубокое униженіе, видя себя одѣтою такъ безвкусно и неприлично. Но мысль о сынѣ побѣдила это чувство, и чтобъ совершенно истребить его, она поспѣшила спросить у Беллы свой салопъ.

— Салопъ! вскричала Флора Мюсо. А зачѣмъ это? Чтобъ измять кружево и испортить прическу?

— Но нельзя же мнѣ въ такомъ нарядѣ перейти чрезъ улицу.

— Я цѣлыя пятнадцать лѣтъ проходила чрезъ нее! отвѣчала съ ѣдкостію бывшая содержательница кофейной, досадуя быть можетъ внутренно, что принуждена была сложить съ себя должность въ пользу такой соперницы, какъ Полина.

Г-жа Ванъ-Эйкенсъ, не сдѣлавъ болѣе никакого возраженія, сошла съ лѣстницы, и перешла чрезъ улицу съ краскою стыда на челѣ. Она вошла въ кофейную; тамъ ждалъ ее Г-нъ Мюсо съ сыномъ. Старикъ взялъ ее за руку, и повелъ въ контору.

Контора устроена была по срединѣ кофейной, такъ что ее можно было видѣть изъ наружной галлереи, хотя и нельзя было разсмотрѣть чертъ лица сидящей въ ней дамы. Все было устроено такъ, чтобы еще болѣе возвысить красоту Полины: богатое кресло, усѣянное звѣздочками, укра-

Digitized by Google

шенное позолотою, бѣлая атласная скамѣечка, на которой должны были покоиться маленькія ножки Полины, обутыя въ черные атласные башмачки. Ея гибкая, стройная талія отражалась въ огромныхъ зеркалахъ, украшающихъ залу. Когда она сѣла, то почувствовала круженіе въ головѣ, увидѣвъ собственный образъ, повторенный въ разныхъ видахъ въ безчисленныхъ зеркалахъ: все это казалось ей фантастическими видѣніями тревожнаго сна. Она не знала, куда ей дѣться отъ множества взоровъ, устремленныхъ на нее снаружи и внутри кофейной. Вездѣ толпился народъ; въ галлереи толпа оспоривала другъ у друга право подойти къ окну. Она не постигала причины этого любопытства, и этому необыкновенному стеченію народа. Увы! бѣдняжка, она не знала, что еще за недѣлю до ея прибытія, всѣ журналы повторили, что въ кофейной Пале-Рояля будетъ сидѣть дама, которая по красотѣ до сихъ поръ еще не находила соперницъ.

И такъ для мученія Полины ни въ чемъ не было недостатка: ни въ сценѣ, ни въ афишкѣ, ни въ зрителяхъ.

Посреди этого шума движенія и криковъ, она машинально исправляла свою должность, и углублялась въ это занятіе, какъ въ единственное убѣжище отъ нескромнаго любопытства толпы, и собственнаго своего смущенія. Торжествующій Мюсо, стоявшій за ея кресломъ, замѣтилъ съ удовольствіемъ, что она не сдѣлала ни одной ошибки. Когда наконецъ въ часъ пополуночи, вся зѣвающая толпа снаружи начала исчезать, и этотъ утомительный вечеръ кончился, къ измученной Полинѣ подошелъ сынъ Г-на Мюсо съ бумагою въ рукѣ:

— Мы условились, сударыня, сказалъ онъ съ улыбкою, которую старался сдѣлать какъ можно благосклоннѣе, мы условились, что вы будете получать тысячу двѣсти рублей въ годъ; вотъ условіе, по которому обязуюсь платить вамъ вдвое противъ этой суммы, если вы согласитесь остаться у меня на три года.

— Двухъ тысячъ четырехъ сотъ франковъ въ годъ недостаточно, прервалъ старикъ Мюсо; ты ихъ выручилъ нынѣшній вечеръ. Дай четыре тысячи франковъ, и я ручаюсь, что Г-жа Ванъ-Эйкенсъ пробудетъ у тебя пять лѣтъ.

Digitized by Google

Онъ взялъ условіе изъ рукъ сына, перемѣнилъ въ немъ, что было нужно, и заставилъ Полину и сына подписать его: далъ каждому изъ нихъ по экземпляру и проводилъ Полину домой. Пока молодая женщина, измученная страннымъ вечеромъ, котораго была героинею, освобождала себя отъ нарядовъ, и благодарила Бога за ниспосланныя ей силы въ этомъ тяжкомъ испытаніи, и за богатство Адріену, оба Мюсо толковали съ восторгомъ о своей находкѣ.

— Шесть тысячъ франковъ въ полученіи! говорилъ сынъ.

— А ты вздумалъ предлагать этой женщинѣ сто луидоровъ, чтобы заставить ее поколебаться. Если бы она потребовала шесть тысячъ франковъ, ты не смѣлъ бы отказать ей. По ея милости твое заведеніе войдетъ въ славу и ты разбогатѣешь чрезъ два года.

ГЛАВА VII.

Дебюты Полины.

На другой день во всемъ Парижѣ только и было толковъ, что о прекрасной лимонадчицѣ. Хвалили съ энтузіазмомъ необыкновенное совершенство въ чертахъ ея лица, блескъ ея глазъ, ея превосходные волосы, прелестную ручку, ея китайскую ножку, изящную граціозность ея тонкой таліи. За то съ самаго утра всѣ входы въ Пале-Роялѣ были запружены народомъ; а кофейная наполнилась до того, что негдѣ было сѣсть. На улицѣ жандармы разгоняли народъ, потому что не было проѣзда каретамъ.

Когда наконецъ въ четыре часа Полина сѣла на свое мѣсто, то шумъ и восклицанія продолжались около часа. Въ этотъ день она была еще прекраснѣе, потому что сама распорядилась своимъ нарядомъ, отстранивъ докучливую услужливость Флоры Мюсо. На улицѣ народъ, не могшій видѣть Полины, шумѣлъ и волновался до того, что она принуждена была подойти къ окну. Онъ встрѣтилъ ее восклицаніями и криками *Да здравствуетъ прекрасная лимонадчица!* и осыпалъ ее дождемъ цвѣтовъ. Во всѣхъ журналахъ гремѣло ея имя, въ честь ея сочинено было нѣсколько водевилей. Директоры театровъ дѣлали ей самыя блестящія предложенія,

Digitized by Google

если только она согласится явишься въ пьесахъ безсловеснымъ лицомъ. Одинъ содержатель кофейной предлагалъ ей двадцать пять тысячь франковъ въ годъ, чтобъ она согласилась перейти къ нему, отказавшись отъ Г-на Мюсо. Уничтоженіе контракта, заключеннаго Полиною, онъ бралъ на себя. Г-жа Ванъ-Эйкенсъ отвѣчала на всѣ эти предложенія отказами, объявивъ, что хотя бы и не существовало никакого условія между ею и Г-мъ Мюсо, она не менѣе того почитала бы себя связанною однимъ своимъ честнымъ словомъ. Всѣ эти подробности сдѣлались извѣстными, и къ удивленію о волшебной красотѣ молодой женщины, присоединилось удивленіе къ ея чувствамъ благородной героини. Новый водевиль пришелъ на помощь къ журналамъ для обнародыванія ея безкорыстныхъ и благородныхъ поступковъ. Г-нъ Мюсо, котораго богатство быстро возрастало, назначилъ ей двѣнадцать тысячь въ годъ жалованья и нѣкоторую часть изъ своихъ прибытковъ.

Положеніе Полины сдѣлалось, если не совершенно счастливымъ, то покрайней мѣрѣ болѣе сноснымъ; къ тому же и привычка сдѣлала его не столь тягостнымъ. Она перемѣнила свои открытыя, бальныя платья, на черную одежду, которая щеголеватостію ни въ чемъ не уступала первымъ, и чрезвычайно шла къ ея правильной и меланхолической физіономіи. Женщины тотчасъ замѣтили, что она въ одеждѣ своей руководствуется изящнымъ вкусомъ съ самою строгою скромностію, и начали во многомъ подражать ей. Она замѣнила коротки, безобразныя шаліи длинными стройными корсажами, ввела въ употребленіе гладкія золотыя браслеты, которыя назвали браслетами *à la belle limonadière*; купцы дали это же названіе новымъ матеріямъ.

Эта народность, которая прославила бѣдную женщину, нѣкогда умирающую отъ нищеты и отчужденія, не утѣшала Полины. Но за то, съ какою радостію, каждыя двѣ недѣли, она отказывалась отъ этой славы, чтобы провести въ тишинѣ и неизвѣстности цѣлый день у докторской жены, — возвратившейся въ Парижъ. Тутъ она чувствовала себя совершенно счастливою, сидя между своими двумя добрыми друзьями, съ своимъ малюткою на колѣняхъ, вдали отъ толпы, отъ удивленія, отъ шума. Къ тому же почти

Digitized by Google

каждое утро она бѣгала въ его пансіонъ, обнимала его, радовалась его успѣхамъ. Адріенъ былъ живой портретъ своей матери; онъ уже напоминалъ ея красоту, и характеръ его отличался этою благородною правдивостію и мужественнымъ постоянствомъ Г-жи Ванъ-Эйкенсъ. Такимъ образомъ она беззаботно и съ надеждою устремляла взоры свои къ будущему; съ бережливостію, почти доходящею до скупости, откладывала все свое жалованье, брала изъ него только сумму необходимую за пансіонъ ея сына. Квартира и столъ ничего ей не стоили. Белла помѣщена была въ кофейной за хорошее жалованье, и только вечеромъ находилась при ея услугахъ. И такъ она расчитывала, что по истеченіи пяти лѣтъ, у нее будетъ съ процентами около пятидесяти тысячъ Франковъ, то есть три тысячи ливровъ доходу. Къ этому должно прибавить безчисленные, богатые подарки отъ содержателя кофейной, и ея долю въ прибыткахъ, что ежегодно простиралось до тысячи ефимковъ. И такъ Адріену нечего опасаться ни нищеты, ни тягостныхъ искушеній, которыя перенесла мать. Ему не нужно будетъ сгибать выю и унижаться передъ необходимостію. Эта свѣтлая мысль безпрестанно блестѣла предъ глазами доброй матери. Она шла, впередъ устремивъ взоры, не разсчитывая ни продолжительности, ни тягости пути, не обращая вниманія на терніе, коловшее ея нѣжныя ноги. А порою ей необходимы были все мужество, все самоотверженіе, чтобы не поддаться унынію. Красота Полины, слава, которой пользовалась, самое мѣсто, занимаемое ею, навлекали ей тысячу непріятностей отъ вѣтреной молодажи; она вооружалась всѣмъ своимъ терпѣніемъ: на глупыя шутки, на дерзкія слова отвѣчала презрительнымъ взглядомъ; письма, получаемыя ею, бросала она не распечатанными въ корзинку вмѣстѣ съ уничтоженными счетами; вечеромъ, при выходѣ изъ кофейной, она имѣла обыкновеніе сожигать ихъ не читая. Наконецъ, чтобы избавиться отъ провожатыхъ, которые вечеромъ предлагали ей свои услуги, чтобы проводить ее до квартиры, она выпросила себѣ комнату на антресоляхъ въ кофейной, и такимъ образомъ избавила себя отъ ихъ преслѣдованія, и отъ языка клеветы; и скоро повсюду сдѣлалось извѣстнымъ, что *прекрасная лимонадчица* столько же благоразумна и скромна, сколько и прекрасна.

Digitized by Google

Четыре года прошекли такимъ образомъ для Полины; четыре года, въ теченіи которыхъ она свыклась съ своимъ положеніемъ, и сдѣлалась совершенно равнодушною къ ея-миаму похвалы и лести, ее окружавшимъ.

Однажды, сидя въ конторѣ, откуда она изгнала возвышенное кресло въ видѣ трона, замѣнивъ его обыкновеннымъ кресломъ, она машинально окидывала взоромъ кофейную. За столомъ сидѣло нѣсколько молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ съ наглостію устремилъ на нее взоры. Другіе, казалось подтрунивали надъ нимъ, но онъ продолжалъ съ настойчивостію смотрѣть на Полину. Наконецъ онъ позвалъ одного изъ мальчиковъ, прислуживающихъ въ кофейной, и спросилъ все что нужно для письма. Написавъ нѣсколько словъ, и сложивъ бумажку вчетверо, велѣлъ отнести къ Полинѣ. Молодая женщина, полагая, что онъ требуетъ чего нибудь изъ съѣстнаго, развернула бумагу, и прочла слѣдующее:

„Турецкую шаль за одинъ поцѣлуй!“

Она вспыхнула отъ негодованія, и съ отвращеніемъ отшолкнула бумагу. Молодый человѣкъ, разгоряченный нѣсколькими бутылками шампанскаго, всталъ изъ за-стола, и подошелъ самъ къ конторкѣ для разсчета. Онъ вынулъ изъ кармановъ горсти золота, и бросилъ ихъ передъ Полиною, которая, сложивъ истраченную сумму, взяла что было нужно, а остальное отшолкнула рукою. Незнакомецъ позвалъ мальчика, и бросивъ въ его передникъ остальные наполеондоры:

— Я велѣлъ отнесть тебѣ письмо; сказалъ онъ. Спроси отвѣтъ.

Удивленный мальчикъ устремилъ взоры на Г-жу Ванъ-Эйкенсъ.

— Отвѣтъ, сударыня! сказалъ дерзкій молодый человѣкъ.

Полина презрительно улыбнулась, и продолжала писать въ своей счетной книгѣ, повидимому съ совершеннымъ спокойствіемъ; но съ рѣсницъ ея скатилась слеза стыда и гнѣва, и смочила бумагу. Увидя это, молодой человѣкъ тотчасъ перемѣнилъ обращеніе, поклонился почтительно, и вышелъ въ молчаніи.

На другой день онъ первый явился въ кофейной, съ почтеніемъ поклонился Полинѣ, и сѣлъ въ уголъ залы, такъ

Digitized by Google

что могъ свободно ее видѣть. Онъ продолжалъ вести себя такимъ образомъ нѣсколько недѣль сряду; по истеченіи этого времени, Полина въ своей счетной книгѣ нашла слѣдующую записку:

„Мое сердце, богатство и цѣлую жизнь за одинъ только взглядъ.“

Читая эту записку, она увидѣла въ зеркалѣ устремленные на нее взоры незнакомца. Она пожала плечами, и бросила бумажку въ корзинку, въ которой лежали уничтоженные счеты.

Молодый человѣкъ закрылъ лицо руками, и казался глубоко огорченнымъ.

Нѣсколько времени спустя, послѣ шумнаго обѣда, нѣсколько молодыхъ гвардейцевъ окружили конторку. Ихъ слова и шутки показались такъ оскорбительны Полинѣ, что она встала, чтобы удалиться отсюда. Одинъ изъ нихъ хотѣлъ было удержать ее за руку; но незнакомецъ схватилъ его, и вывелъ изъ залы. Полина возвратилась на свое мѣсто, блѣдная, разстроенная, отчаянная. Она прислушивалась, устремляла взоры въ галлерею; но можно ли было что нибудь разслышать или разсмотрѣть за этимъ народомъ, безпрестанно толпившемся около оконъ, съ своимъ глупымъ и несноснымъ любопытствомъ!

Полина не спала всю ночь отъ безпокойства о томъ, кто такъ мужественно защитилъ ее.

На другой день она съ мучительною тоскою ждала минуты, когда незнакомецъ имѣлъ обыкновеніе посѣщать кофейную.

Въ этотъ вечеръ онъ не являлся; ни въ слѣдующіе дни. Не было сомнѣнія: что онъ или опасно раненъ, а можетъ быть и жизнію заплатилъ за покровительство, оказанное Полинѣ.

Два мѣсяца прошло такимъ образомъ, два мѣсяца, въ горести и сожалѣньяхъ, и мысль о незнакомцѣ ни на минуту не покидала Полину! Въ одно утро она не могла удержаться отъ радостнаго крика, при видѣ незнакомца, вошедшаго въ кофейную, и занявшаго, по привычкѣ, свое любимое мѣсто. Живо тронутая Полина, не умѣла скрыть ни своего смущенія, ни душевнаго волненія. Молодой человѣкъ не обратилъ на это никакого вниманія: онъ былъ блѣденъ, и съ

Digitized by Google

трудомъ переступалъ, опираясь на трость. Когда онъ всталъ, чтобъ выдти изъ кофейной, Полина, съ застѣнчивою скромностію, подошла къ нему:

— Я обязана вамъ живѣйшею признательностію, сказала она: и я никогда не забуду....

— Я только исполнилъ долгъ свой, сударыня; всякой другой на моемъ мѣстѣ сдѣлалъ бы тоже. Онъ почтительно поклонился, и вышелъ.

На другой день онъ возвратился къ прежнимъ своимъ привычкамъ; ни слова не говорилъ съ Полиной; только кланялся при входѣ, и при выходѣ, какъ и всѣ посѣщавшіе кофейную.

Однажды вечеромъ Докторъ Дестресъ пріѣхалъ навѣстить Полину; онъ сѣлъ подлѣ нея, долго очень дружески разговаривалъ съ нею, и на прощаньи пожалъ ей руку. Едва успѣлъ онъ выдти изъ Пале-Рояля, какъ почувствовалъ на рукѣ своей чью-то руку; онъ съ живостію обернулся, и очутился лицомъ къ лицу съ незнакомцемъ.

— Государь мой, сказалъ этотъ, почтительно снявъ шляпу предъ старцемъ, вы не другъ ли Г-жи Полины?

— Да, сударь, отвѣчалъ Докторъ.

— Прошу васъ, не приписывайте мой теперешній поступокъ, быть можетъ, довольно странный, какому нибудь легкомысленному любопытству. Я имѣю важныя и уважительныя причины, побуждающія меня къ распросамъ, которые намѣренъ предложить вамъ; клянусь вамъ въ этомъ словомъ честнаго человѣка и памятью моей доброй матери, которая съ неба слышитъ слова мои.

— Говорите, сударь, отвѣчалъ Докторъ.

— Свободно ли сердце Полины? Ибо, прибавилъ онъ, извините меня, что я такъ дружески называю ее, ея фамилія мнѣ неизвѣстна.

Докторъ, при этомъ вопросѣ, взглянулъ на незнакомца съ нерѣшимостію и удивленіемъ.

— Да, сударь, оно свободно, отвѣчалъ онъ наконецъ; ибо, если бы Полина любила кого нибудь, то вѣрно бы ввѣрила мнѣ свою тайну.

— Она никогда не изъявляла вамъ никакого участія къ кому нибудь изъ посѣщающихъ кофейную.

Digitized by Google

— Она только говорила мнѣ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который однажды вечеромъ защитилъ ее отъ грубостей гвардейскихъ офицеровъ; но это участіе весьма естественно: она опасалась, чтобы молодой человѣкъ не сдѣлался жертвою своего великодушія.

— А позвольте узнать объ ея происхожденіи, ея фамиліи? продолжалъ молодой человѣкъ. Говорите безъ боязни, сударь, безъ утайки, я васъ прошу о томъ именемъ всего, что есть для меня святаго въ мірѣ

— Ея происхожденіе очень благородно, сударь; но я не желалъ бы ввѣрить ея обстоятельствъ безъ размышленія одной нескромности, или пустому любопытству.... Но вы имѣете надо мною такое вліяніе, отъ котораго я не умѣю защитишься, и ощущаю къ вамъ такую довѣренность, которую право самъ не понимаю, въ особенности, когда подумаю о томъ, что я даже и имени вашего не знаю.

— Имя мое Густавъ Матьёзенъ; я принадлежу къ благородной фамиліи въ Даніи. Прадѣдъ мой Якобёусъ Матьёзенъ, былъ знаменитымъ Медикомъ въ Копенгагенѣ, и оставилъ въ наукѣ по справедливости прославленное имя.

— Это имя давно мнѣ извѣстно; я не иначе, какъ съ удивленіемъ повторяю его. И такъ слушайте же; я разскажу вамъ все, что мнѣ извѣстно объ участи благородной и несчастной Полины Ванъ-Эйкенсъ.

Когда онъ разсказалъ все: молодость Полины, протекшую въ счастіи и роскоши, раззореніе ея мужа, ея преданность, и тяжкія испытанія, ея покорность судьбѣ и ея вдовство; ея мученья при вступленіи въ эту должность, и сколько теперь еще страдаетъ она отъ своего уничижительнаго и вмѣстѣ громкаго положенія: тогда молодый человѣкъ, тронутый до слезъ, пожалъ Доктору руку, и сказалъ ему прерывающимся голосомъ:

— Прощайте, сударь; благодарю васъ!

Онъ исчезъ во мракѣ.

Г-нъ Дестресъ остановился по среди улицы, разстроенный нѣсколько такою странною разлукою, а еще болѣе своею довѣрчивостію къ этому оригиналу. Онъ полагалъ, что всего благоразумнѣе будетъ предупредить обо всемъ Полину.

Къ великому своему удивленію, вмѣсто того, чтобы бранить его, и упрекать ему за такое неблагоразуміе, По-

Digitized by Google

лина казалось очень веселою, и выслушала его съ большимъ вниманіемъ.

Какъ совѣстливый историкъ, не стану скрывать слабости моей героини, и признаюсь, что она не заснула во всю ночь; участіе къ ней незнакомца не выходило изъ ея мыслей, и она съ нетерпѣніемъ ждала дня, въ особенности часа, когда таинственный ея защитникъ имѣлъ обыкновеніе входить въ кофейную.

Тщетно каждый разъ, когда отворялась дверь, она бросала бѣглый взоръ въ зеркало, висѣвшее предъ нею чтобы узнать, не вошелъ ли тотъ, кого она ожидала съ неизъяснимымъ трепетаніемъ сердца?

Въ этотъ вечеръ онъ не являлся, и вовсе пересталъ ходить въ кофейную.

Съ этихъ поръ посѣтители замѣтили, хотя и не угадывали причины, что Полина сдѣлалась грустна и задумчива, и на усталыхъ глазахъ ея часто оставались слѣды слезъ.

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ.

Награда добродѣтели.

Въ теченіи шести мѣсяцевъ послѣ того какъ исчезъ Г-нъ Машьёзенъ, грусть Полины, вмѣсто того, чтобы уменьшиться, еще болѣе увеличилась. Эта грусть замѣчена была всѣми, и посѣтители кофейной, дѣлая тысячу заключеній, спрашивали другъ друга, что за причина этой грусти? отъ чего прекрасное чело Полины съ каждымъ днемъ блѣднѣло? отъ чего большіе черные глаза ея окружались синею чертою. Никто не подозрѣвалъ истины; никто не догадывался, что отсутствіе одного изъ нихъ причиняло молодой женщинѣ горькія сомнѣнія и жестокое отчаяніе. Въ самомъ дѣлѣ, то она обвиняла Густава въ измѣнѣ, то упрекала сама себя въ несправедливости; потому что онъ не далъ ей никакого обѣщанія. Съ того самаго дня, когда онъ обременилъ ее всѣмъ унизительнымъ своимъ презрѣньемъ, онъ ни слова не говорилъ съ нею? Его разспросы внушены были однимъ пустымъ любопытствомъ: онъ хотѣлъ разрѣшить загадку, которая нѣсколько дней занимала его бездѣлье!.... узналъ, и уѣхалъ съ презрительной улыбкой на устахъ на счетъ прекрасной лимонадчицы.

Digitized by Google

Занятая этими мыслями, она съ трудомъ удерживала слезы, чтобы не выказать своей горести: она страдала жестоко! Порою, отвергнувъ всѣ обидныя предположенія, она съ ужасомъ помышляла: не умеръ ли онъ? — ибо, по мнѣнію ея, ничто, кромѣ смерти, не могло отдалить его отъ женщины, которую онъ самъ защитилъ отъ обиды, жертвуя собственною жизнію; отъ женщины, которая прочла во взорахъ его глубокое уваженіе и истинную привязанность къ себѣ. Не онъ ли одинъ былъ не равнодушенъ къ бѣдной женщинѣ, совершенно одинокой, посреди этой глупой, грубой толпы.

Переходя такимъ образомъ отъ обвиненій къ оправданіямъ, отъ упрековъ къ безпокойству, Полина увидѣла съ радостію, что наступилъ срокъ условію ея съ Г-мъ Мюсо, и что она наконецъ снова можетъ возвратиться къ своему скромному и независимому существованію. Кофейная Пале-Рояля до того ей опротивѣла, что она отвергла всѣ блестящія предложенія Г-на Мюсо, чтобы отложить еще на пять лѣтъ ея пребываніе въ его домѣ. Со времени ея вступленья Докторъ Десприсъ такъ выгодно помѣстилъ ея деньги, что они доставляли ей шесть тысячъ франковъ годоваго дохода: этого было слишкомъ достаточно для нея и для Адріена.

Содержатель кофейной, истощивъ передъ Полиною всѣ возможныя обольстительныя предложенія, рѣшился наконецъ употребить покрайней мѣрѣ въ пользу послѣдніе два мѣсяца, которые еще оставались ей пробыть въ кофейной. И такъ чрезъ газеты дано было извѣстіе, что прекрасная лимонадчица покинетъ навсегда кофейную. И вотъ любопытство возбудилось во всѣхъ пуще прежняго; толпа окружила Пале-Рояль; въ кофейной было тѣсно отъ народа, и всѣ спрашивали другъ друга, что за причина, что прекрасная Полина покидаетъ это блестящее поприще,, въ такихъ молодыхъ лѣтахъ: ибо ей было не болѣе двадцати шести лѣтъ.

Въ одно утро, Полинѣ, возвратившейся изъ пансіона, гдѣ былъ сынъ ея, Белла вручила письмо отъ Доктора Десприсъ, который приглашалъ ее къ себѣ обѣдать, прибавивъ, что ему нужно переговорить съ нею о важномъ дѣлѣ. Полина предупредила Г-на Мюсо о своей отлучкѣ, и вручила свои книги и перо женѣ его, которая со времени пребыванія

Digitized by Google

въ кофейной Полины, не слишкомъ охотно заступала ея мѣсто.

Полина застала у Г-на Дестресъ незнакомаго старичка, который уже съ недѣлю былъ усерднымъ посѣтителемъ кофейной Пале-Рояля; она потому болѣе замѣтила его, что онъ, какъ нарочно выбралъ любимое мѣсто Г-на Машьёзена.

— Милая Полина, сказала докторская жена, съ лицемъ, сіявшимъ какою-то таинственною радостію; милая Полина, намъ должно сообщить тебѣ весьма важное дѣло.

Старикъ съ важностію всталъ съ своего мѣста.

— Я пріѣхалъ, сударыня, за тѣмъ, сказалъ старикъ, чтобъ сдѣлать вамъ предложеніе о бракѣ.

Полина покраснѣла отъ этихъ неожиданныхъ словъ, и до того смѣшалась, что уста ея не находили отвѣта.

— Не бойтесь, сударыня, возразилъ улыбаясь старикъ; я не за себя дѣлаю вамъ это предложеніе, но за моего сына.

Полина прервала его отрицательнымъ знакомъ рукою.

— Прошу васъ, сударь, сказала она наконецъ, не называйте мнѣ особы, которой предложенія дѣлаютъ мнѣ много чести: ибо считаю обязанностію объявить вамъ мою непоколебимую рѣшимость никогда не выходить замужъ.

— Не смотря на это запрещеніе я все-таки буду продолжать, отвѣчалъ улыбаясь старикъ. Сынъ мой не богатъ; онъ доставитъ женѣ своей только безбѣдное состояніе — равно удаленное отъ бѣдности, какъ и отъ роскоши. Имя его не безъ блеска; но этимъ блескомъ онъ болѣе одолженъ самому себѣ.

— Я почитала бы себя счастливою, отвѣчала Полина, найти всѣ эти качества въ мужѣ; но повторяю, сударь, я не намѣрена вступать во вторичный бракъ.

— И такъ ваше сердце не свободно? спросилъ съ настойчивостію незнакомецъ.

— Развѣ я обязана отдавать отчетъ въ моихъ тайныхъ чувствахъ? спросила Полина.

— Милая Полина! вскричала Г-жа Дестресъ; за чѣмъ жертвовать своимъ настоящимъ счастіемъ и будущностью цѣлой жизни однимъ пустымъ мечтамъ и воспоминаніямъ.

— И за это именно вы заслуживаете полное уваженіе, прервалъ старикъ. Краснѣя, прошу у васъ прощенія, что осмѣлился испытывать васъ: я Герцогъ Машьёзенъ. Вы вѣрно не откажете въ рукѣ своей сыну моему Густаву.

Digitized by Google

Полина обѣими руками закрыла покраснѣвшее чело. Когда она подняла голову, шотъ, за чье отсутствіе она такъ много пострадала, стоялъ у ногъ ея.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ этого счастливаго вечера, почтовая карета съ четырьмя путешественниками, катилась по дорогѣ въ Данію. Эти четверо путешественниковъ были: Герцогъ, Адріенъ, Полина и Графъ Машьёзенъ, мужъ ея. Они останавливались только въ городахъ для отдыха, и скоро прибыли въ замокъ Графа въ окрестностяхъ Копенгагена.

Въ Европѣ вообще имѣютъ ложное понятіе о свойствѣ Датскаго климата: полагаютъ, что почва Даніи безплодна, и покрыта вѣчными льдами, какъ скалы Шпицбергена. Но это не что иное, какъ смѣшной предразсудокъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ богатыхъ и зеленыхъ луговъ, такихъ живописныхъ мѣстоположеній, такихъ свѣтлыхъ водъ, а въ особенности такихъ могучихъ, величественныхъ лѣсовъ. Бѣлый, зубчатый фасадъ замка Машьёзена, (безподобное зданіе семнадцатаго вѣка), оттѣнялся темною зеленью еловаго лѣса, растущаго на высокомъ холмѣ. Между домомъ и лѣсомъ, то есть на пространствѣ цѣлой мили, простирался огромный садъ съ столѣтними деревьями, и паркъ, изобилующій дичью; наконецъ рѣчка, низподающая широкимъ каскадомъ съ высоты неизмѣримаго утеса, катилась струистою змѣйкою по саду, и исчезала въ морѣ, которое виднѣлось издали съ своимъ необозримымъ горизонтомъ, и полянами, блестящими при лучахъ солнца.

Въ этомъ-то восхитительномъ уединеніи Полина провела все лѣто съ мужемъ, сыномъ и свекромъ. Адріенъ, подъ руководствомъ стараго Герцога, сдѣлался отличнымъ наѣздникомъ и искуснымъ охотникомъ. Густавъ, питая къ мальчику живѣйшую нѣжность, сдѣлался его наставникомъ въ Датскомъ языкѣ, и малютка сдѣлалъ въ немъ такіе значительные успѣхи, что въ его произношеніи во-все не слышно было его чужестраннаго нарѣчія. Окруженная любовью, уваженіемъ, Полина чувствовала себя совершенно счастливою, и каждый день благодарила Бога за свое счастіе.

Наконецъ настала и зима съ своими снѣжными сугробами, безконечными ночами, и глубокимъ уединеніемъ: ибо въ Даніи холодъ зимою такъ жестокъ, что почти нѣтъ возможности выходить со двора. Полина съ удовольствіемъ

Digitized by Google

покорилась этому заштворничеству, и малое свободное время, оставляемое ей заботливою привязанностію мужа и свекра, посвящила музыкѣ.

Однажды утромъ Герцогъ Машьёзенъ вошелъ къ ней.

— Милая дочь моя, сказалъ онъ, мы сей-часъ отправляемся въ Копенгагенъ, не хочешь ли ѣхать съ нами?

— Вы знаете, что всѣ ваши желанія для меня священны, сказала она улыбаясь.

И вставъ послѣдовала за нимъ. Они сѣли въ карету, и пріѣхали въ великолѣпный дворецъ.

— Это одинъ изъ вашихъ домовъ; я забылъ упомянуть объ немъ, сказалъ Герцогъ, улыбаясь, въ свою очередь.

Въ обширной передней толпилась безчисленная прислуга въ богатой ливреѣ. На дворѣ стояла великолѣпная карета, запряженная четвернею безподобныхъ лошадей. Полина вошла въ покои: ее окружило около шести горничныхъ, ожидающихъ ея приказаній. Белла, участвовавшая во всѣхъ сюрпризахъ, отворила дверь въ огромную залу. Удивленіе Полины превратилось въ умиленіе: взорамъ ея представилась богатѣйшая галлерея Фламандской живописи; тутъ былъ и Бродъ Бергема, и Св. Георгій Рубенсовъ.

Она заплакала, и протянула объятія къ мужу.

— Теперь, милый другъ мой, сказалъ этотъ, намъ надобно разсмотрѣть ящики, прибывшіе изъ Франціи, — въ нихъ находятся платья и наряды: ты нынче ѣдешь на большой балъ, на блестящій праздникъ.

— Другъ мой! отвѣчала Полина, умоляю тебя не заставляй меня показываться съ тобою въ свѣтѣ. Я постигаю теперь, вы происходите отъ знаменитой Фамиліи, занимаете здѣсь высокое мѣсто. Не подвергайте меня уничиженію, когда зашепчутъ вокругъ меня и пробудятъ такія воспоминанія въ душѣ, отъ которыхъ я умру съ горести и со стыда, не за себя, а за васъ. Въ Копенгагенѣ извѣстно, я увѣрена въ томъ, что нынѣшняя Графиня Машьёзенъ сидѣла долгое время за конторкой въ Пале-Роялѣ.

— Не безпокойся ни о чемъ, дочь моя; прервалъ Герцогъ довѣрься моей любви и позаботься о своемъ нарядѣ.

Digitized by Google

Чрезъ нѣсколько часовъ послѣ сего, Полина вышла изъ своихъ покоевъ, блистая ослѣпительною красотою. Въ сопровожденіи мужа, свекра и Адріена, она сѣла въ карету, которая остановилась подъ навѣсомъ, освѣщеннымъ тысячью восковыхъ свѣчей; и Полина, по великолѣпной лѣстницѣ, посреди множества другихъ приглашенныхъ, вошла въ пышную, огромную залу.

Швейцаръ доложилъ:

— Его Свѣтлость Герцогъ Машьёзенъ!

— Его Сіятельство Графъ Машьёзенъ!

— Ея Сіятельство Графиня Машьёзенъ!

— Господинъ Шевалье Адріенъ Ванъ-Эйкенсъ!

Всѣ четверо подошли къ знаменитому Вельможѣ, который всталъ, чтобы принять ихъ.

Физіономія этого Вельможи внушала почтеніе; онъ протянулъ Полинѣ руку, и посадилъ ее подлѣ себя.

— Графиня! сказалъ онъ, Герцогъ Машьёзенъ, вашъ свекоръ — мой первый Министръ, разсказалъ мнѣ исторію о вашемъ мужествѣ, и о вашей преданности. По моему соизволенію онъ соединилъ васъ съ своимъ сыномъ; я горжусь, и считаю себя счастливымъ, принимая ко Двору моему — даму столь достойную уваженія и удивленія какъ вы. Душевныя качества ваши превосходятъ даже вашу ослѣпительную красоту. Королева почтетъ себя счастливою, допустивъ васъ въ свое общество, и назвавъ другомъ ту, которая доказала на опытѣ свою высокую добродѣтель.

Королева, самымъ дружескимъ пріемомъ, спѣшила подтвердить слова Короля.

Теперь бывшая лимонадчица, носитъ титло Герцогини Машьёзенъ, который получилъ ея мужъ по смерти отца, и живетъ въ Парижѣ, гдѣ Герцогъ занимаетъ высокую дипломатическую должность. Герцогиня вездѣ извѣстна по красотѣ, уму и по изящной аристократіи своего обращенія.

Когда ея карета, украшенная гербами, проѣзжаетъ мимо Пале-Рояля, то Полина тихонько пожимаетъ руку мужа, который отвѣчаетъ ей тѣмъ же.

Digitized by Google

Въ Булонскомъ лѣсу вы встрѣтите молодаго наѣздника, который съ граціозною ловкостію управляетъ бѣшенымъ конемъ. Онъ почти не отъѣжжаетъ отъ коляски своей матери, которая не спускаетъ съ него глазъ.

Это Адріенъ Ванъ-Эйкенсъ.

Вотъ вамъ, почтенные читатели, исторія Рубенсовой правнучки.

Съ Французскаго.

Опечатки въ статьѣ „о Полиціи“ Москв. N0 7 й.

Стр.	Строка.	Напечатано.	Надо.
150	4 снизу	помѣстится	измѣнится
153	12 ——	мое,	, мое
157	15 сверху	или право	а не право
163	10 снизу	не борьба народа	не борьба частныхъ лицъ, но борьба народа
162	10 сверху	сопряженная	сопряженное

Въ статьѣ о Коперникѣ, (№ 9) на с. 122 Регенсбургъ переставленъ съ Дуная на Рейнъ, на с. 121 Коперникъ посланъ по слѣдамъ Галилея, Кеплера и Ньютона, между тѣмъ какъ онъ имъ предшествовалъ, и на с. 118, въ одномъ мѣстѣ Астроному Маріи Наварръ сообщенъ женскій родъ, благодаря излишнему усердію Г. Корректора.

Digitized by Google

МОДЫ.

»Если въ модахъ есть время совершеннаго застоя, апатіи — то это безъ сомнѣнія Августъ мѣсяцъ, безплодный и сухой, какъ все, что старо, что отживаетъ свой вѣкъ. Августъ уже не лѣто, но однакожь и не осень, и если мало забопится о прошедшемъ, то еще менѣе о будущемъ. Впрочемъ это мѣсяцъ уступчивый и сговорчивый, какъ всѣ переходныя эпохи, и едва-ли есть въ модахъ крайности, которыя могли бы жаловаться на его неперпимость. И такъ забудемъ на нѣсколько недѣль моду, не спанемъ искать нигдѣ — эту истинную, дѣйствительную моду, оригинальную, но граціозную, простую, но щеголеватую, но изящную. Ее нѣтъ ни въ театрахъ, ни въ магазинахъ ... она скрывается и будетъ еще таиться мѣсяца два подъ густымъ покровомъ, котораго, опасаясь прослыть нескромными и слишкомъ любопытными, мы не приподнимемъ прежде времени.«

— Такъ или почти такъ начинаетъ листокъ свой одинъ изъ лучшихъ Парижскихъ журналовъ моды, но вслѣдъ за тѣмъ спѣшитъ оговориться, прибавляя, что можно допустить исключеніе въ пользу городскихъ нарядовъ, и описываетъ слѣдующіе: простое утреннее платье изъ какой угодно ткани съ полу-высокимъ лифомъ, собраннымъ блузою, круглымъ поясомъ и рукавами Amadis; — рединготъ тафтяный цвѣта pensée съ отливомъ: лифъ гладкій рукава цѣльныя; юпка, убранная двумя широкими зубчатыми оборками, обшитыми сверху складками; платье для вечеровъ изъ Индійскаго барежа съ лифомъ открытымъ, корошкими и гладкими рукавами, убранными роскошнѣйшимъ широкимъ кружевомъ. —

— Для шелковыхъ платьевъ лучшій безспорно фасонъ: лифъ полуоткрытый; спинка и рукава гладкіе; отдѣлка рюшированная въ видѣ отворотовъ, начинающаяся сверху плечъ и изчезающая у проймъ, потомъ

Digitized by Google

сходящая на грудь, гдѣ образуетъ открытую букву V и спускается къ поясу по обѣ стороны мыса; юпка гладкая, по которой раскидывается лѣсенка сверху узкая, а книзу широкая и состоящая изъ двухъ рюшей, постепенно разширяясь отъ лифа до низу; середка занята сплошными мелкими буфками изъ одинаковой съ платьемъ матеріи. Эта уборка очень эффектна, особенно на объяринныхъ, двуличневыхъ и хамелеоническихъ шкаяхъ. —

— На болѣе простыхъ платьяхъ, какъ на примѣръ фуляровыхъ, въ Турецкихъ букетахъ довольствуются двумя рядами сплошныхъ мѣлкихъ буфъ изъ той-же матеріи, проходящими по лифу и юпкѣ, но безъ рюша и другихъ отдѣлокъ. —

— Для утреннихъ выѣздовъ обыкновенно употребляется нарядъ простой, но красивый покроемъ. Это — открытый пеньуаръ изъ шелковаго тика, Шведской холстинки, двуличневаго фуляра; шляпка соломенная, широкая, убранная большимъ вуалемъ (вуали опять въ модѣ) или гирляндою изъ незрѣлаго винограда, повиличныхъ колокольчиковъ, смѣшанныхъ съ цвѣтами плюща. —

— Для прогулокъ же шелковые рединготы, лифъ въ видѣ сердца, съ рюшемъ à la bonne femme, рукавами очень широкими съ обшлагами, фасону временъ Людовика XIII, выказывающими голую руку или прикрытую верхнимъ рукавомъ изъ свѣтлой кисеи. —

Описаніе картинки:

— Шляпка гроденаплевая на кулисахъ; платья шелковыя.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Октября 7-го дня, 1843 года.

Цензоръ В. Флеровъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

DATE DUE

AG30 '78

DEMCO 38-297

89012200531

b89012200531a

Digitized by Google

Digitized by Google

89012200531

b89012200531a

Digitized by Google